

СѢВЕРНЫЙ
ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЬ
ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Февраль № 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Демакова, Новый пер., д. № 7.
1894.

057
5583
18942
1602.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 января 1894 года.

AP
50
557
1894
no. 2

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТРАН.
I. — НА РАЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ. (Романъ въ 3-хъ частяхъ). Часть первая. Гл. VIII—XIII Вас. Немировича-Данченко	1
II. — С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ. (Къ 75-ти-лѣтнему юбилею). Статья вторая. Проф. В. Модестова	55
III. — РАЗСКАЗЫ: 1) Бѣдный хорошепскій Боби. Роды Броутонъ. (Съ англійскаго). — 2) Какъ Грынь учился грамотъ? Ивана Франка. (Съ малороссійскаго). — 3) Она улыбается. Г. Зудермана. (Съ пѣмецкаго)	67
IV. — ТИПЫ ПРЕСТУПНИКОВЪ. Антропологическій этюдъ. Проф. Э. Петри	93
V. — СОВЕРШЕННОЛѢТІЕ. Разказъ. Гр. Л. Л. Толстого	123
VI. — ТѢНЬ. Стихотвореніе. Н. Минскаго	136
VII. — ЗАПИСКИ А. О. СМІРНОВОЙ. (Изъ записныхъ книжекъ 1826—1845 гг.). Литературный вечеръ у Смирновыхъ.—Разговоръ о царствованіяхъ женщинъ, о принцессѣ Викторіи, о политическомъ характерѣ англичанъ.—Пушкинъ о свиданіи Николая I съ Робертомъ Овеномъ.—Пушкинъ объ аристократіи и демократіи и о томъ, что такое истинная демократія.—Пушкинъ объясняетъ русскую исторію де-Баранту.—Виземскій и Пушкинъ объ аристократизмѣ Евагелія	137
VIII. — ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О П. П. ЧАЙКОВСКОМЪ. Лароша	175
IX. — ЗАРНИЦЫ. (Разказъ). В. Миклуличъ	187
X. — ИЗЪ ДНЕВНИКА АМІЕЛЯ. Переводъ съ франц. гр. М. Толстой, подъ редакціей гр. Льва Толстого	225
XI. — СЕМЕЙСТВО ПОЛАНЕЦКИХЪ. Романъ. Часть вторая. Генрика Сенкевича. (Переводъ съ польскаго М. Кривошеева).	251

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

I. — ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ: 1) ВОЛГА И БОЛГАРИ. Путевыя замѣтки. VII. Красное и кустарно-ювелирные пздвія. — Городъ Плесъ. — Фабрики Перехотскаго уезда. — Кинешма и пожаръ 1890 года. — Шуйско-Ивановская ж. д. и Вичугскій районъ. — Рышма — Юрьевецъ и солнечное затменіе 7 августа 1887 г. — Упжа и Ветлуга. — Лыковскій промыселъ. — Бабяля сторона. — Отходъ мужиковъ. — Взглядъ ихъ на гражданскія права. — Вліяніе отхожихъ промысловъ. — Пучежъ и булыни. — Лѣсная полоса. — Бѣглый взглядъ на три верховныя губерніи. А. Субботина	1
2) КЪ ГОДОВЩИНѢ СМЕРТИ А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА. (Последніе дни его жизни). А. Фаресова	13
II. — ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Западничество какъ умственная дисциплина. — Фантазія самобытности. — Проектъ о штрафныхъ ротахъ. — Проектъ отмены сельскихъ выборовъ. — Вѣчное движеніе, на взглядъ «Вилепскаго Вѣстника». — Мензелипскій проектъ прекращенія помощи крестьянамъ. — «Волжскій	

712 19-61-6

Вѣстникъ» о вѣлости губернскихъ земскихъ собраній. — Довля гласныхъ въ Уфѣ. — Инцидентъ въ саратовскомъ уѣздномъ собраніи. — «Орловскій Вѣстникъ» о церковно-приходскихъ школахъ въ губерніи. — Новая побѣда Ешпаповской партіи въ Саратовѣ. — Судебное производство по дѣламъ кременчугскаго и александровскаго дворянскаго банковъ. — 25-ти-лѣтній юбилей «Рижскаго Вѣстника» и «Новороссійскаго Телеграфа». Л. Прозорова	19
III. — ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ. XLV. Тяжкія времена въ Соединенныхъ Штатахъ. Кризисъ «богатыхъ» людей какъ предисловіе къ голодовкѣ рабочихъ массъ. — Распространеніе экономическаго кризиса по всему Союзу. — Быстрая отзывчивость населенія на нужды голоднаго люда. — Борьба противъ голода въ Чикаго и сенсаціи, вызываемыя Уплывомъ Стейномъ. — Непрошенный критикъ. — Церкви и призоръ бездомняковъ. В. Махъ-Гаханъ	36
IV. — КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ. А) КРИТИКА. Народничество и либерализмъ. Юзовъ, В. В. и Протопоповъ. — А. И. Скворцовъ. Экономическіе этюды.	54
Б) БИБЛЮГРАФІЯ. 1) Литература. 2) Естествознаніе, медицина и прикладныя науки. 3) Общественныя науки. 4) Книги для дѣтей	62
V. — ТЕАТРЪ. (Текущій репертуаръ). «Рай Земной», комед. г. Карпова. — «Спорный Вопросъ», драма г. Вл. Александрова. — Бенефисъ г. Сазонова: «Первая Муха» — В. Крылова и В. Величко, «Опъ въ отставкѣ» — А. Суворина. Д. Д. К.	73
VI. — ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Съѣздъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова и рѣчь А. Ф. Коппа о судебной экспертизѣ. — Юбилей В. В. Стасова. — Библиотека Тихомирова. — Столѣтіе русскихъ работъ по физикѣ. — Университетъ въ Болгаріи. — Галицкій писатель Иванъ Франко. — Последнія письма Фридриха Ницше. — Шальмель-Лакуръ академикъ. — Новая книга о Ламартинѣ. — Мунэ-Сюлли и его характеристика	83
VII. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Новыя министерскія назначенія. — Рѣчь Н. В. Муравьева. — Государственная роспись на 1894 годъ. — Вопросъ объ пзмѣненіи пріемовъ при взысканіи податей. — Крестьянскія недопмки. — «Московскія Вѣдомости» о «не-государственной» дѣятельности земства. — Письмо орловскаго помещика о «безлюдьѣ». — Проектъ преобразования женскихъ гимназій и прогимназій. — Вопросъ о заработкѣ учительницъ. — † П. А. Гайдебуровъ	99
VIII. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. I. Новѣйшая траги-комедія. — II. Клоуны «мѣропріятій». — III. Вѣдствія Италіи и ея великаго демократа. — IV. Фатальный человѣкъ. — V. «Бѣлые рабы» и «союзы тружениковъ». — VI. Революція или brigantaggio? — VII. Нѣтъ больше дѣтей! Проф. А. Трачевскаго	117
IX. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Н. А. Добролюбовъ. (Статья вторая). Первые шаги Добролюбова на литературномъ поприщѣ. — Полемика къ Галаховымъ. — «Вопросы жизни» Н. И. Пирогова и «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами» Добролюбова. — Прощаніе Кіевскаго Общества съ Пироговымъ. — Журнальныя нападки на Добролюбова. — Письма Судовщикова и Драгоманова. — Самозащита «Современника». — Печатныя объясненія Пирогова. — Кто правъ и кто виноватъ? — Мелкія библиографическія замѣтки Добролюбова и его политическія статьи. — Монтамберъ и Кавуръ. А. Волынскаго	120
X. — КАТАЛОГЪ ИЗДАНИЙ «ПОСРЕДНИКА».	
XI. — КНИГИ, поступившія въ редакцію для отзыва.	

НА РАЗНЫХЪ ДОРОГАХЪ.

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VIII.

Какое для нихъ настало счастливое время!

Судьба какъ будто хотѣла ихъ успокоить, увѣрить другъ въ другѣ. Дни смѣнялись — солнечные, ясные, безмятежные. И то же солнце свѣтило въ ихъ радостныя, ничего большаго не желавшія души. Левъ Самойловичъ разомъ почувствовалъ, будто всѣхъ этихъ десяти тусклыхъ лѣтъ какъ не бывало. Точно вчера еще онъ далъ этой взрослой дѣвушкѣ послѣдній урокъ и сегодня явился для новаго. Они оба свято держали слово. Ни одного намека на любовь у нихъ не вырвалось, хоть въ каждомъ звукѣ голоса у обоихъ, въ каждомъ взглядѣ она сказывалась невольно, незамѣтно для нихъ. Они жили въ одуряющей атмосферѣ пріятнаго самобмана, дышали опьяняющимъ воздухомъ невысказанныхъ и даже, пожалуй, не сознанныхъ желаній. Они такимъ образомъ опять привыкали другъ къ другу, привыкали къ взаимной близости, къ постоянному согласному біенію ихъ сердець, къ странному и пока такъ радовавшему обоихъ совпаденію мыслей и мечтаній. Они не создавали плановъ будущаго — вѣдь они ничего не хотѣли, ничего не требовали отъ него. Имъ довольно было ощущать себя въ неуловимой средѣ невидимыхъ токовъ, средѣ, гдѣ горячіе взгляды ихъ скрещивались, сливались, гдѣ мысль кажется переходила въ движеніе и такъ видоизмѣнила все вокругъ, что имъ и дышалось совсѣмъ не тѣмъ воздухомъ, какимъ дышали другіе, жилось вовсе не такъ, какъ прежде. Иной разъ имъ казалось, что дѣйствительность вчерашняго дня, дѣйствительность сегодняшняя для всего остального міра — отхлынула далеко-далеко подъ напоромъ чего-то новаго, настоящаго.

Незримыя эфирныя волны подхватывали ихъ и, укачивая на своемъ мягкомъ лонѣ, уносили въ волшебный край, гдѣ все имъ улыбалось, гдѣ счастье уже не казалось обманчивымъ призракомъ. И къ тому же — опасенія точно заснули въ ихъ груди; да и чего имъ было опасаться? Ничто нечистое не зарождалось въ ихъ отношеніяхъ. То, что они говорили — они могли повторить при всѣхъ, они даже могли думать вслухъ и знали, что ни одна высказанная мысль не заставитъ ихъ покраснѣть. Имъ нечего было стыдиться и они, какъ дѣти, радовались новому разсвѣту, улыбаясь провожали счастливый вечеръ, зная, что они разлучаются только на эту ночь. Да и не разлучаются! Потому что на зло стѣнамъ — мысли ихъ стальнойвались, сѣречивались, свивались какъ два дыма и такъ уносились въ неоглядную и чистую высь ихъ любви, любви, которую они въ слѣпотѣ своей искренно считали только дружбой. Онъ удивлялся, какъ они ранѣе могли жить иначе, другъ безъ друга? Смѣялись, зачѣмъ они даромъ мучились, когда разгадка сложной задачи ихъ жизни была въ сущности такъ проста? Они вѣрили теперь, безусловно вѣрили одинъ другому, и каждый новый часъ ихъ „дружбы“ еще болѣе укрѣплялъ въ нихъ эту вѣру и она дѣлала ихъ счастливѣе. Отсутствіе довѣрія въ любви, какъ червякъ въ яблокѣ. Какъ бы оно ни было румяно и красиво — въ его сердцѣ смерть... Иванъ Николаевичъ Пригладовъ, видѣвшій все и замѣчавшій, очень радовался новому положенію, созданному пріѣздомъ Свѣтлинъ-Донецкой... „Пускай въ Фауста и Маргариту играютъ сколько имъ угодно, дуракъ я буду, если не воспользуюсь этимъ!“ И дѣйствительно, онъ пользовался. Повѣрить его словамъ, такъ онъ чуть не каждый день получалъ теперь тревожныя телеграммы и письма, дѣлавшія его несчастнымъ и убитымъ. А Левъ Самойловичъ въ радостномъ настроеніи не могъ видѣть печали на чужихъ лицахъ. Притомъ-же всѣ эти телеграммы и письма требовали немедленнаго отвѣзда толстаго художника то въ Петербургъ, то въ Москву для устройства и приведенія въ порядокъ разныхъ слѣсныхъ дѣлъ. Самсонову же никакъ нельзя было выпустить Пригладова. Тотъ былъ громоотводомъ отъ Анны Федоровны. Губернаторская дочь иначе не дала бы влюбленнымъ оставаться вдвоемъ. И поэтому въ руки Ивану Николаевичу попадали чеки, переводы и просто французскія банковыя бумажки, которыя онъ принималъ съ увлажненными глазами и такою величественной благодарностью, что съ нею никакъ нельзя было примирить его восклицаній, когда онъ оставался одинъ.

— Всякій имѣетъ право быть глупымъ, но за это плати умнымъ людямъ. Что бы ты дѣлалъ, Иванъ Николаевичъ, еслибы на свѣтѣ не было дураковъ?

Въ свою очередь онъ себя считалъ вполне честно расплачиваю-

щимся съ Львомъ Самойловичемъ. Еще бы! Если тотъ изображалъ Фауста, а Наталья Григорьевна Гретхенъ до грѣхопаденія—то и Пригладовъ усердно репетировала съ Анной Федоровной роли Мефистофеля и Марты. Надо сказать правду, южное солнце и южное небо Марту привели въ такое опьяненное состояніе, что она уже знать не хотѣла ничего о братѣ Ивана Николаевича съ раздвоеннымъ носомъ. Это Пригладову было на руку, потому что онъ брата выдумалъ, мистифируя Рослякову. Она увлекалась имъ самимъ и цѣлые дни таскала его по дюнамъ и отмелямъ, по врытымъ скаламъ и обнажавшимся при отливѣ рифамъ океана. Пригладовъ на первыхъ порахъ злился, потѣлъ и худѣлъ и мысленно за все это увеличивалъ счетъ Самсонова. Рослякова начала даже находить особую поэзію въ лысинѣ Иванъ Николаевича, а въ его прятавшихся въ щели глазахъ усмотрѣла невѣдомое міру пламя истиннаго генія. Цѣлые часы она просиживала съ нимъ подъ громаднымъ зонтикомъ на берегу, когда онъ набрасывалъ этюды и ругалъ море, какъ извозчикъ, за то, что оно никакъ не поддается его кисти и прячетъ отъ него свѣтовые эффееты. Пригладовъ впрочемъ скоро привыкъ къ ней. А потомъ она даже стала ему необходимой. Ему нравилось сумасшедшее обожаніе этой дуры. Она ото всего приходила въ восторгъ. Взвизгивала отъ каждаго мазка его кисти, кричала „божественно“ и окружала его такою атмосферой искренней лести, такимъ чадомъ восторга, вызываемого его особою, что онъ разъ даже оборвалъ Самсонова, который прошелся мимоходомъ на ея счетъ: „Вы не думайте, она побольше васъ понимаетъ въ искусствѣ, а любить его—какъ вамъ никогда не полюбить. Если бы вы, богатые люди, умѣли такъ цѣнить талантъ, какъ цѣнить подобныя Аннѣ Федоровнѣ непосредственныя натуры—то намъ художникамъ жилось бы легко“... Левъ Самойловичъ на это поинтересовался—продолжаетъ ли она носить фуфайку? Пригладовъ не только съ негодованіемъ отвѣтилъ, что она ея никогда не носила, но и удивлялся, какой это негодяй пустилъ про нее подобную сплетню, забывъ, что счастливымъ авторомъ ея былъ именно онъ самъ.

Не прошло и недѣли—какъ то, о чемъ мечталъ Самсоновъ: одиночество, полное одиночество съ любимую женщиною среди чужой и незнакомой массы—осуществилось. Анна Федоровна забыла, что есть на свѣтѣ Свѣтлинъ-Донецкая, и часто даже за обѣдомъ садилась далеко отъ нея и рядомъ сажала Пригладова. Теперь Натальѣ Григорьевнѣ и Льву Самойловичу не мѣшало никто. Они дѣлали что хотѣли, ѣздили куда имъ вздумается и уходили пѣшкомъ Богъ вѣсть куда отъ своего отеля, зная впередъ, что ничей подстерегающій взглядъ ихъ не встрѣтитъ. Они какъ-то уѣхали въ Біарицъ и остались тамъ на два дня. Свѣтлинъ-Донецкая не нашла въ этомъ ни-

чего предосудительнаго, вѣдь ихъ отношенія были чисты — чего же было ей бояться или прятаться. Они какъ-то собрались и переселились на болѣе долгій срокъ въ Байону, съ утра до вечера бродили по ея древнимъ улицамъ, въ тѣни домовъ, видѣвшихъ закованныхъ въ сталь рыцарей, отдыхали въ прохладѣ старыхъ соборовъ, возносящихся въ самыя небеса свои готическія стрѣлени, любовались ихъ источенными временемъ арками и изъ ихъ тишины и благоговѣйнаго покоя шли подъ высокіе дубы и тополи парковъ, окружавшихъ городъ... Цѣлые часы они бродили, исчезая въ ихъ громаднхъ аллеяхъ, прячась въ нихъ, причеиъ Левъ Самойловичъ не оставлялъ руки Натальи Григорьевны и ей вовсе не казалось страннымъ, когда она безсознательно пожимала эту руку, и только когда она вскрикивала „больно“ — раскрывала пальцы. По этой рукѣ бѣжали къ нему какія-то электрическія струи отъ сердца къ сердцу, и были такія минуты, когда онъ искренно вѣрилъ, что разомкнись рука и токъ оборвется и они оба умрутъ на мѣстѣ. Какъ она безконечно дорога становилась ему! Онъ не понималъ теперь, совсѣмъ не понималъ, какъ всѣ эти десять лѣтъ онъ могъ прожить, не вида ея, не зная, что съ ней, гдѣ она? Теперь — по ночамъ онъ подходилъ къ ея окну, угадывалъ ея тѣнь на занавѣскѣ, садился около и былъ счастливъ сознаниемъ, что тутъ-же за стѣной — она, вѣрно думающая о немъ, какъ онъ о ней. Они до такой степени стали одинаково чувствовать и думать, что даже послѣ паузъ оба въ одно и то же время говорили одну и ту же фразу и не удивлялись, не улыбались этому. Это вѣдь было такъ просто, такъ естественно! Часто, разставшись ночью и разойдясь по своимъ комнатамъ, они выглядывали въ окна, находили другъ друга на ярко озаренной луною стѣнѣ и чуть не до разсвѣта разговаривали. О чемъ? они сами потомъ не могли дать себѣ отчета. Тутъ не въ словахъ было дѣло, въ музыкѣ словъ. Самыя незначущія звучали для нихъ такую чудною мелодіей, какъ будто не губы произносили ихъ, а незримыя, въ сердцѣ протянутыя струны дрожали и пѣли, наполняя все кругомъ сладкими аккордами, еще болѣе кружившими ихъ головы. Часто заговорившись или замолчавшись, рука въ руку они уходили слишкомъ далеко и имъ случалось опомниться, когда кругомъ темнѣло и они наконецъ чувствовали усталъ и невозможность вернуться пѣшкомъ. Они входили въ первое попавшееся жилье, садились отдыхать, нанимали тряскую повозку и смѣялись, счастливые тому, что крестьяне называли ихъ молодыми супругами. Повозка безъ рессоръ отчаянно прыгала по сѣверной дорогѣ. Ихъ бросало другъ къ другу, толкало другъ о друга, и они испытывали каждый разъ блаженную дрожь этихъ случайныхъ прикосновеній и отодвигались краснѣя, нетерпѣливо ожидая, чтобы ихъ опять соединилъ новый толчокъ...

Часто они уплывали въ открытое море. Лунныя ночи кончились. Лодка тонула въ какой-то черной безднѣ, полной безчисленныхъ звѣздъ. Гдѣ были эти звѣзды вверху или внизу? Океанъ лежалъ тяжело, точно свинцовый. Вѣтра не было, волны спали, только когда подымавшаяся вверху рыба гнала по поверхности широкіе круги, звѣзды на водѣ дрожали золотыми зигзагами. Пловцамъ случалось попадать съ лодкою подъ электрическіе отблески вращающихся маяковъ и они нарочно удерживались на мѣстѣ, чтобы влюбленными глазами насмотрѣться другъ на друга... „Вы нехорошо себя чувствуете, вы блѣдны?“ — спрашивалъ онъ. „Также какъ и вы!“ смѣясь чему-то, отвѣчала она. Это такое освѣщеніе... Куда несутъ жалкія скорлупки—они не заботились объ этомъ. Казалось, что на темномъ океанѣ ихъ поддерживаетъ не лодка, а громадныя крылья, что вотъ-вотъ эти крылья взметнутся вверху и унесутъ ихъ далеко-далеко. И страшно, и жутко, и хорошо дѣлалось обонмъ. Такъ страшно, жутко, и хорошо, что, если бы эти черныя крылья вдругъ явились и взвились-бы съ ними въ такую-же звѣздную глубину неба, они-бы не употребили ни малѣйшаго усилія остаться здѣсь, внизу. Они тѣшились, какъ дѣти. Подъ свѣтомъ маяка разбрасывали тысячи брызгъ кругомъ и радовались, когда онѣ, сверкнувъ на одно мгновеніе радужнымъ бриллиантовымъ блескомъ, падали и умирали въ недвижной влагѣ. Имъ казалась завидною участь этихъ брызгъ, также хотѣлось-бы блеснуть ярко-ярко и безшумно умереть, слиться съ чудною природою, чудною потому, что она вся была напоена ихъ любовью, ихъ радостью, ихъ нѣжностью, ихъ лаской... Въ самомъ дѣлѣ, теперь все для нихъ получало особенное значеніе. Легкое дыханіе вѣтерка, шумъ океана, плескъ рыбы въ его глубинахъ, скатившаяся звѣздочка, шелестъ дерева надъ ихъ головами, всполохнувшаяся птичка, цвѣтокъ, точно навстрѣчу имъ раскрывшій свой улыбающійся вѣнчикъ. Когда этотъ вѣтерокъ чуть касался лица Самсонова — Левъ Самойловичъ улыбался. „Чему вы?“ спрашивала Наталья Григорьевна, ревнивая къ его нераздѣленной съ нею мысли. „Чему вы?..“ — Такъ этотъ вѣтерокъ... Нѣжно, какъ вашъ локонь, дотрагивается до лица“. Когда океанъ шумѣлъ, они оба разгадывали о чемъ онъ? и вдругъ Левъ Самойловичъ начиналъ импровизировать, переводя шумъ волнъ на поэтическій языкъ старыхъ легендъ. Океанъ рассказывалъ о древнихъ викинггахъ-норманахъ, переплывавшихъ съ далекаго сѣвера къ теплomu югу его бездонныя бездны, о материкахъ, когда-то подымавшихъ здѣсь къ самому небу свои вершины, о ихъ счастливыхъ городахъ — теперь спрятанныхъ далеко-далеко подъ эти все уравнившія волны... И сами волны не даромъ такъ неслись къ нимъ: имъ было досадно, что между Нереидами у стараго ворчливаго Нептуна нѣтъ ни одной такой, какъ она, и они ревниво

набрасывались на ихъ лодку, чтобы отнять у Самсонова его... друга, его Наталью Григорьевну... Или волны плакали, что они не могутъ коснуться ея ногъ, имъ было больно, когда онъ цѣловалъ ея руку, они негодовали и вспѣенныя ревниво бросались на борта, швыряли брызгами прямо въ его счастливое лицо... Звѣздочка упала съ неба, огнистый слѣдъ оставила на мгновение и погасла... Нѣтъ не погасла, онъ чувствуетъ ее у себя въ сердцѣ—она тамъ теперь свѣтится и блещетъ, и дрожить, и это не звѣздочка—а взглядъ Натальи Григорьевны... „Какія фантазіи!“ смущенно отвертывалась она и въ то же время чувствовала, что безъ этихъ фантазій ей была-бы теперь жизнь не въ жизнь, что онѣ стали для нея всѣмъ, кровью, которая переливалась по ея жиламъ, воздухомъ, которымъ она дышала. Дерево шелестило надъ ними тоже не даромъ. Оно смѣялось надъ Львомъ Самойловичемъ, которому ни съ того ни съ сего пришла глупая идея стать на колѣни и поцѣловать землю, по которой ступила ея ножка. И вѣдь ухитрился въ сумракѣ отыскать слѣдъ ея ботинки!.. Какъ-же было не смѣяться дереву, каждымъ своимъ листкомъ, не полыхаться птичьѣ, видѣвшей все это и удивившейся, что на свѣтѣ еще есть такіе сумасброды, такіе безумцы. Цвѣтокъ?.. Онъ не даромъ раскрылся. Левъ Самойловичъ увѣрялъ, что мгновение назадъ, онъ былъ свернутъ... Наталья Григорьевна вскользь взглянула на него и онъ вдругъ выпустилъ свои благодарныя, благоухающіе лепестки и не только выпустилъ—а „посмотрите, оглянитесь, онъ какъ живой повернулся и смотритъ вамъ вслѣдъ. Тянется за вами на стеблѣ своемъ, проситъ сорвать его и заколотъ въ ваши волосы. Неужели вы не сдѣлаете этой милости бѣдному цвѣтку?“ Самсоновъ срывалъ его и дрожащею, неловкою отъ волненія рукою едва-едва вкалывалъ его въ ея свернутую косу...

Часто они оставались въ морѣ до разсвѣта и возвращались въ сказочномъ царствѣ рубиноваго блеска, точно они были не на землѣ... И океанъ, и небо, и скалы—все млѣло и сіяло, все тонуло въ розовомъ свѣтѣ и только просыпавшееся солнце чуть-чуть надъ самымъ горизонтомъ поднимало краешекъ пламенной золотой короны.

— Какая счастливая ночь! — прощаясь, говорилъ онъ.

— Какая счастливая ночь! — тѣми-же словами отвѣчала она.

И они даже не замѣчали этого, а благодарно, пристально смотрѣли другъ на друга, съ мыслью, что ихъ глазамъ сію минуту нужно будетъ оторваться отъ другихъ милыхъ глазъ, что нѣсколько часовъ имъ не придется быть вмѣстѣ, этимъ взрослымъ дѣтямъ, этимъ настоящимъ, хорошимъ друзьямъ, и только друзьямъ!

— Слышите... Я хочу сниться вамъ все время, пока вы не проснетесь...—говорила она ему.—А завтра вы мнѣ расскажете объ этомъ.

И они расходились цѣломудренныя, чистыя, спокойныя за свое завтра...

IX.

Наталя Григорьевна стала замѣчать, что подъ вліаніемъ счастья она и наружно измѣнялась. Холодные и гордые глаза ея сіяли мягче и нѣжнѣе. Она такъ привыкла смотрѣть на Льва Самойловича, что, не измѣняя того-же ласковаго выраженія, и на весь остальной міръ глядѣла съвозъ розовый отсвѣтъ своей первой весенней зари. Все улыбалось ей и она, порою даже безпричинно, всему улыбалась сама. И характеръ ея поддался. Прежде она была слишкомъ величава, даже неподвижна. Теперь ей хотѣлось смѣяться, шалить; часто съ террасы отеля чопорныя англичанки, негодуя, смотрѣли, какъ она съ Самсоновымъ бѣгаютъ по берегу, перескакивая со скалы на скалу, съ камня на камень; ей случалось промахнуться, попасть въ воду, и она бѣжала домой, радостная и мокрая, переодѣться и опять вернуться къ тому же мѣсту. Она и поздоровѣла въ это время. Не то, чтобы прежде она была больна—нѣтъ. Но теперь съ ея лица исчезла блѣдность, которую весь Петербургъ носитъ на себѣ какъ клеймо Каиново. Оно горѣло румянцемъ и часто она чувствовала какой-то странный приливъ силы, которую некуда было дѣвать, когда кажется воздуху кругомъ было недостаточно, несмотря на весь морской просторъ, чтобы наполнить ея расширяющуюся грудь. Она и прежде ходила по-мужски, ступала ровно, твердо и красиво, позволяя только тонкому стану слегка колыхаться. Теперь же и Льву Самойловичу часто случалось уставать, когда она еще только, что называется, входила во вкусъ прогулокъ. Она, не утративъ стройности и гибкости, нѣсколько округлилась, такъ что въ плечахъ и въ груди платье ей уже дѣлалось узко и ей пришлось заказать себѣ нѣсколько новыхъ костюмовъ въ Байонѣ. Она выучилась грести и смѣняла Льва Самойловича, когда тому надоѣдало работать веслами. Она такъ быстро усвоила себѣ это немудреное искусство и такъ ловко управлялась съ рыбачьими челноками, что мѣстные контрабандисты, встрѣчая ее въ морѣ, кричали ей, смѣясь, издали: „здорово, товарищъ!“ Она привѣтливо кивала имъ головою, потому что въ эти дни — любила весь міръ съ каждымъ его дыханіемъ. Все кругомъ являлось прекраснымъ и ей казалось, что и этотъ „весь — остальной міръ“ платитъ ей тою-же монетою, любить ее и желаетъ ей счастья. Теперь часто она брала лодку одна и уплывала далеко-далеко. Море было спокойно. Она складывала весла, ложилась на дно, забросивъ красивыя ружья подъ голову, и сама не знала, о чемъ думала въ такія

минуты. Ей просто было хорошо. Она всёми своимъ сильнымъ тѣломъ ощущала чисто физическое благополучіе жизни. Ей пріятно было сознавать, что ее никто въ эту минуту не видитъ, вспоминать о любимомъ человѣкѣ, догадываться, что тотъ, не замѣтивъ ее въ бинокль за бортами лодки — волнуется и вѣрно уже, какъ орелъ крыльями, раскидываетъ веслами другого челнока, чтобы настичь ее и убѣдиться, что съ нею ничего не случилось, что она жива, здорова, весела и... и также дружески думаетъ о немъ, какъ думала вчера, третьяго дня. Опрокинувшись навзничъ, со дна этой лодки она пристально глядѣла въ синюю глубь надъ собою, въ высь, манившую ее въ таинственную безконечность... Борты исчезали изъ ея глазъ, она переставала слышать жалобу волнъ, тихо колыхавшихъ ее или жадно лизавшихъ своими пѣнистыми языками ея челнокъ. Она видѣла только небо, одно небо; она упорно хотѣла разгадать его вѣчную даль и чѣмъ больше она смотрѣла въ него, тѣмъ яснѣе ей казалось, что она снизу и это небо сверху сближаются, что разстояніе между ними все болѣе и болѣе пропадаетъ, что она уже не на лодкѣ, а несется, падаетъ, въ эту голубую бездну, что ее уже ничто удержать не можетъ и... она въ жуткомъ порывѣ схватывалась за край челнока, садилась и осматривалась, точно въ первый разъ видя зеленоватое море, мѣрно катившееся ей на встрѣчу, сизыя или лиловыя скалы берега и громадный лежавшій на немъ отель... Она брала весла и отплывала далѣе и смѣялась, слыша, какъ тамъ звонили къ завтраку, представляя себѣ недовольное лицо священнодѣйствовавшего за столомъ метръ-д'отеля, проникнутаго въ эти минуты чуть-ли не сознаніемъ своего божественнаго назначенія и только помаваніемъ бровей управлявшаго цѣлою арміею лакеевъ. Наталью Григорьевну и Льва Самойловича онъ не любилъ. Они не знали, что значить „прийти во-время“ и являлись или слишкомъ рано, или поздно и требовали ѣсть, не слушая возраженій и ссылокъ на расписаніе. И притомъ аппетитъ у нихъ у обоихъ былъ адскій. Они жили и ѣли здоровыми людьми, смѣясь между собою подъ удивленными взглядами выкормленныхъ на леюмахъ француженокъ. Ихъ обоихъ за ростъ — кака-то парижская синица прозвала патагонскими великанами, хотя всё ея жидконогіе воробы, съ зачесанными вверхъ усами и преждевременно яснѣвшимъ темнемъ, жадно смотрѣли на эту красивую патагонку. По утрамъ и Наталья Григорьевна и Левъ Самойловичъ купались. Они не оставались, какъ всё, у берега. Имъ смѣшна была эта западная манера стоять въ водѣ по колѣна и прыгать черезъ гребни набѣгавшихъ волнъ. Они уходили далеко и тамъ, раскинувъ сильныя руки, плавали, мѣрясь съ напоромъ уругихъ валовъ океана, смѣясь имъ, когда они хлестали ихъ своей пѣною и только жмурясь, когда вѣтеръ сильными порывами срывалъ

съ волны гребень и брасаль его въ ихъ оживленныя лица. Впрочемъ море рѣдко злилось на этихъ счастливецъ. Оно подхватывало ихъ на гребни и хребты и точно на ладони подбрасывало ихъ вверхъ и уносило вмѣстѣ съ валами то къ берегу, то отъ берега. Наталья Григорьевна страстно полюбила море. Она называла его „своей стихіей“. Ей казалось, что она родилась въ немъ. Еще переодѣваясь въ купальный костюмъ въ тѣсной кабинкѣ, она уже чувствовала странный приливъ бодрости и веселости. Набросивъ на себя голубой мохнатый пеньюаръ, она бѣжала къ отмели, на которой уже раскидывались бѣлыя кружева легкаго прибоа. Она съ чисто животнымъ удовольствіемъ ощущала подъ своей босою ногой его податливый и въ то-же время твердый песокъ. Когда первая разномна разостлавшейся по всему берегу волны, шпиа и пѣнясь, бывало защечочегъ ея ногу — она смѣялась, сама не зная чему. Бросивъ пеньюаръ на руки бородатому „морскому мужику“, какъ его вазывала дѣвица Рослякова, стремглавъ бѣжала въ самую глубь, чувствуя невыразимое наслажденіе, когда соленая влага все выше и выше просачивала ея костюмъ, освѣжала ея грудь, холодкомъ пронизывала плечи и шею и, точно приподымаясь, цѣловала ее въ самыя губы. Она ныряла, оставалась долго подъ водою, борясь съ какою-то силою, которая изъ-подъ низу, изъ моря старалась выкинуть ее наверхъ. Она кидалась на дно, желая захватить въ горсть песокъ, чистый и яркій, какъ золото, но море упруго отбивало ее прочь, и она только безсильно разбѣкала воду, не доходя до дна. Потомъ она, замѣтивъ издали смоешную, но все-таки вудлатую голову Льва Самойловича, плыла къ нему, какъ можно далѣе забрасывая руки и чувствуя, какъ грудь ея съ силою рѣжетъ напирющія на нее волны... Онѣ шипѣли кругомъ, пѣнились, захлестывали ей глаза, носъ. Часто соленая влага попадала ей въ ротъ, она ничего не замѣчала и, догнавъ только Самсонова, опрокидывалась на спину и, раскинувъ руки, отдыхала на нѣжной влагѣ, чуть-чуть покачивавшей свою драгоценную ношу. Она старалась дѣлать опыты: сколько времени можетъ пробыть подъ водою... Опускала въ нее голову и чувствовала черезъ нѣсколько секундъ, что ея грудь и темя жмутъ точно желѣзные тиски. Она отрывала въ водѣ глаза и привыкала уже смотрѣть въ ней и видѣть. Вонъ гладкій какъ паркетъ песокъ. По немъ скользнула длинная черная извилистая тѣнь. Должно быть между дномъ и солнцемъ проплыла какая-то рыбка. Большая тѣнь, это отъ нее, отъ Натальи Григорьевны... Круглое что-то: она осторожно дотрогивается до него ногой и ощущиваетъ крупный камень и становится на него, выходя изъ воды, а вода, весело блестя на солнцѣ, шипящими струйками сбѣгаетъ съ нее, со всей внизъ, и новыя струи отовсюду ласкаются къ ней, колышутся

кругомъ, всплескиваются. Когда она купалась во время прилива и вода билась у самой террасы отеля, она отыскивала на днѣ большое желѣзное кольцо, къ которому обыкновенно въ отливы привязывали лодку. Схватясь за него — она удерживалась въ водѣ и, открывъ глаза, смотрѣла сквозь нее на казавшееся отсюда тусклымъ свѣтовое пятно солнца, на морщинки и складки, бѣжавшія по поверхности моря, и на воздушные пузырьки, вскипавшіе на немъ и лопавшіеся подъ лучами... Часто у самаго кольца она ловила неосторожнаго, маленькаго краба и играла съ нимъ, выхватывала его изъ воды, любовалась его смятеніемъ, смѣялась, когда животное подымалось на ея ладони на всѣхъ своихъ ножкахъ и суетилось и, добравшись до края, шлепалось въ море. Она опять его вытаскивала оттуда и потомъ вдругъ, охваченная жалостью къ нему, осторожно опускала его на старое мѣсто и смотрѣла, какъ онъ заползаль подъ кольцо и оттуда, прикрытый имъ, грозилъ кому-то своими крохотными клешнями. Часто она съ Самсоновымъ уплывала къ скалѣ — куда въ первый-же вечеръ своего приѣзда она сдѣлала съ нимъ оставшуюся ей памятную прогулку. Они, смѣясь, прозвали эту скалу — „алтаремъ клятвы“, но въ ихъ смѣхѣ проглядывало искреннее чувство умиленія и восторга передъ тѣмъ, что они такъ свято и чисто сдумали сложить свои трудныя отношенія. Они отдыхали на этой скалѣ. Отдирали отъ нея черныя присосавшіеся къ ея старому каменному тѣлу раковины и пускали ихъ на дно. Изъ расщелинъ этого утеса часто выскакивали какія-то длинныя, какъ змѣи, рыбы и, извиваясь, исчезали въ глубинѣ моря. Сначала Наталья Григорьевна пугалась ихъ, но потомъ, когда привыкла, онѣ возбуждали только ея любопытство. Если-бы она знала, что такая рыба можетъ прокусить ей руку, она-бы относилась къ нимъ осторожнѣе. Зато она никакъ не могла побѣдить своего страха къ колоссальнымъ водившимся тутъ омарамъ. Когда громадныя темносѣрыя съ пятнами клешни ихъ чуть шевелились въ водѣ, еще болѣе увеличенныя ею, Наталья Григорьевна проворно убирала свои ноги, не замѣчал, что рядомъ Левъ Самойловичъ, ея „другъ“, и только „другъ“, жадно любитъ ими, ихъ молочной бѣлизной, ихъ художественными линіями и едва одолеваетъ желаніе прижаться къ нимъ губами. Потомъ съ громкимъ смѣхомъ она кидалась со скалы въ воду и быстро плыла къ берегу. Самсоновъ слѣдовалъ за нею, тоже чему-то безпричинно смѣясь... Этой сцены не пропускалъ извѣстный французъ-скульпторъ. Онъ не уходилъ съ берега, пока Наталья Григорьевна не скрывалась въ своей кабинѣ, и заносилъ въ память всѣ удивительныя линіи ея прекраснаго тѣла, которое онъ называлъ величайшимъ и изящнѣйшимъ воплощеніемъ силы, ловкости, здоровья, красоты и жизни... Наталья Григорьевна одѣвалась быстро и свѣ-

жая, цвѣтущая, дышущая полнотою радости, выходила оттуда на солнце и долго передъ завтракомъ гуляла по тому же берегу — любясь своимъ вторымъ другомъ — моремъ... Къ полудню оно дѣлалось изумительно по колориту. Всѣ переливы изъ синяго въ голубой, изъ голубого въ зеленый, изъ зеленого въ желтый одѣвали его такимъ тонкимъ „changeant“, что не одна щеголиха съ завистью смотрѣла на чудную мантию океана. Когда по его поверхности бѣжала мелкая рыбъ подѣ солнцемъ, издали казалось, что надъ этою мантией океанъ одѣлъ сегодня золотую кольчугу. Передъ бурю въ его волнахъ часто играли неуклюжіе, черные дельфины. Свѣтлинъ-Донецкая жадно слѣдила за нырями ихъ круглыхъ тѣлъ, за вскакивавшимися вверхъ брызгами и съ оживленною улыбкою бросала Льву Самойловичу: „Ну, сегодня насъ будетъ качать!“ — А что? — „Вонъ показались — герольды бури!“ И дѣйствительно они никогда еще не обманывали. Они какъ авангарды грозы бѣжали впереди ея, предупреждая все живое — прятаться на берегъ или на дно... Не пройдетъ бывало и часу — какъ зеленныя стѣны ходятъ по морю, какъ валы стальнойваются и разбиваются; тучи, неизвѣстно откуда нахлынувъ на ясное небо, сливаются вдали съ бушующимъ океаномъ и солнце напрасно старается раскинуть между ними свои примиряющіе лучи. Скоро тучи закрывали и его, и тогда все кругомъ отдавалось во власть торжествующему урагану. Вѣтеръ ревѣлъ отовсюду и рылъ бездны въ податливой стихіи, громоздилъ на ней горы надъ горами, выдался въ бѣшеныхъ порывахъ на вздрагивавшія скалы, несъ на нихъ цѣлыя облака брызгъ и пѣны, закутывалъ утесы съ головою въ бѣлыя саваны, обернувшись клубами разъяренныхъ волнъ вносился въ гроты и подѣ его ударами тамъ изнутри трепетала земля; отъ страха, дребежжали окна и двери отеля, и дождь рѣзко, ударами тысячи хлыстовъ, сгонялъ съ террасы въ душныя комнаты смятенныхъ людей. Наталья Григорьевна и Левъ Самойловичъ, одѣвъ свои непромокаемыя пальто, шли на скалы и по часамъ — найдя надежное мѣсто, отбуда бы ихъ не снесло въ бушующія пропасти — оставались въ соленыхъ брызгахъ и пѣнѣ, казалось не взбивавшихся снизу, а падавшихъ цѣлыми водопадами изъ самыхъ нѣдръ бессмысленно бѣжавшихъ съ сѣвера на югъ тучъ.... Часто эти тучи подѣ ударами ослѣпительныхъ мечей солнечнаго свѣта разрывались, и тогда небо разверзалось надъ Свѣтлинъ-Донецкой. Она въ нежданномъ блескѣ чувствовала Бога и весь громадный океанъ внизу вдругъ въ самомъ ужасномъ пароксизмѣ своего бѣшенства и злобы вспыхивалъ и горѣлъ подѣ всемогущимъ взоромъ Господа силь... Горѣли радужными переливами разливы пѣны, сверкали сапфировымъ сіяніемъ выгнутые и куда-то уносящіеся хребты

безумныхъ волнъ и отвѣчивались аметистовымъ блескомъ обнажившіяся изъ-подъ воды мокрая скалы... Но Божество опять закрывало свое слѣпящее око, и океанъ въ полутьмѣ и грохотѣ, въ пѣнѣ и хаосѣ неся стремглавъ на испуганную и притихшую землю. Несся, влача за собою тысячи таинственныхъ бѣлыхъ призраковъ, будто просыпавшихся на днѣ его. И они подымались надъ его ревущими пастями, широко въ влажномъ воздухѣ раскидывали сквозные бѣлые рукава своихъ савановъ, полотнища своихъ погребальныхъ одеждъ и, гонимые вѣтромъ, тоже стремились на потемнѣвшій берегъ... Часто со скалы Наталья Григорьевна и Левъ Самойловичъ видѣли далеко-далеко мелькающій пароходъ, котораго буря ставила то на корму, то на носъ... Жалкая скорлупка смѣло боролась съ непогодой и исчезала въ ея смятенной глубинѣ... для чего... Можетъ быть для торжества, а то и для смерти. Разъ мимо самой скалы, на которой сидѣли они, ураганъ въ самыхъ нѣдрахъ какого-то бѣшеннаго миража пронесъ рыбацью лодку. Откуда ее оторвало?.. Мачта была сломана, какая-то красная тряпка болталась у борта, зацѣпившаяся за его гвоздь или перекладину... На палубѣ людей не было... Вѣрно ихъ слизала внезапно набѣжавшая волна и океанъ похоропиль на дно. Вѣтеръ пѣлъ имъ отходную, тучи плакали надъ ними и потревоженные ими бѣлые фантомы еще шире и выше отчаянно вскидывали чуть не до самаго неба бѣлые рукава и полотнища своихъ савановъ...

X.

Когда всѣ окрестности были исхожены и извѣзжены, Левъ Самойловичъ и Наталья Григорьевна начали вдвоемъ болѣе далекія поѣздки. Испанія отъ Віарица въ двухъ шагахъ. Они уже побывали въ Ирунѣ и Фуэнтарабѣи, любясь ихъ старыми, словно закованными въ желѣзо балконовъ и мираторовъ улицами, тѣсными до того, что Самсоновъ съ Свѣтлинѣ-Донецкой должны были идти одинъ за другою, да и то убирая локти, какъ бы не толкнуть корзину съ виноградомъ, выставившуюся изъ окна лавки, или не ушибиться о затѣйливый переплетъ мушарабѣи. Дома на этихъ улицахъ были высокіе—нѣкоторые этажей въ семь и восемь, и оканчивались выступами крышъ, почти сходящихся съ противоположными, такъ что небо голубѣло между ними едва замѣтною узенькой полоской. Часто вся улица была въ домахъ, сохранившихъ свои лѣтъ пятьсотъ тому назадъ выстроенные фасады со щитами давно угасшихъ фамилій, съ геральдическими изваяніями. Такіе дома часто казались совсѣмъ слѣпными. Всѣ ихъ комнаты выходили внутрь, наружу только подъ крышей чернѣлъ рядъ и то не оконъ, а скорѣе арокъ, на которыхъ покоились выступающія балки

кровли. Случалось посреди такого слѣпного фасада зіяло одно громадное окно, величиною съ добрыя ворота въ грубой старинной скульптурѣ, съ великанами по сторонамъ, скорѣе похожими на медвѣдей, съ давно истертymi гербами, сплошь закованное въ желѣзную рѣшетку, выступающую на улицу мрачнымъ ящикомъ. Будто на зло этой старинѣ, за балконами улыбались нашимъ путешественникамъ красивыя жезскія лица, слышался оттуда дѣтскій смѣхъ, веселая пляска, а иногда меланхолическія ритурнели гитаръ и словно вздыхающая о незапамятной старинѣ баская пѣсня, дикая и прелестная, какъ цвѣтокъ, выросшій на волѣ въ лѣсу, безъ всякаго ухода, и струящій вамъ на встрѣчу по вѣтру свое незнакомое благоуханіе. Они останавливались передъ причудливыми дворцами, покрытыми словно чешуей барельефами, то воспроизводившими легенду о Роландѣ и Карлѣ Великомъ, то въ наивныхъ фигурахъ первобытнаго искусства передававшими сказанія о битвахъ христіанъ съ маврами... Вездѣ весело журчали фонтаны подъ памятниками, младшій изъ которыхъ восходилъ къ временамъ Изабеллы Католической.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ Левъ Самойловичъ и Наталья Григорьевна добрались до Санъ-Себастьяна... Санъ-Себастьянъ — совсѣмъ не испанскій городъ; онъ оевропеился до того, что любители иберійскихъ особенностей и цѣнители пиренейской оригинальности — бѣгутъ изъ него, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ. Но для Свѣтлинъ-Донецкой и Самсонова въ ихъ радужномъ настроеніи все представлялось прекраснымъ. Да иною и не могла быть чудная зеркальная бухта этого города, запертая зеленѣющимъ островомъ и далеко въ морѣ утонувшими горами, на которыхъ изъ счастливыхъ и густыхъ рощъ поднимаются къ самому небу древніе замки. Круглыя башни ихъ такъ красивы на голубомъ фонѣ, внизу море такъ сладострастно ластится къ убаюканной имъ землѣ, что если-бы тутъ не было свѣжихъ и чистыхъ улицъ, очаровательныхъ виллъ, словно замороженныхъ садовъ, то все-таки самый избалованный взглядъ могъ-бы удовлетвориться одною этою чудною картиною затеряннаго въ самомъ уголѣ Атлантическаго океана — баскаго захолустья. Самсоновъ и Наталья Григорьевна долго ходили по Санъ-Себастьяну, пообѣдали въ какомъ-то маленькомъ ресторанчикѣ, причѣмъ отвратительное кислое вино, выдаваемое за самый настоящій „вальдепеньясъ“, и рыба, приготовленная на скверномъ оливковомъ маслѣ, привели ихъ въ еще лучшее состояніе духа. По крайней мѣрѣ они отъ души хотали надъ серьезностью толстаго баска, сервировавшего имъ этотъ отвратительный завтракъ. Потомъ, когда наступилъ вечеръ и солнце за вершинами горъ и за ихъ замками раскинуло на полнеба свой пламенный ореолъ, они вдвоемъ отправились на берегъ налѣво, гдѣ стояли бѣлые па-

вильоны съ золочеными королевскими коронами на вышкахъ и гордыми гербами обѣихъ Кастилій и Леона на полотнищахъ, а спереди разстилался чистый и ровный пляжъ, на которомъ игралъ въ это время среди своего почтительнаго двора бѣлокурый и золотушный ребенокъ, настоящій король Испаніи. Къ нему подходили толстые и важные люди — низко склоняли передъ нимъ свои сѣдые, утомленные долгою службою родниѣ головы, а онъ, смѣясь, протягивалъ имъ для поцѣлуя маленькую веснучатую руку, слабую, чтобы удержать лопату съ землей, но достаточно сильную, какъ они думали, чтобы править цѣлою страною. Онъ нагородилъ груды песка кругомъ, строя какую-то крѣпость, причеиъ отъ него ни на шагъ не отходили два старыхъ и сильныхъ матроса, босые, съ открытыми головами, и полная, похожая на черную индюшку, дама, — нянька съ безчисленными титулами, восходившими чуть не до Тубала, Каинова сына — родствомъ съ которымъ, кажется, нечего было-бы уже очень гордиться. Вдали сидѣла королева-регентша, слѣдя за своимъ сыномъ печальнымъ взглядомъ. Эту печаль угадала Наталья Григорьевна, всматриваясь въ ея лицо. О чемъ думала эта одинокая женщина, стоявшая съ своимъ ребенкомъ, безцвѣтнымъ и слабымъ, среди цѣлаго хаоса партій, въ кипѣни разлада и борьбы, раздиравшихъ несчастную Испанію. Угадывала-ли она роковую судьбу, ожидающую этого провиденціальнаго малютку, или видѣла на его блѣдномъ и анемичномъ лицѣ, въ его красныхъ вѣкахъ и рѣденькихъ завивающихся волосахъ слишкомъ грустное сходство съ его отцомъ, явившимся съ парижскаго бульвара въ страну, гдѣ онъ родился, но которую не зналъ, до смерти не могъ понять, да если-бы и попялъ, ничего-бы для нея не сдѣлалъ, потому что для этого у него не было ни ума, ни воли, ни такта, ни хитрости, ни смѣлости. Онъ до конца оставался добрымъ малымъ, гаменомъ, мѣсто которому было на углу Rue de l'Opéra и бульваровъ въ какомъ-нибудь Café de la Paix, а никакъ не въ мадридскомъ дворцѣ, на высочайшемъ тронѣ, послѣ Господняго, какъ говорятъ испанцы. Онъ, впрочемъ, утомленный этикетомъ и окаменѣлыми преданіями Palacio Real, не переставалъ вздыхать о Mabile и другихъ счастливыхъ преданіяхъ его юности. Маленькія инфанты — сестры короля ребенка, подходили къ нему, угодливо служили будущему своему повелителю, а онъ вдругъ ни съ того, ни съ сего всакивалъ на плечи старому матросу и, какъ настоящее дитя, требовалъ, чтобы тотъ везъ-бы его на себѣ черезъ воду... Матросъ — большое и доброе животное — послушно входилъ съ нимъ туда. Не отзови его королева, тотъ навѣрное утонулъ-бы, исполняя желаніе своего крошечнаго властелина. Наверху, на крутизнѣ спуска стояли, точно изваянія, карабинеры въ бѣломъ, черномъ и красномъ, залитые въ золото придворные, офицеры королевской гвардіи и каза-

лось, не только они, но и весь міръ существуетъ для удовольствія маленькаго Альфонса. Волны жизни и ея бури разбивались далеко—у толстыхъ стѣнъ дворцовъ; вокругъ него все было такъ тихо, мирно и прекрасно. Бѣдный король, счастливый ребенокъ! Его увѣрили, что нѣтъ сердца, которое-бы не билось для него, нѣтъ души, его не любящей, нѣтъ челоуѣка, не готоваго умереть по одному знаку его маленькой и блѣдной ручки—ручени сына истаскавагося отца и бользенной матери. А вдали, въ Кадиксѣ, въ Андалузіи, въ Коруньѣ, въ Гихонѣ уже подымались волны народной бури и, можетъ быть, вонъ эта лодка, которая такъ спокойно замерла на сапфирномъ заливѣ, скоро окажется единственнымъ спасеніемъ бѣдному королю-малютѣ... Бѣдному королю! Да! И даже когда негодующій народъ, утомленный воровствомъ и преступленіями Мадрида, подымался и какъ ураганъ ревѣлъ на площадяхъ Санъ-Себастіана подъ выстрѣлами Guardia Civil,—ребенка увѣрили, что это ему кричатъ vive, и онъ порывался къ балкону, чтобы издали поклониться толпѣ.

Когда солнце погасло за горами, королева-регентша поднялась. Короля подхватили на руки и внесли на обрубъ берега. Его усадили въ ландо, блестящая конная гвардія, съ эскадрономъ карабинеровъ впереди окружила его, и весь этотъ яркій, пестрый миражъ быстро пронесся къ волшебному, окутанному темною чашей садовъ Мирамару... Ночь здѣсь наступаетъ скоро. Самсоновъ и Наталья Григорьевна потемнѣвшими улицами пошли на станцію желѣзной дороги; но та оказалась заперта. Они встрѣтили какого-то грязнаго носильщика и къ крайнему удивленію узнали, что послѣдній поѣздъ ушелъ полчаса назадъ.

— Онъ долженъ только теперь отходить...

Тотъ вытаращилъ на нихъ глаза.

Самсоновъ опомнился и покраснѣлъ.

— Наталья Григорьевна! Вѣдь это я виноватъ.

— Почему?

— Не сообразилъ—простите. Отсюда поѣзда уходятъ по мадридскому времени, а въ Біарицѣ — по парижскому.

Она засмѣялась. Ей такъ было все равно. Здѣсь-ли оставаться или въ Біарицѣ. Надо было только поскорѣе отыскать помѣщеніе въ отелѣ для нея и для него. Но это оказалось легче задумать, нежели исполнить. Все въ Санъ-Себастіанѣ было переполнено сверху до низу. Въ одной гостиницѣ — имъ показали билліардную, занятую счастливымъ англійскимъ семействомъ, причемъ постели для него были посланы на зеленомъ сукнѣ. Въ другой—даже бесѣдки въ саду были наняты туристами, пока опростаются нумера. Кошачьи пріюты подъ крышами и тѣ брались съ боя.

Поѣздъ отходилъ съ разсвѣтомъ — въ четыре утра. Нельзя же было оставаться столько времени на улицѣ! Они обошли весь городъ, но ни въ одномъ изъ этихъ громаднѣхъ домовъ не было для нихъ пріюта. Вездѣ хозяева сами жили чуть не въ сторожкахъ. На какой-то площади у фонтана были сложены сундуки заѣхавшей сюда дамы и она сама, не найдя себѣ комнаты, сидѣла на нихъ, какъ Марій на развалинахъ Карфагена, съ тѣмъ различіемъ, что Марій не былъ-бы настолько глупъ, чтобы въ тихую и ясную погоду распу-стить надъ собою дождевой зонтикъ и терпѣливо держать его въ рукахъ... Они рѣшили—отдаться на волю провидѣнія, до половины перваго пробить въ кафе, а потомъ гулять, пока отворятъ станцію. Все это время кипѣла неугомонная толпа кругомъ; столики были заняты и приходилось по долгу ихъ дожидаться. Колыхавшійся свѣтъ газовыхъ рожковъ выхватывалъ изъ мрака темныя смуглыя лица мужчинъ и свѣтлыя туалеты женщинъ, а надо всѣмъ этимъ сіяло безчисленными звѣздами темное безлунное небо, да пущенныя съ середины залива лопались разноцвѣтными огнями ракеты заночевавшихъ тамъ пароходовъ.

— Вотъ гаша полярная! — показалъ ей Левъ Самойловичъ. — Какъ она далеко запала на сѣверъ.

Млечный путь сегодня горѣлъ какъ-то преувеличенно, точно раздраженно... Когда они уходили къ берегу, гдѣ не было фонарей — звѣзды еще ярче выступали изъ окутавшаго ихъ мрака и во всѣ свои семь безсонныхъ очей царственно смотрѣла Большая Медвѣдица. Морѣ, тяжелое и неподвижное, отражало ихъ въ своихъ глубинахъ. Къ ночи послѣдній вѣтеръ утихъ; листья на деревьяхъ безжизненно и неподвижно висѣли, и только тихое движеніе чьихъ-то крыльевъ, пронесившихся во тьмѣ, одно нарушало эту мертвенную усталъ утомившейся за день природы... Сегодня, очень-ли устала Свѣтлинъ-Донецкая, только она почему-то чувствовала себя слишкомъ нервно. Давно этого съ ней не было. Она вѣдь даже хвастала не разъ: у меня нѣтъ нервовъ. Въ эту ночь все ее раздражало — шумъ толпы, сновавшей у кафе, незнакомый и непонятный, слишкомъ громкій испанскій говоръ сосѣдей и сосѣдокъ по столикамъ, медленность прислуги и даже эта толпа, обступившая ее отовсюду...

— Уйдемъ куда-нибудь.

— Куда-же?

— Прочь отъ этихъ улицъ. Здѣсь душно, дышать нечѣмъ. Я задохнусь тутъ...

Городъ маленькій, они живо прошли его. Какія-то площади съ казавшимися ночью странными и страшными бѣлыми монументами по срединѣ остались позади. На ихъ дорогѣ вдругъ выросла неожиданно

высокая колокольня, въ амбразурѣ которой удавленникомъ висѣлъ черный колоколь... И колокольня отодвинулась — и ее точно проглотила тьма... И вдругъ шумъ рѣки и мостъ черезъ нее.

— Ну, слава Богу... Можетъ быть сегодня слишкомъ жарко было... Теперь отошло.

Невидимая вода глухо ворчала подь аркадами, будто, притаясь, грозилась изъ-подъ нихъ... За мостомъ пахнуло свѣжестью, тутъ въ высоту на холмы шли сады. Невидимые пахли цвѣты ночной красавицы. Нѣжно разливались въ тонкомъ благоуханіи своемъ кроткія молитвы розъ. Аллея, едва-едва намѣченная, уходила въ глубину. Что-то шептало въ сторонѣ. Прислушавшись, Левъ Самойловичъ и Наталья Григорьевна поняли, что это ручеекъ съ горы бѣжитъ по камнямъ и булькаетъ, и переливается, и всхлипываетъ о чемъ-то. Вверху сквозь переплетавшіяся деревья рѣдко-рѣдко проникала робкая звѣздочка, да и та сейчасъ-же пряталась и на смѣну выступала другая, еще робче, еще трепетнѣе... Какая-то ночная бабочка пролетѣла надъ самою головою Свѣтлинъ-Донецкой. Въ темени листы вспыхнули бриллиантъ, и все кругомъ его въ зелени засіяло изумруднымъ блескомъ. Свѣтлякъ скоро исчезъ, но гдѣ-то вдали другой загорѣлся, и подь этимъ слабымъ лучемъ Наталья Григорьевна различила черную бесѣдку... Самсоновъ тоже увидаль ее и хотя свѣтлякъ давно погасъ — онъ не ошибся и вошелъ туда.

— Наталья Григорьевна, посмотрите, какъ здѣсь хорошо. Скамья со спинкой — удобно. Можно до утра просидѣть. Хорошо, что англичане не знаютъ — а то-бы и это наняли...

— А насъ отсюда никто не прогонитъ?

— Вотъ еще. Вѣрно садъ общественный.

— Мнѣ все чего-то страшно... Я сама не понимаю!..

У нея дѣйствительно голосъ вздрагивалъ какъ у ребенка, проходящаго по темной комнатѣ...

— Дайте мнѣ вашу руку. Я васъ не вижу — хоть чувствовать буду, что вы здѣсь. Все не такъ божно.

Онъ принудилъ себя засмѣяться, но смѣхъ у него тоже не вышелъ.

— Фу, какая у васъ сегодня горячая рука; жжется! — тихо проговорила она, нервно, почти истерично, стискивая ее своими холодными пальцами...

Здѣсь было хорошо... Далеко-далеко у выхода изъ аллеи мерещились фонари города и за ними двигался сивій и желтый огоньки... Самсоновъ понялъ, что это пароходъ идетъ откуда-то... Огни то показывались, то исчезали — должно быть тамъ поднялся вѣтерокъ, расколохалъ деревья, и они то заслоняли своими вѣтвями городъ и море, то открывали ихъ. Да — дѣйствительно поднялся. Чуть замѣтно про-

крался въ бесѣдку и пахнулъ имъ въ лицо запахомъ жасминовъ. Вверху шарахнулось что-то, листъ упалъ на руку Натальи Григорьевны; и опять тихо, и опять свѣтятся вдали огни города, и вѣтерокъ упалъ и уже не колышетъ вѣтви деревьевъ. Какое безмолвіе. Слышитъ она или ей чудится? Какъ это стучитъ сердце у Льва Самойловича? Или и ея тоже?.. Всполохнулись оба и, что-то предчувствуя, охваченныя лихорадкой ожиданія, все сильнѣй и сильнѣй колотятся о грудныя вѣтки... Самсоновъ взялъ ея руку, поднесъ къ себѣ и поцѣловалъ. Она обернула ея и подставила ему ладонь; онъ прижался и къ ней губами... Она, смѣясь, отняла, потомъ стала прикладывать къ его устамъ палецъ за пальцемъ. И онъ опять ловилъ ихъ, цѣловалъ суставъ за суставомъ.

— А мизинецъ бѣдный — забыли... Нѣтъ, не забылъ, онъ его оставилъ подъ конецъ.

И оба они тихо смѣялись, точно боясь, что ихъ подсмотритъ тысячу черныхъ глазъ своихъ эта притаившаяся, ночь. Въ ея мракѣ было живое, крадущееся, прикинувшееся. Какіе-то пульсы бились; невольно угадывалось въ немъ чье-то дыханіе. Казалось, что за деревьями прячутся, прижимаясь къ ихъ стволамъ, въ этихъ аллеяхъ скользятъ незамѣтно-легкіе сквозные фантомы. По крайней мѣрѣ порою въ темнотѣ обрисовывалось что-то еще болѣе темное. Собака пролаяла за рѣкой, другая отозвалась ей поближе, и опять все тихо... И вдругъ нежданно-негаданно со стороны ворвалась въ эту тишину ритурнель чихъ-то струвъ. Нѣсколько гитаръ плакало и жаловалось, но должно быть слишкомъ была тяжела густая мгла этой ночи, потому что напѣву ихъ не удалось разгорѣться и унести въ высоту, и онъ стлался по землѣ, нивъ къ ней, все тише и тише слышался Натальѣ Григорьевнѣ и погасъ, забросивъ въ ея сердце не на долго безпредметную странную печаль. Она такъ подалась ей, что не замѣтила, какъ Левъ Самойловичъ обвилъ ея тонкій станъ, крѣпко обвилъ, точно въ желѣзное кольцо заключилъ его. Онъ самъ себѣ не отдавалъ отчета, что дѣлаетъ, точно все это совершалъ кто-то другой помимо его воли, пользуясь его послушною рукою. И Наталья Григорьевна положила голову на его плечо и замерла такъ...

— Тебѣ хорошо?.. — спросилъ онъ ее, въ первый разъ говоря ей „ты“.

Неужели она не замѣтила этого... Разумѣется, замѣтила, и у нея въ груди было что-то всколыхнулось. Но она промолчала. Ей самой такъ сладко, такъ мило прозвучало это ты. Оно точно ласково и нѣжно коснулось ея лица...

— Да, хорошо? — спросилъ онъ опять, не рѣшаясь второй разъ повторить это, еще болѣе сближавшее ихъ слово.

— Не знаю... Только я не хотѣла-бы теперь, сейчасъ быть въ другомъ мѣстѣ...

— Значить, хорошо!..

Какъ дрожалъ его голосъ... Онъ чувствовалъ, что щека ея, левая на его плечѣ, жжетъ его, слышалъ, какъ порывисто дышетъ Наталья Григорьевна. И еще крѣпче сжалъ ея станъ. Она-было сдѣлала движеніе, будто желая освободиться отъ его руки, но не осилила охватывавшей ея истомы и нѣги и осталась, какъ была... Онъ тоже наклонился, касаясь теперь ея головы, — и они такъ сидѣли долго и молча — боясь, что посторонній звукъ ворвется въ эту волшебную сказку и нарушитъ заколдовавшее ихъ обоихъ очарованіе. Онъ, Левъ Самойловичъ, на своей рукѣ ощущалъ бѣненіе ея сердца, на всемъ своемъ тѣлѣ — теплоту и нѣгу ея тѣла, разливавшуюся кругомъ сквозь ея платье. Какъ нѣжны и мягки ея пышные волосы, его щека точно лепестковъ только что распустившагося цвѣтка касается ихъ. Онъ тихо повернулся и коснулся ихъ губами. Она не шевельнулась. Онъ еще крѣпче прижалъ губы къ нимъ и почувствовалъ, какъ по всей Натальѣ Григорьевнѣ точно дрожь пробѣжала и она еще тѣснѣе прижалась къ нему. Онъ не зналъ, чтó съ нимъ дѣлается, только теперь его нието-бы не оторвалъ отъ этой милой головки. Онъ едва-едва удерживалъ въ себѣ желаніе, какинь-то туманомъ подымавшееся и совсѣмъ одурявшее его, желаніе — взять ея голову обѣими руками, крѣпко взять, повернуть ее къ себѣ и впиться въ губы, да такъ, чтобы жизнь всю выпить другъ у друга, не отрываясь, не отмыкаясь. Ему что-то говорило, что не она теперь станетъ отбиваться, что эта минута его, что быть можетъ она не повторится больше, забыты пройдетъ и Наталья Григорьевна опять станетъ тою-же холодною и гордой дѣвушкой, да, дѣвушкой, несмотря на ея замужество, какую онъ зналъ до сихъ поръ. Но еще болѣе могучій голосъ подымался противъ. Не страхъ удерживалъ, а какая-то безеонечная, нѣжная жалость къ ней, нѣчто въ родѣ печали оскорбить ее, испугать, заставить хотя на минуту ваяться въ ихъ сближеніи. И онъ продолжалъ цѣловать ея волосы и лобъ подъ самыми волосами, чистый и открытый лобъ, которымъ онъ такъ любовался когда-то! Поняла-ли это Наталья Григорьевна или нѣтъ, только она взяла его руку и неожиданно поднесла ее къ своимъ губамъ. Льва Самойловича всего обдало жаромъ отъ этой нежданной ласки и онъ тихо проговорилъ:

— За что это?

— За то, что ты лучшій изъ людей, какихъ я знала. Что ты хорошій и честный... Я въ тебя начинаю вѣрить, какъ въ Бога.

И она опять замерла на его плечѣ, порывисто дыша и глядя во

мракъ широко открытыми глазами. Что она видѣла въ немъ?.. Минуты за минутами падали въ вѣчность. Жасмины благоухали кругомъ. Зазвенѣли въ вершинахъ деревьевъ цикады, нарушая очарованіе этой тишины, засвистала какая-то птичка и опять заплакали далеко гитары и вмѣстѣ съ ними вдругъ родилась чья-то пѣсня — должно быть занесенная сюда изъ знойной Андалузїи, потому что отъ каждаго звука ея вѣяло страстью, потому что она вся желала любви, просила любви, неслась къ ней и мимоходомъ стучалась въ сердце Натальѣ Григорьевнѣ: да отворись-же, смотри какъ жизнь хороша и проста, люби, пока тебѣ любится, будь счастлива сама и дай счастье другому. Должно быть не даромъ стучалось, потому что Наталья Григорьевна — не осиливъ охватывавшаго ее порыва, вдругъ оторвалась отъ Самсонова, высвободилась изъ его рукъ, отодвинулась, уронила на колѣна себѣ руки, опустила голову и вдругъ ни съ того, ни съ сего заплакала... Сначала слезы посыпались — и она не замѣчала этого, потомъ къ горлу подступило что-то, грудь всколыхнуло... Левъ Самойловичъ испугался.

— Милая, дорогая. Что съ тобою? Я обидѣлъ тебя.

— Нѣтъ, нѣтъ... Развѣ ты можешь обидѣть?.. Нѣтъ, я сама такъ, не знаю, что со мной. Оставь, это сейчасъ, сію минуту пройдетъ. Это такъ, отъ этой ночи, отъ этой пѣсни, отъ этихъ гитаръ...

Прошло дѣйствительно, только вслѣдъ за этимъ въ ней осталась какая-то слабость. Точно она себя потеряла, потеряла свою волю, свою силу и стала совсѣмъ, совсѣмъ чужая. Онъ опустился передъ ней на колѣни, взявъ ее за руки, называлъ ее ласковыми именами, часто бессмысленными, но звучащими въ ея ушахъ, какъ музыка.

— Встань, садись рядомъ! Устало, — чуть слышно проговорила она. — Мнѣ такъ неловко, я хочу положить тебѣ на плечо голову...

Онъ сѣлъ, но такъ, что вмѣсто плеча ея голова сама собою повернулась къ нему, какъ, онъ не понималъ. Онъ не видѣлъ ея, но вдругъ почувствовалъ у самыхъ губъ своихъ ея дыханіе. Ему надо было только шевельнуться, чтобы коснуться ихъ... И онъ чуть-чуть наклонился — и встрѣтился съ ними теплыми, мягкими, трепетавшими и полураскрытыми... Сколько времени длился первый ихъ поцѣлуй?.. Онъ не могъ потомъ дать себѣ отчета... Онъ помнилъ только, что боялся сдѣлать ей больно и нѣжно касался ихъ... Касался, не отрываясь до тѣхъ поръ, пока она вдругъ не крикнула: „ахъ, какъ все это глупо“, закинула руки за его шею, обняла его и припала уже къ его губамъ, жадно и крѣпко ихъ цѣлуя... Должно быть ея голоса испугалась какая-то птичка: она запылхалась крыльями и съ слабымъ пискомъ унеслась дальше. А ночь еще болѣе темнѣла и еще ярче сіяла своими звѣздами. Въ дали, въ глубинѣ аллен, огни города погасли и тамъ ужъ не было ихъ трепетнаго миража.

Точно стремясь напослѣдокъ надѣшаться свѣжестью и прохладою, цвѣты запахли еще сильнѣе и вѣтеръ окрѣпъ, потому что сюда, въ эту неподвижную тишину вдругъ докатился отдаленный грохотъ просяущихся волиъ. Вѣрно и Наталью Григорьевну освѣжилъ этотъ поцѣлуй. Она вдругъ уперлась ладонями въ плечи Самсонова, оттолкнула его отъ себя, встала, поправила волосы, провела рукою по лицу и сѣла.

— Довольно... Это моя вина... — тихо проговорила она. — Это оказалось сильнѣй меня. Левъ Самойловичъ, вы мужчина. Помогите мнѣ удержаться надъ этою пропастью и не упасть въ нее. Слышите. Дайте мнѣ слово, что если я забудусь—вы не забудетесь. Помните, я могу любить только того, кого уважаю... Скоро кончится мой праздникъ, я уѣду въ Петербургъ и тамъ опять начнутся скучныя будни. Но я хочу увезти съ собою вѣру и въ себя и въ васъ... и спокойную совѣсть... Иначе я истерзаюсь вся. Если вы любите меня, вы меня побережете... Да?

Она готова была появляться ей въ чемъ угодно. И, успокоенная, она уже тихо разговаривала съ нимъ, съ сладкимъ трепетомъ сердца отыскивая въ темнотѣ его черты и стараясь угадать его глаза. Богъ знаетъ, что она болтала ему теперь, хоть на зло ей, ея морали, ея совѣсти, его недавній поцѣлуй такъ блаженно горѣлъ на ея устахъ, что она безсознательно улыбалась ему, и касалась даже губъ рукою, точно этотъ поцѣлуй былъ чѣмъ-то дѣйствительнымъ, точно его нѣжность и ласка воплотились во что-то и остаются тутъ вотъ у нея, такъ что она его чувствовала, ощущала, осязала... Скоро мракъ поблѣднѣлъ и въ немъ выступило лицо Самсонова. Она зорко взглянула ему въ глаза, но прочитала въ нихъ столько преданности, самоотверженной любви, обожанія, что ей даже не совѣстно было теперь этой минуты опьяниваго ея увлеченія... Въ туселомъ разсвѣтѣ обрисовался вдали бѣлый городъ, какія-то туманныя горы и свинцовое море... Не было еще солнечныхъ лучей, чтобы оживить всю эту несбросившую съ себя ночнаго оцѣпенѣнія природу, какъ кровь разлить по ея безчисленнымъ и невидимымъ жиламъ краски и зазечь чуднымъ блескомъ ея глубокія, глубокія очи...

— Ну, Наталья Григорьевна, пора домой!

Они встали и пошли къ станціи. Свѣтлинъ-Донецкая прислушивалась и ждала, не сважеть-ли онъ ей, какъ ночью, „ты“. Но Левъ Самойловичъ теперь держалъ себя въ рубахъ и Наталья Григорьевна не разъ останавливала на немъ благодарный взглядъ. Домой они пріѣхали очень рано. Отель еще спалъ и только вѣтряныя бошки, совершенно потерявъ понятіе о времени, задавали оглушительный концертъ, да вверху изъ открытаго окна на весь этотъ уже горѣвшій,

лучившійся просторъ скучно смотрѣла какая-то чахоточная англичанка, страдавшая бессонницей...

XI.

Наталья Григорьевна поднялась къ себѣ и сейчас-же легла спать. Она чувствовала себя сильно утомленной сегодня и до завтрака не просыпалась — да и то вѣрно не подняла-бы головы отъ подушекъ, если-бы у самыхъ ея дверей нагло и оглушительно не зазвонилъ колокольчикъ въ рукахъ у лакея, объявлявшаго такимъ образомъ правовѣрнымъ объ ожидающемъ ихъ священнодѣйствіи табль-д'ота. Свѣтлинъ-Донецкая посмотрѣла на часы—было безъ четверти двѣнадцать. Оставалось еще минутъ сорокъ, но она, какъ всѣ сильные и здоровые люди — разъ проснувшись, уже не могла лежать въ постели. Она сбросила одѣяло, подошла къ окну, подняла занавѣски. Только что она открыла его—и свѣжій, весь полный испареніями моря и запахомъ водорослей вѣтерокъ, только и ожидавшій этой минуты—обдалъ ее всю съ ногъ до головы бодрящею и ласковою струей. Она посмотрѣла на небо—сегодня оно все было подернуто будто сквозными бѣлыми крыльями. Внизу море ужъ залило скалы и назойливо билось въ каменную кладку террасы. Зеленъ въ горшкахъ, стоявшая на ней, трепалась, точно бессильно откидываясь назадъ. Наталья Григорьевна любила такіе дни и этотъ ей казался точно по заказу — лучшаго она не хотѣла. Не будетъ жарко, можно предпринять какую-нибудь большую прогулку пѣшкомъ, сейчас-же послѣ завтрака съ Львомъ Самойловичемъ. Только что ей пришло въ голову имя ея „друга“, какъ она сразу вспомнила все, что случилось вчера, вспомнила и ей стало стыдно и она бессильно опустилась въ кресло около окна. „Что я надѣлала? Что я надѣлала?“ — повторяла она, пристально глядя въ зеркало передъ собою, отражавшее ее свѣжее и красивое лицо, все горѣвшее теперь румянцемъ смущенія. Она перебирала мгновеніе за мгновеніемъ все прожитое въ эту ночь и видѣла, что ни въ чемъ не могла обвинить Самсонова. Потомъ она вдругъ встала, рѣшительно подошла къ умывальнику, примочила волосы одеколономъ, освѣжила лицо водою и засмѣялась. „Господи! какъ она глупа. Да что-же случилось такого... Что она позволила ему поцѣловать себя? Положимъ не совсѣмъ это соотвѣтствуетъ ея взглядамъ. Но вѣдь только забывшись, разъ, и это больше никогда, никогда не повторится. Ей надо будетъ сѣмъ совладать съ смущеніемъ, когда она его встрѣтитъ сейчасъ. Выдержать его пристальный взглядъ, какимъ онъ привыкъ ее встрѣчать. Если она покажетъ свое волненіе—

онъ пойметъ, что дѣйствительно случилось нѣчто, чему не слѣдовало усложнять ихъ отношенія. Нѣтъ, надо также ясно и просто улыбнуться ему, какъ и всегда, какъ будто вся эта ночь была мимолетнымъ сномъ и ни въ чемъ не измѣнила ихъ „дружбы“. Въ виду ожидавшей ее прогулки она одѣла короткое платье и поверхъ корсета накиннула легкую и просторную жакетку. Съ волосами некогда было возиться сегодня, она ихъ кое-какъ завернула на затылкѣ и пронизала двумя золотыми шпагами-булавками. Взглянула въ зеркало и осталась довольна. Къ ея крупной фигурѣ и гордому лицу очень шло это. Наталья Григорьевна терпѣть не могла завтракать въ шляпкѣ, какъ это дѣлали англичанки, и взяла ее на руки, вмѣстѣ съ сѣрымъ кружевнымъ зонтикомъ такого же цвѣта, какого было и платье, и тѣхъ же кружевъ, которыми его отдѣлала байонская портниха. Шею она завязала по-мужски сѣрымъ галстукомъ, засмѣялась надъ своимъ загорѣвшимъ носомъ, но не покрыла его пудрою. Коробка съ нею такъ и стояла не раскрытою на столикѣ. Она терпѣть не могла ничего подобнаго и кромѣ воды и мыла лицо ея другого не знало. До послѣдняго звонка оставалось еще три-четыре минуты. Она взглянула на серебряный образокъ Богоматери съ младенцемъ Иисусомъ на рукахъ, висѣвшій надъ ея кроватью, и вспомнила, что ни вчера, ни третьяго дня не молилась. Она, случалось, и прежде забывала дѣлать это по утрамъ, но ни разу не ложилась въ постель безъ молитвы. Ей стало жутко и грустно. Образокъ былъ старый. Онъ еще ея бабушкой былъ полученъ отъ прадѣда... Наталья Григорьевнѣ показалось, что Пречистая изъ своего серебрянаго облада смотритъ на нее съ упрекомъ... Она тихо подошла, опустилась на колѣни, уронила голову на постель и съ минуту оставалась такъ безъ словъ и мыслей въ какомъ-то безотчетномъ порывѣ покаянія и любви. Ее будто подхватили чьи-то громадныя крылья въ неоглядную высь, гдѣ она вдругъ почувствовала страшную близость Бога... Когда колоколь звянулъ у ея дверей и гнусавый голосъ надоѣдливаго лакея на весь этотъ корридоръ пропѣлъ точно зазвѣстие: „mesdames et messieurs, le déjeuner est servi!“ — очарованіе исчезло. Она встала, поцѣловала краешекъ образа — привычка, оставшаяся съ дѣтства, которой ее научила единственная русская нянька, бывшая у ней къ сожалѣнію слишкомъ короткое время. Потомъ подошла было къ дверямъ да, почувствовавъ на глазахъ слезы, вернулась къ рукомоинику — намочила полотенце и вытерлась имъ. Внизу кинушагося къ ней радостно и смущенно Льва Самойловича она обдала такимъ холоднымъ и спокойнымъ взглядомъ, что тотъ растерялся и ни съ того ни съ сего сообщилъ ей: „сегодня макароны au gratin у насъ“. Это было выше ея силъ и совсѣмъ неожиданно.

данно, она расхохоталась, покраснѣлъ и засмѣялся онъ; они крѣпко пожали руки другъ другу и все пошло обычнымъ порядкомъ.

— Куда мы сегодня? — спросила она. — Только пожалуйста, чтобы расписание поѣздовъ было съ вами, я не хочу опаздывать какъ вчера.

Только и было что этотъ намекъ.

— Нѣтъ, сегодня мы пѣшкомъ. Я разспросилъ рыбака; тутъ есть живописная деревушка, совсѣмъ въ лѣсу схоронилась.

Они вдвоемъ вошли въ столовую — и черезъ всю комнату имъ на встрѣчу послышался крикъ.

— Господи! Вотъ ужъ кого не ожидала встрѣтить. Вотъ радость-то... Точно чуяла, что меня сегодня ждетъ что-то особенное...

И на встрѣчу Натальѣ Григорьевнѣ, скандализируя всѣхъ англичанокъ, чуть не понеслась, еще издали раскрывая объятія, Маргарита Францовна Кленовская, которую звалъ весь Петербургъ и дѣловые люди звали для краткости Марго де-Франсъ. Марго де-Франсъ была очевидно когда-то красавицей; теперь, въ пятьдесятъ пять лѣтъ, она еще сохраняла чудные глаза, прелестные зубы и совершенно бѣлые, но густые волосы, которые издали казались наудренными. Къ сожалѣнію она растолстѣла; основательный полъ отеля, выстроеннаго какъ дворецъ, дрожалъ подъ нею и въ ея стремительномъ бѣгѣ на встрѣчу ошеломленной Натальѣ Григорьевнѣ стулья и прочая мелочь въ родѣ сервированныхъ отдѣльныхъ столиковъ разлетались отъ нея направо и налево. Свѣтлякъ-Донецкая не успѣла еще опомниться, какъ почувствовала всю себя обданную запахомъ какихъ-то сильныхъ духовъ, потому должна была, несмотря на то, что сама не изъ маленькихъ, утонуть въ объятіяхъ Марго де-Франсъ, подставить ей правую щеку, лѣвую и наконецъ губы. Обончивъ съ этимъ, Кленовская схватила ее за руки — откинулась точно для того, чтобы лучше ее увидѣть и, какъ будто опять не могла удержаться, сочно поцѣловала ее въ губы..

— Ну... Отъ васъ, Наталья Григорьевна, теперь ослѣпнешь. Вотъ красавица стала! Была и прежде хороша, а теперь я, женщина, и то способна съ ума сойти. Погодите, Левъ Самойловичъ, я съ вами успѣю поздороваться, дайте мнѣ на нашу королевишну, — такъ кажется по-русски, — насмотрѣться. Что это за чудо съ вами произошло? Неужели отъ морскихъ купаній? Этакъ, пожалуй, и я свои пятьдесятъ пять лѣтъ въ водѣ оставлю, отливомъ ихъ унесетъ.

Къ чести Марго надо было отнести, что она никогда и ни при какихъ случаяхъ не скрывала своего возраста, говоря, что самый фальшивый документъ — это метрическое свидѣтельство и удивлялась, что люди въ этомъ случаѣ клочку бумаги больше вѣрятъ, чѣмъ собственнымъ глазамъ.

— Ну, воображаю, какъ всколыхнется наше петербургское болото, когда вы вернетесь. La reine будущаго сезона... Вѣдная Строменская — ей теперь придется совсѣмъ отступитъ на задній планъ. Она вѣдь одна еще оспаривала у васъ яблоко Париса. — Какъ здоровье Владиміра Петровича?

— Благодарю васъ! — смѣшалась Свѣтлинъ-Донецкая. Она сейчасъ только вспомнила, что на комодѣ у нея лежатъ пять нераспечатанныхъ писемъ ея мужа. Ей до сихъ поръ все было некогда!

— Милочка! То есть до чего я счастлива, что вы здѣсь...

Если бы Марго де Франсъ хотѣла быть правдивой, она бы созналась, что жила въ Біарицѣ и случайно напала въ мѣстной газетѣ на списокъ иностранцевъ по всему этому берегу съ указаніемъ отелей, въ которыхъ они остановились. Замѣтивъ имена Самсонова и Свѣтлинъ-Донецкой, эта предприимчивая особа вспомнила, что въ обществѣ, гдѣ холодность Натальи Григорьевны къ ея мужу не была тайною, смутно носились слухи о дѣтской привязанности ея къ Льву Самойловичу; вспомнила, и въ то же утро, не успѣвъ напиться чаю, уложила и уѣхала изъ Біарица, чтобы поселиться въ одной и той же гостиницѣ съ нашими друзьями. Марго де Франсъ, слышомъ умная для того, чтобы быть сплетницей, и прежде не бывала ею никогда. Съ этой стороны ее ни мало не интересовало отношеніе извѣстнаго богача къ знаменитой петербургской красавицѣ. Но она хорошо знала, что какая-нибудь пустая случайность можетъ ей помочь легко поправить свои обстоятельства, далеко не блестящія, хотя-бы расположеніе Льва Самойловича, услуга, во время оказанная ему и Натальѣ Григорьевнѣ. Марго де Франсъ привыкла жить широко и открыто и тратить, не сообразуясь съ кошелькомъ. Ея мужъ, глухой генералъ, засѣдалъ въ какомъ-то комитетѣ, гдѣ отъ него бѣгали какъ отъ чумы, потому что онъ чувствовалъ себя несчастнымъ если хотя три раза въ день не случалось ему рассказать, за что онъ получилъ свой крестъ на Кавказѣ. Жена съ нимъ въ этихъ случаяхъ не церемонилась. Какъ только бывало онъ начнетъ: „нѣтъ-съ, а мы вотъ въ 56-мъ году я помню“.. Она, хотя-бы это было за обѣдомъ, вставала, брала его за плечи и выводила въ двери, причемъ, чтобы позолотить этотъ неожиданный остракизмъ, на порогъ цѣловала его въ лысину. Если при этомъ оказывались другіе, она строго говорила ему: Евграфъ Васильевичъ, васъ ждетъ курьеръ отъ министра! И Евграфъ Васильевичъ вдругъ насупливалъ гордо брови, вскакивалъ орломъ и, по-кавалерійски играя бедрами и плечами, величаво исчезалъ на свою половину. Несмотря на свое участіе въ Кавказской войнѣ и тяжкую рану, полученную имъ, онъ могъ располагать въ годъ не болѣе какъ пятью тысячами рублей. Его нисколько не удивляло, что онъ прожи-

валъ сорокъ, и когда друзья добивались какъ это выходить и по какой ариеметикѣ — потому что и долговъ у Кленовскихъ никакихъ не оказывалось, онъ вдругъ ссылался на глухоту и отсылалъ ихъ къ женѣ. Въ глубинѣ души онъ свою Марго считалъ величайшимъ въ мирѣ финансовымъ гениемъ и когда въ гостиной у одного министра заговорили о неудачѣ задуманнаго Грейгомъ займа въ Парижѣ черезъ Ротшильда, у Евграфа Васильевича, сидѣвшаго въ углу молча, вдругъ вырвалась мысль въ слухъ. Онъ произнесъ ее безсознательно.

— Посовѣтовался бы съ Марго и дѣло было бы въ шляпѣ.

Среди дѣлового разговора это было такъ неожиданно, что министр спросилъ его.

— А развѣ есть такой банкиръ въ Парижѣ?

— Какой банкиръ.

— Марго...

— Не знаю, ваше высокопревосходительство! Можетъ быть и есть.

— Плохъ, плохъ становится старикъ, — снисходительно усмѣхнулся министр. — Заговариваться сталъ! Хотя въ данномъ случаѣ Кленовскій вовсе не заговаривался, а по своему разсуждалъ весьма резонно.

Марго де-Франсъ — пожалуй, если и не была финансовымъ гениемъ, то талантомъ во всякомъ случаѣ. Лѣтъ около сорока тому назадъ, Евграфъ Васильевичъ, еще молодецъ-офицеръ, любилъ прогуливаться павлиномъ мимо оконъ французскаго моднаго магазина, за которымъ всегда улыбалось нѣсколько прелестныхъ дѣвичьихъ головокъ. Онъ, какъ выражались тогда, „стрѣлялъ по нимъ глазами и билъ ихъ въ сердце за сто шаговъ на вылетъ“. Хозяйка привозила мастерицъ изъ Парижа и, разумѣется, ничего не проигрывала на этомъ. Во-первыхъ, онѣ работали лучше и вкуса у нихъ было больше, а когда какой-нибудь изъ нихъ это надоѣдало — она шла къ хозяйкѣ и откровенно признавалась. Та матерински устраивала судьбу своей соотечественницы. Крѣпостное право хотя дышало ужъ на ладонь, но бѣшенныхъ денегъ было много, французенки въ Петербургѣ еще не утратили своего обаянiя и воспитанницъ мадамъ Луизъ разбирали на расхватъ. Одна изъ такихъ — прелестная, вся такъ и дышавшая страстью и жизнью дѣвушка — свела съ ума Евграфа Васильевича. Въмѣсто того, чтобы разстрѣлять ее на вылетъ, онъ самъ былъ ею разбитъ на повалъ. Онъ какъ-то ее встрѣтилъ въ театрѣ и почтительно, какъ настоящей барышнѣ, издали, ей поклонился и она, лукаво улыбаясь, отвѣтила ему, показавъ такія ямочки на щекахъ, что Кленовскій чуть на мѣстѣ не разлетѣлся на тысячу кусковъ. Онъ счелъ поэтому позволительнымъ на улицѣ нагнать ее и, робко, запинаясь, спросилъ ее, гдѣ они могутъ встрѣтиться? Ей понравилось, что молодой офицеръ, во-первыхъ, хорошо говоритъ по-французски, а во-

вторыхъ, очень скромнѣ. Она опять улыбулась ему — да такъ, что онъ былъ разбитъ вторично и совсѣмъ ужъ утратилъ волю и разумъ. Встрѣтиться оказалось возможнымъ только въ театрѣ, причемъ онъ долженъ послать два билета: для нея и для „мадамъ“. Сегодня „мадамъ“ уѣхала къ одной изъ пристроенныхъ ею дамъ ужинать и потому дѣвушка возвращалась домой одна. Офицера пріятно поразило то, что она попросила его нанять ей извозчика, но не позволила ни себя провожать, ни заплатить деньги за проѣздъ. На другой же день — онъ послалъ билеты, а вечеромъ представился „мадамъ“. Мадамъ оказалась бойкая и веселая француженка, которая разомъ ему поставила вопросъ:

— Вы, monsieur, должно быть, не богаты?

— Почему вы знаете? — вспыхнулъ онъ.

— Я вижу часто васъ въ окно... Вы всегда ходите пѣшкомъ, не такъ какъ графъ Зарѣдвій или князь Староградскій. И потомъ, потомъ вы сидите не въ первомъ ряду и очень вообще скромны.

Евграфъ Васильевичъ сознался, что онъ дѣйствительно не богатъ, потому что кромѣ жалованья имѣлъ всего шесть тысячъ въ годъ на ассигнаціи.

— Да, этого мало! — задумчиво проговорила француженка, неопредѣленно глядя въ лицо офицеру. Но должно быть онъ ей понравился, потому что послѣ театра она пригласила его къ себѣ пить чай. Евграфъ Васильевичъ съумѣлъ ее утвердить въ хорошемъ о себѣ мнѣніи. Онъ игралъ на фортепіано, пѣлъ и даже сдѣлалъ съ ней нѣсколько туровъ модной тогда польки трамбланъ. Француженка была совсѣмъ очарована имъ, повторяла *il n'y a que les russes* и, прощаясь, пригласила его у себя бывать, причемъ опять вздохнула:

— Какъ жаль, что вы не богаты!..

Кленовскій сталъ заходить къ нимъ и скоро сдѣлался у нея своимъ.

Молоденькой дѣвушкѣ онъ давно свертѣлъ голову. Она начала видимо таять на глазахъ у хозяйки. Та позвала ее къ себѣ, разспросила, разбранила, но подъ конецъ сантиментально заплакала, вспомнила, что она сама была глупа и молода и созналась, что во всемъ случившемся виновата она, *madame Луизъ*. Въ слѣдующій же разъ она зазвала офицера къ себѣ въ спальню, заперлась съ нимъ и поставила ему вопросъ прямо:

— Что вы думаете дѣлать?

— О чемъ вы спрашиваете?

— Вы хорошо понимаете. Для меня мои ученицы — мои дѣти. Марго мнѣ призналась сегодня, что *elle est folle de l'amour*. И въ самомъ дѣлѣ, который день отказывается отъ *gigot de mouton*, а вы сами знаете, какъ у меня его готовятъ! Она похудѣла! Вотъ

этотъ корсетъ — сняла она со стола, какъ неопровержимое вещественное доказательство — ей широко. Она плачетъ по ночамъ.

— Я ничего не сдѣлалъ такого!

— О, я знаю, что вы честный человѣкъ. *Il n'y a que les russes!* Но вы ее любите?

— Люблю-съ! Какъ честный офицеръ и дворянинъ! — и онъ шелкнулъ шпорами и прижалъ руку къ сердцу.

— Какъ жаль, что вы не богаты... Ну, если вы не богаты — вы должны жениться!

Ему это не приходило въ голову. Онъ сидѣлъ ошеломленный и ничего ей не отвѣтилъ. Она встала и позвала Марго. Та вошла, тоненькая и грустная, съ смущеніемъ опуская свои прелестные глаза и не рѣшаясь отойти отъ двери.

— Марго — мы говоримъ о вашемъ дѣлѣ. Будь *monsieur* богатъ — все это было-бы просто. Но это совершенно исключительный случай — и я разсуждаю, какъ мать. У васъ, *monsieur*, есть мать?

— Нѣтъ, умерла.

— А отецъ?

— Тоже умеръ...

— И надеждъ никакихъ? Ну, хотя-бы богатаго дяди?.. У насъ обыкновенно говорятъ о дядяхъ *de l'Amérique*. Они, знаете, должны въ молодости уѣхать далеко-далеко, туда, за океанъ, куда большіе пароходы ходятъ, и тамъ долго-долго оставаться никому неизвѣстными, *tout-à-fait perdus!* И вдругъ явиться съ милліонами и всѣхъ сдѣлать счастливыми, а потомъ умереть.

Но оказалось, что и такого Скрибовскаго дяди у Кленовскаго нѣтъ.

— Но вы вѣдь ее любите?

— Люблю-съ.

— И ты его любишь, *mon enfant?*

Она только заломила руки и заплакала, отвернувшись отъ стыда лицомъ въ уголъ.

— Ну, вотъ видите. И вы ее не презираете за то, что она швея, *une ouvrière honnête?*

— Помилуйте. У насъ и въ корпусѣ учили, что честный трудъ облагораживаетъ человѣка.

— Тогда вы должны жениться, и такъ какъ у васъ никого нѣтъ, то о васъ будетъ заботиться самъ Господь *dans le ciel*.

Онъ взглянулъ на дѣвушку и ему страстно захотѣлось прижать ее къ своей груди.

— Что-же я готовъ... Была не была... Авось Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. — По-русски закончилъ онъ.

— Что вы сказали?

Но пословицу эту онъ ей не перевелъ.

Француженка заставила ихъ при себѣ поцѣловаться, потомъ задумалась.

— Видите-ли: это все не такъ просто какъ кажется. Вы какъ noble, gentilhomme и офицеръ не имѣете права жениться на простой шведѣ. То есть право имѣете, но вашъ генераль, вѣдь у васъ есть свой генераль?

Оказалось, что въ Россіи у каждаго есть свой генераль.

— Ну, вотъ, вашъ генераль позоветъ васъ къ себѣ и скажетъ: такъ какъ вы сдѣлали mésalliance безъ моего позволенія, то можете уходить въ отставку...

— Да это такъ!—Согласился озадаченный офицеръ, вдругъ сообразивъ, что свинья-то именно его съѣстъ, только съ другой стороны.

— Но я это все устрою. Уходите теперъ домой! Вы молоды— и думать не можете. Это мое дѣло!

И она дѣйствительно охлопотала все какъ слѣдуетъ. Черезъ недѣлю была найдена въ Петербургѣ почтенная семья отставного барабанщика великой арміи, учителя французскаго языка въ кадетскомъ корпусѣ, и Марго переселилась туда въ качествѣ племянницы, пріѣхавшей только что изъ Тура. Ея названный дядя уже давно носилъ русскій мундиръ и русскіе кресты и добросовѣстно просвѣщалъ наше юношество. Евграфъ Васильевичъ представился имъ и былъ принятъ прекрасно. Его генераль тоже хотѣлъ познакомиться съ семьею невѣсты своего офицера и совсѣмъ очаровался дѣвушкою.

— Ну, — одобрилъ онъ Евграфа Васильевича, — хвалю тебя за выборъ. Только смотри, братецъ, не будь Фалалеемъ. Держи ее строго. И онъ нахмурилъ даже брови, которыя въ тѣ времена старики фабрили какою-то гнусною ваксой.

— За что-же-съ, ваше превосходительство, ее строго держать?

— За глаза! У нея черти въ глазахъ. Я вижу, на то я и генераль. И онъ встопорщилъ усы, точно прижимая сѣрую мышъ губою къ носу.

Генералы въ то время были простодушны, и такъ какъ штаны носились узкіе, то ихъ случалось выбирать — за красоту ногъ и за выправку носка. Не мудрено, что черезъ недѣли двѣ онъ самъ потерялъ голову, сталъ уже ваксить не только брови, но и плѣшь и усы, и говорилъ съ Евграфомъ Васильевичемъ въ другомъ тонѣ.

— Если ты у меня не женишься, такъ я на старости лѣтъ самъ женюсь на ней, вотъ что. Только ужъ извини, братецъ, въ адъютанты тебя не возьму къ себѣ. Другой у меня за столомъ гусей рѣзать будетъ... Соловьевъ, напимѣръ, — у него носъ совсѣмъ цвѣтная капуста!

Такимъ образомъ парижская ситуайенка Marguerite Chevrier стала Маргаритою Францовной Кленовской, причемъ всѣ конвенансы были соблюдены строжайшимъ образомъ, и даже, чтобы не внушать подозрѣній, почтенная madame Louise—не поѣхала въ церковь. За то на другой день, когда молодые явились къ ней—сентиментальная французенка облила ихъ цѣлыми рѣками слезъ, оставила у себя обѣдать и такъ усердно пила за ихъ счастье шампанское, что между entree и фруктами подобрала вдругъ подолъ и показала, какъ въ ея время при Луи Филиппѣ въ Парижѣ дѣлали какое-то знаменитое Буживальское—па, секретъ котораго теперь легкомысленными соотечественницами ея навсегда утраченъ.

Евграфъ Васильевичъ нѣсколько лѣтъ былъ очень счастливъ, но потомъ его обуяло самолюбие. Ему захотѣлось отличій, карьеры, впрочемъ, едва ли не по внушенію жены, отлично понявшей всѣ условія тогдашней русской жизни. Она стала почти совѣтмъ русскою, такъ что даже говорила безъ малѣйшаго акцента, хотя и до сихъ поръ перевирала наши пословицы. Онъ былъ переведенъ на Кавказъ; Марго осталась въ Петербургѣ. „Я буду тебѣ полезнѣе здѣсь!“ Онъ поручилъ ее отеческимъ попеченіямъ своего генерала, правда, не безъ колебаній, успокоенныхъ насмѣшливою фразою жены: „неужели ты ревнуешь къ этому старому сатиру? посмотри, у него даже копыта отъ дряхлости отпали. Ему осталось единственно—муслить поцѣлуями руки у женщинъ. Но я тебѣ клянусь, куплю самаго лучшаго мыла и всякій разъ, послѣ его визита, буду мыть ихъ на чисто“. Кленовскій впрочемъ слѣпо вѣрилъ женѣ. Она обладала чисто французскою дѣловитостью и несмотря на небольшія средства сдумѣла такъ поставить свой домъ, что Евграфъ Васильевичъ только разводилъ руками, и на вопросъ товарищей: откуда это у тебя? наивно отвѣчалъ: „отъ Бога!“ Она его впрочемъ не посвящала въ свои дѣла, прежде всего потому, что по ограниченности онъ-бы ихъ не понималъ. Надо отдать справедливость Маргаритѣ Францовнѣ, она по-своему, по-французски, была честною женщиной, фактически она никогда не измѣняла мужу, хотя ни разу еще не обезкуражила ухаживавшихъ за нею поклонниковъ, влияніе которыхъ ей или мужу было необходимо. „Отказывать никому не надо, но отъ обѣщанія до исполненія цѣлая вѣчность и всегда можно будетъ найти предлогъ отдѣлаться отъ неопредѣленныхъ обязательствъ, не обижая человѣка“. Она, и это тоже была чисто французская способность, управляя мужемъ какъ ловкій корнакъ слономъ, причемъ, всѣ это отлично знали,—умѣла какъ-то такъ поставить его въ глазахъ товарищей и знакомыхъ, что онъ ни разу еще не былъ смѣшонъ. Напротивъ ему завидовали. „Ну, братъ, съ такой женой, какъ Маргарита Францовна, можно быть спокой-

нымъ! Я бы тоже отложилъ всякія попеченія и предоставилъ ей дѣйствовать“. Она въ ихъ небольшомъ кружкѣ счумѣла быть необходима всѣмъ. Она все знала—и отбуда надо выписывать вино изъ Франціи, и какъ дешевле достать парижскія перчатки, и изъ какого города лучше вызвать гувернантку къ дѣтямъ, и кого именно.. Это была цѣлая неофициальная контора, благодаря которой ей и вино, и платье, и разныя *délicatesses* доставались даромъ. Практическій умъ ея такъ былъ всѣми признанъ, что генераль пріѣзжалъ къ ней совѣтоваться даже по дѣламъ имѣнія, а потомъ вдругъ привезъ ей пакетъ.

— Что это? — удивилась она.

— Ваша доля!

— Какая?

— Тутъ тысяча... Я сдѣлалъ, какъ вы сказали, и вышло великолѣпно. Это вамъ за комиссію...

Она приняла не колеблясь. Она сразу поняла, что такъ и слѣдовало, что деньги ею хорошо заработаны. И не только приняла, но и съ чисто южною быстротою сообразила, что даромъ вообще дѣлать ничего не должно. Прежде всего это отразилось на бюджетѣ Евграфа Васильевича. У него вдругъ явилась уйма денегъ.

— Отбуда это? — спрашивалъ онъ.

— Не твое дѣло... Можешь быть увѣренъ, что я не украдала... И ничего дурного не сдѣлала.

Онъ похлопалъ глазами, поцѣловалъ ей руку и полетѣлъ къ знаменитому тогда Слосбергу, заказывать себѣ новый мундиръ.

Она мало-по-малу расширила свое знакомство—и съ особеннымъ предвидѣніемъ выбирала друзей между дѣловыми людьми. У нее они назначали свиданія другъ другу—если имъ нужно было кого-нибудь, кто не встрѣчался у знакомыхъ, они говорили Маргаритѣ Францовнѣ—и та съ какою-то невѣроятною любовью не только видѣлась съ необходимымъ человѣкомъ, но и дѣлала его своимъ у себя. Кленовскому, при всей его недалекости, даже странно казалось, какъ у него, не особенно крупнаго офицера, собираются на четвергахъ такіе люди. Многихъ онъ даже не звалъ, и Маргарита Францовна не считала нужнымъ представлять ихъ. „Это не по твоей части! — говорила она ему. — Ты не долженъ мѣшаться въ эти дѣла. Да кромѣ того, ты ихъ и не понимаешь, и только мнѣ пожалуй испортишь всю музыку!“ И подставляла ему щечку съ ямочкой въ утѣшеніе. И онъ оставался съ своимъ кружкомъ у себя въ кабинетѣ, играя по маленькой и радуясь, что къ ужину всѣ эти посторонніе, стѣснявшіе его, господа, обыкновенно уѣзжали. Такою Маргарита Францовна была двадцати-пяти лѣтъ. Можно себѣ представить, чѣмъ онъ ее нашелъ вернувшись съ Кав-

каза, черезъ четыре года въ Петербургъ, полковникомъ, съ георгиевскимъ крестомъ и съ почетнымъ именемъ. Жена ему была рада. Она все-таки стосковалась о немъ. Дѣловые хлопоты не убили въ ней женщину, любившую своего несообразительнаго мужа и благодарную за положеніе, какое онъ далъ ей.

— А ты не измѣняла мнѣ? — спросилъ онъ ее.

Она просто посмотрѣла ему въ глаза и пожала плечами.

— Мнѣ прежде всего было некогда. Я не теряла своего времени на такія глупости, а потомъ видишь-ли... французенка измѣняетъ только въ двухъ случаяхъ: первый — если она не любитъ мужа, а второй, если она ему мститъ. И потомъ это — такъ неопытно! — поморщилась она.

И дѣйствительно она не теряла времени даромъ.

Евграфъ Васильевичъ засталъ у нея цѣлый салонъ. Все, что было виднаго и выдающагося въ то время въ Петербургѣ, собиралось у Марго де Франсъ. Начиная отъ модныхъ и еще не замѣтныхъ писателей и кончая совсѣмъ не модными откупщиками. Тутъ сконфуженно показывались и генералы, бывшіе тогда не въ авантажѣ, и необыкновенно бойкіе молодые люди, отъ которыхъ Кленовскій было растерялся даже, но его репутація раненаго кавказскаго героя заставила многихъ заинтересоваться имъ лично, помимо его жены. Сверхъ того онъ умѣлъ молчать, а это, какъ извѣстно, самая привлекательная черта у хозяина для болтливыхъ гостей. Эпоха-же была болтливая и такіе какъ онъ оказывались въ цѣнѣ. Хотя ему нѣсколько странно было видѣть у себя рядомъ съ блестящими офицерами ученыхъ вѣдомствъ и весьма корректными дипломатическими чиновниками невѣдомыхъ носороговъ, въ грязныхъ сбитыхъ воротничкахъ и не безъ собственнаго запаха — которымъ, собственно, слѣдовало-бы, оставаясь у подъѣзда, играть въ орлянку съ кучерами, но жена его называла ихъ *boeuf à la mode* и объясняла, что иначе нельзя, что теперь ихъ не только пускаютъ всюду, но и ухаживаютъ за ними, что всѣ ждутъ отъ нихъ „новаго слова“. Кленовскій, собственно говоря, не понималъ, какое такое это „новое слово“, ему въ простотѣ души казалось, что всѣ слова цѣлаго академическаго словаря давно уже сдѣлались старыми, но онъ удовлетворился этимъ объясненіемъ, тѣмъ болѣе, что и жена ничего болѣе ему не могла сказать, — сама тоже плохо соображала. Успливаясь понять что-нибудь, онъ по цѣлымъ часамъ выслушивалъ претенціозную, крикливую и не допускавшю никакихъ возраженій болтовню. Дѣло въ томъ, что въ тѣ времена это дѣйствительно было *boeuf à la mode*. Настоящіе люди, вышедшіе изъ той-же бурсы, мученически и самоотверженно несшіе великую службу своему народу, лучшій цвѣтъ тогдашней литературы не очень побѣжалъ-бы въ салонъ къ мадамъ

Кленовской. И поважнѣе ее ухаживали за ними безъ всякаго успѣха, да имъ было и некогда! За то всевозможная безшабашная полуразбойничья толпа, прикрываясь ихъ знаменами, разставивъ люты и сопя, вторгалась всюду и безъ спросу. Съ грубостью языка и нравовъ, также свободно и безцеремонно, она вносила грязь на сапогахъ и собственный запахъ, нпчуть не отличавшійся отъ такого-же у Чичиковскаго Петрушки. Время требовало бойкихъ языковъ. Начиналась великая эпопея освобожденія крестьянъ. Въ затхлые застѣнки тогдашней Россіи повѣяло освѣжающимся воздухомъ возрожденія. На первыхъ порахъ поэтому и несуразная, но недопускаящая спора, наглая болтовня сходилла за знаніе дѣла; по новости глупые люди, обладавшіе широкими глотками и способностью говорить „дуракъ“ баждому, кого они встрѣчали, прослыли умными. „Они изъ народа!“ говорили про нихъ, хотя они сами народъ считали только стадомъ, которое надо стричь и доить. При этомъ случилось нѣчто вполне характерное для обычной человѣческой трагикомедіи. Отмѣченные рокомъ передовые бойцы, самоотверженные апостолы, люди дѣйствительныхъ заслугъ, носившіе въ душѣ Божью искру генія, изводившіеся до смерти на черной и бѣлой литературной работѣ, широко щедро рукою бросавшіе въ жадную толпу образы и мысли, опредѣленія и принципы, помогавшіе ей считать съ себя моховины крѣпостничества и застоя — гибли, какъ жатва отъ нежданнаго мороза, умирали въ чахоткѣ, въ нищетѣ. Эта же грубая челядь, все это ворвавшееся въ свѣтскую гостиную воспитанное на неуваженіи къ народу, на поборахъ, на самоуниженіи предъ болѣе сильными и на безпощадномъ угнетеніи слабыхъ, на глупо самомнѣнномъ отношеніи къ упраздненной, хотя и неизвѣстной ему наукѣ, битое стекло варварской школы, въ такихъ именно салонахъ, какъ у мадамъ Кленовской, обдѣльвало съ звѣриною хитростью свои дѣла, пролѣзало на видныя должности, съ маху изъ глотки у оплошавшихъ сановниковъ рвало сытныя мѣста, на которыхъ, набивъ зобки и украсясь разными кавалеріями, не медля стало гнать и въ хвостъ и въ голову тѣхъ, знаменами которыхъ они недавно прикрывались и ради кого ихъ еще недавно всюду принимали.

У Кленовскихъ не было дѣтей и Марго де Франсъ поэтому нисколько не заботилась о приращеніи капиталовъ. Въ этомъ отношеніи она обрусѣла вполне. Дѣла ея шли хорошо, у нея было пропасть друзей и знакомыхъ — такъ она прожила всю жизнь, такъ и состарѣлась, сосватавъ у себя въ гостиной сотни предпріятій, давшихъ другимъ милліоны, а ей только позволившихъ жить во всю. Она давно добиралась до Самсонова. Ей хотѣлось заполнить этого милліонера, и когда она прочла его имя въ спискѣ кліентовъ громаднаго бере-

гового отеля и также имя Свѣтлицъ-Донецкой, она заранѣе поздравила себя съ успѣхомъ.

Расцѣловавъ до тла Наталью Григорьевну и нѣсколько разъ назвавъ ее и „дусей“, и божинькой, и красавицей, и царевной, она наконецъ обратилась къ Льву Самойловичу и не безъ удовольствія замѣтила на его лицѣ радушную улыбку.

— Теперь съ вами. Здравствуйте, счастливецъ.

— Чѣмъ это, счастливецъ.

— Какже — сколько времени здѣсь и каждый день видѣть эту прелесть. Да если бы я была мужчиной... Эхъ вы, вахлаки!

Марго де Франсъ любила щеголять словами, которыя она называла „мужицкими“.

— Мы завтракаемъ разумѣется вмѣстѣ, за отдѣльнымъ столикомъ... Какъ хотите, на ваше время я никакихъ притязаній не имѣю, но ѣсть одна не буду.

Такъ какъ Марго умѣла быть пріятной, то ее предложеніе ни въ явѣ, ни въ тайнѣ, не вызвало никакихъ противорѣчій. И Самсоновъ и Донецкая улыбнулись и заявили, что они ничего лучшаго не желаютъ. Въ эту минуту въ залу вошла дѣвица Рослякова. Марго наплась и ей сказала любезность, удивившись ея маленькимъ рукамъ и ногамъ, что нисколько впрочемъ не было странно, такъ какъ Анна Федоровна и сама-то оказывалась съ мизинецъ. Тѣмъ не менѣе это ее завоевало вполне и она по своей привычкѣ тотчасъ же приклеилась къ Кленовской и посвятила ее во все подробности своего высокаго происхожденія отъ губернаторскихъ чреслъ.

— Ну, а я простая мѣщанка! засмѣялась Марго.

— Какъ это?

— А такъ, только по мужу генеральша! Левъ Самойловичъ, какъ вы смѣете не говорить мнѣ „ваше превосходительство“. Разумѣется мѣщанка, парижская ситуайенка. У меня при фамиліи никакого „де“ не было. Chevrier... Просто значитъ Козлова. А знаете, какую чудную фамилію я видѣла на доскѣ въ одномъ отелѣ въ Парижѣ: M-r le Prince de Rastorgouyeff и vicomte de Pousanoff. Хороша аристократія!

Всѣ разсмѣялись.

— А, еще одинъ знакомый!.. И Марго пошла на встрѣчу Пригладову, только что появившемуся съ работы надъ какимъ-то этюдомъ. Художникъ надѣлъ сегодня даже розовый галстухъ, но второпяхъ замазалъ его кобальтомъ. Увидѣвъ Марго, онъ опѣшилъ. Ему одному было непріятно появленіе этой дамы.

— Чортъ ее возьми, сѣдую ворону! Дѣлиться придется.

Онъ кисло ей улыбнулся и по своему обычаю желая сказать не-

пріятность Маргаритѣ Францовнѣ, подѣловалъ ей руку и во всеуслышаніе объявилъ:

— Однако и постарѣли же вы, матушка. Что, все по прежнему по мытарствамъ ходите?

Она откровенно засмѣялась, глядя на него.

— Хожу, хожу, Иванъ Николаевичъ. Вѣдь это вы счастливецъ. Опредѣлили себя къ особѣ Льва Самойловича, вамъ и двухъ матокъ теперь не надо... Любому ласковому теленку одной такой за глаза довольно... А что касается до лѣтъ, то вѣдь я только на два васъ старше. Мнѣ пятьдесятъ пять, а вамъ пятьдесятъ три.

Иванъ Николаевичъ растерялся и понялъ, что борьба съ ней ему не по силамъ.

— Ну, ужъ и пятьдесятъ три.

— Ваши же біографы на всю Россію васъ объявили такимъ... При портретахъ. А впрочемъ, дай вамъ Богъ, и отѣлись же вы здѣсь...

Левъ Самойловичъ не безъ злого удовольствія слушалъ эту милую бесѣду. У него въ глазахъ играли „лукавые зайчики“, какъ называлъ ихъ Пригладовъ. Очевидно Самсоновъ отлично понялъ, на что мѣтила и намекала Марго. Пригладовъ-было потерялъ голову, ему хотѣлось отвѣтить Кленовской, зажать ей ротъ. Сдѣлавъ добродушное лицо и совсѣмъ сѣзвивъ глаза, такъ что они изъ щелокъ только, какъ мыши изъ норокъ, выглядывали, онъ засмѣялся.

— А вамъ небось завидно. . Вамъ бы хотѣлось тоже при особѣ, а?.. Вкусно въ чужомъ пирогу-то.

— Не умѣю, голубчикъ! даже нѣжно протянула та. Во-первыхъ на заднихъ лапкахъ стоять не обучилась... Все на переднія падаю. Искренно вамъ завидую... А потомъ, знаете какъ когда. Мнѣ случалось видѣть, какъ отъ чужого пирога и палькой гоняли...

Иванъ Николаевичъ окончательно потерялъ хорошее расположеніе духа и сталъ пространно и запутанно объяснять Аннѣ Григорьевнѣ, какъ ему сегодня не удалось уловить пустяка собственно: отблеска песчаной отмели, когда съ нея только что сбѣжала волна.

— Она и мокрая, понимаете, и не мокрая.

— Волна? — совсѣмъ глупо переспросила дѣвица Рослякова.

— Не волна, а бревно, — разозлился Пригладовъ и отошелъ прочь.

— Не любить! — замѣтила Марго тихо, но такъ, чтобы Иванъ Николаевичъ ее слышалъ.

Самсоновъ не отказалъ себѣ въ наслажденіи нанести еще ударъ Пригладову.

— Ну, Маргарита Францовна, сегодня мы по случаю вашего пріѣзда шампанскаго выпьемъ. Вы не можете себѣ представить, какъ

я радъ вамъ. Я всегда васъ цѣнилъ. И такъ и знайте — скоро мы васъ ни за что не отпустимъ. Я даже мужу вашему телеграфирую, что похищаю васъ у него. Я думаю онъ меня на дуэль не вызоветъ?

— Радъ будетъ! — угрюмо буркнулъ въ тарелку Пригладовъ.

— Разумѣется не вызоветъ. — Марго притворилась, что не слышала Ивана Николаевича. — Особенно, когда я ему напишу, что встрѣтила здѣсь очаровательнаго москѣ Пригладова. Онъ пойметъ — разъ Иванъ Николаевичъ здѣсь — ревновать меня нечего, даже къ вамъ, потому что вѣдь насъ съ вами вдвоемъ ни за что не оставятъ ни на минуту.

Пригладовъ былъ совсѣмъ уничтоженъ и въ первый разъ за все время ѣлъ и пилъ безъ всякаго аппетита, хоть подали его любимое ризотто съ moules, устрицами и крабами, а Левъ Самойловичъ, лицемѣрно удивляясь, расспрашивалъ его, за что это онъ разлюбилъ вдову Кликю, еще недавно такъ безраздѣльно владѣвшую его сердцемъ.

XII.

Съ самой ночи въ Санъ-Себастьянѣ, оставившей въ Натальѣ Григорьевнѣ смутное впечатлѣніе чего-то хорошаго, но о чемъ вспоминать не слѣдуетъ, она начала замѣчать, что Левъ Самойловичъ какъ-то измѣнился. Онъ сталъ слишкомъ порывистъ, нервенъ, безпокоенъ. Часто отвѣчалъ не впопадъ; слушая ее, какъ будто думалъ о другомъ. Голосъ его то весь уходилъ въ трепетную ласку, точно въ каждомъ звукѣ его бились нѣжно-нѣжно до сихъ поръ незнакомые ей пульсы, то грубѣлъ до хрипоты, и расположеніе духа его мѣнялось сообразно этому. Онъ не противорѣчилъ ни въ чемъ Натальѣ Григорьевнѣ, но все кругомъ находилъ не по себѣ, ничѣмъ не былъ доволенъ. Безоблачное небо ихъ „дружбы“ стали заволакивать какія-то тучки. Ему и природа разнравилась, и скалы эти онъ называлъ слишкомъ утомительными, и море черезъ-чуръ монотоннымъ. „Все одно и то же, одно и то же“, — жаловался онъ; прогулки съ нею приводили его въ еще большее раздраженіе; онъ сталъ замѣчать, чего не замѣчалъ прежде — что дороги нехороши и пыльны, что деревья мало даютъ тѣни, и часто посреди разговора съ нею задумывался, такъ что не слышалъ нѣсколько разъ повтореннаго ею вопроса и, опомнившись, отвѣчалъ „да“, когда слѣдовало сказать „нѣтъ“, и „нѣтъ“ вмѣсто „да“.

— Вы точно мною недовольны? — сказала разъ она, когда онъ вдругъ разозлился на нечаянно подвернувшійся подъ ноги несчастный камень. — Я вамъ надоѣла, да?..

— Я еще никогда васъ не любилъ такъ, какъ люблю теперь!

Вы стали моей болѣзнью... Да,—обрадовался онъ тому, что нашель наконецъ опредѣленіе, — я боленъ вами, именно боленъ вами...

— Вы забыли наши условія! — тихо проговорила она, пожимая ему руку.

— Ахъ, всё эти бандалы, которыя Богъ вѣсть для чего мы сами на себя накладываемъ. Человѣкъ разъ живетъ и миновавшееся счастье никогда не вернется. Минута пропала, можетъ быть другая будетъ лучше, но не эта, она ужъ не воскреснетъ, не повторится. Сами мы создаемъ себѣ какія-то сложныя положенія, сами на себя плетемъ паутину, а потомъ удивляемся, почему это намъ такъ съверно живется! Глупой птицѣ отвори влѣтѣу — она выскочить. А мы... И влѣтѣу собственными руками построимъ—никто не гонитъ въ нее—заберемъ туда и хоть дверь отворена, на всё четыре стороны путь открытъ, а мы съ жердочки на жердочку, и все одну и ту-же пѣсню: ахъ, какъ тѣсно, ахъ, мы въ влѣтѣѣ, ахъ, если-бы намъ да свободу!

— Я васъ не совсѣмъ понимаю?

— А вы думаете я себя понимаю? Давно пересталь, оглупѣлъ должно быть совсѣмъ.

И тотчасъ-же онъ дѣлался мягче и, будто стараясь заставить ее позабыть все сказанное имъ, обрुжалъ ее тысячью мелкихъ и незамѣтныхъ, но чувствуемыхъ ласкъ, становился вдругъ ревниво-внимателенъ, слѣдилъ за каждымъ ея взглядомъ, любовался ритмическою гибкостью ея стана, ловилъ воздухъ, которымъ она дышала, говорилъ невообразимую чепуху, которая именно такую не казалась Натальѣ Григорьевнѣ, и заставлялъ ее радостно и любовно улыбаться ему. Въ такія минуты ему мерещилось, что въ привѣтномъ взглядѣ ея большихъ сѣрыхъ глазъ разверзаются глубины чуднаго-чуднаго и невиданнаго до сихъ поръ неба. Онъ разомъ стихалъ, просилъ у нея въ чемъ-то прощенія, цѣловалъ ей руки; безъ всякаго требованія съ ея стороны, увѣрялъ, что „это“ никогда-никогда больше не повторится. Ни она, ни онъ не могли-бы опредѣлить, что такое „это“, но обимъ было хорошо, оба во всей этой бессмыслицѣ понимали нѣчто другое, настоящее, милое, только высказывавшееся не тѣми словами; но слова тутъ не при чемъ, а важенъ тонъ, которыми они говорились. И она довѣрчиво опиралась на его руку и, успокоенная, забывала такъ быстро промелькнувшія минуты его раздраженія. Она чувствовала себя хорошо, ей ничего не надо было болѣе, и судя о немъ по себѣ, она думала, что и онъ можетъ довольствоваться тѣмъ-же. Въ свои двадцать шесть лѣтъ Наталья Григорьевна такъ-же мало знала жизнь, какъ и въ шестнадцать, а онъ бился какъ рыба, попавшая въ сѣтъ, и не находилъ въ себѣ силы смѣло поставить ей вопросъ объ ихъ отношеніяхъ. Впрочемъ, можетъ быть и самъ онъ еще не разобрался съ ними...

Оставаясь одинъ, Левъ Самойловичъ чувствовалъ себя еще хуже. „Я обратился въ нервную дрянь“, говорилъ онъ самъ себѣ, ложась вечеромъ въ постель и долго ворочаясь, прежде чѣмъ безпокойный и прерывавшійся сонъ наконецъ смыкалъ ему глаза. Ему теперь все мѣшало: и тяжелое дыханіе нѣмки за стѣною его спальни, и хлопанье плохо притворенной ставни, и свистъ вѣтра въ каминѣ, и шумъ его въ длинномъ корридорѣ отеля, и шаги лакея мимо его дверей, и мягкія подушки, душнымъ жаромъ охватывавшія его голову, и толстое одѣяло, какимъ-то бременемъ лежавшее на немъ... Онъ брался за книгу, но строки ея перепутывались въ черные узлы и исчезали, а потомъ вдругъ проступали преувеличенно ярко и дразнили его; онъ нѣсколько разъ перечитывалъ ихъ, не въ силахъ будучи понять недававшегося ему смысла. „Совсѣмъ идиотомъ сдѣлался“, соображалъ онъ... И опять тушилъ свѣчу и по цѣлымъ часамъ всматривался въ темноту, въ которой, казалось, свивались и развивались блѣдныя фосфорическія спирали, уходили далеко-далеко и тамъ *гдѣ-то* распались голубыми искрами, медленно гасшими въ угнетавшемъ его мракѣ. И море шумѣло по ночамъ — тоже мѣшало ему. Онъ считалъ удары волнъ въ террасу, считалъ до одури и на этомъ засыпалъ, чтобы опять проснуться и съ злостію прислушиваться къ храпѣнію своей сосѣдки. „Завтра-же переищу комнаты!“ говорилъ онъ самъ себѣ, но приходило это „завтра“ и ему было некогда. Устраивалась прогулка, за обѣдомъ засиживались, благодаря веселой болтовнѣ Маргариты Францовны, до поздняго вечера, — а тамъ опять терраса съ ночными звѣздами, тихій разговоръ Натальи Григорьевны, охватывавшій его полымемъ, иногда случайно устраивавшійся концертъ, къ которому они оба прислушивались, затаивъ дыханіе. Музыка такъ шла къ этому молчанію утомленной природы. Казалось, и звѣзды, задумчиво мерцаая, внимали ей съ своихъ недосыгаемыхъ высотъ, и волны тише и тише бились объ утесистые берега, и все кругомъ никло и терялось передъ этою широкою мелодіей скрипокъ и віолончелей... О чемъ пѣли они, чему радовались, по комъ плакали? Самсоновъ всегда любилъ музыку, — онъ отдавался ей. Ему казалось, что, раскинувъ руки, онъ на ея волнахъ несется далеко, или что это не подъ террасою звенятъ струны странствующихъ гитаристовъ и жалуются на какую-то великую несправедливость, а здѣсь, въ самомъ сердцѣ его, бьются, и стонутъ, и молятся передъ невѣдомымъ и безпощаднымъ божествомъ. Часто подъ вліяніемъ внезапно нахлынувшей на него жалости, онъ бралъ руку Натальи Григорьевны и говорилъ ей: „какіе мы несчастные съ вами!“ Причемъ она еще шире раскрывала свои большіе сѣрые глаза и съ недоумѣніемъ смотрѣла на него. Ей такъ хорошо было съ нимъ вдвоемъ, лицомъ къ лицу съ ночью, дышавшею

на нее своей прохладой, въ стихіи свивавшихся какъ дымки звуковъ; они дѣйствовали на нее совершенно иначе. Она подъ ихъ вліяніемъ брала его за руку и тихо гладила ее... А онъ? Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы вдругъ не взять, не сжать ее всю своими сильными, горѣвшими руками и не унести... Куда? Почему онъ зналъ. Туда, куда неслись эти аккорды. куда упала вонь та мгновенно мелькнувшая звѣздочка, куда по вѣтру плыло благоуханіе жасминовъ, распустившихся на террасѣ.

Приглядовъ становился тоже мраченъ. Онъ уже рѣшилъ, что ему дѣлать здѣсь нечего. Всего чего онъ хотѣлъ — добился. Большаго было трудно ждать, особенно подъ пристальнымъ и насмѣшливымъ взглядомъ Маргариты Францовны. Она точно угадывала всякую мысль, и не успѣвала та еще опредѣлиться у него, сложиться въ первую фразу, какъ Марго рассказывала какой-нибудь анекдотъ, гдѣ эта мысль являлась облеченная въ смѣшную форму и заставляла хохотать всѣхъ. „Буря въ Бриндизи“ была не только куплена Львомъ Самойловичемъ, но запакована и отослана ему. Иванъ Николаевичъ въ этомъ отношеніи ничего не прогадалъ. Онъ даже обезпечилъ себя заказомъ еще на нѣсколько картинъ и задатокъ взялъ, рассчитывая, что теперь-то и бить сороку, пока она въ угарѣ мечется. Сообразивъ положеніе дѣлъ, онъ разъ утромъ объявилъ Самсонову: „я на-дняхъ домой“.

— Какъ домой?

— Nach Russland. Довольно... Побаловался и будетъ. Дочурка зоветъ. Какія порученія дадите, исполню.

— Нѣтъ, какія-же порученія... У меня тамъ и безъ того дѣлая толпа бездѣльниковъ. Не знаю, чѣмъ ихъ и занять-то!

— Подумаешь, какой вы сами дѣловой человѣкъ! — не сдержался Иванъ Николаевичъ. Ему теперь было все равно, и онъ рѣшился свести счеты съ Самсоновымъ. Тотъ впрочемъ не замѣтилъ дерзости. И не только не замѣтилъ, но ему захотѣлось высказаться хоть изда- лека передъ постороннимъ человѣкомъ. Ему было-бы легче, онъ это самъ чувствовалъ. Да, впрочемъ, душа его была такъ полна, что если-бы на мѣстѣ Приглядова сидѣлъ какой-нибудь X или Z, онъ все-таки сталь-бы ему жаловаться.

— А мнѣ скверно здѣсь! — тупо глядя на полъ, началъ Левъ Самойловичъ.

— Еще-бы, полагаю! — И Иванъ Николаевичъ засвисталъ.

— То есть, что-же вы полагаете?..

— А то, что вы съ жиру бѣситесь начинаете. Слава Богу, жары прошли, а то бы на подобіе пастеровскихъ собачекъ кусаться начали.

— Какъ съ жиру — я боленъ совсѣмъ.

— Это и видно. Подковы гнете великолѣпно... Грудь на двад-

цать пять лѣтъ каторжной работы, сангаліевскіе кузнецы на заводѣ отливали—и вдругъ: „что на свѣтѣ есть несносно, пренесносна есть любовь“. Разумѣется, съ жиромъ бѣситесь. Вамъ-бы, знаете... Читалъ я недавно, какъ одинъ докторъ въ Америкѣ такого-же, какъ и вы, „несчастливаго“ спасъ отъ хандры. Взялъ ему да здоровую ногу и отхватилъ въ лучшемъ видѣ. Тотъ сейчасъ-же и узналъ настоящую цѣну жизни. Скажите, пожалуйста, какой несчастный человѣкъ нашелся. Пожалуйте его, добрые люди, вы бы Марго де-Франсъ открылись, въ слезахъ на грудь ея баць и платочекъ къ глазамъ. Она бы живо утѣшила васъ... Воображаю картину. Самсонъ въ объятіяхъ Бавкиды... Анахронизмъ—а вѣрно. Надо-бы зачертить. Несчастливые люди! И сколько въ васъ, во всѣхъ, подлаго эгоизма. Несчастливые люди! Такіе-ли бываютъ несчастные?

И Иванъ Николаевичъ точно подъ гору подвѣтился. Онъ теперь чувствовалъ, что ему ни за что не остановиться.

— Вы видѣли несчастныхъ людей? Нѣтъ, вы мнѣ скажите — наступалъ онъ на Самсонова,— вы видѣли несчастныхъ людей?.. Что вы въ ротъ воды набрали. Крокодилъ этакій! Отвѣтить человѣчески не можете?

Левъ Самойловичъ отодвинулся только и утерся, потому что разбѣсившійся Иванъ Николаевичъ въ эту минуту являлся истиннымъ пульверизаторомъ.

— Нѣтъ, хотите я вамъ покажу несчастныхъ людей? Вамъ недалеко придется идти за ними. На любой свой заводъ загляните, тамъ вы ихъ увидите. Это дѣйствительно несчастные. Пока вы тутъ „Поля и Виржини“ изображаете, да въ тонкихъ сантиментахъ, отъ которыхъ никому ни тепло, ни холодно, изводитесь... Да-съ, никому, и вамъ первому не тепло ни холодно, потому что далѣе сладкихъ словъ вѣдь вы не ушли? Только подвздошную кость натрудили. Нынѣ любой кадетиска—умнѣе васъ въ этомъ отношеніи, а ужъ про классиковъ гимназистовъ и толковать нечего: тѣ вамъ пятьдесятъ очковъ впередъ дадутъ и всѣ шары въ лузу положить. Не даромъ Катулловъ да Тибулловъ безъ словаря понимать могутъ... Да, о чемъ бишь я началъ... Несчастливые люди! Я вамъ покажу несчастныхъ: любой вашъ рабочій несчастный. Вша его ѣсть, рубаха на немъ—лохмотье. Жарится онъ грудью-то у горна, либо у домны, а въ спину ему морозъ. Отойдетъ на минуту—шатается какъ запаленная, загнанная лошадь. Дома у него жена чахлая, ребятишки—въ могилу краше кладутъ. Самъ онъ какъ вырвется—въ кабакъ, потому что куда же ему отъ такого счастья иначе дѣваться, вѣдь живая душа тоже. Напьется, оскотинѣетъ, озвѣрѣетъ,—домой жену бить, дѣтишекъ чѣмъ попало. Вотъ это не-

счастнѣй, настоящій несчастнѣй. Чего вы глаза на меня лупите. нужно же вамъ когда-нибудь правду узнать. Всѣ передъ вами — какъ свѣча горять. Далай-Лама! А вы заходили когда-нибудь въ жилище въ своему кормильцу и поильцу, къ этой самой святой сѣрой скотинѣ, которая изморомъ своимъ даетъ вамъ возможность лимонады разводить здѣсь, корицу на епсломъ млокеѣ съ сахаромъ... Стыдитесь вы, — еще большой кабой — подумаешь Бова-королевичъ, а его хоть сейчасъ за прялку или въ институтъ. Любой котъ на крышѣ, что задереть хвостъ у трубы да Машку зубами за шею — и онъ умнѣе васъ выходить... Чего вы въ самомъ дѣлѣ? уккусное гнѣздо завелъ у себя въ сердцѣ и то же — сочувствія требуетъ. Нѣтъ вамъ моего сочувствія, понимаете-ли вы, нѣтъ! Несчастнѣй человекъ... Скажите пожалуйста! Нѣтъ, вотъ я былъ несчастнымъ, такъ дѣйствительно несчастнымъ. Когда булку у таого-же несчастнаго лотошника укралъ — да-съ... Молодъ былъ — голодалъ двое сутокъ, а во всемъ Петербургѣ никого знакомыхъ. Дѣхнуть приходилось, а вы понимаете что такое смерть отъ голода? Куда вамъ! Яйцо вы въ смятку, а не человекъ. Такъ я, шоль-шоль, какъ теперь помню, по второй линіи Васильевскаго и съ уличнаго лотка булку стащилъ. Спалъ лотошникъ. И тутъ-же ее сожралъ. Вы въ такихъ положеніяхъ бывали? Настоящее несчастье испытывали? Скажите, пожалуйста, взрослому кавалеру вдругъ вздумалось балетнаго амура разыгрывать и сейчасъ — ахъ, какъ я несчастливъ! Цѣлое море, цѣлый океанъ бѣдствій льется мимо васъ, только вы его не замѣчаете. Одна капля его отравила-бы вамъ всю вашу жизнь, а другіе по горло въ немъ сидятъ и то не хныкають, не ноютъ. Ей Богу, вы меня извините, вы кабой-то большой зубъ, а не человекъ.

— Чего вы злитесь? Иванъ Николаевичъ, что съ вами?

— Что со мною?! Нѣтъ, ужъ дайте мнѣ высказаться. Не даромъ я столько терпѣлъ. Вы что воображаете — теперь я, вашъ покорнѣйшій слуга, счастливъ что-ли?.. Вы думаете, что швырнули мнѣ нѣсколько тысячъ, такъ я и радуйся. — И Приглядовъ осторожно дотронулся до оттопырившагося бокового кармана. Вамъ въ самомъ дѣлѣ кажется, что я долженъ пѣтухомъ передъ вами ходить и все свои аллюры въ вашему удовольствію показывать? Такъ, что-ли, по вашему, а? Ну, такъ вотъ же вамъ — если хотите видѣть несчастнаго человека — такъ получите: Иванъ Николаевичъ Приглядовъ, академикъ и проч., и проч., и проч. Да-съ, именно несчастнѣй. Позвольте васъ спросить, почему это я передъ вами на заднихъ лапахъ Фидельку изображаю, а не вы передо мной. Что вы такое — отними у васъ ваши милліоны? Ничтожество, глупый человекъ и ничего больше. Я умнѣе васъ, я васъ насевозъ вижу, а вы меня никогда не рас-

кусите, да-съ. Я — талантъ, я могу голову высоко носить, потому что я самъ себя сдѣлалъ. Я голоднымъ мѣщанишкой въ Петербургъ пѣшкомъ изъ Вятки пришелъ, а теперь я Пригладовъ-съ. Портреты мой журналы печатають, въ біографіяхъ на меня всякую небывальщину врутъ. Вы вотъ на свой счетъ за тридцать земель въ тридцатое царство меня завезли и, понимаете, этимъ вѣдь я никому, кромѣ Господа Бога моего, не обязанъ, а вы? Не умри скоропостижно вашъ папенька, да не оставь вамъ бѣшеныхъ милліоновъ, что бы вы дѣлали?.. Ну, что бы вы дѣлали. Нѣтъ, вы мнѣ скажите, милостивый государь мой, розанъ вы этакій, что бы вы дѣлали? Въ голландскій магазинъ приказчикомъ что-ли? Или въ чайный?..

— Постоите, постоите, я вашу болтовню готовъ въ серьезъ принять. Что бы я дѣлалъ, я вамъ скажу. Я тогда, когда былъ бѣденъ, печататься началъ. У меня дарованіе находили. Я въ химію весь ушелъ, у Вутлорова работалъ — даже цѣлую монографію написалъ. Близокъ былъ къ тому, чтобы открытіе сдѣлать...

— Вотъ-вотъ. Ишь какой паянъка, Галлилей! Скажите, сейчасъ только что изъ царствія небеснаго съ прямымъ поѣздомъ-молніей прикатилъ и даже переодѣться не успѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, неудавшійся геній. Молитесь на него Богу, люди. Онъ-бы, если-бы не милліоны, Шекспиромъ сдѣлался, либо Гумфри Деви или кто тамъ еще! Химикъ въ стихахъ! Великій ученый на заячьемъ мѣху! Милліоны вишь ему помѣшали. Пока ему по копѣйкѣ съ четвертью отпускали за строку или пока онъ въ чужой лабораторіи работалъ, такъ ему все улыбалось и будущее было его, а какъ милліоны въ руки попали, такъ сейчасъ же изабелла — ослабѣла! Такъ, душенька, такъ, такъ, милка, ты моя!

— А вы забыли, что вы сказали мнѣ какой-нибудь мѣсяць назадъ?

— Что, какую вы еще каверзу вспомнили?

— Что если бы у васъ былъ милліонъ, то вы бы плюнули на искусство.

— Вы этому повѣрили, дитю этакое! Эхъ вы, досадно и разговаривать съ вами. Мало-ли что поэтъ или художникъ скажетъ въ минуту недовольства собою, недовѣрія къ себѣ. Еще и не такую фразой я выпалить могу! А я вамъ вотъ что объясню: талантъ есть и благословеніе и проклятіе въ одно и то же время. Съ вами судьба можетъ шутить Богъ знаетъ какъ, швыряетъ васъ въ поднебесье или въ преисподнюю, а вы съ нимъ, какъ больной ракомъ съ своей болѣзью не разстанетесь. Онъ сильнѣе васъ. Дай вамъ милліоны, царемъ васъ сдѣлай, вы все равно будете *творить*, да-съ, *творить*. Потому

что въ насъ частичка Божества, созидательное начало, принципъ рожденія. Богъ грезить мірами, а мы образами. Мы его пророки, герольды, потому что мы именуемъ его добру, истинѣ и красотѣ служимъ. Понимаете-ли вы это, другъ души моей? Въ насъ его выраженіе. Чему вы смѣтаетесь, да на пузо мое смотрите, жалкій вы человекъ, я не пузомъ, а рукою и кистью, повинующимися головѣ и сердцу, свои картины пишу. Байронъ хромою былъ, а это ему не мѣшало Чайльда Гарольда создать... Гоголь съ Аполлономъ Бельведерскимъ ничего общаго не имѣлъ, а Езопъ и еще того хуже! Да-съ. Или благословеніе, или проклятіе, или и то и другое вмѣстѣ. Настоящій талантъ—не такіе часовики, какъ вы! Чему вы глупые глаза дѣлаете? Не знаете, чтó такое часовикъ, такъ я вамъ скажу. Бабочка такая есть—всего одинъ вечеръ и ночь живетъ, и умираетъ утромъ. Такъ и вы, Пушкинъ-Вутлеровичъ. Какъ запопали милліоны, такъ онъ сейчасъ-же и химію и рифмованныя строки по хвосту. Полно-де баловаться, теперь я настоящимъ дѣломъ займусь... Съ благородными дѣвицами вольнымъ обращеніемъ. Эхъ, вы... А, разумѣется, теперь вамъ не по себѣ: привыкли за свои деньги вездѣ маленькимъ богомъ быть, да удержу не знать. Что ни увидишь, все мое. Накину-де немного и возьму. Ничего-де непродажнаго на свѣтѣ нѣтъ. И картину и подлеца Приглядова куплю, и дѣвицу всякую со всѣмъ ея тонкимъ эфиромъ;—а тутъ на-ко, явилась такая царица индійская, съ которой, какъ ни какъ, а считаться приходится. Сдѣлала она пальчики такъ,—по нашему, по грубому, это шишъ называется—протянула къ вамъ да и говоритъ: „выкусите-ка это, милый другъ мой. Хотя я васъ полюбила, и всѣ это видятъ, а только, несмотря на мое аристократическое происхожденіе, во мнѣ глубоко унтеръ-офицерская мораль сидитъ и никакъ я безъ закона вступитъ съ вами въ любовь не согласна“. А вы-то вокругъ ея. Хвостъ павлиномъ, гребень трубой—урлы-урлы?... И молодецъ-же баба, хвалю! Не нашего поля ягода, ни на какую наживку не пойдетъ. И себя измучить и васъ тоже, а ужъ сдѣлайте одолженіе, съ ней *une rage d'amour* у васъ не будетъ. Нѣтъ, не такая. Это не ваша Камерія Алексѣевна. Вотъ вы теперь и поймите, какое въ сущности ничтожество деньги, когда вы цѣною всего вашего состоянія, всѣхъ милліоновъ одного мгновенія счастья у нея, у Натальи Григорьевны, купить не можете. Она-то вамъ и доказала, что вы ничтожный, ничтожный, ничтожный человекъ и ничего болѣе. Эй-Богу, сейчасъ надѣну фракъ, возьму букетъ, на ваши-же деньги куплю,—вотъ вѣдь онъ здѣсь у меня,—хлопнулъ онъ себя опять по боковому карману—и пойду къ ней, на колѣни—и скажу: какъ богинѣ на вашъ алтарь цвѣты принесъ. Діана вы — и больше ничего. Смо-

трите, она еще васъ если не въ оленя, то въ овцу во всякомъ случаѣ обратитъ. Вы бы попробовали стихами ей. „Краса природы, совершенство, ты не моя, ты не моя“, можетъ она смилуется. Или изъ химіи, какой-нибудь одуряющій газъ придумайте, да въ носъ ей для легкаго воздуха. Чтобы ей разомъ память отшибло.

— Послушайте, чего вы ругаетесь?

Иванъ Николаевичъ озадаченно остановился.

— Что вы, бѣлены обѣлись? Или спятили?

— Должно быть, дѣйствительно, съ вами, съ умными людьми, съума сошелъ.— Пригладовъ сталъ успокаиваться. — Вѣдь въ вашемъ обществѣ въ самомъ дѣлѣ не уцѣлѣешь. Этакое, подумаешь, блаженство: сидятъ голуби и воркують. День воркують, два, три, мѣсяць, два... И дальше ни шагу. У насъ всякій деревенскій парень умиѣе. Потому что ежели онъ облапштъ, такъ отъ него никакая лебедушка бѣлая не увернется. Одуванчики!

— Ну, пришли вы въ себя, что-ли? Теперь я вамъ скажу: вы на меня чего-же это клеветеете. Гдѣ вы видѣли моихъ рабочихъ въ лохмотьяхъ. Извѣстно вамъ, въ какихъ условіяхъ у меня они?

— Еще-бы. Школы, больницы, пансіоны... Избы! Знаю я. Грошъ нищему, а тысячу рублей себѣ.

— Да, благодаря этой „тысячи себѣ“, Иванъ Николаевичъ Пригладовъ можетъ и картины продавать, и дочери приданое отвалить, и вдову Клико не оставить безъ вниманія.

— Такъ это почему, какъ вамъ кажется? — опять налетѣлъ на на него Пригладовъ. — Дайте-ка себѣ отчетъ, почему?

— Ну, почему?

— А потому что я, профессоръ и академикъ Пригладовъ, нашъ извѣстный, и проч., и проч., и проч., такой-же подлець, какъ и вы. Ни по чему другому болѣе. Я бы долженъ быть одинъ, да акридами и дикимъ медомъ питаться; тогда-бы вы знали разницу между мною и вами.. Вотъ и сейчасъ, шпыняю я васъ и ругательски ругаю. и Богъ видитъ искренно, не роль играю, не шуткой это, а взаправду. Потому распалилось у меня на васъ сердце... А въ душѣ у меня подлець хвостомъ вертитъ и шепчетъ: по счету-то, въ гостиницу, неужели ты самъ заплатишь, а не Самсоновъ, и на обратный билетъ ужли-же изъ своего портмоне вынимать деньги станешь...

Левъ Самойловичъ расхохотался и пошелъ на террасу, гдѣ онъ замѣтилъ издали стройный силуэтъ Натальи Григорьевны. Она оперлась на балюстраду и смотрѣла въ голубое царство спокойнаго сегодня моря.

XIII.

Какъ-то дня черезъ два Наталья Григорьевна вошла послѣ завтрака къ себѣ въ комнату и вдругъ ни съ того, ни съ сего почувствовала себя страшно утомленной. Ей почему-то захотѣлось сегодня остаться одной, прочесть, наконецъ, письма мужа, отвѣтить на нихъ, разобраться со всею этою сложною и запутанною поэмою послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, дать себѣ отчетъ въ нихъ. Она даже удивилась, когда вспомнила, сколько времени прошло — со дня ея прїѣзда! Наталья Григорьевна всегда до сихъ поръ жила головою — и она хорошо соображала, что теперь именно ея разсудокъ былъ не при чемъ, что она только отдавалась укачивавшимъ ее волнамъ, а куда волны эти несли и къ какимъ берегамъ — она не знала. Потомъ, какъ она ни беззаботно относилась къ сегодняшнему дню, но Левъ Самойловичъ ее начиналъ беспокоить; его нервность и раздражительность стали обычными явленіями и, сверхъ того, онъ сдѣлался странно требователенъ. По вечерамъ долго не отпускалъ ее къ себѣ. Его спокойныя прежде ласки жгли теперь Свѣтлинъ-Донецкую. Онъ весь былъ въ порывѣ — схватить руки и сожметъ до боли. Обовьетъ ее талію, да такъ, что у нея кости хрустятъ. Она хочетъ высвободиться. Она понимаетъ, что это не то, что этого нельзя. А онъ ей негодующимъ тономъ: „неужели и такія мелочи оскорбляютъ васъ. Нѣтъ, я вижу — я для васъ совсѣмъ-совсѣмъ чужой и вамъ все равно, чтó-бы со мною ни случилось“. Захочетъ она убѣдить его въ противномъ и сама приласкается къ нему — онъ вдругъ теряетъ голову и начинаетъ ей говорить то, о чемъ ему слѣдовало-бы молчать; а то вдругъ ни съ того ни съ сего возьметъ и приревнуетъ ее къ кому-же! — къ ея супругу — къ Владиміру Петровичу, къ послѣднему человѣку, къ которому онъ могъ-бы ее ревновать! И даже до того доходить, что вдругъ вчера у него вырвалась фраза: „и къ чему онъ живетъ“? — Кто онъ? — спросила Наталья Григорьевна. — „Да все тотъ-же... Вашъ мужъ!.. — Неужели вы способны желать ему смерти! — О, да, еще-бы! Не только способенъ, но я желаю, страстно желаю, всѣми силами своей души“... Наталья Григорьевна отодвинулась отъ него и весь вечеръ оставалась молчаливой и грустной. Не могла пересилить себя, едва простилась съ нимъ. И она хорошо понимала, что въ этомъ случаѣ у нея не было ни малѣйшаго недовольства Львомъ Самойловичемъ. Она просто чувствовала себя безпомощной, растерявшейся, неприготовленною передъ этою новою непонятною эпохою жизни, которая не только застала ее врасплохъ, но подхва-

тила и несеть ее куда-то, быстро несеть, такъ что если она не схватится теперь за какую-нибудь спасительную скалу—пожалуй скоро очутится въ невѣдомомъ ей открытомъ океанѣ и все ея прошлое, какъ оставленный берегъ, безвозвратно уйдетъ въ непроглядную мглу. Да, ей сегодня хотѣлось остаться одной. Она подошла къ окну — на террасѣ уже ждалъ ее Самсоновъ, онъ даже смотрѣлъ на это окно и, увидѣвъ Наталью Григорьевну, весело ей крикнулъ:

— Я готовъ... Скоро вы сойдете?

Она помолчала, не сразу справилась съ собой. Во взглядѣ его было столько такого, отчего ея воля совсѣмъ замирала, что и сейчасъ ее вдругъ могуче потянуло внизъ на террасу. Она съ силою схватилась рукой за подоконникъ и до боли нажала въ него ногтями. Левъ Самойловичъ стоялъ подь солнцемъ съ открытою головою. Сверху—онъ выигрывалъ въ широтѣ плечъ и въ мощи склада, но казался меньше ростомъ. Солнце въ его волосахъ и бородѣ играло точно въ золотомъ рунѣ... Ей стало жаль увидѣть сейчасъ эти открытые и доврчивые глаза печальными. Но такъ слѣдовало, слѣдовало во чтб-бы то ни стало!

— Левъ Самойловичъ, вы не разсердитесь?

— Чему и на кого?

— На меня!

— На васъ! Вотъ тоже. Когда же я сердился... Да я и не смѣю, и не умѣю на васъ сердиться!

— Ну, положимъ, за послѣднее время случается. Дайте мнѣ на сегодня отдыхъ?

— Какой отдыхъ? — не сообразилъ онъ.

— Видите-ли, я вдругъ почему-то почувствовала себя страшно утомленной. У меня просто силы нѣтъ сойти внизъ, гулять съ вами. Мнѣ хочется остаться одной, покойно въ креслѣ. Разобраться съ вещами... Тутъ столько накопилось дѣла.

У него лицо стало жалкое-жалкое... Она-было поколебалась. „Милый, я дѣлаю тебѣ больно“!.. подумала она про себя, но выдержала.

— Знаете, это и для васъ, и для меня лучше. Вечеромъ я буду свѣжѣе. Сегодня—ужъ будетъ луна. Шестой день какъ показалась. Мы можемъ взять лодку и уѣхать въ море. На нѣсколько часовъ.

— Вы мнѣ общаете это?

— Да! Я такъ и рассчитывала.

Она знала, что пока она будетъ стоять у окна, онъ не сойдетъ съ террасы... Поэтому она крикнула ему: „итакъ, до свиданія“, и отошла нѣсколько назадъ, такъ что терраса вся исчезла отъ ея глазъ

и она видѣла теперь только голубое-голубое, совсѣмъ воздушное море, сливавшееся съ небомъ въ одинъ чарующій миражъ и легкія, сквозныя, будто съ первымъ порывомъ вѣтра готовыя сдвинуться, лиловыя скалы. Вонъ парусное судно—далеко... На чемъ оно—на небѣ или на морѣ? И ни малѣйшей морщинки. Спать, совсѣмъ спать океанъ—и не только спать—но и у самыхъ скалъ онъ—точно плоское и неподвижное зеркало. Вонъ та, дѣйствительно аметистовая сеала—опрокинулась въ него и отраженіе ея даже не вздрогнетъ... Ахъ, противный Левъ Самойловичъ. Именно его не хотѣлось ей видѣть теперь, а онъ идетъ туда и оглядывается на ея окно. Должно быть солнце ему въ лицо—прислонилъ ладонь ко лбу и всматривается. Она спряталась за занавѣску и въ полглаза слѣдитъ за нимъ. Онъ упорно смотритъ все-таки и не замѣчая ея. Она знаетъ: ему оттуда виденъ балдахинъ надъ кроватью, картина, которая у нея виситъ на стѣнѣ, глупая картина. Должно быть копія съ одной изъ раздѣтыхъ женщинъ Бонна! И къ чему пишутъ такія? Еще можетъ кто-нибудь подумать, не разобравъ рамки, что это она сама Наталья Григорьевна стоитъ такъ! „Ну, зачѣмъ-зачѣмъ ты торчишь тамъ?“ Вслухъ проговорила она. Вѣдь онъ не сойдетъ отсюда—будетъ все ждать, не увидитъ ли ее. Наталья Григорьевна, чтобы покончить съ этимъ, вышла изъ своей засады и заперла окно, въ утѣшеніе Льву Самойловичу махнувъ ему платкомъ. Потомъ она дернула за кисть, висѣвшую сверху, и желтые, золотистые занавѣси сдвинулись. Теперь у нея было такое освѣщеніе, какъ будто уже не день, а солнце садится въ море огнистаго свѣта и всю ея комнату сквозъ шелъ занавѣси заливаєтъ отраженнымъ полымемъ. Она очень любила такой колоритъ. Онъ всему здѣсь придавалъ какую-то особенную сочность, яркость, жизненность, и не только жизненность, но полноту жизни, всю ея роскошь, все ее напряженіе. Все за занавѣскою здѣсь утонуло въ золотѣ. Красноватые обои загорѣлись и и при этомъ свѣтъ стали не такъ пошлы и банальны, и даже цвѣты на нихъ, плоскіе и сухіе, точно настоящими, выпукло выступили... Вѣдую постель золотою пылью осыпало, въ золотой пыли висѣла кисея полога, въ золотой пыли лежало шелковое одѣяло, въ золотую мглу уходили взбитыя подушки... Даже голая женщина Бонна на стѣнѣ какъ живая смотрѣла теперь на Наталью Григорьевну съ лукавою улыбкою, будто говорила ей — „намъ съ тобой отлично вдвоемъ и никого больше не надо — не правда-ли?“ Зато въ закрытое окно не было доступа воздуху снаружи, и тутъ сдѣлалось нѣсколько жарко. Наталья Григорьевна заперла дверь на ключъ, сбросила съ себя платье, въ которомъ она, по словамъ Самсонова, была похожа на монахиню, сняла свободно сидѣвшій на ней корсетъ и ботинки, одѣтые-было

для прогулки, и ноги свои въ шелковыхъ черныхъ чулкахъ съ золотыми стрѣлками у шиколокъ вдѣла въ японскія сѣрныя отдѣланныя серебромъ туфли безъ задковъ. „Въ самомъ дѣлѣ, у меня красивыя ноги, ни съ того ни съ сего пришло ей въ голову. Во всякомъ случаѣ красивѣе, чѣмъ у этой вонъ на стѣнѣ. И съ кого это пишутъ художники. Кажется, умерла бы, а не согласилась быть натурой... Да, далеко ей до такой ноги, и подъемъ у меня выше!“ И вдругъ она вспыхнула и засмѣялась, вспомнивъ какъ вчера Левъ Самойловичъ, уронивъ что-то, наклонился поднять да увидѣвъ ея ногу въ туфлѣ и припалъ къ ней губами. Ей стало стыдно этого воспоминанія и пріятно. Она тогда же испытала странное чувство сладкой, разживающей слабости, которая отъ этого мѣста на подъемѣ, точно теплая волна прибывающаго сильно нагрѣтаго моря, тихо подымалась и охватывала ее всю. Она съ своей изумительной наивностью, наивностью двадцати-шести-лѣтней замужней дѣвушки, не понимала, что здѣсь такого и чего ей стыдиться? Вѣдь если онъ цѣлуетъ руку, отчего же ему не поцѣловать ея ноги?.. Но что-то, какой-то инстинктъ говорилъ ей, что этого не слѣдовало позволять и что впередъ ей нужно быть осторожнѣе. Она слишкомъ была не испорчена, до полной беззащитности.

Наталья Григорьевна встала, пошла къ зеркальному шкафу вынуть свой пеньюаръ и остановилась, глядя на себя. Въ самомъ дѣлѣ, она пополнила, вѣрно отъ морского воздуха. Плечи ея округлились. Тутъ прежде вотъ кость намѣчивалась — теперь ея нѣтъ. Отчего онѣ такія холодныя какъ мраморъ. А самой ей вѣдь вовсе не холодно. И грудь — выше стала, сильнѣе. Она и дышетъ теперь глубже. Кажется, цѣлый міръ можетъ вдохнуть въ себя, если захочетъ. Какія глупыя фантазіи! Она быстро отворила шкафъ и вынула широкій пеньюаръ. Легкія и мягкія волны голубого фуляра охватили ее нѣгою... Она подошла къ окну, чуть-чуть отодвинула занавѣсъ. Голубой кусочекъ моря, золотистая отмель, и опять онъ! Нѣтъ, вѣрно такъ и придется оставить. Она сѣла въ кресло, постаралась поглубже; вытянула точно отъ усталости ноги на скамейку и на минуту закрыла глаза. Какъ ей хорошо, спокойно, легко, и голова прошла, не болитъ, только на самомъ днѣ, въ уголкѣ этого дна ея сердца что-то маленькое-маленькое жалуется и щемитъ и просится куда-то. Какъ хорошо пахнуть духи, которые ей подарила вчера Марго! Говорить, что новые, только-что появились въ Парижѣ. Немного сильны, но хороши. Она еще не душилась ими, только флаконъ распечатала, а они ужъ всю комнату ея наполнили своимъ ароматомъ. Какіихъ это цвѣтовъ? Она прочла тогда же надпись, но не

поняла. Должно быть и цвѣты тропическіе, гдѣ настоящее полыха жжетъ, гдѣ все преувеличенно и если ароматно, то такъ, что задохнуться можно. И цвѣты эти красные, именно красные, темнокрасные, смѣло раскрывшіе свои лепестки солнечному свѣту, и не только смѣло, но и безстыдно. Ей всегда казались такіе цвѣты — безстыдными. Точно губы, разомкнувшіяся для поцѣлуя. И вѣрно въ нихъ что-то есть снотворное. Она подъ вліяніемъ этого запаха чувствуетъ, какъ вѣки у нея тяжелѣютъ и все ниже и ниже опускаются. Такъ что она уже не замѣчаетъ той женщины Бонна, и полога вверху не видитъ вовсе, а постель облакомъ окутало... Только свои туфли она различаетъ. Одна упала съ ноги и сѣрая на темномъ коврѣ такъ и вырѣзывается... Она и другую бросила и еще дальше протянула ноги. Тепло въ комнатѣ, слишкомъ тепло, но ей не хочется встать, хотя можно было бы отворить окно и оставить опущенною занавѣсь. Не только не хочется встать, но и рукою шевельнуть лѣвъ. Такъ хороша эта неподвижность, это бездѣйствіе, этотъ покой. Ни о чемъ не думается. И не надо думать. Счастливецъ не будешь. Кресло удобно—со всѣхъ сторонъ точно руками ее охватило и держитъ какъ маленькую; она голову запрокинула на спинку и не спитъ еще, но какъ-то странно ничего кругомъ не чувствуетъ и не видитъ и рада, что сонъ все ближе и ближе подходитъ къ ней, улыбающійся, радостный, спокойный. Она хочетъ что то сказать, но только раскрыла губы и ничего не сказала. А волны золотистаго свѣта льются и затопаютъ всю комнату...

И даже вовсе не комнату, какъ она могла считать это комнатою! Стѣны ушли куда-то, потолокъ исчезъ и полъ провалился... Одинъ золотистый свѣтъ остался и не свѣтъ, а настоящія волны, только ласковыя, спокойныя... Удивительныя! Она такихъ еще не видала никогда. Ничего синяго... И небо надъ нею золотистое, и море подъ ней тоже... Во всякой волнѣ ей знакомое чудится... Она всматривается, и въ каждомъ всплескѣ чьи-то лица улыбаются ей радостно, точно хотятъ сказать ей: „здравствуй, будь счастлива“, и не говорить, а только цѣлуютъ края ея лодки... Съ чего она считала ее простою. Это особенная лодка изъ пахучаго ароматнаго дерева, точно все оно опрыскано духами, которые привезла ей Маргарита Францовна. Тихо, тихо несется лодка, такъ тихо, что каждая золотистая волна успѣваетъ подняться надъ бортомъ, весело посмотрѣть на Наталью Григорьевну, бросить ей на лицо свой отблескъ и унести за другими вслѣдъ. Птицы надъ нею вьются и радостно трепещутъ каждымъ перышкомъ своихъ крыльевъ. И все это кругомъ: шорохъ лодки по водѣ, удары весель позади, говоръ моря, крики птицъ,

шелестъ флага, вытянувшася волнистою линіей, шопоть вѣтра съ парусомъ сливаются въ одну чудную, чудную музыку. Все полно ею. Она звучить и подъ лодкой и изъ той огнистой дали, которая уже оставлена позади... Аккорды за аккордами, и какими оригинальными сочетаніями!.. Что-то знакомое въ этой музыкѣ. Наталья Григорьевна старается вспомнить и никакъ не можетъ... И это одно ее только и мучить. Ей кажется, что только вспомнить она, и все ей сразу объяснится: и далеко уносящій ее въ царство несмѣняющейся вечерней зари океанъ, и чудесная лодка, и сказочное небо съ птицами, раскидывающими надъ нею свои розовыя крылья... Волны за волнами, аккорды за аккордами. И вѣдь это поютъ, да, именно эти личики поютъ, что улыбаются ей изъ глубины по сторонамъ лодки, а вонъ другія личики, тѣ поднимаютъ золотистыя складки океана и изъ-за нихъ высматриваютъ на нее и привѣтливо киваютъ ей головками—кудрявыми, серебристыми головками. Какъ можно ихъ было принимать за морскую пѣву? Она только теперь видитъ, до чего была глупа прежде. Куда я плыву? кричитъ она имъ, но они лукаво качаютъ головками, причемъ ихъ серебряныя волосы вскидываются вверхъ, лукаво качаютъ головками и прикладываютъ пальчики къ губамъ, а музыка все льется шире и шире... Быстрѣе ея темпъ, и лодка плыветъ скорѣе. Теперь она, Наталья Григорьевна, не различаетъ даже бѣлыхъ головокъ! Все сливается передъ нею въ одинъ трепетный миражъ... И вѣдь она уже давно плыветъ такъ. Ей во снѣ снились: и скалистый берегъ, и зеленѣющія долины Бискайи, и прелестная бухта Санъ-Себастьяна, и терраса отеля и самый отель. Она Богъ вѣсть сколько времени въ пути и видитъ только сны. Хорошіе сны, но сны... Настоящая дѣйствительность впереди — тамъ, гдѣ этотъ золотистый океанъ кончается, гдѣ что-то или кто-то ждетъ ее, но что и кто, она тоже вспомнить не можетъ, только знаетъ, мучительно знаетъ, что еще вчера и сегодня утромъ это помнила... И все ярче и ярче воздухъ и море впереди; золотистая пыль дрожить, какъ раскаленная, и громче чудесная симфонія океана, и быстрѣе несется лодка.

Гдѣ она? Отчего вдругъ все перемѣнилось кругомъ. Она и не замѣтила какъ, но мало-по-малу жизнь оставалась позади — впереди одно ожиданіе жизни. Все приникло, замолкло. Что это волны пропали?.. Нѣтъ ихъ. Море, какъ въ золотой чашѣ, стоитъ недвижимое. Какая-же сила увлекаетъ ее лодку?.. Весла лежатъ у бортовъ, и парусъ упалъ, и флагъ обвился вокругъ мачты, а лодка будто чудомъ скользитъ по жидкому металлу, не оставляя даже слѣда за собою... Наталья Григорьевна не смѣетъ посмотрѣть за бортъ потому, что тамъ вдругъ стало тихо: ни музыки, ни шороха отъ движеній. Странно

тихо, точно здѣсь, въ этомъ волшебномъ краю, звуковъ еще никогда-никогда не рождалось и души ихъ, жаждущія воплощенія, невидимо скользятъ въ золотомъ воздухѣ, вьются вокругъ нея и къ ней въ сердце стучатся... И не говорятъ, но ихъ желанія такъ понятны ей, Натальѣ Григорьевнѣ. Какъ будто они что-то трогаютъ въ ея головѣ, соответствующее тому или другому слову... Если перевести ихъ на обыкновенный языкъ, выйдетъ: отъ тебя зависить, чтобы мы родились, мы тоже хотимъ жизни, счастья, радости. Музыка—наше воплощеніе. Помогите-же намъ... „Что я должна сдѣлать?“ Также безмолвно, одною мыслью, спрашиваетъ она: „Полюби, полюби того, кто тебя любитъ, и мы всё вспыхнемъ и разлетимся надъ этимъ молчаливымъ океаномъ такою чудною мелодіей, которой ты еще никогда не слышала. Отъ каждаго аккорда ея, сердце твое будетъ наполняться блаженствомъ, ты узнаешь, что такое рай, доступный человѣку! Полюби, гордая, полюби, холодная, полюби, недоступная...“ Да, я уже люблю, люблю! хочетъ крикнутьъ она, и не можетъ. Но они отлично отгадываютъ слово, которое родилось въ сердцѣ и еще не воплотилось на устахъ. „Нѣтъ, это не любовь, настоящая любовь не такая, не такая, не такая“, и души звуковъ плачутъ неслышно, и океанъ еще неподвижнѣе, и лодка быстрѣе скользитъ къ какому-то облачку впереди... Какое это облачко? Давно-ли явилось оно? Какъ Наталья Григорьевна его не замѣтила. Вѣдь все время смотрѣла туда. Или оно неожиданно паромъ поднялось изъ океана. Все больше и опредѣленнѣе: внизу сливается съ золотою поверхностью воды, вверху его кайма дѣлается рѣзче... Ишь, какая зубчатая. Боже мой, да это не облако... Какъ она могла принять его за такое. Наконецъ-то вспомнила! Это вѣдь тотъ самый, именно тотъ самый островъ, о которомъ ей говорилъ Левъ Самойловичъ, — это счастливый край ихъ любви, куда онъ хотѣлъ унести съ нею. И теперь, когда она такъ быстро плыветъ туда, его, ея избранника, нѣтъ съ нею. Да неужели онъ остался позади, въ томъ свѣ, который она видѣла еще утромъ, на той почудившейся ей террасѣ и потомъ на несуществующей скалѣ у не настоящего моря. Да именно островъ. Золотистыми, такими-же какъ море, отмелями ложатся его берега. А за ними пальмы. Боже мой, Боже мой, сколько этихъ пальмъ, цѣлые огнистые лѣса... Лѣса именно. И гущина какая. Теперь она отлично различаетъ ихъ вершины. Они рвутся въ высоту, чтобы не задохнуться внизу. Одна выше другой стремятся въ небеса, точно опахала вѣютъ ей на встрѣчу благоуханіями, совсѣмъ незнакомыми Натальѣ Григорьевнѣ. Теперь она уже видитъ ихъ вполнѣ. Царственные, перистыя короны ихъ покоются на тонкихъ и стройныхъ стволахъ, что или поднялись

прямо и стоять какъ гигантскія свѣчи подъ небомъ, или наклонились поперекъ и на нихъ, какъ на мостахъ, сидятъ тысячи яркихъ птицъ, и всё молчить... Звучь еще не родился здѣсь. Всѣ и все молчить... Ліаны перевили чудовищною паутиною стволы пальмъ, съ ліанъ именно и висятъ тѣ красныя цвѣты, безстыдно раскрытыя красныя цвѣты, которые снились ей утромъ; висятъ кистями, гирляндами, водопадами цѣлыми опускаются въ воду, перевиваются, точно они нарочно сплелись цѣлыми завѣсами. Что тамъ укрылось за ними...? Пристально всматривается Наталья Григорьевна. Неужели все это мертво, неужели не зашевелится море, не вздохнуть его волны и не покатаются серебристыми кудрями на желтой отмели, не всколыхнутся пальмы и не зашуршатъ завѣсы, сотканныя изъ красныхъ цвѣтовъ. Неужели ни одна птица не вскрикнетъ... „Отъ тебя зависитъ это“, безмолвно внушаютъ ей не родившіеся звуки, и еще больше роится ихъ душъ кругомъ... „Полюби... полюби, и мы будемъ жить, все кругомъ изъ свазки станетъ дѣйствительностью, цѣлый міръ счастья будетъ твоимъ, твоимъ! Только полюби, недоступная, полюби, гордая, полюби, холодная“! Боже мой, кто это на берегу — кто выходитъ изъ-за пальмъ и бѣжить къ ней... „Я давно ждалъ тебя!“ говоритъ горячій взглядъ голубыхъ глазъ. „Я давно-давно ждалъ тебя. Цѣлыхъ десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ твоя лодка оставила за собою океанъ вѣчныхъ будней и плыветъ теперь по океану счастливыхъ миражей. О, какъ я ждалъ тебя“... Тихо врѣзывается лодка въ золотой песокъ; онъ податливо раздается передъ нею не шурша, и она видитъ въ немъ брилліантовыя, бирюзовыя, опаловыя и сапфировыя раковины... Нѣжно-нѣжно наклоняются къ ней пальмы, и любимый человѣкъ не даетъ ей ступить на песокъ, подхватываетъ ее на руки и, высоко держа надъ берегомъ, переноситъ туда къ этимъ счастливымъ рощамъ... „Наконецъ-то ты здѣсь, теперь ты моя, совсѣмъ моя. Посмотри кругомъ—это край моей мечты; онъ нашъ теперь. Отъ насъ онъ ждетъ жизни и звука. Захоти, и все кругомъ запоетъ и заблагоухаетъ и заколышется... Онъ нашъ теперь, на вѣки нашъ. Пока будутъ видѣть очи, слышать уши, биться сердца“. Онъ ведетъ ее къ завѣсамъ, сплетеннымъ изъ красныхъ цвѣтовъ, и за ними открываются ей чудныя пріюты... Одни за другими исчезаютъ вдали, въ розовой дали, гдѣ ей мерещутся розовымъ огнемъ мерцающія звѣзды. Неужели здѣсь и горы розовыя? Да, въ краю любви все тонетъ въ золотисто-розовомъ свѣтѣ! Онъ блекнетъ только тогда, когда любовь проходитъ, тогда та же лодка уноситъ въ скучный океанъ будней, гдѣ уже нѣтъ ни этихъ красоевъ, ни этихъ образовъ... „Тогда-то тотъ десятилѣтній сонъ твой опять станетъ дѣйствительностью“. „Ахъ, нѣтъ-нѣтъ,—щепчетъ она

ему—я не хочу этого сна... Пусть онъ совсѣмъ пропадетъ. Я задыхаюсь отъ одного воспоминанія о немъ; здѣсь такъ хорошо, такъ чудно“...

И ей нисколько не странно, что онъ цѣлуетъ ее и смѣется и говорить ей, безъ словъ говорить: „а помнишь, какъ во снѣ ты сердилась, что я прижался губами къ твоей ногѣ. Ты не забыла этого“. И она смѣется тоже и отвѣчаетъ ему: я знаю, я во снѣ глупа была. Славу Богу, что этотъ сонъ прошелъ... Только любовь рождаетъ жизнь и даетъ ее... Любовь — законъ всему... Одни мертвецы чужды любви... Живые должны любить, любить, любить. И надъ своею опрокинувшейся головою она видитъ его горящіе голубымъ пыломъ глаза... И ей нисколько не стыдно, что уста ея раскрыты, какъ губы тѣхъ цвѣтовъ, что она во снѣ звала безстыдными, что онъ любимый властно ласкаетъ ее... Да, теперь ужъ ничто ихъ разлучить не можетъ. Уже поздно, поздно!.. И вдругъ. Что это? разомъ заболыхались пальмы, заплѣли волны, тысячи, міріады звуковъ родились въ одно мгновеніе, въ каждой каплѣ воды поютъ они, въ каждомъ листкѣ шелестять... Сотнями птицъ вспыхнулъ лѣсъ, точно влочки пламени залетали они въ знойномъ воздухѣ. Неужели одно мгновеніе настоящей любви дало столько жизни, столько счастья?.. Пѣвучія ватятся воды океана, розовыя звѣзды вспыхиваютъ въ золотыхъ небесахъ. Все воплотилось кругомъ, все дышетъ, радуется... И она различаетъ незнакомую ей до сихъ поръ несравненную симфонію. Въ ней счастье, рай, свѣтъ... Что это за музыка? у него спрашиваетъ она. Онъ улыбается. Это не музыка — это наша любовь. Какъ торжественно звучитъ она! Цѣлый міръ поетъ кругомъ, а ей кажется, что всѣ эти звуки несутся изъ ихъ общаго сердца. Да развѣ въ сердцѣ любящихъ не заключенъ цѣлый міръ? Въ одномъ громадномъ какъ вселенная сердцѣ. Въ каждомъ атомѣ воздуха воплощаются души звуковъ. Нѣтъ глубины, высоты, дали, не доступныхъ для нихъ. Они гонятся за розовыми облаками, ныряютъ за причудливыми рыбками на дно океана, взбѣгаютъ по пальмамъ и звонятъ въ ихъ листахъ вверху, словно пчелы вползаютъ въ каждый цвѣтокъ, и цвѣты смѣются, сжимаютъ свои лепестки, ласкаютъ ихъ—и вдругъ какіе-то грубые, оглушительные удары врываются въ нѣжную мелодію... Еще... Точно въ голову ей бьютъ.

Наталья Григорьевна вскочила... Съ удивленіемъ оглянулась... Взялась за голову, зашаталась и опять упала въ кресло.

Въ дверь къ ней дѣйствительно стучали...

Она нѣсколько мгновеній сидѣла, еще ничего не понимая, потомъ принудила себя встать...

— Кто тамъ?

Неужели это ея голосъ?

— Я, Анна Федоровна. Пришла сказать, что скоро обѣдать...

Что такое обѣдать? Свѣтлинъ-Донецкая еще съ минуту простояла посреди комнаты, вспоминая что-то... И вдругъ вся красная отъ стыда и волненія упала лицомъ на подушки постели.

Вас. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

(Окончаніе).

Закрытый 20-го декабря 1861 года университет оставался вполне закрытымъ не долго. Оставленные за штатомъ профессора, преподаватели и чиновники университета пробыли въ такомъ положеніи только одинъ мѣсяць. Благодаря представленію новаго министра (А. В. Головнина), 20-го января новаго (1862) года вышло Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго профессора и преподаватели были причислены къ министерству народнаго просвѣщенія съ сохраненіемъ прежняго жалованья изъ нѣсколькихъ профессоровъ была образована для завѣдыванія дѣлами университета *Временная коммиссія* ¹⁾, а лица, завѣдывавшія учебно-вспомогательными учрежденіями, равно какъ и служившія по хозяйственной, канцелярской и другимъ частямъ, были оставлены при своихъ мѣстахъ на прежнемъ основаніи. Не читались только лекціи и не было слушателей; да и тутъ было сдѣлано исключеніе для факультета восточныхъ языковъ, который, «какъ единственный въ имперіи и по крайней необходимости его для практическихъ цѣлей государственной жизни», положено было открыть немедленно. Мало того, бывшимъ студентамъ 4-го курса всѣхъ факультетовъ, равно какъ и вольнослушателямъ, желавшимъ вмѣстѣ съ ними держать экзаменъ на степень кандидата, было разрѣшено явиться къ окончательному экзамену, а студентамъ 3-го курса—къ переходному. Съ этою цѣлью былъ образованъ особый *Испытательный комитетъ*. Возобновлены были, наконецъ, испытанія и на высшія ученныя степени, что дало возможность и пишущему эти строки окончить въ теченіе фев-

¹⁾ Членами этой коммисіи состояли: по историко-филологическому факультету—Срезневскій, Благовѣщенскій и Штейнманъ; по физико-математическому—Ленць, Савичъ и Сомовъ; по юридическому—Горловъ и Ивановскій; по восточному—Мухлинскій, Чубиновъ и Березинъ. Предсѣдателемъ былъ назначенъ бывшій раньше ректоромъ П. А. Плетневъ.

раля начатые осенью экзамены на степень магистра. Такимъ образомъ, мало-по-малу пробуждалась жизнь въ зданіи XII коллегій, въ «закрытомъ» университетѣ.

Но рядомъ съ этимъ закрытымъ или, лучше, полуоткрытымъ университетомъ скоро возникъ другой, открытый настежь для всѣхъ желающихъ. Оставшіеся безъ лекцій студенты, не долго думая, обратились къ болѣе популярнымъ профессорамъ съ предложеніемъ читать публичные курсы и получили согласіе. И вотъ, съ разрѣшенія начальства, открылись лекціи въ большой залѣ Думы и въ зданіи нѣмецкаго петропавловскаго училища. Въ думѣ читали лекціи между прочимъ Костомаровъ, Кавелинъ, Спасовичъ, Утинъ, Стасюлевичъ; въ зданіи петропавловскаго училища—перешедшій изъ Кіевскаго университета и не успѣвшій еще открыть курса въ университетѣ Павловъ (Пл. В.) и Благовѣщенскій. На думскія лекціи собиравлись массы слушателей, особенно на лекціи Костомарова, гдѣ публику надо было считать не сотнями, а тысячами. Лекціи покойнаго историка зачастую были совсѣмъ неинтересны, иногда прямо скучны для массы публики, состоя иногда изъ одного перечня источниковъ по русской исторіи и обыкновенно изобилуя выдержками изъ лѣтописей и другихъ памятниковъ древней русской письменности, но все-таки думская зала наполнялась биткомъ, такъ какъ посѣщеніе хоть одной лекціи автора «Богдана Хмѣльницкаго» и «Стеньки Разина» считалось для любящаго публичную жизнь петербуржца и для пріѣзжаго изъ провинціи чиновника или помѣщика столь-же обязательнымъ, какъ посѣщеніе картинной выставки въ Академіи Художествъ. Самому Костомарову очень нравилась идея свободнаго университета, которую онъ даже заявлялъ публично въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», вслѣдствіе чего возникъ споръ между нимъ и профессоромъ Стасюлевичемъ, который, ничего не имѣя противъ университета типа парижскаго Collège de France, выражалъ желаніе, чтобъ петербургскій университетъ былъ не только Collège de France, т. е. университетомъ совершенно свободныхъ слушателей, но и Сорбонной, гдѣ ядро слушателей составляютъ принадлежащіе къ факультетамъ студенты. Въ то время многимъ казалось, что подобныя разсужденія могутъ имѣть у насъ практическое значеніе; но опытъ показалъ, что они были совершенно праздными, не оставивъ никакого слѣда не только въ правительственной, но и въ общественной мысли. Къ тому-же, этому свободному университету, первообразомъ котораго казались читавшіеся въ думѣ и въ петропавловскомъ училищѣ курсы, скоро нанесенъ былъ смертельный ударъ, и притомъ самими его слушателями.

2-го марта 1862 года въ залѣ Руадзе, нынѣшней залѣ Кононова, происходилъ литературно-музыкальный вечеръ «въ пользу бѣдныхъ учащихся». Главной приманкой этого вечера было сообщеніе Чернышевскаго объ умершемъ осенью 1861 года Добролюбовѣ, и публики пришло на

этотъ вечеръ видимо-невидимо. Но героемъ вечера сдѣлался не, покойный теперь, знаменитый публицистъ «Современника», а не имѣвшій большой извѣстности въ Петербургѣ раньше упомянутый профессоръ Павловъ. Онъ долженъ былъ говорить рѣчь по поводу предстоявшаго тогда юбилея тысячелѣтія государственнаго существованія Россіи. Содержаніе этой рѣчи было имъ помѣщено въ статьѣ, напечатанной въ академическомъ календарѣ на 1862-й годъ, и не представляло собой ничего особеннаго, выходящаго за обыкновенный обзоръ событій русской исторіи. Но здравствующій и понинѣ лекторъ сдѣлалъ въ концѣ своей рѣчи небольшую прибавку, въ которой говорилось, что Россія, страданія которой въ концѣ прошлаго (ніколаевского) царствованія достигли будто-бы крайнихъ предѣловъ, стоитъ теперь надъ бездною, въ которую мы и повергнемся, если не обратимся «къ послѣдному средству спасенія, къ сближенію съ народомъ». Эти, не очень обдуманная слова, при тогдашнемъ возбужденномъ состояніи петербургскаго общества, произвели на слушателей такое впечатлѣніе, что огромная зала потряслась отъ рукоплесканій. Восторженнымъ крикамъ, стучанью стульями и другимъ знакамъ выраженія экзальтированныхъ чувствъ не было конца. Между тѣмъ лекторъ продолжалъ стоять у кафедры и, махая платкомъ, выражалъ желаніе еще что-то сказать. Наконецъ, когда мало-по-малу водворилась относительная тишина, онъ усиленнымъ елико возможно голосомъ произнесъ: «Имѣющій уши слышать, да слышитъ!» и съ этими словами удалился съ эстрады. Трудно описать тотъ взрывъ возбужденія, какой тогда послѣдовалъ въ залѣ. Я былъ свидѣтелемъ этого проявленія возбужденныхъ чувствъ и могу сказать, что не помню, чтобы потомъ мнѣ приходилось видѣть или испытывать что-либо подобное тогдашнему ощущенію. Часть молодежи пришла въ какое-то изступленное состояніе, которое не поддается описанію. «Что-то будетъ съ Павловымъ?» — такими словами заключается въ моемъ дневникѣ изложенное впечатлѣніе этого вечера. Такой вопросъ, уходя домой, безъ сомнѣнія, задавали себѣ многіе.

Профессоръ Павловъ, спустя нѣсколько дней, былъ арестованъ и затѣмъ, не смотря на ходатайство о немъ нѣкоторыхъ изъ товарищей, долженъ былъ отправиться на жительство въ Ветлугу. Это обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что завѣдывавшій организаціей профессорскихъ лекцій студенческой комитетъ обратился къ профессорамъ съ предложеніемъ прекратить, въ знакъ протеста, публичныя лекціи. Одни изъ читавшихъ лекцій профессоровъ тотчасъ согласились на такое предложеніе; другіе, не находя между дѣломъ проф. Павлова и читавшимися публичными курсами никакой связи, не соглашались на него: въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ Костомаровъ. За такое рѣшеніе, громко заявленное имъ послѣ ближайшей лекціи въ отвѣтъ на заявленіе студенческаго комитета о прекращеніи лекцій, онъ былъ безжалостно освистанъ и даже оскор-

блень ругательствами. Я не былъ на этой лекціи, но слышалъ тогда-же отъ очевидцевъ происшествія, что участникомъ въ этой прискорбной сценѣ, заставившей популярнаго профессора обозвать своихъ оскорбителей Репетиловыми, изъ которыхъ впоследствии выйдутъ Кречинскіе и Расплюевы, былъ одинъ изъ литераторовъ, бывшій потомъ издателемъ довольно распространеннаго и интереснаго журнала. Такъ прочна популярность въ Россіи!.. Костомаровъ все-таки хотѣлъ продолжать свои лекціи, но дальнѣйшее чтеніе публичныхъ курсовъ было прекращено правительствомъ. Вольный русскій университетъ провалился, и о немъ никто больше не заговаривалъ.

Зато настоящій, т. е. историческій петербургскій университетъ, благодаря счастливому времени и умному министру, такъ удачно избранному все еще пылавшимъ жаждою реформъ государемъ, не только не погибъ, но воскресалъ къ жизни все болѣе и болѣе явственнымъ образомъ. По Высочайшему повелѣнію 10 іюня положено было открыть съ начала предстоявшаго академическаго года физико-математическій факультетъ, а съ начала слѣдующаго (1863-го) академическаго года и факультеты историко-филологическій и юридическій вмѣстѣ съ введеніемъ новаго устава, который тогда дѣятельно вырабатывался университетскими совѣтами и ученымъ комитетомъ главнаго правленія училищъ.

Подготавливая университетъ къ полному открытію и имѣя въ виду значительное увеличеніе кафедръ, какое проектировалось новымъ уставомъ, Головиннъ задумалъ въ первые-же мѣсяцы своего министерства широкую мѣру приготовленія профессоровъ не только для петербургскаго, но и вообще для русскихъ университетовъ. Мѣра эта была тѣмъ настоятельнѣе, что прекратившаяся съ 1848 г. по 1857 г. командировка молодыхъ ученыхъ за границу, вмѣстѣ съ затрудненіемъ доступа въ Россію иностраннымъ книгамъ, произвела полное оскудѣніе числа кандидатовъ на профессорское званіе. Теперь предпринята была въ небывалыхъ размѣрахъ посылка въ заграничные научные центры молодыхъ ученыхъ изъ всѣхъ русскихъ университетовъ, но главный контингентъ такихъ ученыхъ доставилъ Петербургъ изъ кандидатовъ, магистровъ и магистрантовъ, окончившихъ курсъ частію въ университетѣ, частію въ Главномъ педагогическомъ институтѣ, частію даже изъ бывшихъ студентовъ с.-петербургской духовной академіи. Такимъ образомъ въ теченіе 1862 г. сначала одинъ за другимъ, а потомъ и цѣлыми группами были отправлены: Ламанскій (Вл. П.), Васильевскій, Модестовъ, Мпротворцевъ, Новоселовъ, Нейлисовъ, Чистяковъ, Іонинъ, Шиховскій, Хорошевскій, Фортунатовъ, Владиславлевъ, Автократовъ, Авенаріусъ, Алексѣевъ, Беркевичъ, Коркинъ, Таганцевъ, Рождественскій, Думашевскій и другіе. Болѣе половины изъ поименованныхъ лицъ заняли профессорскія кафедры въ разныхъ университетахъ и вполне оправдали оказанное имъ министерствомъ

и университетами довѣріе; имена же нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ стоятъ въ первомъ ряду представителей русской науки. Ламанскій, Васильевскій. Коркинъ до сихъ поръ еще остаются представителями петербургскаго университета. Между тѣмъ посылка молодыхъ ученыхъ за границу все продолжалась: въ слѣдующемъ (1863) году въ «Журналѣ Мпн. Нар. Просв.» печатались отчеты уже шести десятковъ лицъ, готовившихся въ Германіи, во Франціи и въ другихъ странахъ Европы къ занятію профессорскихъ кафедръ въ Россіи. Въ 1864 г., когда былъ введенъ въ дѣйствіе новый уставъ, стали уже возвращаться въ Петербургъ тѣ изъ молодыхъ ученыхъ, которые отправились въ командировку весной 1862 г., а за ними мало-по-малу и другіе. Это было кетати. Новыхъ преподавателей ждали не только старые университеты, гдѣ было много новыхъ или вообще не занятыхъ кафедръ, но и только-что основанный университетъ, Новороссійскій, который долженъ былъ открыться 1-го мая 1865 г.

Закрытый 20 декабря 1861 г. и открытый съ осени 1863 г. по всѣмъ факультетамъ, С.-Петербургскій университетъ вступилъ въ новый періодъ своей жизни не только въ силу того, что прежняя жизнь его болѣе чѣмъ въ половинѣ его организма была прервана, такъ какъ историко-филологическій и юридическій факультеты потеряли всѣхъ прежнихъ студентовъ и начали свою дѣятельность съизнова, съ перваго курса, но и въ силу обновленія всей своей организаціи новымъ уставомъ, утвержденнымъ 18 іюня 1863 г. Этотъ новый уставъ, проведеніе котораго связано съ именемъ А. В. Головнина, представляетъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ актовъ эпохи реформъ и составляетъ истинную славу прошлаго царствованія. Тщательно разработанный, провѣренный въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, бывший на обсужденіи всѣхъ русскихъ университетовъ, встрѣтившій одобреніе знаменитѣйшихъ представителей европейской науки, которымъ онъ былъ разсылаемъ въ переводѣ на иностранные языки до своего обнародованія, онъ вдохнулъ въ наши захирѣвшіе университеты духъ жизни и придалъ ихъ дѣятельности полеть, о которомъ они прежде и не мечтали. Главныя черты его были: автономія во всѣхъ дѣлахъ, касающихся не только научной жизни и преподавательской дѣятельности, но и внутренней администраціи, строго проведенное выборное начало въ замѣщеніи какъ ученыхъ должностей, такъ и административныхъ; умноженіе кафедръ по всѣмъ факультетамъ, въ число которыхъ въ первый разъ вошелъ въ университетскій уставъ и восточный факультетъ въ С.-Петербургѣ, основанный еще указомъ 24 октября 1854 г.; значительное увеличеніе денежныхъ средствъ на учебныя пособия и учрежденія; увеличеніе вдвое содержанія профессоровъ столичныхъ университетовъ и болѣе чѣмъ вдвое содержанія профессоровъ провинціальныхъ, содержаніе которыхъ по уставу 1835 г. было меньше, чѣмъ какое получали профессора и преподаватели въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

Введеніе въ дѣйствіе университетскаго устава 1863 года было принято съ ликованіемъ всѣми университетами, и многіе годы послѣ того благодѣтельность этого законодательнаго акта постоянно указывалась въ университетскихъ отчетахъ и историческихъ обзорахъ, равно какъ и во всеподданнѣйшихъ отчетахъ министра Народнаго Просвѣщенія ¹⁾, и именно въ отчетахъ преемника Головинна, графа Дм. Толстого. Въ крупныхъ достоинствахъ его, по крайней мѣрѣ въ теченіе десятка лѣтъ, не было никакого сомнѣнія, и петербургскій университетъ — сказать это требуетъ самая простая справедливость—во все время дѣйствія этого устава стоялъ на высотѣ своего положенія и приобрѣтенною автономіей, которую и оффиціальныи историкъ пятидесятилѣтія университета В. В. Григорьевъ ²⁾ призналъ *совершенно необходимою для процвѣтанія университетовъ*, пользовался для развитія научной жизни и для расширенія преподаванія достойнѣйшимъ образомъ. Такъ, въ теченіе какихъ-нибудь пяти съ половиною и даже менѣе того лѣтъ, ко дню своего пятидесятилѣтія С.-Петербургскій университетъ приобрѣлъ 52 новыхъ преподавателя, замѣстивъ почти всѣ полагавшіяся по штату вакансіи, поставилъ на надлежащую высоту учебно-вспомогательныя учрежденія (кабинеты и лабораторіи), образовалъ три новыхъ ученыхъ общества (химическое, естествоиспытательное и филологическое), организовалъ, въ концѣ 1867 г., съѣздъ естествоиспытателей, привлеки къ нему до 600 членовъ (цифра для того бездорожнаго времени очень значительная), произвелъ 29 докторовъ и 47 магистровъ и 18 лицъ возвелъ, на основаніи новаго устава, въ степень почетнаго доктора ³⁾. Ни одинъ университетъ не можетъ похвалиться столь замѣтнымъ развитіемъ своихъ силъ въ такой краткій періодъ, хотя и въ другихъ университетахъ научная жизнь въ первое десятилѣтіе послѣ изданія устава 1863 г. сильно двинулась ⁴⁾.

Шестидесятые годы, подѣ благодѣтельнымъ дѣйствіемъ новаго устава, положили начало процвѣтанію петербургскаго университета. Полный расцвѣтъ этой жизни совершился лишь въ семидесятые и въ первую половину восьмидесятыхъ годовъ, когда новыя научныя силы, которыми запасся университетъ ко времени своего пятидесятилѣтняго юбилея, достигли зрѣлости, когда общество естествоиспытателей могло развитъ свою дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ, предпринимая экспедиціи въ разныя мѣста имперіи для изслѣдованія природы нашего

¹⁾ Смъ объ этомъ между прочимъ, въ моей брошюрѣ: «Русская наука въ послѣдніи двадцать пять лѣтъ». Одесса, 1890 г. стр. 14 слѣд.

²⁾ «Имп. С.-Петерб. Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ» и пр., стр. 322.

³⁾ Григорьевъ, стр. 390—422.

⁴⁾ См. «Русскіе Университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія», Вл. Ст. Иконникова. «Вѣстн. Евр.» 1876, ноябрь, стр. 128 и слѣд.

отечества въ разныхъ отношеніяхъ, когда университетъ сталъ все болѣе и болѣе принимать участіе въ международныхъ ученыхъ сѣздахъ, когда въ немъ стали выдвигаться и громко заявлять себя специальности, существовавшія въ другихъ университетахъ развѣ въ зародышѣ, каково напр. изученіе Византіи, или область романо-германской филологіи, когда въ немъ больше чѣмъ когда-либо выдвинулось имень, слѣвавшихся достояніемъ европейской науки. За этотъ періодъ времени петербургскій университетъ приобрѣлъ неоспоримо первое мѣсто въ ряду русскихъ университетовъ. Главную силу его составлялъ, какъ составляетъ и теперь, физико-математическій факультетъ, которому не было во весь періодъ дѣйствія устава 1863 г., какъ нѣтъ и теперь, равнаго въ Россіи. Стоитъ только назвать геометра Чебышева, химиковъ Бутлерова и Менделѣева, чтобы видѣть до какой высоты въ петербургскомъ университетѣ поднялось преподаваніе важнѣйшихъ областей математики и естествознанія. Если Петербургъ такъ изобилуетъ натуралистами, что напр. на сѣздѣ конца 1889 г. онъ одинъ могъ выставить 1200 специалистовъ (на 2200 общаго числа) по естествознанію, то этимъ безъ сомнѣнія онъ обязанъ всего болѣе физико-математическому факультету своего университета. Да и два другихъ факультета, юридическій и историко-филологическій (восточнаго сравнить не съ чѣмъ въ Россіи), были доведены къ восьмидесятымъ годамъ до положенія, которому, въ общемъ, могъ позавидовать любой изъ русскихъ университетовъ, хотя на той или другой отдѣльной кафедрѣ были не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ представители, которые или не уступали петербургскимъ, или даже превосходили ихъ. Если указать напр. на историковъ Соловьева и Герье въ Москвѣ, на Антоновича въ Кіевѣ, на словесниковъ—Потебню въ Харьковѣ и Тихонравова въ Москвѣ, то мы увидимъ, что сравненіе по соответствующимъ кафедрамъ въ извѣстные моменты будетъ не всецѣло въ пользу Петербурга. Политическая экономія, римское право также обладали къ восьмидесятымъ годамъ въ нѣкоторыхъ университетахъ специалистами, которымъ должны будутъ уступить представители этихъ кафедръ въ Петербургѣ. Но, говоря вообще, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ это былъ безспорно лучший университетъ въ Россіи. Начала устава 1863 года нашли въ немъ самую благодарную почву для своего развитія и практическаго примѣненія.

Но въ то время какъ ученые силы, учебно-воспитательныя учрежденія, ученая жизнь, дѣятельно вспомоществуемая, особенно на физико-математическомъ факультетѣ учеными обществами, представляли много отраднаго, возобновившіеся безпорядки въ студентской средѣ нерѣдко заставляли друзей русскихъ университетовъ задумываться. Семидесятыя годы были въ Россіи временемъ, когда развилась и окрѣпла революціонная пропаганда, организовавшая первые свои кадры, какъ показываетъ

исторія покушенія Каракозова (1866), еще въ предыдущемъ десятилѣтїи. Особенно благоприятную почву для этой пропаганды составляла все болѣе и болѣе увеличивавшаяся масса юношей, выбрасывавшаяся изъ гимназій по неспособности удовлетворить требованіямъ классической сѣстемы, введенной гимназическимъ уставомъ 1871 года: число исключавшихся изъ гимназій доходило ежегодно до 8,000—10,000. Безпорядки, проявлявшіеся то въ одномъ, то въ другомъ университетѣ въ теченіе семидесятихъ годовъ, къ концу этихъ годовъ и съ началомъ восьмидесятихъ сдѣлались почти хроническими вездѣ и въ петербургскомъ университетѣ, можетъ быть, особенно, такъ какъ въ Петербургѣ былъ видимо центръ дѣятельности революціонной партїи. Революціонныя событія волновали городъ, волновали и учащуюся молодежь.

Студентскіе безпорядки въ университетахъ, съ одной стороны, нѣкоторыя промахи самоуправленія въ провинціальныхъ университетахъ — съ другой, подали поводъ къ мысли о необходимости перемѣны университетскаго устава. Мысль эта, возникшая еще въ министерство графа Толстого и проповѣдывавшаяся съ особенною страстностью и настойчивостью «Московскими Вѣдомостями», въ кратковременныя министерства г. Сабурова и барона Николаи (1880 — 1882) была оставлена, какъ не имѣющая для себя оправданія въ дѣйствительномъ положеніи и потребностяхъ русскихъ университетовъ, но зато выступила на первый планъ, когда министерство народнаго просвѣщенія перешло къ И. Д. Делянову (мартъ 1882 г.), подъ предсѣдательствомъ котораго въ министерство графа Толстого работала коммиссія, составленная для пересмотра университетскаго устава. Представленный въ Государственный Совѣтъ проектъ новаго устава, нѣсколько видоизмѣненный противъ того, какой уже былъ въ концѣ семидесятихъ годовъ внесенъ туда графомъ Толстымъ, встрѣтилъ среди членовъ нашего законодательнаго учрежденія живѣйшую оппозицію. Огромное большинство членовъ Совѣта не сочувствовало тѣмъ ограниченіямъ университетской автономїи, которая составляла сущность и цѣль этого проекта, и онъ былъ отвергнутъ. Но Государю было угодно передать разсмотрѣніе этого вопроса особому комитету (изъ министра народнаго просвѣщенія, министра внутреннихъ дѣлъ, министра государственныхъ имуществъ и оберъ-прокурора св. Синода), которые признали принятіе проекта устава необходимымъ, совершенно отмѣнивъ при этомъ выборное начало, и въ этомъ видѣ представили дѣло на Высочайшее благоусмотрѣніе. Указомъ 23 августа 1884 года было повелѣно ввести въ университетахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, св. Владиміра (въ Кіевѣ) и Новороссійскомъ (въ Одессѣ) новый уставъ, который дѣйствуетъ и понынѣ.

Такимъ образомъ въ короткій періодъ своего существованія с.-петербургскій университетъ переживаетъ уже *четвертый* уставъ, — обстоя-

тельство, очень характеристичное какъ для склада нашей жизни вообще, такъ и для положенія въ нашей странѣ высшаго образованія. Ничего подобнаго университетская жизнь въ другихъ странахъ не представляетъ. Такъ еще не тверды наши идеи объ условіяхъ высшаго образованія и такъ шатки еще наши принципы въ важнѣйшихъ вопросахъ культурной жизни, приличествующей европейскому народу!

Разница между уставомъ 1863 г. и уставомъ 1884 г. очень существенна. На разстояніи какихъ-нибудь двухъ десятковъ лѣтъ составители двухъ законодательныхъ актовъ, относящихся къ одному и тому же предмету, дѣйствуютъ совершенно на разныхъ началахъ. Составители устава 1863 г. выходили изъ того начала, что университеты ни въ чемъ такъ не нуждаются для своего процвѣтанія, какъ въ самоуправленіи: мысль эта не только проведена въ самомъ уставѣ, во всѣхъ его параграфахъ, касающихся учебной и административной части, но и на разные лады развивалась въ министерскихъ статьяхъ Журнала Мин. Нар. Просв., въ которыхъ шла рѣчь объ изданіи устава, а затѣмъ объ его дѣйствицѣ, во всеподданнѣйшихъ отчетахъ министровъ, въ рѣчахъ, произносившихся профессорами на университетскихъ актахъ, въ официальныхъ заявленіяхъ всякаго рода, гдѣ только говорилось о строѣ жизни и дѣятельности университетовъ. Составители устава 1884 г., наоборотъ, руководствовались убѣжденіемъ, что спасеніе университетовъ заключается въ елико-возможно большемъ ограниченіи автономическаго начала и въ такомъ подчиненіи ихъ министерской власти, при которомъ не только всякое назначеніе въ должность исходитъ отъ министра или отъ попечителя, но и самое преподаваніе идетъ не иначе, какъ подъ строгимъ министерскимъ контролемъ, получая въ томъ, что касается выбора курсовъ, санкцію министерства.

Сообразно столь различнымъ точкамъ отправления множество статей того и другого устава въ соответствующихъ пунктахъ формулировано совершенно иначе. Глава о попечителѣ, краткая и мало замѣтная въ уставѣ 1863 г., въ уставѣ 1884 г. выступаетъ на первый планъ и получаетъ тамъ значительное распространеніе. Знакомъ усиленія власти попечителя по этому уставу является и то, что онъ имѣетъ право созывать совѣтъ, правленіе и факультетское собраніе, а также, когда вздумается, присутствовать въ засѣданіяхъ этихъ учреждений. О ректорѣ въ уставѣ 1863 г. говорится, что онъ *избирается совѣтомъ* на четыре года и *утверждается* Высочайшимъ приказомъ, а по уставу 1884 г. онъ *избирается Министромъ Народнаго Просвѣщенія* и *назначается* Высочайшимъ приказомъ (также на четыре года). Власть ректора по отношенію къ профессорамъ и преподавателямъ университета въ новомъ уставѣ расширена на столько, что онъ имѣетъ право дѣлать имъ «указанія, напомнанія и замѣчанія». тогда какъ по уставу 1863 г. о несправности или неправильныхъ дѣй-

ствіяхъ этихъ лицъ онъ могъ только сообщать факультету, совѣту или, въ важныхъ случаяхъ, доводить до свѣдѣнія попечителя. Деканы по прежнему уставу *избирались факультетами* на три года, а по новому *избираются попечителемъ* и утверждаются министромъ на четыре года. Секретарь факультета, во время дѣйствія устава 1863 г., также избирался факультетомъ, а по уставу 1884 г. онъ «избирается» однимъ деканомъ. Центромъ университетской жизни по уставу 1863 г. былъ совѣтъ, который являлся и главнымъ органомъ самоуправления университета; по новому уставу роль совѣта, какъ органа университетскаго управленія, съужена до самыхъ незначительныхъ размѣровъ: онъ не выбираетъ ни ректора, ни инспектора, ни секретаря, ни бібліотекаря, ни казначея, ни другихъ служащихъ въ университетѣ лицъ; что же касается до выбора профессоровъ, то онъ можетъ давать только свои заключенія объ избранномъ факультетомъ кандидатѣ, когда министру угодно предоставить выборъ профессора самому университету. На практикѣ совѣтъ университета въ настоящее время представляетъ учрежденіе, которому принадлежитъ наименьшая сумма дѣятельности въ университетской жизни и которымъ наименѣе интересуются члены университета, такъ какъ важнѣйшія изъ его прежнихъ функцій теперь или совсѣмъ отошли отъ университета, или перешли къ другимъ органамъ университетскаго управленія: къ правленію, къ факультету и инспекціи надъ студентами.

Что касается устройства учебной части, то уставы, прежніи и нынѣшній, мало расходятся. Количество каедръ на историко-филологическомъ факультетѣ оставлено одно и то же (11): разница только въ томъ, что греческая и римская словесность сведены въ новомъ уставѣ въ одну кафедру классической филологіи, въ кафедру сравнительнаго языкованія введено обязательное преподаваніе санскритскаго языка, да введена новая кафедра — географіи и этнографіи, которую, впрочемъ, потомъ было рѣшено считать принадлежащей физико-математическому факультету. Въ физико-математическомъ факультетѣ вмѣсто 12 каедръ положено 10, причемъ физика и физическая географія соединены въ одну кафедру, какъ и минералогія съ геологіей. Въ юридическомъ—число каедръ уменьшено на одну кафедру (12 вмѣсто 13), причемъ отмѣнены каедры—исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ, древнихъ и новыхъ, и исторіи славянскихъ законодательствъ, и введена кафедра торговаго права и торговаго судопроизводства; вмѣстѣ съ этимъ первенствующее значеніе дано римскому праву, а энциклопедія права, стоявшая въ уставѣ 1863 г. на первомъ мѣстѣ, отведена на послѣднее. Медицинскій факультетъ приобрѣлъ цѣлыхъ шесть новыхъ каедръ (23 вмѣсто 17), причемъ въ видѣ новыхъ каедръ явились: систематическое и клиническое ученіе о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, систематическое и клиническое ученіе о накожныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ, оперативная

хирургія съ топографическою анатоміей и съ упражненіями въ операціяхъ на трушахъ, хирургическая патологія съ десмургіей и съ ученіемъ о вывихахъ и переломахъ, гигиена съ эпидемиологіей и медицинскою полиціей, медицинскою статистикою и ученіемъ объ эпизоотическихъ болѣзняхъ и ветеринарною полиціей, наконецъ исторія и энциклопедія медицины. Въ факультетѣ восточныхъ языковъ число кафедръ (9) осталось безъ переменъны и только перечислены онѣ въ другомъ порядкѣ. Преподавательскій персоналъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что штатные доценты уничтожены и въ замѣнъ того дано особое развитіе институту приватъ-доцентовъ. Въ дѣлѣ преподаванія установлено, что факультеты составляютъ учебные планы, утверждаемые министромъ; объявляемые къ чтенію курсы на каждую половину академическаго года вносятся въ «Обозрѣніе преподаванія» и всякій разъ препровождаются въ министерство, которое и даетъ предположеннымъ курсамъ свою санкцію, если находятъ ихъ цѣлесообразными. Студентамъ предоставлено право дѣлать выборъ между преподавателями одного и того-же предмета; но студентъ обязанъ слушать извѣстное количество курсовъ въ каждое полугодіе, и притомъ курсовъ, читаемыхъ въ опредѣленномъ количествѣ недѣльныхъ лекцій, равно какъ участвовать въ практическихъ занятіяхъ: безъ соблюденія этихъ условій полугодіе ему не засчитывается въ число восьми или (по медицинскому факультету) десяти полугодій, необходимыхъ для допущенія его къ окончательному экзамену. За слушаніе лекцій каждый студентъ обязанъ платить (если онъ не освобожденъ отъ этого), сверхъ платы въ пользу университета, гонораръ профессору или приватъ-доценту, сообразно съ количествомъ слушаемыхъ у нихъ лекцій. За допущеніе къ окончательному (государственному) экзамену также взимается съ каждого студента особая плата (20 рублей). Экзамены же эти производятся особыми комиссіями, члены и предсѣдатели которыхъ ежегодно назначаются министромъ. Плата университету, установленная уставомъ въ 5 рублей, потомъ была возвышена въ 25 рублей за полугодіе; гонораръ профессору или приватъ-доценту опредѣлился въ 1 рубль за недѣльную лекцію въ полугодіе.

Характеристическимъ отличіемъ въ новомъ уставѣ является глава объ инспекторѣ студентовъ и его помощникахъ. По уставу 1863 года, для надзора за исполненіемъ студентами правилъ выбирался совѣтомъ и утверждался министромъ или проректоръ изъ профессоровъ на три года, или инспекторъ безсрочно. По уставу 1884 года инспекторъ опредѣляется министромъ по представленію попечителя округа и «состоитъ подъ начальствомъ попечителя». Онъ наблюдаетъ за студентами не только въ университетѣ, но и внѣ университетскихъ зданій, «слѣдуя въ этомъ отношеніи ближайшимъ указаніямъ попечителя». Помощники инспектора и

секретарь по студенческимъ дѣламъ опредѣляются попечителемъ по представленію инспектора, впрочемъ «основанному на соглашеніи съ ректоромъ». Въ дѣйствіяхъ своихъ инспекторъ студентовъ и его помощники «руководствуются инструкціей, данною министромъ народнаго просвѣщенія».

В. Модестовъ.

РАЗСКАЗЫ.

БѢДНЫЙ ХОРОШЕНЬКІЙ БОБИ.

Роды Броутонъ.

(Съ англійскаго).

— Да, моя милая, ты можешь мнѣ и не вѣрить, но я увѣряю тебя, что твоихъ лѣтъ я еще больше, чѣмъ ты, ненавидила старухъ и считала ихъ совсѣмъ излишними.

Такъ говоритъ миссисъ Гамильтонъ, эта старая барыня, которая до того упорно держится за жизнь (упорно—какъ мнѣ казалось въ 17 лѣтъ), что похоронила и мужа, и пятерыхъ взрослыхъ сыновей и все-таки продолжаетъ жить; любитъ она все также покушать за обѣдомъ и посмѣяться, когда, сквозь свою глухоту, она разслышитъ что-нибудь смѣшное. Говоря это, она качаетъ головой, которая, и безъ ея желанія, порядочно трясется. Подчасъ я стараюсь читать ей вслухъ и, несмотря на то, что сижу рядомъ съ ней и чуть не выкрикиваю каждое слово, она плохо слышитъ; по обоюдному согласію мы бросаемъ чтеніе и начинаемъ бесѣдовать.

— А развѣ я когда-нибудь говорила, что не люблю старухъ?—уклончиво говорю я. — Во всякомъ случаѣ, старухи лучше стариковъ: вотъ ихъ я положительно не люблю.

— Толстая, глухая, плѣшивая старуха, — медленно и выразительно говоритъ миссисъ Гамильтонъ, не обращая вниманія на мои слова и на каждомъ словѣ повода дрожащей рукой. — Если бы въ 18** году кто-нибудь мнѣ сказалъ, что я доживу до такого безобразія, я бы просто убила себя тогда!

— Да вы не очень глухи, — отвѣчаю я. — Про плѣшивость и толщину говорить нечего и отрицать ихъ невозможно. Сама вѣжливость такой явной лжи не позволяетъ. Но и для этого комплимента я должна немного возвысить голосъ.

— Въ 18** году, — задумчиво говоритъ она, — мнѣ минуло семнадцать лѣтъ. Да, моя милая, въ этотъ самый годъ я въ первый разъ увидѣла Боби, бѣднаго, бѣднаго Боби!

— А кто такой Боби? — говорю я, настороживъ уши, и чувствую, съ тонкимъ обаяніемъ молодости, что дѣло идетъ о какой-нибудь давно забытой идилліи, геронней которой была эта самая гора распылчататаго жира, сидящая около меня.

— Я тебѣ вѣрно сто разъ о немъ говорила? — спрашиваетъ она, глядя на меня своими потускнѣвшими глазами. — Это — странная исторія, какъ ты ее ни поверни. Впрочемъ, моя память плоха становится и я забываю, кому рассказывала, кому нѣтъ.

— Вы мнѣ про Боби ничего не говорили, миссисъ Гамильтонъ, — отвѣчаю я.

И дѣйствительно, я съ ней недавно познакомилась и она мнѣ еще ничего не рассказывала.

— Боби, Боби, — повторяетъ она. — А это имя — нравится тебѣ или нѣтъ?

— Не очень, — отвѣчаю я. — Я не знаю почему, но, по правдѣ сказать, оно всегда напоминаетъ мнѣ городского.

— Да, — спокойно отвѣчаетъ старуха, — а въ 18** году это имя было самое хорошее, самое дорогое на всемъ-всемъ свѣтѣ для меня. Ну, если хочешь, то слушай, а я начну сначала и все подробно тебѣ расскажу.

— Да, расскажите пожалуйста.

Я достаю изъ кармана чулокъ, начинаю вязать и готовлюсь съ интересомъ слушать рассказъ миссисъ Гамильтонъ.

«Какъ ты знаешь, въ 18** году мы съ Франціей вели войну, — начала она. — Въ то время война казалась нашимъ обыкновеннымъ дѣломъ. Не было семьи, члены которой оставались-бы все живы и здоровы: или на войнѣ убивали, или дома умирали отъ ранъ. А моя семья вся была военная. Никто изъ моихъ родныхъ не носилъ штатскаго платья и не сидѣлъ на высокомъ стулѣ, съ перомъ за ушами. Моихъ дядей и двоюродныхъ братьевъ много перемерло, но я не горевала. Я ихъ почти не знала, а черный цвѣтъ очень шелъ къ моему розовому и свѣжему лицу».

При этихъ словахъ я невольно поднимаю глаза и смотрю на ея желтыя, отвисшія, жалкія щеки. О, время! время! Какъ нелѣпо и подло ты съ нами шутишь! Куда дѣваешь ты нашу красоту и молодость? И, отобравъ ихъ отъ насъ, гдѣ, въ какой далекой кладовой хранишь ты ихъ?

«Но своего стараго отца я очень любила. Впрочемъ, онъ не былъ очень старъ: когда онъ на войну отправился, всего сорокъ третій годъ пошелъ ему. Мой отецъ не былъ въ сухопутныхъ войскахъ. Онъ былъ капитаномъ военнаго корабля во флотѣ ея величества и командовалъ «Thunderes»... Какъ я тебѣ сказала, въ 18** году мнѣ минуло семнадцать лѣтъ. Я только что возвратилась домой изъ пансіона. Въ то время кончить

курсъ въ пансіонѣ считалось большою рѣдкостью. Тамъ я выучилась говорить по-французски ancien régime'омъ и выучилась отъ старенькаго émigré maître съ нехристіанской свирѣпостью ненавидѣть Бонапарта. Научилась я тамъ-же вышивать крестомъ по канвѣ и вышила съ большою тратой времени изъ берлинской шерсти Жертвоприношеніе Авраама и Первый поцѣлуй Якова съ Рахилью. Но мнѣ хотѣлось навсегда разстаться съ своимъ ученіемъ, и возвращаясь домой, я рѣшила ни за что не доставать со дна сундука Телемака и Томпсона Seasons. Я непременно хотѣла хорошенько отдохнуть дома отъ своихъ трудовъ. Вышивать, однакоже, я не бросила и въ тотъ памятный день, о которомъ я хочу тебѣ рассказать, я сидѣла на жесткомъ стулѣ и вышивала лицо Іуды Пискаріота въ Тайной вечерѣ Leonardo da Vinci. Въ тѣ годы спины у молодыхъ дѣвицъ были гораздо прямѣе, чѣмъ въ теперешнее время, потому что тогдашніе обойщики не умѣли дѣлать мягкихъ кресель, въ которыхъ-бы можно было развалиться, а стулья были такіе жесткіе и неудобные, что поневолѣ приходилось сидѣть прямо и не облокачиваться. Мой отецъ нанялъ для насъ домъ около самаго Плимута. Домъ былъ очень старинный, окруженный со всѣхъ сторонъ цвѣтами и высокими вязами, на которыхъ кричали и гнѣздились грачи. Я вышивала розоватой шерстью лѣвую щеку Іуды, когда дверь открылась и въ комнату вошла моя мать. Лицо ея было очень радостное и глаза даже будто улыбались, а въ рукѣ она держала открытое письмо, которое, очевидно, только что прочла.

«— Посланный пріѣхалъ изъ Плимута, — говоритъ она, — твой отецъ сегодня къ намъ пріѣдетъ!

«— Сегодня? — кричу я во весь голосъ, отодвигая отъ себя свои тяжелыя пальцы. — Вотъ хорошо! Но какъ? Почему?

«— Они напали на французскій арматоръ, — говоритъ моя мать, садясь на стулъ съ такой-же прямой и высокой спинкой, какъ и мой, — и взяли его, но во время схватки у нихъ въ корабль что-то сломалось и они остановились въ Плимутѣ для поправки, и твой отецъ пріѣдетъ сюда на нѣсколько часовъ!

«— Ура! — кричу я, — ура! и, подобравъ свои узкія юбки, начинаю прыгать по комнатѣ.

«— Боби Герартъ съ нимъ пріѣдетъ, — говоритъ моя мать, глядя на большое квадратное письмо безъ конверта (конвертовъ еще не было тогда). — Бѣдный малый! Онъ тяжело раненъ въ правую руку, и твой отецъ везетъ его къ намъ и оставитъ его здѣсь, а мы будемъ ухаживать за нимъ.

«На минуту я перестаю прыгать.

«— Ура! — кричу я опять, — не оттого, что онъ раненъ, а оттого, что наконецъ я увижу его и узнаю, насколько онъ похожъ на свой портретъ.

«Въ тогдашнее время фотографическихъ карточекъ и въ поминѣ не было; неясные дагеротипы и тѣ появились лѣтъ черезъ пятьдесятъ. Портретъ, о которомъ я упомянула, былъ миниатюрной живописи, обрамленный бархатной рамочкой, и я часто украдкой любовалась на него.

«— Да, — разсѣянно говоритъ моя мать, — наконецъ-то ты его увидишь. А теперь мнѣ надо приготовить для нихъ комнаты. Ему навѣрно понравится комната съ окнами въ садъ, откуда будетъ доноситься пѣніе птицъ и запахъ цвѣтовъ. Не правда-ли, Фиба?»

«Моя мать уходитъ и я впадаю въ раздумье. Боби Герартъ—сирота. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ его мать, давнишній другъ моего отца, умерла. Но передъ смертью она просила моего отца, со слезами на глазахъ, позаботиться объ ея единственномъ сынѣ и предохранить его, насколько возможно, отъ соблазновъ и зла нашего міра. И отецъ обѣщалъ ей это, а обѣщанія свои онъ всегда сдерживалъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я Боби ни разу не видала, и онъ меня тоже. Онъ былъ морякомъ и домой рѣдко пріѣзжалъ; а я почти всегда находилась въ пансіонѣ. Но многое о немъ я слышала: всѣ его хвалили и говорили объ его добротѣ, шаловливости, сердечности, а главное—объ его удивительной красотѣ. Наружность его я только знала по портрету.

«Они должны были пріѣхать вечеромъ; но гораздо раньше назначеннаго времени я съ нетерпѣніемъ ожидала ихъ. Я перемѣнила свое платье и, хотя было совѣстно за себя, надѣла другое, которое больше шло ко мнѣ. Видѣла бы ты меня въ тотъ вечеръ, когда я совсѣмъ готовая стояла передъ зеркаломъ, ты бы расхохоталась, а уличные мальчики закидали бы меня камнями; но тогда и по тогдашней модѣ, я была въ высшей степени прилична, нарядна и *comme il faut*.

«Недавно была мода носить очень пышныя платья, но въ то время вся цѣль жизни заключалась въ томъ, чтобы казаться какъ можно тоньше и прилизаннѣе. Многія даже чуть-ли не смачивали свои платья, чтобы они плотнѣе прилегали къ туловищу, такъ что всѣ очертанія ясно выдѣлялись. Талія была подъ мышками, бюстъ поднимался до подбородка, а ноги съ большой откровенностью обрисовывались при малѣйшемъ движеніи изъ-подъ короткихъ и узкихъ юбокъ. Въ этотъ памятный день я цѣлымъ часомъ раньше времени была готова. Мое бѣлое короткое, узкое платье прекрасно сидѣло на мнѣ; на ногахъ были сандалии, привязанные крестъ на крестъ тесемкой, на рукахъ—длинные, вышитыя шелкомъ перчатки, на головѣ, надъ шиньономъ, торчалъ большой черепаховый гребень, а по бокамъ лица скромно висѣли буколыки и чуть не сходился у меня на носу. Очень худой я никогда не была; я была всегда склонна къ толщинѣ, и вотъ, моя милая, видишь, до чего эта склонность меня довела; но щеки мои въ этотъ день были еще розовѣе и свѣжѣе, чѣмъ когда-либо. Наконецъ, послѣ ряда фальшивыхъ тревогъ, на дворъ

въѣхала высокая желтая почтовая карета. Но въ эту минуту на меня вдругъ напала робость. Я отца очень любила, но для меня онъ былъ скорѣе олицетвореніемъ всѣхъ прекрасныхъ и благородныхъ качествъ, чѣмъ очень близкимъ человѣкомъ, и поэтому я такъ заробѣла, что убѣжала наверхъ въ свою комнату. Тамъ я пробыла довольно долго, дала имъ время поздороваться и успокоиться и, пригладивъ въ послѣдній разъ свои буколки, я медленно и недовѣрчиво спустилась съ лѣстницы... Изъ гостиной слышны веселые оживленные голоса, но когда я вхожу, они умолкаютъ.

«— Это Фибэ!?! — говоритъ отецъ, цѣлуя меня. — Боже мой! время-то какъ бѣжитъ! Давно-ли она была маленькой дѣвочкой въ панталончикахъ и съ голыми длинными ногами!

«При этихъ словахъ я смѣюсь, но чувствую, что краснѣю до ушей.

«— Боби,—говоритъ отецъ, взявъ меня за руку и подводя къ дивану, на которомъ около матери сидитъ молодой человѣкъ,—Боби, вотъ моя маленькая дочка, о которой я тебѣ такъ часто говорилъ; впрочемъ, она ужъ не очень маленькая теперь. Не стѣсняйся, мой милый, не каждый день въ жизни тебѣ придется видѣть такую хорошенькую дѣвушку, — поцѣлуй-ка ее.

«Глаза у меня опущены, но я чувствую, что молодой человѣкъ встаетъ, подходитъ довольно охотно, какъ мнѣ кажется, и цѣлуетъ меня. Куда онъ меня поцѣловалъ, я не знаю, такъ какъ ему въ этомъ дѣлѣ очень мѣшали мои буколки. Итакъ, прежде чѣмъ я успѣла хорошенько рассмотреть его или сказать ему слово, онъ меня цѣловалъ! Начало недурно, не правда-ли?

«Послѣ этого разговоръ опять начинается. Я сижу рядомъ съ отцомъ, объявившимъ одной рукой мою талию, сижу и скромно молчу, только нрѣдка, убѣдившись, что никто не видитъ, поглядываю на молодого человѣка.

«Я внутренно сравниваю натуру съ искусствомъ,—живого человѣка съ портретомъ. Первый результатъ этого сравненія—маленькое разочарованіе. Гдѣ тотъ прекрасный цвѣтъ лица, сопровождающій въ моемъ воображеніи Боби Герарта? Этого нѣтъ совсѣмъ. Правда, что теперь щеки его поблѣднѣли отъ раны, но и до раны, если у него и былъ румянецъ, то никакъ не нѣжно-розоваго цвѣта: морской воздухъ и лучи жаркаго солнца окрасили его лицо въ красновато-коричневый мѣдный цвѣтъ. Въ остальномъ портретъ говоритъ правду. Вотъ тотъ же лобъ, скорѣе низкій, чѣмъ высокій, красивый прямой носъ, смѣлые, веселые голубые глаза и свѣжія, немного улыбающіяся, губы. Въ общемъ, я не разочарована.

«Папа встаетъ и уходитъ на веранду, гдѣ канарейки въ своихъ клеткахъ весело распѣваютъ и по-своему восхваляютъ Бога; мама уходитъ за нимъ. Мнѣ очень хочется отправиться за ней, но хорошія манеры и мысль, что мои родители желаютъ поговорить о вещахъ, меня не касающихся, удерживаютъ меня. Я остаюсь, и Боби Герартъ остается тоже.

II.

«Проходятъ нѣсколько минутъ и молчаніе между нами не нарушается. Съ веранды слышенъ спокойный разговоръ моихъ родителей и пронзительное щебетаніе канареекъ, — и только; оба же мы не издаемъ ни малѣйшаго звука. Я старательно разсматриваю потертый узоръ турецкаго ковра у моихъ ногъ; что онъ дѣлаетъ, — я не знаю. У меня, исключая нашего танцевальнаго учителя въ пансіонѣ, было самое смутное понятіе о молодыхъ людяхъ. Красивый молодой человекъ, — такая же новость для меня, какъ и для Миранды, и мнѣ для перваго раза очень неловко. Мнѣ даже такъ неловко, что явилось какое-то неприятное чувство, будто я вся распухаю. Наконецъ, я поднимаю глаза и съ какимъ-то отчаяніемъ говорю:

«— Васъ ранили?»

«— Да, меня ранили.

«Онъ бы могъ отвѣтить какъ-нибудь иначе, чтобы поддержать разговоръ, не правда-ли? Но теперь, взглянувъ на него, я вижу, что и онъ тоже довольно красенъ. Можетъ быть, и ему такъ же жарко и неловко, какъ и мнѣ? Это предположеніе даетъ мнѣ храбрость, и я продолжаю разговаривать.

«— А очень было больно тогда?

«— Нѣтъ — не очень.

«— Я думаю, вамъ лучше будетъ лечь, — говорю я съ материнской заботливостью.

«— Почему вы это думаете?

«— Мнѣ кажется, что когда сломаешь руку или ногу, то надо лежать, пока эти члены опять не заживутъ.

«— Вѣдь моя рука сломана недѣлю тому назадъ, — говоритъ онъ, смѣясь и показывая свои бѣлые, ровные зубы, — про нихъ портретъ и не упомянулъ! — Неужели вы хотите, чтобы я пролежалъ цѣлую недѣлю въ постели, какъ старая старуха!

«— Я думала, что вы *совсѣмъ* больны, — говорю я, съ радостью чувствуя, что мнѣ не такъ неловко и что это чувство распуханія почти проходитъ. — Папа писалъ въ письмѣ, что мы должны за вами ухаживать, и поэтому я рѣшила, что вы очень больны.

«— Вашъ отецъ слишкомъ обо мнѣ заботится, — говоритъ онъ, нахмуривъ брови, — точно я сахарный какой.

«— И это только ему дѣлаетъ честь, — съ горячностью говорю я. Вѣдь для васъ же онъ старается? Вы, однако, неблагодарный.

«— Вы это рѣшили! — говоритъ онъ спокойно. — Но вы ошибаетесь. Я ему благодаренъ. Но, разумѣется, вы этого не можете понять.

«— Вѣроятно, — сухо отвѣчаю я. Мнѣ показалось, что въ его словахъ

было что-то обидное для меня. Нашъ разговоръ дѣлается враждебнымъ и какими-бы обмѣнялись мы пріятностями — неизвѣстно, потому что въ эту минуту мои родители входятъ въ комнату и мы замолкаемъ. Отецъ остался до вечера, и мы вмѣстѣ ужинали, и я рѣзала кушаніе Боби, такъ какъ его больная рука не позволяла ему самому это дѣлать. Когда солнце сѣло и вечерняя заря потухла и отъ луннаго свѣта потянулись по саду длинныя тѣни деревьевъ, а воздухъ наполнился благоуханіемъ ночныхъ цвѣтовъ, подали почтовую карету и отецъ уѣхалъ; Боби долго стоялъ на крыльцѣ и смотрѣлъ на мелькавшій сквозь деревья экипажъ, смотрѣлъ и грустно улыбался.

«— На этотъ разъ мы не совсѣмъ одни остались,—говоритъ моя мать, утирая слезы.—Но ты вѣрно жалѣешь, что не уѣхалъ, не правда-ли, Боби?»

«— Ты не повѣришь, если я скажу нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ съ той-же грустной улыбкой на лицѣ.

«— Однако-же онъ не очень учтивъ съ нами, а, Фибэ?»

«— Неужели вы въ настоящую минуту требуете отъ меня учтивости?—съ запальчивостью говоритъ онъ.—Не могу-жъ я радоваться, если я тамъ что-нибудь пропушу.

«Но несмотря на желаніе мистера Герарта уѣхать отъ насъ, онъ не можетъ сдѣлать этого; ему на другой день нездоровится и у него маленькій жаръ. На третій день ему не лучше и, наконецъ, онъ серьезно заболѣваетъ. Только черезъ три недѣли онъ совсѣмъ поправляется—настолько, чтобы уѣхать. А за это время моя мать и я ходили за нимъ днем и ночью, дѣлали ему успокоительныя и освѣжительныя напитки изъ разныхъ травъ и полевыхъ цвѣтовъ, употребленіе которыхъ давнымъ давно забыто теперь. Не въ обиду будь тебѣ сказано, моя милая, но въ мое время молодыя дѣвушки были гораздо проще, а въ душѣ—гораздо деликатнѣе теперешнихъ молодыхъ барышень. Помню, я разъ читала *Nunphrey Clinher's* моему отцу, и мы оба наслаждались этимъ чтеніемъ и помирали со смѣха надъ его шутками, а прочла-бы я тогда эту французскую книгу, которую твой братъ третьяго дня принесъ и забылъ на столѣ, я ничего-бы не поняла изъ неприличныхъ намековъ, въ ней написанныхъ. Тебѣ показалось-бы очень неприличнымъ входить въ спальню молодого человѣка, а я даже объ этомъ и не думала. Я цѣлыя ночи просиживала у его постели и ухаживала за нимъ какъ за роднымъ братомъ, безъ малѣйшаго *fausse honte*. Мнѣ и теперь кажется, что я явственно слышу однообразное жужжаніе сонныхъ мухъ на окнѣ, вижу, какъ въ тревожномъ снѣ онъ мечется на постели, судорожно сжимая и разжимая кулакъ (ему вѣрно представляется, что онъ на кораблѣ). Явственно вижу, какъ разсыпаются на подушкѣ его спутанные, курчавые волосы. Наконецъ, насталъ счастливый, блаженный день, когда опасность миновала и ему стало лучше, а потомъ, черезъ недѣльку, онъ всталъ съ постели,

одѣлся, и мы пошли гулять по саду. Только, противъ правилъ приличія, онъ упирался на мою руку. Ходили мы подъ тѣнью кудрявыхъ, густыхъ липъ и старыхъ вязовъ и потомъ изъ сада вышли на лугъ. День былъ ясный и солнечный. Право, мнѣ кажется, что тогда не было этихъ холодныхъ продолжительныхъ дождей, какъ бываетъ теперь. Перепадали дождички для того, чтобы трава не вяла и цвѣты не сохли, но я не помню, чтобы цѣлыми днями тучи заволакивали небо и дождь-бы лилъ съ утра до вечера. Мы усѣлись въ тѣни на коннѣ сѣна и смотрѣли на крестьянъ, въ простыхъ синихъ рубашкахъ съ засученными загорѣлыми руками, и на бабъ, весело работавшихъ; смотрѣли и вдыхали полной грудью чистый, пахучій деревенскій воздухъ, въ которомъ на солнцѣ толпился цѣлый рой маленькихъ крылатыхъ букашекъ.

«— Черезъ три дня,—говоритъ Боби, улыбаясь и опираясь локтемъ въ мягкое сѣно,—это я кладу самый большой срокъ,—я отсюда уѣду. Не правда-ли, Фибэ?»

«— Разумѣется,—отвѣчаю я, вынимая изъ пахучаго вала около себя засохшую и завядшую гвоздичку. — Я даже не вижу причины, почему тебѣ не ѣхать завтра, или, что еще возможно, сегодня; вѣдь только стоитъ послать въ Плимутъ за почтовой каретой. Ты блѣденъ и страшно худъ, безъ посторонней помощи едва стоять можешь, но это, разумѣется, проходящія пустяки и на морѣ, мнѣ кажется, тебѣ стало-бы гораздо лучше.

«— Ты сердисься!—говоритъ онъ, и его глубокіе глаза какъ-то особенно улыбаются.—Но ты даже еще красивѣе сердитая, чѣмъ довольная!

«— Вопросъ не о моей красотѣ,—съ сердцемъ говорю я, хотя должна сознаться, что этотъ комплиментъ очень смягчилъ мой гнѣвъ.

«— Ты опять считаешь меня неблагодарнымъ, — серьезно говоритъ онъ.—Ты не хочешь мнѣ этого прямо сказать, потому что теперь неблагодарность касается тебя. Помнишь, при нашей первой встрѣчѣ, ты мнѣ это говорила.

«— Да, помню. Ты можетъ быть не хотѣлъ такъ сказать, а вышло, будто ты досадуешь на отца за то, что онъ заботится о тебѣ.

«— Онъ слишкомъ обо мнѣ заботится,—говоритъ онъ, краснѣя. — Я знаю, что ты сердисься на меня, но это правда, и я опять это повторяю. О своемъ-бы сынъ онъ не могъ такъ заботиться, какъ онъ заботится обо мнѣ.

«— А твоей матери онъ что обѣщалъ? Когда даютъ честное слово умирающему, то стараются его исполнить. По крайней мѣрѣ, такой человекъ, какъ мой отецъ, всегда исполняетъ обѣщанное.

«— Ты меня не понимаешь, — говоритъ онъ.—Моя мать никогда не просила-бы твоего отца заботиться о моемъ тѣлѣ больше, чѣмъ о моей чести.

«— Что ты говоришь?—спрашиваю я, взглянувъ на него и боясь, что, несмотря на его оживленные и осмысленные глаза, онъ находится подъ влияніемъ бреда.

«— Я тебѣ все расскажу,—говорить онъ.— А то я вижу, что ты никогда меня не поймешь. А если ты все-таки не согласишься со мной, то ты — не тотъ человѣкъ, за котораго я тебя до сихъ поръ считалъ. Ну вотъ, слушай.

«— Такъ ты, навѣрно, во мнѣ ошибаешься,—смѣясь отвѣчаю я.—Я раньше рѣшила во всемъ съ тобой не соглашаться.

«— Ты вѣдь знаешь, — быстро говоритъ онъ,—что когда мы беремъ въ плѣнъ французскій корабль, то пойманные французы и корабль отправляются подъ начальствомъ одного офицера, съ которымъ, разумѣется, отпускаются нѣсколько англійскихъ матросовъ, въ ближайшій портъ. Это немного опасно, дѣйствительно, по-моему немного; но твой отецъ думаетъ иначе, потому что онъ ни разу не послалъ меня.

«— Это просто случайность,—говорю я,—твой чередъ придетъ со временемъ.

«— Это не случайность,—рѣшительно отвѣчаетъ Боби.—Посылались офицеры моложе меня и о которыхъ твой отецъ худшаго мнѣнія, чѣмъ обо мнѣ, но меня онъ никогда не посылалъ. Я терпѣлъ это очень долго, но теперь я этого не вынесу. Мои товарищи офицеры, зная, какое я имѣю вліяніе въ нѣкоторыхъ вещахъ на твоего отца, думаютъ, что я самъ не желаю быть посланнымъ, что я просто боюсь (при этомъ словъ онъ съ негодованіемъ и отвращеніемъ понижаетъ голосъ). Теперь, — я рассказалъ тебѣ свою печаль. Посмотри мнѣ въ глаза и скажи: не жестоко-ли со стороны твоего отца не пускать меня?

«Я смотрю ему въ глаза, стараюсь сказать нѣтъ, но не могу.

«— Да, ты правъ,—медленно говорю я, отворачиваясь отъ него.— Богъ видитъ, съ какой радостью сказала-бы я обратное!

«— Разъ, что ты согласилась со мной,—говоритъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—Фибэ, я былъ увѣренъ въ твоёмъ согласіи, — я, право, тебя лучше знаю, чѣмъ ты сама себя; у меня до тебя просьба, большая просьба, за которую я всю жизнь буду благодаренъ тебѣ.

«— Что такое?—съ замираніемъ сердца спрашиваю я.

«— Твой отецъ тебя очень любить.

«— Да, я это знаю.

«— Чтѣ бы ты ни попросила, онъ постарается исполнить? Такъ, пожалуйста, напиши ему письмо, которое я, когда поѣду, передамъ ему, и попроси его послать меня съ слѣдующимъ плѣннымъ кораблемъ.

«Цѣлая минута проходитъ въ молчаніи.

«— А если,—говорю я, дрожащимъ голосомъ,—тебя убьютъ, то я въ этомъ буду виновата? Твоя смерть у меня на душѣ останется.

«— Опасность невелика,—отвѣчаетъ онъ съ нетерпѣніемъ. А случится что-нибудь... Жить хорошо, очень хорошо, но есть вещи лучше жизни; всегда найдутся люди, и даже гораздо лучше меня, на мое мѣсто.

«— Но для любящихъ тебя это утѣшеніе невелико, что найдутся люди лучше тебя.

«— Но я вовсе не намѣренъ умирать, — весело говоритъ онъ. — Зачѣмъ ты такъ увѣрена въ моей смерти? Я хочу еще до адмирала дожить. Вѣдь это-же возможно?

«— Отчего-же нѣтъ?—говорю я, стараясь улыбнуться и развеселиться, глядя на его веселое, оживленное лицо.

«— А ты ниши скорѣе,—говоритъ Боби. — Мнѣ все равно придется уѣзжать. Что-же можетъ меня теперь задерживать? И здоровье мое съ каждымъ днемъ поправляется.

«И я написала.

III.

«Часто потомъ я жалѣла, что никто не отрубилъ мнѣ правую руку до того, какъ я держала перо и писала это письмо. Ты, вѣрно, удивляешься, что я такъ тронута воспоминаніями о томъ времени, когда родителей твоихъ на свѣтѣ еще не было, — но впрочемъ теперь большой разницы не было-бы. И вернулся-бы онъ благополучно домой, все-таки его когда-нибудь бы не стало. Я не могла-бы быть такой безсердечной и пожелать ему дожить до моихъ лѣтъ. Но я не хочу намекать на конецъ своего разказа, не дойдя еще до середины. Итакъ, онъ уѣхалъ съ моимъ письмомъ въ карманѣ, а у меня было такое-же чувство, какъ у царя въ сказкѣ, пославшаго человѣка съ письмомъ, въ которомъ было написано убить посланнаго, какъ только тотъ пріѣдетъ. Но передъ тѣмъ какъ ему ѣхать, когда послѣ ужина мы гуляли по саду, а впереди насъ отъ луннаго свѣта тянулись наши огромныя тѣни, онъ мнѣ сказалъ... но не въ такихъ словахъ какъ: «хочешь-ли ты быть моей женой»? а какъ-то иначе, но мы поняли другъ друга и рѣшили, что если Богъ его оставить въ живыхъ послѣ войны, мы больше никогда не разлучимся. Рѣшивъ это и прощаясь съ нами, онъ меня цѣловалъ, какъ и при первой нашей встрѣчѣ, съ той только разницею, что теперь никто не велѣлъ ему это дѣлать, и вмѣсто одного раза — сто разъ, а я не стояла безучастно, какъ столбъ или чурбанъ, какъ тогда, а нѣжно цѣловала его и горько плакала. Да, прощанія тогда съ своими возлюбленными не были такія спокойныя, какъ въ теперешнее тихое, мирное время. Прощаясь, тогда смѣло можно было думать, что увидишься опять на великомъ судѣ, передъ Богомъ... Итакъ, опять подали почтовую карету, и Боби съѣлъ и уѣхалъ, а мы смотрѣли ему вслѣдъ, пока онъ съ глазъ не скрылся; а потомъ я отвернулась къ большому кусту жасмина, росшаго у самаго дома, и рыдала, и плакала, будто я никогда не утѣпусь. Но вѣчно плакать нельзя, то есть если не желаешь окривѣть или ослѣпнуть, а я не хотѣла, чтобы Бобина жена была съ такими пороками, и поэтому я утерла слезы и успокоилась.

«День за днемъ проходилъ и природа постепенно и спокойно совершала свои перемѣны. Съно собрали и свезли, и между стеблей скошенной травы выросла молодая, зеленая трава и сочный клеверъ; шиповникъ распустился и зацвѣлъ, а потомъ и его время пришло и, понятно, пахучіе лепестки опали и исчезли. Раза два былъ слухъ отъ нашихъ,— только. Настала теперь пора рабочая. Весело сіяетъ солнце, а я все утро сижу и вышиваю. Я кончила лицо Іуды и другихъ апостоловъ и мнѣ осталось дошивать скатерть,— работа нетрудная и не требующая большого вниманія. Моя мать сидѣла около меня, читала книжку и нюхала табакъ,—въ то время всѣ барыни табакъ нюхали,—а вечеромъ, какъ было 10 часовъ, я закрывала свои пальцы и уходила въ свою комнату. Тамъ, ставши на колѣни у открытаго окна, изъ котораго видно было море и Плимуть, я молилась за Боби и за отца. Для себя, лично, я ничего не просила у Бога; я только просила оставить ихъ въ живыхъ.

«Однажды въ жаркую ночь, помолившись необыкновенно искренно и со слезами за обонхъ, я легла спать. Изъ открытыхъ не занавѣшанныхъ оконъ доходилъ до меня чистый воздухъ и благоуханіе цвѣтовъ. Я заснула, думая о Боби и, проснувшись ночью, сейчасъ о немъ вспомнила. Комната полна свѣта, но это еще не утро, это луна освѣщаетъ ее. Я могу ясно разглядѣть въ зеркалѣ, повѣшанномъ противъ моей постели, свою фигуру, похожую на привидѣніе; я приподнимаюсь на кровати и слушаю. Мнѣ слышится какой-то стукъ, да, несомнѣнно кто-то громко, настоятельно стучится въ наружную дверь. Сперва я отъ страха не могу шевельнуться, но потомъ здравый смыслъ приходитъ ко мнѣ на помощь. Былъ-бы это воръ или разбойникъ, однимъ словомъ, человѣкъ съ дурнымъ намѣреніемъ, онъ не сталь-бы такъ громко стучаться, а наоборотъ, постарался-бы какъ можно тише, незамѣтно пробраться въ домъ. Можетъ быть это пьяный матросъ изъ Плимута, нечаянно забредшій сюда, или вдругъ это посланный съ письмомъ отъ нашихъ! При этой мысли я вскакиваю съ постели, надѣваю чулки и башмаки и первое попавшееся платье и съ распущенными волосами бѣгу внизъ по лѣстницѣ, казавшейся странной и таинственной при яркомъ свѣтѣ луны.

«Въ передней я встрѣчаю нашего стараго буфетчика Стифанса, тоже довольно растрепаннаго и заспаннаго и котораго очевидно привелъ сюда тотъ-же стукъ.

«— Кто это можетъ быть, Стифансъ?—спрашиваю я, дрожа отъ холода и волненія.

«— Ужъ право не знаю,—отвѣчаетъ старшій буфетчикъ, качая головой,— кому это вздумалось въ такой неурочный часъ стучаться; прежде чѣмъ вступить, мы спросимъ, что ему здѣсь понадобилось?

«Мнѣ кажется, что никогда задвижка такъ медленно не отодвигалась, никогда такъ долго не вертѣлся ключъ въ замкѣ; но, наконецъ, дверь,

придерживаемая цѣпью, верхка на три отворяется. Я смотрю въ отверстіе и сама не знаю, кого я ожидаю видѣть.

«Боже мой! Кого-же я вижу? Не пьянаго матроса, не посланнаго съ письмомъ, а, о радость! о восторгъ! Я вижу самого Боби, моего красиваго, возлюбленнаго Боби! Даже и теперь, послѣ столь долгихъ лѣтъ, послѣ тогдашняго горя и отчаянія, я не могу забыть всей радости, испытанной мною въ ту минуту.

«— Отворяй-же дверь, Стифансъ, свими цѣпъ,— кричу я,— вѣдь это самъ мистеръ Герартъ.

«Цѣпъ падаетъ со стукомъ на дверь—дверь отворяется. Но пока еще никто не успѣлъ слова сказать, на меня нападаетъ какое-то разочарованіе, какой-то невыразимый страхъ и холодъ вкрадываются въ мое сердце. Онъ ко мнѣ не подходитъ, не обнимаетъ меня, руки даже не подаетъ, а стоитъ все на томъ-же мѣстѣ молча и неподвижно и несмотря на то, что погода сухая,—росы и той нѣтъ,—онъ весь мокрый. Я вижу, какъ вода льется съ его одежды, струится съ волосъ и рѣсницъ и капаетъ на землю.

«— Что съ тобой случилось? — поспѣшно спрашиваю я, — ты весь мокрый!—И говоря это, я дотрогиваюсь до его руки.

«Но при этомъ прикосновеніи какія-то холодныя мурашки пробѣгаютъ по всей моей рукѣ, до самаго плеча. Гдѣ-же онъ могъ такъ прозябнуть въ эту жаркую, душную августовскую ночь? Къ моему удивленію, онъ мнѣ не отвѣчаетъ, а молча стоитъ, и вода все льется съ него на землю.

«— Откуда-же ты пришелъ? — спрашиваю я, чувствуя, какъ этотъ необъяснимый страхъ усиливается во мнѣ.— Ты упалъ въ рѣку?

«— Было холодно, — говоритъ онъ медленнымъ, глухимъ, измѣнившимся голосомъ, — очень холодно. Я не могъ тамъ оставаться.

«— Гдѣ оставаться?—спрашиваю я, вглядываясь въ его лицо, казавшееся, отъ луннаго свѣта должно быть, мертвенно-блѣднымъ.

«Но онъ не отвѣчаетъ.

«— Онъ боленъ, — говорю я старому бѣфетчику,—онъ не понимаетъ, что я у него спрашиваю. Стифансъ, вѣдь его комната всегда готова, отведи-ка его туда и уложи поскорѣе въ постель. Войди, — говорю я Боби и протягиваю ему руку.

«Онъ не беретъ моей протянутой руки, но входитъ въ переднюю и уходитъ за Стифансомъ, и я слышу, какъ вода капаетъ съ его одежды на каменный полъ корридора и по лѣстницѣ, вплоть до самой его комнаты. Послѣ этого я ничего не помню.

«Какъ всегда, на слѣдующее утро приносить моя горничная теплой воды и будить меня.

«— Ну, что? Какъ здоровье мистера Герарта сегодня,—спрашиваю я, вскакивая съ постели.

«Она ставить чайникъ съ теплой водой на столъ и съ удивленіемъ смотритъ на меня.

«— Милая, миссъ Фибэ, какъ-же мнѣ-то знать? Богъ милостивъ, и они живы и здоровы и скоро пришлютъ вамъ письмо.

«— Неужели ты даже не спросила объ его здоровьѣ?—съ негодованіемъ говорю я.—Вчера ему что-то нездоровилось и какой-то онъ странный былъ. Авось это не начало лихорадки.

«— Вчера? лихорадки?—безсвязно и съ удивленіемъ повторяетъ она.—Извините меня, миссъ Фибэ, но, право, я не понимаю, о чемъ вы говорите.

«— Какая-же ты глупая!—говорю я, выведенная изъ себя ея непонятливостью.—Вчера ночью мистеръ Герартъ неожиданно пріѣхалъ сюда и я услышала, какъ онъ стучался въ наружную дверь, и побѣжала ему отпирать, а въ передней я встрѣтила Стифанса, который и отвелъ мистера Герарта въ его комнату.

«Удивленное выраженіе на лицѣ горничной смѣняется улыбкой.

«— Это вамъ приснилось! — говоритъ она.—Я, разумѣется, не могу знать, что вы ночью дѣлали, но только сегодня утромъ Стифансъ говорилъ, что пора-бы получить письмо отъ мистера Герарта и отъ барина.

«— Приснилось!—восклицаю я,—это не можетъ быть! Я и не думала спать тогда!

«Но со временемъ я убѣждаюсь въ своей ошибкѣ и вижу, что тогда, когда я разговаривала съ Боби, на самомъ дѣлѣ я лежала въ своей комнатѣ на постели и спала.

«Съ этимъ открытіемъ на меня нападаетъ страшная тоска. Я прихожу къ матери, рассказываю ей свое видѣніе и подъ конецъ говорю:

«— Мама, я знаю, что Боби умеръ и что я его больше никогда не увижу. Я увѣрена, что онъ умеръ сегодня ночью и пришелъ мнѣ это сказать; а теперь мнѣ остается только умереть.

«До сихъ поръ я была совершенно спокойна, но послѣ этихъ словъ начинаю горько плакать. Моя мать утѣшаетъ меня, говоря, что ничего нѣтъ удивительнаго, если я его во снѣ видѣла, когда весь день только о немъ и думаю, что плохого мой сонъ ничего не предвѣщаетъ, а главное, что Богъ сильнѣе всѣхъ сновъ и предзнаменованій и до сихъ поръ Онъ хранилъ его и что съ ея стороны никакія привидѣнія не поколеблятъ ея вѣры въ Божіе милосердіе. Это меня утѣшаетъ, но немного, и каждый вечеръ я становлюсь на колѣни у открытаго окна и молюсь за своего возлюбленнаго. Но несмотря на всѣ увѣщанія и утѣшенія моей матери, я чувствую, что мои молитвы за него — молитвы за усопшаго.

IV.

«Проходятъ еще три недѣли; хлѣбъ убранъ и груши пожелтѣли и созрѣли. Наружно нашъ образъ жизни не измѣнился. Мало говоримъ мы

другъ другу о тоскѣ и грусти, которую каждая изъ насъ испытываетъ. Въ концѣ третьей недѣли, когда моя мать и я сидимъ за работою, обѣ погруженныя въ свои мысли, къ дому подъѣзжаетъ какой-то экипажъ. Мы вскакиваемъ и бѣжимъ въ переднюю, гдѣ насъ встрѣчаетъ отецъ. Поцѣловавъ жену и меня, онъ спрашиваетъ:

«— А гдѣ-же Боби?»

«— А я хотѣла о немъ у тебя спросить,— отвѣчаетъ моя мать.

«— Развѣ его тутъ нѣтъ?»— съ безпокойствомъ говоритъ отецъ.

«— Его тутъ нѣтъ,— отвѣчаетъ она,— и вотъ скоро шесть недѣль, какъ мы о немъ ничего не слышали.

«— Боже мой!— восклицаетъ отецъ съ измѣнившимся лицомъ,— да гдѣ-же онъ? Что случилось съ бѣднымъ малымъ?»

«— Вѣдь онъ былъ съ тобою на кораблѣ,— говоритъ, задыхаясь отъ волненія, моя мать.

«— Три недѣли тому назадъ я его послалъ съ захваченнымъ кораблемъ, сюда съ письмомъ отъ меня, и велѣлъ ему оставаться съ вами до моего пріѣзда, и что случилось съ бѣднымъ малымъ—одному Богу извѣстно!

«Наступила минута унылаго молчанія. Я его прерываю. Все это время я стояла молча, слушала, и отъ каждаго слова сердце во мнѣ все больше и больше холодѣло.

«— Это все я надѣлала,—говорю я, начиная плакать.—Я въ этомъ виновата и никто другой. Я ему говорила, что я буду причиной его смерти, а онъ смѣялся еще надо мной, а моя правда вышла. Не написала-бы я тебѣ, папа, это проклятое письмо, онъ былъ-бы живъ и здоровъ и съ нами сейчасъ, сію минуту, а теперь мы его больше никогда-никогда не увидимъ.

«Я останавливаюсь и отъ волненія не могу слова сказать. Отецъ подходит ко мнѣ, гладитъ мои волосы своей большой загорѣлой рукой и говоритъ:

«— Напрасно ты такъ въ этомъ увѣрена, милая моя Фибэ. Я отъ тебя не скрываю, что опасность очень велика, и мы имѣемъ полное право о немъ безпокоиться; но Богъ милостивъ, и въ Его руки должны мы отдать своего Боби.

«Я сажусь и утираю слезы.

«— Мнѣ нечего надѣяться,— говорю я.— Я вѣдь знаю, что онъ умеръ въ ту самую ночь, когда мнѣ тотъ сонъ приснился. Мама, помнишь, я это тебѣ еще тогда говорила. О, Боби! Боби! Я знала, что ты не покинешь меня, не простившись со мной!

«Тутъ со мной дѣлается истерика и меня относятъ наверхъ и укладываютъ въ постель. Три или четыре дня медленно проходятъ, и извѣстій нѣтъ никакихъ, и мы остаемся въ томъ же положеніи неувѣренности и сомнѣнія, хотя для меня сомнѣнія нѣтъ никакого,—такъ я въ душѣ увѣ-

рена, что онъ тамъ, въ той странѣ, откуда ни писемъ, ни извѣстій не бываетъ,— что онъ достигъ вѣчнаго покоя.

«Разъ, когда мы сидѣли у каминна, горѣвшаго скорѣе для уютности, чѣмъ для тепла, Стифансъ входитъ, шепчетъ что-то на ухо папа. Я сразу догадываюсь, о чемъ онъ шепчетъ.

«— Вѣдь онъ о Боби говоритъ? — съ раздраженіемъ говорю я.— За чѣмъ-же онъ это скрываетъ?»

«Отецъ встаетъ и направляется къ двери.

«— Я тебя не пушу, пока ты не скажешь, что такое, — кричу я, догоняя его.

«— Морякъ изъ Плимута пришелъ съ какимъ-то извѣстіемъ,— поспѣшно говоритъ онъ. Я ни минутой не буду держать тебя въ недоумѣніи и сейчасъ же вернусь, а пока обѣ молитесь за него.

«Я складываю свои холодныя руки и неподвижно сижу. Отецъ возвращается. Слезы у него на глазахъ, и нечего даже спрашивать, какое это извѣстіе; оно написано на каждой его чертѣ: смерть, а не жизнь.

«— Ты права, Фибъ, — говоритъ отецъ, взявъ меня за руки. — Ты лучше насъ знала. Богъ его отнялъ.

«Сердце мое замерло. Я думала, что у меня нѣтъ надежды, но ошибалась.

«— Я это знала, говорю я, съ какимъ-то спокойствіемъ. Я была увѣрена, что онъ умеръ. Вы только не хотѣли мнѣ вѣрить. А теперь, разскажи, какъ это случилось, не бойся, я все вынесу.

«И онъ разсказалъ мнѣ, когда и какъ Боби на вѣки простился съ нашимъ міромъ. Его желаніе исполнилось, и онъ возвращался домой съ плѣннымъ кораблемъ. Мой отецъ для безопасности отправилъ съ нимъ большее количество аглійскихъ матросовъ, чѣмъ обыкновенно. Они приближались къ гавани, весело плывя по синему морю, съ свѣжимъ попутнымъ вѣтромъ и не думая объ опасности, а она тутъ-то и была. Раскванные французы взбунтовались, перебили матросовъ и освободили своихъ товарищей. Одинъ французскій офицеръ бросился съ заряженнымъ пистолетомъ на палубу, подошелъ къ Боби и велѣлъ ему выбрать одно изъ двухъ: или смерть, или сдачу корабля. Стоитъ-ли говорить, что онъ выбралъ? Кажется нѣтъ».

— Итакъ, — со вздохомъ говоритъ миссисъ Гампльтонъ, — они застрѣлили и бросили въ море моего Боби. Ахъ, Богъ мой! сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Да, бросили его черезъ бортъ въ море, въ глубокое, жадное море, а корабль благополучно уплылъ во Францію.

На минуту миссисъ Гампльтонъ перестаетъ говорить. Я признаюсь, что плачу; но у старой барыни глаза сухіе.

— Зато ужъ никто не могъ сказать, что Боби Герартъ трусъ! — говорить съ гордостью миссисъ Гампльтонъ.

— Слезы такъ и лились изъ глазъ моего отца, когда онъ мнѣ это рассказывалъ, и, подъ конецъ, онъ прибавилъ: это ничего. Онъ и для Бога былъ такъ же хорошъ, какъ и для насъ, вотъ зачѣмъ Онъ и взялъ его къ себѣ.

— Но меня не утѣшало, что Богъ потому его взялъ, — совсѣмъ нѣтъ; ты сама можешь догадаться, какъ грустно мнѣ тогда было. А годы все проходили, и я вышла замужъ за мистера Гамилтъонъ, прожила съ нимъ лѣтъ сорокъ и въ сущности, насколько намъ позволяетъ наша жизнь, была счастлива. А когда онъ умеръ, я долго горевала и плакала. Горевала и плакала я также, когда другъ за другомъ сыновей своихъ я хоронила. Но изъ всей моей длинной жизни, изъ всѣхъ этихъ давнишнихъ воспоминаній, что больше всего осталось у меня въ памяти, такъ это мой сонъ и смерть моего жениха.

А неправда-ли, это очень странный сонъ?

КАКЪ ГРЫЦЬ УЧИЛСЯ ГРАМОТЪ?

Рассказъ изъ галицкой жизни Ивана Франка.

Переводъ съ малороссійскаго.

1.

Гуси совсѣмъ ничего объ этомъ не знали. Даже въ то самое утро, когда отецъ вздумалъ отвести Грыця въ школу, гуси ничего не знали объ этомъ намѣреніи. Тѣмъ меньше зналъ самъ Грыць. Онъ по обыкновенію всталъ рано, позавтракалъ, немного поплакалъ, почесался, взялъ пруть и, подсакивая на одной ногѣ, погналъ гусей со скотнаго двора на паству. Старый бѣлый гусакъ, по обыкновенію, вытянулъ къ нему свою небольшую голову съ красными глазами и краснымъ широкимъ носомъ, рѣзко засычалъ, а потомъ, треща о чемъ-то съ гусынями, пошелъ впередъ всѣхъ. Старая пестрая гусыня, по обыкновенію, не хотѣла идти въ рядахъ, а поплелась за мостомъ и за рвомъ, за что Грыць назвалъ ее «живодѣромъ»,—такъ имѣлъ онъ обыкновеніе называть все, что не подчинялось его высокой власти на пастбищѣ. Очевидное дѣло, что ни бѣлый гусакъ, ни пестрая гусыня, ни вообще кто-бы то ни было изъ всего стада (такъ какъ всѣхъ гусей было двадцать да еще пять), такъ-таки никто и не зналъ о близкомъ перемѣщеніи ихъ владыки на другое, далеко не столь почетное, мѣсто.

И когда внезапно и неожиданно пришла новая вѣсть, то-есть, когда самъ отецъ, идя съ поля, позвалъ Грыця домой и тамъ передалъ его въ

руки матери, чтобы она его вымыла, вычесала и одѣла, во что Богъ послалъ, когда затѣмъ онъ самъ взялъ Грыцъ съ собой и, не говоря ни слова, повелъ трепещущаго черезъ выгонъ и когда гуси увидѣли своего недавняго проводника въ совсѣмъ измѣненномъ видѣ,— въ новыхъ сапогахъ, въ новой барашковой шапкѣ, подпоясаннаго рыжимъ ремнемъ,— они подняли страшный крикъ изумленія. Бѣлый гусакъ подбѣжалъ къ самому Грыцъ съ вытянутой головой, какъ-бы желая его хорошенько осмотрѣть; пестрая гусыня также вытянула голову и долгое время отъ изумленія не могла ни слова вымолвить и, наконецъ, быстро затрещала: «Гдѣ-гдѣ-гдѣ-гдѣ!»

— Глупая гусыня!—отвѣчалъ гордо Грыцъ и отвернулся, какъ будто хотѣлъ сказать: «Эге, подожди немного, не такимъ я теперь баринномъ сдѣлался, что еще тебѣ на твои гусиные вопросы отвѣчать!» А впрочемъ, можетъ быть онъ потому и не отвѣтилъ, что самъ не зналъ, куда ведетъ его отецъ.

Вотъ идутъ они селомъ. Отецъ молчитъ и Грыцъ молчитъ. Наконецъ подошли они къ большому строенію, крытому соломой, съ высокой трубой. Къ этому строенію шло много мальчиковъ, такихъ какъ Грыцъ, а также и постарше. За строеніемъ по саду ходилъ баринъ въ коротенькой курткѣ.

— Грыцъ! — сказалъ отецъ.

— А! — сказала Грыцъ.

— Видишь эту избу?

— Вижу.

— Помни — это школа!

— Ага! — сказалъ Грыцъ.

— Ты сюда будешь ходить учиться.

— Ага! — сказалъ Грыцъ.

— Старайся какъ можешь, не шали, слушай учителя. Я иду къ нему, чтобы онъ тебя записалъ.

— Ага, — сказалъ Грыцъ, почти ничего не понимая изъ того, что говорилъ ему отецъ.

— А ты иди вотъ съ этими ребятами. Ребятки, возьмите его съ собой!

— Идемъ!—сказали школьники и взяли Грыцъ съ собой: а въ это время отецъ пошелъ въ садъ поговорить съ паномъ профессоромъ ¹⁾).

2.

Мальчики вошли въ сѣни, въ которыхъ было совершенно темно и страшно вояло прошлогодней гнилой капустой.

— Видишь вонъ тамъ?—обратился къ Грыцъ одинъ мальчикъ, показывая на темный уголь.

¹⁾ Въ Галиціи и сельскихъ учителей и гимназическихъ называютъ «профессорами».

— Вижу—сказаль дрожащій Грыць, хотя совсѣмъ ничего не видалъ.

— Тамъ яма — сказаль мальчикъ.

— Яма! — повториль Грыць.

— Коли будешь плохо учиться, такъ учитель посадить тебя въ эту яму и ты долженъ будешь сидѣть тамъ цѣлую ночь!

— Я не хочу! — крикнулъ Грыць.

Въ это время другой мальчикъ шепнулъ что-то первому; оба засмѣялись, а потомъ первый, ощунавъ школьныя двери, сказаль Грыцю:

— Постучи въ двери! Скорѣе!

— Зачѣмъ? — спросиль Грыць.

— Нужно! Здѣсь такъ водится, когда кто первый разъ приходитъ сюда.

Въ школѣ стоялъ шумъ какъ въ улыѣ, но, когда Грыць постучалъ кулакомъ въ дверь, сдѣлалось тихо. Мальчики медленно отворили дверь и втокнули Грыця на середину комнаты. Въ ту же минуту по его спинѣ захлопали здоровыя березовыя розги. Грыць страшно перепугался и завизжалъ.

— Молчи, дурень! — кричали на него шутники-мальчишки, которые, услышавъ шумъ, засѣли за дверьми и устроили Грыцю эту неожиданную встрѣчу.

— Ой-ой-ой-ой! — визжалъ Грыць.

Мальчики испугались, какъ-бы учитель не услыхаль его визга, и начали унимать Грыця.

— Молчи, дурень, это такъ водится! увѣщевали они его. — Кто въ дверь стучить, того нужно по плечамъ постучать. Ты этого не зналъ?

— Н-е-е-е зна-аль! — всхлинываль Грыць.

— Отчего не зналъ?

— Я-а-а пер-р-рвый ра-азъ въ школѣ!

— Первый разъ! — вскрикнули мальчики, какъ будто удивленные тѣмъ, что можно въ первый разъ быть въ школѣ.

— О! такъ тебя нужно угостить! — сказаль одинъ, подскочилъ къ доскѣ, взялъ съ сундучка порядочный кусокъ мѣлу и подалъ Грыцю.

— На, дурень, ѣшь, да только скоро!

Всѣ смолкли и въ ожиданіи глядѣли на Грыця, который вертѣлъ въ рукахъ мѣлъ, а потомъ медленно положиль его въ ротъ.

— Ышь, дурень, да скорѣе! — понукали мальчики, а сами давились отъ смѣха.

Грыць сталъ грызть мѣлъ и насилу съѣлъ его. Хохоть вокругъ Грыця раздался такой, что даже стекла въ окнахъ зазвенѣли.

— Чего смѣтесъ? — спросиль удивленный Грыць.

— Ничего, вичего. Можетъ хочешь еще?

— Нѣтъ, не хочу. А что это такое?

— А ты не знаешь? Вотъ дурень! Это іерусалимъ такой, это очень вкусно.

— Ой, не очень вкусно! — сказалъ Грыць.

— Это потому, что ты еще не раскусилъ. Это долженъ каждый ѣсть, кто въ первый разъ приходитъ въ школу.

Въ эту минуту въ классъ вошелъ учитель. Всѣ мальчики, какъ спуганные воробьи, повскакали на свои скамейки; только Грыць остался со слезами на глазахъ и съ губами, бѣлыми отъ мѣла. Учитель грозно приблизился къ нему.

— Какъ зовуть? — крикнулъ онъ.

— Грыць!

— Какой-такой Грыць? Ага, ты новенькій. Отчего не сидишь на скамейкѣ? чего плачешь? чѣмъ запачкался? а?..

— Да я ѣлъ іерусалимъ!

— Что-о? Какой іерусалимъ? — спрашивалъ учитель. Мальчики снова давились отъ хохота.

— Да мальчики давали...

— Какіе мальчики?

Грыць обернулся лицомъ къ классу, но никого не могъ узнать.

— Ну, ну! Иди, садись на мѣсто и учишь хорошо, а іерусалима больше не ѣшь, не то будешь битъ!

3.

Началось ученіе. Учитель что-то говорилъ, показывалъ какія-то дощечки, на которыхъ были нарисованы какіе-то столбики, да крючечки; мальчики отъ времени до времени, когда учитель показывалъ новую дощечку, что-то кричали; изъ всего этого Грыць ничего не понималъ. Онъ даже не обращалъ вниманія на учителя, а смотрѣлъ на мальчиковъ, которые сидѣли около него и казались ему очень смѣшными. Одинъ изъ нихъ ковырялъ пальцемъ въ носу, другой сзади старался заткнуть Грыцю въ ухо небольшую трубочку изъ бумаги, третій долго и прилежно работалъ, вытягивая изъ своего кафтана заплатки, нитки и подкладку; цѣлая куча этого тряпья лежала у него на нижней доскѣ скамьи, а онъ все еще тянулъ, да тянулъ изо всей силы.

— На что ты вытягиваешь? — спросилъ Грыць.

— Буду дома съ бовцемъ ѣсть, — шепеляво отвѣчалъ мальчикъ, и Грыць долго потомъ думалъ надъ тѣмъ, не одурачили ли его этотъ мальчикъ.

— Но, вѣдь ты, Грыць, ничего не слушаешь?! — крикнулъ ему учитель и при этомъ пребольно схватилъ его за ухо, такъ что у Грыця противъ воли выступили слезы на глазахъ и онъ отъ испуга долгое время не только не могъ слушать, но даже забылъ о всемъ окружающемъ его. А когда, наконецъ, опомнился, то мальчики уже читали склады на подвижныхъ табличкахъ, которыя складывалъ и раскладывалъ передъ ними учитель. Пѣвучимъ голосомъ, по сотни разъ безъ усталы, повторяли они:

«а-ба-ба-га-ла-ма-га». Грыцю, неизвѣстно почему, это очень понравилось, и онъ, на перегонки съ другими сталъ выкрикивать своимъ пискливымъ голосомъ: «а баба галамага». Учитель готовъ былъ признать его очень прилежнымъ и способнымъ мальчикомъ и, желая еще лучше убѣдиться въ этомъ, переставилъ буквы. Неожиданнымъ образомъ выставилъ онъ передъ учениками буквы «ба-ба», но Грыць, не глядя на нихъ, а только на учителя, тонкимъ пѣвучимъ голоскомъ крикнулъ: «га-ла-ма-га!» Всѣ захохотали, не исключая и самого учителя, только одинъ Грыць, удивленный, оглянулся по сторонамъ и сказалъ своему сосѣду, снова во весь голосъ:

— Чего не кричишь «галамага?»—И только тогда, бѣдняга, опомнился, когда учитель вытянулъ его линейкой по плечамъ...

— Ну, а чему тебя тамъ въ школѣ научили?—спросилъ Грыця отецъ, когда онъ возвратился домой.

— Учились мы «а баба галамага», — отвѣчалъ Грыць.

— А ты умѣлъ? — спросилъ отецъ, не допытываясь о томъ, что это за удивительная наука «а баба галамага».

— А какъ же, умѣлъ! — отвѣчалъ Грыць.

— Ну, ты гляди мнѣ, справляйся тамъ!—пріохочивалъ отецъ.—Когда тутъ въ школѣ научишься, такъ пойдешь въ городъ въ старшую школу, а потомъ сдѣлаешься священникомъ! Жена, дай-ка ты ему чего-нибудь поѣсть.

— Ага! — отвѣчалъ Грыць.

4.

Минулъ ровно годъ съ того знаменательнаго дня, когда Грыць впервые вступилъ въ школу. Блестящія надежды отца на будущность Грыця давно развѣялись. Учитель прямо сказалъ ему, что Грыць — настоящій «оболтусъ», и что отецъ сдѣлаетъ лучше, если возьметъ Грыця изъ школы и снова заставитъ пасти гусей. И дѣйствительно, послѣ году школьнаго ученія Грыць возвращался домой какъ разъ такой же ученый, какимъ былъ годъ тому назадъ. Правда, «а баба галамага» онъ хорошо выучилъ на память, и даже не разъ во снѣ изъ устъ его вылетало это удивительное слово, служившее какъ бы порогомъ ко всякой мудрости, но этого порога Грыцю видно не суждено было переступить. Дальше этого слова онъ въ наукѣ не подвинулся. Буквы какъ-то перепутывались передъ его глазами, и онъ никогда не могъ ихъ узнать по виду, которая *ш*, а которая *мыслете*. А про чтеніе ужъ и говорить нечего. Была ли тутъ причиной его непонятливость или плохое преподаваніе учителя—рѣшить трудно; одно только вѣрно, что кромѣ Грыця такихъ «оболтусовъ» между прошлогодними учениками было 18 на 30, и всѣ они въ продолженіе этого учебнаго года не разъ утѣшали себя радужными меч-

тами о томъ, какъ это будетъ хорошо, когда они освободятся отъ ежедневныхъ линеекъ, подзатыльниковъ, толчковъ, ударовъ по ладони и дранья за волосы и во всемъ своемъ блескѣ снова появятся на пастбищѣ.

А уже Грыць навѣрно думалъ больше и чаще всѣхъ объ этомъ. Проклятый букварь за цѣлый годъ натуги надъ научными вопросами, подранный и превращенный чуть-ли не въ кашу, проклятое «а баба галамага» и проклятыя учительскія пріохочиванья къ учению такъ надоѣли бѣдному Грыцю, что онъ даже похудѣлъ и поблѣднѣлъ и ходилъ все время, какъ лунатикъ. Наконецъ, Богъ сжалялся надъ нимъ и послалъ июнь мѣсяць, и отецъ сжалялся надъ Грыцемъ и сказалъ ему въ одно прекрасное утро.

— Грыць!

— Аа! — отвѣчалъ Грыць.

— Ты больше не пойдешь въ школу!

— Ага! — отвѣчалъ Грыць.

— Сними сапоги, шапку и ремень, нужно ихъ спрятать для праздниковъ, а ты подпоясайся лыкомъ, возьми старую баранью шапку, да гони гусей въ поле.

— Ага! — радостно сказалъ Грыць.

5.

Гуси, извѣстно, — глупыя птицы, они и этотъ разъ не знали про ту пріятную переменъ, которая ожидала ихъ. Въ продолженіе цѣлаго года школьныхъ занятій Грыця ихъ пасъ маленькій сосѣдскій мальчикъ Лучка, который обыкновенно только и дѣлалъ на пастбищѣ, что копалъ ямки, лѣпилъ куличи изъ грязи, да пересыпалъ пескомъ. О гусяхъ онъ совсѣмъ не заботился, предоставляя имъ пастись, гдѣ они желаютъ. Не разъ случалось имъ зайти въ засѣянное поле, и тогда приходилось вытерпѣть много проклятій, а иногда и побоевъ отъ пострадавшаго. И кромѣ того, несчастье нѣсколько разъ задѣвало своимъ зловѣщимъ крыломъ стадо. Пять молодыхъ гусаковъ и девять гусынь хозяйка продала въ городъ; тяжело было остающимся разлучаться съ ними; старую гусыню сосѣдъ забилъ хворостиной и съ варварской безсердечностью привязалъ бездыханный трупъ за лапу къ той же хворостинѣ и такъ волокъ ее черезъ все пастбище, а потомъ кинулъ ее хозяину на скотный дворъ. А одного молодого гусака, красу и надежду всего стада, забилъ ястребъ, когда онъ разъ отдѣлился отъ своей семьи. Но, несмотря на эти тяжелыя и неожиданныя потери, стадо нынѣшняго года было многочисленнѣе, чѣмъ годъ тому назадъ. Благодаря бѣлому гусаку и пестрой гусынѣ, да еще двумъ или тремъ молодымъ ея дочкамъ, стадо этого года насчитывало болѣе 40 штукъ.

Когда Грыць появился между ними съ прутомъ въ рукахъ—знакомъ

своей намѣстнической власти,—глаза всѣхъ сразу обратились къ нему и раздалось всеобщее сычанье нѣмого изумленія. Но ни бѣлый гусакъ, ни пестрая гусыня не забыли своего прежняго добраго пастыря и сейчасъ призвали его. Съ громкими криками радости, хлопая крыльями кинулись они къ нему.

— Гдѣ-гдѣ-гдѣ-гдѣ? — трещала старая гусыня.

— А вотъ я въ школъ былъ,—отвѣчалъ гордо Грыць.

— Ов-ов-ов!—удивлялся бѣлый гусакъ.

— Не вѣришь, дурень? — крикнулъ на него Грыць и вытянулъ его хлыстомъ.

— А сьо-сьо-сьо? А сьо-сьо-сьо?—шипѣли другіе гуси, собираясь вокругъ него.

— Т. е. это чему я научился?—формулировалъ ихъ вопросъ Грыць.

— Сьо-сьо-сьо-сьо? — шипѣли гуси.

— А баба галамага! — отвѣчалъ Грыць.

Снова раздался крикъ изумленія, какъ будто ни одна изъ сорока гусиныхъ головъ не могла уразумѣть такой глубокой мудрости. Грыць стоялъ гордый, недосягаемый. Но вотъ, наконецъ, бѣлый гусакъ опомнился.

— А баба галамага, а баба галамага! — крикнулъ онъ своимъ звонкимъ, металлическимъ голосомъ, выпрямился, поднялъ высоко голову и замахалъ крыльями. Потомъ, обернувшись къ Грыцю, прибавилъ, какъ бы желая его еще больше пристыдить:

— А кши, а кши!

Грыць былъ уничтоженъ, посрамленъ. Гусакъ въ одну минуту перенялъ всю ту мудрость, которая стоила Грыцю цѣлый годъ ученья.

— Отчего они его въ школу не отдали?—подумалъ онъ про себя. и погналъ гусей на толоку.

ОНА УЛЫБАЕТСЯ.

Разсказъ З уд е р м а н а.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Лѣтъ шесть тому назадъ я имѣлъ честь получить приглашеніе давать уроки единственной дочери извѣстнаго финансиста, трижды миллионера. Чтѣ именно я долженъ былъ ей преподавать, не было выяснено окончательно, однако-же прежде всего я долженъ былъ обратить вниманіе на исторію, философію, эстетику, исторію искусства, мноологію, литературу, стилистику и реторику. Вы находите, что программа нѣсколько обширна?

Я находилъ то же самое; но когда я сообщилъ свои соображенія мамашѣ, она успокоила меня, говоря, что дѣло не въ томъ, чтобы исчерпать содержаніе этихъ предметовъ, а главнымъ образомъ—въ «обогащеніи духа молодого цвѣтка». Я понялъ ее вполне. Задача моя была: практическое руководство къ обогащенію духа.

Мать была, какъ вы вѣроятно уже предполагаете, легкомысленная дама высшаго круга, отецъ — сухой дѣловой человѣкъ, дочь—надменная, чопорная дѣвица, съ совершенно еще не сложившейся фигурой, но уже сильно пропитанная высокомеріемъ и заносчивостью прославленной львицы. Сначала она обращалась со мной какъ съ извѣстнаго рода прислугой и смотрѣла на меня черезъ плечо; только нѣсколько насмѣшекъ съ моей стороны—подростковъ обыкновенно приручаютъ только насмѣшками—заставили ее быть нѣсколько осторожнѣе. Но тѣмъ не менѣе мнѣ съ ней было чистое горе. За исключеніемъ французскаго языка, на которомъ она тараторила какъ попугай, она почти ничему не училась. Къ тому-же она была лѣнива до наивности: чего она не понимала, то для нея не существовало.

Она была бѣдна мыслями и, казалось, была также бѣдна чувствами; по крайней мѣрѣ я не замѣчалъ, чтобы ея блѣдное худое лицо когда-нибудь мѣняло свое обыкновенное выраженіе усталости и пресыщенности. Мать, въ своемъ методѣ воспитанія стремилась исключительно къ тому, чтобы придать лицу дочери любезную улыбку.

— Инесъ, мое дитя, что означаютъ мрачныя тѣни на твоемъ лбу? Инесъ, любезностью достигается расположеніе людей. Инесъ, я хочу, чтобы ты улыбалась.

И Инесъ пожимала плечами и улыбалась. Въмѣсто того, чтобы внушить молодому существу любовь и радость жизни, отъ нея ничего не требовали, кромѣ лица, освѣщеннаго живымъ солнечнымъ свѣтомъ.

Что меня привлекало къ моей ученицѣ, несмотря на непріятныя стороны ея характера, была полнѣйшая замкнутость, въ которой она жила. Она была одинока, можетъ быть сама того не зная, и такъ какъ убѣжденіе въ томъ, что всѣ 15-ти-лѣтніе подростки должны вести богатую душевную жизнь, уже крѣпко установилось во мнѣ, то я рѣшилъ познать ея существо до основанія, дабы убѣдиться, не спитъ-ли въ ней что-нибудь такое, что достойно быть пробужденнымъ?

Я выбралъ крайнее средство, которое мнѣ въ подобныхъ случаяхъ всегда приходило на помощь: я прочелъ ей Гейне:—«Buch der Lieder» Къ этому чтенію я прибавилъ нѣкоторыя разсужденія о любви и міровой скорби вообще, и—глядь! мое средство подѣйствовало. Глаза ея стали блестять, черты оживились и съ раскраснѣвшимися щеками созналась она мнѣ, что оба чувства — и любовь, и міровая скорбь ей не чужды и что она ведетъ дневникъ, въ который и т. д.

Теперь я словилъ дикую птичку. Она получила ко мнѣ довѣріе; она даже сдѣлала нѣчто излишнее—она влюбилась въ меня.

Интересно было наблюдать за тѣмъ, какъ она выражала свои чувства: она опиралась лицомъ на обѣ руки, такъ что рукава падали за локти, возможно медленно открывала глаза и неподвижно вперяла въ меня свой отуманенный взоръ. А когда я въ такихъ случаяхъ съ упрекомъ говорилъ: «Инесь, не мечтайте!» то она какъ можно громче вздыхала и затѣмъ продолжала читать или писать.

Теперь она училась такъ прилежно и такъ вполне отдавалась моему руководству, что я могъ надѣяться на исправленіе ошибокъ ея изломаннаго воспитанія, посредствомъ моего вліянія. Я училъ ее тому, что несчастные, которые ходятъ въ лохмотьяхъ и босикомъ, думаютъ и чувствуютъ по тѣмъ-же законамъ какъ князья и милліонеры, и что потому мы должны съ одинаковой любовью заключить всѣхъ людей въ свое сердце и никого не презирать. Это было для нея нѣчто совершенно новое, до сихъ поръ неслыханное. Я также предпринялъ походъ и противъ внутренней лжи свѣтскихъ обычаевъ. Однажды задалъ я ей сочиненіе на тему: «Улыбка». Она не знала какъ за него приняться; и только тогда, когда я, можетъ быть съ излишнею теплотою, объяснилъ ей мое мнѣніе — глаза ея заблестѣли, какъ будто я попалъ на ея собственную мысль. Я нашель впоследствии въ ея работѣ мои мысли, переданныя со страстью, которая меня изумила. Заключительныя слова этого сочиненія гласили: «Все высокое и благородное въ человѣкѣ, его гордость, его счастье, его любовь, все мало-по-малу умираетъ, если улыбка на его устахъ есть улыбка лжи».

Все это было прекрасно, но—на этомъ я сломалъ себѣ шею. Два дня спустя послѣ того, какъ я отдалъ Инесъ сочиненіе съ надписью «хорошо», я получилъ письмо, въ которомъ мамаша сообщала мнѣ, что она принуждена мнѣ отказать вслѣдствіе разногласія во взглядахъ.

Прошли годы. Я не видалъ своей ученицы до послѣдняго времени, когда меня совершенно неожиданно свела съ ней судьба. Это было на обѣдѣ въ домѣ нѣкоего г-на Л...

— Пойдемте, я хочу васъ отвести къ вашей дамѣ,—сказалъ хозяинъ дома, взявъ меня подъ руку.—Г-жа совѣтница З., да вы вѣдь ее знаете.

— Не имѣю счастья.

— Ахъ, глупости! Вы вѣдь были ея учителемъ; она мнѣ сама объ этомъ рассказывала.

Удивленный я сталъ прислушиваться и въ эту минуту я ее увидѣлъ. Прислонившись къ спинкѣ кресла, она играла своимъ вѣеромъ изъ слоновой кости. Роскошная стройная фигура, полное, блѣдное, къ несчастью слишкомъ сильно напудренное, лицо, большіе черные усталые глаза, ослѣпительная грудь — дѣйствительно прекрасная женщина!

Теперь замѣтила и она меня. Испытующій взоръ скользнулъ по мнѣ—она вѣроятно хотѣла посмотрѣть, сдѣлался-ли прежній ея учитель достойнымъ попастьъ въ гостиную—и потомъ небрежнымъ движеніемъ протянула мнѣ руку, причемъ по лицу ея скользнула улыбка, относившаяся къ улыбкѣ пятнадцатилѣтней дѣвочки какъ сѣверное сіяніе къ весеннему солнцу — улыбка полулюбезная, полускучающая, но такая холодная и безотрадная, что меня проняла дрожь. Мы обмѣнялись нѣсколькими безразличными фразами: о томъ, какъ провели мы все это время? и т. п.; въ это время позвонили къ столу, и я отвелъ ее на нашъ мѣста.

Она быстро выпила одинъ за другимъ два стакана краснаго вина. Общій тонъ нашего разговора сдѣлался веселымъ и непринужденнымъ, какъ это и было естественно между такими старыми знакомыми. Въ концѣ-концовъ она призналась мнѣ въ своей тогдашней любви и сильно подшучивала надъ нею. Я мало-по-малу направилъ разговоръ на настоящее.

— Какъ старый другъ, который принимаетъ въ вашей судьбѣ живое участіе, могу-ли я спросить: счастливы-ли вы?

— Счастлива? О, да!

Вотъ опять эта роковая улыбка! Какъ двѣ маленькія змѣйки заиграли складочки у угловъ ея рта.

— Вашъ супругъ? гдѣ онъ? Я къ несчастью не могъ быть ему представленъ.

— Тотъ, который мнѣ киваетъ, напротивъ.

Она подняла свой стаканъ и нѣсколько разъ кивнула господину, сидѣвшему на другомъ концѣ стола. Поблѣкшее, отживающее лицо, маленькіе мигающіе глаза, полусѣдая эспаньолка — я зналъ достаточно.

— А когда-же вы узнали и полюбили его?

— Полюбила? — возразила она странно растянутымъ тономъ.

«Не хочеть-ли она тебѣ повѣрить свои тайны?» подумалъ я про себя: она же продолжала:

— Когда мой мужъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, я давно уже забыла свой глупый бредъ. Я отъ него конечно не скрыла, что любви ему я дать не могу!

— А онъ?

— Ну, онъ согласился на это.

— Я не объ этомъ спрашивалъ. Вѣдь онъ васъ любитъ?

— О, нѣтъ! — и она улыбнулась, змѣйки заиграли.

«Эта женщина несчастна, несказанно несчастна», сказала я себѣ.

— Вы такъ любезны, что глядите на меня съ недоверіемъ, — продолжала она. — Я себя не обманываю; онъ самъ далъ мнѣ неопровержимыя доказательства. Двѣ недѣли послѣ свадьбы, — вы вѣдь старый другъ и мнѣ не нужно ничего отъ васъ скрывать, — я его застала въ моемъ будуарѣ признающимся одной изъ моихъ подругъ въ томъ, что онъ женился на

мнѣ только для того, чтобы приблизиться къ ней. Онъ, по всей вѣроятности, говорилъ то же и другимъ моимъ пріятельницамъ.

— А что-же вы сдѣлали?

Она пожала плечами.

— Мнѣ ничто такъ не противно, какъ скандалъ. Что могла я сдѣлать лучшаго? Я улыбнулась.

Въ эту минуту одна изъ дамъ крикнула ей черезъ столъ:

— Инесъ, получила-ли ты свой заказъ отъ Ворта?

Она сейчасъ-же обратилась къ говорящей и казалась всецѣло поглощенной этимъ разговоромъ.

А я въ это время почти бессознательно глядѣлъ на ея бѣлую шею и видѣлъ, какъ пудра падала и падала на грудь и спину въ видѣ маленькихъ пушинокъ. Въ эту минуту мой сосѣдъ слѣва, извѣстный шутникъ и весельчакъ, съ которымъ я едва былъ знакомъ, толкнулъ меня.

— Вы счастличикъ, — прошепталъ онъ мнѣ. — Прекрасная m-me Инесъ дѣлаетъ вамъ авансы.

— Откуда вы это заключили? — возразилъ я довольно нелюбезно.

— Ну, развѣ она вамъ не рассказывала только-что трогательную исторію измѣны ея мужа, черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы? Это дѣлаетъ она каждый разъ, когда хочетъ кого-нибудь покорить.

У меня на языкѣ былъ рѣзкій отвѣтъ; но въ эту минуту она снова повернулась ко мнѣ и сказала совершенно безразличнымъ голосомъ:

— О чемъ мы только-что говорили?

И такъ какъ мы оба никакъ не могли этого припомнить, то мы углубились въ разговоръ о постановкѣ «Richter von Zalamea» въ «Нѣмецкомъ театрѣ».

Послѣ обѣда я удалился въ тихую курительную комнату, окутался облаками сигары и въ довольно грустномъ настроеніи думалъ о только что видѣнномъ и слышанномъ.

Нѣтъ, эта женщина не была несчастна; всякое чувство въ ней убито, если она умѣла кокетничать даже собственнымъ несчастьемъ!

Или я все-таки ошибался? Не играла-ли она со мной комедію, чтобы скрыть отъ меня настоящее состояніе своей души?

Мнѣ больше не сидѣлось на мѣстѣ. Я бросилъ сигару въ сторону и возвратился къ обществу, для того чтобы отыскать ее. А ея и слѣдъ простылъ; но вотъ, наконецъ, въ ту минуту, когда я вошелъ въ зимній садъ, увидѣлъ я ее подъ тѣнью широколистной музы, живописно отдыхающую въ креслѣ. Она не одна! Къ плечу ея довѣрчиво прислоняется Поль Х., всѣмъ извѣстный журналистъ; лицомъ своимъ, похожимъ на лицо фавна, пригибается онъ къ самому ея уху и нашептываетъ ей убѣдительныя слова.

А она? Она улыбается.

И. А.—иъ.

ТИПЫ ПРЕСТУПНИКОВЪ.

Антропологическій этюдъ.

Ученіе о типѣ преступника, приурочиваемое къ племени туринскаго профессора судебной медицины и уголовной психологіи, Цезаря Ломброзо, является однимъ изъ наиболее модныхъ и горячо трактуемыхъ вопросовъ современной антропологіи и юриспруденціи. Послѣдователи этого ученія въ настоящее время раздѣлились на два враждебныхъ и не щающихся другъ друга лагеря—чистыхъ «ломброзистовъ» и послѣдователей такъ называемой «новой школы уголовной антропологіи», тщательно обособляющей себя отъ своего первоучителя. Несмотря на это, число приверженцевъ уголовной антропологіи растетъ съ каждымъ годомъ, какъ въ самой Италіи, такъ и во Франціи, Швейцаріи, Бельгіи, въ Испаніи, наконецъ, у насъ въ Россіи и, что наиболее знаменательно, даже въ Германіи, ученые которой до послѣдняго времени замалчивали ломброзовское ученіе.

Въ сущности, это ученіе не ново. Уже народная мудрость учитъ насъ отличать людей «злыхъ»... Интернаціональность предразсудковъ, питаемыхъ противъ рыжихъ, косоглазыхъ, горбатыхъ и вообще уродливыхъ людей, является, по нашему мнѣнію, убѣдительнѣйшимъ свидѣтельствомъ того, что мысль людей самаго различнаго происхожденія и мѣстонахожденія движется по однимъ и тѣмъ же путямъ. Святое Писаніе говоритъ о людяхъ, носящихъ на челѣ своемъ клеймо отверженности. Въ средніе вѣка первымъ изъ обвиняемыхъ пытали, въ случаѣ сомнѣнія, того, который былъ болѣе безобразенъ.

Не ново это ученіе и въ наукѣ; Ломброзо имѣетъ несомнѣнно болѣе предтечъ, чѣмъ онъ самъ упоминаетъ, или чѣмъ перечисляютъ ихъ его противники.

Самъ Ломброзо упоминаетъ только *Аристотеля*, *Авиценну*, *Ла-Порта* и *Полемона*. Между тѣмъ трактатъ о фізіономикѣ, приписываемый *Аристотелю*, давно уже признанъ апокрифическимъ, а на ряду съ *Ла-Портою* нашему автору не слѣдовало бы забывать извѣстнаго ученаго фізіономиста XVII столѣтія, іезуита *Никкеція*, хотя бы уже въ виду того, что имъ цитируется не менѣе 129 авторовъ, занимавшихся фізіономикою до него.

Въ нашихъ глазахъ ученіе Ломброзо является прежде всего отраженіемъ блестящей, хотя и весьма кратковременной эпохи процвѣтанія френологіи и фізіономики. Незаслуженные успѣхи френологіи и фізіономики и не менѣе того крайности, въ которыя столь быстро впали

инициаторы этихъ учений, *Галль* и *Лафатеръ*, не останавливавшіеся ни передъ какими пробѣлами въ своихъ выводахъ, до такой степени дискредитировали эти псевдо-науки, что нынѣ намъ какъ-то даже не вѣрится, чтобы френологіи и фізіономикѣ могли сочувствовать такіе крупные умы какъ знаменитый фізіологъ *Иоганнъ Моллеръ*, натуралисты *Арильдъ*, *Карль Густавъ Карусъ*, философы *Огюсть Контъ*, *Карль Розенкранцъ* и другіе. Френологія и фізіономика, въ первоначальномъ своемъ видѣ, остались достояніемъ небольшой группы диллетантовъ. Съ другой стороны, эти ученія, въ нѣсколько преобразованномъ видѣ, становились не разъ очередными вопросами для людей науки. Остроумный страбургскій фізіологъ *Goltz* весьма мѣтко назвалъ пресловутое отыскиваніе психофизическихъ центровъ въ мозгу современною френологіею ¹⁾. И точно также къ френологіи и къ фізіономикѣ сводится ученіе Ломброзо и его послѣдователей, пытающихся по костяку и по вѣшнему облику мышечныхъ покрововъ опредѣлить душевныя качества человѣка.

Однако же современное ученіе о типѣ преступнаго человѣка чуждо наивныхъ пріемовъ старинной школы. Оно является «въ нѣсколько мистическомъ и въ то же время внушительномъ видѣ», говоритъ *G. Vidal*, одинъ изъ противниковъ Ломброзо, въ новѣйшей работѣ своей «*État actuel de l'anthropologie criminelle*». Paris, 1892. Дѣйствительно, современная уголовная антропологія не ограничивается одними откровеніями вѣщихъ людей; она опирается на многочисленныя антропометрическія измѣренія, недоступныя пониманію обыденнаго читателя, на картограммы, діаграммы, психофизическіе опыты и захватываетъ въ область своихъ изслѣдованій вопросы антропологіи, социологіи, этнологіи, психофизики, психіатріи и т. п. модныхъ и частью загадочныхъ наукъ. Нельзя не признать, что этотъ «научный аппаратъ» производитъ удручающее впечатлѣніе даже на тѣхъ изъ критиковъ, которые весьма скептически относятся къ логической сторонѣ ученія Ломброзо. Такъ *Francotte*, авторъ не лишенаго нѣкотораго задора книги «*L'Anthropologie criminelle* (Paris, 1891)», считаетъ антропометрическія измѣренія «лучшимъ результатомъ и несомнѣнною заслугой новой школы». Еще опредѣленнѣе выражается нашъ русскій авторъ, *И. Закревскій* (Объ ученіяхъ уголовно-антропологической школы. Харь-

¹⁾ Уже послѣ того, какъ набрана была наша статья въ печати мы имѣли случай ознакомиться съ обстоятельною и цѣнною по обширнымъ литературнымъ даннымъ статью извѣстнаго психіатра *P. Näcke*: Ueber Missbrauch der Localisations-theorie in Psychiatrie und Anthropologie. Neurologisches Centralblatt, 1893. S. 634 — 643. Авторъ примыкаетъ къ ученіямъ *Munk'a* и *Meijner'a* и говорить, что «всякія попытки локализовать главнѣйшія психологическія категоріи подобно тому, какъ это дѣлывали френологи, безнадежны; что это возможно лишь для грубѣйшихъ душевныхъ функцій, для элементарныхъ пелачинъ, которыя, однако, уже сами по себѣ достаточно сложны, какъ это доказалъ *Момакозъ* для зрѣнія, тогда какъ только ассоціаціонное сопоставленіе ихъ обусловливаетъ то чудесное явленіе, которое мы обозначаемъ какъ «я», личность, интеллигентность» (стр. 643). Весьма понятно, что при подобной постановкѣ основного вопроса *Näcke* укоряетъ въ пристрастіи къ френологіи большинство современныхъ авторовъ, писавшихъ о локализациіи. Не мало весьма мѣткихъ замѣчаній выпадаетъ, между прочимъ, и на долю представителей уголовной антропологіи.

ковъ, 1893 г.), утверждая, что антропологическія наблюденія представляютъ «самую существенную и оригинальную часть труда Ломброзо»...

Между тѣмъ именно эта антропологическая сторона въ трудахъ школы уголовной антропологіи далеко не оцѣнена еще съ практической и теоретической точекъ зрѣнія. Считаемо, поэтому, не лишнимъ нѣсколько подробнѣе остановиться именно на этой сторонѣ вопроса.

Ученіе Ломброзо можно вкратцѣ резюмировать въ слѣдующихъ положеніяхъ: преступность лежитъ въ самой природѣ *организмовъ*. Преступленія свойственны растительному міру; чаще они встрѣчаются среди животныхъ и еще чаще въ мірѣ человѣческомъ. Дикари—преступники; во всякомъ случаѣ преступленіе составляетъ среди нихъ явленіе обыденное. Наши дѣти имѣютъ всѣ задатки къ тому, чтобы стать преступниками. У дѣтей и дикарей, подобно тому, какъ у преступниковъ, мы замѣчаемъ проявленіе гнѣва безъ достаточно мотивированныхъ причинъ: имъ присуща мстительность, жестокость, склонность къ лжи, безпечность, лѣность, тщеславіе, подражательность, склонность къ игрѣ и къ спиртнымъ напиткамъ. Аномаліи нравственнаго чувства, ведущія у взрослога къ преступленію, встрѣчаются у дѣтей чаще, чѣмъ у взрослыхъ. Развитіе этихъ аномалій у дѣтей предупреждается воспитаніемъ и установленіями общественнаго строя. Существуетъ, однако, группа людей, которыхъ не удается втиснуть въ общественныя рамки и въ которыхъ «атавистическія наклонности» настолько сильны, что они, самую природою своею, побуждаются къ нарушенію общественнаго порядка; для подобныхъ дѣтей, говоритъ *Kurella* («*Naturgeschichte des Verbrechers*», 1893) «гуманные люди тщетно создаютъ исправительныя пріюты». Это—преступники «врожденные», или, какъ выражается *Ferri*, ближайшій сотрудникъ *Lombroso*, «преступники инстинктивные». Весьма важное значеніе школа Ломброзо придаетъ далѣе тому обстоятельству, что преступники, по всей своей организаціи, близки эпилептикамъ и «нравственно-помѣшаннымъ».

Среди прочаго человѣчества преступники выдѣляются уже по внѣшности своей. На нихъ лежитъ печать отверженности. Однакоже, мы въ настоящее время имѣемъ дѣло не съ единымъ типомъ преступника, который въ свое время установленъ былъ *Lombroso*, а съ цѣлымъ рядомъ подвидовъ преступнаго человѣка. Въ этомъ отношеніи главнѣйшіе представители школы, въ томъ числѣ и самъ вождь ея, единодушно прикнули къ ученію, установленному впервые *Ferri*, по мнѣнію котораго необходимо отличать извѣстныя характерныя особенности во внѣшности и отчасти въ духовномъ складѣ преступниковъ различныхъ категорій. Изъ болѣе крупныхъ авторитетовъ, работающих по уголовной антропологіи, за единство типа стоитъ одинъ *Kurella*, допускающій подвиды только профессиональнаго характера или, другими словами, подвиды, на которыхъ ихъ профессія наложила извѣстный «мимическій» характеръ.

Въ типѣ преступниковъ, дѣйствительно, много общаго. «Ядро привычныхъ преступниковъ представляетъ собою», выражаясь словами *Ки-*

rella (l. c. S. 261), «подвидъ современнаго европейскаго населенія. Характеризируемый объемомъ черепа и мозга ниже нормы, въ особенности же недостаточнымъ развитіемъ лобныхъ долей, питекоидными особенностями въ распредѣленіи бороздъ, далѣе, рядомъ, частью скрытыхъ, отклоненій, которыя могли-бы быть обозначены, какъ приматоидныя, и рядомъ біологическихъ и психологическихъ особенностей, объясняемыхъ прирожденнымъ предрасположеніемъ; все это въ суммѣ даетъ картину характерную и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне отличную отъ формъ наследственнаго психопатическаго вырожденія». Слѣдую *Marro* (*Caratteridei delinquenti*, 1887, p. 168), примѣты эти легко классифицировать, какъ патологическія, т. е. болѣзненные, случайныя и, наконецъ, примѣты, сближающія челоѣка какъ съ челоѣкоподобными обезьянами, такъ съ лемурами и, наконецъ, съ другими животными; примѣты послѣдней категоріи *Marro* обозначать какъ атавистическія, а *Kurella* называетъ ихъ приматоидными.

Нельзя сказать, чтобы многочисленныя примѣты преступниковъ, приводимыя различными авторами, вполне согласовались между собою. Такъ, напримѣръ, согласно указаніямъ самого *Lombroso* и его послѣдователей, окружность черепа и лобный діаметръ у преступниковъ меньше нормы; однакоже, по *Marro*, встрѣчаются и увеличенные размѣры этого рода. Соотвѣтственно этому и емкость черепа, опредѣляемая большинствомъ изслѣдователей, какъ уменьшенная, является въ иныхъ случаяхъ непомерно великою. Съ фізіономической и анатомической стороны характерны слѣдующія особенности преступника: преобладаніе брахицефалии надъ долихоцефаліею, т. е. широкоголовости надъ длинноголовостію; глазныя впадины часто увеличены; 86% преступниковъ узколобые, 41% низколобые; лобныя пазухи сильно развиты; скулы выступаютъ; прогнатизмъ, т. е. выступаніе зубныхъ отростковъ впередъ, весьма выраженъ; нижняя челюсть поражаетъ своею массивностію и тяжестью; нерѣдко встрѣчается на ней «лемуровъ отростокъ», т. е. небольшой и загнутый кнаружи отростокъ на задней сторонѣ угла нижней челюсти; съ другой стороны, нижняя челюсть преступника характеризуется малымъ развитіемъ такъ назыв. подбородка; затылочная кость сплющена и снабжена средней затылочной ямкой (*fossa occipitis mediana*), которая, судя по отзывамъ такъ назыв. «ломброзистовъ», характерна не только для преступниковъ, но и для племенъ низшей культуры; съ указанной аномаліею, дѣйствительно весьма рѣдкою на черепахъ «нормальныхъ», обыкновенно сочетается выдающійся внутренній лобный гребень, достигающій, вмѣсто нормальныхъ 3—4 миллиметровъ, 8 и болѣе; характерно далѣе сплющеніе твердаго неба; въ постановкѣ зубовъ бросается въ глаза такъ назыв. *diastema*, т. е. просвѣтъ между верхними рѣзцами и клыками, столь характерный для орангъ-утана, значительное развитіе переднихъ верхнихъ рѣзцовъ въ ущербъ боковымъ, характерное для гориллы и шимпанзе, а иногда даже полная атрофія боковыхъ рѣзцовъ; иногда, нако-

нець, замѣтно выступаютъ клыки. Въ общемъ черепъ преступника характеризуется обиліемъ ворміевыхъ косточекъ и спинозозовъ на черепной крышѣ и асимметрій, какъ въ мозговомъ, такъ и въ лицевомъ черепѣ. Мозгъ, соответственно уменьшенной емкости черепной чаши, представляетъ меньшія цифры вѣса и въ распредѣленіи бороздъ и извилинъ поражается аномаліями атактистическаго или атипическаго характера. Лучшій знатокъ мозговъ преступниковъ *Benedict* заявилъ однажды въ ученomъ обществѣ, относившемся скептически къ демонстрируемымъ имъ мозгамъ преступниковъ, что онъ беретса безошибочно опредѣлять по мозгу преступника родъ совершеннаго имъ преступленія ¹⁾. Вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что, при общемъ пониженіи вѣса мозга, мозжечекъ представляетъ сравнительно крупныя цифры вѣса: вѣсъ мозжечка и его продуктовы у обыкновенныхъ женщинъ равняется 147 граммамъ; у преступницъ—153; мужчины представляютъ вѣсъ мозжечка равный въ среднемъ 169 граммамъ; у извѣстнаго убійцы двушекъ Гуго Шенка мозгъ вѣсилъ 1261 граммъ (средній вѣсъ мозга по *Welcker*'у для германцевъ 1389 грамма), а мозжечекъ 194 гр.

Изученіе живыхъ субъектовъ приводитъ изслѣдователей къ тому убѣжденію, что преступники отличаются, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, асимметричнымъ и некрасивымъ строеніемъ тѣла. Къ числу примѣтъ ихъ, насколько онѣ не выражены въ упомянутыхъ выше аномаліяхъ черепа, обозначаются слишкомъ большія или малыя уши; эти уши оттопырены, лишены выраженной сережки или представляютъ аномаліи: Дарвиновъ бугорокъ, т. е. небольшой бугорокъ на верхней части раковины, развернутую раковину (ухо *Мореля*), выступающую *antihelix* (ухо *Вильдермута*) и т. д.; носъ преступника часто искривленъ. Кромѣ того замѣчено, что преступники часто страдаютъ косоглазіемъ; на лицѣ ихъ множество морщинъ, среди которыхъ особенно характерна такъ назыв. скуловая морщина (*Ruga zygomatica*), встрѣчавшаяся у молодыхъ преступниковъ въ 16 случаяхъ на 100, при полномъ отсутствіи этого признака у сравниваемыхъ съ этими преступниками 100 честныхъ юношей; у взрослыхъ преступниковъ эта примѣта встрѣчалась въ 33 случаяхъ на сто, у честныхъ людей въ 18. Характерна далѣе для преступника обильная растительность волосъ на головѣ и скудная растительность на бородѣ; волосы большею частью темной окраски, кожа—смуглая. Послѣдніе волосъ и плѣшивость наступаютъ весьма поздно. Вниманія заслуживаетъ, наконецъ, женственный видъ у преступныхъ мужчинъ и мужественный видъ у женщинъ. «Хорошимъ признакомъ атактизма» считаетъ *Lombroso* усилен-

¹⁾ На международномъ медицинскомъ конгрессѣ 1881 г. въ Лондонѣ *Crichton Brown* высказала свою увѣренность въ томъ, что *Benedict* не въ состояніи будетъ выискать 20 мозговъ преступниковъ среди 100 нормальныхъ. Къ сожалѣнію, споръ этотъ не былъ разрѣшенъ путемъ опыта.

ное развитіе лѣвой половины тѣла у преступниковъ. Въ пользу этого предположенія высказался между прочимъ извѣстный археологъ *Mortillet*, смѣло утверждающій, что изъ 354 извѣстныхъ ему доисторическихъ рисунковъ неолитической эпохи, по крайней мѣрѣ 195 сдѣлано съ лѣвой руки. *Lombroso* объясняетъ преобладаніе лѣвшеи среди преступниковъ тѣмъ, что они преимущественно работаютъ правою половиною мозга. Чувствительность во всевозможныхъ ея видахъ значительно понижена у преступниковъ; исключеніе въ данномъ случаѣ представляетъ только чувствительность по отношенію къ магниту и къ переменамъ погоды. Этимъ отсутствіемъ чувствительности Ломброзо пытается объяснить отсутствіе чувства жалости къ страданіямъ ближняго, то геройство, съ которымъ сами преступники переносятъ страданія, и, наконецъ, долговѣчность ихъ.

По сравненію съ мужчиною женщина-преступница представляетъ менѣе выраженныхъ примѣтъ. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что преступленія совершаются женщинами рѣже, чѣмъ мужчинами; согласно указаніямъ нашего извѣстнаго криминалиста *И. Я. Фойницкаго*— въ Англіи на 100 преступниковъ мужчинъ приходится 20—22 преступницъ, въ Пруссіи 21, во Франціи 17, Бельгіи и Италіи 16, Австріи 15, Россіи 9—12. Съ другой стороны, среди женщинъ весьма часто встрѣчаются рецидивистки. По мнѣнію *Lombroso*, характерныя черты женщины-преступницы до извѣстной степени маскируются роскошными волосами; въ этомъ случаѣ онъ ссылается на бюстъ Мессалины, фигурирующей на заглавномъ листкѣ извѣстнаго его атласа преступныхъ типовъ. Дѣйствительно, асиметрія ея лица, низкій лобъ, крупныя челюсти и оттопыренные уши не бросаются въ глаза, благодаря ея прическѣ. Въ прекрасныхъ трудахъ своихъ по изслѣдованію русскихъ преступницъ *П. Тарновская* указала на рядъ признаковъ, характерныхъ для женщинъ-преступницъ, и между прочимъ отмѣтила у воровокъ своеобразное вдавленіе на затылочной кости въ мѣстѣ перехода ея въ темяныя кости.

Какъ мы уже замѣтили, общій типъ преступника распадается, согласно новѣйшимъ воззрѣніямъ уголовныхъ антропологовъ, на цѣлый рядъ подвидовъ, надъ изученіемъ которыхъ въ особенности энергично работали какъ самъ *Lombroso*, такъ и послѣдователи его *Ferri*, *Otholengi*, *Frigerio*, *Benedict*, *Тарновская* и другіе. Такъ отличаются типы убійцы, изнасилвателя, преступника противъ общественной нравственности, разбойника, поджигателя, отравителя, случайнаго преступника, не проявившагося преступника (къ этому типу, по мнѣнію *Lombroso*, принадлежатъ многіе политическіе дѣятели), «маттопа», преступника по страсти, совершающаго преступленія *per impeto*, бродяги... Каждая изъ этихъ группъ характеризуется, или, лучше сказать, должна была-бы быть характеризована, рядомъ примѣтъ. Не останавливаясь на подробномъ описаніи каждаго отдѣльнаго подвида, мы укажемъ здѣсь лишь на то, что характеристика этихъ подвидовъ далеко еще не выяснена надлежащимъ образомъ.

Переходя затѣмъ къ описанію нравственнаго и интеллектуальнаго облика преступниковъ, мы можемъ указать на то, что преступники, уже въ виду тѣсной связи между отдѣльными областями психики, зачастую проявляютъ извѣстные дефекты какъ въ умственной, такъ и душевной жизни. Ломброзо и послѣдователи его весьма невысокаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ преступниковъ и приписываютъ даже въ наиболѣе искусно совершенныхъ преступленіяхъ значительную роль ругинѣ и чрезвычайно выработанной техникѣ. Дефекты эти сказываются, между прочимъ, въ отсутствіи предусмотрительности при совершеніи преступленія, благодаря чему преступники силошъ и рядомъ попадаютъ самымъ грубымъ образомъ. Въ высшей степени характерна для душевнаго міра преступниковъ склонность къ праздности, неспособность къ усидчивому труду и извѣстное легкомысліе даже по отношеніямъ къ вопросамъ, рѣшающимъ все будущее и настоящее ихъ. Отсюда — ихъ готовность идти на казнѣ или въ тюрьму и распространенность самоубійствъ среди преступныхъ классовъ. Считать преступниковъ «классическими злодѣями» было-бы въ высшей степени ошибочно. Они способны къ семейной и личной любви и къ благороднымъ порывамъ. Въ общемъ преступникъ—человѣкъ неустойчивый и неуравновѣшенный. И лучшія и худшія стороны характера его проявляются преимущественно порывами. Преобладаютъ дурныя качества и страсти: тщеславіе, мстительность, склонность къ пьянству, обжорству, половымъ излишествамъ и извращенному удовлетворенію половыхъ потребностей, смѣняющихся періодами почти полной импотенціи, къ азартнымъ играмъ и мотовству. Съ другой стороны, преступники не прочь отъ того, чтобы сыграть роль благородныхъ рыцарей; религіозность среди преступниковъ не представляетъ рѣдкаго явленія, хотя по большей части сводится къ суевѣрью. Извѣстно множество примѣровъ того, что преступники передъ совершеніемъ преступленія зываютъ къ Богу о помощи.

Закоренѣлые преступники, по мнѣнію *Lombroso*, несправимы. Если процентъ рецидивистовъ и колеблется между 30—50%, то авторъ нашъ тѣмъ не менѣе остается при своемъ мнѣніи, ссылаясь на убыль преступниковъ отъ смертности и на то обстоятельство, что преступники зачастую цѣлыя годы уклоняются отъ отвѣтственности.

Характеристика душевной жизни преступниковъ дополняется указаніемъ на распространеніе среди нихъ татуировки, которая разсматривается какъ атавистическій признакъ: атавистическіе-же намеки усматриваются въ «воровскомъ жаргонѣ»: литература и главнымъ образомъ пѣсни преступниковъ въ высокой степени интересны съ психологической точки зрѣнія. Фигуры и знаки, которыми переписываются преступники, напоминаютъ гіероглифы отдаленнѣйшихъ предковъ нашихъ; съ графологической точки зрѣнія почеркъ преступниковъ заслуживаетъ глубокаго вниманія, представляя рядъ разновидностей, пріурочиваемыхъ къ различнымъ ка-

тегоріямъ преступленій. Такъ, убійцы и разбойники пишутъ рѣзкимъ размашистымъ почеркомъ съ сильно удлиненными буквами и длинными черточками надъ ними; подпись ихъ вычурна и представляетъ множество лишнихъ линій. Такимъ почеркомъ отличаются, впрочемъ, вообще спьяные субъекты, обладающіе извѣстнымъ избыткомъ энергіи. Почеркъ воровъ приближается до извѣстной степени къ женскому. Походка преступниковъ имѣетъ нѣчто общее съ походкою эпилептиковъ. Вниманія заслуживаютъ, наконецъ, съ психологической точки зрѣнія общины преступниковъ, отличающіяся иногда весьма строгою организаціею и даже извѣстною нравственною силою. Когда въ 1860 году, въ виду господствующихъ междоусобій, преступники на островѣ Санъ-Стефано были предоставлены самимъ себѣ, они соединились въ общину, въ которой строго карались всякаго рода преступленія; одного человѣка, укравшаго небольшое количество муки, наказали 50 ударами палокъ и 30 днями ареста; другого казнили жестокимъ образомъ за кражу козы; за оскорбленіе стражи и женщинъ также налагалась смертная казнь. Любопытную параллель представляетъ намъ въ этомъ случаѣ наша пресловутая «Желтугинская Калифорнія», составъ населенія которой вербовался изъ весьма предосудительнаго сброда. И гдѣ тѣмъ не менѣе установился весьма строгій порядокъ, ограждавшій какъ личную безопасность, такъ и собственность членовъ общины. Несмотря, однако, на строгую организацію общинъ такого рода и на своеобразную мистическую обрядность, соблюдаемую при поступленіи въ нихъ и сильно напоминающую обрядность тайныхъ обществъ прежнихъ временъ, преступникъ, уже въ виду неуравновѣшенности своей натуры, зачастую является предателемъ; онъ дѣйствуетъ такъ подъ вліяніемъ мести или оскорбленнаго тщеславія.

Приступая къ анализу ученій *Lombroso* и школы уголовной антропологии, мы не можемъ не указать на то, что, съ точки зрѣнія современной антропологии, вполне мыслимо существованіе индивидуумовъ, настолько уклоняющихся какъ по своему внѣшнему облику, такъ и по внутреннему складу отъ окружающихъ ихъ людей, что ихъ слѣдуетъ считать аномальными явленіями для ихъ среды и для ихъ времени. Индивидуумы эти могутъ быть отмѣчены настолько характерными отличіями, совершенно независимо отъ того, являются-ли эти отличія результатомъ наследованія, вырожденія или же приспособленія къ данной жизненной сферѣ, и выражаются-ли они въ психическихъ или соматическихъ признакахъ, что представляютъ возможность наблюдателю изучить и классифицировать ихъ. Не можетъ быть далѣе сомнѣнія въ томъ, что дѣло изученія преступленія подвинется весьма далеко впередъ и поставлено будетъ на надлежащую научную почву, если мы углубимся въ эмбриологію преступленія и вникнемъ въ душевную жизнь дикаря, ребенка и, наконецъ, даже существъ, стоящихъ сравнительно низко на лѣстницѣ развитія орга-

ническаго міра. Современная соціальная жизнь, со всѣми отрадными или печальными сторонами ея, только тогда и раскроется передъ нами во всѣхъ фазисахъ своего развитія, когда мы сумѣемъ найти первичные, зачаточные элементы ея.

Не можетъ далѣе подлежать сомнѣнію, что наши правовыя воззрѣнія существенно измѣнились по сравненію съ воззрѣніями прежнихъ поколѣній. Говоря о преступленіи, мы не ограничиваемся уже одною фактической внѣшностью его. Мы говоримъ о физиологіи и психологіи преступленія, а нынѣ указываемъ даже на анатомію его. Съ точки зрѣнія современныхъ правовыхъ воззрѣній изученію подлежитъ личность преступника, какъ съ психологической, такъ и соматической стороны, принимаются во вниманіе его наслѣдственные задатки и, наконецъ, обстоятельства, побуждавшія преступника къ совершенію преступленія. Преступленіе получаетъ двоякое значеніе: какъ фактъ индивидуальный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ фактъ соціальный. Выясненіе «факторовъ преступности» влечетъ за собою совершенно иное отношеніе къ вопросу о возмездіи за преступленіе. Кара сводится уже не къ пресловутому *jus talionis*, а къ стремленію исправить преступника и предотвратить возможность повторенія подобныхъ-же проступковъ какъ со стороны его, такъ и со стороны ему подобныхъ. Конечная цѣль общества, писали мы въ свое время, должна сводиться къ тому, чтобы установить такія условія, при которыхъ совершеніе преступленія не становилось-бы роковою необходимостью для людей, мало резистентныхъ въ этическомъ отношеніи. Ибо, дѣйствительно, если существуютъ натуры болѣе воспримчивыя къ этическимъ чувствамъ или даже страдающія болѣзненно-повышенной этической чувствительностью, то съ другой стороны должны существовать и, конечно, существуютъ натуры мало воспримчивыя, или же совершенно аномально невоспримчивыя къ интересамъ и правамъ своихъ собратьевъ.

Такимъ образомъ, едва-ли возможно выставить какія-либо вскія соображенія противъ того, чтобы могли существовать люди, склонные уже по организаціи своей къ порочности и требующіе, поэтому, совершенно своеобразнаго къ нимъ отношенія со стороны общества.

Этой теоретической постановкѣ вопроса противорѣчить, однако, до извѣстной степени фактической матеріалъ, собранный *Lombroso* и представителями школы уголовной антропологіи. Свойства этого матеріала приемы добыванія и разработки его таковы, что заставили многихъ людей, весьма компетентныхъ, усомниться въ существованіи типа преступнаго человѣка. Ученіе *Lombroso* неоднократно уже разбиралось и опровергалось и мы, поэтому, лишь вкратцѣ отмѣтимъ современное состояніе главнѣйшихъ положеній ученія о «преступномъ человѣкѣ».

Мысль о томъ, что преступность органически присуща всѣмъ живымъ существамъ, какъ извѣстно, подтверждается ссылками на преступность

растений, животныхъ, дикарей и дѣтей. «Только близорукій», говоритъ *Lombroso*, «не видитъ того, что среди растений существуютъ убійцы». Этими убійцами являются насѣкомоядные растенія. Весьма единодушно критика указываетъ *Lombroso* на то, что своеобразный способъ питанія нельзя вмѣнять даннымъ организмамъ въ преступленіе; но, вѣдь, представленіе о преступленіи влечетъ за собою рискованное предположеніе о вмѣняемости растений, слѣдовательно и предположеніе о сознаніи и волѣ, присущей этимъ организмамъ... Но если даже и согласиться съ *E. v. Hartmann*'омъ, что растенія обладаютъ сознаніемъ, обнаруживаемымъ ими въ ощущеніяхъ, вызываемыхъ матеріальными раздраженіями, то все же сумма этого сознанія будетъ слишкомъ ничтожна для того, чтобы допустить мысль о злой волѣ.

Въ существованіи преступности среди животныхъ трудно усомниться, имѣя въ виду многочисленные примѣры, приводимые въ этомъ смыслѣ у *Брэма*, *Дарвина*, *Романеса*, *Эспинаса* и другихъ. Характерно, однако, для школы *Ломброзо*, что она не удовлетворяется примѣрами, хорошо удостовѣренными, а, напротивъ того, гонится за эффектными газетными анекдотами или же истолковываетъ наиболѣе обыденныя явленія въ духѣ тѣхъ или другихъ преступленій. Намъ кажутся особенно характернымъ для пріемовъ *Lombroso* именно эти ложныя толкованія, которыя критиками обыкновенно упускаются изъ виду, въ виду того, что они всюю силою своею гнѣва обрушиваются на неправдоподобные анекдоты. Говорятъ, на примѣръ, о лошакахъ, подманивающихъ къ себѣ, подъ вліяніемъ ложнаго материнскаго инстинкта, жеребятъ, которыхъ они не въ состояніи кормить и которые вслѣдствіе этого умираютъ голодною смертію, *Lombroso* подводитъ это вполне понятное и естественное явленіе подъ страшную рубрику: «дѣтоубійство и похищеніе малолѣтнихъ».

Весьма единодушно современная научная критика осуждаетъ *Lombroso* и его послѣдователей за то, что они изображаютъ дикарей отчаянными преступниками. Многое въ этой страшной характеристикѣ дикарей объясняется тѣмъ, что *Lombroso*, столь охотно примѣняющій юридическую терминологию, не опредѣляетъ намъ того, что онъ подразумѣваетъ подъ понятіемъ «преступленіе»; онъ приводитъ длинный рядъ примѣровъ различныхъ дѣяній дикарей, которые преступны только съ точки зрѣнія современнаго европейца, но несомнѣнно считаются доблестью среди дикарей и, даже болѣе того, считались таковою среди нашихъ ближайшихъ предковъ.

Ученики *Lombroso* сознали этотъ пробѣлъ и за послѣднее время сдѣлали рядъ попытокъ опредѣлить, что такое преступленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать формулу, болѣе простую и удобопонятную, чѣмъ ее даетъ общая юридическая терминологія. Характерны въ этомъ отношеніи предложенія *Garofalo*, *Tarde*, *Durckheim'a*, *Corre*, *Hamon'a*. Послѣдній, под-

вергающій всё предложенія своихъ предшественниковъ жестокой критикѣ, останавливается самъ на формулѣ: «преступленіемъ является всякое дѣяніе, направленное противъ личной свободы» (*А. Натон. De la définition du crime. Paris. 1893*). Однакоже и подобная формулировка, несмотря на всю простоту ея, оказывается совершенно неудовлетворительною, такъ какъ многія, въ высокой степени благотворныя стремленія, какъ, напримѣръ, желаніе воспитать людей, могутъ быть сопряжены съ покушеніями на ихъ личную свободу. Не удовлетворяетъ насъ и практическая формула нашего юриста *И. Закревскаго*, по мнѣнію котораго «подъ преступленіемъ разумѣется нарушеніе нормъ, признанныхъ обязательными въ общежитіи народовъ, достигшихъ цѣвѣстной степени культуры» (*Объ ученіяхъ уголовно-антропологической школы, 1893, стр. 16*). Данная формула исключаетъ всякую мысль о преступленіи, совершенномъ среди животныхъ или дикарей. «Факты этого рода, говоритъ онъ, имѣютъ значеніе явленій біологическихъ, обусловленныхъ инстинктами живыхъ организмовъ, ихъ влеченіемъ къ самосохраненію и размноженію». Авторъ въ этомъ случаѣ вполне стоитъ на почвѣ писателей старой школы, не считающихъ дикарей настоящими людьми, хотя, съ другой стороны, весьма энергично защищаетъ ихъ отъ нападеній *Lombroso*. Достаточно, между тѣмъ, хотя-бы нѣсколько вчитаться въ описаніе племенъ, наиболѣе низко стоящихъ на своей культурѣ, чтобы убѣдиться, что и у нихъ существуютъ опредѣленные возрѣнія на обязанности человѣка. Въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть ничего неправдоподобнаго уже въ виду того, что появленіе преступниковъ среди животныхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Говоря о нравственности дикарей, мы, въ противоположность къ ученіямъ *Lombroso*, не можемъ не вспомнить той школы антропологовъ и путешественниковъ, которые въ своемъ увлеченіи дикарями доходятъ до того, что ставятъ ихъ въ примѣръ людямъ культурнымъ. «Нравственности дикарей», говоритъ *М. Кулишеръ*, «недостаетъ экстенсивности, но по интензивности, по глубинѣ и силѣ, эта мораль будетъ вѣчнымъ недостижимымъ идеаломъ для болѣе культурныхъ народовъ, къ осуществленію котораго они стремятся въ своей собственной жизни». По мнѣнію *Уоллеса*, наше общество преуспѣваетъ только по отношенію къ своимъ интеллектуальнымъ силамъ; въ нравственномъ же отношеніи оно должно поучаться у дикарей. Нѣтъ сомнѣнія, что эти до извѣстной степени страстныя похвалы первобытному человѣку являются отблескомъ эпохи *Ж. Ж. Руссо*, учившаго, что человѣкъ, по природѣ своей, существо вполне доброе и чистое и что загрязнить его можетъ только одна цивилизація. Съ другой стороны, во взглядахъ *Ломброзо* отражается мрачное ученіе *Гоббса* о томъ, что человѣкъ человѣку—врагъ. Мы полагаемъ, что *Lombroso* почерпнулъ свое столь исключительное среди антропологовъ возрѣніе на дикаря изъ ходячихъ юридическихъ сочиненій, въ которыхъ почти безъ-

условно господствуютъ взгляды Гоббса. Мы уже неоднократно имѣли случай высказываться по этому поводу, формулируя нашу мысль слѣдующими словами: «человѣкъ первобытный—не ангелъ непорочный, но и не дикій звѣрь. Нравственность первобытнаго человѣка имѣетъ до извѣстной степени инстинктивный характеръ. Она дается самими условіями существованія первобытнаго сообщества. Но именно въ виду этого нравственность столь легко утрачивается дикарями: она разрушается вмѣстѣ съ разрушеніемъ первобытнаго строя. Но, если нравственность первобытнаго человѣка отличается отъ нравственности человѣка культурнаго въ абстрактномъ отношеніи тѣмъ, что она менѣе сознана и, несмотря на всю свою чарующую свѣжесть, легко имъ утрачивается, то, съ другой стороны, необходимо имѣть въ виду, что она, соответственно узкому кругозору дикаря, захватываетъ меньшій районъ, держась преимущественно въ кругу интересовъ племенныхъ или людей ближайшихъ. и, конечно, лишена болѣе тонкой выработки».

Въ связи съ упомянутымъ ученіемъ *Гоббса* стоитъ, очевидно, и мысль *Lombroso* о преступности дѣтей. Но въ этомъ случаѣ научная критика вполне единодушно возстала противъ огульнаго обвиненія дѣтей въ преступныхъ наклонностяхъ. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что доказательства, приводимыя *Lombroso* въ подтвержденіе своего ученія, отличаются полною неубѣдительностію. Достаточно, что онъ въ лепетѣ ребенка, не могущаго совладать съ органами рѣчи и не усвоившаго себѣ рѣчи взрослыхъ людей, усматриваетъ намеки на жаргонъ преступниковъ!.. *Lombroso* утверждаетъ, что дѣти уже потому похожи на преступниковъ, что и у нихъ отсутствуетъ нравственное чувство. Дѣйствительно, хотя мы и не стоимъ на почвѣ *Карла Фомы* (*Bilder aus dem Thierleben*), утверждающаго, что новорожденный не обнаруживаетъ ни малѣйшихъ проблесковъ интеллигентности или способностей, приближающихъ къ ней, и поэтому стоитъ ниже новорожденного щенка, но все же вполне согласны съ тѣмъ, что такъ называемый «*Sens moral*» нельзя считать прирожденнымъ, какъ это предполагалъ *Prosper Despine*; нравственное чувство не имѣетъ своей опредѣленной локализациі въ мозгу и, уже по сложности самого понятія, можетъ выработаться лишь постепенно по мѣрѣ развитія ребенка. Нельзя, конечно, отрицать того, что ребенокъ представляетъ собою въ большинствѣ случаевъ весьма сложное явленіе и что онъ зачастую преисполненъ бываетъ противорѣчій. Съ другой стороны, мы не можемъ не указать на общезвѣстный всякому медику и внимательному педагогу фактъ малой устойчивости дѣтскаго организма, а слѣдовательно и дѣтской психики передъ неблагоприятными вліяніями вѣншей среды. Извѣстно, напримѣръ, какъ мѣняется настроеніе школьныхъ дѣтей и какъ они теряютъ всякую способность сдерживаться при внезапныхъ колебаніяхъ барометра. Такимъ образомъ многое изъ того, что намъ кажется

проявленіемъ злой волн. есть не что иное какъ болѣе или менѣе быстро преходящая реакція впечатлительнаго организма на вредоносные внѣшніе импульсы. Глубокаго вниманія заслуживаетъ, наконецъ, появленіе дѣйствительно порочныхъ дѣтей среди обычныхъ неуравновѣшенныхъ дѣтскихъ натуръ. На этихъ дѣтяхъ зачастую съ страшною ясностью лежитъ та печать порока, которая дала возможность установить типъ «преступнаго человѣка».

Весьма отрицательно относится большинство критиковъ къ одной изъ любимѣйшихъ идей *Lombroso* и его ближайшихъ сотрудниковъ, а именно къ ученію о связи между эпилепсіею, нравственнымъ помѣшательствомъ и преступленіемъ. Правовѣрные ломбозисты энергично подбираютъ цѣлыя серіи внѣшнихъ признаковъ, указывающихъ на сходство индивидуумовъ, одержимыхъ данными страданіями и впавшихъ въ преступленіе. Но, помимо этого подбора примѣтъ, мы нуждаемся прежде всего въ ясной формулировкѣ того, что въ сущности понимается подъ обобщаемыми явленіями, а между тѣмъ школа Ломброзо не даетъ намъ опредѣленія этихъ явленій и оставляетъ даже открытымъ вопросъ о томъ, насколько каждое изъ данныхъ проявленій въ личности человѣка обуславливаетъ собою присутствіе двухъ другихъ. Мы вполне убѣждены въ томъ, что подобнаго рода связь можетъ существовать: скажемъ даже болѣе, на эпилептикахъ характерныя примѣты ломбозовскаго типа зачастую комбинированы гораздо яснѣе, чѣмъ на обычныхъ преступникахъ; но, тѣмъ не менѣе, однимъ изъ главныхъ недостатковъ въ методахъ разработки матеріаловъ уголовной антропологии является именно это смѣшеніе состояній, хотя и близкихъ другъ къ другу, но все же отличныхъ по существу и по проявленію. Появленіе нравственно-помѣшанныхъ на скамьѣ подсудимыхъ, къ сожалѣнію, дѣло обыденное; къ категоріи ихъ, однако, далеко не могутъ быть причислены всѣ преступники, такъ какъ большинство изъ нихъ прекрасно сознаетъ преступность своихъ дѣяній. Въ данномъ случаѣ необходимо было бы, въ интересахъ изученія типа преступниковъ, тщательно выдѣлить нравственно-помѣшанныхъ въ особую группу, имѣя въ виду, что нравственное помѣшательство проявляется иногда сравнительно поздно, въ столь опасный во многихъ отношеніяхъ періодъ полового развитія, при пораненіяхъ, преимущественно головы, нервныхъ потрясеніяхъ и различныхъ заболѣваніяхъ.

Не слѣдуетъ далѣе упускать изъ виду того обстоятельства, что въ нравственномъ помѣшательствѣ во многихъ случаяхъ большую роль играетъ наследственность. Весьма мѣтко, однако, знаменитый психологъ и психіатръ *F. Dejerine* говоритъ, что нравственное помѣшательство составляетъ одно большое цѣлое, куда входятъ всякаго рода факты, безусловно противорѣчащіе правиламъ строгой нравственности. Сюда можно отнести массу психическихъ состояній: но существуютъ случаи типичные, гдѣ клиническая картина вся цѣлкомъ

занята проявленіемъ извращенія нравственности, такъ что больной со-всѣмъ не сознаетъ своего патологическаго состоянія, и тогда мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ бредомъ. На нравственное помѣшательство, равно какъ на резонирующее помѣшательство онъ смотритъ не какъ на отдѣль-ныя болѣзни, но лишь какъ на особенныя состоянія субъектовъ на почвѣ вырожденія (Наслѣдственность и болѣзни нервной системы, переводъ Са-вельева. Москва 1887, стр. 61).

Нравственное помѣшательство «moral insanity», какъ особую форму помѣшательства, отмѣтили, какъ извѣстно, впервые *Prichard* (1835), на-ходившійся преимущественно подъ влияніемъ старо-шотландской школы нравственной философіи. Онъ усматриваетъ признаки этого состоянія въ «болѣзненномъ извращеніи естественныхъ чувствъ, аффектовъ, склонностей, темперамента, привычекъ, нравственныхъ стремленій и естественныхъ побужденій, не сопровождаемомъ замѣтнымъ расстройствомъ или дефектами мышленія, или же способности познаванія или сужденія, или же какими-бы то ни было плюзиями или галлюцинаціями». Идеи *Prichard*'а нашли въ свое время горячее сочувствіе и къ нимъ-же въ сущности сводится ученіе *Pinel*'я о «Mania sine delirio», *Morel*'я о «Folie morale», *Prosper Despine* о прирожденномъ нравственномъ чувствѣ, *Brière de Boismont*, *Maudsley*, предлагавшаго замѣнить терминъ нравственное помѣшательство словомъ «аффективное помѣшательство» въ виду неопредѣленности перваго тер-мина и того, что онъ «предполагаетъ присутствіе сознанія, часто не соотвѣтствуетъ самому дѣлу». Съ другой стороны, ученіе о нравственномъ помѣшательствѣ имѣетъ не мало серьезныхъ противниковъ, требующихъ истребленія этого понятія въ виду его крайней неопредѣленности. Извѣстный психіатръ *Griesinger* считаетъ: «патологическую категорію», обозначенную *Pinel*'емъ, какъ «mania sine delirio», за положительное несчастье для науки и совѣтуетъ бросить это темное наименованіе. *Baer* цитируетъ извѣстный афоризмъ, принадлежащій, сколько мнѣ помнится, *Maudsley*, сравнивавшему нравственно-помѣшанныхъ съ людьми, стра-дающими дальтонизмомъ, и совершенно справедливо замѣчаетъ, что это сравненіе лишено наиболѣе существеннаго и необходимаго основанія сво-его, такъ какъ неспособность отличать красный цвѣтъ обуславливается нечувствительностью сѣтчатки къ соотвѣтственнымъ свѣтовымъ лучамъ, слѣдовательно предполагаетъ существованіе совершенно опредѣленнаго дефекта зрительнаго аппарата и соотвѣтствующихъ областей мозговой коры, тогда какъ въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ въ виду какихъ-либо опре-дѣленныхъ частей мозга. «Отыскивать, на подобіе тому, какъ это дѣла-валъ *Галль*, опредѣленный раіонъ для нравственности», говоритъ *Meu-ner* въ своей прекрасной рѣчи («Gehirn und Gesittung» Wien, 1889), «можетъ только ученое недомысліе... Механизмъ нравственности слѣдуетъ искать только въ ассоціаціонномъ органѣ, носителѣ интеллекта, какъ цѣ-

лаго, въ полушаріяхъ въ цѣломъ ихъ видѣ». Имѣя въ виду зависимость полушарій отъ прочихъ частей нервной системы и нервной системы отъ общаго состоянія организма, можно было-бы дать этому положенію еще болѣе широкую постановку, по крайней мѣрѣ, въ приложеніи къ данному патологическому явленію. Такимъ образомъ *Moral insanity* должно разсматривать, какъ болѣзненное состояніе, проявляющееся у организмовъ, страдающихъ, помимо даннаго состоянія, извѣстными дефектами въ душевной сферѣ. Большинство изслѣдователей настоящаго времени склоняются къ тому, что нравственное помѣшательство сочетается съ извѣстнымъ, хотя быть можетъ и не рѣзко выраженнымъ, пониженіемъ умственныхъ способностей (*Krafft-Ebing*! *Emminghaus*, *Westphal*, *Mendel* и другіе).

Далѣе самъ *Lombroso* признаетъ, что умственные силы нравственнаго помѣшаннаго нельзя считать совершенно неповрежденными. Большинство изслѣдователей, наконецъ, согласно въ томъ отношеніи, что нравственное помѣшательство развивается на почвѣ наслѣдственныхъ недуговъ, а именно у субъектовъ, предки которыхъ страдали алкоголизмомъ, эпилепсіею, душевными болѣзнями, нервностью и т. д., и которые на самихъ себѣ носятъ явные слѣды вырожденія.

Что касается соотношеній между нравственнымъ помѣшательствомъ и преступленіемъ, то мы уже выше указывали на то, что уподобленіе преступниковъ нравственно-помѣшаннымъ встрѣтило единодушный отпоръ среди современныхъ представителей науки. Весьма ясно высказываются по этому поводу даже специалисты, отстаивавшіе самостоятельное существованіе того комплекса болѣзненныхъ признаковъ, который принято обозначать какъ «*moral insanity*». «Хотя нравственное помѣшательство, говоритъ *Maudsley*, и существуетъ какъ особая форма болѣзни, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы особы порочныя дѣйствія или преступленія, или рядъ порочныхъ дѣйствій доказывали его существованіе въ каждомъ случаѣ» (*Майдсли*, Физиологія и патологія души, стр. 372).

Переходя къ вопросу объ аналогіи между преступниками и эпилептиками, мы прежде всего отмѣтимъ, что, по признанію самого *Lombroso*, въ тюрьмахъ встрѣчается не болѣе 5% эпилептиковъ. Однакоже, онъ смѣло обезоруживаетъ своихъ противниковъ указаніемъ на то, что преступники страдаютъ болѣею частью такъ называемою «скрытою эпилепсіею», намѣченной, сколько намъ извѣстно, впервые *Morel* емъ. Скрытая эпилепсія можетъ выражаться исключительно подъ видомъ импульсивныхъ дѣйствій и врожденныхъ безнравственныхъ побужденій, слѣдовательно, протекать безъ всякихъ болѣе очевидныхъ припадковъ. Явленія этой скрытой эпилепсіи въ связи съ врожденною преступностью изучены въ послѣднее время какъ самимъ *Lombroso*, такъ и нѣкоторыми другими изслѣдователями, хотя работы этихъ авторовъ поражаютъ предвзятостью

идей и полную увѣренность въ безспорности установленнаго ими ученія. Большинство этихъ изслѣдованій держатся на подборѣ вѣдннхъ признаковъ, указывающихъ на сходство между эпилептиками и преступниками. Среди такихъ признаковъ отмѣчается, напримѣръ, позднее посѣднне волосъ и появленіе плѣшивости, пониженіе чувствительности, безпокойство эпилептиковъ и заключенныхъ въ тюрьмѣ передъ наступленіемъ грозы, схожая походка и т. д.

Baer (*Der Verbrecher*. Berlin 1893), какъ опытный тюремный врачъ, обращаетъ вниманіе на то, что заключенные нерѣдко приписываютъ себѣ эпилептоидные припадки, чтобъ облегчить свое положеніе или же избавиться отъ одиночнаго заключенія; съ другой стороны, люди, дѣйствительно страдающіе эпилепсією, тщательно скрываютъ свое состояніе, или даже не подозреваютъ роковаго значенія его, успокаиваясь на томъ, что они страдаютъ «головокруженіями». Въ виду этого опредѣленіе дѣйствительнаго числа эпилептиковъ, заключенныхъ въ тюрьмы, является задачей, весьма нелегкою. Изъ общаго числа заключенныхъ, поступившихъ въ вѣднне *Baer*'а съ отмѣткою «эпилептики», ему удалось подтвердить эти состоянія только у 46,2%. Общее число эпилептиковъ въ тюрьмахъ опредѣляетъ *Baer*, на основаніи своего опыта и литературныхъ данныхъ, въ 3—5%; къ этой цифрѣ приближается большинство объективныхъ авторовъ, тогда какъ истые ломброзисты доходятъ до 12% (*Marro*) и даже 33% (*Rossi*). Появленіе извѣстнаго числа эпилептиковъ среди преступниковъ не должно насъ удивлять. Значительный процентъ эпилептиковъ поражается этимъ страданіемъ, благодаря наслѣдственнымъ условіямъ, благодаря хроническому алкоголизму, причемъ, въ отличіе отъ первой формы пріобрѣтенія, страданіе проявляется не въ юномъ возрастѣ, а впослѣдствіи; далѣе, какъ причины эпилепсіи, должны быть упомянуты пораненія въ области центральной нервной системы, въ особенности въ дѣтскомъ возрастѣ, сифилисъ, половыя излишества въ юномъ возрастѣ. Принявъ всѣ вышеуказанныя причины во вниманіе, мы вполне уяснимъ себѣ, почему эпилепсія сравнительно часто должна проявляться именно въ тѣхъ сферахъ, изъ которыхъ вербуетея контингентъ преступниковъ. Совпаденіе такого рода опредѣляется такимъ образомъ отнюдь не родственностью типовъ эпилептика и преступника, а, напротивъ того, тѣми печальными социальными условіями, среди которыхъ живутъ поддонки общества и которыя усиливаютъ болѣзненность ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Съ другой стороны, мы можемъ смѣло разсчитывать на то, что % эпилептиковъ въ тюрьмахъ будетъ уменьшаться по мѣрѣ улучшенія судопроизводства и сообразно съ успѣхами тюремновѣднн.

Характерно для этой излюбленной идеи *Lombroso*, что отъ нея въ послѣднее время отступились даже многіе изъ важнѣйшихъ его соратниковъ. Такъ *Benedict* допускаетъ лишь, что эпилептики и преступники принадлежатъ къ одной семьѣ, что ихъ «съ анатомической точки зрѣнія

можно только съ трудомъ отличить», хотя нельзя и смѣшивать: «они отличаются другъ отъ друга въ физиологическомъ, психологическомъ и клиническомъ отношеніяхъ никакъ не менѣе, чѣмъ тифъ и оспа, хотя и та и другая болѣзнь принадлежать къ лихорадочнымъ и заразнымъ».

Въ этой параллелизаціи между преступниками, нравственно-помѣшанными и эпилептиками насъ болѣе всего поражаетъ то обстоятельство, что два послѣднія явленія уподобляются первому, которое, по всему существу ученія, должно считаться атавистическимъ. Такимъ образомъ и эпилепсія и нравственное помѣшательство должны быть отнесены къ разряду атавизмовъ.

Весьма характерно для школы *Lombroso*, равно какъ для отщепенцевъ, образовавшихъ новую школу уголовной антропологіи, то душевное спокойствіе, съ которымъ они пользуются различными научными терминами, заимствованными по большей части у дарвинистовъ и эволюционистовъ. Къ разряду «страшныхъ словъ», упомянутыхъ выдержанными изслѣдователями только съ величайшею опаскою въ виду ихъ неопредѣленности и той отвѣтственности, которую беретъ на себя авторъ, выступающій съ подобною терминологіею, принадлежитъ и роковое понятіе объ атавизмѣ. Между тѣмъ выраженіе атавизмъ является однимъ изъ любимыхъ въ лагерѣ уголовной антропологіи. Говоря о лѣности, столь характерной для преступныхъ натуръ, *Kurella* мимоходомъ заявляетъ, что это — атавизмъ; характеризуя въ очеркѣ, полномъ юмора и мѣткихъ словечекъ, бродягу, *Benedict* утверждаетъ, что склонность къ бродяжничеству есть не что иное, какъ проявленіе атавизма, какъ возвращеніе къ «кочевому образу жизни!» Чаше другихъ, однако, пользуется этимъ выраженіемъ самъ *Lombroso*. Татуировка, на примѣръ, по его мнѣнію, весьма характерное явленіе атавизма. Рассказывая о томъ, что проститутки въ такой степени увлекаются татуированными людьми, что отдаютъ себя имъ безвозмездно и осыпаютъ ихъ подарками, нашъ авторъ восклицаетъ: «Если все это не признаки атавизма, то атавизма не существуетъ въ наукѣ» (!). Мы имѣли уже случаи указать на то, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ считаться не съ атавизмомъ, т. е. не съ возвращеніемъ ко вкусамъ и наклонностямъ прежнихъ, давно минувшихъ поколѣній, а съ грубою средою, мало чѣмъ отличающейся по своимъ вкусамъ отъ некультурныхъ людей и, по весьма понятнымъ причинамъ, увлекающейся тою удалю, которая иногда выражается въ обильныхъ татуировкахъ. Достаточно взглянуть на рисунки въ атласѣ *Lombroso*, на приложенія къ книгѣ *Buer'a* «Der Verbrecher» Berlin, 1893 г. и т. д., чтобы убѣдиться въ томъ, что преступники изображаютъ иногда на тѣлѣ своемъ всю свою біографію. Новѣйшія работы *I. Ranke* и его школы указали на распространеніе татуировки въ тѣхъ слояхъ общества, гдѣ ее до сихъ поръ не подозревали и которые не имѣютъ ничего общаго съ преступ-

леніемъ. Татуировка не рѣдко встрѣчается и у насъ на Руси въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, а частью даже и въ открытыхъ, распространяясь иногда съ изумительною быстрою подѣ влияніемъ заразного примѣра. И точно такъ же дѣйствуетъ подражательность единичной, болѣе или менѣе вліятельной личности, или же подражательность массѣ, на ряду со скукою и бездѣіемъ среди моряковъ, солдатъ и преступниковъ.

Трудно усмотрѣть далѣе какіе-либо признаки атавизма въ своеобразной письменности преступниковъ, напоминающей, по *Lombroso*, древніе іероглифы, или же въ жаргонѣ ихъ, въ которомъ будто-бы проявляются слѣды первобытной рѣчи. Въ томъ и другомъ случаѣ *Lombroso* увлекается элементарностью и, такъ сказать, первобытною наивностію письма и рѣчи преступниковъ: но какъ въ письменности, такъ и въ рѣчи мы имѣемъ дѣло съ первичными попытками къ творчеству, не могущими равняться съ тѣмъ, что въ этомъ случаѣ даетъ талантливый спеціалистъ, уже въ виду низкаго культурнаго уровня преступной среды. Возникаютъ подобнаго рода письменность и жаргонъ, по нашему мнѣнію, не вслѣдствіе какихъ-либо атавистическихъ наклонностей, а въ силу необходимости имѣть свои собственные, непонятные для непосвященныхъ, способы сообщенія и сношенія; сохраняютъ же письменность и языкъ многіе старинные приемы и обороты въ силу традиціи, которая въ высшей степени живуча и играетъ громадную роль какъ въ организаціи, такъ и въ техникѣ преступныхъ сообществъ. Тѣмъ не менѣе, рукописи преступниковъ имѣютъ громадный фізіономическій интересъ, насколько въ нихъ отражаются своеобразныя особенности натуры ихъ авторовъ; еще осязательнѣе, такъ сказать, цѣнность жаргона преступниковъ, хотя намъ приходится сознаться въ томъ, что какъ графологія, такъ и діалектологія преступниковъ представляютъ обширѣйшій просторъ для произвольныхъ толкованій. Подобными толкованіями представляются намъ обычныя указанія на то, что въ жаргонѣ преступниковъ всюду даетъ себѣ чувствовать самомнѣніе, «гордое самосознаніе...» *Kurella* (*Die Naturgeschichte des Verbrechers*. Stuttgart 1893, S. 217) усматриваетъ протесты противъ существующаго общественнаго порядка и выраженіе гордыни въ томъ, что преступники различныхъ странъ обозначаютъ свои преступленія, кражу, разбой, проституцію, какъ «работу», или же винятъ общество въ томъ, что они сами вступили на путь преступленій; въ послѣднемъ отношеніи онъ сопоставляетъ преступниковъ съ анархистами въ духѣ Равашолы. Намъ, въ свою очередь, кажется, что обозначеніе преступленія, какъ работы, должно быть отнесено на счетъ того своеобразнаго юмора, которымъ изобилуетъ жаргонъ преступниковъ, называющій деньги—святынею, а полицейскаго — тучею: что же касается обвиненій, направленныхъ противъ общества, то преступники во многихъ случаяхъ несомнѣнно правы, въ общемъ же слѣдуютъ весьма понятному и общечеловѣческому стремленію — сваливать свой грѣхъ на ближайшихъ.

Несомнѣнные признаки атавизма усматриваетъ *Lombroso* въ многочисленныхъ аномаліяхъ, отличающихъ преступника въ соматическомъ отношеніи. Въ виду этихъ аномалій, говоритъ онъ, «положительно невозможно не признать въ преступникахъ атавистической разновидности человѣческаго рода».

Такимъ образомъ мы приходимъ къ наиболее существенной части ученія *Lombroso* и его приверженцевъ, а именно къ разбору фізіономическихкихъ признаковъ преступника. Самъ *Lombroso* сознается, что его типъ встрѣчается только у 40% преступниковъ; частота отдѣльныхъ аномалій колеблется отъ 2—58%; характерная фізіономія преступника встрѣчается среднимъ числомъ у 25% всѣхъ случаевъ, достигая максимума у убійць (36%) и минимума у банкротовъ, мошенниковъ, двоеженцевъ (6—8%). Школу уголовной антропологии постоянно упрекаютъ въ томъ, что эти цифры недостаточны для того, чтобы говорить о преступномъ типѣ. Къ сожалѣнію, *Lombroso*, какъ любитель горячей полемики, не ограничивается указаніями на то, что указанная имъ величины во всякомъ случаѣ настолько крупны, чтобы заслуживать пзвѣстнаго вниманія. Слѣдуя своимъ обычнымъ приемамъ, т. е. обзывая противниковъ «мумифицированными учеными», «ослами», «врагами прогресса», а людей, сочувствующихъ ему, «геніальными» и «благородными умами», *Lombroso* и на этотъ разъ пожелалъ разбить противниковъ своихъ на голову. Онъ утверждалъ и продолжаетъ утверждать, что невыраженность типа — явленіе обыденное и, что среди итальянцевъ, напримѣръ, «едва-ли 5% имѣютъ характерныя типическія черты» итальянскаго народа. Аргументомъ этимъ, въ высшей степени неудачнымъ и необдуманнымъ, воспользовался *Topinard* въ своей пресловутой полемикѣ противъ *Lombroso*; онъ выставилъ рядъ положеній, которыя, по нашему мнѣнію, едва-ли удачнѣе упомянутой отповѣди *Lombroso*, но тѣмъ не менѣе сотни разъ переписываются противниками *Lombroso* и подносятся ему какъ неоспоримое опроверженіе. Знаменитый французскій антропологъ совершенно правильно замѣтилъ, что общаго итальянскаго типа не существуетъ, а есть типы областные, дѣйствительно, болѣе или менѣе ясно выраженные; о существованіи этихъ областныхъ типовъ свидѣтельствуетъ какъ многосложная исторія Апеннинскаго полуострова, такъ и многочисленныя работы итальянскихъ и неитальянскихъ антропологовъ; за отсутствіе общетальянскаго типа говорятъ также обычныя сѣтованія туристовъ-писателей, поражающихся малымъ количествомъ «настоящихъ итальянцевъ» въ Италіи. Скажемъ болѣе, въ антропологии въ настоящее время замѣтно сказывается стремленіе къ тому, чтобы установить отличія между профессиональнымъ и національнымъ типомъ, причемъ неоднократно уже обращалось вниманіе на интернациональность профессиональныхъ типовъ... Не мало, наконецъ, въ антропологической и географической литературѣ указаній на фізіоно-

мическое сходство представителей совершенно различныхъ народныхъ группъ.

Но и *Topinard* не остановился на соображеніяхъ, въ изобиліи представляемыхъ его наукою. «Антропологій преступника не существуетъ», восклицаетъ онъ. «Уже одно сопоставленіе этихъ словъ является какою-то претензіею. Не существуетъ и антропологическаго типа преступника въ томъ смыслѣ, который мы ему придаемъ. Теорія, устанавливающая, что преступникъ — атавистическое явленіе, не что иное какъ идея, какъ плодъ воображенія, гипотеза. Можно примѣнять къ преступнику антропологическіе методы, изучать его тѣми же путями, какими онъ изучается съ анатомической и физиологической точки зрѣнія и т. д., но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы это была антропология». Еще рѣзче выражается онъ въ другомъ мѣстѣ: «Все, о чемъ вы говорите, ничего не имѣетъ общаго съ антропologieю!» «Это приговоръ рѣшительный и вѣрный», говоритъ по этому поводу *И. Закревскій* («Объ ученіяхъ уголовно-антропологической школы», стр. 164). Обращаясь къ цифровымъ даннымъ *Lombroso* и его соратниковъ, *Topinard* указываетъ на то, что 40% для установленія типа недостаточно, ибо кто же рѣшится назвать какую-либо расу брахицефальною, если 60% представителей ея долихоцефалы? Нечего и говорить о томъ, что, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ и для людей, не посвященныхъ въ детали антропологическихъ работъ, и тотъ и другой доводъ *Topinard'a* должны казаться весьма вѣскими. Естественнымъ кажется, поэтому, выводъ главы французской школы антропологовъ: «Типъ преступника, установленный *Lombroso*, не есть типъ, это — искусственное смѣшеніе примѣтъ, лишенное всякаго основанія...» «Эти головныя и черепныя аномаліи указываютъ только то, что они у преступниковъ встрѣчаются чаще, чѣмъ у людей нормальныхъ, но ихъ недостаточно, чтобы установить типъ, который, по существу своему, долженъ быть основанъ на анатомическихъ и морфологическихъ особенностяхъ. До сихъ поръ не доказано, чтобы существовалъ особенный типъ убійць, воровъ, мошенниковъ...» «Я допускаю, что у преступниковъ часто встрѣчаются ненормальныя и своеобразныя черты. Но что же это доказываетъ? Только то, что черепъ ихъ дурно развивался въ періодъ роста, или то, что они представляютъ большій контингентъ больныхъ и дурно сложенныхъ субъектовъ. Но это относится къ области патологій (!), а антропологическій вопросъ тутъ не при чемъ. Эта совокупность аномалій никогда не можетъ образовать наследственнаго типа». Подъ терминомъ типъ *Topinard* разумѣть сумму примѣтъ, въ виду которыхъ одинъ индивидуумъ отличается отъ другого, одна группа, будь она случайная (!) или естественная, отъ другой. Существеннымъ признакомъ типа является передача примѣтъ по наследственности. Среди человечества встрѣчаются группы индивидуумовъ, обладающихъ общими признаками и въ силу этого отли-

чающихся отъ прочихъ группъ. Примѣты эти, однакоже, не болѣе какъ продуктъ тѣхъ обстоятельствъ и условій, которыя вліяли на извѣстное число индивидуумовъ отъ рожденія ихъ и до зрѣлаго возраста и составляютъ внѣшнія условія существованія ихъ. Такимъ образомъ мы говоримъ о типѣ городскихъ и сельскихъ жителей, о типѣ извѣстныхъ профессій, художниковъ, ученыхъ, лицъ духовнаго званія и т. д. Этотъ «случайный коллективный типъ» присущъ, однако, только данному индивидууму и не переходитъ на потомство его; профессиональные и социальные типы представляютъ очень сходныхъ индивидуумовъ лишь потому, что они подвержены однимъ и тѣмъ же вліяніямъ. Извѣстныя патологическія черты въ иныхъ случаяхъ могутъ быть даже переданы по наслѣдству, но эта наслѣдственность не простирается далеко... Это типы «второстепенные». Въ томъ же духѣ приблизительно опредѣляетъ понятие расоваго типа *Hölder* и даже *Virchow*; послѣдній прямо говоритъ, что для него «типично только то, что передается въ теченіе долгаго времени по наслѣдству и представляетъ общее правило».

Итакъ, возраженія *Topinard'a* сводятся ни болѣе ни менѣе какъ къ тому, что измѣреніе и изученіе преступниковъ не есть задача антрополога, а патолога; что установленный въ уголовной антропологіи типъ преступника не есть типъ въ томъ смыслѣ этого слова, въ какомъ оно употребляется въ антропологіи, и, что, наконецъ, % лицъ, носящихъ на себѣ печать преступника, слишкомъ ничтоженъ для того, чтобы заслуживать вниманія.

Намъ думается, что въ приведенныхъ выше цитатахъ *Topinard'a* всюду сквозитъ извѣстная раздражительность, весьма естественная для изслѣдователя, извѣстнаго своею точностью, въ полемикѣ съ другимъ изслѣдователемъ, прославившимся сравнительно малою точностью своихъ работъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ о томъ, насколько изученіе преступниковъ можетъ быть дѣломъ антрополога, настолько важенъ съ принципиальной точки зрѣнія, что мы считаемъ необходимымъ нѣсколько подробнѣе остановиться на немъ.

Приступая къ изученію человѣка, мы прежде всего должны уяснить себѣ, какую долю вліянія могли оказать на него въ соматическомъ и въ психологическомъ отношеніи окружающія его географическія условія въ обширномъ смыслѣ этого слова; мы должны, другими словами, сумѣть отличить то, что изслѣдуемому человѣку дано его собственною природою и что имъ приобретено подъ вліяніемъ окружающей его среды, т. е. мѣстныхъ орографическихъ, гидрографическихъ, климатическихъ условій, его образа жизни, его профессій, степени его культурности и т. д. Немыслимъ чистый объектъ, удовлетворяющій всемъ требованіямъ физическаго опыта, т. е. изолированный отъ измѣняющихся его обликъ внѣшнихъ вліяній; мы имѣемъ дѣло съ живыми людьми, многообразіе которыхъ

обусловливается не чѣмъ инымъ, какъ многообразіемъ внѣшнихъ силъ, вліяющихъ на нихъ. Мы группируемъ человѣчество по типамъ культурнымъ и некультурнымъ. Если послѣдніе, живущіе жизнью болѣе или менѣе близкою къ природѣ, даютъ намъ возможность изучить вліяніе естественныхъ условій на человѣка, согласно указаніямъ *Карла Риттера*, учившаго, что природа сильнѣе вліяетъ на человѣка первобытнаго, потому что онъ болѣе зависитъ отъ нея, чѣмъ человѣкъ цивилизованный, который можетъ даже до извѣстной степени подчинить себѣ природу. Народы культурные, составляющіе значительнѣйшую часть человѣчества, представляютъ намъ, напротивъ того, объектъ для изученія вліянія искусственно созданныхъ или измѣненныхъ условій жизни на человѣка. Уклониться отъ изученія культурныхъ народовъ, представляющихъ, по весьма понятнымъ причинамъ, великое множество отклоненій патологическаго характера отъ типа нормальнаго человѣка, значитъ упустить существеннѣйшій матеріалъ къ познанию человѣческой природы; это значитъ добровольно замкнуться въ рутину старой школы антропологовъ, ограничивавшей районъ изслѣдованій антрополога дикими племенами, или, выражаясь словами авторитетнаго антрополога, «антропология должна владѣть всею Океанією, Америкой въ прошломъ ея, большею частью Африки, различными частями Азіи и Европою въ полу-и доисторическихъ чертахъ». Къ счастью, ни *Bastian*, установившій эти предѣлы, ни *Topinard*, вполне сочувствующій традиціонному ограниченію задачъ антропологии, не соблюдали этихъ границъ въ своей плодотворной дѣятельности. Ихъ держались лишь дюжинные изслѣдователи, интересы которыхъ всегда тяготѣли къ странамъ далекимъ и невѣдомымъ. Благодаря этому, въ настоящее время легче составить монографію готтентотовъ или самоѣдовъ, чѣмъ дать сколько-нибудь удовлетворительную характеристику любой изъ господствующихъ народностей Европы. Нелѣпыя и непростительныя пробѣлы эти созваны въ послѣднее время; во многихъ странахъ, включая сюда и нашу Россію, уже начали стремиться къ систематическому изученію мѣстныхъ культурныхъ народностей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ стали подлежать изученію и жертвы нашихъ культурныхъ условій, стали изучаться и профессиональные типы, и дѣти школьнаго возраста, и, наконецъ, отребья человѣчества. Всюду при этомъ возникали глубокіе «антропологическіе вопросы», не мало способствовавшіе уясненію нашихъ свѣдѣній о человѣкѣ. Если отклоненія, представляемая этими типами отъ типа нормальнаго человѣка, подчасъ являются патологическими и требуютъ для познанія своего извѣстнаго знакомства съ патологическими отгѣнками, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы антропологъ въ данномъ случаѣ совершалъ работу врача. Историкъ—специалистъ по древнимъ вѣкамъ, долженъ въ совершенствѣ владѣть, по крайней мѣрѣ, языками классической древности; тѣмъ не менѣе онъ не перестаетъ быть историкомъ и не дѣлается филологомъ.

Точно также мы не можемъ примириться съ тѣмъ узкимъ значеніемъ, которое *Topinard* въ данномъ случаѣ придаетъ слову «типъ». Толкованіе его безусловно вѣрно тамъ, гдѣ вопросъ заходитъ о цѣнности тѣхъ или другихъ расовыхъ особенностей, но оно оказывается непримѣнимымъ всюду, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ переходящими явленіями, генезисъ которыхъ весьма мало выясненъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, по совокупности извѣстныхъ примѣтъ, требуютъ своеобразной группировки. Пусть такого рода типы будутъ называться типами второго разряда (*type secondaire*), пусть передача ихъ по наследственности будетъ весьма слаба и происхожденіе ихъ мало выяснено, научная и обычная рѣчь ихъ тѣмъ не менѣе будетъ обозначать какъ типы «преступниковъ», точно также какъ она обозначаетъ типъ фабричнаго пролетаріата, типъ школьнаго учителя, типъ меланхолика, типъ интеллигентнаго или тупого человѣка и т. д. Если типъ преступника нами еще не выясненъ въ достаточной степени, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ не существовалъ. Въ пользу существованія его говорить, конечно, не какія-либо разрозненныя или даже спорныя примѣты, а прежде всего интернаціональность признаковъ преступности, признаваемыхъ всѣми народами, и притомъ какъ чуткими людьми обыденной жизни, такъ и особенно одаренными фізіономистами, художниками, актерами, писателями. Задача наша такимъ образомъ должна заключаться въ томъ, чтобы придумать лучшіе способы изученія этого типа, а никакъ не въ томъ, чтобы отстранять это изученіе въ виду того, что данный типъ не подходитъ къ обычнымъ школьнымъ схемамъ. Ошибка *Lombroso* заключается не въ томъ, что онъ этотъ типъ обозначилъ типомъ, а въ томъ, что онъ пытался уподобить его особой расѣ...

Обращаясь къ вопросу о томъ, достаточно-ли 40% (см. выше стр. 111), чтобы говорить о типѣ, мы не можемъ не попытаться защитить *Lombroso* отъ нападокъ его вліятельнаго соперника и въ этомъ отношеніи. Конечно, никому въ голову не придетъ называть брахицефальною народность, у которой насчитывается всего 40% брахицефаловъ среди 60% долихоцефаловъ. Но примѣръ этотъ совершенно непримѣнимъ къ матеріаламъ *Lombroso*, который долженъ былъ держаться группировки примѣтъ и для котораго 40%, отмѣченныхъ комбинаціею выраженныхъ примѣтъ, представляли величину, дѣйствительно, крупную. Наиболѣе слабую стороною ученія *Lombroso* является, однако, именно составъ этихъ 40% и на него слѣдовало-бы обратить всеъ грома представителей точныхъ антропологическихъ методовъ. Это измѣренный, но весьма несовершеннымъ, какъ мы ниже увидимъ, приемамъ, случайный сбродъ всевозможныхъ обитателей тюремъ. Здѣсь фигурируютъ и преступники «врожденные», и «нравственно-помѣшанные», и эпилептики, и преступники случайные, преступники по страсти и, наконецъ, лица, которыхъ никоимъ образомъ нельзя причислить къ разряду преступниковъ и которыя толкнулись въ

тюрьму ради теплаго угла и готоваго куска хлѣба. Кому же неизвѣстно, что къ зимѣ въ тюрьмахъ увеличивается не только число этихъ несчастныхъ псевдо-преступниковъ, но и число серьезныхъ рецидивистовъ. Отсутствіе правильнаго выбора, или, выражаясь технически, подбора «чистыхъ рядовъ», т. е. индивидуумовъ, подходящихъ другъ къ другу по племенному происхожденію, полу, возрасту, профессіи, физическому развитію и физическому состоянію, является не какою-либо случайностью въ работахъ представителей «уголовной антропологии», а обычнымъ правиломъ. Весьма рѣзко *Bonelli* упрекаетъ изслѣдователей въ томъ, что они, въ свое время, бросались только на то, что имъ казалось интереснымъ, и совѣтуетъ «не дѣлать въ тюрьмахъ искусственнаго подбора». Такихъ-же взглядовъ придерживаются и такіе безусловные противники ученія *Lombroso*, какъ, напримѣръ, *Baer*, измѣрившій 968 заключенныхъ въ тюрьмѣ при Плещензе, т. е. «весь наличный составъ, хотя большинство изъ заключенныхъ отбывали наказаніе за незначительныя преступленія, съ цѣлью показать именно на послѣднихъ, даетъ-ли преступленіе какія-либо особыя примѣты...»

При подобномъ отсутствіи подбора нетрудно, конечно, прийти къ отрицательнымъ или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько сомнительнымъ выводамъ. Въ совершенно иномъ видѣ представились-бы намъ результаты измѣреній при соблюденіи столь необходимыхъ при всякихъ антропометрическихъ работахъ предосторожностей, т. е. при правильномъ подборѣ индивидуумовъ. Изучая съ точки зрѣнія антропометриіи не случайный тюремный сбродъ, а преступниковъ, дѣйствительно закоренѣлыхъ, привычныхъ или, такъ сказать, профессиональныхъ, мы получили-бы, по нашему глубокому убѣжденію, не 25 и не 40%, а цифры болѣе или менѣе близко подходящія къ 100. Наилучшимъ подтвержденіемъ этого положенія можетъ послужить намъ изученіе малолѣтнихъ преступниковъ, представляющихъ всѣ примѣты пресловутаго типа въ изумительно яркой выраженности. Въ данномъ случаѣ даже *Baer* признается, что при видѣ этихъ дѣтей, хладнокровно и обдуманно совершающихъ страшныя злодѣянія и въ то же время лишенныхъ всякаго нравственнаго чутія и всякаго чувства раскаянія, легко «увлечься» мыслью о томъ, что существуютъ преступники «врожденные». При ближайшемъ изслѣдованіи умственныхъ способностей ихъ оказывается, однако, что они, несмотря на извѣстную долю интеллигентности, проявляемой ими, обнаруживаютъ въ большей или меньшей степени признаки слабоумія. Такимъ образомъ «они менѣе врожденные преступники, чѣмъ врожденные безумные». «У малолѣтнихъ, по *Lombroso*, признаки преступнаго типа встрѣчаются въ 53% всѣхъ случаевъ, причемъ нѣкоторыя аномаліи особенно преобладаютъ: оттопыренные уши, низкій лобъ, огромныя нижнія челюсти, асиметрія лица и волосатость лба».

Отсутствіе «чистыхъ рядовъ» сказывается у *Lombroso* повсюду. Не опредѣливъ того, что онъ подразумѣваетъ подъ преступленіемъ, онъ причисляетъ тѣхъ или другихъ лицъ къ преступникамъ съ тою-же легкостью, съ какою онъ другихъ въ свое время возводилъ въ геніи. Къ категоріи послѣднихъ у него, напримѣръ, принадлежитъ писатель такого рода, какъ *Crebillon*, зато Шарлотта Кордэ изображается какъ преступница, и черепъ ея, дѣйствительно, обнаружилъ рядъ характерныхъ примѣтъ: ассиметрію, большія глазаща, мужской складъ черепа и т. д. Назвать Ш.^а Кордэ преступницею можно, конечно, только съ точки зрѣнія анархиста, тогда какъ нашъ авторъ принадлежитъ къ благонамѣреннѣйшимъ изъ благонамѣренныхъ и навлекъ на себя не мало нареканій за свое ученіе о типѣ политическихъ преступниковъ; въ сущности, онъ долженъ былъ-бы считать Ш. Кордэ по меньшей мѣрѣ за героиню. Вслѣдъ за учителемъ грѣшатъ и ученики. Намъ вспоминается весьма характерная въ этомъ случаѣ работа *Max'a Flesch'a*. съ необычайною кропотливостью и точностью изучавшаго мозги заключенныхъ, умершихъ въ тюрьмѣ въ Вюрцбургѣ. Однакоже, анамнезъ умершихъ для него остался неизвѣстенъ, и мы въ описываемыхъ имъ мозгахъ всегда можемъ предполагать мозги случайныхъ преступниковъ, или преступниковъ по страсти, или людей, умершихъ въ предварительномъ заключеніи, и т. д.

Величайшая небрежность сквозитъ повсюду въ разработкѣ матеріала. Сплошь и рядомъ остается неуказаннымъ число измѣренныхъ особей, тогда какъ цифра процентныхъ отношеній, представляемая этимъ неизвѣстнымъ числомъ, фигурируетъ въ видѣ доказательства для предположеній, наиболѣ смѣлыхъ.

Между тѣмъ процентныя цифры безъ указаній на число наблюденій, родъ преступленія, происхожденіе, полъ, возрастъ, физическое состояніе и профессію не имѣютъ научной цѣны. Съ другой стороны, мы убѣждаемся въ томъ, что ломбозисты пользуются подчасъ крайне ничтожными матеріалами. Такъ, напримѣръ, *Otholenghi* сдѣлалъ свои извѣстныя наблюденія надъ полеми зрѣнія преступниковъ всего на всего на 25 особяхъ. У одного и того-же автора мы нерѣдко встрѣчаемъ совершенно противорѣчивыя указанія на частоту той или другой аномаліи. Такъ *Lombroso* даетъ для ассиметріи черепа въ одномъ мѣстѣ цифру 42%, а въ другомъ всего 14,9%, для скошеннаго лба въ различныхъ случаяхъ 8%, 37% и 58%; еще характернѣе его указанія для случаевъ сращенія атланта: въ одномъ мѣстѣ говорится, что сращеніе этого рода встрѣчается только у мужчинъ и притомъ въ 3%, въ другомъ мѣстѣ упоминаются уже 7%, а въ третьемъ говорится, что аномалія эта одинаково часто встрѣчается у мужчинъ и женщинъ...

Нельзя не сожалѣть о подобной небрежности уже въ виду того положительно громаднаго матеріала, которымъ нынѣ располагаетъ школа уго-

ловной антропологін. Въ одной изъ новѣйшихъ работъ своихъ *Lombroso* говоритъ о 26886 преступникахъ и 25447 нормальныхъ людяхъ, измѣренныхъ его школою. Послѣдняя цифра, повидимому, опровергаетъ весьма существенное обвиненіе, которое до сего времени постоянно выдвигалось противъ школы уголовной антропологін и сводилось къ тому, что она упускаетъ изъ виду сравненіе съ людьми нормальными. Намъ думается, однако, что въ данномъ случаѣ вопросу, чисто антропологическому, придана окраска традиціоннаго физиологическаго опыта. Противопоставить сотнѣ преступниковъ сотню людей съ незапятнанною репутаціею, не значить еще принять всѣ предосторожности, необходимыя при антропологическомъ наблюденіи. Въ сущности говоря, даже и въ физиологическомъ опытѣ недостаточно имѣть на каждого изслѣдуемаго кролика по одному контрольному кролику. Въ нашемъ случаѣ мы должны противопоставить каждому преступнику столько «честныхъ людей», сколько ихъ приходится въ данной группѣ, опредѣленной по племени, полу, возрасту, профессіи, на каждого отдѣльнаго преступника, или же произвести массовыя наблюденія среди «честныхъ людей» въ такомъ масштабѣ, который допускалъ-бы возможность оперированія громадными и болѣе или менѣе однородными цифрами, среди которыхъ исчезли-бы мелкія отклоненія подгруппъ и аномальныхъ индивидуумовъ.

Судя по имѣющимся свѣдѣніямъ, примѣты, намѣченныя *Lombroso* и его послѣдователями, отнюдь не составляютъ удѣла однихъ только преступниковъ. Ассиметрія черепа наблюдается, по *Stadfeld*'у, у 70% нормальныхъ людей; признаки вырожденія встрѣчаются, по *Knecht*'у, у душевно-больныхъ приблизительно съ частотою 80%, а у преступниковъ—48%. «Мы готовы признать»,—говоритъ *Baer*, что «на черепахъ преступниковъ встрѣчаются аномаліи какъ простыя, такъ и тяжкія, какъ разрозненныя, такъ и комбинированныя. Аномаліи эти встрѣчаются, однако, по большей части и у людей, мыслящихъ и дѣйствующихъ нормально; всѣ эти аномаліи такого рода, что по нимъ, за исключеніемъ выраженныхъ патологическихъ формъ, нельзя никомъ образомъ предполагать, чтобы въ данномъ случаѣ существовали дефекты въ сферѣ интеллекта, а еще менѣе того въ сферѣ нравственности. Всѣ эти деформации на черепахъ преступниковъ являются лишь свидѣтелями низшей организаціи, которая, въ свою очередь, соотвѣтствуетъ, въ большей или меньшей степени, признакамъ вырожденія, присущимъ слоямъ общества, изъ которыхъ преимущественно набираются преступники». Такъ выражается одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ противниковъ ученія о типѣ преступника...

Аномаліи, наиболѣе характерныя для череповъ преступниковъ, по мнѣнію *Baer*'а, по большей части патологическаго происхожденія; частью онѣ прирожденныя, а, еще въ большей степени, приобрѣтенныя, благодаря нарушеніямъ питанія. Такъ называемыя атавистическіе черепа

представляются ему, въ виду рѣдкости своей, скорѣе курьезами, чѣмъ характернымъ признакомъ типа... Вопросъ о томъ, насколько атавизмъ проявляется въ соматическомъ обликѣ преступника, кажется намъ неразрѣшимымъ при современномъ уровнѣ свѣдѣній объ атавистическихъ особенностяхъ человѣка. Мы наталкиваемся въ этой области на цѣлый рядъ сомнѣній, относящихся какъ къ признанію того или другого признака за атавистическій, такъ и къ толкованію того значенія, которое приходится придавать признакамъ, завѣдомо атавистическимъ. Противъ толкованій примѣтъ преступника въ смыслѣ атавизма весьма энергично возсталъ рядъ авторитетныхъ послѣдователей; мы, съ своей стороны, оставили-бы вопросъ этотъ открытымъ, въ виду его неопредѣленности, признавъ въ то-же время полную неосновательность утвержденій *Lombroso*, по мнѣнію котораго, «на преступникѣ-европейцѣ лежитъ почти-что печать австралійскихъ и монгольскихъ расъ».

Между тѣмъ анализъ характерныхъ примѣтъ въ типѣ преступника сводится, въ сущности и прежде всего, къ выясненію генезиса ихъ. Высокаго вниманія заслуживаютъ попытки новѣйшихъ авторовъ въ этомъ направленіи. По мнѣнію *Féré*, автора извѣстныхъ книгъ «*Dégénérescence et criminalité*», «*Les épilepsies et les épileptiques*», «*La pathologie des émotions*» и многихъ другихъ, преступникъ — продуктъ вырожденія, насколько онъ не побуждается къ преступленію внѣшними условіями жизни. Первенствующее значеніе придаетъ вырожденію и *Д. Дриль*, одинъ изъ первыхъ вожаковъ нашей школы уголовной антропологін; сюда-же до извѣстной степени примыкаютъ *Laurent*, *Corre*, *Dortel*, *Francotte* и другіе. Значительныя уступки въ пользу роли вырожденія въ генезисѣ преступнаго типа дѣлаетъ и *Maudsley* въ своемъ превосходномъ очеркѣ типа преступнаго населенія большихъ городовъ: «Опытъ учить насъ», говоритъ онъ между прочимъ, «что преступный классъ представляетъ извѣстную разновидность, болѣзненную и носящую на себѣ признаки вырожденія человѣческаго рода, и классъ этотъ отличается въ силу указаннаго своеобразными признаками низшаго развитія какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи...» «Родственная черта», продолжаетъ онъ, «указываетъ на то, что люди эти—сотоварищи, заклеянные рукою природы и предназначенные на позорное дѣло». Въ томъ-же духѣ высказывается нынѣ и самъ *Lombroso*: въ третьемъ изданіи своего «*Uomo delinquente*» онъ отрицаетъ вырожденіе, въ четвертомъ же допускаетъ извѣстное сближеніе между эпилептическимъ вырожденіемъ и преступными наклонностями; въ новѣйшемъ трудѣ своемъ: «*La donna delinquente*» (Torino, 1893) онъ уже не дѣлаетъ различій между преступными и дегенеративными элементами.

Вопросъ весь сводится, однако, къ тому, что понимать подъ признаками вырожденія; очевидно, что это собирательное имя, обнимаю-

шее и результаты задержекъ въ развитіи, и неправильности въ развитіи, и результаты заболѣваній въ утробной и внѣутробной жизни, недостатки, переданные по наслѣдственности, и т. д. Весьма естественно поэтому, что во взглядахъ психіатровъ на признаки вырожденія должно существовать не мало противорѣчій. Тогда какъ одни (*Morel, Legrand du Saulle, Griesinger*) усматриваютъ въ нихъ явные признаки предрасположенія къ психопатическимъ состояніямъ; другіе (*Krafft-Ebing, Emminghaus, Schüle, Knecht* и т. д.) признаютъ ихъ только за признаки, имѣющие глубокое діагностическое значеніе и свидѣтельствующіе о дефектахъ въ организаціи; дефекты же такого рода весьма часто сочетаются съ нарушеніями въ области мозга и нервной системы вообще; третья школа, наконецъ (*Naumann, Kraepelin* и другіе), не придаетъ значенія этимъ признакамъ при діагнозѣ даннаго случая. При подобномъ разногласіи въ оцѣнкѣ вліянія признаковъ вырожденія на душевно-больныхъ трудно, конечно, ожидать, чтобы значеніе ихъ было болѣе ясно въ вопросѣ, столь сложномъ и мало выясненномъ, какъ вопросъ о генезисѣ преступленія. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что признаки вырожденія представляютъ собою весьма ясное указаніе на извѣстные пробѣлы въ развитіи организма; мы допускаемъ, что тѣ и другіе признаки вырожденія могутъ и не отозваться на душевной жизни пораженнаго ими лица, въ виду того, что мыслима компенсація ихъ; но, съ другой стороны, признаки эти зачастую ассоціируются и уже, поэтому, являются всегда роковыми примѣтами, заслуживающими глубокаго вниманія.

Во всякомъ случаѣ споръ о соотношеніи между преступленіемъ и вырожденіемъ внесъ новую жизнь въ изученіе типа преступника, обративъ вниманіе изслѣдователей преимущественно на генезисъ аномалій. Достаточно въ этомъ отношеніи взглянуть на болѣе обстоятельныя работы новѣйшихъ нѣмецкихъ авторовъ (упомянемъ только классическія изслѣдованія *I. Ranke* о суженіи висковъ и о прогнатизмѣ), чтобы увидѣть, до какой степени они шагнули впередъ въ методической разработкѣ матеріала по сравненію со своими итальянскими предшественниками, державшимися преимущественно морфологической точки зрѣнія.

Не останавливаясь здѣсь на генетической характеристикѣ тѣхъ или другихъ аномалій, мы не можемъ не указать на то, что *Baer* съ большою энергіею развиваетъ мысль о томъ, что организація черепа не можетъ быть причиною преступности человѣка и, что если таковая связь существуетъ, то только въ силу выраженнаго патологическаго характера этой организаціи. «Преступникъ, привычный и такъ называемый врожденный, носитъ на себѣ не мало признаковъ тѣлеснаго и душевнаго безобразія, но эти признаки ни въ цѣломъ, ни въ частности, не имѣютъ такого опредѣленнаго и своеобразнаго отпечатка, чтобы выдѣлить и обозначить преступника какъ нѣчто типичное среди его современниковъ и единоплеменниковъ.

Преступникъ являетъ намъ слѣды вырожденія, весьма часто встречающіеся среди тѣхъ низменныхъ классовъ, изъ которыхъ онъ по большей части и происходитъ, и прибрѣтенные или наслѣдованные имъ подѣ въліаніемъ соціальныхъ условій жизни; впрочемъ, они появляются у него иногда въ усиленной степени». Въ этомъ рѣзкомъ отрицаніи ученія *Lombroso* кроются, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма серьезныя указанія на вліаніе среды на преступника; *Baer* въ этомъ случаѣ сходится съ *Kurella*, который въ духѣ *Lombroso* отстаиваетъ существованіе особаго подвида, выработавшагося опять-таки подѣ въліаніемъ соціальныхъ условій. Противорѣчіе между обоими авторами сводится, однако, помимо принципиальной розни по вопросу о существованіи типа, къ тому, что *Baer*, по какому-то странному недоразумѣнію, всюду говоритъ о «простонародномъ», «грубомъ», «низменномъ» типѣ преступниковъ, сложившемся подѣ въліаніемъ нищеты, грубыхъ излишествъ, болѣзней въ родѣ рахитизма и т. д., совершенно упуская изъ виду существованіе преступниковъ среди классовъ достаточныхъ. Весьма цѣнны въ этомъ отношеніи матеріалы, собранныя *Lombroso* во второмъ томѣ его обширнаго труда и касающіеся такъ называемыхъ «тайныхъ преступниковъ». Какъ-бы то ни было, вопросъ о «вліаніи среды» на преступника и выясненіе «факторовъ преступленія» выдвинуты нынѣ благодаря трудамъ *Tarde*, *Lacassagne*, *Prins*, *Ferri*, *Colojani* и другихъ на первый планъ. У насъ надѣ этимъ вопросомъ уже давно работаютъ *И. Я. Фойницкій*, *Пусторослевъ* и другіе. Благодаря этимъ трудамъ, мы все болѣе укрѣпляемся въ той мысли, что преступленіе есть явленіе соціальное, а не индивидуальное.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы не можемъ не указать на то, что расколъ, происшедшій въ школѣ *Lombroso*, имѣлъ весьма благоприятное вліаніе на развитіе ученія о преступномъ человѣкѣ. Главнѣйшія теченія, являющіяся руководящими въ школѣ уголовной антропологии, сводятся къ тому, чтобы 1) изъ общаго типа преступниковъ, или лучше сказать изъ общей массы преступниковъ различнаго разбора, выдѣлить типы-подвиды по генезису ихъ и по профессіи; 2) разграничить и опредѣлить области «moral insanity», эпилепсія, преступленія и выяснить значеніе вырожденія и неудовлетворительныхъ соціальныхъ условій въ процессѣ выработки этихъ явленій; 3) уяснить значеніе среды и «факторовъ преступленія»; 4) улучшить и закрѣпить номенклатуру; 5) прослѣдить генезисъ изслѣдуемыхъ аномалій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выяснить вліаніе ихъ на психическую жизнь человѣка.

Къ этимъ пяти пунктамъ мы позволили бы себѣ прибавить какъ требованіе, наиболѣе важное, съ нашей точки зрѣнія: въ 6) необходимость соблюденія «чистыхъ рядовъ», улучшеніе приемовъ измѣренія и единообразіе ихъ.

Въ этомъ мы видимъ жизненную основу всякаго дальнѣйшаго изуче-

нiя преступника. Въ ученiяхъ уголовной антропологiи несомнѣнно кроется доля истины. Высвободить эту истину изъ-подъ массы недостоверныхъ, ненаучныхъ и фантастическихъ положенiй удастся, однако, только изслѣдователямъ, руководящимся болѣе точными антропологическими и антропометрическими методами.

Только при такой постановкѣ изученiя преступнаго типа возможно будетъ приступить къ юридической разработкѣ вопроса о томъ, какъ относиться къ преступнику, ставшему таковымъ по организации своей, только тогда возможно будетъ удовлетворить наше правовое чутье, постоянно оскорбляемое тѣмъ, что мы казимъ неповинныхъ — больныхъ.

Намъ думается, что эта столь рѣзко дающая себя чувствовать потребность въ удовлетворенiи нашего нравственнаго чутья по отношенiю къ преступнику и поставленный на очередь вопросъ объ изученiи организации преступника явятся одною изъ наиболѣе симпатичнѣйшихъ чертъ конца нашего сѣренькаго вѣка.

Проф. Э. Петри.

СОВЕРШЕННОЛѢТІЕ.

(Р А В С К А З Ъ).

I.

Изъ воротъ новаго зданія московскаго университета въ одинъ пасмурный день ранней весны выходило нѣсколько человѣкъ студентовъ. Ихъ было семь. Трое изъ нихъ были между собой родственники — двоюродные братья, всѣ же вмѣстѣ они были товарищи еще по гимназiи.

Эта компанія и въ университетѣ всегда держалась вмѣстѣ и какъ-то особнякомъ. Они какъ будто привыкли не разлучаться, когда гдѣ-нибудь встрѣчались, хотя по существу своему многіе изъ нихъ между собою различались и характерами, и взглядами, и самой жизнью.

Они вышли на улицу и, идя теперь парами, разговаривали.

Впереди шелъ Иванъ съ своимъ другомъ, чернымъ и смуглымъ Поповымъ; за ними—два двоюродныхъ брата Ивана, сзади—„неразлучная тройца“, какъ ихъ звали еще гимназистами,— всѣ трое одинаковаго роста, въ одинаковыхъ форменныхъ осеннихъ пальто съ поднятными до ушей воротниками и съ одинаково заложеными въ карманы руками. Одинъ изъ нихъ, Тапищевъ, говорилъ громче всѣхъ и воодушевленно размахивалъ руками.

— Совершеннолѣтіе, и не хочеть праздновать,— горячился онъ все больше и больше, — вѣдь это прямо безуміе; зачѣмъ же мыто, спрашивается, праздновали, ты, положимъ, я и всѣ наши?

Этотъ послѣдній аргументъ, что „другіе праздновали, поэтому долженъ и Иванъ“, очевидно казался Тапищеву особенно вѣскимъ и удачнымъ. Онъ повторялъ его уже нѣсколько разъ и произносилъ такимъ тономъ, какъ будто противъ этого уже ничего нельзя было возразить.

— Поповъ, — крикнулъ онъ еще громче, соскочивъ съ тротуара на мостовую и, не вынимая рукъ изъ кармановъ, догоняя переднюю пару, — хоть ты бы уговорилъ его, право, какъ-то странно будетъ — Иванъ — и не празднуетъ своего совершеннолѣтїа, вѣдь мы же праздновали.

Высокаго бѣлокураго студента, который въ легкой шинели шель впереди съ Поповымъ, всѣ товарищи звали просто Ивановъ. Какъ-то не подходило звать его по фамиліи, какъ всѣхъ другихъ, и вотъ называли его просто по имени, и это привилось къ нему давно — съ первыхъ классовъ гимназїи.

Товарищи его обращались съ нимъ всегда съ какою-то искусственной простотой, но любили его, хотя, казалось, имъ было передъ нимъ иногда почему-то неловко.

Иванъ о чемъ-то разговаривалъ съ Поповымъ, но когда подсвочилъ Тапищевъ, онъ замолчалъ.

— Какъ ты убѣдительно доказываешь, — сказалъ онъ съ улыбкой, повернувъ къ Тапищеву свое свѣжее, открытое лицо съ свѣтлосѣрыми глазами и легкимъ золотистымъ пушкомъ на щекахъ и надъ верхней красной губой; — теперь я совсѣмъ убѣжденъ, что надо праздновать: я — Иванъ, другіе праздновали, — слѣдовательно надо и мнѣ.

Онъ добродушно засмѣялся.

— Да, конечно, — сейчасъ-же, нисколько не робѣя согласился Тапищевъ, и ну, что тебѣ стоитъ, поужинали-бы и больше ничего бы не было. Уѣдешь себѣ домой, когда вздумаешь.

Въ это время шедшіе сзади студенты стали дружно поддерживать Тапищева.

— Совершенно вѣрно онъ говоритъ, — убѣдительно началъ одинъ изъ нихъ, двоюродный братъ Ивана Вася, высокій и очень толстый малый съ большими голубыми глазами на выкатѣ, — поужинаешь съ нами и можешь ѣхать себѣ насъ Hause; зачѣмъ-же ты насъ лишаешь удовольствїа отпраздновать твое совершеннолѣтїе; подумай хорошенько, какъ это важно — и лишній разъ тебя лицедрѣть. Выпьемъ, посидимъ, споемъ что-нибудь.

— Конечно, конечно, — подхватили другіе студенты, — пожалуйста не корчь изъ себя монаха.

Одинъ Поповъ ничего не говорилъ.

— Какъ это странно, господа, — сказалъ съ досадой Иванъ, когда голоса немного стихли, — ну, неужели вы не можете обойтись безъ меня, если вамъ ужъ такъ хочется поужинать.

Онъ замолчалъ. Но ему тотчасъ стало совѣстно за слишкомъ рѣзко сказанныя и, можетъ быть, несправедливыя слова.

„Это напрасно я сказалъ, — подумалъ онъ, — они, можетъ быть,

дѣйствительно искренно хотять ради меня вмѣстѣ собраться, а я говорю имъ про ужинъ. Это напрасно“.

Онъ хотѣлъ поправиться, но въ это время Бася горячо перебилъ его.

— Ну, ужъ это, братъ, нехорошо, — воскликнулъ онъ съ обидой, — мы изъ дружбы къ тебѣ хотимъ пригласить тебя, чтобы вмѣстѣ посидѣть, поболтать, а ты насъ гонишь прочь; это совсѣмъ, братъ, уже не тово... Философія тамъ, нравственность — это хорошо, а товарищество — первое дѣло...

— Да, да, — вставилъ Тапищевъ.

— Ну, хорошо, — неожиданно рѣшилъ Иванъ, — хорошо, я вовсе не хочу оригинальничать, быть чѣмъ-то особеннымъ. Послѣ завтра въ Эрмитажѣ, въ 10 часовъ вечера, зову васъ ужинать. Очень радъ буду, очень радъ.

Онъ вовсе не былъ „радъ“ этому въ глубинѣ души, но ему почему-то захотѣлось именно такъ сразу закруглить и закончить происшедшую непріятность.

— Вотъ это правильно, это благородно, — закричали студенты въ одинъ голосъ, — это я понимаю.

— Главное правило, — сказалъ весело Вася, теперь, послѣ того, какъ онъ добился своего, опять переходя въ свой обычный балагурный тонъ, — главное правило въ жизни: „плюнь на все и береги свое здоровье“. Это была его любимая поговорка.

— А можно дяденьку пригласить? — спросилъ Тапищевъ, который теперь глупо сіялъ отъ удовольствія.

Онъ былъ безтактенъ и не понималъ того, что дяденька былъ непріятенъ Ивану.

— Отчего-же, — отозвался Иванъ, — пригласи.

— Онъ такой милый, — пояснилъ Тапищевъ, — всегда умѣетъ развеселить, насмѣшить.

Дяденька былъ дальній родственникъ Ивану, — старый холостякъ, лѣтъ сорока, развратный и пустой. Иванъ избѣгалъ его общества, но Тапищевъ, который познакомился съ нимъ, тотчасъ-же сошелся съ нимъ, найдя въ немъ себѣ сотоварища и учителя въ разныхъ походахъ. Хотя онъ ему не былъ родственникомъ, однако, Тапищевъ называлъ его „дяденькой“, какъ его давно прозвали среди московской кутящей молодежи.

На перекресткѣ улицъ студенты на минуту остановились, разбились на двѣ части и разошлись.

Иванъ съ своими двоюродными братьями пошли прямо, остальные повернули направо по Воздвиженкѣ.

Иванъ, прощаясь съ товарищами, еще разъ сказалъ имъ, что онъ

будеть „очень радъ“ поужинать съ ними, особенно, если имъ всѣмъ этого такъ хочется.

Вася, идя съ Иваномъ своей немного развалистой походкой, сталъ вполголоса напѣвать цыганскую пѣсню. „Голубка моя, умчимся въ края“, началъ онъ съ необыкновенной легкостью въ голосѣ.

Онъ былъ доволенъ судьбой, какъ всегда.

Другой его двоюродный братъ, шедшій съ нимъ рядомъ, сталъ тихонько ему вторить.

Иванъ думалъ о только-что происшедшемъ. На душѣ у него было неспокойно. Онъ нахмурилъ брови, какъ всегда дѣлалъ, когда былъ недоволенъ собой, и на его выразительномъ лицѣ между бровями показалась характерная, рѣзко обозначенная, складка.

Онъ шелъ быстро, такъ что толстый Вася отставалъ отъ него и нѣсколько разъ просилъ идти тише.

— Ну, братъ, я рысью не побѣгу, — наконецъ восвеликнулъ онъ, запыхавшись, — нѣтъ, иди ужъ одинъ.

Вася махнулъ рукой, совсѣмъ замедливъ шагъ и потомъ, отдувшись, немного погодя началъ:

— „Голубка моя, умчимся въ края, гдѣ все, какъ и ты...“

„Что дѣлать? — думалъ между тѣмъ Иванъ, желая разрѣшить вопросъ, который за послѣднее время часто тревожилъ его; — показать имъ, что я ими вовсе не дорожу, прямо и окончательно отстраниться отъ нихъ? Нехорошо, обидятся. За что-же? Будутъ осуждать меня, чувствовать ко мнѣ неприязнь. Все-таки товарищи, это правда, а эти такъ и двоюродные братья“, — подумалъ онъ, слыша за собой пѣніе.

„Но избѣгать дурного общества необходимо, продолжалъ онъ свои разсужденія. Самый сильный человѣкъ слабѣетъ среди слабыхъ, а намъ, плохимъ смертнымъ, больше всего надо этого бояться. Поэтому разумнѣе всего было-бы разъ навсегда прекратить съ ними всякое общеніе. Но надо помнить, что тогда останешься совершенно одинокимъ. Могутъ ли я сдѣлать это, довольно-ли во мнѣ сила?“

„Уступитъ имъ? Быть съ ними? Это значить признать себя ихнимъ, подвергнуться добровольно разнымъ соблазнамъ и тяжелымъ положеніямъ, которые только затрудняютъ и осложняютъ жизнь. Нѣтъ, гораздо спокойнѣе круто порвать. Вѣдь все равно, когда-нибудь придется рѣшиться на это, когда-нибудь придется откровенно признать себя одинокимъ; вездѣ та-же пошлость, развратъ, тотъ-же неизменный человѣкъ. Пора перестать надѣяться, что завтра вдругъ откроется новый міръ хорошихъ нравственныхъ людей. Гдѣ онъ здѣсь на землѣ? Нѣтъ, всегда будешь одинъ — вездѣ, и среди товарищей, и даже среди друзей, и надо свыкнуться съ этою мыслью, чтобы стало легче жить.

Никто не понимаетъ другъ друга, даже когда кажется, что понимаетъ“.

„Вася, напримѣръ, развѣ онъ понимаетъ меня? Да онъ просто не въ состояніи понять. Нравственность, чистота, дѣвственность — онъ смѣется надъ всеѣмъ этимъ. Одинъ Поповъ мнѣ ближе другихъ; хотя и онъ падаетъ, уже испачкался самъ во всей этой грязи. Положимъ, онъ хоть борется, чувствуетъ, что это дурно“.

Ивану стало грустно.

„Зачѣмъ я согласился на этотъ ужинъ, какая слабость! — сталъ онъ раскаиваться; — вѣдь опять ничего изъ этого не выйдетъ, какъ всегда, кромѣ пьянства, ненужныхъ разговоровъ и потомъ для нихъ, конечно, и послѣдняго, на что такъ падаютъ Вася. Зачѣмъ я пригласилъ ихъ? Ну, да теперь поздно, нельзя перемѣнить рѣшенія. Это будетъ уже малодушіе. Просижу вечеръ, докажу имъ, что я вовсе не хочу быть чѣмъ-нибудь особеннымъ, и уѣду. Въ этомъ отношеніи это испытаніе мнѣ будетъ даже полезно. А какъ трудно все-таки даже въ мелочахъ не поступать такъ, какъ другіе; надо постоянно бодрствовать, чтобы видѣть ясно и держаться, и чтобы общее теченіе не захватило тебя съ собой“.

„И этотъ дяденька пріѣдетъ, и Тапищевъ. Какъ неприятно все-таки“. Сзади Вася продолжалъ громко пѣть свои романсы, нахально неся свою голову и поглядывая на прохожихъ, изъ которыхъ одни неодобрительно, другіе съ улыбкой оборачивались на безшабашнаго красиваго студента.

II.

Въ просторномъ, ярко освѣщенномъ канделябрами отдѣльномъ кабинетѣ Эрмитажа, какъ было рѣшено, въ день совершеннолѣтія Ивана собралась цѣлая компанія молодыхъ людей, его товарищей.

Было уже часовъ 12 ночи.

По обстановкѣ комнаты видно было, что ужинать кончили и всѣ уже давно слишкомъ много съѣли и выпили.

Разговоры шли оживленные и шумные, нѣсколько заразъ. Пахло хорошимъ табакомъ, винами и ѣдой. Одно окно, выходившее на улицу, было наполовину отворено и въ комнату вмѣстѣ съ струею весенняго ночного воздуха врвался по временамъ стукъ пробѣзжающей по мостовой извожичей пролетен.

У окна, прислонившись спиной къ подоконнику, стоялъ Вася, настраивая гитару. Около него стояли его ближайшіе друзья и поклонники его пѣнія.

Иванъ сидѣлъ на концѣ большого стола, на которомъ еще стояли вина и фрукты, и оживленно рассказывалъ что-то, обращаясь къ Попову и другимъ, приглашеннымъ имъ на ужинъ товарищамъ. Онъ, казалось, завлекъ слушателей и самъ воодушевился рассказомъ. Онъ вспоминалъ, какъ на Кавказѣ прошлымъ лѣтомъ онъ чуть не погибъ въ горахъ, поднимаясь съ проводникомъ-грузиномъ на Казбекъ. Подъ ними подломилась льдина, и если-бы она не задержалась на дорогѣ, они-бы провалились. Богъ знаетъ куда. Иванъ, вспоминая этотъ случай, какъ будто снова переживалъ его, волновался и потому рассказъ его выходилъ живымъ и интереснымъ.

На противоположномъ концѣ комнаты, отодвинувшись отъ стола и поставивъ свой стулъ бокомъ, сидѣлъ дяденька, единственный, одѣтый въ штатскій модный сюртукъ среди студенческихъ мундировъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ его молодой другъ Тапищевъ. Они не слушали Ивана, а сами о чемъ-то говорили. Дяденька курилъ сигару. Онъ немного откинулся на спинку стула и, выпуская изо рта тонкія струйки дыма, блаженствовалъ. На краю стола передъ нимъ стояла бутылка съ „зеленой chartreuse“ и наполовину отпитая рюмка, къ которой онъ то и дѣло протягивалъ свою небольшую, женскую руку.

— А знаешь, я вѣрю въ нее, она замѣчательно ловка, эта Муська,—говорилъ онъ, не торопясь и съ особеннымъ вкусомъ, точно смаковалъ каждое свое слово, какъ каждый глотокъ ликера, который отпивалъ, — и премиленькая.

Дяденька говорилъ это такъ-же просто и легко, какъ если-бы дѣло шло о скаковой англійской лошади, взявшей уже нѣсколько призовъ.

— Да, но Иванъ не то, что другіе,—сказалъ Тапищевъ, покачивая значительно головой;— онъ не то, что робѣетъ или боится бессознательно, а изъ „принципа“.

Последнее слово Тапищевъ произнесъ презрительно и съ удареніемъ.

Дяденька сдѣлалъ гримасу на это и съ безглымъ сожалѣніемъ закачалъ головой.

— Ахъ, ужъ эти мнѣ принципы,—проговорилъ онъ досадливо,— не могу я, ну, просто не могу переварить ихъ.

Дяденька дѣйствительно сердился. Онъ не отдавалъ себѣ отчета, почему ему такъ непріятны эти принципы, но онъ питалъ къ нимъ неподдѣльную ненависть. Они были живымъ укоромъ всей его жизни и, когда онъ слышалъ о нихъ, остатокъ совѣсти, заглушенной въ его душѣ, начиналъ его беспокоить. По той-же причинѣ дяденька не любилъ Ивана. Онъ или смѣялся надъ нимъ за глаза и трунилъ надъ его чистотой, или говорилъ, что не вѣритъ ей, что этого не

можетъ быть во взросломъ маломъ и во всякомъ случаѣ неестественно. И онъ со злорадствомъ ждалъ его паденія и всѣми силами желалъ этому содѣйствовать. Сегодня, въ день его совершеннолѣтія, Иванъ долженъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ всѣ, долженъ сдѣлаться обыкновеннымъ человѣкомъ, бросить всѣ эти глупыя идеи. Такъ рѣшили дяденька и эта мысль успокоивала его. Онъ велъ свой заговоръ въ союзѣ съ Тапищевымъ, который во всемъ сочувствовалъ своему руководителю.

— Если слѣдовать этимъ теоріямъ, — сказалъ дяденька самоувѣренно, — жизнь всякая превращается... Я не понимаю этого совершенно.

Онъ провелъ рукой по глазамъ, точно желая стереть съ нихъ что-то, потомъ погладилъ ея по лысой головѣ.

Они говорили съ Тапищевымъ довольно громко, потому что Вася и другіе студенты, собравшись кучкой у окна, въ это время со страстью запѣли хоромъ цыганскій романсъ, заглушая ихъ разговоръ.

„И миръ, и любовь, и блаженство“, — слышался дѣйствительно пріятный голосъ Васи, который запѣвалъ.

— Ну, господа, теперь къ цыганкамъ, — закричалъ Вася, кончивъ романсъ и взмахнувъ гитарой, на которой игралъ. — Иванъ, Поповъ, ѣдемъ? Помните первое правило: плюнь, братъ, на все и береги свое здоровье.

— Ѣдемъ, — не задумавшись, неожиданно для всѣхъ, отвѣтилъ Иванъ, — такъ и быть, проѣдусь съ вами.

Онъ пилъ очень много въ этотъ вечеръ, хотя старался сдѣлать обратное. Но, какъ виновнику собранія, ему нельзя было не выпить, по его мнѣнію, лишняго. Всякій пилъ за его здоровье, подходилъ къ нему, поздравлялъ, и ему нельзя было каждый разъ не отпивать хоть по глотку изъ все время полного бокала. Онъ согласился ѣхать къ цыганкамъ такъ просто, потому что ему было весело въ эту минуту на душѣ.

— Вотъ такъ Иванъ! — закричали студенты Васинной компаніи, — совсѣмъ человѣкомъ порядочнымъ сталъ; — такъ надо собираться, господа. Ѣдемъ-же, ѣдемъ!

— Къ цыганкамъ, такъ къ цыганкамъ, — громко сказалъ дяденька, вставъ со стула. — Превосходно... Какъ эта пѣсня-то, Вася? „и блаже-вэ-вэ-вэ...нство“. Ты премило сталъ пѣть.

„Глупо я дѣлаю“, — подумалъ Иванъ, когда уже всѣ задвигались и стали выбираться изъ кабинета; — „но не слѣдовало ѣхать съ самаго начала. Впрочемъ, ничего, посижу тамъ немного и уѣду. Пока ничего особенно безобразнаго и противнаго нѣтъ, проѣдусь съ

ними до Стрѣльны, а оттуда уже домой. Проѣхаться за городъ по воздуху будетъ прекрасно. Да и погода чудная“.

III.

Иванъ нѣсколько разъ уже собирался уѣзжать домой, но его все удерживали.

Уже слушали цыганъ у Яра, опять пили шампанское, кто-то что-то пѣлъ; появлялись вмѣстѣ съ цыганами и цыганками и другія какія-то женщины. Потомъ попали въ Стрѣльну, — опять цыганки, венгерки, шампанское, пѣсни, табачный дымъ, электрической свѣтъ и шумъ въ головѣ.

Все, казалось, было, все они продѣлали и больше ничего не оставало съ. Надо было только кончить чѣмъ-нибудь, потому что приближалось утро.

И дѣйствительно, ужинавшая въ Эрмитажѣ компанія теперь сильно порѣдѣла. Ни Васи, ни многихъ другихъ въ ней не было видно.

Въ отдѣльномъ кабинетѣ Стрѣльны теперь сидѣли только: Иванъ на диванчикѣ, около окна; рядомъ съ нимъ — дяденька; за столомъ на другомъ концѣ комнаты — Поповъ и Тапищевъ. Но прибавились къ нимъ двѣ женщины. Противъ Ивана, съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, стояла маленькая Муська съ гладко и просто причесанными назадъ прекрасными черными волосами, въ свѣтло-сѣромъ платьѣ съ вырѣзкомъ. Около Тапищева сидѣла за столомъ одна изъ женщинъ русскаго хора, въ какомъ-то лиловомъ платьѣ, толстая и нарумяненная, съ сильно обнаженной шеей и грудью.

Тапищевъ былъ сильно пьянъ и, нагнувшись къ голому плечу своей дамы, что-то говорилъ ей, гадко улыбаясь. Поповъ, прислонившись грудью къ столу, задумчиво потягивалъ шампанское, и хотя выпилъ много, казался совершенно трезвымъ. Въ лѣвой рукѣ онъ вертѣлъ салфетку и неподвижно устремилъ глаза передъ собой. Дяденька сидѣлъ развалившись на диванѣ, красный и весь лоснящійся, съ улыбкой косясь на Муську. Онъ обдуманно и тактично вель свое дѣло. Да и Муська по тому, какъ она была одѣта, какъ держалась и говорила, очевидно, дѣйствовала въ томъ-же духѣ и очень старалась. Иванъ слушалъ Муську и смотрѣлъ на нее. Лицо его было грустно и серьезно. Онъ совѣмъ уже ѣхалъ домой, но эта маленькая женщина заинтересовала его; ему захотѣлось немного узнать ее, что-то сказать ей, помочь какъ-нибудь, но что и какъ, онъ не зналъ. Поэтому онъ сидѣлъ и все не уѣзжалъ.

— Я просто люблю, полюбила это, — говорила Муська, жестику-

лируя своей маленькой, сухой ручкой и беспокойно двигаясь на мѣстѣ,—все равно всѣ будемъ умирать, а эта жизнь такая веселая. Вотъ видите и шампанское.

Она выпила бокаль, который держала въ рукѣ, до дна и поставила его на столъ.

— Вотъ какъ,—засмѣялся неестественно громко дяденька. — Что съ тобой сегодня, Муська?

Она дѣйствительно какъ-то особенно и странно оживилась. Ея характерные глаза съ рѣзко обозначенными подъ ними темными полосами и тонкими прямыми бровями такъ и бѣгали и блестяли.

— Ничего, я всегда такая. А вы понимаете?—обратилась она къ Ивану.

— Что? Что вамъ весело развратничать? Нѣтъ, не понимаю,—сказалъ Иванъ совершенно серьезно, глядя прямо ей въ глаза,—вы себя обманываете.

Дяденька въ это время всталъ съ дивана и, сперва молча подойдя къ сидѣвшимъ за столомъ, незамѣтно вышелъ изъ комнаты. Онъ почему-то былъ теперь увѣренъ, что планъ его удался, и самодовольно улыбался. Вскорѣ за нимъ вышелъ и Тапищевъ съ своей дамой.

— Слушайте,—начала Муська, какъ будто искренно и горячо, подсаживаясь къ Ивану на освободившееся теплое мѣсто дяденьки. — Вы такой хорошій, ну, скажите, какъ-же мнѣ быть, чтобы все это оставить? Научите меня. Я вижу, что вы меня жалѣете.

Иванъ обернулся къ ней. Она показала ему дѣйствительно ужасно жалкой въ эту минуту. Несмотря на то, что онъ прекрасно видѣлъ, что она притворяется, онъ чувалъ за всей этой ложью и притворствомъ ноту искренности и смутнаго раскаянія. Онъ видѣлъ теперь то, что и раньше часто замѣчалъ, что въ женщинахъ такого рода, какъ Муська, все такъ спутано и искалчено ихъ положеніемъ, что онѣ сами не знаютъ, когда говорятъ съ вами, гдѣ онѣ лгутъ и гдѣ въ ихъ рѣчахъ начинается правда; онѣ то расканиваются какъ будто, потомъ начинаютъ сами-же смѣяться надъ этимъ раскаяніемъ и дѣлаются наглы до цинизма; то онѣ плачутъ, то смѣются, то жалки, то отвратительны.

— Да вы сами знаете, что вамъ надо дѣлать,—сказалъ грустно Иванъ,—что-же тутъ учить,—просто переменить жизнь, оставить ваше занятіе и больше ничего.

— Оставить?—наивно произнесла Муська, какъ будто она никогда не думала объ этомъ.

Иванъ не видалъ, какъ вышелъ куда-то Поповъ и теперь, оглянувшись, замѣтилъ, что они совершенно одни въ комнатѣ. Но онъ

зналъ, что Поповъ безъ него никуда не уѣдетъ и навѣрно вернется назадъ. Иванъ замѣтилъ также, что дяденька странно велъ себя въ этотъ вечеръ, и смутно предчувствовалъ заговоръ, направленный противъ него, хотя онъ никакъ не могъ допустить такого ужаснаго подозрѣнія въ себѣ.

— Мнѣ такъ иногда скучно бываетъ, — нервно продолжала между тѣмъ Муська, взявъ Ивана за руку и немного сжавъ ее; — вы не знаете, я иногда такъ плачу дома; мы вотъ съ этой, Елизаветой Петровной живемъ — Лизочкой, такъ хоть у нея спросите... Хотите выпить?

Иванъ тихонько высвободилъ свою руку изъ руки Муськи.

„Несчастливая, — подумалъ онъ, — вѣдь есть еще, есть, — она такая молодая, — тамъ, далеко, у нея на душѣ, настоящее, хорошее... Но какъ завалено, какъ заглушено“. — Онъ видѣлъ въ ней прежде всего человѣка и потому жалѣлъ ее всѣмъ своимъ сердцемъ.

Муська начала рассказывать о себѣ, о своей несчастной судьбѣ и прошлой чистой жизни въ дѣвушкахъ. Она продолжала мѣшать правду съ выдумкой, высказывала настоящія свои чувства съ напускными, а Иванъ все слушалъ и старался разгадать ея душу. Но онъ видѣлъ все-таки, что главной цѣлью ея теперь было соблазнить его. Муська пускала въ ходъ всѣ свои старанія. Обѣщанные сто рублей ни на минуту не выходили изъ ея головы. Къ тому-же они ей были очень нужны: надо было послать денегъ старой матери и сестрамъ, которыя недавно писали ей и просили помощи.

„А ужъ добьюсь, — самолюбиво думала Муська, вспоминая дяденьку и обѣщанныя деньги, которыя она уже считала своими.

„Какіе у него глаза добрые, онъ очень хорошій — неожиданно приходили ей въ голову совершенно другія мысли, глядя на Ивана.

— Ну, пожалѣйте меня, дайте мнѣ руку. Ахъ, кабы вы знали, — продолжала Муська.

Она взяла его подъ руку и приблизилась къ нему. Ея еще свѣжее, сравнительно, некрашенное хорошенькое личико приняло жалкое, просящее выраженіе. На ея черныхъ блестящихъ глазахъ какъ будто навернулись слезы.

Иванъ чувствовалъ ея теплую грудь на своей рукѣ, ея дыханіе близко около своего лица. Ея волосы коснулись его щеки и защекотали его.

— Послушайте, я не люблю этого, — сказалъ онъ, освобождая свою руку, — зачѣмъ вы это дѣлаете?

— Поѣдемте со мной, проводите меня домой, пожалуйста. Вы такой добрый и...

Она опять ласково дотронулась до него и погладила рукой его плечо.

— Я вѣдь ничего для васъ не сдѣлаю,—сказалъ Иванъ съ сожалѣніемъ,—лучше я поѣду домой, а если вы хотите бросить свою жизнь, такъ вѣдь это только отъ васъ одной и зависеть. Прощайте....

— Прощайте,—сказалъ онъ, строго сдвинувъ свои густыя брови—напрасно, напрасно вы это дѣлаете—грѣхъ, грѣхъ...

Онъ схватилъ свою фуражку со стола и взволнованный и разстроенный вышелъ изъ комнаты.

— Ахъ ты Господи!—вырвалось у Муськи, и обида, и досада, и стыдъ. Но она больше ничего не сказала.

IV.

Она сѣла къ столу, положила голову на руки и задумалась. Потомъ она встала, прошла по комнатѣ, посмотрѣла въ окно, выходящее на какую-то темную стѣну, и опять вернулась и сѣла въ прежнее положеніе.

Въ первый разъ въ жизни она встрѣчала такого человѣка. Она увидала въ немъ что-то совсѣмъ новое. Онъ жалѣлъ ее, совѣтовалъ ей бросить ея занятіе, желалъ ей добра. Молодой, сильный, а какой добрый и стойкій. И ста рублей она теперь не получить. Но Богъ съ ними съ деньгами, хотя жалко ихъ, онѣ ей были нужны. Досаднѣе, что она такъ старалась, была такъ увѣрена въ успѣхѣхъ и вдругъ ничего. Обиднѣе, что она только хотѣла соблазнить его въ то время, какъ онъ жалѣлъ ее. Она гадкая, нехорошая. А какой онъ добрый и милый,—продолжала она думать дальше.—Да, онъ прекрасный, рѣдкій человѣкъ; онъ правду говорилъ ей, что надо переменить эту жизнь—это правда, правда. Но, какъ это сдѣлать, куда идти ей, къ кому? Кто пожалѣетъ ее, какъ онъ? Никто не любитъ ее. Онъ первый такъ сердечно отнесся къ ней. Въ душѣ Муськи поднялось давно не испытанное ею чувство любви и благодарности къ человѣку. Это чувство теперь взяло верхъ надъ всѣми другими и она вся отдалась ему. Она видѣла передъ собой добрые глаза Ивана, слышала его голосъ, и ей хотѣлось подольше остаться въ этомъ настроеніи и не выходить изъ него. Ей стало безконечно горько на душѣ и тоскливо, что онъ уѣхалъ. Она готова была заплакать.

— Уѣхалъ? Не могла добиться толка? Неужели? —сказалъ въ это время съ упрекомъ недовольный жирный голосъ дяденьки, который показался въ дверяхъ.—Эхъ, ты, а еще хвасталась мнѣ своимъ искусствомъ. Ну, я, по правдѣ сказать, не ожидалъ. Какая обида,

однако, вотъ обида. Вотъ тебѣ и сто рублей,—добавилъ онъ, громко усмѣхнувшись.

Муська ничего не отвѣчала и не мѣняла своего положенія.

— Ну, что-же ты, что ты это пригорюнилась? — слащаво продолжалъ дяденька, мѣняя тонъ.

Онъ подошелъ къ ней и положилъ свою мягкую руку на ея голую шею.

— Что-же, Мусеночекъ, поѣдемъ ужъ со мной, если не могла толку добиться отъ этого франта, — разслабленнымъ голосомъ сказалъ онъ, другой рукой обнимая ее за талію и нагибаясь къ ея лицу, — ѣдемъ? А?

Муська не шевелилась. Потомъ вдругъ она быстро отодвинулась отъ стола и вскочила на ноги. Дяденька удивленно вытаращилъ круглые глаза.

— Убирайтесь... свинья! — глухо проговорила она... — отойдите отъ меня прочь... развратный человѣкъ... гадкій...

Она точно подавилась и тяжело перевела дыханіе. Лицо ея было бѣло, какъ полотно. Глаза загорѣлись такимъ блескомъ негодованія, что дяденька не на шутку испугался. Онъ тоже поблѣдѣлъ.

— Вотъ ты какъ, — недоумѣвая проговорилъ онъ, отступивъ шагъ назадъ.

— Да, да, вотъ я какъ. Вамъ только развратничать, да хорошихъ людей губить...

Она не могла говорить, ея поблѣднѣвшія губы тряслись и все лицо дергалось и прыгало.

— Ну, Мусенька, что ты... — попробовалъ еще разъ успокоить ее дяденька, нерѣшительно протягивая къ ней руки. Онъ опять приблизился къ ней и коснулся ея плеча. — Вотъ потѣшная-то!

Муська отсвочила отъ него, какъ ужаленная. Она была въ эту минуту просто красива и точно выросла. На ея строгомъ, блѣдномъ лицѣ выразились презрѣніе и сила. Но въ то-же время она была невыразимо жалка.

— Что съ тобой, Муська, ты... — стараясь улыбнуться продолжалъ дяденька. Но онъ не успѣлъ договорить начатаго. Муська, вся трясясь, вдругъ налетѣла на него и ея сухая, крѣпкая какъ сталь рука съ силой ударила его въ жирную щеку около глаза. Она сама не ожидала отъ себя такого поступка. Дяденька пошатнулся...

— Ты что-же... ты... я...

Онъ совершенно растерялся. Муська схватилась за голову и бросилась къ двери. Въ одну минуту она накинула на себя свою плюшевую кофту и выбѣжала изъ Стрѣльны, какъ сумасшедшая. Она пробѣжала по сырой мостовой двора и сѣла на перваго попавшагося

извозчика. Ей было больно, тяжело, чего-то жалко и горько, горько. Она была готова умереть въ эту минуту. Она глубоко вздохнула и вдругъ ей стало легче. Что-то перевернулось, раскрылось, какъ будто ожило, тамъ далеко, въ глубинѣ ея существа, старое, забытое, и она почувствовала себя такъ легко, какъ давно, давно, въ дѣтствѣ. Губы ея покривились. Она всхлипнула и зарыдала. Обильныя и счастливыя слезы потекли по ея щекамъ. Давно она не испытывала такого блаженства.

Въ воздухѣ было тепло и сыро. Шелъ мелкій дождь.

Старенькій ночной извозчикъ задергалъ возжами и выѣхалъ изъ воротъ Стрѣльны на улицу. Онъ поѣхалъ направо тихой рысдой, увозя рыдающую, жалбую и одинокую Муську назадъ въ городъ.

Л. Л. Толстой.

Т Ъ Н Ъ.

Посвящается А. В.

Быль еще разъ день, быль вечеръ, ночь спустилась имъ вослѣдъ,
И, еще разъ побѣжденный, я узналъ, что блага нѣтъ.
Между тѣмъ луна всплывала, все печальнѣй и бѣлѣй,
Надъ шумящими лѣсами, надъ безмолвіемъ полей.
Путь готовый и безцѣльный предо мною пролегалъ.
Я куда-то шель поспѣшно, отъ чего-то убѣгалъ.
Въ головѣ моей метался бредъ пережитаго дня,
А у ногъ моихъ чернѣла тѣнь, преслѣдуя меня.

Тѣнь моя, то какъ рабыня съ отверженьемъ на челѣ,
Предо мною пресмыкалась, разстилаясь по землѣ,
То, какъ демонъ непокорный, духъ злорадства и хулы,
Дерзновенно поднималась на попутные стволы.
И тогда въ изломахъ рѣзкихъ я угадывалъ душой
Повѣсть жизни оскверненной, страшно близкой и чужой.
И, на землю озираясь, на созвѣздія вдалъ,
О забвеньи я молился духамъ неба и земли.

Отвѣчали мнѣ созвѣзды: былъ надъ нами свѣтлый край,
Чувствъ простыхъ и вѣчно новыхъ и невѣдѣнія рай.
Не влачилъ тамъ духъ невинный тяжкихъ памяти веригъ,
Оттого что счастьемъ равнымъ одѣленъ былъ каждый мигъ.
Тамъ и свѣтъ не долженъ тѣнью откупаться предъ судьбой,
Оттого что все блистало, освѣщенное собой.
Тамъ и ты парилъ когда-то, въ день безоблачный одѣтъ, —
Всѣ пути ведутъ оттуда, но туда дороги нѣтъ.

И земля мнѣ отвѣчала: здѣсь, въ объятіяхъ моихъ,
Уготованъ близкій отдыхъ для больныхъ сердецъ людскихъ.
Здѣсь уснувшій духъ не носить тяжкихъ памяти оковъ,
Оттого что въ царствѣ смерти нѣтъ мгновений, нѣтъ вѣковъ.
Здѣсь отъ тлѣющаго трупа не ложится рядомъ тѣнь,
Оттого что всюду полночь и нигдѣ не брезжетъ день.
Каждый шагъ твоихъ скитаній осужденъ тебя вести
Въ край, гдѣ всѣ пути сойдутся и откуда нѣтъ пути.

Вдругъ еще какой-то шопоть я услышала, какъ во снѣ.
Это тѣнь моя, казалось, говорила въ тишинѣ:
Небо чуждо и далеко, смерть жестока и темна,
Въ этомъ мірѣ отраженій я одна тебѣ вѣрна,
Я — безмолвный знакъ страданій, тѣхъ, что ты пережилъ вслухъ,
Я — прикованная къ праху и безплотная, какъ духъ...
Полюби тоску по небѣ — небо создало ее,
Полюби свой страхъ предъ смертью — въ немъ безсмертіе твое.

Н. Минскій.

ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ.

(Неизданные историческіе документы).

Изъ записныхъ книжекъ 1826 — 1845 гг.

Литературный вечеръ у Смирновыхъ.—Разговоръ о царствованіяхъ женщинъ, о принцессѣ Викторіи, о политическомъ характерѣ англичанъ.—Пушкинъ о свиданіи Николая I съ Робертомъ Овэнгомъ.—Пушкинъ объ аристократіи и демократіи и о томъ, что такое истинная демократія.—Пушкинъ объясняетъ русскую исторію де-Баранту.—Вяземскій и Пушкинъ объ аристократизмѣ Евангелія.

Очень пріятный вечеръ у меня, благодаря обоюго пола особамъ, выражаясь языкомъ повѣстокъ гофъ-фурьеровъ ¹⁾. Считаю моего мужа, мужчннъ было семеро: Вяземскій, въ самомъ миломъ расположеніи духа, такъ какъ онъ хорошо выснался ²⁾, Мятлевъ, Соболевскій, мой братъ Клементій, Пушкинъ, Де-Барантъ. По части прекраснаго пола: я, Алина Дурново, Мари Элмптъ ³⁾.

Чтобы не повторять «такой-то сказалъ то-то» (что очень скучно), я запишу разговоръ въ видѣ театрального діалога; Пушкинъ очень смѣялся, когда я ему показала замѣтки, которыя составила этимъ способомъ, и сказалъ мнѣ: «Вяземскій правъ, называя васъ m-me Фонвизинъ», на что я отвѣчала: «Есть легкое различіе, да и не одно; я записываю то, что говорятъ другіе, а Фонвизинъ самъ сочинялъ свои діалоги; я записываю то, что говорятъ люди умные, а онъ записывалъ то, что говорили Простаковы, Скотинины, Цыфиркины, Митрофаны, Кутейкины». — «Которыхъ онъ видѣлъ и слышалъ,—отвѣчалъ мнѣ Пушкинъ; безъ этого онъ не могъ-бы писать хорошихъ комедій».

Вчера вечеромъ Мятлевъ взялъ на себя прознести прологъ, когда я объявила, что мы, женщины, будемъ безмолвствовать, а семь мужчинъ-мудрецовъ должны разговаривать, мы же будемъ ихъ слушать. Мятлевъ сказалъ:

¹⁾ Которые развозятъ приглашенія.

²⁾ Вяземскій часто страдалъ безсонницей.

³⁾ Она была при дворѣ Великой Княгини Елены Павловны.

«Вась три, какъ грацій, alle gute Dinge sind drei. Вы, прекрасная хозяйка, отъ времени до времени вставьте словечко, предложите вопросъ; это будутъ щепочки, которыя подбрасываютъ въ каминъ, чтобы поддерживать огонь; ваши прекрасныя очи — звѣзды, которыя воспаляють наше краснорѣчье».

Я отвѣтила: «Звѣзды не воспаляютъ, огонь всыхиваетъ отъ искры».

— Милостивая государыня, и звѣзды воспаляютъ, когда это — черныя брилліанты.

Де-Барантъ сказалъ ему: «Браво, m-g de Miatleff, вы рыцарски любезны».

Я возвысила голосъ, чтобы подбросить щепочку въ огонь ихъ краснорѣчя и превратить прологъ въ разговоръ. Я спросила у г. Де-Барантъ, какъ онъ полагаетъ: очень ли серьезная вещь волненіе среди рабочихъ въ Англии, а также, тревожатся-ли этимъ въ Парижѣ. Мой мужъ говорилъ мнѣ, что вопросъ этотъ экономическій, такъ какъ англичане вовсе не жаждутъ водворить у себя равенство, что это наименьшая изъ ихъ заботъ, но что они чрезвычайно независимы и практичны во всѣхъ классахъ общества; они стремятся получить привилегіи, причемъ у каждаго сословія свои собственныя, свои права и привилегіи, а когда таковыхъ нѣтъ, они ихъ требуютъ и отстаиваютъ, но о безусловномъ равенствѣ и рѣчи нѣтъ. По крайней мѣрѣ, все это онъ видѣлъ въ Англии, когда былъ тамъ въ свое первое путешествіе и когда нѣкоторое время находился тамъ при посольствѣ и даже во время своего послѣдняго, очень короткаго, пребыванія. Мой мужъ сказалъ: «Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи еще ничто не измѣнилось, по крайней мѣрѣ таково мнѣніе членовъ здѣшняго посольства; это волненіе экономическое, а отнюдь не политическое. Со времянь реформъ-билля политическое движеніе не оправдывалось бы никакой необходимостью».

Барантъ. Ваши свѣдѣнія вполне точны; впрочемъ, послѣ реформъ-билля совершился довольно любопытный фактъ: виги были побиты торіями, которые, однако, недолго продержались, но герцогъ Веллингтонъ призналъ, что очень незначительное, въ сущности, большинство обязываетъ его оставить министерство. Итакъ: единственно правящая сила это — простое голосованіе въ палатѣ общинъ, или въ палатѣ пэровъ. Это совершенно новый принципъ ихъ парламентаризма со времени реформъ-билля, такъ какъ даже не было новыхъ выборовъ.

Николай. Настоящій парламентаризмъ возникъ въ Англии лишь при Георгахъ, тогда-же явились и министры, настоящіе министры, которые возводятъ въ званіе пэровъ, что составляло одну изъ привилегій государей; считается, что король удержалъ за собой это право, но очень рѣдки случаи, чтобы онъ отвергъ кандидата, предложеннаго его премьеромъ. Король можетъ даже отказаться подписать билль, онъ имѣетъ это

право, а также право распускать парламентъ, но онъ имъ болѣе не пользуется.

Барантъ. Королева Анна отказалась подписать одинъ билль, это былъ послѣдній подобный случай; Елизавета также однажды отказала въ своей подписи.

Вяземскій. У женщинъ иногда бываетъ очень много характера.

Мятлевъ. Женскія царствованія, по моему мнѣнью, имѣютъ свои хорошія стороны; впрочемъ, онѣ всегда царятъ и правятъ, даже безъ короны. У насъ были двѣ великія Императрицы. Я сторонникъ владычества прекраснаго пола.

— Благодарите, mesdames,— сказалъ Соболевскій,— Мятлевъ готовъ помазать васъ на царство.

Мы посмѣялись надъ его тономъ и Пушкинъ сказалъ: «Женщины часто имѣли такихъ прекрасныхъ совѣтниковъ, а короли—такихъ недостойныхъ любовницъ, которыя ими руководили».

Барантъ. Къ величайшему вреду для государства.

Вяземскій. Царствованіе женщины было-бы невысказимо во Франціи, это противно закону и правамъ.

Барантъ. Въ особенности правамъ, такъ какъ не существуетъ закона, который-бы въ дѣйствительности отдалилъ женщину отъ престола во Франціи, хотя и говорятъ о салическомъ законѣ; это даже довольно оригинально, во всякомъ случаѣ это дѣло латинянь, римлянъ, а отнюдь не галловъ и не франковъ, которые отнюдь не навязывали никому салического закона.

Вяземскій. А во Франціи, между тѣмъ, женщина играла такую выдающуюся роль; у насъ были: Велледа, св. Женевиѣва, Клотильда, Бланка Кастильская, Иоанна д'Аркъ, и столько другихъ, начиная уже съ XV вѣка. Но ихъ политическая роль не всегда была полезна со временъ Людовика XIV.

Барантъ. Это неоспоримо. Чтò меня особенно поразило въ исторіи Россіи это то, что женщины играли въ ней такую выдающуюся роль со временъ Петра Великаго—въ лицѣ обѣихъ императрицъ;—и въ этой-то странѣ женщины никогда не говорятъ о политикѣ! Здѣсь надо жить, чтобы понять множество явленій, которыя остались для насъ тайною и которыя даже были истолкованы въ очень дурную сторону.

Пушкинъ. Во всѣ времена женщины, бывшія на престолѣ, отличались необычайными дарованіями: Семираида, Зиновія, Клеопатра, Марія-Терезія, Елизавета Тюдоръ, наша Елизавета, Екатерина II и даже Екатерина Скаврнская, Христина Шведская, хотя она безспорно была какая-то необузданная, королева Луиза Прусская и даже Екатерина Медичи, королевы Наварскія, Жанна д'Албре; я готовъ даже назвать Марію Медичи и Анну Австрійскую, такъ какъ, въ сущности, Мазарини dokonчилъ то,

что началъ Ришелье. Мнѣ думается также, что Маріи-Антуанеттѣ совсѣмъ не воздали должнаго; ни на кого въ цѣломъ мѣрѣ не ввозили столько клеветъ, какъ на эту женщину; слишкомъ легко забываютъ, что она была дочерью Маріи-Терезіи, которая, какъ и Елизавета, умѣла постоять за себя передъ Фридрихомъ Великимъ и здорово его поколачивала, этого непобѣдимаго Фридриха Великаго.

Барантъ. Напишите-ка книгу о женщинахъ, г-нъ Пушкинъ, у васъ такая бездна критическаго ума; для васъ исторія не есть только рядъ фактовъ, событій, а нѣчто гораздо большее.

Пушкинъ. Хорошую книгу можно было-бы написать: женщина въ исторіи, женщина государыня, мать, жена, писательница, о вліяніи женщины на нравы и на жизнь, нравственную и умственную; но у меня въ виду другія работы. Эту книгу слѣдовало-бы написать французу: во Франціи женщины, вопреки вашему саллическому закону, царствовали не права.

Вяземскій. Хотѣлось-бы мнѣ знать, что за королева выйдетъ изъ этой молодой принцессы Викторіи? Смирновъ, что ты объ этомъ думаешь, ты, который бывалъ въ Англии?

Николай. Не менѣе преданная конституція, чѣмъ король ¹⁾, она очень даровита и король часто съ нею бесѣдуетъ; я слышалъ, что Мельбурнъ находитъ ее очень умной, а такъ какъ король—государь крайне конституціонный, первый, который дѣйствительно таковъ, она послѣдуетъ его примѣру. У нея, какъ мнѣ говорили, очень много характера.

Барантъ. Тѣмъ лучше для Англии. Женщина всегда имѣетъ большое нравственное вліяніе.

Вяземскій. Думаете-ли вы, что у англичанъ когда-нибудь произойдетъ перемена правленія?

Барантъ. Это мало вѣроятно, хотя все возможно; они попробовали республики при Кромвелѣ и вновь призвали Стюартовъ.

Пушкинъ. Потому, что имъ ненавистенъ всякій абсолютизмъ; по крайней мѣрѣ я этимъ объясняю себѣ это возвращеніе и даже, быть можетъ, призваніе Вильгельма Оранскаго и ганноверцевъ, гораздо болѣе чѣмъ вліяніемъ католицизма, такъ какъ Карлъ II, въ сущности, былъ католикомъ, хотя не явнымъ.

Барантъ. Кромвель, дѣйствительно, былъ крайне деспотиченъ, даже до свирѣпости.

Пушкинъ. Во всѣ времена были деспоты-республиканцы. Якобинцы болѣе деспоты, чѣмъ всѣ короли.

Соболевскій. Ярлыкъ тутъ рѣшительно ничего не значить.

Вяземскій. Полагаете-ли вы, что Англии грозитъ демократія?

Барантъ. Во всякомъ случаѣ у нея другія цѣли, чѣмъ на материкъ;

¹⁾ Вильгельмъ IV въ то время еще былъ живъ.

ихъ демократія безусловно отличается отъ нашей, цѣли ея экономическія; англичане пропзведутъ еще значительныя измѣненія въ своихъ политическихъ правахъ, но крайне медленно, даже если у нихъ будутъ бунты рабочихъ. Его Величество, нѣсколько времени тому назадъ, сдѣлалъ мнѣ честь сообщить о томъ, что онъ наблюдалъ у англичанъ. Государь говорилъ мнѣ, что его приводитъ въ восторгъ политической здравый смыслъ этого народа, такого независимаго, патріотическаго и столь преданнаго порядку, столь покорнаго законамъ вообще. Я былъ крайне пораженъ всѣмъ, что государь говорилъ мнѣ объ англійскомъ народѣ; я узналъ, что онъ посѣтилъ Англію очень молодымъ и видѣлъ знаменитость—Овэна изъ Ланарка и даже очень заинтересовался имъ.

Пушкинъ. Онъ также сильно поразилъ Овэна изъ Ланарка, который видѣлъ его такимъ юнымъ въ 1814 году. Говорятъ, что Овэнъ сказалъ о немъ: «онъ рожденъ, чтобъ управлять».

Барантъ. Въ 1814 году Государь, кажется, не имѣлъ никакой надежды царствовать?

Вяземскій. Никакой: Цесаревичъ Константинъ былъ Наслѣдникомъ и могъ вступить во второй бракъ съ принцессой и имѣть дѣтей.

Барантъ. Это доказываетъ проницательность Овэна изъ Ланарка. Вы ругаетесь за этотъ фактъ?

Пушкинъ. Князь Александръ Галицынъ рассказывалъ объ этомъ по возвращеніи изъ Лондона, это фактъ историческій.

Клементій. Одинъ дипломатъ сказалъ о Государѣ, что у него даже наружность, соответствующая его роли.

Барантъ. Это очень мѣтко сказано: въ немъ необычайное величіе соединяется съ классической простотой; это самый величавый и самый красивый человекъ въ Европѣ. Это величіе потрясаетъ, эта простота чаруетъ. Я считаю его чрезвычайно прямымъ и искреннимъ.

Клементій, всегда бѣдовая головушка, пробормоталъ: «Ужъ надо признаться, что мѣщанскаго въ немъ ничего нѣтъ».

Мой мужъ и Пушкинъ бросили на него гнѣвные взгляды; я тотчасъ подбросила щепочку въ каминъ, спросивъ у Баранта его мнѣнія о будущности демократіи. Онъ отвѣчалъ: «Она повсюду преобразится».

Пушкинъ. По моему мнѣнію, демократія, въ томъ видѣ какъ ее понимаютъ, только слово — не болѣе.

Барантъ. Вы хотите сказать?..

Пушкинъ. Объяснять это очень долго.

Я отозвалась: «Слово за вами, объясняйте».

Пушкинъ. Такъ вы желаете, чтобъ я произнесъ рѣчь или съимпровизировалъ бы Essay ¹⁾ на англійскій манеръ, или цѣлую статью на слово *демократія*?

¹⁾ Очеркъ, набросокъ. Такого рода статьи, небольшія по объему, но исполненныя

Барантъ и остальные просили его сказать рѣчь, а Алина Дурново сказала мнѣ по-русски: «Онъ опредѣлитъ ее гораздо лучше, чѣмъ всѣ эти болтуны въ палатахъ».

Мари Элмптъ, ярая поклонница ума Пушкина, тихонько шепнула мнѣ: «Онъ въ десять минутъ передумаетъ больше, чѣмъ другіе въ десять дней. Барантъ, который очень уменъ, говорилъ на дняхъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, что этотъ поэтъ—великій мыслитель, что онъ мыслитъ какъ опытный, государственный мужъ».

Пушкинъ. Міръ раздѣленъ на двѣ части: на аристократовъ и демократовъ, такъ какъ они одинаково существуютъ въ монархіяхъ и въ республикахъ. Предупреждаю, что моя рѣчь будетъ длинна, остановите меня, когда съ васъ будетъ довольно.

Барантъ. Это случится, когда вы кончите, предупреждаю васъ, и всѣ, конечно, со мной согласятся.

Мятлевъ. Что-жь, на голоса?

Николай. Поднимемъ руку, какъ англичане.

Общій смѣхъ и всѣ подняли руку.

Клементій. Большинство полное; слово предоставляется Пушкину.

Пушкинъ. Стѣдовало бы условиться относительно смысла, какой придается словамъ аристократія и демократія и даже вмѣсто аристократіи я предпочелъ бы слово олигархія, чѣмъ болѣе точно. Понятно, что названія эти лишены всякаго дѣйствительнаго смысла въ древнихъ и восточныхъ монархіяхъ, гдѣ были лишь государи, неограниченные и деспотическіе, или касты какъ въ Индіи. Ксерксъ, Аттила, Тамерланъ имѣли лишь рабовъ и царедворцевъ; въ этихъ монархіяхъ гражданъ не существовало. Итакъ, слова олигархія и демократія появляются тамъ, гдѣ были граждане. Но такъ какъ жизнь древнихъ, въ Греціи и Римѣ, была основана на рабствѣ, то, хотя народъ и посѣщаль форумъ, я не вижу истинной демократіи въ этихъ республикахъ, такъ какъ часть гражданъ была въ рабствѣ, и отъ него надлежало освободиться, чтобы сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ гражданина, да и то съ очень ограниченными правами. Спарта, военная республика съ плотами, съ желѣзной дисциплиной, суровой и узкой, считается представительницей олигархическаго правленія въ Греціи, и Спарта немного внесла въ человѣческую мысль, но не ея аристократизмъ, а ея военные нравы причина того, что у спартацевъ жизнь мужественная оказалась преобладающей надъ жизнью умственной. Афинны считаются городомъ демократическимъ, и этому приписываютъ вліяніе этого города на міръ мысли, въ этомъ думаютъ найти тайну его генія. Это—заблужденіе: и въ Афинахъ были рабы, что, противно демократическому ра-

венству. Не потому, что система правленія въ Аѳинахъ была демократичнѣе чѣмъ въ Спартѣ, даровали Аѳины міру мыслителей, философовъ, изъ коихъ одинъ—Аристотель—не имѣетъ въ себѣ ничего демократическаго, а другой—Платонъ—противникъ безусловнаго равенства, такъ какъ онъ идеалистъ, который желаетъ изгнать изъ своей республики искусство и въ то-же время создаетъ идеальный и эстетическій міръ; его республика построена на правдѣ и разумѣ, воплотившихся въ идею красоты. Это прямая противоположность демократическому идеалу; кромѣ того, вѣкъ Фидія, вѣкъ Праксителя и Апеллеса, вѣкъ Перикла, Алкивиада и Аспазіи не имѣютъ въ себѣ ничего демократическаго. Это литературно-образованное аѳинское общество, по существу своему—общество аристократическое. Всѣ ихъ творенія, начиная съ Гезіода, этого пастуха-жреца, до Гомера, раясада героической жизни, до послѣднихъ поэтовъ, драматурговъ и ораторовъ, не представляютъ ничего похожаго на современный демократическій идеалъ. Это наименѣе буржуазная среда, которая существовала на свѣтѣ.

Де-Барантъ. Я съ вами согласенъ.

Пушкинъ. Всѣ эти греки—умственные олигархи; они не особенно жаждутъ видѣть простой народъ сравненнымъ съ людьми, которые правятъ на Агорѣ и надъ Портникомъ. Это—граждане, но простолюдины изгнаны изъ ихъ совѣтовъ. Кромѣ того, умственно-развитое и артистическое меньшинство гражданъ никогда не будетъ демократическимъ, такъ какъ ученіе это прямая противоположность того, котораго придерживается демократія. Въ ученіи этого меньшинства сказывается идея избранности, ограниченное число, у нихъ господствуютъ способности, которыя всегда въ меньшинствѣ, въ демократіи же преобладаетъ число, количество вмѣсто качества. Въ Греціи первое мѣсто принадлежитъ головѣ, а не членамъ и желудку.

Барантъ. Мененій-Агриппа былъ одного съ вами мнѣнія.

Пушкинъ. Всѣ древнія республики, равно какъ и итальянскія, придерживались одинаковаго принципа. Демократія предполагаетъ правленіе въ рукахъ не только большинства, но всѣхъ; логически говоря, таково должно быть ученіе демократовъ, но въ примѣненіи оно невозможно. Олигархія предполагаетъ правленіе въ рукахъ ограниченнаго числа, но съ собраніями, съ избранными, съ избирателями тотчасъ возникаетъ борьба двухъ партій и если верхъ возьметъ большинство—меньшинство уже не имѣетъ болѣе голоса въ управленіи народомъ и оно побѣждено. Между тѣмъ истинная демократія не можетъ логически давить меньшинство, если она только вѣрна своему ученію. Аристократія, т. е. дворянство по крови, наследственное, связанное съ владѣніемъ землей, просто произошло отъ семейныхъ патріарховъ, отъ главы каждой семьи. Понятіе о семьѣ, объ отцѣ, главѣ дома, понятіе аристократическое по существу. Слова: дворянство,

аристократія, отвѣчающія феодальнымъ понятіямъ, хотя болѣе древнія, чѣмъ германская аристократія, такъ какъ уже въ Римѣ существовали всадники и патриціи,—теперь стали достояніемъ гостинныхъ. Во все время были избранные, предводители; это восходитъ до Ноя и Авраама. Существуетъ одно основное положеніе: это, что міромъ управляла мысль; разумная воля единицъ или меньшинства управляла человѣчествомъ. Въ массѣ воли разъединены и тотъ, кто овладѣетъ ею, сольетъ ихъ во-едино. Роковымъ образомъ люди, при всѣхъ видахъ правленія, подчинялись меньшинству или единицамъ; такъ что слово демократія, въ извѣстномъ смыслѣ, представляется мнѣ безсодержательнымъ и лишеннымъ почвы. Великая революція, мнѣ кажется, это доказала.

Барантъ. А между тѣмъ это было торжество демократіи, равенства.

Пушкинъ. Только въ одномъ смыслѣ: по отношенію къ торжеству третьяго сословія надъ дворянствомъ и королевской властью, къ уничтоженію привилегій. Но провозглашеніе правъ человѣка было, собственно для народа, лишь фразой, точно также какъ и бывшія на эффектъ слова: «ступайте и скажите королю, что мы здѣсь волею народа!» и проч. Это была даже ложь, такъ какъ генеральныя штаты созвалъ король, а отнюдь не народъ въ полномъ составѣ, да и никакая хартія не предоставляла народу этого права. Единственныя права были: привилегіи дворянства, духовенства, льготы городовъ и третьяго сословія, буржуазіи, что еще не составляетъ народа. Народъ тогда получилъ земли, конфискованныя у дворянъ, которыя раздавались и даже продавались народу, буржуазіи. Но если исчезла десятина и нѣкоторые изъ видовъ налога на соль, народъ однако вездѣ еще удрученъ налогами и даже въ сильной степени; всегда будетъ существовать налогъ на собственность, да и все оплачивается: мостовыя, освѣщеніе, вода, право вѣзда въ города, ввозъ товаровъ изъ другихъ государствъ, дороги; для народа, который воображаетъ, что у правительства всегда есть деньги, требованія государственной казны, налоги всегда представляются притѣсненіемъ, такъ какъ онъ не хочетъ понять, что это одна изъ доходныхъ статей государства, съ помощью которыхъ приводится въ движеніе вся машина. Чѣмъ сложнѣе машина, тѣмъ дороже она стоитъ, и истинно демократическимъ дѣломъ было-бы—упростить пружины, чтобы снять бремя съ людей, дворянъ, буржуа и пролетаріатовъ, такъ какъ за поддержаніе машины платятъ все.

Барантъ. Это вѣдь всякаго сомнѣнія, и эта демократическая мѣра была-бы даже мѣрой консервативной.

Пушкинъ. Вотъ почему она кажется мнѣ полезной. Демократія, чтобы быть логичной, не должна конфисковать имѣнія гражданъ: такъ какъ права человѣка предполагаютъ равенство, то, продавая имѣнія, попавшія подъ секвестръ, прегрѣшали противъ равенства по отношенію къ части гражданъ. Прекрасно поступили, провозгласивъ права человѣка, но на практикѣ съ ними недостаточно соображались.

Соболевскій. Однажды, когда мы говорили о равенствѣ, Мериме мнѣ сказала: «Для двухъ третей лицъ, которыя объ этомъ толкуютъ, это значить: *я хочу быть выше тѣхъ, кто выше меня поставленъ*». Только и всего.

Барантъ. Это довольно вѣрно.

Пушкинъ. У грековъ было равенство, въ извѣстномъ смыслѣ; у нихъ люди мысли были равны, они были истинными властелинами: а между тѣмъ афиняне изгнали Аристидя; народъ рѣдко разсуждаетъ, а когда онъ править, онъ постоянно дѣйствуетъ подъ влияніемъ своихъ страстей. У нихъ были свои консерваторы, свои либералы, а городъ господствовалъ надъ всѣмъ, онъ все поглощалъ. Народныя движенія, жакерія, крестьянская война всегда исходили изъ проведенной по нимъ борозды; сельчанъ поднимаютъ обезземеленіе и голодъ, а отягудъ не политическія партіи. Они требуютъ лишь клочка земли, права свободнаго труда, безъ барщины, безъ десятины,—вотъ вамъ сельская демократія, и она истинная. Брутъ въ Римѣ не что иное, какъ олигархическій трибунъ, который возстаетъ противъ царя. Гракхи требовали аграрныхъ законовъ, права чисто экономическаго, но эти аграрные законы не предоставляли сельчанамъ политическихъ правъ. Римъ архи-олигархическій городъ; онъ въ своихъ гражданахъ видитъ лицъ привилегированныхъ; *римскій гражданинъ*—это почетный титулъ, почестъ. Это крайне аристократично. Ни народъ, ни рабы не имѣли въ Римѣ и въ Греціи истинныхъ правъ гражданства; въ Римѣ жрецы, всадники, *Patres Conscripti* были олигархами и милитаризмъ логически приводилъ къ цезаризму; впрочемъ, вездѣ были консерваторы, реакціонеры, демагоги, трибуны, и эти демократы, или такъ называемые защитники народа, проповѣдывали также реакціонные принципы, такъ какъ народъ по временамъ можетъ быть отличнымъ ретроградомъ, какъ напримѣръ наши старовѣры, которые не что иное—и это именно въ народной средѣ. Народъ вообще консервативенъ, хотя-бы онъ и не желалъ сохранить барщину и подати, налогъ на соль и десятину. Венеція. Генуя, Флоренція, несмотря на свои двѣ партіи,—олигархіи: никто меньше не гоняется за равенствомъ, чѣмъ эти мнимыя демократіи, греческія и итальянскія. Наши города, въ старину, нѣсколько унодобляются итальянскимъ городамъ, хотя въ Новгородѣ и Псковѣ и избираютъ предводителей и судей и избранные—бояре управляютъ избравшими ихъ; на нихъ даже ходили жаловаться въ Москву; бояре вели и торговлю, какъ итальянскіе патриціи въ Венеціи, Генуѣ, Флоренціи. Смирновъ давалъ мнѣ читать итальянскія хроники, и меня поразило это сходство; въ германской же Галзіи господствуетъ высшая буржуазія. Венеція титуловалась всепресвѣтлѣйшей республикой, а Новгородъ Великій именовалъ себя Господиномъ. Въ обѣихъ имперіяхъ, послѣ Римской имперіи, въ феодальныхъ королевствахъ, въ республиканскихъ олигархіяхъ слово *демократія* не

означаетъ *равенство*, и даже подъ этой демократіей не должно понимать народный элементъ вообще; преобладаетъ всегда третье сословіе.

Король нормандскій въ Бретани—первый баронъ королевства, и онъ понимаетъ это такъ широко, что возводитъ въ званіе пэра. Король французскій также создаетъ пэровъ, онъ первый дворянинъ королевства. Остановимся-ли мы на рыцарствѣ у саррациновъ, у нормановъ, на городскихъ головахъ или на патриціяхъ въ Испаніи, въ Португаліи, въ Нидерландахъ, во Фландріи, все основано на олигархическихъ принципахъ: парламенты и сеймы; даже во Франціи существуетъ дворянство меча и дворянство судейскаго плаща ¹⁾. Точно то же было и въ трехъ скандинавскихъ королевствахъ; но когда Норвегія утратила свою автономію, она одемократилась, сельскій элементъ возымѣлъ преобладаніе у этихъ древнихъ героевъ-пиратовъ, а въ Даніи, у другихъ пиратовъ-героевъ, верхъ взялъ буржуазный элементъ. О трехъ скандинавскихъ странахъ я узналъ различныя подробности отъ ихъ дипломатовъ; наиболѣе своеобразна Швеція; эти готы и норманы отнюдь не были демократами, но у нихъ есть палата крестьянъ. Въ Швеціи имѣются: риттеры, которые представляютъ свое сословіе и крупную поземельную собственность; буржуазія, которая представляетъ города, промышленность, торговлю; крестьяне, которые представляютъ мелкую поземельную собственность, часто нуждающуюся въ крупной; наконецъ духовенство, которое представляетъ сословіе воспитательное; а такъ какъ эта палата должна заниматься общественнымъ воспитаніемъ, имъ бы слѣдовало открыть въ нее доступъ и ученымъ мірянамъ. Четыре сословія имѣютъ свои палаты и я иногда себя спрашиваю: не есть-ли это чрезвычайно-практичная система.

Барантъ. Въ какомъ отношеніи кажется она вамъ особенно практичной, г. Пушкинъ?

Пушкинъ. Потому что каждое сословіе обсуждаетъ свои потребности, свои интересы, принимаетъ на себя прямую за нихъ отвѣтственность и основательно знаетъ свои нужды. Въ палатѣ депутатовъ, хотя бы ихъ было болѣе одного на каждую провинцію, всѣ интересы не такъ непосредственно представлены. Кандидатъ не прошелъ на выборахъ, положимъ кандидатъ сельскихъ избирателей, тогда преобладать будетъ городъ, да и вообще города имѣютъ больше представителей, чѣмъ села. Города поглощаютъ все и слишкомъ многое. Въ палатѣ риттеровъ и въ палатѣ крестьянъ земля представлена болѣе непосредственно; забываютъ, что она источникъ богатствъ, отводятъ слишкомъ большое мѣсто промышленности; скоро за нею останется львиная часть. Шведская система наиболѣе демократическая изъ всѣхъ парламентскихъ системъ, а хотя и наиболѣе консервативная,—въ этомъ ея преимущество. Избранные отъ крестьянъ—

¹⁾ Noblesse d'épée et noblesse de robe.

аристократія деревни. самые умные, самые полезные; я всегда желалъ съѣздить въ Стокгольмъ, чтобы видѣть палату крестьянъ въ дѣйстви.

Соболевскій. Испанія осталась ультра - аристократической; даже въ отношеніи нравовъ они держатся за свои привилегіи; кортесы явились у нихъ очень рано. Олигархія всегда дорожила своими льготами и вездѣ доставляла заботу королямъ. Во Франціи одинъ знаменитый мэръ былъ поборникомъ королевскихъ правъ, такъ какъ простолудины опирались на короля въ борьбѣ съ крупными вассалами.

Барантъ. Эпизодъ Этьена Марсея одинъ изъ самыхъ любопытныхъ, такъ какъ этотъ буржуа отнюдь не демократъ.

Пушкинъ. Третье сословіе никогда не было демократично, оно было только анти-аристократично; они часто держали сторону короля противъ крупныхъ вассаловъ, эти гг. буржуа.

Мятлевъ. Однако буржуазная демократія низвергла королевскую власть.

Пушкинъ. Не въ Англій; демократія была не при чемъ въ представленіяхъ Гампдена и Кромвеля: одинъ Мильтонъ написалъ свое *Defensio Populi*, но все эти люди англійской революціи вовсе не поклонялись равенству. Во Франціи часть аристократіи была болѣе демократична, чѣмъ третье сословіе; народъ, у котораго не было ни хлѣба, ни земли, прикнулъ къ ней, такъ какъ онъ не отличается добродушіемъ, когда голодець, а между тѣмъ движеніе въ Вандеѣ возникло въ сельской средѣ. Кадудаль былъ крестьянинъ. Низшее духовенство было демократическимъ потому, что епископы были такъ богаты: все тотъ-же экономическій вопросъ и онъ все болѣе и болѣе будетъ причиной всякой новой революціи. Третье сословіе восторжествовало въ 89-мъ году и изъ него образовалась буржуазная аристократія. Привилегіи уничтожили въ 89-мъ году, первый шагъ въ дѣлѣ равенства или демократія, но шагъ призрачный, такъ какъ исчезла одна феодальная аристократія; то, что ее замѣнило, отнюдь не проникнуто равенствомъ, хотя-бы и считалось демократическимъ.

Барантъ. Я съ вами согласенъ. Третье сословіе сдѣлалось новой аристократіей, безъ грамотъ и безъ родословнаго древа, но въ сущности ничто менѣе не говоритъ о равенствѣ. Демократія, въ томъ видѣ въ какомъ она существуетъ, отнюдь не означаетъ участіе народа въ дѣлахъ правленія, хотя-бы даже онъ и подавалъ голосъ на выборахъ; вотъ почему лѣвая и хочетъ расширить право голосованія: она находитъ его слишкомъ ограниченнымъ. Въ Англій право это расширено.

Николай. Реформъ-билль уничтожилъ такъ называемыя *милыя мѣстечки* ¹⁾, продажу мѣстъ, отнявъ мѣста у какихъ-нибудь трущобъ съ десятью и даже пятью тысячами жителей и увеличивъ число мѣстъ для представителей большихъ городовъ, которые были недостаточно представ-

¹⁾ Rotten boroughs.

лены; Манчестеръ, Бирмингамъ, Лидсъ, Ливерпуль имѣли слишкомъ мало членовъ въ парламентъ. Но Вилъе какъ-то говорилъ мнѣ, что цензъ слишкомъ высокъ, что менѣе чѣмъ черезъ 25 лѣтъ придется понизить его болѣе чѣмъ на одну треть.

Барантъ. Англичанинъ постоянно вырабатывается; онъ всю жизнь свою отдаетъ преобразованіямъ. Это характерная черта ихъ системы.

Мятлевъ. Древній міръ видалъ бунты рабовъ, которые подавлялись самымъ нещаднымъ образомъ; Римъ республиканскій или цезарскій не обнаруживалъ нѣжности къ такимъ людямъ, какъ Спартакъ. Изъ этого я, какъ и Пушкинъ, вывожу заключеніе, что они были жалкіе демократы, слабые поборники равенства, даже въ лицѣ своихъ трибуновъ, своихъ Брутовъ, своихъ агитаторовъ.

Вяземскій. Значить съ твоей точки зрѣнія, Пушкинъ, демократія лишь звукъ пустой?

Пушкинъ. Съ моей точки зрѣнія, чтобъ быть демократомъ недостаточно не имѣть частицы де и генеалогическаго древа. Это, мнѣ кажется, фактъ. Въ извѣстномъ смыслѣ это отвлеченное выраженіе; оно перестаетъ быть отвлеченнымъ, когда признаешь, что народъ имѣетъ до нѣкоторой степени право выражать свои желанія, свои потребности и избирать своихъ уполномоченныхъ. Наше вѣче, наши земскіе соборы пользовались этимъ естественнымъ правомъ; значить, нравы были демократическіе, но система удѣловъ и феодальный царизмъ, который боролся съ олигархами нашей думы, не имѣли въ себѣ ничего демократическаго.

Барантъ. У васъ былъ совѣтъ аристократовъ?

Пушкинъ. Да, боярская дума; но если тамъ разсуждали, подавали голосъ, контрсигнировали указы царей, такъ какъ дума ведетъ свое начало отъ временъ царизма, то вѣче, которое созывалось старшими князьями, а также и младшими въ ихъ удѣлахъ, посадниками, чѣмъ-то въ родѣ средневѣковыхъ итальянскихъ Подеста, выборными, въ вольныхъ городахъ, это вѣче состояло изъ всѣхъ гражданъ, но его созывали въ особыхъ случаяхъ; эти русскіе форумы не управляли страной и дума также не управляла: она служила цѣлямъ административнымъ, такъ какъ въ то время у насъ не было бюрократіи. Болѣе древніе удѣльные князья, засѣдавшіе въ думѣ, не имѣли политическихъ правъ.

Барантъ. Тамъ засѣдали по праву рожденія?

Пушкинъ. Да, но цари сажали туда также лицъ, послужившихъ государству на войнѣ или въ посольствахъ, а также думскихъ дяковъ, равно какъ и простыхъ дворянъ, такъ какъ это были образованные люди того времени. Какъ видите, система была смѣшанная. Михаилъ Романовъ посадилъ въ думу мясника Козьму Минину въ награду за его заслуги.

Барантъ. Онъ возвелъ его въ дворяне?

Пушкинъ. Нпчуть. Петръ Великій—первый государь, возводившій у насъ въ служилое дворянство.

Барантъ. Этотъ мясникъ оставилъ потомство?

Пушкинъ. Нѣтъ, если и существуютъ Минины, они не отъ него пошли.

Барантъ. Петръ Великій былъ, кажется, большой демократъ?

Пушкинъ улыбнулся: «Да, порядочный, но дума умирала естественной смертью; тамъ постоянно спорили пзъ-за мѣсть, и старшій братъ Петра даже сжегъ знаменитыя разрядныя книги, такъ какъ тамъ засѣдали по старшинству, и бояре, которыхъ сажали въ думу царя, сядились ниже прочихъ. Петръ былъ демократомъ въ широкомъ смыслѣ слова. Онъ понималъ, что люди выдающіеся, люди талантливые часто также выходятъ пзъ массы и что геніи проявляется во всякой средѣ; эти пзбранные и составляютъ умственную аристократію, такъ какъ они уже вышли изъ своей среды; въ этомъ смыслѣ неравенство, значить, не полное, такъ какъ эти люди возвышаются надъ своей природной средой. Въ сущности говоря, неравенство есть законъ природы. Въ виду разнообразія талантовъ, даже физическихъ способностей, въ человѣческой массѣ нѣтъ единообразія; слѣдовательно, нѣтъ и равенства. Былъ у насъ одинъ поэтъ, самый первый, онъ былъ также и научнымъ геніемъ, это Ломоносовъ, сынъ крестьянина, архангельскаго рыбака.

Барантъ. Въ какое время онъ жилъ?

Пушкинъ. Онъ родился при Петрѣ I и умеръ въ царствованіе Екатерины II.

Барантъ. Одинъ пзъ папъ былъ сыномъ англійскаго пастуха, другой—сыномъ птальянскаго свинопаса и Шекспиръ—тоже сыномъ пастуха. Конечно, у этихъ людей не было ничего общаго съ ихъ средой, также какъ и у вашего Ломоносова.

Пушкинъ. Да, они были равны всѣмъ олигархамъ и даже сынъ пастуха и сынъ свинопаса повелѣвали императорами и королями. Въ столь опредѣленной іерархіи церкви, которая допускаетъ въ ряды своихъ служителей крестьянина и принца, мы видимъ идеаль равенства, но съ различіемъ въ смыслѣ должностей, обязанностей, а, слѣдовательно, и правъ. Всѣ эти іерархическія ступени имѣютъ своей исходной точкой — равенство, такъ какъ сынъ мужика можетъ сдѣлаться епископомъ и даже папой, послѣдствіемъ же ихъ является избраніе достойнѣйшаго; вотъ такъ-то я и понимаю равенство и демократію, причемъ это нисколько не мѣшаетъ пзбраннымъ быть цвѣтомъ даннаго общества — аристократіей.

Соболевскій. Это стало возможнымъ, какъ только священство перестало быть кастой, когда исчезла замкнутая каста еврейскихъ левитовъ. Какъ только у народа образуется цвѣтъ общества пзъ мыслителей, ученыхъ, писателей, художниковъ, полководцевъ, государственныхъ людей,

будь они по рожденію аристократы, буржуа или крестьяне, изъ нихъ неизбежно образуется аристократія.

Пушкинъ. Пока люди образованные были лишь въ рядахъ служителей церкви, въ монастыряхъ, до міромъ, то-есть королями, рыцарями, буржуа, главами государствъ, императорами управляла церковь. Съ Карломъ Великимъ папство еще могло столковаться, такъ какъ обѣ власти, по степени цивилизаціи, были близки другъ къ другу, но церковь, болѣе ученая, преобладала нравственно. Когда дворянство начало преуспѣвать по части образованія, оно стало играть новую, политическую роль по отношенію къ королямъ, которые тоже дѣлались цивилизованныѣ; затѣмъ за книгу засѣло третье сословіе и тотчасъ-же стало стремиться къ тому, чтобы сбросить съ себя иго; въ XVIII вѣкѣ французская аристократія стала легкомысленной, утратила свою умственную силу и подпала подъ влияніе очень образованнаго третьяго сословія, съ которымъ болѣе серьезные аристократы естественно пришли къ соглашенію.

Если народъ черезъ сто лѣтъ станетъ тѣмъ, чѣмъ было во Франціи третье сословіе въ 1789 году, онъ получитъ преобладаніе въ силу своей цивилизаціи и вмѣстѣ своей численности; это будетъ третья аристократія, умственная. Но пока существуетъ аристократія денежная, плутократія, и она господствуетъ въ обществѣ, которое сдѣлалось буржуазнымъ. Теряетъ тутъ, главнымъ образомъ, буржуазія, такъ какъ преобладаніе получается уже не въ силу ума, а въ силу денегъ.

Вяземскій. Ты думаешь, что народъ, масса, черезъ сто лѣтъ сможетъ играть роль третьяго сословія и что большинство будетъ образованнымъ?

Пушкинъ. Нѣтъ, никогда не бываетъ умственно-развитого большинства ни среди аристократіи, ни среди буржуазіи, ни среди народа сельскаго или городского, какъ не бываетъ въ школѣ большинства прележныхъ и умныхъ учениковъ. Но, въ сущности, революціи всегда затѣвало меньшинство, всѣ переменны къ добру или худу; толпа шла по стопамъ его, какъ панургово стадо. Чтобъ убить Цезаря, нужны были только Брутъ и Кассій, чтобъ убить Тарквинія, было достаточно одного Брута. Для преобразования Россіи хватило силъ одного Петра Великаго. Наполеонъ, безъ всякой помощи, обуздалъ остатки революціи и, какъ ни говорите, г-жа Тальенъ сломила Робеспьера; быть можетъ, это было предопредѣлено рокомъ, имъ уже тяготились, но все же единицы или крайне незначительныя меньшинства совершили всѣ великія дѣла въ исторіи. Кромвель, Генрихъ IV, Карлъ V, Густавъ-Адольфъ, Вильгельмъ Молчаливый, Густавъ Ваза, Григорій VII, множество папъ и государей дѣйствовали въ одиночку, по крайней мѣрѣ ихъ воля создавала, разрушала, преобразовывала. Ничто не можетъ быть любопытнѣе исторіи святыхъ, этихъ людей съ чрезвычайно сильной волей; возьмемъ для примѣра св. Франциска Ассизскаго, или св. Доминика, или св. Бруно. Начатое ими

дѣло живо до сихъ поръ. Возьмемъ Лойолу и, наконецъ, Иоанну д'Аркъ, а у насъ Козьму Минина, нижегородскаго мясника. За этими людьми шли, ихъ поддерживали, но первое слово всегда было сказано имъ. Все это является прямой противоположностью демократической системѣ, не допускающей единиць — этой естественной аристократіи, которая ведетъ за собой массы, управляетъ ими, направляетъ ихъ. Впрочемъ, слова: аристократія, дворянство, олигархія имѣютъ различныя значенія и всякій придаетъ имъ то, какое соотвѣтствуетъ его понятіямъ. Не думаю, чтобъ міръ могъ увидѣть конецъ того, что исходитъ изъ глубины человѣческой природы, что, кромѣ того, существуетъ и въ природѣ — неравенства. Но очевидно, что несправедливыя неравенства должны исчезнуть; впрочемъ, передъ закономъ всѣ равны, хотя у насъ извѣстныя наказанія и не существуютъ для дворянства; съ другой стороны, съ тѣхъ поръ какъ Петръ Великій сталъ давать дворянство, государи могутъ и лишать дворянства.

Николай. А англійскіе короли, которые во всѣ времена возводили въ званіе пэра, начиная съ Вильгельма Завоевателя, также во всѣ времена налагали запрещеніе на это званіе и снимали его съ недостойныхъ.

Пушкинъ. И это въ странѣ людей до такой степени независимыхъ — дѣйствительно довольно любопытно. Эта королевская привилегія еще держится въ странѣ, гдѣ королевская власть ограничена.

Барантъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ англійскій пэръ еще судится равнымъ себѣ.

Николай. И формула, употребляемая пэрами въ такихъ случаяхъ, чрезвычайно характерна; они не принимаютъ присяги, хотя въ обыкновенныхъ судахъ, въ качествѣ свидѣтелей, присягаютъ, но когда они судятъ, они утверждаютъ: «*по чести*».

Пушкинъ. Это я запишу, это очень характерно.

Онъ обратился къ Баранту:

— Извѣстна-ли вамъ формула древне-русской присяги, она также очень характерна?

Барантъ. Нѣтъ, мы такъ мало знаемъ исторію Россіи до Петра Великаго.

Пушкинъ. «*Да будетъ мнѣ стыдно*», подразумѣвалось: «если я лгу, если я нарушу свою клятву».

Барантъ. Совѣмъ по-рыцарски, это я также запишу. Хотѣлось-бы мнѣ составить небольшой курсъ русской исторіи.

Вяземскій. Исторія Карамзина была прекрасно переведена еще въ 1829 году и даже изданіе очень хорошее. Оно должно существовать въ Парижѣ.

Барантъ. Очень радъ это слышать. Изданіе это полное? Что говорить онъ о Петрѣ Великомъ?

Вяземскій. Онъ умеръ въ 1826 году, окончивъ 12-й томъ; онъ оста-

вилъ томъ замѣтокъ; гораздо ранѣе онъ писалъ о царѣ Алексѣѣ, отцѣ Петра Великаго, и о немъ самомъ, чтобъ опровергнуть мнѣніе Леклерка, но исторія его останавливается на паденіи Лже-Дмитрія и на избраніи Василя Шуйскаго частью бояръ. Онъ процарствовалъ только восемь мѣсяцевъ и его силою заточили въ монастырь. Карамзинъ подготавливалъ свои замѣтки для исторіи избранія Михаила Романова.

Барантъ. Какія права имѣлъ онъ на престолъ? Кто его избралъ?

Пушкинъ. Его бабушка была сестрой Іоанна Грознаго, вышедшей за боярина Романова, а слѣдовательно принадлежала къ старшей линіи, такъ какъ у насъ сыновья младшихъ братьевъ должны были уступать первенство дочерямъ старшаго брата. Земскій соборъ, это родъ русскихъ генеральныхъ штатовъ, куда всѣ сословія присылали своихъ уполномоченныхъ, избралъ его, даровавъ ему хартію, такъ какъ за него были родословныя книги; иначе говоря, онъ избранъ по праву происхожденія отъ старшей линіи. Ему было 17 лѣтъ, онъ желалъ поступить въ монастырь, и онъ — дѣдъ Петра Великаго.

Барантъ. Это очень любопытно: народное голосованіе, всеобщая подача голосовъ, опирающаяся на право происхожденія и старшинства. Значить—это избранникъ народа, который признаетъ за нимъ его права на престолъ. Этого нигдѣ болѣе не было, такъ какъ избраніе перваго англійскаго Тюдора состоялось послѣ побѣды; но они однако женили его на послѣдней изъ рода Плантагенетовъ. Нѣкоторое сходство есть.

Пушкинъ. Очень много общаго между Іоанномъ Грознымъ и Генрихомъ VIII: то-же число женъ, та-же непринужденность по отношенію къ духовенству, къ боярамъ и та-же тонкость казуистики: оба пускались въ чрезвычайно утонченное богословіе.

Соболевскій. Въ своей трагедіи «Борисъ Годуновъ» Пушкинъ назвалъ Ивана IV «гнѣвъ вѣнчанный».

Барантъ. Какое дивное названіе! А этотъ Годуновъ, какова была его роль?

Пушкинъ. Онъ изучалъ искусство царствовать подъ руководствомъ Ивана IV, былъ правителемъ его сына Θεодора, награждалъ насъ крѣпостнымъ правомъ, былъ избранъ на царство духовенствомъ и боярами. Народъ стоялъ за него, такъ какъ царя не было, и Годуновъ заточилъ въ монастырь отца и мать Михаила Романова, запятаннаго въ монастырь въ раннемъ дѣтствѣ. Борисъ былъ человекъ очень тонкій, большой политикъ, личность крайне замѣчательная. По его наущенію былъ убитъ младшій сынъ Ивана IV, котораго воскресили подъ именемъ Дмитрія черезъ семь лѣтъ послѣ помазанія Бориса на царство. Годуновъ умеръ до вступленія претендента въ Москву. Дмитрій этотъ процарствовалъ одиннадцать мѣсяцевъ; онъ былъ убитъ; явился второй Дмитрій; вспыхнула междоусобная война; поляки осадили Москву и Троицкую лавру и

вотъ тогда-то и явился нижегородскій мясникъ, посланный, какъ онъ говорилъ, св. Сергіемъ, основателемъ монастыря св. Троицы. Онъ сталъ проповѣдывать войну, бросился къ ногамъ князя Пожарскаго, который командовалъ войскомъ, и исторія прозвала ихъ *спасителями отечества*. Избраніе состоялось въ 1613 году. Москву наконецъ отвоевали; Наполеонъ вступилъ въ нее 200 лѣтъ спустя, въ 1812 г. Поляки сожгли Москву, разграбили ее; она всегда возрождается изъ-подъ пепла, татары ее тоже жгли и грабили.

Барантъ. Такъ крѣпостное право у васъ существуетъ не съ древнихъ временъ?

Пушкинг. Годуновъ прикрѣпилъ крестьянина къ землѣ въ 1593 году; онъ заимствовалъ крѣпостное право изъ Польши. Въ старину у насъ рабами были только военно-плѣнные, да крестьяне нанимались пожизненно и даже дѣтей своихъ отдавали внаймы на этихъ условіяхъ, чтобъ уплачивать долги, но они владѣли землей и могли отправляться на работу куда имъ заблагоразсудится.

Барантъ. Я васъ какъ-нибудь попрошу сообщить мнѣ нѣкоторыя подробности относительно крѣпостного права, его цѣлей и законовъ.

Пушкинг. Когда угодно. Цѣль была экономическая, главнымъ образомъ имѣлась въ виду государственная казна. Но отъ этихъ подробностей дамы будутъ звать; я сообщу вамъ ихъ въ другой разъ.

Тутъ я замѣтила: Государь страстно желаетъ уничтоженія крѣпостного права.

Барантъ. Неужели! Это произвело-бы громадный экономическій переворотъ, реорганизацію права собственности. Что скажетъ дворянство? Такъ какъ мнѣ извѣстно, что одни дворяне имѣютъ крѣпостныхъ.

Пушкинг. Все, что я знаю, это, что всякій, кто объ этомъ серьезно думаетъ, противъ крѣпостного права; дворянство даже протестовало противъ указа Годунова; въ московскихъ архивахъ имѣются документы, которые подтверждаютъ этотъ фактъ. Крѣпостное право тяготитъ насъ всѣхъ, такъ какъ оно безнравственно, ненавистно, унижительно. Спросите этихъ господъ: согласны-ли они со мной?

Вяземскій. Въ Германіи оно было отмѣнено только послѣ 1820 года.

Барантъ. До 1789 года у насъ были крѣпостные, приписанные къ королевскимъ владѣніямъ, къ аббатствамъ, были и остатки крѣпостного права въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, въ видѣ такъ называемыхъ «*правъ господина*». Крѣпостное право существовало повсемѣстно. Въ Англии оно перестало существовать скорѣе, чѣмъ было уничтожено; бароны обязаны были поставлять воиновъ, равно какъ и епископства и аббатства, но крѣпостныхъ не продавали, а между тѣмъ англійскій крестьянинъ никогда не владѣлъ клочкомъ земли; даже домъ, въ которомъ онъ живетъ — онъ панимаеть.

Пушкинъ. Рабство, крѣпостное право, все это несомнѣнно должно было исчезнуть съ появленіемъ христіанства; это—язычество, аномалія въ христіанскомъ обществѣ.

Вяземскій. Потому что христіанство главнымъ образомъ демократическое ученіе.

Пушкинъ. Да, знаю, это политическій ярлыкъ, которымъ его награждаютъ съ тѣхъ поръ, какъ якобинцы прозвали Иисуса Христа санкюлотомъ-патріотомъ. Это ложь, это даже нелѣпость—Его переряживать въ якобинца и въ демагога!

Вяземскій. Не станешь же ты меня увѣрять, что Онъ былъ аристократомъ, хотя и повелѣлъ отдавать кесарево кесарю, да и жилъ Онъ среди бѣдныхъ, среди смиренныхъ.

Пушкинъ. Согласенъ, но Онъ никогда не отталкивалъ другихъ, они его оттолкнули.

Вяземскій. Апостолы были простолюдинами.

Пушкинъ. Это фактъ; то были избранники, но кто тебѣ сказалъ, что они были избраны потому, что были простолюдины? Замѣть въ то же время, что волхвы (цари) поклонились Ему ранѣе народа, хотя пастухи и были при этомъ. Это и доказываетъ, что Онъ пришелъ для царей, для мудрецовъ, для простыхъ людей, для всего рода человѣческаго. Когда я читаю Евангеліе, меня всегда поражаютъ нѣкоторые, чрезвычайно знаменательные факты, относящіеся къ тѣмъ, кто исповѣдалъ Его, и къ апостоламъ. На этомъ повѣствованіи лежитъ печать такой великой правдивости. Писавшіе Евангеліе не скрыли слабостей апостоловъ, даже ихъ сомнѣній въ началѣ ихъ дѣйствій, и это-то и придаетъ разсказу громадное нравственное значеніе, такъ какъ восхваленіе апостоловъ доказало бы мнѣ только, что разсказъ вымышленный. Эти повѣствованія дышатъ величавой искренностью, а такъ какъ истина не нуждается въ защитѣ, то евангелисты отъ нея и не уклонились.

Де-Барантъ. Не укажете-ли вы намъ на тѣ факты, которые васъ особенно поразили?

Барантъ, повидимому, былъ очень удивленъ оборотомъ, который принялъ разговоръ, и чрезвычайно заинтересованъ отвѣтомъ Пушкина: мы, т. е. Алина, Мари и я, переглянулись; Пушкинъ обратился ко мнѣ: «Не находите-ли вы, что я слишкомъ много говорю и все одинъ. Это нескромно».

Я отвѣчала: «Никто здѣсь на это не жалуется: я увѣрена, что всѣ желаютъ васъ слушать».

Всѣ просили его продолжать. Онъ колебался, на минуту задумался, и рѣшился.

«Прежде всего Благовѣщеніе (послѣ чрезвычайно подробной родословной) и отвѣтъ Богородицы «Се раба Господня»... Уже въ этомъ согласіи она исповѣдуетъ Его; ея двоюродная сестра Елисавета исповѣдуетъ Его нѣсколько позже и пресвятая Дѣва отвѣчаетъ: «Величить душа моя

Господа»; все это величание—самая возвышенная рѣчь, которая когда-либо вылилась изъ души человѣческой. Затѣмъ приходять поклониться ему волхвы, потому что, если пастухи тутъ и были, они еще не *«проникли въ Тайну»* они видятъ, но не знаютъ. Во храмѣ Его исповѣдуютъ Симеонъ и Анна. Всѣ тѣ, которые исповѣдывали Христа рождаемаго, были люди образованные, которые размышляли надъ пророчествами и жили во храмѣ. Св. Іоаннъ, сынъ священника Захаріи, исповѣдуетъ Его словами: «Се Агнецъ Божій». Что особенно демократическаго въ этихъ фактахъ и въ этихъ людяхъ, мужчинахъ и женщинахъ: что Іосифъ былъ плотникомъ? но онъ изъ рода Давидова, какъ Марія и родственница ея Елисавета. Генеалогія, я полагаю, что-нибудь да доказываетъ? Апостолы, которые за Нимъ послѣдовали, простолюдины, но не доказано, чтобы всѣ они были низкаго происхожденія. Упоминается лишь о Петрѣ и Андрѣ, называя ихъ: «галилейскіе рыбаки»; о происхожденіи прочихъ не говорится ровно ничего. Іуда его предаль, Оома долженъ былъ осязать, чтобъ видѣть, Филиппъ его не понималъ, Петръ отъ него отрекся, тотъ самый Петръ, который прославилъ Его ранѣе прочихъ, назвавъ Его: «Сыномъ Бога живаго!» И тотчасъ же Іисусъ Христосъ сказалъ ему, что только потому что Отецъ, Духъ Святой вдохновилъ его, Онъ говорилъ устами Петра, а отнюдь не потому, что Симонъ, сынъ Іонинъ, былъ рыбакъ галилейскій. Іисусъ отрываетъ его и Андрея отъ ихъ промысла, чтобы сдѣлать ихъ «ловцами человѣковъ»; изъ Петра же Онъ дѣлаетъ нѣчто гораздо большее: главу священства, церкви, Онъ облачаетъ его властью. Петръ—избранный изъ двѣнадцати. Одинъ Іоаннъ послѣдовалъ за Нимъ до Голгофы, такъ какъ онъ любилъ Его превыше всего, а Іоаннъ, который писалъ по-гречески, великій прозорливецъ Патмосскій не былъ невѣжественнымъ простолюдиномъ, равно какъ и апостоль Павелъ, апостоль Лука и прочіе евангелисты. Апостоль любви. Св. Іоаннъ долженъ былъ, преимущественно передъ другими, воплощать въ себѣ типъ Пророка, такъ какъ любовь есть *«свѣточъ души»*. Петръ былъ вдохновенъ ранѣе другихъ; несмотря на свои сомнѣнія, на свои паденія, онъ олицетворяетъ собой человѣчество и милосердіе Божіе, коль скоро душа откроетъ Богу доступъ къ ней. Привыкли какъ-то называть ихъ галилейскими рыбаками, но что знаемъ мы о ихъ происхожденіи? Если не считать Петра и Андрея, ровно ничего. Коль скоро они получили даръ Святого Духа, они проповѣдуютъ, обращаютъ въ христіанство и, если мы вѣримъ, это должно имѣть рѣшающее значеніе. Дѣйствія ихъ становятся сверхъестественными, за исключеніемъ Петра въ одномъ только случаѣ, лишь по сошествіи Св. Духа. И Іисусъ Христосъ тотчасъ же указалъ на непосредственное внушеніе, ниспосланное Петру; онъ не сказалъ ему, что внушеніе это связано съ его званіемъ бѣднаго рыбака. Эти факты, по моему мнѣнію, достаточно знаменательны; они мнѣ доказываютъ, что галилейскіе рыбаки и люди ученые, какъ волхвы, Савлъ

Тарсянинъ, одинъ изъ аристократовъ синагоги, Иоаннъ, сынъ священника Захаріи, и евангелистъ Иоаннъ, ученость котораго не можетъ подлежать сомнѣнію, могутъ въ равной мѣрѣ быть призваны, избраны, безъ всякаго вниманія къ ихъ общественному положенію; но это мнѣ не доказываетъ, чтобы необходимымъ условіемъ было—быть простолюдиномъ, ремесленникомъ и чтобы вдохновенность или святость составляли исключительный удѣлъ одного класса, въ ущербъ всемъ остальнымъ. Иисусъ работалъ, какъ и Иосифъ (который изъ рода Давидова), всю жизнь и съ цѣлью *поднять* челоуѣчество; его стругъ *облагородилъ* трудъ и бѣдность, но и только. На трудъ тогда смотрѣли какъ на нѣчто унизительное, работникомъ былъ рабъ, надо было поднять его, *возвратить ему его достоинство*. Вотъ, на мой взглядъ, значеніе струга Иисуса Христа. Я не силенъ въ богословіи, я могу ошибаться, я просто дѣлюсь съ вами своими мыслями. Бѣдность также должна была быть выведена изъ своего уничиженія, до нашихъ дней ее унижаетъ общество, которое, однако, почитаетъ себя христіанскимъ.

Вяземскій. И ты изъ этого заключаешь?..

Пушкинъ. Что демократія тутъ не при чемъ. Главнѣйшій фактъ—появленіе волхвовъ, царей, мудрецовъ, которые приходятъ поклониться Ему и принести Ему дары. А при концѣ два богатыхъ челоуѣка, два аристократа того времени, Иосифъ Аримаеѣйскій и Никодимъ покупаютъ гробъ и хоронятъ Его. Итакъ не слѣдуетъ злоупотреблять Христомъ на пользу богатымъ или бѣднымъ, какъ не должно говорить, что Онъ одобрялъ Тиверіа, когда приказывалъ воздавать кесарево кесарю. Надо видѣть въ немъ Спасителя всѣхъ челоуѣковъ, ибо, чтобы спасти ихъ, надо было ихъ всѣхъ любить. Безъ этого Онъ не былъ-бы Искупителемъ, Богочелоуѣкомъ.

Барантъ смотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ; *этотъ* Пушкинъ былъ ему неизвѣстенъ, онъ не читалъ ни Пророка, ни другихъ стихотвореній въ томъ-же духѣ.

Настало молчаніе. Пушкинъ всталъ и пошелъ разсматривать какую-то картину. Спустя нѣсколько времени, Барантъ сказалъ мнѣ очень тихо:

— Я и не подозрѣвалъ, что у него такой религіозный умъ, что онъ такъ много размышлялъ надъ Евангеліемъ; для меня—это чистое откровеніе. А какъ онъ хорошо говоритъ, съ какимъ чувствомъ мѣры! Какой ораторъ-бы изъ него вышелъ; онъ увлекалъ-бы за собой толпы, онъ краснорѣчивъ отъ природы. Мнѣ говорили, что Государь цѣнить его чрезвычайно высоко, я это слышалъ отъ Фикельмона.

Я отвѣчала: Государь сказалъ Блудову въ 1826 году, послѣ своего перваго свиданія съ Пушкинымъ, которому тогда было 26 лѣтъ: «Сегодня утромъ я бесѣдовалъ съ самымъ замѣчательнымъ челоуѣкомъ въ Россіи».

Барантъ благодарилъ меня за то, что я его пригласила побесѣдовать въ тѣсномъ кружкѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Extraits des carnets de souvenirs d'Alexandrine Smirnoff née de Rosset d: 1826 à 1845.

Soirée fort agréable chez moi grâce aux personnages des deux sexes pour parler comme les povesky des Hof-fourriers ¹⁾.

En comptant mon mari ils étaient sept: Wiasemskoy d'une humeur charmante, car il avait bien dormi ²⁾, Miatleff, Sobolewsky, mon frère Clément, Pouschkine, Mr. de Barante; pour le beau sexe moi, Aline Dournoff, Marie Elmpt ³⁾.

Pour ne pas répéter un tel a dit ceci ou cela (ce qui m'ennuie) je vais écrire la conversation comme dialogue de théâtre; Pouschkine a beaucoup ri quand je lui ai fait voir des notes que j'ai faites ainsi et il m'a dit: «Wiasemskoy a raison de vous appeler M-me Von-Wisin», à quoi j'ai répondu: «Il y a une légère différence et même deux. J'inscris ce que disent les autres, Von-Wisin a composé lui-même ses dialogues. J'inscris ce que disent des gens d'esprit et lui il a inscrit ce que disaient des Prostakoff, des Skotinine, des Zyphirkine, des Mitrofane, des Kouteykine».

«Qu'il a entendus et vus, m'a répondu Pouschkine, sans cela il n'aurait pas fait de bonnes comédies».

Hier soir Miatleff a dit le prologue quand j'ai déclaré que nous serions les personnages muets et que les sept sages masculins devaient causer et nous les écouterons.

Miatleff a riposté: «Vous êtes trois, comme les grâces, alle gute Dinge sind drei. Vous direz un mot de temps en temps, vous poserez une question, belle dame, ce seront les petits fagots qu'on met dans la cheminée pour ranimer le feu. Et vos beaux yeux sont les astres qui mettront le feu à notre éloquence».

J'ai répondu: «Les astres n'incendient pas, les étincelles mettent le feu».

¹⁾ Qui portent les invitations.

²⁾ Wiasemskoy souffrait d'insomnies souvent.

³⁾ Elle était à la cour de la G-de D-sse Héléne.

«Madame, les astres sont incendiaires aussi quand ce sont des diamants noirs».

Mr. de Barante lui a dit: «Bravo, M-r de Miatleff, voilà qui est du dernier galant».

J'ai élevé la voix pour mettre un petit fagot dans le feu de leur éloquence pour changer le prologue en conversation. J'ai demandé à M-r de Barante s'il croyait que l'agitation des ouvriers en Angleterre était une chose très sérieuse, et si on s'en inquiétait à Paris. Mon mari m'avait dit que la question était économique, parceque les anglais ne sont pas du tout désireux d'établir l'égalité, que c'est leur moindre souci, mais ils sont très indépendants et pratiques dans toutes les classes. Ils cherchent à obtenir des *franchises*, c'est leur mot si anglais, et chaque classe a les siennes, ses droits, ses privilèges, et quand elles ne l'ont pas, elles les demandent et les défendent. Mais il ne s'agit pas d'égalité absolue. Du moins c'était ce qu'il avait vu en Angleterre quand il y était, dans son premier voyage, et quand il y était à l'ambassade quelque temps et même dans son dernier séjour très court. Mon mari a dit alors: «Il me semble que rien n'a changé encore sous ce rapport, du moins c'est l'opinion des messieurs de l'ambassade ici, c'est une agitation économique et nullement politique. Depuis le Reform bill il n'y a pas de nécessité pour un mouvement politique».

Barante. Vous êtes parfaitement renseigné. D'ailleurs il y a eu après le Reform bill un fait assez curieux, c'est que les whigs ont été battus par les tories, qui n'ont pas duré pourtant; mais le duc de Wellington a admis qu'une majorité très-petite après tout l'obligeait à quitter le ministère. C'est donc un simple vote des communs ou des pairs qui seul gouverne. C'est le principe complètement nouveau de leur parlementarisme depuis le Reform bill, parce qu'il n'y avait pas eu de nouvelles élections même».

Nicolas. «Le véritable parlementarisme n'a commencé en Angleterre qu'avec les Georges, c'est le début des ministres aussi, des véritables ministres qui créent les Pairies, ce qui était un des droits des souverains; il est entendu que le roi a conservé le droit, mais il est rare qu'il refuse un candidat recommandé par son Premier. Le roi peut même refuser de signer un Bill, il a ce droit et celui de dissolution, mais il ne l'exerce plus».

Barante. «La reine Anne a refusé sa signature à un Bill, c'est la dernière fois, Elisabeth a refusé sa signature aussi un jour».

Wiasemskoy. «Les femmes ont beaucoup de caractère parfois».

Miatleff. «Les royautés féminines ont du bon à mon avis; d'ailleurs elles règnent et gouvernent toujours, même sans couronne. Chez nous il y a eu deux grandes Impératrices. Je suis partisan de la royauté du beau sexe».

«Remerciez, Mesdames, a dit Sobolewsky, voilà Miatleff qui vous sacre souveraines».

On a ri de son ton et Pouschkine a dit: «Les femmes ont eu de si bons conseillers souvent, les rois ont eu des maitresses si indignes, qui les ont gouvernés».

Barante. «Pour le plus grand mal du royaume».

Wiasemskoy. «Une royauté féminine serait impossible en France, elle est contraire à la loi et aux mœurs».

Barante. «Aux mœurs surtout, car il n'y a pas de loi qui ait en effet écarté la femme du trône en France, quoiqu'on parle de loi Salique. C'est même assez original, en tous cas c'est latin, romain, ce n'est pas les Gaulois, ni les Franks, qui n'ont nullement imposé la loi Salique après tout».

Wiasemskoy. «Et en France la femme a joué un si grand rôle pour-tant; vous avez eu Velléda, S-te Geneviève, Clothilde, Blanche de Castille, Jeanne d'Arc et tant de femmes depuis le XV-ème siècle déjà. Mais leur rôle politique ne fut pas toujours utile depuis Louis XIV».

Barante. «C'est incontestable. Ce qui m'a frappé dans l'histoire de Russie justement c'est que les femmes y ont joué ce grand rôle depuis Pierre le Grand, les deux Impératrices. Et c'est le pays où les femmes ne parlent jamais de politique. Il faut vivre ici pour comprendre foule de choses qui sont restées des mystères pour nous autres, et qu'on a très mal interprété même».

Pouschkine. «De tout temps les femmes souveraines furent extraordinairement douées: Sémiramis, Zénobie, Cléopâtre, Marie Thérèse, Elisabeth Tudor, notre Elisabeth, Catherine II et même Catherine Skawronsky, Christine de Suède, quoiqu'elle fut extravagante sans contredit, la reine Louise de Prusse et même Catherine de Médicis, les reines de Navarre, Jeanne d'Albret, je dirais même Marie de Médicis et Anne d'Autriche, parce qu'après tout Mazarin a fini ce que Richelieu a commencé. Je crois aussi qu'on a beaucoup méconnu Marie-Antoinette, c'est la femme la plus calomniée du monde. On oublie trop qu'elle était fille de Marie-Thérèse, qui a tenu tête comme Elisabeth à Frédéric le Grand, qui l'a battu ferme, cet invincible Frédéric le Grand».

Barante. «Faites donc un livre sur les femmes, M-r. de Pouschkine, vous avez tant d'esprit critique; pour vous l'histoire n'est pas seulement une suite de faits, d'événements, elle est beaucoup plus».

Pouschkine. «Ce serait un livre à faire, la femme dans l'histoire, la femme souveraine, mère, femme, auteur, et l'influence de la femme sur les mœurs et sur la vie morale et intellectuelle. Mais j'ai autre chose en train. C'est à un français de faire ce livre, c'est le pays où les femmes en dépit de votre loi Salique ont régné sans gouverner».

Wiasemskoy. «Je me demande quelle espèce de reine sera cette jeune P-sse Victoria. Smirnoff, qu'en penses-tu, toi, qui a été en Angleterre?»

Nicolas. «Aussi constitutionnelle que le roi ¹⁾, elle est très douée et le roi cause avec elle; on m'a dit que Melbourne la trouve très intelligente; et comme le roi est un souverain très constitutionnel, le premier qui le soit en effet, elle suivra son exemple. Elle a beaucoup de caractère, m'a-t-il dit».

Barante. «Tant mieux pour l'Angleterre. Une femme a toujours une grande influence morale».

Wiasemskoy. «Croyez-vous que les anglais aient jamais un changement de régime?»

Barante. «C'est improbable, quoique tout soit possible; ils ont essayé de la république sous Cromwell et ils ont rappelé les Stuarts».

Pouschkine. «Parce qu'ils ont l'horreur de tout absolutisme, du moins c'est ainsi que je m'explique ce rappel et même l'appel à Guillaume d'Orange et aux Hanovriens peut-être, beaucoup plus qu'à cause du catholicisme, car Charles II était catholique après tout, sans l'être ouvertement».

Barante. «Cromwell était très absolu en effet et même violemment».

Pouschkine. «Il y a eu des absolutistes républicains et de tout temps. Les Jacobins sont plus absolus que tous les rois».

Sobolewsky. «L'étiquette ²⁾ n'y fait rien du tout.

Wiasemskoy. «Croyez-vous l'Angleterre menacée par la démocratie?»

Barante. «En tous cas elle a d'autres buts que sur le continent. Leur démocratie diffère totalement de la nôtre, elle a des buts économiques et ils feront encore de grandes modifications dans leurs moeurs politiques, mais très lentement, si même ils ont des émeutes d'ouvriers. Sa Majesté m'a fait l'honneur il y a quelque temps de me faire part de ce qu'il a observé des anglais, il me disait qu'il admire le bon sens politique de cette nation si indépendante, si patriotique et si dévouée à l'ordre, si soumise aux lois en général. J'ai été très frappé par tout ce que l'Empereur m'a dit du peuple anglais. J'ai appris qu'il y est allé fort jeune et a vu une célébrité Owen de Lanark, qui l'a même beaucoup intéressé».

Pouschkine. «Et il a beaucoup frappé Owen de Lanark qui l'a vu si jeune en 1814, il paraît qu'Owen a dit de lui: Il est né pour gouverner».

Barante. «En 1814 l'Empereur n'avait aucune chance de régner, je crois?».

Wiasemskoy. «Aucune, le Tzésarévitch Constantin était l'Héritier et pouvait se remarier à une Princesse et avoir des enfants».

Barante. «Cela prouve la perspicacité d'Owen de Lanark. Vous êtes sûr de ce fait?»

Pouschkine. «Le Prince Alexandre Galitzine l'a raconté en revenant de Londres, c'est un fait historique».

¹⁾ Guillaume IV vivait encore alors.

²⁾ Въ смыслѣ клочки вовсе не придворнаго этикета.

Clément. «Un diplomate a dit de l'Empereur qu'il avait même le physique de l'emploi».

Barante. «Le mot est très juste, il a une majesté singulière et unie à une simplicité classique. C'est l'homme le plus majestueux et le plus beau de l'Europe. Cette majesté impressionne, cette simplicité fascine. Je le crois très droit et sincère».

Clément, toujours enfant terrible, a murmuré: «Il est de fait qu'il n'a rien de bourgeois!» Mon mari et Pouschkine lui ont jeté des regards courroucés. J'ai aussitôt mis un petit fagot dans la cheminée, j'ai demandé à Barante son opinion sur l'avenir de la démocratie. Il a répondu: «Elle se transformera partout».

Pouschkine. «A mon avis la démocratie, telle qu'on l'entend, n'est qu'un mot».

Barante. «Ceci veut dire?..»

Pouschkine. «C'est très long à expliquer».

J'ai répondu: «On vous donne la parole, expliquez».

Pouschkine. «Vous voulez donc que je fasse un discours, ou un Essai à l'anglaise, ou un article sur le mot démocratie?»

Barante et les autres l'ont prié de faire un discours, et Aline Dournoff m'a dit en russe: «Il la définira bien mieux que tous les bavards dans les chambres». Marie Elmpt, qui admire beaucoup l'esprit de Pouschkine, m'a dit tout bas: «Il pense plus en dix minutes que les autres en dix jours. Barante, qui est très intelligent, disait à la G-de D-sse Hélène l'autre jour que ce poète est un grand penseur, il pense comme un homme d'Etat expérimenté».

Pouschkine. «On a divisé le monde en deux partis: les aristocrates et les démocrates, car ils existent en monarchie comme en république. Je vous préviens que mon discours sera long, arrêtez-moi quand vous en aurez assez».

Barante. «Ce sera quand vous aurez fini, je vous en préviens et tout le monde sera de mon avis».

Miatleff. «Faut-il voter?»

Nicolas. «Levons la main comme les anglais». On a ri et tout le monde a levé la main».

Clément. «Majorité absolue, la parole est à Pouschkine».

Pouschkine. «Il est bon de s'entendre sur le sens qu'on attache aux mots aristocratie et démocratie et même au lieu d'aristocratie je préfère oligarchie, ce qui est plus précis. Bien entendu qu'ils n'ont aucun sens réel dans les monarchies antiques et orientales où il n'y avait que des Souverains absolus et despotiques, ou des castes comme aux Indes. Xerxes, Attila, Tamerlan n'ont eu que des esclaves, des courtisans et pas de citoyens dans ces monarchies.

Les mots oligarchie et démocratie paraissent donc là où il y a eu des citoyens. Mais comme la vie antique en Grèce et à Rome fut basée sur l'esclavage, le peuple avait beau venir au forum, je ne vois pas de démocratie véritable dans ces républiques, puisqu'une partie des citoyens était esclave et qu'il fallait être affranchi pour devenir une façon de citoyen et même ayant des droits très limités. Sparte, une république militaire, avec des Ilotes, une discipline de fer, rigide et étroite, passe pour représenter en Grèce un gouvernement oligarchique et Sparte ne donne pas grand'chose à la pensée humaine. Mais ce n'est pas son aristocratie, ce sont ses moeurs militaires qui ont fait prédominer chez les Spartiates la vie musculaire sur la vie intellectuelle. Athènes passe pour la ville démocratique et on attribue à cela son influence sur le monde de la pensée; on croit y trouver le secret de son génie. C'est une erreur, car Athènes avait des esclaves aussi, ce qui est contraire à l'égalité démocratique.

Ce n'est pas parceque le système d'Athènes était plus démocratique que celui de Sparte, qu'elle a donné des penseurs, des philosophes, dont l'un—Aristote—n'a rien de démocratique, et l'autre—Platon—est contraire à l'égalité absolue, parcequ'il est un idéaliste qui veut bannir l'art de sa république et en même temps il fit son monde idéal et esthétique; sa république organisée sur la justice et la raison, réalisée dans l'idée de beauté. C'est l'antitype de l'idéal démocratique. D'ailleurs le siècle de Phidias, le siècle de Praxitèle et Apelles, le siècle de Périclès, Alcibiade et Aspasia n'ont rien de démocratique. Cette société lettrée et athénienne est essentiellement aristocratique. Toutes leurs oeuvres, d'Hésiode, le père-hiérophante, à Homère le rhapsode de la vie héroïque, jusqu'aux derniers poètes, dramaturges et orateurs n'offrent rien de l'idéal démocratique moderne. C'est le milieu le moins bourgeois qui soit au monde».

Mr. de Barante. «Je suis de votre avis».

Pouschkine. «Tous ces grecs sont des oligarques intellectuels, peu désireux de voir le bas peuple assimilé aux hommes qui gouvernent sur l'agora et le portique. Ce sont des citoyens, mais la plèbe est exclue de leurs conseils».

«D'ailleurs une minorité intellectuelle et artistique de citoyens ne sera jamais démocratique parceque la doctrine est l'antitype de la leur. Il y a le choix, le nombre restreint dans leur doctrine; les capacités, qui sont toujours en minorité, dominant chez eux. En démocratie c'est le nombre qui domine, la quantité au lieu de la qualité. En Grèce c'est la tête au lieu des membres et de l'estomac».

Barante. «Ménénius Agrippa était de votre avis».

Pouschkine. Toutes les républiques antiques et celles de l'Italie avaient le même principe. Démocratie suppose le gouvernement entre les mains

non seulement du plus grand nombre, mais de tous. Logiquement ceci doit être la doctrine des démocrates et dans l'application c'est impossible. Oligarchie suppose le gouvernement entre les mains d'un nombre restreint et même avec des assemblées, des élus, des électeurs, et aussitôt il y a deux partis en lutte et si la majorité l'emporte, la minorité n'a plus de voix au gouvernement de la nation et elle est subjuguée. Or, la démocratie véritable ne peut pas logiquement écraser des minorités si elle est fidèle à sa doctrine.

L'aristocratie, la noblesse du sang, héréditaire, qui tenait à la tenure du sol, est simplement dérivée du patriarcat, du chef de chaque famille. L'idée de famille, du père chef de maison est essentiellement aristocratique même. Les mots noblesse, aristocratie, qui sont choses féodales, mais plus anciennes que celle des germains puisqu'il y a eu le chevalier et le patricien romain, sont devenus des termes de salon à présent. De toute éternité il y a eu une élite, des chefs, cela remonte à Noé et à Abraham. Il y a un fait capital, c'est que c'est la pensée qui a régi le monde, les volontés intelligentes, des unités ou des minorités qui ont gouverné l'humanité. Dans la masse les volontés sont dispersées et ceux qui s'emparent d'elles les unissent. Fatalement les hommes sous tous les régimes ont subi des minorités ou des unités. De façon que le mot démocratie *dans un sens* me paraît vide de contenu et de réalité. La grande révolution l'a, je crois, démontré.

Barante. «Cependant ce fut le triomphe de la démocratie, de l'égalité».

Pouschkine. «Dans un seul sens, celui du tiers, sur la noblesse et sur la royauté, la fin des privilèges. Mais la proclamation des droits de l'homme ne fut, en ce qui regarde le peuple, qu'une phrase, et tout autant la phrase à effet: «allez dire au roi que nous sommes ici par le vœu de la nation, etcetéra. C'était même faux, car c'est le roi qui a rassemblé les Etats Généraux et nullement la nation en totalité, et aucune charte ne donnait ce droit à la nation. Les seuls droits étant les privilèges de la noblesse, du clergé, les franchises des villes et du tiers, de la bourgeoisie, ceci ne constitue pas encore la nation. Le peuple a obtenu alors des terres séquestrées aux nobles qu'on a données et vendues même au peuple, aux bourgeois. Mais si les dîmes ont disparu et certaines gabelles, le peuple est pourtant imposé encore et même fortement: la propriété sera toujours imposée et tout se paie: le pavage, l'éclairage, l'eau, les octrois, les péages, les routes; pour le peuple qui se figure que les gouvernements ont de l'argent, le fisc, l'impôt, paraît toujours une vexation, car ils ne se disent pas que c'est un des revenus de l'Etat pour faire aller la machine. Plus la machine est compliquée, plus elle coûte cher et la vraie démocratie serait de simplifier les rouages pour dégrèver les hommes, les nobles, les bourgeois et les vilains, car tout le monde paie pour entretenir la machine».

Barante. «Ceci est hors de doute et cette mesure démocratique serait conservatrice même».

Pouschkine. «C'est pourquoi elle me paraît utile. Une démocratie, pour être logique, ne doit pas confisquer les biens des citoyens, puisque les droits de l'homme supposaient égalité, or en vendant des biens séquestrés, on a manqué à l'égalité vis-à-vis d'une partie des citoyens. On a très bien fait de proclamer les droits de l'homme, mais dans l'application on les a méconnus alors.

Sobolwsky. «Un jour que nous parlions d'égalité Merrimé me disait: «Pour les deux tiers de ceux qui en parlent, cela veut dire: «je veux être au-dessus de mes supérieurs. Ce n'est pas plus que cela».

Barante. «Ceci est assez vrai».

Pouschkine. «Les grecs ont eu l'égalité, dans un sens, c'est que chez eux les hommes de la pensée furent égaux, ils étaient les maîtres véritables. Cependant les citoyens d'Athènes ont exilé Aristide, la plèbe ne raisonne pas souvent et quand elle gouverne, elle agit sans l'empire de ses passions sans cesse. Ils eurent leurs conservateurs, leurs libéraux et la cité a primé sur tout, elle a absorbé tout. Les mouvements populaires sont partis du sillon toujours; Jacquerie, guerre des Paysans, c'est la privation du sol et la famine qui soulève les ruraux et nullement des factions politiques. Ils ne demandent qu'un peu de terre, le droit du travail libre, moins de corvées, de dîmes, voilà la démocratie rurale et la vraie. Brutus à Rome n'est qu'un tribun oligarque qui s'oppose à un roi; les Gracches ont réclamé les lois agraires; un droit économique, mais elles ne donnaient *pas de droits politiques au rural* — ces lois agraires. Rome est la ville archi-oligarchique, elle fait de ses citoyens des privilégiés, c'est un titre honorifique, un honneur. C'est fort aristocratique. Ni la plèbe, ni les esclaves n'eurent à Rome et en Grèce de véritables droits de citoyens; à Rome le sacerdoce, le sénat, la chevalerie, les Pères conscrits sont des oligarques, et le militarisme aboutit logiquement au Césarisme. D'ailleurs partout il y a eu des conservateurs, des réactionnaires, des démagogues, des tribuns, et ces démocrates, ou ces soi-disant défenseurs du peuple, ont prêché aussi pour des principes réactionnaires, car le peuple peut être un fameux rétrograde de temps en temps, ainsi chez nous les Starovères ne sont pas autre chose et c'est dans le peuple justement. Le peuple est en général conservateur si même il ne désire pas conserver des corvées et des tailles, des gabelles et des dîmes. Venise, Gênes, Florence malgré ses deux factions, sont des oligarchies, rien de moins égalitaire que ces soi-disant démocraties grecques et italiennes. Nos municipes ont certaines analogies avec les cités italiennes, tout en élisant leurs chefs et leurs juges à Nowgorod et Pskoff, les élus sont Boyars et les gouvernent. Même on allait se plaindre contre eux à Moscou. Et les Boyars

furent du négoce comme les Patriciens d'Italie à Venise, Gènes, Florence. Smirnoff m'a donné à lire des chroniques italiennes et l'analogie m'a frappé, et dans la Hanse allemande c'est la Haute bourgeoisie qui domine. Venise s'intitule la Sérénissime république et Nowgorod le Grand s'intitule Monseigneur! Dans les deux Empires, après l'Empire romain, dans les royautés féodales, dans les oligarchies républicaines, le mot démocratie n'est pas de l'égalité et même cette démocratie n'est pas l'élément populaire en général, c'est toujours le *tiers* qui domine. Le roi normand en P. de Bretagne est le 1-er baron du royaume et il le comprend si bien qu'il crée des pairs. Le roi de France crée des pairs aussi, il est 1-er gentilhomme. Que ce soit la chevalerie Sarrasine, Normande, les Echevins ou les Patriciens, en Espagne, Portugal, Pays-Bas, Flandres, tout est basé sur des principes d'oligarchie, parlements ou diètes; même en France il y a noblesse d'épée et de robe. Il en fut de même dans les trois royaumes Scandinaves. Mais quand la Norvège perdit son autonomie elle s'est démocratisée; l'élément rustique a prévalu chez ces vieux pirates héroïques, et en Danemarck, chez les autres pirates héroïques, l'élément bourgeois a prévalu. J'ai eu des détails sur les trois pays Scandinaves par leurs diplomates. C'est la Suède qui est la plus originale, ces Goths et Normands ne furent nullement démocrates, mais ils ont une chambre des Paysans. Il y a le Ritter qui représente son ordre et la grande propriété foncière, le Bourgeois qui représente les cités, l'industrie, le commerce, les paysans qui représentent la petite propriété foncière, qui a besoin de la grande souvent, et le clergé qui représente l'ordre éducateur, et comme cette chambre doit s'occuper d'éducation publique ils devraient y admettre des savants laïques. Les 4 ordres ont leurs chambres et je me demande si ce n'est pas un système très-pratique».

Barante. «Sous quel rapport vous paraît-il spécialement pratique, Monsieur de Pouschkine?»

Pouschkine. «Parceque chaque ordre discute ses besoins, ses intérêts, en assume la responsabilité très directe et connaît ses besoins à fond. Dans une chambre de députés, si même il y en a plus d'un dans chaque province, tous les intérêts ne sont pas aussi directement représentés. Un candidat est battu aux Elections, celui des électeurs ruraux par exemple, la ville domine alors et elles sont plus représentées en général que les campagnes. Les villes absorbent tout et trop de choses. Dans une chambre des Ritters et une chambre des paysans le sol est plus directement représenté. On oublie qu'il est la source des richesses. Ou fait la part trop grande à l'industrie, elle recevra bientôt la part du lion. Le système Suédois est le plus démocratique en fait de parlementarisme et le plus conservateur à la fois. Voilà son avantage. Les élus ruraux sont l'aristocratie du village, les plus intelligents, les plus aptes à être utiles. J'ai

toujours souhaité aller à Stockholm pour voir cette chambre de paysans fonctionnant».

Sobolewsky. «L'Espagne est restée ultra aristocratique, même par ses moeurs. Ils tiennent à leurs, leurs franchises, et ils ont eu des Cortèz très tôt. L'oligarchie a toujours tenu à ses franchises et a donné du fil à retordre aux rois partout, et en France un maire célèbre a été le champion des droits régaliens, les communs s'appuyant sur le roi contre les grands vassaux».

Barante. «L'épisode d'Etienne Marcel est un des plus curieux, car ce bourgeois n'est pas du tout démocrate».

Pouschkine. «Le tiers n'a jamais été démocrate. Il a été seulement anti-aristocrate. Ils ont souvent pris parti pour le roi contre les grands vassaux, Messieurs les bourgeois».

Miatleff. «C'est pourtant la démocratie bourgeoise qui a fait tomber la royauté».

Pouschkine. «Pas en Angleterre, la démocratie n'y fut pour rien dans l'esprit de Hampden et Cromwell, Milton seul a écrit le *defensio populi*, mais ils n'étaient nullement égalitaires, tous ces hommes de la Révolution anglaise. En France une partie de la noblesse fut plus démocrate que les tiers. Le peuple, qui n'avait pas de pain, pas de terres, les a suivis, car il n'est pas bon quand il a faim. Cependant le mouvement Vandéen a été dans le milieu rural, Cadoudal est un paysan. Le bas clergé était démocrate parceque les Evêques étaient si riches. C'est toujours la question économique et elle sera de plus en plus la cause de toute nouvelle révolution. Le tiers a triomphé en 89, et il est devenu une aristocratie bourgeoise. On a aboli les privilèges en 89, premier pas dans l'acte égalitaire ou démocratique, mais illusoire, car seule l'aristocratie féodale a disparu. Ce qui l'a remplacé n'est nullement égalitaire, si cela passe même pour être démocratique».

Barante. «Je suis de votre avis, le tiers est devenu une nouvelle aristocratie sans parchemins et arbres généalogiques. Mais rien de moins égalitaire après tout. La démocratie telle qu'elle existe n'est nullement l'avènement du peuple aux affaires, si même il vôte aux élections. Aussi la gauche veut-elle étendre les droits de vôte, elle les trouve trop restreints. Ils les ont étendu en Angleterre».

Nicolas. «Le reform bill a supprimé les bourgs pourris, la vente des sièges, enlevant des sièges à des trous de dix mille habitants et même de cinq mille et augmentant le nombre de sièges pour les grandes villes, qui n'étaient pas assez représentées; Manchester, Birmingham, Leeds, Liverpool avaient trop peu de membres. Mais Villiers me disait un jour que le cens était trop élevé, qu'il faudrait l'abaisser de plus d'un tiers avant 25 ans».

Barante. «L'anglais est toujours en évolution, il passe sa vie à réformer, c'est le trait spécial de leur système».

Miatleff. «L'antiquité a vu des révoltes d'esclaves, qu'on écrasait sans pitié, Rome républicaine ou césarienne n'était pas tendre pour les Spartacus. J'en conclus avec Pouschkine qu'ils furent de piètres démocrates, de faibles égalitaires, même leurs tribuns, leurs Brutus, leurs agitateurs».

Wiasemskoy. «A ton point de vue, Pouschkine, la démocratie n'est donc qu'un vain mot?»

Pouschkine. «A mon point de vue on n'est pas démocrate pour n'avoir pas de particule et d'arbre généalogique, ceci est un fait, je crois. C'est un terme abstrait dans un sens, il cesse d'être abstrait quand on reconnaît que la nation a certains droits à manifester ses désirs et ses besoins et à choisir ses délégués. Nos vetché, nos zemskié sobóry ont eu ce droit naturel, les moeurs étaient donc démocratiques, mais le système des oudély et le tzarisme féodal, qui a lutté avec nos oligarques de la douma, n'eurent rien de démocratique».

Barante. «Vous aviez un conseil des nobles».

Pouschkine. «Oui, la Douma des Boyars, mais si on y discutait, y vôtait, contresignait les Edits des Tzars, car la Douma date du Tzarisme, les Vetchés, étant assemblés par les Princes aînés et aussi les cadets dans leurs apanages, les Possadnik, des façons de Podestads italiens au moyen âge et élus dans les cités libres, ces Vetchés composés de tous les citoyens, mais on ne les assemblait que dans des occasions spéciales, ces forums russes ne gouvernaient pas le pays et la Douma ne gouvernait pas, elle administrait, car nous n'avions pas de bureaucratie alors. Les Boyars et les anciens Princes apanagés de la Douma n'avaient pas de droits politiques».

Barante. «On y siégeait par droit de naissance?»

Pouschkine. «Oui, mais les Tzars y mettaient aussi des nobles qui servaient l'Etat dans des guerres, dans des missions et des clercs ¹⁾ de la Douma, aussi des nobles, car ils étaient les lettrés du temps. Le système était donc mixte. Michel Romanoff a placé le boucher Koussma Minine à la Douma, en récompense de ses services».

Barante. «Il l'a annobli?»

Pouschkine. «Du tout, Pierre le Grand est le premier souverain qui ait créé des nobles chez nous».

Barante. «Ce boucher a-t-il laissé de descendants?»

Pouschkine. «Non, s'il y a des Minine, ils ne sont pas de sa lignée».

Barante. «Pierre le Grand était très démocratique, je pense?»

Pouschkine a souri: «Oui, pas mal démocratique, mais la Douma mourait de sa belle mort, on s'y disputait sur la préséance sans cesse et le frère aîné de Pierre a même brûlé les fameux livres de préséance, car on siégeait par ancienneté et les Boyars, que les Tzars y mettaient étaient assis plus

¹⁾ (Diaky) по французски *диак* — des clercs.

bas que les autres. Il était démocratique dans le sens large du mot, il a compris que les hommes de valeur, de talent, sortent aussi de la masse souvent, et que le génie se manifeste dans tous les milieux; et ces élus sont l'aristocratie intellectuelle, car ils sont sortis de leur milieu; en ce sens l'inégalité n'est donc pas absolue, puisque ces hommes montent au-dessus de leur milieu. Mais de fait l'inégalité est une loi de la nature, vu la diversité des talents, des capacités même physiques, il n'y a pas d'uniformité dans la masse humaine, partant de là—pas d'égalité. Nous avons eu un poète, le premier de tous, il était un génie scientifique aussi, c'est Lomonossoff, le fils d'un paysan pêcheur d'Arkhanghel».

Barante. «A quelle date?»

Pouschkine. «Il est né sous Pierre I et mort du temps de Catherine II».

Barante. «Le pape était fils d'un pâtre anglais, un autre pape était fils du porcher italien et Shakespeare — fils d'un gardeur. Ces hommes n'ont certes plus rien de commun avec leur milieu, pas plus que votre Lomonossoff».

Pouschkine. «Oui, ils furent les égaux de tous les oligarques et même le fils du pâtre et du porcher ont gouverné les Empereurs et les Rois. Dans la hiérarchie si définie de l'Eglise qui admet le paysan et le Prince dans ses ordres, il y a l'idéal de l'égalité mais avec des différences de fonctions, de devoirs et de droits par conséquent. Ces degrés hiérarchiques ont l'égalité pour point de départ puisque le fils du rustre peut devenir Evêque et Pape même, et comme résultat le choix du plus méritant; c'est ainsi que je comprends l'égalité et la démocratie et ceci n'empêche pas les élus d'être l'élite — une aristocratie».

Sobolewsky. «Ceci a été possible dès que le Sacerdoce n'a plus été une caste, qu'il n'y a plus eu la caste fermée des Lévites juifs. Dès qu'il y a dans une nation une élite de penseurs, de savants, d'écrivains, d'artistes, de capitaines ¹⁾ d'hommes d'Etat, qu'ils soient nobles, bourgeois ou paysans en naissant, ils composeront fatalement une élite aristocratique».

Pouschkine. «Tant que les lettrés furent dans l'Eglise, les monastères seulement, c'est elle qui a gouverné le monde, les rois, les chevaliers, les bourgeois, les chefs d'Etat, les Empereurs. Avec Charlemagne la Papauté a pu encore s'entendre parceque les deux pouvoirs avaient un degré de civilisation analogue, mais l'Eglise plus savante dominait moralement. Quand les nobles ont commencé à se civiliser ils ont joué un rôle nouveau et politique vis-à-vis des rois, qui eux aussi se civilisaient, puis le tiers s'est mis à l'étude, et aussitôt il a cherché à s'émanciper; au XVIII s. l'aristocratie française est devenue frivole, a perdu de son intellectualité et a été dominée par le tiers très-lettré, avec lequel les aristocrates plus sérieux se sont entendus naturellement.

¹⁾ Обозначаетъ — полководцы, въ смыслѣ, что они великіе военные геніи.

Si le peuple devient dans cent ans ce que fut le tiers en France en 1789, il dominera de par sa civilisation et sa masse à la fois; ce sera une troisième aristocratie cérébrale, mais en attendant il y a celle de l'argent, la plutocratie, et elle domine dans une société devenue bourgeoise. Et la bourgeoisie y perd justement, car ce n'est plus par l'intelligence, c'est par les écus qu'on domine».

Wiasemskoy. «Tu crois que le peuple, les masses pourront jouer le rôle du tiers dans cent ans et que la majorité sera lettrée, civilisée?»

Pouschkine. «Non, il n'y a jamais de majorité intellectuelle, que ce soit dans l'aristocratie, la bourgeoisie, le peuple rural ou citadin, pas plus qu'il n'y a majorité d'enfants studieux et intelligents dans une école. Mais de fait les minorités ont toujours mis en train les révolutions, les changements en bien ou en mal. La foule a suivi comme les moutons de Panurge. Pour tuer César il n'a fallu que Brutus et Cassius, pour tuer Tarquin—Brutus seul. Pour réorganiser la Russie Pierre le Grand tout seul a suffi. Napoléon tout seul a maté les restes de la révolution et de fait c'est M-me Tallien qui a brisé Robespierre, c'était fatal peut-être, on en avait assez; mais il y a des unités, ou les très petites majorités qui ont fait toutes les grandes choses dans l'histoire. Cromwell, Henri IV, Charles-Quint, Gustave Adolphe, Guillaume le Taciturne, Gustave Wasa, Grégoire VII; quantités de Papes, de Souverains ont agi seuls, du moins leur volonté a créé, brisé, réformé. Et rien n'est plus curieux que l'histoire des saints, des volontés très fortes; prenons S-t François d'Assise comme exemple, ou S-t Dominique, ou S-t Bruno, leurs oeuvres durent, prenons Loyola et enfin Jeanne d'Arc. Et chez nous Koussma Minine le boucher de Nijny-Novgorod. On les a suivis, les a soutenus, mais le premier mot fut dit par eux toujours. Eh bien, c'est le contraire du système démocratique, qui n'admet pas les unités—cette aristocratie naturelle—qui conduit, gouverne, dirige les masses. D'ailleurs, aristocratie, noblesse, oligarchie ont des sens différents et chacun leur donne un sens selon ses idées. Je ne crois pas que le monde puisse voir la fin d'une chose qui sort du fond de la nature humaine, qui est de plus dans la nature, l'inégallité. Mais il est évident que les inégalités injustes doivent disparaître; du reste, devant la loi tout le monde est égal, si même certains châtimens chez nous n'existent pas pour la noblesse. En même temps depuis que Pierre a créé des nobles, les souverains peuvent enlever la noblesse».

Nicolas. «Et les rois anglais qui ont de tout temps créé des pairs, depuis Guillaume le Conquérant, ont de tout temps séquestré et enlevé des pairies».

Pouschkine. «Ceci dans ce pays de gens si indépendants est assez curieux en effet. Et ce privilège royal existe encore dans un pays où le pouvoir royal a été limité».

Barante. «Dans certains cas un pair anglais est jugé par ses pairs encore».

Nicolas. «Et la formule des pairs dans ces cas est très typique; ils ne prêtent pas serment, quoiqu'ils prêtent serment dans une cour de justice ordinaire comme témoins; quand ils jugent ils affirment sur l'honneur».

Pouschkine. «Je vais inscrire cela, c'est très typique».

Il s'est tourné vers Barante: «Connaissez-vous l'ancienne formule du serment russe; elle est très typique aussi?»

Barante. «Non, nous savons si peu d'histoire de Russie avant Pierre le Grand».

Pouschkine. «Da boudet mné stidno,—que ce soit à ma honte, il était entendu: si je mens, si je brise mon serment».

Barante. «Très chevaleresque, je vais inscrire cela aussi. Je voudrais faire un petit cours d'histoire de Russie».

Wiasemskoy. «Karamzine a été très bien traduit en 1829 déjà et l'édition est même très belle. Elle doit exister à Paris».

Barante. «Enchanté de l'apprendre, est-ce qu'elle est complète? Que dit-il de Pierre le Grand?»

Wiasemskoy. «Il est mort en 1826 ayant achevé le 12-me volume, il a laissé un volume de notes, bien avant il a écrit sur le Tzar Aléxis, le père de Pierre le Grand, et sur lui, pour répéter Léclerc, mais son histoire s'arrête à la chute du faux Démétrius et l'élection de Basile Chouïsky par une faction de Boyars. Il a seulement régné huit mois et on l'a cloîtré de force. Karamzine préparait ses notes pour l'histoire de l'élection de Michel Romanoff».

Barante. «Quels droits eut-il au trône, qui l'a choisi?»

Pouschkine. «Sa grand'mère était soeur d'Iwan le Terrible, mariée au Boyar Romanoff, par conséquent de la branche aînée, car chez nous les fils des frères cadets cédaient le pas aux filles de l'ainé. Le concile terrien, ce sont des assises, des Etats généraux russes, où toutes les classes envoyaient des délégués, l'a élu en lui donnant une charte, parcequ'il avait les livres généalogiques pour lui, autrement dit le droit de souche aînée, il avait 17 ans, voulait entrer au cloître et c'est le grand-père de Pierre le Grand».

Barante. «Ceci est bien curieux, un vôte populaire, un suffrage universel qui invoque le droit de souche et d'aïnesse. C'est donc l'élu de la nation, qui lui reconnaît ses droits au trône. Ceci n'existe pas ailleurs, car le choix du premier Tudor anglais se fit après une victoire, mais ils l'ont marié à la dernière Plantagenet cependant. Il y a une certaine analogie».

Pouschkine. «Et beaucoup d'analogies entre Iwan le Terrible et Henri VIII, le même nombre de femmes, la même désinvolture vis-à-vis pu clergé, des Boyars et la même finesse casuistique; tous deux faisaient de la théologie très subtile».

Sobolewsky. «Dans sa tragédie de Boris Godounoff Pouschkine a appelé Iwan IV le courroux couronné».

Barante. «Quelle admirable épithète. Et ce Godounoff, quel fut son rôle?»

Pouschkine. «Il étudia l'art de régner sous les auspices d'Iwan IV, fut régent de son fils Féodor, nous gratifia du servage, fut élu Tzar par le clergé et des Boyars. La plèbe l'acclama parcequ'il n'y avait pas de Tzar et Godounoff avait cloîtré le père et la mère de Michel Romanoff, caché dans un cloître tout petit. Boris était un homme très fin, très politique, très remarquable. Il fit tuer le fils cadet d'Iwan IV, qu'on ressuscita sous le nom de Démétrius, sept ans après le sacre de Boris, et il mourut avant l'arrivée du Prétendant à Moscou. Ce Démétrius régna onze mois; il fut tué; il y eut un second Démétrius, la guerre civile, les polonais ont assiégé Moscou et le couvent de Troïtza et c'est alors que le boucher de Nijny parut, envoyé, disait-il, par St. Serge, fondateur de Troïtza. Il a prêché la guerre, est allé se prosterner devant le Prince Pojarsky, qui commanda les milices, et l'histoire les a appelés les sauveurs de la patrie. L'élection a eu lieu en 1613, on a repris Moscou enfin. Napoléon y est entré 200 ans après en 1812. Les polonais ont brulé Moscou, l'ont saccagée, elle renaît toujours de ses cendres, les tartars l'ont brulée et pillée aussi».

Barante. «Le servage n'est donc pas ancien chez vous?»

Pouschkine. «Godounoff a attaché le paysan à la glèbe en 1593, il a pris la loi du servage en Pologne. Autrefois il n'y avait que des prisonniers de guerre esclaves chez nous et des paysans se louaient à vie et même leurs enfants pour payer des dettes, mais ils avaient des terres et pouvaient aller travailler où bon leur semblait».

Barante. «Il faut que vous me donniez quelques détails sur le servage, ses buts et ses lois un jour».

Pouschkine. «Quand vous voulez. Le but fut économique et en vue du fisc surtout. Mais ces détails feront bailler les dames. Je vous les donnerai une autre fois».

J'ai dit alors: «L'Empereur désire vivement l'abolition du servage».

Barante. «Vraiment! Cela ferait un énorme changement économique. une réconstitution du droit de propriété. Que dira la noblesse? Car je sais que seuls les nobles ont des serfs».

Pouschkine. «Tout ce que je sais c'est que tous ceux qui y pensent sérieusement sont contre le servage et même la noblesse a protesté contre l'édit de Godounoff, il y a des documents aux archives de Moscou qui prouvent ce fait. Il nous pèse à tous, car il est immoral, odieux, abrutissant. Demandez à ces messieurs, s'ils ne sont pas de mon avis».

Wiasemskoy. «En Allemagne il a été aboli après 1820 seulement».

Barante. «Avant 1789 il y avait des serfs de domaines royaux,

d'abbayes et des restes de droits de servage dans certaines provinces, les droits seigneuriaux. Il a existé partout. En Angleterre il a cessé d'être plus pu'il ne fut aboli; les barons devaient fournir des hommes d'armes et même les Evêchés, les abbayes, mais on ne vendait pas le serf, et pourtant le rural anglais n'a jamais possédé un lapin de terre. Il loue même la maison qu'il habite».

Pouschkine. «Esclavage, servage devaient disparaître avec le christianisme sans contredit. C'était un paganisme, une anomalie dans la société chrétienne».

Wiasemskoy. «Parceque le christianisme est surtout démocratique».

Pouschkine. «Oui, je sais, c'est l'étiquette politique qu'on lui donne depuis que les Jacobins ont appelé Jésus Christ le sansculotte patriote. C'est faux, même c'est inepte, on l'a déguisé en Jacobin et en démagogue».

Wiasemskoy. «Tu ne vas pas m'assurer qu'Il était aristocrate si même il a dit de rendre à César ce qui est à César, et Il a vécu parmi les pauvres, les humbles».

Pouschkine. «D'accord, mais Il n'a jamais repoussé les autres. C'est eux qui l'ont repoussé».

Wiasemskoy. «Les apôtres étaient des hommes du peuple».

Pouschkine. «C'est un fait, c'étaient des élus, des choisis, mais qui te dit que c'est parcequ'ils étaient des hommes du peuple? En même temps ce sont les rois mages qui l'ont salué et adoré avant le peuple, si même les bergers y étaient. Ceci prouve qu'Il est venu pour des rois, des sages, des simples: pour toute la race humaine. En lisant les Evangiles je suis toujours frappé par certains faits très significatifs au sujet de ceux qui l'ont confessé et des apôtres; dans ce récit il y a un cachet de véracité si grande, ceux qui ont écrit les Evangiles n'ont pas caché les faiblesses des apôtres, même leurs doutes au debut, leurs actes, et ceci imprime au récit une valeur morale énorme, puisque l'apologie des apôtres m'aurait prouvé que le récit était controuvé. Il y a une sincérité magnifique dans ces récits, et la vérité n'ayant pas besoin d'apologies, les Evangélistes ne s'en sont pas écartés.

M-r de Barante. «Voulez-vous nous indiquer les faits qui vous ont frappés surtout».

Barante avait l'air d'être très surpris du tour que prenait la conversation et très intéressé à la réponse de Pouschkine; nous avons échangé un regard, Aline, Marie E. et moi. Pouschkine s'est tourné vers moi: «Ne trouvez-vous pas que je parle trop et tout seul? C'est indiscret».

J'ai répondu: «Personne ici ne s'en plaint, je suis sûre que tous désirent vous entendre parler». Tout le monde l'a prié de continuer. Il hésitait, a réfléchi un moment et s'est décidé. «Le début est la Salutation angélique (après la généologie très minutieuse), et la réponse de la S-te

Vièrge: «Je suis la servante du Seigneur...» Elle le confesse déjà dans ce consentement. Sa cousine Elisabeth le confesse ensuite et la S-te Vièrge répond dans le Magnificat, la plus sublime parole qu'ait exprimé une âme humaine. Les rois Mâges viennent le saluer ensuite, car si les bergers y étaient ils n'ont pas encore *pénétré le Mystère*, ils *voient* — mais ils ne *savent* pas. Au temple Siméon et Anne le confessent. Tous ceux qui ont confessé le Christ naissant furent des lettrés qui avaient médité les Prophéties et vivaient au temple. S-t Jean, le fils du grand prêtre Zacharie, le confesse ensuite: »Ecce agnus Dei». Qu'est ce qu'il y a de spécialement démocratique dans ces faits et ces hommes? ces femmes? Que Joseph était charpentier? Mais ii est du sang de David comme Marie et sa cousine Elisabeth. La généalogie prouve quelque chose, je pense?

«Les apôtres qui l'ont suivi sont des hommes du peuple, mais il n'est pas dit que tous soient gens de basse condition. On ne parle que de Pierre et André en disant «des pêcheurs galiléens», sur la naissance des autres il n'y a absolument rien. Judas l'a trahi, Thomas a dû toucher pour voir, Philippe ne l'a pas compris, Pierre l'a renié. Ce même Pierre, qui l'a proclamé avant les autres, en l'appelant: Fils du Dieu vivant! Et aussitôt J. C. lui dit que c'est parceque le Père, l'Esprit divin l'a inspiré, qu'il a parlé par la bouche de Pierre et nullement parceque Simon Bar Jôna est pêcheur galiléen. Il l'enlève avec André à son métier pour en faire des pêcheurs d'âmes et de Pierre il fait bien plus, le chef du sacerdoce, de l'Eglise, Il lui donne des pouvoirs. Pierre est élu parmi les douze. S-t Jean seul l'a suivi à Golgotha, parcequ'il l'a aimé au-dessus de tout et S-t Jean, qui a écrit en grec, le grand voyant de Patmôs, n'était pas un rustre ignorant, pas plus que St. Paul, S-t Luc et les autres Evangélistes. L'apôtre de l'Amour, S-t Jean, devait être le type prophétique par excellence, car l'Amour est une *clareté de l'âme*. S-t Pierre fut inspiré avant les autres; malgré ses doutes, ses chutes, il représente l'Humanité surtout et la Miséricorde Divine dès que l'âme se laisse inspirer par Dieu. On a pris l'habitude de les appeler les pêcheurs galiléens, mais que savons nous de leur origine, excepté pour Pierre et André? Rien du tout.— Dès qu'ils ont reçu les dons de Saint-Esprit. ils prêchent et évangélisent et, si on croit, ceci doit décider de tout. Leurs actes ne sont surnaturels. excepté pour S-t Pierre une fois, qu'après la Pentecôte. Et J. Ch. a aussitôt signalé le fait de l'inspiration directe accordée à S-t Pierre, Il ne lui dit pas qu'elle tient à sa qualité de pauvre pêcheur au filet. Voilà à mon avis des faits assez significatifs. Ils me prouvent que des pêcheurs galiléens et des lettrés comme les Mages, Saül de Torse, un aristocrate de la synagogue, S-t Jean, le fils du grand Prêtre, et S-t Jean l'Evangéliste, dont la science ne saurait être mise en doute, qu'ils peuvent également être appelés, choisis, élus, sans aucun égard pour leur condition.

mais cela ne me prouve pas que la condition absolue est dans le fait d'être un homme du peuple, un travailleur manuel, et que l'inspiration ou la sainteté soit *réserve* à une classe d'homme à l'exclusion des autres. Jésus a travaillé comme Joseph (qui est du sang de David), toute sa vie est en vue de *relever* l'humanité; son rabot a *ennobli* le travail et la pauvreté; mais ce n'est pas plus. Le travail était considéré alors comme une chose avilissante, l'esclave était le travailleur, il fallait le relever, *lui rendre sa dignité*. Voilà à mes yeux le sens du rabot de Jésus. Je ne me pique pas de théologie, je puis me tromper, je vous donne mes idées simplement. Et de même la pauvreté devait être relevée de son abjection. Jusqu'à présent elle est humiliée par la société qui se dit chrétienne pourtant!»

Wiasemskoy. «Et tu en conclus?»

Pouschkine. «Que la démocratie n'a que faire dans tout cela. Le fait capital fut celui des Mages, les rois, les savants qui viennent l'adorer et lui porter des dons. Et même à la fin ce sont deux hommes riches, deux aristocrates du temps, Joseph d'Arimathée et Nicodème, qui achètent le sépulcre et l'ont enseveli».

Il ne faut donc pas *escamoter* le Christ en faveur des riches ou des pauvres, pas plus qu'on ne doit dire qu'Il a approuvé Tibère, lorsqu'Il a dit de rendre à César ce qui est à César. Il faut voir en Lui le Sauveur de tous les hommes, parceque pour les sauver il fallait les aimer tous, sans cela Il ne serait pas le Rédempteur, l'Homme-Dieu».

Barante le regardait avec une espèce de surprise, ce Pouschkine lui était inconnu, il n'a lu ni le Prophète, ni d'autres poésies qui sont dans le même esprit. Il y a eu un silence, Pouschkine s'est levé et il est allé regarder un tableau. Au bout de quelque temps Barante m'a dit très bas:

«Je ne me doutais pas qu'il ait l'esprit aussi religieux, qu'il ait tant médité les Evangiles; c'est pour moi une révélation. Et comme il parle bien, avec quelle mesure! Quel orateur il serait, il soulèverait des foules, il est naturellement éloquent. On m'a dit que l'Empereur en fait grand cas, je le tiens de Ficquelmont».

J'ai répondu: L'Empereur a dit à Bloudoff en 1826, après sa première entrevue avec Pouschkine qui avait 26 ans alors: «J'ai causé ce matin avec l'homme le plus remarquable de la Russie».

Barante m'a remerciée de l'avoir invité à venir causer en petit comité.

(A suivre).

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О П. И. ЧАЙКОВСКОМЪ.

Въ моей жизни были два періода, когда я съ Петромъ Ильичемъ видѣлся постоянно и могъ приблизительно сказать, гдѣ и какъ онъ проводилъ тѣ дни, въ которые мы не были вмѣстѣ. Первая полоса была отъ осени 1862 года (времени нашего перваго знакомства) до декабря 1865, когда онъ, написавъ выпускную кантату, выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву, гдѣ получилъ приглашеніе въ профессора «музыкальныхъ классовъ», вполнѣдствіи консерваторіи, я же, будучи на курсъ моложе, остался въ Петербургѣ оканчивать ученіе. Вторая полоса была отъ 1884—1888 года, когда я жилъ въ Москвѣ, а онъ (хотя съ частыми отлучками) подѣ Москвой и наѣздами на нѣсколько дней или недѣль также въ Москвѣ. Въ этотъ второй періодъ я по цѣлымъ недѣлямъ гостилъ у него на дачѣ около Клина, какъ лѣтомъ, такъ и зимой, а два лѣта (1888 и 1889 гг.) провелъ на половину у него. Никогда, ни въ первомъ, ни во второмъ изъ этихъ періодовъ, не бывало такъ, чтобы мы неотлучно цѣлый день были вмѣстѣ. Этому мѣшала прежде всего музыкальная композиція, ежедневно отнимавшая у него, въ восьмидесятыхъ годахъ, отъ пяти до шести часовъ въ сутки, а въ шестидесятыхъ годахъ (въ видѣ ученическихъ работъ для консерваторіи) временами и гораздо болѣе. Пока онъ сидѣлъ надъ своею нотною бумагой, онъ, конечно, былъ совершенно недоступенъ. Можно подумать, что въ остальное время, по крайней мѣрѣ въ восьмидесятыхъ годахъ, когда я гащивалъ у него, мы могли свободно видѣться. Но у него уже задолго до этого успѣли сложиться привычки, требовавшія одиночества и для большей части остального дня: большая послѣобѣденная прогулка, утренній чай, писаніе писемъ раннимъ вечеромъ, чтеніе и раскладываніе пасьянсовъ позднимъ вечеромъ; оставалось время двухъ трапезъ: ранняго, въ часъ, обѣда и ранняго же, въ половина девятого, ужина, около часа передъ ужиномъ, часа два (до одиннадцати) послѣ ужина; вотъ эти часы мы проводили вмѣстѣ, и въ нихъ я получилъ возможность въ значительной степени снова присмотрѣться къ человѣку, съ которымъ въ шестидесятыхъ годахъ былъ очень близокъ, но съ кото-

рымъ обстоятельства меня разлучили на долгое время, такъ что я успѣлъ порядочно отъ него отвыкнуть. Относительно же перваго періода я прибавлю, что такъ какъ мы были на разныхъ курсахъ, то въ самой консерваторіи видѣлись сравнительно мало; зато были неразлучны въ концертахъ музыкальнаго общества, на репетиціяхъ, вмѣстѣ ходили въ оперу и въ балетъ, играли въ четыре руки и вели продолжительныя бесѣды, *продолжительныя* въ сравненіи съ размѣрами позднѣйшихъ лѣтъ, но не на манеръ Лаврецкаго съ Михалевицемъ, философствовавшихъ до пяти часовъ утра: къ такому многоглаголаію Петръ Ильичъ не былъ способенъ даже и въ 1862 году, а въ зрѣлые годы и подавно. Въ общей сложности, какъ видитъ читатель, я провелъ съ нимъ не особенно много времени, а въ рѣшительные для образованія характера отроческіе и первые юношескіе годы не зналъ его вовсе. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мои свѣдѣнія нуждаются въ дополненіи со стороны тѣхъ изъ его товарищей по училищу правовѣднія, которые во время ученія, то есть въ пятидесятые года, особенно сошлись и подружались съ нимъ. Самый близкій къ нему человѣкъ изъ этой группы, извѣстный поэтъ Апухтинъ, умеръ за нѣсколько недѣль до него; умерли и другіе, вѣроятно обладавшіе драгоценными матеріалами для біографіи Чайковскаго, но нѣкоторые еще остались, и для жизни его въ пятидесятыхъ годахъ авторитетъ ихъ незамѣнимъ. Думаю однако, что относительно позднѣйшаго времени онъ теряетъ большую часть цѣны: самый тотъ фактъ, что Чайковскій посвятилъ себя музыкѣ, что вслѣдствіе этого онъ вступилъ въ совершенно новыя отношенія, познакомился и отчасти сблизился съ новыми людьми, помѣшалъ ему въ прежней мѣрѣ видѣться съ прежними товарищами, хотя взаимныя чувства могли оставаться, какъ были. Особенно же важно то обстоятельство, что изъ товарищей-правовѣдцовъ весьма немногіе поселились въ Москвѣ, Чайковскій же съ 1865 г. жилъ преимущественно въ этомъ городѣ.

Здѣсь я, послѣ переѣзда моего въ январѣ 1867 года, сначала (до великаго поста 1869 г.) видѣлся съ нимъ довольно часто; затѣмъ, по случаю его оперы *Воевода*, между нами случилась размолвка и мы только встрѣчались у общихъ пріятелей, а въ 1871 году, когда облако прошло, я уѣхалъ въ Петербургъ, онъ же остался въ Москвѣ. Но и тутъ мы видѣлись по нѣсколько разъ въ годъ, такъ какъ и онъ часто пріѣзжалъ въ Петербургъ, и я, хотя рѣже, бывалъ въ Москвѣ; только въ 1880 г. наступила большая пауза, когда я уѣхалъ въ Парижъ и съ Петромъ Ильичемъ разстался до декабря 1882 года.

Быть можетъ я нахожусь подъ дѣйствіемъ самообмана, но мнѣ кажется, что Чайковскій шестидесятыхъ годовъ и Чайковскій восьмидесятыхъ—два различныхъ человѣка. Двадцатидвулѣтній Чайковскій, съ которымъ я познакомился въ петербургской консерваторіи, былъ свѣтскій мо-

лодой человѣкъ, съ лицомъ, вопреки модѣ, уже тогда всеобщей, совершенно выбритымъ, одѣтый нѣсколько небрежно, въ платье отъ дорогого портного, но несовсѣмъ новое, съ манерами очаровательно-простыми и, какъ мнѣ тогда казалось, холодными; знакомыхъ имѣлъ тьму и, когда мы вмѣстѣ шли по Невскому, сниманіямъ шляпъ не было конца. Раскладывался съ нимъ преимущественно (но не исключительно) народъ элегантнѣйшій. Изъ иностранныхъ языковъ онъ зналъ по-французски и немного по-итальянски; особенно щеголялъ незнаніемъ нѣмецкаго языка, говоря на примѣръ, *Er ist an der Sehnsucht gestorben* (желая сказать: онъ умеръ отъ чахотки): или *Was dieser Mensch für ein Geheimniss hat* (по-русски: какая у этого человѣка память!), или *Ich habe grosse Gelegenheit zu schlafen* (то есть: мнѣ очень хочется спать), отъ чего нѣмцы, въ обществѣ которыхъ ему случалось бывать, неизмѣнно приходили въ восторгъ. Музыкальныя свѣдѣнія его были мало сказать ограниченны, но для двадцатидвухлѣтняго человѣка, рѣшившаго спеціально посвятить себя композиціи, пугающе-малы: онъ отлично игралъ на фортепіано и прошелъ курсъ гармоніи по Марксу, или что все равно, по лекціямъ профессора Зарембы. Нужно долго рыться въ исторіи музыки, прежде чѣмъ найдешь примѣръ выдающагося композитора, начавшаго такъ феноменально-поздно. Само собою разумѣется, что знанія его быстро росли. Изъ остальныхъ чертъ, намѣченныхъ мною, почти въ такой-же мѣрѣ росла небрежность туалета, такъ что въ 1866 и 1867 годахъ его сослуживцы по московской консерваторіи, отнюдь сами не избравшіе франтовство спеціальностью, приставали къ нему и трунили надъ нимъ за его неряшество. Здоровьемъ онъ пользовался отличнымъ, но необычайно боялся смерти, боялся даже всего, что только намекаетъ на смерть; при немъ нельзя было употреблять слова: гробъ, могила, похороны и т. п.; одно изъ величайшихъ его огорченій въ Москвѣ состояло въ томъ, что подъѣздъ его квартиры (которой онъ по обстоятельствамъ не могъ перемѣнить) находился рядомъ съ лавкой гробовщика. Прибавлю, что Петръ Ильичъ въ восьмидесятыхъ годахъ неутомимый пѣшеходъ, въ это раннее время и еще долго послѣ совсѣмъ не умѣлъ ходить пѣшкомъ и даже на самыя маленькія разстоянія нанималъ извозчика, и если я сейчасъ говорю, что я хаживалъ съ нимъ по Невскому, то это такое исключеніе, которое свойственно петербуржцу: по Невскому ходятъ даже такіе, которые вообще не ходятъ. Особенно это вѣрно относительно шестидесятыхъ годовъ, когда по его широкому тротуару прохаживались безо всякой цѣли, взадъ и впередъ.

Я думаю, что многіе изъ читателей встрѣтятъ эту характеристику съ недоувѣріемъ. Тотъ Чайковскій, который такъ хорошо извѣстенъ современному поколѣнію, почти ничѣмъ не напоминалъ прежняго. Бѣлый какъ лунь, съ волосами, сильно порѣдѣвшими, съ небольшою тщательно остриженной бородою, одѣтый не только безукоризненно, но неизмѣнно въ

свѣжій, какъ-бы новый костюмъ, онъ походилъ на старика только цвѣтомъ волосъ; во всемъ остальномъ производилъ впечатлѣніе бодрости, живости и энергіи, даже большихъ, чѣмъ въ прежнее время. Изъ безвѣстнаго столоначальника департамента юстиціи онъ успѣлъ сдѣлаться всесвѣтною знаменитостію, а знакомыхъ у него, повидимому, стало вдесятеро меньше. Въ девяностыхъ годахъ мнѣ опять, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, случалось ходить съ нимъ по Невскому, но бывало такъ, что знакомаго не встрѣчалось ни одного. Сдѣлавшись элегантнымъ и даже щепетильнымъ по части туалета, онъ давно пересталъ быть свѣтскимъ человѣкомъ въ прежнемъ смыслѣ слова, въ аристократическихъ салонахъ бывалъ нрѣдка въ качествѣ «звѣзды», обыкновенно же знался и дружилъ только съ музыкантами, съ которыми его связывали сотни дѣловыхъ нитей, а во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ и теплыя сердечныя отношенія. Онъ самъ отъ продолжительнаго сосредоточенія на своемъ композиторскомъ дѣлѣ переродился въ «цехового музыканта», и интересы его сдѣлались музыкантскіе. На фортепіано онъ сталъ играть хуже и хуже, но во всѣхъ другихъ отрасляхъ искусства не переставалъ двигаться впередъ и иногда на старости лѣтъ обнаруживалъ совершенно новыя, неожиданныя способности, какъ было напримѣръ съ дирижерствомъ. Итальянскій языкъ онъ сильно позабылъ, зато сталъ отлично понимать и довольно бойко, хотя неправильно, говорить по-нѣмецки; пробовалъ учиться и по-англійски, но вскорѣ бросилъ. Къ смерти относился гораздо спокойнѣе, такъ что не только позволялъ другимъ сообщать ему свѣдѣніе, что умеръ или собирается умирать такой-то, но даже самъ заводилъ разговоръ на эту тему и, напримѣръ, подробно рассказывалъ какъ въ Аахенѣ, на его рукахъ, умиралъ одинъ изъ его друзей. Хожденіе пѣшкомъ сдѣлалось у него не только системой, но какою-то панацеей: онъ ходилъ, не говоря уже о деревнѣ, но по возможности и въ большихъ городахъ, гдѣ бывалъ наѣздами, до десяти верстъ въ сутки, главнымъ образомъ отъ двухъ до четырехъ пополудни, утверждая, что этотъ моціонъ—лучшее средство отъ головной боли, нервнаго переутомленія, отсутствія аппетита и еще множества другихъ недуговъ. Кстати или не кстати скажу, что Петръ Ильичъ ни въ молодости, ни въ зрѣлые годы не любилъ обращаться къ врачебной помощи, а лечился самъ, да и то принималъ лекарства неохотно и возможно рѣдко; больше же всего полагался на гигиену, въ которой онъ, на мой профанскій взглядъ, былъ настоящій виртуозъ. Онъ до тонкости изучилъ себя (продолжаю говорить какъ профанъ), успѣлъ подмѣтить все, что было ему полезно и вредно, и на основаніи своихъ наблюденій подчинилъ себя строжайшему режиму, для посторонняго человѣка мало замѣтному, такъ какъ въ примѣненіи своихъ правилъ онъ умѣлъ не обнаруживать ни малѣйшаго педантства. Единственное исключеніе составляла, если хотите, уюмянутая послѣполуденная прогулка: ради нея ему

часто приходилось «нарушать компанію» и уходить изъ болѣе или менѣе многочисленнаго общества.

Обращаясь опять къ Чайковскому давно прошедшаго времени, я не могу не вспомнить о множествѣ вещей, которыхъ онъ, по собственному мнѣнію, «не могъ» или «никакъ не могъ» дѣлать. Если вѣрить ему, то онъ былъ «совершенно неспособенъ» къ дирижерству. Нужно замѣтить, что насъ, теоретиковъ, заставляли дирижировать въ оркестровомъ классѣ, и по отношенію къ Чайковскому, единственному подававшему композиторскія надежды въ то время, конечно, не было сдѣлано исключенія; но этотъ опытъ его нисколько не ободрилъ. Въ 1868 году, въ Москвѣ, театральная дирекція устроила концертъ въ Большомъ театрѣ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, и на этомъ концертѣ Петръ Ильичъ, почти больной отъ страха, съ грѣхомъ пополамъ продирижировалъ своими, только-что сочиненными, танцами изъ *Воеводы*. Чаша для него, повидимому, переполнилась, такъ какъ затѣмъ онъ лѣтъ восемнадцать уже не дѣлалъ никакихъ попытокъ, или, вѣрнѣе, не поддавался никакимъ просьбамъ и приглашеніямъ взять въ руки капельмейстерскую палочку. Читатель не безъ удивленія узнаетъ, что къ числу предметовъ, «совершенно ему недоступныхъ», въ 1863 и 1864 годахъ принадлежало также сочиненіе пьесъ для фортепіано со смычковыми инструментами, романсовъ, наконецъ фортепіанныхъ пьесъ вообще. Многое въ этомъ родѣ приходилось писать въ консерваторіи въ видѣ задачъ для класса композиціи, но это писалось скрѣпя сердце. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, ледъ проломился довольно скоро, такъ какъ уже лѣтомъ 1867 года были написаны первыя фортепіанныя пьески, поступившія въ печать, а вскорѣ затѣмъ и первые шесть романсовъ, изъ которыхъ два или три очень понравились, а одинъ («Нѣтъ, только тотъ, кто знаетъ») приобрѣлъ громкую извѣстность. Дальше оставалась въ немъ антипатія (присущая многимъ современнымъ музыкантамъ) къ звуку фортепіано, соединеннаго съ смычковыми инструментами, и только въ 1881 году онъ побѣдилъ ее въ себѣ настолько, что могъ сочинить тріо для фортепіано, скрипки и виолончели, притомъ оставшееся единственнымъ.

Я счелъ не лишнимъ упомянуть объ этихъ странныхъ проявленіяхъ временной односторонности или недовѣрія къ себѣ, потому что они довольно мало вяжутся съ общимъ характеромъ и складомъ дарованія покойнаго, вообще обладавшаго натурою гибкою и способностями разнообразными. Люди, знавшіе его только въ послѣдніе годы, будутъ удивлены, когда узнаютъ, что онъ одно время довольно сносно игралъ на флейтѣ. Онъ былъ ученикомъ знаменитаго Чарди и выбралъ инструментъ, когда, по инициативѣ Антона Рубинштейна, пришлось на скорую руку формировать оркестръ изъ учениковъ консерваторіи. Я помню ученическій вечеръ въ присутствіи Клары Шуманъ, на которомъ Петръ

Ильичъ вмѣстѣ съ другими тремя учениками (въ томъ числѣ извѣстнымъ въ послѣдствіи солистомъ Пуни) игралъ квартетъ Кулау для *четырехъ флейтъ*. Излишне прибавить, что флейту онъ бросилъ тотчасъ-же, какъ только миновала въ немъ надобность, то есть какъ можно было на его мѣсто въ оркестрѣ посадить другого ученика.

У него были и такіе таланты, о которыхъ я зналъ только по наслышкѣ. Такъ, напримѣръ, онъ въ молодости нерѣдко участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ. Со времени моего съ нимъ знакомства такихъ случаевъ, сколько мнѣ извѣстно, не было; охотно вѣрю, что онъ къ драматической и особенно комической сценѣ имѣлъ талантъ, такъ какъ онъ обладалъ недюжинною наблюдательностью и иногда весьма удачно представлялъ общихъ знакомыхъ.

Страсть къ театру, т. е. къ посѣщенію театра—одна изъ тѣхъ чертъ, которая почти съ одинаковою силой были присущи и юному и зрѣлому Чайковскому. Въ молодости онъ, вполне согласно съ его тогда преобладавшими свѣтскими наклонностями и традиціями, любилъ больше всего итальянскую оперу и Михайловскій театръ, затѣмъ Александринскій театръ и балетъ; о балетѣ, какъ второй Евгений Онѣгинъ, говорилъ тономъ знатока и съ глубочайшимъ презрѣніемъ относился къ «пошлякамъ», посѣщающимъ спектакли только ради удовольствія поглазѣть на голенькихъ танцовщицъ.

Упомянуть-ли мнѣ также о его способности къ стихотворству, вѣрнѣе къ стихоплетству? Серьезнаго поэтическаго дара у него не было, и онъ не пыталъ на этотъ счетъ никакихъ иллюзій. Претензіи его, кажется, шли не дальше сочиненія *водевиля*; иногда онъ говаривалъ мнѣ, что могъ-бы, если-бъ захотѣлъ, написать водевилъ не хуже и не лучше, чѣмъ другіе. Водавиля онъ такъ и не написалъ, но стихи импровизировалъ довольно часто, преимущественно шуточные, иногда съ трудными и щеголеватыми римами. Талантъ этотъ пригодился ему главнымъ образомъ для переводовъ подъ музыку. Какъ извѣстно, онъ перевелъ *Свадьбу Фигаро*, де-Понте, при чемъ выполнялъ кропотливую и совершенно бесполезную работу приладить русскій текстъ къ *сухому речитативу*, тогда какъ гораздо болѣе въ духѣ и русскаго языка, и русской оперы было-бы послѣдовать примѣру французовъ и нѣмцевъ и замѣнить речитативъ *разговоромъ*, который, разумѣется, былъ-бы переведенъ прозой. Какъ-бы то ни было, онъ очень гордился своимъ переводомъ и крайне огорчился, когда въ петербургской консерваторіи, года четыре назадъ, исполнили другой.

Я не могу предаваться своимъ воспоминаніямъ о Чайковскомъ безъ того, чтобы сейчасъ-же не заговорить о его литературныхъ способностяхъ и занятіяхъ. Литература занимала въ его жизни мѣсто гораздо большее, чѣмъ у обыкновеннаго образованнаго человѣка: она была, послѣ музыки, глав-

нымъ и существеннѣйшимъ его интересомъ; образовательными искусствами онъ не интересовался вовсе, бывалъ, какъ всѣ, на выставкахъ, но не бѣгалъ по музеямъ и галереямъ и, какъ-бы осмѣивая собственное невѣжество, говаривалъ, что во всемъ Императорскомъ Эрмитажѣ онъ признаетъ одну только залу русской живописи. Нѣтъ сомнѣнія, что на эту его любовь къ литературѣ повліяла и ранняя его дружба съ Апухтинымъ, но главная, по моему, причина была та, что онъ самъ былъ въ значительной мѣрѣ рожденъ литераторомъ, даже совершенно независимо отъ таланта къ ремеслу, который у него не сопровождался никакимъ поэтическимъ содержаніемъ. Когда будутъ напечатаны его письма или часть его писемъ (что, навѣрное, воспослѣдуетъ рано или поздно), тогда обнаружится, на сколько человекъ, жившій въ мѣрѣ аккордовъ и ритмовъ, писалъ яснѣе, чище, логичнѣе и изящнѣе большинства нашихъ современныхъ литераторовъ по ремеслу. Къ чистотѣ русскаго языка и логичности изложенія Петръ Ильичъ былъ чрезвычайно строгъ, негодовалъ на распространяющуюся въ нашей ежедневной печати безграмотность и нѣкоторыя газеты покупалъ и читалъ исключительно ради комическихъ жемчужинъ слога и мысли, которыми онъ изобилуетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это соединеніе въ немъ литературныхъ и музыкальныхъ данныхъ сдѣлало-бы изъ него первокласснаго музыкальнаго писателя, если-бъ у него явилась малѣйшая любовь къ дѣлу. Но на сколько онъ любилъ литературу вообще, на столько игнорировалъ литературу музыкальную и даже тяготился критическими разсужденіями о музыкѣ. Я знаю только одну книгу, составляющую исключеніе: Отто Яна о Моцартѣ, нѣсколько лѣтъ подъ рядъ не сходящую съ его стола и на поляхъ покрытую разными его бумагами, выраженіями сочувствія и т. д. Тутъ виною не столько классическія достоинства сочиненія, которому очень мало равныхъ между біографіями, сколько то простое обстоятельство, что это лучшая книга о Моцартѣ, который для Чайковскаго составлялъ идеалъ музыканта и художника вообще. Малѣйшая подробность, касавшаяся этой гениальной личности, была для него исполнена значенія, но это любопытство совсѣмъ не распространялось на исторію музыки вообще, и я рѣдко видалъ художника, для котораго исторія его искусства представляла-бы такъ мало привлекательнаго. Онъ не могъ не знать, что въ его время музыка XV и XVI столѣтій была вновь открыта, что цѣлый рядъ великихъ именъ выплылъ изъ забвенія, что на Западѣ основывалось одно общество за другимъ для исполненія старой контрапунктической хоровой музыки, какъ церковной, такъ и свѣтской; но всѣ эти факты на него не производили ни малѣйшаго впечатлѣнія. Разъ въ жизни онъ позволилъ мнѣ показать ему одинъ мотетъ Джіованни Габріэли, и остался весьма недоволенъ. Нелюбовь эта не ограничивалась эпохой такъ называемаго «строгаго стиля». Много лѣтъ спустя, уже въ восьмидесятихъ годахъ, я ему показывалъ клавираусцуги

оперъ Люлло и Рамо, вѣрнѣе сказать, по странячкѣ, много по двѣ, изъ того и другого. На этотъ разъ можно было ожидать успѣха, такъ какъ Петръ Ильичъ самъ во время оно познакомилъ меня со сборникомъ Векерлина, *Echos du Passé*, и одною изъ мелодій, собранныхъ Векерлиномъ, увлекся до такой степени, что впоследствии даже помѣстилъ ее въ свою *Орлеанскую Дѣву*. Успѣха, однако, не восплѣдовало и тутъ; онъ только съ недоумѣніемъ спросилъ: «что-же тутъ хорошаго?» Я упомянулъ объ этомъ его отношеніи къ старинной музыкѣ, чтобы отмѣтить замѣчательное противорѣчіе. Тотъ же Петръ Ильичъ, который не находилъ ничего достойнаго вниманія, ничего живого въ исторіи музыки, страшно любилъ исторію политическую, хотя любилъ по-особенному, на свой ладъ. Кромѣ поэтовъ и беллетристовъ, на которыхъ онъ вообще не набрасывался съ жадностью, имѣя между ними небольшой Парнассъ избранныхъ и довольствуясь ими, онъ читалъ исключительно исторію, притомъ почти одну только русскую: сочиненій по исторіи Запада въ его библіотекѣ найдется весьма немного, изъ древнихъ же, я полагаю,—одинъ Геродотъ во французскомъ переводѣ. Въ самой русской исторіи древній періодъ интересовалъ его менѣе всего; та Россія, о которой онъ не уставалъ читать, начинается съ воцареніемъ Романовыхъ, особенно-же Петра Великаго. Въ послѣдніе годы маленькая библіотека Петра Ильича постоянно возростала, и въ ней начали появляться такія сочиненія, какъ книга Петрушевскаго о Суворовѣ, Богдановича объ Александрѣ I и т. п.; но не такими произведеніями характеризуются главныя его наклонности. Истинную страсть его составляла литература *мемуаровъ* — такого рода исторія, въ которой судьбы государства и общества исчезаютъ за характеристикой личности, за детально-разработанною психологическою и бытовою стороной. Отъ основанія популярныхъ историческихъ журналовъ, наполняемыхъ именно матеріаломъ этого рода, и до послѣднихъ дней своихъ Петръ Ильичъ былъ постоянный читатель *Русскаго Архива*, *Русской Старины* и *Историческаго Вѣстника*; само собою разумѣется, что въ журналахъ болѣе общаго содержанія онъ съ наибольшимъ любопытствомъ брался опять-таки за статьи по русской исторіи.

Ни въ молодости, ни въ болѣе зрѣлыя годы онъ, сколько я могъ замѣтить, не обнаруживалъ ни одною чертой, что специальное образованіе, полученное имъ, было юридическое. Не говоря уже о томъ, что онъ не выказывалъ ни малѣйшаго интереса къ наукамъ общественнымъ и государственнымъ—не было человѣка, въ меньшей степени заслуживающаго опредѣленіе зоополитикон, чѣмъ Петръ Ильичъ—но во всемъ складѣ его ума и образованія не было ничего, что обнаруживало-бы юриста. Еслибъ онъ, вслѣдствіе какой-нибудь ошибки сужденія или слабости воли, рѣшилъ въ 1861—1862 годахъ поступить такъ, какъ въ то время желали и совѣтовали ему всѣ, то-есть продолжать службу въ министерствѣ юстиціи.

гдѣ онъ былъ на вполнѣ хорошей дорогѣ — онъ навѣрное сдѣлался-бы однимъ изъ несчастнѣйшихъ людей въ мірѣ. Ибо постоянное и обязательное занятіе дѣломъ, не внушавшимъ ему никакого серьезнаго и сердечнаго участія — обыкновенный удѣлъ огромнаго большинства людей — для него было-бы медленною казнью, именно потому, что для него существовало другое дѣло, къ которому онъ рвался всѣми силами своей энергичной природы и которое отъ него заслонялось-бы ненавидимною чиновничью дѣятельностью. Будучи начинающимъ ученикомъ-теоретикомъ, онъ рѣшилъ отказаться отъ службы и сдѣлаться «цеховымъ музыкантомъ». Эта черта въ Чайковскомъ тѣмъ знаменательнѣе, что она у насъ въ Россіи пока еще рѣдкость. Люди, чувствовавшіе призваніе къ музыкѣ, вѣроятно имѣлись во всѣ времена; но совершенно *посвятить* себя музыкѣ въ томъ смыслѣ, чтобы въ искусствѣ своемъ находить средства матеріальнаго существованія, въ поколѣніи, предшествовавшемъ нашему, можно было, кажется, только въ двухъ случаяхъ: службою въ императорскихъ театрахъ или фортепианными уроками. О композиціи же и говорить нечего. Ни Глинка, ни Даргомыжскій, ни Рубинштейнъ не жили и не могли жить на доходы отъ своихъ сочиненій. Сочинять музыку «между прочимъ» полагалось занятіемъ не только не зазорнымъ для русскаго дворянина, а напротивъ, почти что принадлежностью извѣстной степени культуры; самъ Петръ Ильичъ однажды въ шутку сказалъ мнѣ, что въ Россіи «всякій мало-мальски благородный человѣкъ непременно сочинилъ хотя-бы одинъ романсъ». Но при этомъ подразумѣвалось, что благородный человѣкъ будетъ служить; исключеніе дѣлалось развѣ для обладателей такого числа крѣпостныхъ душъ, при которомъ и безъ всякой службы можно было жить благополучно. Въ слѣдующемъ поколѣніи, когда крѣпостного права не стало, композиторы же стали появляться хотя и единицами, но все-таки чаще прежняго, для нихъ, благодаря открытію консерваторій, представились новые заработки въ качествѣ профессоровъ теоріи музыки; но въ 1862 году была всего одна консерваторія и основаніе остальныхъ не предвидѣлось. Въ сущности же вопроса произошло мало переменъ и по сию пору, т. е. русскаго композитора, живущаго на доходы отъ своихъ сочиненій, почти такъ же трудно найти теперь, какъ и тогда.

Я живо помню, какъ въ теченіе всѣхъ шестидесятихъ годовъ, особенно же въ годы нашего совмѣстнаго ученія, я, будучи высокаго мнѣнія о его талантѣ, тѣмъ не менѣе относился пессимистически къ его композиторскимъ начинаніямъ и надеждамъ. «Къ чему», такъ въ то время думалъ я, вѣроятно, говорилъ ему я, «къ чему современному молодому музыканту, хотя бы и даровитому, сочинять? Есть ли ему малѣйшая вѣроятность пробиться и обратить на себя вниманіе? Развѣ не на нашихъ глазахъ на каждомъ шагѣ исполняютъ увертюру или симфонію то Баргиля, то Раффа, то Фолькмана, то Аберта, то Гольдмарка, то Фитингофа,

то Кюи, то Гусаковского, то Балакирева, исполнять однажды и затѣмъ откладываютъ въ архивъ? Развѣ Листъ или Рубинштейнъ сочиненіями достигли своей всемірной славы? Развѣ не всё мѣста на композиторскомъ рынкѣ давно уже заняты, развѣ честолюбіе новичка сулитъ ему что-нибудь, кромѣ длиннаго ряда лишеній, разочарованій и униженій? Не въ тысячу ли разъ лучше служить въ департаментѣ или жить переводами съ англійскаго языка, удовлетворяя свои артистическіе порывы тѣмъ, чтобы въ сумерки импровизировать на фортепіано или, въ крайнемъ случаѣ, пописывать, но съ гордостью отчаянія оставаться въ рукописи?» Говоря такъ, я передъ глазами имѣлъ популярный успѣхъ Верди, Флотовъ и Оффенбаха, но я зналъ, что по этому пути Чайковскій не пойдетъ. Затѣмъ, правда, оставался Рихардъ Вагнеръ, оставался болѣе скромный, но несомнѣнный посмертный успѣхъ Шумана, но мнѣ казалось, что это — исключенія, подтверждающія правило.

Я оказался плохимъ пророкомъ, но для моего заблужденія имѣются всѣскія смягчающія обстоятельства. Для той удачи, которая въ концѣ-концовъ должна была оправдать дерзкія надежды юнаго начинавшаго композитора, въ Россіи не имѣлось никакого прецедента. Притомъ онъ какъ-бы съ намѣреніемъ уменьшалъ для себя шансы успѣха, лишая себя заранѣе тѣхъ скудныхъ постороннихъ ресурсовъ, на которые въ его положеніи можно было рассчитывать. Игравшій на фортепіано если не какъ виртуозъ, то какъ отличный дилеттантъ, Чайковскій именно со времени поступленія въ консерваторію началъ пренебрегать этимъ своимъ даромъ и, какъ водится, мало-по-малу сталъ играть хуже. Онъ, такимъ образомъ, пренебрегъ даже послѣднимъ якоремъ спасенія многихъ композиторовъ, состоящимъ въ томъ, что они, владѣя какимъ-нибудь инструментомъ, пропагандируютъ собственныя сочиненія въ качествѣ исполнителей. Не забудемъ, что и дирижировать онъ принялся за какія-нибудь шесть лѣтъ до смерти, а въ молодости (какъ я уже говорилъ) боялся эстрады, какъ огня. Онъ оставилъ службу, оставилъ фортепіано, на дирижерство не предъавлялъ притязаній, не предвидѣлъ, что его позовутъ въ профессора московской консерваторіи — словомъ, онъ буквально сжегъ за собой корабли и задумалъ сдѣлать карьеру одними только музыкальными сочиненіями.

Никто не могъ быть дальше его отъ хвастовства, какъ вообще отъ всѣхъ неприятныхъ проявленій самонадѣянности. Но надо полагать, что въ глубинѣ души въра въ свою звѣзду у него была колоссальная. Ибо, когда онъ вышелъ въ отставку, никто изъ товарищей или пріятелей не замѣтилъ бы въ немъ ни малѣйшаго слѣда волненія или безпокойства. Я увѣренъ, что онъ не скрывалъ этихъ чувствъ, а просто былъ отъ нихъ совершенно свободенъ.

Имѣя у отца готовую квартиру, столъ и т. д., онъ очутился совершенно безъ карманныхъ денегъ, а потому рѣшился взять нѣсколько част-

ныхъ уроковъ, которые ему рекомендовалъ А. Г. Рубинштейнъ. Уроки были отчасти фортепианные, отчасти теоріи музыки. Онъ взялъ лишь самое небольшое число часовъ, чтобы не терять времени, которое ему именно съ 1863 и еще болѣе съ 1864 года, т. е. съ поступленія въ классъ «свободной композиціи», сдѣлалось особенно драгоцѣнно. Задачи Антонъ Григорьевичъ задавалъ громадныя и, сколько я помню, товарищи Чайковскаго по классу и не пытались выполнить ихъ во всемъ объемѣ; только одинъ онъ (позволю себѣ употребить французскій оборотъ) «принималъ ихъ въ серъезъ» и дѣйствительно, съ понедѣльника на четвергъ или съ четверга на понедѣльникъ оркестровалъ напр. цѣлую вокальную сцену изъ речитатива и аріи, или цѣлый большой хоръ. Въ этотъ періодъ его жизни случалось, что онъ просиживалъ всю ночь напролетъ за работой, такъ что оканчивалъ ее въ обрѣзъ къ утреннему чаю или ко времени лекціи. Подобное «обращеніе ночи въ день» свидѣтельствовало о крайней необходимости, о громадности работы; вообще же оно мало вязалось съ привычками Петра Ильича, рано бросившаго ночную работу и впоследствии никогда не прибѣгавшаго къ этому способу. Кстати или некстати замѣчу, что онъ, если случалось ему поздно лечь или совсѣмъ не спать ночью, никогда не наверстывалъ потеряннаго на слѣдующее утро, а вставалъ неизмѣнно въ свой часъ, между восемью и девятью утра. Точно также онъ не спалъ днемъ ни при какихъ обстоятельствахъ, исключая, если не ошибаюсь, короткаго періода въ Москвѣ, и еще (въ позднѣйшее время) того случая, когда вечеромъ приходилось дирижировать. Итакъ, въ послѣдніе два года бытности ученикомъ консерваторіи онъ работалъ съ крайнимъ напряженіемъ силъ, но я не нахожу, чтобы это напряжение отозвалось на его здоровьи или расположеніи духа. Конечно, его бодрило и поддерживало сознаніе внутренняго успѣха, видъ расширявшагося передъ нимъ горизонта: въ четыре съ половиной года его ученія онъ успѣлъ преобразиться совершенно, изъ музыкальнаго ребенка сдѣлался взрослымъ, на ряду съ техническими знаніями приобрѣлъ знакомство съ классическою музыкой, которая раньше консерваторіи была ему лишь въ малой мѣрѣ извѣстна. Не скажу, чтобы на ряду съ этими радостями внутренняго сознанія онъ, будучи ученикомъ, испыталъ какой-нибудь внѣшній успѣхъ или удовлетвореніе самолюбія: въ наши дни молодыхъ композиторовъ, оканчивающихъ консерваторію, делятъ и балуютъ несравненно больше; сочиненія ихъ исполняются публично, иногда печатаются. Но зато онъ, пока былъ ученикомъ, и не переживалъ огорченія читать о себѣ неблагоприятныя или злорадные отзывы въ газетахъ. Здѣсь будетъ мѣсто сказать, что Петръ Ильичъ и въ молодости и въ зрѣлыя годы былъ крайне подверженъ общей артистической слабости—принимать къ сердцу сужденія газетныхъ рецензентовъ. При его литературномъ образованіи и вкусѣ слѣдовало бы ожидать, что по крайней мѣрѣ тѣ псевдокритики, которыхъ

онъ презиралъ за немузыкальность и нелитературность, не могли его ни радовать похвалою, ни огорчать бранью,—но на дѣлѣ выходило не то. Самый послѣдній писака если относился къ нему враждебно, то разстраивалъ его глубоко. Онъ самъ сознавался въ своей слабости и объяснялъ ее тѣмъ, что онъ «не Антонъ Рубинштейнъ, а простой смертный». Слабость эта была, если можно такъ выразиться, *теоретическая* и не вела ни къ какимъ необдуманымъ или безтактнымъ поступкамъ въ практикѣ: онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы занскивать передъ критикой въ какой бы то ни было формѣ, слишкомъ уменъ, чтобы отвѣчать на печатныя нападки печатными же самооправданіями или контраттаками.

Ларошъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

З А Р Н И Ц Ы.

(Р А З С К А З Ъ).

Мы взбѣжали наверхъ и принялись приглаживаться, прихорашивать, мыть руки и свои запыленные лица. Жозефина, вынувъ изъ кармана пуховочку въ бѣломъ лайковомъ мѣшечкѣ, старательно пудрилась передъ зеркаломъ и, приказавъ Сонѣ тоже мыть руки, говорила намъ:

— Вы еще можете оставаться такъ, какъ есть, а мнѣ необходимо переодѣться. Не могу я сойти къ гостямъ въ этой старой кофточкѣ.

Мы съ Лизой были въ малороссійскихъ костюмахъ: въ красныхъ юбкахъ, вышитыхъ рубашкахъ и бархатныхъ корсеткахъ, съ бусами на шеѣ и лентами въ косѣ.

— Мнѣ лѣнь переодѣваться, — сказала Лиза, — хоть оно и маскарадно немножко...

— Конечно, чего тамъ на ночь переодѣваться, — согласилась я.

И мы пустились внизъ, не взирая на тревожные возгласы Жозефины, торопливо застегивавшей пуговки своей парадной блузочки:

— Attendez moi, mesdames! Attendez un peu!.. Oh, les étourdies!..

Въ саду было совсѣмъ темно. Всѣ наши сидѣли на площадкѣ передъ домомъ у большого круглаго стола, накрытаго скатертью. Катя въ сиреновомъ платьѣ разливала чай, окруженная все знакомыми лицами; а немножко въ сторонѣ, рядомъ съ мамой стоялъ новый незнакомый гость, высокій и широплечій, съ густыми вьющимися кудрями и близорукими глазами въ золотыхъ очкахъ. Подходя, мы слышали, что разговоръ и споръ идетъ о Гоголѣ и о „Перепискѣ съ друзьями“, и мнѣ было жаль, что наше появленіе прервало этотъ споръ.

— А вотъ и наши хохлушки, — сказалъ Алексѣй Александровичъ.

Докторъ и инженеръ бросились подставлять намъ стулья, хотя было сколько угодно мѣста и на скамейкахъ. Я подошла поздно-

роваться съ мамой, которая поцѣловала меня и сказала высокому господину:

— А это моя младшая дочь, Николай Ѳедоровичъ!

— Что-жь, хорошо съѣздили? — спросила Катя.

Лиза стала рассказывать о ярмаркѣ. Спустилась сверху и тетя Аня, прибѣжали дѣти съ Жозефиной и пошли привѣты, представленія и прочее. Подъ шумокъ, Петя, залпомъ опрокинувшій свой стаканъ чая, шепнулъ мнѣ:

— Что-жь, побѣжимъ къ мельницѣ на зарницы смотрѣть?

Я утвердительно кивнула ему и заторопилась допить свой стаканъ молока.

— Куда это вы, куда? — заволновалась тетя Аня, видя, что и Лиза, пошептавшись съ нами и съ инженерами, встаетъ изъ-за стола.

— Мы только къ мельницѣ посмотрѣть на зарницы.

— Да что вы не видите ихъ отсюда, что-ли? — сказала Катя. — Станьте къ калиткѣ и смотрите сколько угодно.

— Вѣдь это только, чтобъ отъ насъ убѣжать, — обиженно сказала тетя Аня.

— Ну, пускай ихъ погуляютъ, — заступилась мама.

— Ольга Павловна, идемте зарницы смотрѣть.

— Покорно благодарю. Я боюсь въ темнотѣ лягушекъ давить. Экая невидаль, подумаешь, зарницы!

— Можно мнѣ пойти съ вами? — спросилъ Николай Ѳедоровичъ.

— Пожалуйста.

Мы вспорхнули веселой стайей и черезъ секунду исчезли въ темныхъ аллеяхъ сада.

Жозефина еле поспѣвала за бѣгущими впередъ дѣтьми; за ней быстрыми шагами слѣдовала Лиза съ инженерами, а я съ Николаемъ Ѳедоровичемъ замыкала шествіе. Я не имѣла понятія о томъ, кто онъ такой, и не знала, о чемъ съ нимъ говорить. „Пусть спрашиваетъ, я буду отвѣчать“, — рѣшила я про себя, — „но ужъ выдумывать разговора не стану“. Онъ, однако, не спрашивалъ, и мы долго шли молча. Сорвавъ по дорогѣ вѣточку распускающейся черемухи, онъ сказалъ только:

— Какой славный садъ!

— Да, у насъ тутъ очень хорошо, — поспѣшила я согласиться.

И опять молчаніе. Наконецъ оно начало тяготить меня. Главное, мнѣ почему-то вспомнился гоголевскій разговоръ Ивана Ѳедоровича Шпоньки, оставшагося наединѣ съ дѣвицей: „Лѣтомъ очень много мухъ, сударыня...“ Мнѣ стало смѣшно и совѣстно и, преодолевъ свою застѣнчивость, я стала рассказывать ему о ярмаркѣ, о нашей поѣздкѣ и о томъ, какъ я очарована Малороссіей и деревней, съ которыми

я только такъ недавно познакомилась. Онъ слушалъ меня, изрѣдка кидая мнѣ вопросы и краткія замѣчанья. Онъ тоже любилъ Малороссію и деревню и продолжалъ похваливать садъ, который, повидимому былъ ему отлично знакомъ.

— Вы давно знакомы съ Алексѣемъ Александровичемъ? — спросила я его.

Онъ удивился.

— Я его братъ. Я здѣсь родился и выросъ.

— Такъ вотъ вы кто! Какъ же это я васъ не узнала?

— Такъ вотъ я кто. А вы меня знаете?

— Да, и по рассказамъ вашихъ родныхъ, и по вашимъ карточкамъ въ альбомѣ Алеши.

— Ну, карточки мои довольно древнія, такъ что по нимъ мудрено и узнать меня; а въ рассказахъ родныхъ, я думаю, я и еще меньше похожъ.

Мы заговорили о его родныхъ, о его братьяхъ, которыхъ я встрѣчала раньше, и разговоръ пошелъ у насъ живѣй и свободнѣй, тѣмъ болѣе, что наши мнѣнія и сужденія о людяхъ, наши вкусы и симпатіи были очень схожи и согласны.

Такъ это-то и былъ Николай Феодоровичъ, о которомъ я столько слышала, — двоюродный братъ Алеши, очень любимый и уважаемый въ семьѣ, прозванней его „неутѣшнымъ вдовцомъ“. Онъ былъ женатъ на прелестной женщинѣ, съ которой былъ очень счастливъ и которая умерла четыре года тому назадъ въ скоротечной чахоткѣ, оставивъ ему единственную дочку Марьяну, слабую, хворую дѣвочку, которая тоже чуть не умерла и затѣмъ, по совѣту докторовъ, была отправлена за границу. По словамъ Алеши, жена его двоюроднаго брата была необыкновенно обаятельнымъ существомъ; появленіе ея гдѣ-нибудь было какъ-бы появленіемъ солнечнаго луча... Алеша очень любилъ и самого Николая Феодоровича, считалъ его умнымъ и интереснымъ человѣкомъ и сокрушался о томъ, что со смертью жены онъ совсѣмъ измѣнился, сдѣлался апатичнымъ и безучастнымъ ко всему, заперся въ деревнѣ и хандрить. Отъ родныхъ Алексѣя Александровича я тоже очень много слышала о Николаѣ Феодоровичѣ. Одни говорили, что онъ просто немножко рехнулся, другіе находили его поведение утрировкой и афектаціей. Но и не зная еще его, я всегда заочно обижалась такими толками. Отчего афектація? Развѣ утрата любимаго существа не самое большое горе, какое только можетъ постигнуть человѣка? И если у него такія глубокія и сильныя чувства, такъ вѣдь это только признакъ глубокой и сильной души. И я заочно жалѣла его и симпатизировала ему; а теперь я радовалась тому, что онъ къ намъ пріѣхалъ. И какая-же въ немъ афектація? Самый

простой, хорошій простой человѣкъ. Говорить мало и просто, идетъ съ нами, съ дѣтьми, смотрѣть на зарницы, нюхаетъ черемуху и любитъся деревьями въ цвѣту.

Я и не замѣтила, какъ мы съ нимъ поднялись на скалу и подошли къ старой мельницѣ, подлѣ которой уже собрался весь нашъ кружокъ. Лиза громко болтала, смѣялась и ссорилась со своимъ инженеромъ, который имѣлъ дерзость рассказать ей, что видѣлъ ее во снѣ. А Жозефина отъ времени до времени строго унимала ихъ, говоря съ укоризной: „Lise! Lise!..“

Соня лазила по бревнамъ, прыгивая съ нихъ, а Петя растянулся на травѣ, на животѣ, и подпершись локтями, молча смотрѣлъ на зарницы.

— Мы нарушили уединеніе этой старой мельницы, — сказала Лизинъ инженеръ, — ужъ вѣрно она не поджидала къ себѣ гостей въ эту пору.

— Славная обсерваторія, — замѣтилъ его товарищъ; — ну-съ, зарницы, давайте представленіе.

— Только, пожалуйста, не болтать, — сказала Лиза. — Это такъ мѣшаетъ любоваться.

— Хотите пари, что вы первая начнете болтать, — предложилъ ей поклонникъ.

Лиза негодуяще пожала плечами и не отвѣтила.

Мы всѣ усѣлись на бревнахъ и нѣсколько секундъ молча любовались чудной картиной. Все темнѣющее небо вспыхивало огнями, озарявшими причудливо нагроможденныя, тихо движущіяся облака. Внизу дремало село, камышевыя крыши котораго казались маленькими стогами или копнами сѣна. Стройныя тополи высились къ небу; съ пруда поднимался хоръ лягушекъ, изъ сада чуть слышно доносился соловьиный свистъ, а двчата громко пѣли на вечерницѣ свои пѣсни и заключительное созвучіе долго гудѣло и дрожало, замирая въ прозрачномъ воздухѣ.

Николай Ѳедоровичъ сѣлъ подлѣ меня. Онъ былъ чужимъ и новымъ человѣкомъ въ нашемъ кружкѣ, но почему-то присутствіе его никого не стѣсняло. Всѣ вели себя такъ, какъ будто его и не было; а „Буянъ“, послѣдовавшій за нами на скалу, повертѣвшись около всѣхъ по очереди, спокойно и довѣрчиво расположился у его ногъ.

— Пожалуйста, только не садитесь около меня, — говорила Лиза своему поклоннику. — Я боюсь, что васъ взорветъ!

— Lise! Lise!..

— Да вы не знаете: у него полные карманы динамита... или нитро-глицерина, я ужъ не помню...

— Да что вы, Елизавета Николаевна, съ чего это вы взяли?

— Позвольте, вы мнѣ сами вчера показывали...

— Такъ то вчера было... Случайно. А зачѣмъ я къ вамъ съ динамитомъ поѣду?

— Ну, все-таки, пожалуйста, сядьте тамъ гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, на травѣ...

— Ну, посмотрите мои карманы, если не вѣрите...

— Петръ Антоновичъ, отчего онѣ безъ грома? — спрашиваетъ любознательная Соня.— Что это зарницы?..

— А это либо отраженіе свѣта молніи при отдаленной грозѣ, либо электрическое разряженіе надъ горизонтомъ, на такой высотѣ, что самыя разряженія происходятъ въ рѣдкихъ слояхъ воздуха и потому безъ особаго треска...

— Въ какихъ слояхъ?.. Развѣ воздухъ изъ слоевъ, послушайте...

— О, волшебное зрѣлище!—мечтательно закрывая глаза, говорить Жозефина.—Это лучше грозы. Въ грозѣ есть что-то страшное, карающее... А здѣсь тоже Божій взглядъ, но не разгнѣванный, а благоволящій...

— Чудно, чудно!—твердитъ Лиза.—А ты посмотри въ кулакъ, Наташа. Ай, какъ хорошо!.. Кажется, еще чуть-чуть попристальѣй посмотрѣть и увидишь праведниковъ въ бѣлыхъ одеждахъ, ангеловъ съ золотыми трубами...

— Вотъ, вотъ!.. Сейчасъ я видѣлъ ангела, — говоритъ Лизинъ инженеръ.

— Вы только все вздоръ говорите, — обижается она. — Скажите-ка лучше, какъ это у Тютчева: „Словно вѣщія зѣнницы“.

— Э-ва сказали: „вѣщія зѣнницы!..“ И ни одного-то стихотворенія вы не знаете.

— Ну, вы знаете, такъ и скажите.

— Слушаю-съ...

„Словно тяжкія рѣсницы
Разверзались порою,
И, сквозъ бѣглыя зарницы,
Чьи-то грозныя зѣнницы
Загорались надъ землею...“

— Какъ? Какъ? — требуетъ перевода Жозефина, и я такъ-сякъ передаю Тютчева по-французски.

— Ну, да, и я говорю, что это взглядъ божества. Онъ выразилъ мою мысль стихами. Какъ? Тютчѣвъ? Тютчѣвъ?..

— И вдругъ они видятъ насъ эти грозныя зѣнницы, — качая головой, говоритъ Лиза, — насъ, глухихъ, маленькихъ, ничтожныхъ...

— Да, ужъ лучше-бы насъ никто не видѣлъ, — перебиваетъ ее ея поклонникъ.

— А я такъ люблю думать, что кто-то видитъ насъ всегда до дна, до глубины,—говорю я.—Вѣдь это грустно, что люди не читаютъ другъ у друга въ душѣ, не понимаютъ другъ друга. И знать, что есть „грозныя зѣницы“, отъ которыхъ ничто не укроется,—это утѣшеніе.

— Ну, я свою душу не понесъ бы къ свѣту,—говоритъ мой инженеръ.

— Потому, что мы всё такіе гадкіе, ничтожныя, слабыя,— снова сокрушается Лиза.—Всё знаемъ, что хорошо, и никто не дѣлаетъ ничего хорошаго. Даже стыдно становится, когда подумаешь, какава мы дрянь! Только и есть у насъ порядочный человѣкъ,— Ольга Павловна.

— Тѣмъ, что она глупа?

— Во-первыхъ, чѣмъ она глупѣе... насъ? А во-вторыхъ, она просто предостойный человѣкъ: смиренная, нищая духомъ, не вретъ, не враждуетъ, отдала свое имущество...

— Предводителю, въ котораго была влюблена. Экая праведность, подумаешь!..

— Однако, вы бы этого не сдѣлали.

— А, можетъ быть, и сдѣлалъ бы...

— Ну, вы все только вздоръ говорите. Нѣтъ, ей-Богу, я ужасно уважаю ее за то, что у нея нѣтъ имущества. Старое коричневое платье и больше ничего. А подарите ей что-нибудь, она сейчасъ отдастъ другому. Въ стирку она только и даетъ попеременно воротничекъ и носовой платокъ. Когда воротничка нѣтъ на шеѣ, я ужъ такъ и знаю, что Ольга Павловна въ платокъ сморкается, а когда надѣтъ воротничекъ, она обходится безъ платка, на простонародный манеръ. Я даже не знаю, есть-ли у нея рубашки?..

— Lise! Lise!

— А кто это однако болтаетъ. Насъ просили молчать.

— Я и молчу... Это вы все заговариваете.

Николай Ѳеодоровичъ сидѣлъ молча, безучастно прислушиваясь къ ихъ безсвязной болтовнѣ и смотрѣлъ на дремлющее село и на небо, въ которомъ трепетали зарницы. А я слѣдила за его взглядомъ и думала о немъ, вспоминая все, что я слышала о его горѣ. И въ душѣ поднималось сочувствіе къ этому большому горю. Онъ не возбуждалъ жалости, этотъ сильный, мужественный человѣкъ, въ которомъ трудно было-бы предположить малодушіе. Подступитъ къ нему съ утѣшеніями трудно. Оттого-то они и критикуютъ его, его родные. Афектація, утрировка... Какъ имъ не стыдно? Если-бъ у меня умеръ мужъ, я тоже никогда не забыла-бы его и тоже перестала-бы улыбаться. Это такъ понятно.

Вѣроятно чувствуя, что я о немъ думаю, онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ: — Какъ тутъ хорошо!

— Неправда-ли? Это мое любимое мѣсто. Я люблю смотрѣть за-
кать отсюда...

— А грозу, Наташа! Помнишь, какъ мы грозу смотрѣли, гово-
рить Петя.—Ахъ, какъ было красиво! Кругомъ все молніи. А тучи
такъ и бѣгутъ...

— И неправда-ли какъ хорошо стоитъ здѣсь эта мельница? Тамъ
пониже ихъ еще много, но это моя любимая. Она царитъ надъ Во-
жидаровкой. Почти со всѣхъ пунктовъ Вожидаровки она видна. И такъ
какъ у меня страшное воображеніе и я всѣмъ неодушевленнымъ пред-
метамъ навязываю какой-нибудь характеръ, то ее я представляю
себѣ почтеннымъ мудрецомъ-философомъ въ убогой сѣрой одеждѣ, съ
скрытой внутренней работой, съ крыльями,—мудрецомъ, ставшимъ на
самую высокую точку и спокойно созерцающимъ маленькую жизнь ма-
ленькаго села. Когда у меня являются какія-нибудь сомнѣнія, я при-
хожу къ этой мельницѣ за совѣтомъ.

— Желалъ-бы я подслушать когда-нибудь вашу бесѣду съ ней,—
говорить мой инженеръ.

— Чаще всего она говоритъ мнѣ: перемелется—мука будетъ.

— Довольно философское изреченіе. Но мнѣ интереснѣе то, что
вы ей говорите, чѣмъ то, что она вамъ говорить.

— Спросите у нея.

— Непремѣнно. Пойдемте, Соничка, разговаривать съ философомъ.

Они отошли къ мельницѣ, и Соня принялась лазить по животре-
пещущей ветхой лѣсенкѣ. Жозефина въ страхѣ несчастнаго случая
послѣдовала за ними.

А Лиза стала спрашивать Николая Оедоровича, гдѣ онъ всегда
живетъ? Въ деревнѣ, давно уже, съ тѣхъ поръ, что онъ вышелъ въ
отставку. Вотъ-то счастливый человѣкъ! И Лиза горячо и скорого-
воркой начала жаловаться ему на бессмысленность нашей петербург-
ской жизни съ выѣздами, съ вечерами и визитами. И какихъ денегъ
это стоитъ!.. Она рассказала съ комическими подробностями, какъ мы
наряжаемся передъ баломъ, какъ сходимся въ освященной залѣ съ
другими такими же дурами и съ молодыми людьми, которые, какъ и
мы, по три часа наряжались передъ зеркалами, прежде чѣмъ сюда
явиться, и, какъ и мы, не сдѣлались отъ этого ни умнѣе, ни инте-
реснѣе. И она болтала и болтала, восхваляя жизнь по природѣ!..

— И вѣдь все это вы такъ только говорите,—поддразнивалъ ее
ей инженеръ.—А прїѣдете въ Петербургъ и начнете снова выѣзжать.
И все это покажется естественнымъ и въ порядкѣ вещей. А о де-
ревнѣ позабудете, и о насъ грѣшныхъ, конечно.

— Нѣтъ, ужъ мы рѣшили съ Наташей болѣе не выѣзжать.

— Рассказывайте! Ужъ одно, что вы танцовать такъ любите...

— Такъ что-жъ такое? Кто же мнѣ помѣшаетъ танцовать, сколько я хочу. А вы любите танцовать, Николай Федоровичъ?

— Я много танцовалъ.

— Какой танецъ вы лучше всего танцуете?

— Право, не помню. И никогда не думалъ объ этомъ.

— Нѣтъ, вы не думайте, что я это такъ просто глупости спрашиваю. Въ любимомъ танцѣ человѣка сказывается его характеръ. Я, наприкладъ, люблю и лучше всего танцую мазурку, а Наташа — вальсъ. Катя лучше всего въ менуэтѣ; есть дамы, которыя просто созданы для полонеза; а мы съ ней въ полонезѣ нигуда не годимся. Вы, должно быть, вальсъ хорошо танцуете...

— Ты лучше всего русскую пляшешь.

— Нѣтъ, мазурку, мазурку!.. Хотите посмотрѣть, какъ я мазурку танцую. Михайлъ Ивановичъ, идемте... *Mademoiselles, ayez la complaisance de chanter...*

И, подъ несладное пѣніе Жозефины, Сони и Пети, они понеслись, танцуя, вокругъ мельницы.

— Молчить вашъ мудрецъ, — сказала мой инженеръ. — Или у меня нѣтъ воображенія; вообще я мало одаренная натура.

— Это ваша кузина? — спросилъ Николай Федоровичъ, слѣдя взглядомъ за Лизой, которая, чуть чуть склонивъ набокъ голову, граціозно и легко порхала по травѣ. — Какая милая дѣвушка!

Я стала объяснять ему степень родства и тоже стала расхваливать Лизу; но мнѣ было немножко обидно, что онъ уже похвалилъ ее, а меня еще было не за что. Положимъ, Лиза и красивѣе, и лучше меня, и проще, и развязнѣе, но все-таки жалко, что она ему нравится больше, чѣмъ я. Онъ думаетъ, что и я не могу наболтать съ три короба. Сколько угодно! Только мнѣ совѣстно... Такъ ему Лиза больше нравится. Ну, и пускай!..

— Однако, мы такъ заглядѣлись на небо, что забыли о земномъ, — сказала Жозефина, — пора дѣтямъ спать и насъ навѣрное уже ждуть съ ужиномъ.

— У нея одна радость: насъ спать укладывать! — съ сокрушеніемъ проворчалъ Петя, не поднимаясь съ травы.

— Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь такъ хорошо, что жаль уходить, — сказалъ Николай Федоровичъ, поднимаясь.

— Да зачѣмъ уходить, — спросила Лиза, опускаясь на бревно, чтобъ отдохнуть отъ мазурки, — что намъ тамъ дѣлать?

— Оставайтесь, если хотите, а я съ дѣтьми ухожу, — сказала непреклонная Жозефина.

Тогда мы всё покорно поднялись и стали спускаться вслѣдъ за нею по живописной тропинкѣ.

Понемногу мы съ Николаемъ Ѳедоровичемъ отстали отъ другихъ и опять остались вдвоемъ. Мы спускались въ садъ, и онъ рассказывалъ мнѣ, каковъ былъ этотъ садъ во времена его дѣтства и юности, говорилъ, какія деревья были посажены здѣсь его отцомъ, его братьями, имъ самимъ, показалъ мнѣ дерево, подъ которымъ онъ стоялъ цѣлый день въ наказаніе за то, что подрался съ Алешей. Я запомнила все это; и такъ странно было представить себѣ, что, этотъ высокій, немолодой уже человѣкъ былъ когда-то нѣжнымъ маленькимъ ребенкомъ, который шалилъ и котораго наказывали! Потомъ онъ сталъ рассказывать мнѣ о своей дѣвочкѣ, о своей дочери Марьянѣ, которая уже второй годъ жила въ Montreux въ русской семьѣ и каждый день писала ему письма. Меня давно интересовала эта дѣвочка, и я спрашивала его о ней, желая узнать, понять и полюбить ее. Онъ охотно и такъ хорошо говорилъ о ней. Я поняла, что это самый интересный, живой и близкій его сердцу разговоръ и рѣшила не говорить уже ни о чемъ другомъ. Какъ онъ любилъ, какъ зналъ ее! Счастливая дѣвочка! Это такая рѣдкость, чтобъ родители знали, что любятъ, что думаютъ ихъ дѣти. А онъ все это зналъ и, рассказывая мнѣ о томъ, что любитъ Марьяна, онъ спрашивалъ меня: „А вы?..“ и повемножу и мнѣ приходилось высказываться, и мы знакомились все больше.

Мы все ближе и ближе къ дому, окна котораго свѣтятся огнями. Вотъ уже слышны звуки рояля. Катя играетъ романсъ Шумана:

„Перелетныхъ птицъ станицы
Потянулись черезъ садъ.
Знать, весна пришла. Зарницы
Ярче прежняго блестятъ“.

И онѣ дѣйствительно блестятъ, все еще блестятъ. Лиза съ компаніей, дойдя до площадки, начинаетъ играть въ горѣлен. Они кричатъ, хохочутъ и бѣгаютъ. А мы съ Николаемъ Ѳедоровичемъ ходимъ назадъ и впередъ по дорожкамъ цвѣтника, слушая музыку и тихо бесѣдуя о Марьянѣ. Онъ любитъ Шумана.

— А ваша дочь играетъ?

— Да, у нея прекрасныя музыкальныя способности. Но теперь еще ей запрещено играть. Позже, когда она поправится...

И мы вмѣстѣ мечтаемъ о томъ, какъ она поправится, вернется въ Россію, будетъ жить съ нимъ и подъ его руководствомъ будетъ учиться и развиваться... Петя и Жозефина, лоя другъ друга, налетаютъ на насъ съ разбѣга и чуть не сбиваютъ насъ съ ногъ.

— Pardon, chère Natache!.. Pardon, monsieur!..

— Ну, и будетъ,—говорить Лиза, помахивая на себя концомъ своего вышитаго передника.—Уфъ! устала! Домой!..

Щурясь отъ яркаго свѣта, мы всѣ входимъ за ней изъ-подъ высокаго Божьяго крова въ маленькую, лампами освѣщенную гостиную, гдѣ, подъ игру Кати, мама и тетя Аня сражаются въ шахматы, а Евграфъ Ивановичъ куритъ длиннѣйшую трубку, сочувственно выслушивая жалобы Алексѣя Александровича на новаго управляющаго.

— Хорошо прогулялись?—спрашиваетъ тетя Аня,—долго-же вы любовались зарницами!

— Смотрите,—ворчитъ Петя,—она насъ торопила, торопила, а столъ еще и не накрывали.

— Сколько разъ тебѣ говорили не говорить „она!..“ mademoiselle, а не „она“!

— Мадмозель... Чего она насъ тащила!..

— Сейчасъ, сейчасъ вамъ будетъ ужинъ,—говоритъ Катя, закрывая ноты.

— Неужели вы еще и ужинаете?!—съ ужасомъ говоритъ Николай Федоровичъ.

Катя смѣется его испугу.

— Да вѣдь мы рано обѣдаемъ. А тамъ, смотришь, къ вечеру уже опять всѣ голодны. Знаете: деревенскій воздухъ—деревенскіе аппетиты. Я пробовала мѣнять, да невольно на старое сбиваешься. И Алеша ужъ такъ привыкъ...

— У Голубцовыхъ такъ тамъ семь разъ въ день ѣдятъ,—гордо заявляетъ Ольга Павловна:—утромъ въ постеляхъ ѣдятъ, потомъ въ кофію сходятся всѣмъ семействомъ, а тамъ еще завтракаютъ, полдникаютъ, обѣдаютъ, вечераютъ и ужинаютъ.

Ермолай, накрывая въ сосѣдней комнатѣ на столъ, начинаетъ позванивать стаканами.

— Это удивительно,—говоритъ тетя Аня, дѣлая ходъ конемъ,—до чего въ деревнѣ люди много ѣдятъ. Отъ бездѣлья-ли или отъ близости къ животнымъ они дѣлаются такими обжорливыми и скотоподобными!

— Ну ужъ, лучше-ли въ городѣ?—возражаетъ Катя.—Тутъ хоть ѣдятъ люди здоровые, съ здоровыми аппетитами, нагулявшіеся, если не наработавшіеся на вольномъ воздухѣ. А въ Петербургѣ-то! Какъ вспомнишь эти званые обѣды! Съѣдутся въ каретахъ люди сытые, пресыщенные, уже переѣвши до болѣзни, разряженные, затянутые, въ корсетахъ, въ мундирахъ... И давай еще начинаться разными foie gras, трюфелями, омарами, сырами, всякими неудобоваримостями. А потомъ нужны доктора, порошки, пилюли!.. Ужасная мерзость!..

— Это конекъ моей супруги, Николинька, — говоритъ Алексѣй Александровичъ, — прославленіе деревенской простоты и осужденіе городской утонченности.

— Вижу, вижу, — сказала Николай Ѳедоровичъ. — Я уже и отъ барышень слыхалъ кое-что въ этомъ родѣ.

— И это вамъ не нравится? — спросила Лиза.

— Напротивъ. Это очень симпатично.

— У Хрулевыхъ пять разъ въ день ѣдятъ, а у Карташовыхъ — восемь, — радостно заявляетъ Ольга Павловна.

— Я лично за умѣренность, — говоритъ Катя. — Мнѣ двухъ блюдъ за глаза довольно.

— Лучше блюдо зелени и при немъ любовь, чѣмъ раскормленный быкъ и при немъ ненависть, какъ говоритъ писаніе, — изрекаетъ Евграфъ Ивановичъ и затягивается трубкой.

— Мнѣ двухъ блюдъ довольно, — повторяетъ Катя, — но когда я вижу, что сколько-бы я ни велѣла приготовить и подать, все это моментально съѣдается, мнѣ, конечно, страшно становится подать мало. Нельзя-же не накормить гостей. Ну, и даю четыре блюда.

— И прекрасно дѣлаешь, — говоритъ Алеша. — Чистѣйшая ерунда — эта умѣренность. Сказано въ писаніи: ѣшь, пей и веселись...

— Подъ свѣтлый праздникъ у Карташовыхъ шесть столовъ ставится. И чего-чего тамъ нѣтъ! — продолжаетъ Ольга Павловна.

— А наливка-то у нихъ какая, Ольга Павловна! — подсказываетъ Лизинъ инженеръ. — Терновка-то? Ай-ай-ай! какая!..

— Что бы вамъ когда-нибудь мнѣ рецептъ привезти? — говоритъ Катя.

Въ столовой громче раздается стукъ ножей и тарелокъ; слышенъ уже и запахъ кушанья.

— Это удивительно, — повторяетъ тетя Аня, сдѣлавшая мать своей противницѣ, — до чего въ деревнѣ люди заняты ѣдою. Я думаю, это отъ отсутствія всякихъ интересовъ...

— Не дадутъ они рецепта-то, — глубокомысленно замѣчаетъ Ольга Павловна. — Отъ всѣхъ скрываетъ Анисья Ѳедоровна...

— А рядомъ люди съ голоду умираютъ, — неожиданно спохватывается инженеръ и, обращаясь къ Лизѣ, прибавляетъ: — Я привезъ вамъ этотъ кусочекъ хлѣба съ лебедой, что мнѣ далъ рабочій изъ голоднаго уѣзда.

— Покажите, — говоритъ Лиза, и ея подвижное лицо уже заранѣе перекашивается выраженіемъ состраданія и ужаса.

Инженеръ вынимаетъ довольно плотный бумажникъ и, раскрывъ его, достаетъ оттуда маленькій кусочекъ темно-бураго черстваго хлѣба, завернутаго въ двѣ чистенькія бумажки. Лиза торопливо развора-

чиваетъ ихъ и, вынувъ хлѣбъ, нѣсколько секундъ молча смотритъ на него, потомъ говорить, блѣднѣя и чуть не со слезами:

— И это — хлѣбъ!.. И это ѣдятъ люди, люди!.. Нѣтъ, нѣтъ; Боже, какія мы свиньи!..

Жозефина старается отгрызть кусочекъ этого диковиннаго хлѣба, открывая свои бѣлые, крѣпкіе и сверкающіе зубы.

— Совсѣмъ земля, только горькая, — говоритъ Соня, тоже лизнувшая диковину вслѣдъ за гувернанткой.

— Кто тебѣ позволилъ всякую гадость въ ротъ тащить, — съ отчаяніемъ говоритъ тетя Аня. — Ты должна была спросить позволенія.

Жозефина слѣшитъ принести извиненіе въ томъ, что не остановила Соню, а инженеры начинаютъ горячо и даже довольно краснорѣчиво печаловаться о нищетѣ, о темнотѣ и о всякихъ бѣдствіяхъ нашего народа, прибавляя, что въ Европѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего подобнаго.

Я слушаю ихъ и смотрю на Николая Федоровича, думая: „Ну-ка, скажи-ка ты что-нибудь хорошее... что-нибудь разъясняющее, облегчающее, примиряющее...“ Но онъ молчитъ. Говорятъ только инженеры, говоритъ Катя, тоже откусившая крошечку хлѣба съ лебедой и получившая такимъ образомъ понятіе о томъ, чѣмъ питаются голодающіе.

Онъ молчитъ, и черезъ нѣсколько секундъ я прихожу къ убѣжденію, что онъ прекрасно дѣлаетъ. Вѣдь и инженеры поговорятъ, поговорятъ, да и пойдутъ въ столовую уплетать за обѣ щеки пироги и котлеты, а диковинный кусочекъ хлѣба схоронится въ бумажникъ. Къ чему-жъ эта пустая болтовня! Зачѣмъ лицемѣрие?.. Развѣ кому-нибудь жалко этихъ людей, у которыхъ нѣтъ лучшей пищи? Вѣдь никому ихъ не жаль!.. Никому!.. Слава Богу, что онъ молчитъ и не лицемѣритъ.

Евграфъ Ивановичъ, тоже поглядѣвшій на кусочекъ хлѣба и даже понюхавшій его, подебѣлъ къ Николаю Федоровичу и по поводу этого хлѣба завелъ съ нимъ интересную для обоихъ бесѣду о хозяйствѣ, въ которой я ничего не понимала и изъ которой ловила только отдѣльныя неясныя мнѣ словечки: „глауконитъ“, — „каинитъ“, — „фосфоритъ“ и т. п. Соня тѣмъ временемъ все шептала мнѣ что-то на ухо. Что такое? Она только что научилась танцовать польку и теперь каждый вечеръ, если только не было постороннихъ, съ упоеніемъ упражнялась въ этомъ искусствѣ. Инженеры не только не мѣшали ей, но еще и сами танцовали съ ней, привлекая и меня, и Лизу къ участию въ этихъ импровизированныхъ балахъ. Но она не знала, какъ смотрѣть на Николая Федоровича, какъ на гостя или какъ на своего человѣка? Можно при немъ или нельзя?

Николай Ѳедоровичъ разрѣшилъ ея сомнѣнія тѣмъ, что перешелъ съ Евграфомъ Ивановичемъ въ кабинетъ Алеши, гдѣ они втроемъ безпрепятственно предались обсужденію интересующихъ ихъ вопросовъ агрономіи.

А мы стали танцовать въ гостиной.

Мой инженеръ ангажировалъ меня на кадрили и, танцуя, кидалъ мнѣ нѣжные взгляды, которые начинали смущать меня. Мнѣ казалось, что я въ чемъ-то виновата. Конечно, виновата, если допустила возможность такихъ взглядовъ и не знаю, чѣмъ остановить ихъ! И главное теперь, когда здѣсь Николай Ѳедоровичъ, человѣкъ такой высокой пробы, несомнѣнно такой высокой нравственности; онъ непременно все это увидитъ, разсудитъ и ему навѣрное это будетъ противно. Конечно, я виновата! Я дѣлала видъ, что не вижу, хоть и видѣла. Но что-жъ мнѣ теперь дѣлать? Какъ прекратить это? И я танцевала съ холоднымъ строгимъ лицомъ, а инженеръ мой спрашивалъ меня: „Вы не въ духѣ? Вы сердитесь?.. Кто васъ разсердилъ?“ Ничего не понимаетъ!

Ольга Павловна, держа на колѣняхъ кота Ваську, который сладко спалъ, свернувшись клубочкомъ, съ безмятежной и свѣтлой улыбкой поглядывала на танцующихъ. Закружившись въ вальсѣ, я садилась отдохнуть подлѣ нея, и она, почесывая за ушкомъ у Васеньки, рассказывала мнѣ о Николаѣ Ѳедоровичѣ, о томъ, какъ онъ *въ свое время* вальсировалъ; одинъ восторгъ!.. Она вѣдь знала его еще юношей, знала его почти ребенкомъ, Николинъ-у-то!.. Первый кавалеръ былъ въ уѣздѣ! Онъ, да покойный предводитель (тотъ самый, что обобралъ Ольгу Павловну),— вотъ были кавалеры, такъ кавалеры; такихъ поискать теперь!.. А нынѣшніе что — мелюзга, шушера!.. И сколько въ него здѣсь перевлюблялось и дамъ и дѣвицъ! Господи, Ольга Павловна знала про такія страданія, про такія безумія; слезъ-то сколько изъ-за него пролито было! Отравлялись просто, да!.. Одну барышню за границу лечить повезли. Ужъ онъ и женился, а его все еще любили... Такъ умѣлъ понравиться! Веселый, собой молодець, душа общества. Ну, и жену себѣ подъ-пару нашелъ. Хорошенькая, умная, богатая... У него здѣсь въ уѣздѣ имѣнье было, братьямъ продалъ; а у ней въ другой губерніи шесть тысячъ десятинъ... Одѣвалась какъ!.. Ольга Павловна разъ только ее и видѣла, на балѣ у предводителя... Лучше всѣхъ была... Въ бархатномъ гранатномъ платьѣ, съ жемчугами на шеѣ... Глаза черненькіе, сама бѣленькая... Просто, куда они пріѣзжали, на нихъ всѣ какъ на царей какихъ смотрѣли. И вотъ не далъ Богъ вѣку. Кажется, только-бы жить ей да радоваться... А Богъ-то вотъ по-своему... И теперь ужъ онъ совсѣмъ не тотъ. Просто смотрѣть жалко, какъ перемѣнился. Волосы сѣдые показались. Тотъ-ли это Николай Ѳедоровичъ?!..

Я уже много разъ слышала эти самые рассказы, но послѣ нашей прогулки, теперь, когда въ отворенную дверь кабинета, я видѣла Николая Ѳедоровича и до меня долетали звуки его голоса, — рассказы эти задѣвали меня гораздо живѣе.

И мнѣ становилось грустно. Зачѣмъ-же она умерла, эта хорошенькая женщина съ черными глазами, въ гранатномъ платьѣ и съ жемчугами на бѣлой шеѣ?.. Какъ ей не жалко было оставить такого мужа, оставить его одного... Боже мой, какъ однако мѣръ физической сплетается съ мѣромъ психическимъ!.. Какая-нибудь болѣзнь, смерть близкаго существа и, смотришь, душа надломлена, разбита... Какъ намъ надо воспитывать въ себѣ покорность судьбѣ, закалять свои души, готовить ихъ къ встрѣчѣ ударовъ... А кто объ этомъ думаетъ? Насъ учатъ *манерамъ!* Грустно, все это грустно!..

Я выхожу изъ гостиной на круглый балконъ, обвитый зеленой эпимеей, гдѣ мама и тетя Аня бесѣдуютъ въ полутемнотѣ о ея болѣзни и о предстоящей ей операциі. Я въ этомъ ничего не смыслю, не больше чѣмъ въ „фосфоритахъ“ и, не слушая ихъ, облокачиваюсь подлѣ нихъ на перила, думая о новомъ гостѣ, о томъ, какъ онъ жилъ, какъ живетъ теперь и какъ онъ будетъ жить. И они говорятъ еще: утрировка, аффектація! Какое безсердечіе!..

Ужинать! Ужинать!

На столѣ дымится миска варениковъ, каша, картофель, пылята, поросенокъ подъ хрѣномъ... Кусочекъ хлѣба съ лебедой схороненъ въ бумажникѣ и преданъ забвенью. И гремя стульями, мы подсаживаемся къ уставленному горячими яствами столу. Мужчины продолжаютъ начатый разговоръ и дамы пристають къ нему, требуя поясненій и толкованій, путая и перевирая... Дѣти сонными глазами смотрятъ на пирожное, прося прибавки, только побольше и еще побольше. Николай Ѳедоровичъ сидитъ противъ меня, передаетъ мнѣ тарелки, наливаетъ мнѣ квасу, а я украдкой разглядываю его. Я люблю разсматривать новыя лица и читать въ нихъ свойства человѣка, какъ читають музыку по написаннымъ нотахъ. Вѣдь все, что мы любимъ, наши свойства, наши страсти и пороки, все написано у насъ на лицахъ, нужно только навыкъ, чтобъ разбирать написанное, какъ разбирають ноты. Хорошее у него лицо: и красивое, и доброе, и умное. Только зачѣмъ эти складки на лбу, а главное, зачѣмъ это усталое, безучастное и равнодушное выраженіе, которое какъ будто говорить: „Разъ жизнь обманула, но другой разъ не обманетъ. Теперь я выше горестей, и ничто подобное уже не тронетъ меня“.

Послѣ ужина расходимся по своимъ комнатамъ.

Я прощаюсь съ нимъ послѣ всѣхъ; такъ ужъ приходится. И когда онъ пожимаетъ мнѣ руку, ласково поглядывая на меня съ высоты

своего богатырскаго роста, мнѣ кажется, что онъ уже давно, давно живеть у насъ и только на время уѣзжалъ по случаю внезапно обрушившагося на него горя. Но теперь, слава Богу, онъ вернулся и останется у насъ. И съ этой успокоительной мыслью я, не торопясь, поднимаюсь по лѣстницѣ за громко зѣвающей Лизой. Писать дневникъ мнѣ въ этотъ вечеръ не хочется. Что тамъ писать! Пора спать. И только на минуту я выхожу на балконъ, чтобъ съ довольнымъ и радостнымъ чувствомъ взглянуть еще разъ на зарницы, которыя становятся все рѣже-рѣже и слабѣе, и блѣднѣютъ, и гаснутъ въ небѣ.

На слѣдующее утро, возвращаясь съ база, я натѣнулась на моего инженера, который съ озабоченной физиономіей ходилъ взадъ и впередъ по верандѣ.

— Можно мнѣ пройти съ вами?

Я немного смутилась. А что какъ Николай Ѳедоровичъ тоже рано встанетъ и увидитъ насъ; что онъ подумаетъ?.. И пробормотавъ, что мнѣ необходимо написать еще нѣсколько писемъ до отхода поѣзда, я побѣжала наверхъ. Тамъ, отъ нечего дѣлать, я дѣйствительно принялась писать письма, разсказывая, какъ прекрасно я провела пасху: ѣздила на ярмарку, ѣздила въ усадьбу къ теткѣ, а теперь у насъ гости: два инженера и еще одинъ господинъ, родственникъ моего beau-frère'a.

Сообщивъ эти интересныя подробности тремъ пріятельницамъ и убивъ такимъ образомъ утро, я заклеила конверты и спустилась въ столовую, гдѣ всѣ были уже въ сборѣ. Николай Ѳедоровичъ съ газетой въ рукахъ сидѣлъ въ углу, за маленькимъ столикомъ, и читалъ вслухъ телеграммы. По прочтеніи ихъ поднялся горячій разговоръ о Сербіи, о добровольцахъ и о возможности, о неизбежности войны съ Турціей.

Осушивъ три стакана чая и заявивъ, что все это вздоръ и никабой войны не будетъ и не будетъ, Алексѣй Александровичъ всталъ и сталъ собираться въ какую-то необходимую поѣздку.

— А Николинью вамъ оставляю, mesdames, — сказалъ онъ, прощаясь. — Прошу занять его.

— Я самъ себя займу, — сказалъ Николай Ѳедоровичъ.

Но мама и Катя бுவально приняли просьбу Алеши и, перейдя въ гостиную, принялись разспрашивать Николая Ѳедоровича объ его дѣвочкѣ. Онъ съ готовностью отвѣчалъ на ихъ разспросы, но мнѣ казалось, что наканунѣ онъ гораздо больше и охотнѣе разсказывалъ мнѣ о ней. Это очень радовало меня и, присѣвъ съ работой къ обну, я считала крестики, внимательно слѣшая о Марьянѣ подробности, которыя я уже знала. Маму интересовало, училась-ли она тамъ? И онъ разсказывалъ объ ея учителяхъ и учительницахъ. Ну, а потомъ,

когда она вернется, отдасть онъ ее въ какое-нибудь учебное заведение? Нѣтъ, онъ слишкомъ знаетъ цѣну присутствію любимаго ребенка, чтобы еще безъ крайней необходимости разстаться съ ней. Зашла рѣчь о томъ, что лучше для дѣвушки—домашнее воспитаніе въ семьѣ или воспитаніе въ общественномъ заведеніи? Тетя Аня принимала этотъ вопросъ особенно близко къ сердцу, такъ какъ и она не рѣшила еще, какъ ей быть съ Соней. Разстаться съ единственной дочкой—жалъ, съ другой стороны, учителя такъ дороги! Начались сравненія гимназій съ институтами, толки о женскихъ курсахъ. Оба инженера заявили, что терпѣть не могутъ курсистокъ. За что?.. Это глупо! Мой инженеръ, подсѣвъ поближе ко мнѣ и мѣшая мнѣ считать крестики, объяснялъ, что онъ цѣнить въ дѣвушкѣ больше всего женственность, доброту и нѣжность; пусть она будетъ серьезной, но только не педанткой!.. Я слушала и отвѣчала: „Три, четыре... четыре, пять, шесть“. Лизинъ инженеръ еще рѣзче возставалъ противъ курсистокъ, обозвалъ ихъ „учеными дурами“ и объявилъ, что питаетъ къ нимъ органическое отвращеніе. Тогда мы всѣ обидѣлись за курсистокъ и начали говорить ему обидныя и непріятныя вещи. Тетя Аня волновалась и теряла голосъ, доказывая ему необходимость образованія и самостоятельнаго заработка для женщины, а Лиза харахорилась еще больше ея и не давала уже ему раскрыть и рта, забрасывая его самыми ехидными замѣчаніями. Разговоръ обострялся, и чтобы положить ему конецъ, Катя предложила сыграть партію въ крокетъ.

Утро было сѣренькое, ни холодное, ни теплое. За ночь прошелъ легкій теплый дождичекъ, отъ котораго молодая зелень стала еще свѣжѣе и душистѣе.

Дѣти побѣжали разбивать ворота; а мама принесла мнѣ сверху мою голубую фланелевую кофточку и заставила меня надѣть ее, увѣряя, что свѣжо и легко простудиться.

Игра завязалась оживленная. Партію *красныхъ* составляли: Катя, Лиза, Жозефина и оба инженера, партію *синихъ*: Петя, Соня, Ольга Павловна, Николай Федоровичъ и я. Дѣти суетились, смѣялись, волновались, стучали и шумѣли и приходили въ неистовый восторгъ отъ мастерскихъ ударовъ Николая Федоровича, который съ каждой своей очередью совершенно мѣнялъ ходъ игры, съ трескомъ разгонялъ шары противниковъ, проводилъ своихъ, и совершивъ всѣ эти подвиги, скромно отходилъ въ сторону, потряхивая кудрями и чуть-чуть улыбаясь радости дѣтей.

Скоро весь интересъ игры сосредоточился на немъ и на Лизѣ, которая была вожакомъ и гордостью своей партіи. Она раскраснѣлась и отъ усердія, и отъ сознанія своего успѣха, волновалась, кричала, перебѣгала съ мѣста на мѣсто, распекала инженеровъ, спорила

Катей и Жозефиной и сердилась на Николая Федоровича и его ловкие удары. Лизинъ инженеръ, какъ всегда, балагурилъ и дѣлалъ постыднѣйшіе промахи. Мой поклонникъ молчалъ и отъ времени до времени выдалъ мнѣ выразительные взгляды, которые приводили меня въ ярость. И за спиной Николая Федоровича я дѣлала ему свирѣпыя глаза, но онъ ничего не понималъ и по вчерашнему спрашивалъ:

— Я васъ разсердилъ? Чѣмъ я васъ разсердилъ?..

Я робко поглядывала на Николая Федоровича, стараясь прочесть на его лицѣ, замѣчаетъ-ли онъ эти глупые взгляды и презираетъ-ли меня за то, что допустила ихъ возможность? Но Николай Федоровичъ спокойно и добродушно поглядывалъ на меня, давая мнѣ совѣты насчетъ того, какъ держать молотокъ, и училъ дѣтей, которыя льнули къ нему и вѣшались на него, какъ будто давно его знали. Ольга Павловна тоже обращалась къ нему за указаніями, и намъ казалось, что мы — *синіе* — не партія, а маленькая дружная семейка, въ которой онъ — глава и опора; и мы окружали его и тѣснились къ нему, враждебно поглядывая на *красныхъ*, отъ которыхъ искали у него защиты. А когда наступала его очередь, и онъ, обинувъ взглядомъ поле игры, поднималъ молотокъ, я слѣдила за его движеніями и думала: „Какъ онъ добръ, должно быть! Ну, что ему за радость играть въ такую скучную игру! А онъ вотъ снисходить до насъ и не тяготится этимъ. Или ужъ для него нѣтъ ни веселаго, ни скучнаго, ни печальнаго, ни радостнаго, ни большаго, ни малаго, а все ему равно?.. Или ужъ ничто не можетъ оживить, развеселить его, развеселить настолько, чтобъ онъ разсмѣялся вотъ такимъ смѣхомъ, какимъ смѣется Лиза?“.. И я задумывалась объ этомъ, устремивъ пристальный взглядъ на свой молотокъ, пока дѣти не начинали кричать мнѣ: „Тебѣ, тебѣ, Наташа!“

Такъ мы играли вплоть до обѣда. Николай Федоровичъ разбилъ *красныхъ* на-голову и дѣти были въ восхищеніи, визжали, прыгали, хлопали въ ладоши и поддразнивали Лизу, которая сердилась и смѣялась, упрекая своихъ не поддержавшихъ ея союзниковъ. Страсти разгорались, и за обѣдомъ продолжалась пикировка и перебранка между *красными* и *синими*.

Сейчасъ же послѣ обѣда *красные* потребовали реванша.

— Оставьте вы въ покоѣ Николая Федоровича, — сказала намъ тетя Аня. Очень ему весело играть съ вами!..

Но Николай Федоровичъ заявилъ, что очень любитъ всякія садовыя игры. Ольгу Павловну замѣнилъ Алексѣй Александровичъ, и дѣла наши пошли еще лучше. Мы вторично одержали побѣду надъ *красными*. Погода тѣмъ временемъ разгулялась, выглянуло солнышко, и Катя предложила обществу прокатиться на пасѣку.

Когда къ калиткѣ подали огромныя дроги, оказалось, что въ нихъ все-таки трудно всѣмъ умѣститься. Пока шли великодушныя пререканія и предложенія:—да я отлично пѣшкомъ дойду;—а я охотно и дома останусь и т. п.,—изъ воротъ выѣхалъ управляющій на своей высокой двухколесной таратайкѣ.

— Вы куда, Робертъ Богдановичъ? — крикнула я ему. — На шахты. — Подвезите меня до пасѣвы! — Съ удовольствіемъ. — Николай Ѳедоровичъ пошелъ за мной, чтобъ посадить меня въ таратайку, и такъ какъ въ ней оказалось достаточно мѣста для троихъ, то онъ и самъ сѣлъ рядомъ со мной, и мы поѣхали впереди дрогъ. У опушки лѣса управляющій высадилъ насъ, обѣщая прислать за нами лошадь и таратайку. — Это „Круглячокъ?“ спросилъ Николай Ѳедоровичъ, входя въ лѣсъ. Онъ зналъ и помнилъ названія всѣхъ лѣсовъ и рощицъ Вождаровки, и говоря объ этихъ рощахъ, мы пробирались знакомой тропинкой къ пасѣвѣ, слыша за собой звонкіе голоса дѣтей и остальной компаніи, тоже высадившейся изъ экипажа. Погода совсѣмъ разгулялась. Небо было синее и безоблачно. Солнце золотило верхушки деревьевъ съ ихъ нѣжной и мелкой листвою. Кислицы, теренъ и лѣсныя груши цвѣли и бѣлѣли среди моря молодой зелени. Старый дѣдъ пасичникъ, типичный хохоль съ огромными сѣдыми усами, выползъ, раскланиваясь и шамкая, изъ своего шалаша, передъ которымъ варилъ себѣ кулешъ. Самая пасѣвка съ ея тишиной и спокойствіемъ, съ рядами высокихъ колодокъ казалась не то поэтическимъ кладбищемъ, не то какимъ-то друидическимъ храмомъ. Мы расположились на ближайшей къ ней чистенькой лужайчкѣ. Дамамъ разостлали коверъ. Ольга Павловна принялась развязывать и разбирать огромный узелъ съ привезеннымъ десертомъ. Лизу ужалила пчела, вслѣдствіе чего она подняла страшный визгъ и убѣжала съ Жозефиной за деревья, гдѣ та раздѣвала ее и искала слѣды ужаленія. Оказалось, что пчела забралась въ рукавъ и ужалила ее въ плечо.

Николай Ѳедоровичъ былъ очень въ духѣ и гораздо веселѣе и оживленнѣе, чѣмъ наканунѣ. Онъ сидѣлъ на травѣ со мной и съ дѣтьми, которыя не отставали отъ него. Петя рассказывалъ ему о корпусѣ и о своихъ учителяхъ и воспитателяхъ. Соня спрашивала его о пчелахъ и улыбалась ему, и подсаживалась къ нему поближе, и усердно угощала его, стараясь всячески выказать ему свое расположеніе. Ольга Павловна, покончивъ съ разборкой десерта, тоже подсаживалась къ намъ и, улыбаясь, говорила: — *Наша партія!*.. Мы—*синіе*... У насъ—*синихъ*... и т. д. Я боялась, чтобъ Евграфъ Ивановичъ, тоже очевидно благоволившій къ Николаю Ѳедоровичу, не отнялъ его у насъ и, въ предупрежденіе этого, предложила ему пройти къ ключу, увѣряя, что тамъ замѣчательно хорошо и красиво.

Ольга Павловна отказалась слѣдовать за нами, предпочитая покой-фовать на лужайкѣ, а мы стали пробираться севозъ чаще. Соня и Петя знали дорогу и бѣжали впередъ, ломая и задѣвая молодыя вѣтки. „Буянъ“ слѣдовалъ за нами, то отставая и теряясь въ лѣсу, то снова присоединяясь къ намъ. И мы забрались въ глухой и тихій, таинственный уголокъ, гдѣ лежалъ огромный сѣрый камень и бѣжалъ родникъ, чистый какъ слеза, спрятавшійся отъ свѣта подъ темной сѣнью огромныхъ старыхъ дубовъ. Мы сѣли здѣсь на камняхъ, подъ сводомъ свѣжихъ зеленыхъ вѣтокъ. Петя принялся пить то прямо ртомъ, то горстью изъ ручья, заливая водой свой мундирчикъ; а Соня бродила кругомъ въ поискахъ за фіалками и голубенькими пролисками, набравъ которыхъ, подсаживалась къ намъ и принималась отчищать зубами ихъ корешки и лакомиться ими. „Буянъ“ тоже искалъ чего-то, хрустя и шелестя вокругъ насъ вѣтками. А Николай Федоровичъ спрашивалъ меня обо мнѣ, о томъ, какъ я росла, кто меня воспитывалъ. Кто? да всѣ понемногу: Богъ, природа, книги, люди... И Богъ знаетъ зачѣмъ и почему я принялась рассказывать ему о томъ, что мой отецъ не жилъ съ нами, что мы совсѣмъ его не знали, и кажимъ горемъ это легло на все мое дѣтство!.. Какъ мнѣ всегда недоставало этого отца, какъ казалось всегда, что будь онъ со мной,—все, все, и моя жизнь, и я сама, все было бы совсѣмъ другое!.. Потомъ я поняла, что это не такъ; но *тогда* я этого не понимала, и это меня ужасно сокрушало и мучило! Я сказала ему, какъ въ шестнадцать лѣтъ я все собиралась писать какому-нибудь великому человѣку, какому-нибудь извѣстному писателю, какъ я ходила, думала, сочиняла эти письма, какъ новая *Modeste Mignon*, но, слава Богу, никогда не хватало мужества отправить подобное письмо, и каждый разъ такое настроеніе разрѣшалось только молитвой, горячей и искренней молитвой. И понемножку я привыкла сама разбираться и въ окружающихъ явленіяхъ, и въ своей душѣ, сдѣлалась болѣе замкнутой, но и болѣе самостоятельной; а въ любви къ Отцу Небесному нашла больше, чѣмъ дала бы мнѣ любовь къ отцу по плоти. Не знаю, зачѣмъ и съ какой стати я все это ему рассказывала, но онъ слушалъ меня безъ скуки и внимательно и такъ серьезно, такъ хорошо объяснялъ мнѣ и меня, и мои чувства, и ощущенія, что минутами мнѣ казалось, ужъ не нашла ли я въ немъ неожиданно этого дорогого и желаннаго отца, котораго мнѣ такъ недоставало въ дѣтствѣ?.. Поговоривъ обо мнѣ, онъ снова возвращался къ Марьянѣ и сравнивалъ насъ, и опять мнѣ казалось, что у него двѣ дочери, одинаково дорогія и близкія ему: Марьяна и я. Поощренная его терпѣливымъ вниманіемъ, я выливали ему все, все изъ души, и рассказывала о себѣ, о своихъ все, что только могла.

Никогда еще и ни съ кѣмъ я не говорила такъ откровенно. А ручей, не умолкая, журчалъ подлѣ насъ, и дубовыя вѣтви шумѣли надъ нашими головами.

— ... Сонья!.. Петя!.. Ку-ку!.. Où êtes-vous?.. — кричала издали Жозефина.

Задремавшій-было „Буянь“ вскочилъ, какъ встрепанный, и пустился со всѣхъ ногъ на голосъ. Петя и Соня торопливо принялись вытирать носовыми платками свои измокшія платья, и мы вернулись на лужайку, гдѣ Евграфъ Ивановичъ сейчасъ-же завладѣлъ своимъ Николинкой, увлекая его къ старшимъ дамамъ; а ко мнѣ подошла Лиза, сердитая, недовольная, нахмуренная.

— Что ты такая? Неужели все еще больно?

— Нѣтъ, это что, пустяки! Положимъ, было очень больно. Нѣтъ, меня этотъ дуракъ разсердилъ! Глупый мальчишка, грубый, невоспитанный! Я не знаю право, какъ теперь быть. Вѣдь нельзя ихъ выгнать!.. А, между тѣмъ, онъ такой тонъ принимаетъ, что только и остается выгнать!

— Да что онъ тебѣ сказалъ?

— Да ужъ онъ вторую глупость мнѣ сегодня сказалъ. Положимъ, это онъ не мнѣ сказалъ, а Петру Антоновичу; но все равно: сказалъ такъ, что я слышала. Онъ сказалъ: „пчела не дура!..“ Неправда-ли, наглость какая! И нагло, и глупо, и пошло!.. И мнѣ вѣдь что главное жалко! Я ихъ искренно считала порядочными людьми; думала, ну, вотъ есть съ кѣмъ просто, по-дружески поболтать... а они сейчасъ это поворачиваютъ Богъ знаетъ на что и кривляться начинаютъ!.. Такъ досадно, ей Богу! Мнѣ такъ весело было, а теперь все противно стало!

Провинившійся сидѣлъ подлѣ Жозефины, которой Лиза очевидно уже успѣла пожаловаться, и выслушивалъ правоученія лукаво улыбающейся француженки.

Хорошо было на пасѣвѣ. Солнце мирно заходило и лѣсъ темнѣлъ и стихалъ.

— Вотъ вѣдь какъ сидишь дома, на балконѣ, кажется, лучше ужъ нигдѣ быть не можетъ, — сказала мама, — а отгѣдешь за двѣ версты и пожалѣешь, что чаще не катаешься.

Тѣмъ не менѣе стали собираться домой, такъ какъ тетѣ Анѣ запрещено было оставаться на воздухѣ послѣ заката. Стали собираться и вышли къ опушкѣ, гдѣ стояли дроги, а кучеръ, лѣниво разлегшійся въ тѣни развѣсистаго береста, курилъ трубку. Завидя насъ, онъ, не спѣша, сталъ подниматься и собираться. Въ сторонкѣ я увидала чернаго шахтера съ лошадыю и таратайкой управляющаго и подумала: „Ну, теперь ужъ мнѣ не удастся поѣхать такъ хорошо. Лиза

капризничаетъ, навѣрное не захочетъ ѣхать со всѣми и сядетъ въ таратайку“. Но не успѣла я этого подумать, какъ Николай Федоровичъ, прервавъ свой разговоръ съ Евграфомъ Ивановичемъ, обернулся ко мнѣ и говоря:

— А нашъ экипажъ уже здѣсь, — довольно стремительно направился къ таратайкѣ.

— И насъ съ собой! И насъ съ собой! — кричали дѣти.

Сонъ запретили и думать объ этомъ, Петя же получилъ разрѣшеніе присоединиться къ намъ; а мы разрѣшили ему и завладѣть возжами.

— Вывалить онъ васъ; не знаете вы, что это за кучеръ! — кричала намъ мама.

— Я приглажу за нимъ, будьте спокойны, — утѣшилъ ее Николай Федоровичъ.

Но мы не только не приглаживали за нимъ, а сейчасъ-же сѣли къ нему спиной и покатали.

— Я васъ другой дорогой повезу, ярочкомъ, оврагомъ, — объявилъ Петя, передергивая возжи.

— Вези какъ хочешь.

Съ дрогъ намъ кричали что-то, махали руками; но мы уже ничего не слышали. Петя крикнулъ имъ: „Мы черезъ яръ!“ и, повернувъ лошадь, поѣхалъ подъ гору. Таратайка трясла немилосердно, Петя правилъ отчаянно. Мы долго ѣхали въ глубинѣ оврага, вдоль быстрой, прыгающей по камнямъ рѣчонки, окруженные моремъ свѣжей душистой зелени, затѣмъ выѣхали на поляну. Былъ чудный закатъ. Мы молча любовались имъ. Мы не говорили уже ни о Марьянѣ, ни о томъ, что нужно человѣку для душевнаго мира и счастья. Говорили о томъ, что это тряская таратайка, а есть вѣдь такія, что и не трясуть, о томъ, что въ лѣсу всегда хорошо, а весной особенно, что нашего управляющаго зовутъ Кнохъ, а его управляющаго — Шторхъ, а по имени Францъ Карловичъ... Мнѣ было очень весело, тѣмъ болѣе, что я видѣла и его такимъ веселымъ и довольнымъ. Гдѣ его безучастное, апатичное выраженіе, гдѣ эти складки на лбу? Онъ становится все веселѣе и веселѣе, и оживленнѣе, и напѣваетъ, и улыбается, и восхищается закатомъ. А я, глядя на его веселость, чувствую себя все ближе и ближе къ нему и радуюсь этой переменѣ. И когда мы наконецъ подъѣзжаемъ къ зеленой калиткѣ и онъ снимаетъ меня съ таратайки, мнѣ даже кажется, что теперь между нами есть что-то, о чемъ никто, никто не знаетъ, кромѣ насъ двухъ, что-то, что меня смущаетъ, что я ему прощаю и чего не понимаю еще хорошенько.

Мы входимъ въ гостиную и садимся съ нимъ на угольный диванъ

передъ столомъ, заваленнымъ альбомами, и начинаемъ вмѣстѣ смотрѣть карточки. И когда попадаютъ мои карточки, онъ спрашиваетъ меня съ улыбкой: „Это вы?“ и я рассказываю ему, когда и при какихъ обстоятельствахъ были сняты эти фотографіи. Затѣмъ я останавливаюсь на его карточкахъ и говорю: „А это вы?“ и онъ переносится воспоминаніями къ своему прошлому и дѣлится ими со мною. А на карточки Марьяны и его покойной жены мы долго смотримъ вмѣстѣ и молчимъ; и въ молчаніи этомъ тоже кроется что-то понятное и непонятное.

Катя, раскутавъ передъ зеркаломъ большую косынку испанскаго кружева, которую она надѣвала на голову, садится за рояль и оглашаетъ гостиную благородными звуками полонезовъ Шопена. Мой инженеръ приноситъ мнѣ шахматный столикъ и предлагаетъ мнѣ сыграть партію.

— Можно мнѣ смотрѣть, какъ вы играете? — спрашиваетъ Николай Ѳедоровичъ.

— Пожалуйста! И учите меня, потому что я очень плохо играю.

Лиза подсаживается къ намъ и къ лампѣ съ работой, въ которую углубляется, хмурия брови и кусая губы. У другой лампы въ противоположномъ углу Соня, Петя, Жозефина и Лизинъ инженеръ играютъ въ карты, въ „Vive l'amour“. Николай Ѳедоровичъ учитъ меня, подсказывая мнѣ ходы, и это такъ мнѣ нравится, что съ двухъ-трехъ ходовъ я совершенно перестаю соображать и интересоваться игрой и только покорно переставляю фигуры по его указаніямъ. Онъ играетъ хорошо, и мы легко дѣлаемъ матъ инженеру.

— А танцовать сегодня такъ и не будемъ! — съ сокрушеніемъ говорить Соня.

— Вотъ страсть къ танцамъ, подумаешь, — замѣчаетъ Петя, — ужъ лучше-бы партію въ крокетъ.

— Въ темнотѣ-то! Теперь краснаго отъ синяго не отличишь...

— Ну, такъ хоть туманныя-бы картины!

— Это можно, — говоритъ Катя, не прерывая игры, — сбѣгай Петя къ Алешѣ и скажи, что мы всё просимъ его показать намъ туманныя картины.

У Алексѣя Александровича была великолѣпная коллекція туманныхъ картинъ, которою онъ очень гордился и которую постоянно увеличивалъ, выписывая все новыя и новыя стекла изъ Парижа и Лондона. Показываніе этихъ картинъ было однимъ изъ любимыхъ развлеченій въ Вождаровкѣ.

Польщенный и довольный нашей просьбой, Алексѣй Александровичъ заперъ дверь изъ гостиной въ столовую и тамъ съ помощью

Пети, Ермолая и Евграфа Ивановича принялся за необходимыя приготовления.

А мы остались въ гостиной, куда перешли и мама съ тетей Аней. Катя продолжала играть, а мы съ Николаемъ Ѳедоровичемъ тихонько говорили о музыкѣ, продолжая смотрѣть альбомы. Онъ спрашивалъ о моихъ любимыхъ композиторахъ, и я называла ихъ, прибавляя, что въ сущности люблю одного Моцарта, музыка котораго кажется мнѣ вылившейся прямо у меня изъ души. Всѣ другіе композиторы навязываютъ мнѣ свое, чуждое мнѣ настроеніе, хоть и сильно дѣйствуютъ на меня. Но, всѣ вмѣстѣ взятыя, они не замѣняютъ мнѣ Моцарта, тогда какъ онъ одинъ вполне замѣняетъ мнѣ всѣхъ. Николай Ѳедоровичъ раздѣлялъ мой вкусъ и перебиралъ и называлъ мнѣ свои любимыя квартеты, квинтеты, концерты и симфоніи.

— Екатерина Александровна, сыграйте пожалуйста романсъ „*Душа моя мрачна...*“ — попросилъ Лизинъ инженеръ.

Лиза бросила на него уничтожающій взглядъ и, вдѣвъ новую нитку въ иголку, принялась скручивать узелокъ, презрительно глядя въ пространство.

— Чей это?.. Что-то я не знаю, — сказала Катя, подбирая аккорды.

— Кажется, Рубинштейна. У Карташовыхъ племянникъ ихъ пѣлъ, петербургскій пѣвецъ.

— Какой племянникъ? — вмѣшалась задремавшая-было Ольга Павловна, — и совѣмъ не племянникъ; онъ Анисья Ѳедоровны двоюродный братъ...

— Ну, все равно. Прекрасно поетъ. Кончилъ консерваторію.

— Нечего сказать, прекрасно! — возмутилась Ольга Павловна. — Я такъ слышать не могу. Реветь, словно его рѣжутъ.

— Правда, Ольга Павловна, — сказала мой инженеръ. — Ничего нѣтъ хорошаго. Кричитъ, ломается. Терпѣть не могу этихъ ученыхъ пѣвцовъ: такая скука! То-ли дѣло Евграфъ Ивановичъ запоетъ... Они тамъ научатся звукъ давать, голосъ давать... А на что мнѣ это: ты мнѣ пѣсню подавай, — а не голосъ, — пѣсню, настроеніе...

— Вотъ кто у насъ хорошо поетъ, — говоритъ Ольга Павловна, хитро улыбаясь и пальцемъ показывая на Николая Ѳедоровича.

— Пѣлъ, Ольга Павловна, скажите — пѣлъ. Было и былѣмъ поросло...

— Чтобы вамъ насъ потѣшить, Николай Ѳедоровичъ, — вкрадчиво говоритъ Катя. — Вѣдь вы знаете, какъ мы, бѣдные деревенскіе жители, не избалованы хорошей музыкой. Спойте намъ что-нибудь. Вы доставите намъ такое удовольствіе!

Всѣ присоединяются къ ней и начинаютъ упрашивать его спѣть;

Лиза просить горячѣе и громче всѣхъ, просить: ради Бога, ради Христа!..

И появившись немножко, Николай Ѳедоровичъ сдается на просьбы, встаетъ, садится за рояль и взявъ три-четыре тихихъ аккорда, начинаетъ пѣть:

Только узналъ я тебя...

Въ гостиной становится тихо, тихо; только изъ-за двери столовой доносится грохотъ стульевъ и какое-то приколачиванье. Лизинъ инженеръ открываетъ на мгновенье эту дверь и, сердито крикнувъ: „Шш...“ снова плотно закрываетъ ее. И все стихаетъ, всѣ слушаютъ.

Я остаюсь на своемъ мѣстѣ и сижу, опустивъ голову надъ шахматной доской и разсѣянно вертя въ рукахъ бѣлаго короля. Онъ поетъ очень хорошо, лучше, чѣмъ мы всѣ ожидали. Я вижу и чувствую, какъ всѣмъ нравится его пѣніе. Мнѣ же оно не только нравится, но оно все спутываетъ у меня въ головѣ. Мнѣ начинаетъ казаться, что онъ поетъ это для меня, только для меня одной и обо мнѣ.

Только узналъ онъ меня и... запѣлъ, и какъ запѣлъ!.. Такъ свободно, просто, нѣжно, благородно, трогательно! Воже мой, что-же это за день сегодня! Казалось, что въ лѣсу ужъ было такъ хорошо, что лучше и быть не можетъ; а потомъ, въ таратайкѣ было еще лучше... Только было тамъ что-то смѣшанное и спутанное... Что-то прибавилось непонятное... Мнѣ вспоминались теперь два-три взгляда, которыми мы обмѣнялись и въ которыхъ я ничего не могла-бы объяснить... Но отъ нихъ-то что-то и прибавилось... Какъ-же теперь? Что-же теперь? Просто страшно!.. Страшно, что вдругъ во мнѣ что-нибудь не такъ, и ему это будетъ смѣшно!.. Но вѣдь онъ не знаетъ, что я чувствую. Нѣтъ, знаетъ...

Ты мнѣ сказала: люблю...

И вдругъ я ему уже сказала: люблю... Конечно, я сказала ему: люблю, потому что вѣдь я *люблю*... Можетъ-ли это быть. Такъ скоро, такъ скоро... Что-же это? Увлеченье, навожденье... Нѣтъ, это просто чувство, хорошее чувство, о которомъ онъ и поетъ...

Чистая радость слетѣла...

Вотъ она: эта чистая радость! Я ощущаю ее. Она овладѣваетъ мною, поднимаетъ меня куда-то высоко, высоко на своихъ чистыхъ крыльяхъ...

Молча гляжу на тебя...

Брежу-ли я?.. Онъ смотритъ на меня и поетъ. Зачѣмъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ?.. Хотя теперь ужъ все равно!.. Это навожденіе, положительно, навожденіе. О, еслибъ только это было хорошо, а не дурно!

Каждую свѣтлую мысль,
Высокое каждое чувство...

Ну, конечно. У насъ должны быть только свѣтлыя мысли и высокія чувства. На что намъ другія?.. Высокое, высокое чувство!.. Но зачѣмъ онъ кончилъ; зачѣмъ они всѣ шумятъ, благодарятъ его?..

Я молчу и не благодарю, но, Боже, что за хаосъ поднимается у меня въ душѣ отъ этого романа! Какъ это странно и неожиданно. Прежде музыка все-таки такъ не дѣйствовала на меня. Что за чародѣи эти композиторы! Вѣдь Глинка давно умеръ. Зачѣмъ-же онъ оставилъ это оружіе, эти чары, этотъ сладкій тонкій ядъ... А впрочемъ, что тутъ думать?.. Все, что мы думаемъ, такъ слабо и блѣдно... Я хочу только, чтобъ онъ пѣлъ, чтобъ онъ пѣлъ еще и еще...

Онъ беретъ нѣсколько аккордовъ и, встряхнувъ будрами, начинаетъ играть новую прелюдію, тихую и жалобную.

— Точно una furtiva lagrime,—шопотомъ говоритъ мама Катя. И Катя, кивая головой, шепчетъ ей въ отвѣтъ:— „Тоже Глинки..“ Онъ поетъ что-то о „рози“, которая цвѣла роскошной красой, но жизни непрочной минула весна... Онъ поетъ это такъ грустно и нѣжно, и сердце мое сжимается печалью. Опять мнѣ вспоминается его молодая жена въ гранатномъ бархатномъ платѣ, съ жемчугами на шеѣ. Это она—это „роза“. И она исчезла... Все непрочно, все непрочно! Весна непрочной жизни для него минула... И онъ груститъ объ этомъ! Боже, какъ это горько!.. Если онъ не перестанетъ пѣть эту жалостную пѣсню, я просто заплачу. Къ счастью, грустный мотивъ обрывается и переходитъ въ живое и страстное allegro.

«Нѣтъ, не отдамъ я тебя,
Чудная дѣва моя!..»

Поетъ онъ все съ большей силой и страстью, повторяя безъ конца все эти-же слова. И рояль звучитъ подъ ударами его пальцевъ, а въ глубинѣ моего сердца радостно и торжественно звучатъ какія-то побѣдныя трубы. Что, если я—эта „чудная дѣва!“ И онъ не отдастъ меня, не отдастъ!..

Я чувствую, что щеки мои горятъ, какъ огонь. Но это ничего. Лиза тоже вся раскраснѣлась. Она воткнула иглоу въ работу и, опершись локтями на столъ и сложивъ голову на стиснутые пальцы, сидитъ, открыто устремивъ восхищенный взглядъ на Николая Федоровича и улетающая душой за пѣсней.

Онъ поетъ еще: „Слышу-ли голосъ твой...“ и все съ тѣмъ-же успѣхомъ.

— Вотъ это пѣніе! Это я понимаю! — говоритъ мой инженеръ, тоже взволнованный и растроганный.— Это на душу дѣйствуетъ. А вы учились пѣть?

— Учился. Четыре года.

— Не въ консерваторіи?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ прежде вѣрно лучше учили и чему-нибудь выучивали. Завидное дарованіе!

— И какой у васъ прелестный репертуаръ,— говоритъ мама.— Я такъ люблю Глинку. И такъ рѣдко теперь услышишь эти чудные романсы. Въ концертахъ поютъ все новое.

— Я, вѣдь, человекъ старомодный и старый,— говоритъ онъ, взглядывая на меня,— и репертуаръ у меня старомодный.

Зачѣмъ онъ смотритъ на меня? Ему вѣрно странно и смѣшно, что я такъ волнуюсь? И бѣлый король неожиданно переламывается у меня въ рукахъ пополамъ, и верхушка его, увѣчанная крестикомъ, падаетъ на полъ къ ногамъ инженера, который ищетъ и подбираетъ ее.

— А Чайковского вы не поете?— вкрадчиво спрашиваетъ Катя.

Онъ не помнитъ наизусть этихъ романсовъ; но если у нея есть ноты и она будетъ ему акомпанировать... Порывшись въ нотахъ, Катя садится за рояль, и онъ поетъ: „Средь шумнаго бала...“ Какъ это хорошо, мечтательно и грустно! Кажется, онъ еще лучше поетъ Чайковского, чѣмъ Глинку. И мнѣнія расходятся. Мама и Лиза предпочитаютъ Глинку, Катя и инженеръ—Чайковского. Жозефина сидитъ, какъ одурманенная, и только твердитъ:

— Ахъ, какъ я люблю пѣніе!.. Прекрасно, прекрасно!

— Еще что-нибудь Чайковского!

— Еще что-нибудь Глинки!

— А Даргомыжскаго, Даргомыжскаго,— говоритъ тетя Аня.— Вѣдь и у него есть чудныя вещи. Николай Федоровичъ, пожалуйста, что-нибудь Даргомыжскаго.

Катя проситъ его спѣть серенаду Донъ-Жуана; но онъ не любить ея; онъ ищетъ что-то другое. И отыскавъ желаемыя ноты, онъ самъ кладетъ ихъ на пюпитръ, говоря Катѣ:

— Лучше вотъ это! И не такъ скоро, пожалуйста!

Катя покорно играетъ прелюдію.

„То было раннею весной...“

Дверь па балконъ и оба окна гостиной открыты, и весенняя ночь съ ароматомъ молодой, свѣжей зелени и распутившейся черемухи свободно лется въ комнату. Тонкіе побѣги дикаго винограда, вьющагося по стѣнамъ дома, тихо колеблются и дрожатъ, свѣсившись въ окошко, за которымъ движутся какія-то тѣни, вкрадуются какія-то человѣческія фигуры. Это садовникъ и работающія въ саду дѣвушки, подкравшіеся послушать пѣніе.

Смутныя мечты, слезы, радость, волненіе, сомнѣнія и страхъ тѣсняются въ моемъ сердцѣ; и въ то же время звуки этой легкой, гра-

ціозной пѣсенки убаюбиваютъ тревогу моей смущенной души. И хочется не то заплакать, не то улыбнуться при словахъ:

„О, жизнь! О, лѣсъ! О, солнца свѣтъ!
О, юность... О, надежды!..“

Какъ свѣтло въ комнатѣ! Какъ тѣсно въ груди И какъ хорошо звучить его голосъ!

Онъ кончилъ. Фуроръ неописанный. Всѣ встаютъ, шумятъ, благодарятъ и восхищаются, не слушая другъ друга.

— Еще что-нибудь Чайковскаго!

— Еще что-нибудь Глинки!

— А Даргомыжскаго!.. Что-же Даргомыжскаго!.. Николай Ѳедоровичъ, пожалуйста!..

Но Ермолай отворяетъ настежь двери въ столовую, и Петя торжественно возглашаетъ:

— Пожалуйста смотрѣть туманныя картины!

Въ столовой совсѣмъ темно. Петя и Ермолай разставили два ряда стульевъ передъ висающимъ съ потолка до полу холстомъ, на которомъ рѣзко бѣлѣетъ уже огромный свѣтлый кругъ. Я радуюсь этой темнотѣ, радуюсь возможности скрыть въ ней все, что подняла въ душѣ эта музыка, эти романсы. Я сажусь въ первый рядъ, между мамой и Соней, а Николай Ѳедоровичъ помѣщается за мамой; и разговаривая съ ней, онъ наклоняется между нами, такъ что, при слабомъ свѣтѣ, падающемъ отъ фонаря, я хорошо вижу его красивое лицо съ волнистыми кудрями и его глаза, блестящіе подъ очками.

Передъ нами проходятъ на полотнѣ прелестные виды Швейцаріи, Италіи и Испаніи, каскады, озера, горы, города, внутренній видъ соборовъ, храмовъ, галлерей и музеевъ. Петя вынимаетъ изъ ящиковъ стекла и подаетъ ихъ Алексѣю Александровичу, читая, не всегда безупречно, надписи на нихъ. А Катя даетъ зрителямъ нужныя поясненія. Мы, впрочемъ, и не нуждаемся въ поясненіяхъ; мы давно наизусть знаемъ эти картины. Даже Ольга Павловна, въ жизнь свою не выѣзжавшая дальше уѣзднаго города, прекрасно знаетъ и островъ Корфу, и Венецію, и Верону, знаетъ домъ Джульетты и балконъ, на которомъ она принимала Ромео, знаетъ Римъ, Неаполь, Флоренцію, и говоритъ о нихъ съ спокойнымъ апломбомъ, какъ о мѣстахъ, знакомыхъ ей такъ же хорошо, какъ кладовая и кухня. Дѣти тоже давно знаютъ всѣ эти картины, и при появленіи своихъ любимыхъ громко хлопаютъ въ ладоши.

Алексѣй Александровичъ такъ поглощенъ своимъ фонаремъ, что не говоритъ ни съ кѣмъ изъ насъ и только изрѣдка перебивается

словечкомъ съ Катей, спрашивая ее: „На фокусъ?.. Не на фокусъ?..“ или говорить: „Замѣть однако, Катюша, на сколько англійскія стекла лучше французскихъ“.

Мама, Катя, теть Аня вспоминають о своихъ путешествіяхъ и восторженно восклицаютъ: „Ахъ, Юнгфрау! Ахъ, Интерлакенъ!.. А, Венеція, Венеція!..“

Николай Ѳедоровичъ не говоритъ: „Ахъ, Венеція!“ Но и онъ все это знаетъ и видѣлъ. Онъ путешествовалъ, еще будучи морякомъ, и позже съ молодой женой еще разъ ѣздилъ въ Италію и въ Испанію. И рассказывая намъ свои воспоминанія, онъ не говоритъ: *моя жена* или *мы съ женой*, а говоритъ только: *мы*... „Мы вошли, мы заѣхали, мы осмотрѣли...“ И такъ больно слышать это *мы*, теперь, когда онъ одинъ. Можетъ быть, напрасно показываютъ ему эти картины, можетъ быть, ему тяжелы эти воспоминанія? Я робко взглядываю на него; но нѣтъ! Онъ все такъ же веселъ, все такъ же улыбается и говоритъ громко и возбужденно... И при видѣ этой улыбки у меня невольно снова звучитъ въ ушахъ: о, жизнь, о, лѣсъ! о, солнца свѣтъ! О, юность! о, надежды!..

Я думаю о немъ, и мнѣ кажется, что здѣсь, въ комнатѣ, насъ только двое: онъ и я; а всѣ остальные не люди, а лица изъ туманныхъ картинъ, вышедшія изъ этого фонаря. Такими мнѣ кажутся: и Петя, подающій стекла Алексѣю Александровичу, и Соня, ласкающая улегшагося у ея ногъ „Буяна“, и теть Аня, смотрящая въ булакъ на Campo-Santo и рекомендующая это и другимъ. А онъ совсѣмъ-совсѣмъ не такой, какъ они всѣ...

Но вотъ, возбуждая всеобщій восторгъ, появляется на холстѣ наша любимая картина; внутренній видъ волшебной-прекрасной Кордовской мечети, этого чуда мавританской архитектуры, безконечные ряды чудныхъ колоннъ разноцвѣтнаго мрамора, соединенныхъ граціозными арками. Нѣсколько секундъ мы молча смотримъ на холстъ, затѣмъ начинаются обычные междометія восхищенія. Николай Ѳедоровичъ былъ въ Кордовѣ и видѣлъ эту мечеть; и на разспросы Лизы о томъ, дѣйствительно-ли она такъ хороша,— онъ рассказываетъ намъ, какъ черезъ обширный *patios*, посреди котораго бьетъ фонтанъ, окруженный апельсиновыми и померанцевыми деревьями, онъ вошелъ съ женой въ эту мечеть (обращенную еще при Карлѣ V въ католическій соборъ).

Уже смеркалось. Догорающіе лучи солнца, врываясь черезъ пестрыя стекла, освѣщали волшебный лѣсъ мраморныхъ колоннъ; а издали слабо доносились торжественные звуки органа, такъ какъ шло вечернее богослуженіе. Картина была такъ хороша, что оба они остановились, глубоко пораженные, и долго не могли выговорить ни слова. И, по его мнѣнію, мечеть эта превосходитъ всѣ описанія сказочнаго вели-

колѣція, сказочной красоты и роскоши, превосходить всѣ мечты фантазіи. Увлекаясь своими воспоминаніями, Николай Ѳедоровичъ рассказываетъ намъ объ Испаніи, о ея своеобразномъ характерѣ и о ея красотѣ, объ уцѣлѣвшихъ остаткахъ и памятникахъ цивилизаціи мавровъ. Мы слушаемъ, а передъ глазами нашими на холстѣ встаетъ то Альгамбра, то унылый и мрачный Эскуріаль, то Алканте и рощи кактусовъ и алоя.

— Однако, Алеша,—у тебя дивная коллекція!

— Недурна?—самодовольно спрашиваетъ Алеша.

— Неправда-ли? — прибавляетъ Катя.—И подумайте, Николай Ѳедоровичъ, какой это ресурсъ, какое развлеченіе для длинныхъ зимнихъ вечеровъ. Кругомъ метель, вьюга, а мы съ Алешей сидимъ въ своей хатѣ. Ермолай показываетъ намъ картины; и не сходя съ мѣста, мы объѣзжаемъ почти всю Европу.

— Я говорю Алешѣ, чтобъ онъ показалъ свой фонарь въ городѣ за деньги съ благотворительной цѣлью, — говоритъ Евграфъ Ивановичъ.

— Ну ихъ, благотворительныя цѣли! Я лучше такъ дамъ.

Вотъ уже и комическія картины съ движущимися фигурами, появленіе которыхъ всегда возбуждаетъ хохотъ въ толпѣ дворни и ребятешекъ, набравшихся въ сѣни съ тѣмъ, чтобъ глядѣть на картины съ другой стороны холста. Смотримъ на старика, лежащаго въ постели и глотающаго мышей, которыя тихонько ползутъ по его простынь, на мальчика и гуся и пр. Хихиканье, оживленныя восклицанія и говоръ дворни становятся все громче и веселѣе. На смѣну комическимъ фигурамъ является огромный пестрый хроматропъ, отъ котораго Ольгу Павловну всегда начинаетъ тошнить.

Этимъ представленіе заканчивается. Кругъ пустѣетъ, а мы, гремя стульями, поднимаемся и благодаримъ Алешу за доставленное удовольствіе.

— А теперь вы бы намъ еще спѣли что-нибудь, Николай Ѳедоровичъ!—говоритъ Лиза, успѣвшая развеселиться и простить своего поклонника.

— Довольно, Елизавета Николаевна. Лучше споемте что-нибудь хоровое.

— Отлично! Гдѣ Евграфъ Ивановичъ? Онъ у насъ запѣвало. Идите всѣ пѣть!

Николай Ѳедоровичъ садится за рояль, мы окружаемъ его и поемъ довольно дружно и согласно малороссійскія и русскія хоровыя пѣсни. Въ столовой Ермолай торопливо прибираетъ и накрываетъ на столъ; бабы и дѣвки снимаютъ и сворачиваютъ холсты, Алексѣй Александровичъ и Петя все еще возятся съ фонаремъ. А мы поемъ

и поемъ; и подь „Ахъ, вы сѣни, мои сѣни“ Лиза, съ платочкомъ въ рукѣ, выплываетъ на середину комнаты и не безъ удали пляшетъ русскую со своимъ поклонникомъ, который пускается передъ ней въ присядку. Въ окнахъ гостиной появляется множество головъ: садовникъ, садовницы, ребятишки, смотрѣвшіе картины, смотрятъ теперь изъ сада на пляшущихъ. Ермолай съ тарелками въ рукахъ, тоже останавливается на бѣгу, заглядываясь на разрумянившуюся Лизу и ея плавныя, граціозныя движенія. А баба Ганна въ черномъ платочкѣ, съ кievскими четками на шеѣ, сложивъ на груди руки, застываетъ на порогѣ гостиной, глядя съ умиленной улыбкой на лихо отплясывающаго инженера. Давно уже, кажется, не было у насъ такого дружнаго и шумнаго веселья. Послѣ ужина, тоже очень веселаго и оживленнаго, спать уходятъ только дѣти съ Жозефиной, мама и тетя Аня. А мы всё не хотимъ еще спать; намъ кажется душно въ комнатахъ, и Катя предлагаетъ прогуляться до пруда, лежащаго недалеко за селомъ. Мы выходимъ изъ комнатъ, гдѣ было такъ душно и шумно, въ дремлющій садъ, проходимъ за крестьянскими огородами, чтобъ не идти по улицѣ и не поднимать собакъ, и спускаемся къ темному и тихому пруду, надъ которымъ низко клонятся и старья, черныя и кривыя, и молодыя и гибкія вербы и

дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловятъ бѣглую струю.

Ночь тиха. Все спитъ, все дремлетъ. Только лягушки не смолели еще со своимъ хоровымъ пѣніемъ. Да у церкви сторожъ колотитъ въ доску.

Что говорить мнѣ Николай Ѳедоровичъ? Онъ идетъ рядомъ со мною и говоритъ мнѣ что-то о красотѣ этой ночи, этого пруда съ живописной группой ивъ, о томъ, что эта картина не хуже только-что видѣнныхъ... А я молчу и ничего уже не умѣю сказать ему. Лиза заговариваетъ съ нимъ о романсахъ Глинки; а сзади меня идетъ Катя подь руку съ Алешей, и я слышу, какъ онъ говоритъ ей:

— А Николинька-то какъ развернулся!.. Поетъ, играетъ, шутитъ. Ожилъ человекъ. И я радъ. Вѣдь пять лѣтъ онъ не улыбнулся. Пора, давно пора ему встряхнуться.

Воротаясь на крыльцо, мы всё прощаемся. И опять я прощаюсь съ нимъ послѣ всѣхъ, на этотъ разъ умышленно. А онъ долго смотритъ на меня, и это уже не кажется мнѣ страннымъ; вѣрно такъ и должно быть. Лиза бѣжитъ наверхъ по лѣстницѣ, напѣвая:

„О, жизнь! О, лѣсъ! О, солнца свѣтъ!
О, юность! О, надежды!..“

И она кажется мнѣ такимъ ребенкомъ, такимъ ребенкомъ! А я поднимаюсь уже совсѣмъ-совсѣмъ не такой, какой я спустилась сегодня утромъ по этой лѣстницѣ. Что-то измѣнилось, что-то случилось.

Я берусь за дневникъ. Мнѣ хочется записать что-то. Не рецепты философіи; душа моя полна радости, а не философіи. О грѣхахъ моихъ и порокахъ я не помню; да и что мы знаемъ о своихъ грѣхахъ! Но что-то мнѣ нужно записать. И обмакнувъ перо въ чернильницу, я торопливо записываю. „Мы играли въ крокетъ; онъ лучше всѣхъ играетъ. *Потомъ* мы ѣздили на пасѣку, и я возвращалась съ нимъ въ таратайкѣ. Былъ чудный закатъ. *Потомъ* онъ пѣлъ. И какъ хорошо! *Потомъ* мы смотрѣли туманные картины. Онъ былъ въ Испаніи. *Потомъ* мы прогулялись до пруда. О, какая сегодня ночь“!.. Больше не писалось и, бросивъ тетрадку въ столъ, я вышла на балконъ. Вѣтрякъ мой недвижно чернѣлъ на скалѣ. Двѣтри звѣздочки слабо мерцали въ небѣ. Зарницъ не было. Небо было чисто, глубоко, безоблачно. Зато въ сердцѣ у меня трепетали и вспыхивали какіе-то неожиданные невѣдомые огоньки.

Слѣдующіе три дня пролетѣли какъ мгновенья, и каждый вечеръ я взволнованно и радостно записывала въ своемъ дневникѣ:—...*Потомъ* мы играли съ нимъ въ четыре руки, *потомъ* мы ѣздили на шахты и т. д. На четвертый день онъ долженъ былъ уѣхать вмѣстѣ съ мамой и съ тетей Аней. Инженеры давно уѣхали къ себѣ, и послѣдній вечеръ, который Николай Ѳедоровичъ провелъ въ Вождаровкѣ, носилъ отпечатокъ какой-то поэтической грусти. Ни въ комъ не было уже прежняго веселья и оживленія. За ужиномъ Алеша то и дѣло повторялъ:—Опустѣетъ наша Вождаровка,—опустѣетъ!.. Лиза говорила:—Ну, Николай Ѳедоровичъ, какъ же мы будемъ вспоминать васъ, каждый разъ, что будемъ въ крокетъ играть! А Петя просилъ:—Оставайтесь у насъ, Николай Ѳедоровичъ! Оставайтесь еще немножко!..

Мнѣ не хотѣлось и думать о томъ, что будетъ завтра. Это ужасно! Зачѣмъ онъ уѣзжаетъ?.. Отчего это все хорошее такъ мгновенно и мимолетно, а все ненужное и скучное тянется себѣ да тянется? Не успѣешь схватить радостнаго ощущенія, не успѣешь овладѣть имъ, какъ оно уже ускользаетъ... Онъ спросилъ меня, пробуду-ли я здѣсь все лѣто? Я сказала:—Да, до поздней осени. Я не люблю Петербурга и торопиться туда не буду. Мнѣ хотѣлось прибавить—я надѣюсь еще встрѣтить васъ здѣсь. Но я не посмѣла и только мысленно внушала Катѣ:—Проси его пріѣхать еще! Проси, проси!.. И Катя стала приглашать его, говоря, что къ слѣдующему его пріѣзду она постарается достать отъ сосѣдей виолончель; затѣмъ Алеша общалъ ей выписать фисъ-гармонію, позовемъ знакомаго скрипача изъ Харь-

кова и будемъ музицировать. Николай Ѳедоровичъ говорилъ, что и самъ былъ-бы очень радъ прѣхать, что осенью онъ поѣдетъ въ Швейцарію и по пути вѣроятно заѣдетъ къ намъ.

Ну, до осени еще какъ-нибудь можно дожить.

Грустно было засыпать въ этотъ вечеръ. Я долго стояла на балконѣ и смотрѣла уже не на небо, а на свѣтъ отъ его лампы, падавшій на дорожку и цвѣты. Его комната была почти подъ нашей. Я слышала, какъ онъ затворилъ свое окно; потомъ лампа погасла. Соловей пѣлъ въ кустахъ, и мнѣ казалось, что никогда еще въ пѣвнн его не было столько щемящей грусти. Миръ души моей былъ нарушенъ, и мнѣ хотѣлось плакать.

Утромъ къ чаю дамы вышли уже въ дорожныхъ костюмахъ. Соня носилась со своей сумочкой, въ которую она совала всякую дрянъ, между прочимъ *собственныя* деньги, которыя она пересчитывала, роняла, теряла и снова пересчитывала. Катя вышла изъ спальни въ кокетливомъ парижскомъ чепчикѣ, въ фуляровомъ капотѣ и, садясь къ самовару, спросила Николая Ѳедоровича, что онъ будетъ пить: чай или кофе? Мнѣ это было просто смѣшно. Шестой день подъ рядъ спрашивать человѣка, что онъ пьетъ, когда давно извѣстно, что надо дать ему сначала стаканъ горячаго кофе, а потомъ, немного погодя, стаканъ холоднаго чая. У меня слезы наворачивались на глаза, и мама, принимая ихъ на свой счетъ, гладила меня по плечу и цѣловала меня. Николай Ѳедоровичъ тоже былъ одѣтъ по дорожному, и выраженіе у него было совсѣмъ другое, чѣмъ всѣ эти послѣдніе дни. Заваривъ чай и кофе, Катя стала перечислять свои безчисленныя порученія, которыя мама терпѣливо и озабоченно заносила въ свою памятную книжку. Всѣ усердно кушали. Ермолай подавалъ блюда, горячія сковородки, принималъ и мѣнял тарелки. Баба Ганна вынесла тщательно увязанныя корзины и коробки съ провизіей на дорогу. А Катя твердила: — Кушайте, кушайте! Да не дать-ли вамъ еще того, да этого?.. У калитки стояла уже четверомѣстная карета, запряженная четверикомъ для дамъ, и коляска тройкой—для Николая Ѳедоровича. Лошади позванивали бубенчиками. Кучера поглядывали на крыльцо. Пора было прощаться. Пошли поцѣлуи, рукопожатія... Мнѣ казалось, что онъ нарочно со всѣми ласковѣе и привѣтливѣе, чѣмъ со мной, а на меня не смотреть, мнѣ ни слова. За что?.. Мнѣ мерещится даже что-то враждебное въ его взглядѣ, которымъ онъ провожаетъ меня, когда я перехожу черезъ комнату. А я хочу вспомнить всѣ хорошія и приличныя фразы, которыя я придумала вчера вечеромъ и ночью, чтобъ сказать ему на прощанье, и уже не нахожу ихъ. И какъ же я скажу ему ихъ, когда онъ такъ упорно смотреть въ сторону, когда онъ не хочетъ ужъ и смотрѣть на меня? Но не можетъ

быть, чтобъ мы такъ разстались; мы еще скажемъ другъ другу что-то хорошее. Вѣдь я чувствую, что и не глядя другъ на друга, мы все-таки видимъ другъ друга и ощущаемъ что-то общее. Но надо, надо прощаться. Всѣ съ нимъ прощаются. И я молча протягиваю ему руку, которую онъ вѣжливо пожимаетъ, говоря: — Будьте здоровы. И только? И это все. Это конецъ. Сейчасъ мы разстанемся. Мы выходимъ къ калиткѣ. Я иду съ нимъ рядомъ, и мы оба молчимъ. Дамы садятся въ карету.

— Ну, Христось съ вами!.. Пиши... Пишите... — И карета трогается. Никололай Федоровичъ еще разъ обнимаетъ Алешу, цѣлуетъ руку Кати и пожимаетъ мою руку, говоря:—До свиданія, до свиданія!..

И это все. И бубенчики звенятъ, лошади бѣгутъ, „Буянъ“ провожаетъ коляску, которая съ каждымъ поворотомъ колеса уноситъ его все дальше и дальше.

— Addio, addio!.. — говоритъ Катя, кивая имъ вслѣдъ.—Ну-съ, а теперь пойду простыни считать, — прибавляетъ она, и затворивъ калитку, и подбирая шлейфъ своего фуляроваго капота, направляется въ дому, напѣвая: „Addio mia bella Napoli!..“

— А меня, поди, ребята ужъ ждутъ, — говоритъ Лиза, собираясь слѣдовать за нею.

— Ты куда, Петька?“

— Къ мельницѣ, — кричитъ онъ, убѣгая, — посмотрѣть, какъ они поѣдутъ.

— Такъ и я съ тобой!

— И я!

— Куда вы, куда вы? — кричитъ намъ Катя, — ничего вы не увидите.

Но, не слушая ее, мы уже летимъ во весь духъ черезъ кусты, клумбы, канавы и дорожки. Перескочивъ черезъ рѣчку, мы начинаемъ барабкаться и взбираться вверхъ не по обходной тропинкѣ, а прямо по крутой и отвѣсной скалѣ, скользя и падая, цѣпляясь за траву, за камни, за колючій кустарникъ, который рѣжетъ и колетъ намъ руки, рветъ платья... И преодолевъ всѣ трудности, и задыхаясь отъ безумно поспѣшнаго восхожденія, мы достигаемъ-таки вершины и останавливаемся недалеко отъ мельницы, которая энергично машетъ огромными крыльями и дрожитъ и стонетъ, вся въ работѣ.

— Вонъ они, вонъ они! — только что изъ села выѣхали! — кричитъ Петя.

— Скоро однако мы взлетѣли, — говоритъ Лиза, — я думала у меня сердце разорвется. И теперь отдышаться не могу.

Мы начинаемъ махать платками и кричать изъ всей силы легкихъ. На такой высотѣ мы должны казаться имъ крошечными; но все же

они могутъ узнать насъ, узнать красное платье Лизы и мою голубую кофточку.

Первый замѣчаетъ насъ кучеръ, который везетъ Николая Ѳедоровича и, оборачиваясь, указываетъ ему на насъ. Онъ кланяется и тоже машетъ платкомъ. Затѣмъ и изъ кареты начинаютъ высовываться головы, руки машущихъ платками и слышится отвѣтный визгъ Жозефины и Сони.

Мы садимся на бревна, и Лиза принимается отчищать свой подолъ отъ репейниковъ, приставшихъ къ нему въ несмѣтномъ количествѣ; а мы съ Петей долго-долго смотримъ вслѣдъ удаляющимся и и все уменьшающимся экипажамъ, смотримъ до тѣхъ поръ, пока они не скрываются въ густомъ лѣсу, заслоняющемъ отъ насъ домики станціи и полотно желѣзной дороги. Тогда мы идемъ на мельницу. Мельникъ отворяетъ намъ дверку, и мы болтаемъ съ нимъ и вертимся въ этомъ домикѣ на курьихъ ножкахъ, глядя, какъ дрожить и прыгаетъ зерно. Потомъ, поначкавшись еще въ мугѣ, слѣзаемъ по воздушной, колеблемой вѣтромъ, лѣсенкѣ на землю и видимъ вдали надъ лѣсомъ разстилающійся дымокъ.

— Поѣздъ! Поѣздъ! — кричитъ Лиза. — Ну, теперь ужъ они совсѣмъ уѣхали. Совсѣмъ, совсѣмъ уѣхали!

А мы вернулись домой, гдѣ показалось такъ тихо, уныло и сиротливо. Ученики и ученицы, съ досками и книгами, давно уже топтались и болтали въ сѣняхъ, и Лиза, завидя ихъ издали, пустилась къ нимъ бѣгомъ. А я прошла въ гостиную и сѣла за рояль играть гаммы. Но вмѣсто гаммъ я стала машинально подбирать романсы Чайковского. И, доигравъ до словъ:

„И тихо и грустно такъ я засыпаю,
И въ грезахъ невѣдомыхъ сплю...“

я закрыла лицо руками и заплакала.

Такъ они и уѣхали. А у насъ стало пусто и скучно. Попржнему я играла по утрамъ гаммы и экзерсисы, фуги Баха и сонаты Бетховена, попрежнему учила ребятшекъ и читала хорошія книги, но что-то ужъ было не попрежнему. Пріѣзжали инженеры, пріѣзжали другіе гости, но все какіе-то не такіе, какихъ было надо. Мое свѣтлое беззаботное настроеніе смѣнилось какимъ-то тоскливымъ недоумѣніемъ. Никому у насъ и въ голову не приходило, что Николай Ѳедоровичъ сдѣлалъ на меня сильное впечатлѣніе. Никто не замѣчалъ, какъ я вспыхивала и отворачивалась или наклонялась поднять съ полу не существующую булавку или иголку каждый разъ, какъ при мнѣ проносили его имя или даже хоть названіе его имѣнія. Никто не замѣчалъ, что альбомы сами собой стали раскрываться на тѣхъ страницахъ, гдѣ были его карточки и карточки его жены и дочери. Я

съ нетерпѣніемъ ждала письма отъ мамы, которая должна была доѣхать съ нимъ до Харькова, и отъ маленькой Соны, которая тоже общала мнѣ описать ихъ поѣздку.

И вотъ пришли эти письма. Соня писала:

„Когда мы поѣхали, меня скоро стало тошнить, и мама позволила мнѣ пересѣсть въ коляску къ Николаю Ѳедоровичу, который всю дорогу со мной разговаривалъ и рассказалъ мнѣ притчу о блудномъ сынѣ и сказку „Три пояса“. А мама писала: „Въ Харьковѣ разсталась я съ Анютой и съ Николаемъ Ѳедоровичемъ, который всю дорогу былъ необыкновенно внимателенъ и предупредителенъ къ намъ. А при прощаньѣ, онъ съ долгими церемоніями и предисловіями, — такъ что я могла Богъ знаетъ что подумать, — попросилъ меня заказать въ Петербургъ для его дочери точно такую кофточку, какъ твоя, Наташа. Буду ждать ея мѣсяи. Кстати: не помнишь-ли, гдѣ мы брали этотъ *molleton* и по чемъ?..“ Остальное было неинтересно, но эта кофточка!..

Я бѣжала съ письмами наверхъ и тамъ перечитывала ихъ. Потомъ я достала голубую кофточку, надѣла ее и посмотрѣлась въ зеркало. Кофточка, дѣйствительно, была прелестна и могла понравиться человѣку со вкусомъ. Жаль, что только кофточка!.. Но я сама виновата, если я не понравилась ему. Боже, зачѣмъ, зачѣмъ я такъ робѣла, зачѣмъ я не старалась ему понравиться? Можетъ быть, онъ, какъ Катя, любитъ умные разговоры; а я вѣдь ничего, ничего не сумѣла сказать ему. И зачѣмъ я не сказала ему, какъ онъ мнѣ нравится, какъ мнѣ хочется развеселить, утѣшить, полюбить его!.. Вѣдь я не сказала этого не изъ скромности, а изъ малодушія. Зачѣмъ, зачѣмъ я не сказала ему всего, что я о немъ думаю? Онъ увидѣлъ бы, что у меня не только кофточка, но и сердце... А теперь онъ такъ ничего и не узнаетъ. И я сама виновата. Но не можетъ быть, чтобъ онъ не пріѣхалъ еще. И когда онъ пріѣдетъ, я уже не буду такой глупой. Только бы пріѣхалъ! Только бы еще разъ пріѣхалъ! — И складывая по швамъ голубую кофточку, которую я рѣшила не надѣвать до его пріѣзда, я перебирала и придумывала все, что я скажу ему, когда онъ пріѣдетъ. Только бы еще разъ увидѣться!

Я стала жить въ ожиданіи его пріѣзда. И пока я ходила съ книжкой въ рукахъ по садовой дорожкѣ, подъ сводами распустившейся душистой бѣлой акаціи, вокругъ которой гудѣли и жужжали пчелы, — мнѣ казалось, что онъ непременно, непременно пріѣдетъ. Но стоило мнѣ подняться на скалу и взглянуть на разбѣгающіяся и скрещивающіяся въ полѣ дороги, изъ которыхъ одна отняла его у меня, — въ душѣ поднимался внутренній голосъ, который говорилъ съ грустью: „Не пріѣдетъ. Нѣтъ, нѣтъ!“ — И я спрашивала сѣрую мельницу: „Пріѣдетъ или не пріѣдетъ?“ Но она не отвѣчала и только скри-

пѣла и тихо стонала, какъ старый человѣкъ, много выдавшій на своемъ вѣку и которому ужъ не до такихъ глупостей.

Я и сама впрочемъ укоряла себя за то, что даю волю воображенію. Къ чему? Вѣдь это дурно, прямо дурно и стыдно. Вѣдь если-бъ я ему понравилась, кто ему мѣшаетъ пріѣхать? Вѣдь если-бъ что-нибудь было суждено, то это придетъ само-собою. Мы не властны привлечь это вѣдшее счастье, но мы властны навлечь на себя несчастье, гоняясь за призраками.

И по вечерамъ, на страницахъ моего дневника, я осыпала себя суровыми укорами за слабость воли, за разнузданность воображенія; но незамѣтно эти горькіе укору расплывались въ сладкія воспоминанія. И вслѣдъ за мудрымъ афоризмомъ проскакивали глупыя строки: „Помню, что когда мы ѣхали въ таратайкѣ, онъ сказалъ, и т. д.“ или: „а когда мы играли съ нимъ въ четыре руubi, онъ вздохнулъ, и т. д.“... Тетрадь быстро наполнялась и исписывалась. Новый грѣхъ превѣсилъ всѣ старыя.

Дни шли за днями. Солнце вставало, солнце садилось. Отцвѣли сирень и черемуха, отцвѣла акація, потомъ скосили сѣно. Расцвѣли пышныя розы; расцвѣли, отцвѣли и осыпались. Онъ не ѣхалъ. Когда зацвѣла липа, пріѣхалъ братъ его Ѳедоръ Ѳедоровичъ, худенькій морякъ, математикъ и астрономъ, мало похожій на брата, но все же чуть-чуть напоминающій его. Изъ всѣхъ гостей онъ, конечно, былъ для меня всѣхъ желаннѣй и пріятнѣй. Я старалась ему понравиться и была съ нимъ гораздо ласковѣе и пріятливѣе, чѣмъ съ самимъ Николаемъ Ѳедоровичемъ, передъ которымъ я все-таки немножко робѣла. Онъ разсказывалъ намъ въ какомъ восхищеніи былъ Николай Ѳедоровичъ отъ своего пребыванія въ Вождаровкѣ, какъ онъ вспоминалъ всѣхъ насъ и говорилъ, что нашелъ оазисъ въ пустынѣ. Лиза и воротившаяся изъ Харькова Жозефина лукаво улыбались, толкали меня подъ столомъ ногами и въ интимныхъ бесѣдахъ стали звать меня *m-lle l'oasis*. „Что-жъ онъ къ намъ не пріѣдетъ, если ему у насъ такъ понравилось?“ говорила Катя. И когда Ѳедоръ Ѳедоровичъ уѣзжалъ, мы всѣ просили его очень-очень кланяться Николаю Ѳедоровичу и сказать, что мы ждемъ его.

Хлѣбъ созрѣлъ. Въ полѣ кипѣла работа. Крестьяне трудились, молились, болѣли, голодали, умирали, играли свадьбы и пьянствовали. Въ саду журчали фонтаны и пышныя цвѣты разрастались все пышнѣй и роскошнѣй. Мы ходили отъ времени до времени на деревню подлечивать больныхъ, подкармливать голодныхъ и попечалиться объ ихъ нуждѣ. Ребятишки дѣлали успѣхи, одолѣли склады и читали теперь разсказы и стихотворенія. У моего любимаго ученика Алешки провалился носъ, и бѣдный мальчикъ пересталъ ходить въ школу; а я

плакала горькими слезами, узнавъ отъ Кати о существованіи ужасной болѣзни, которая это вызвала. Мать Алешки тоже была совершенно обезображена; но изъ больницы, въ которую Катя два раза отправляла ее, она упорно убѣгала пѣшкомъ и ни за что не хотѣла лечиться. А больныхъ въ деревнѣ было такъ много, такъ много! И это въ придачу къ нищетѣ, къ темнотѣ и къ голоду, отъ котораго у дѣтей пухли животы и вваливались щеки. Жизньъ мирныхъ сельскихъ обывателей, выгоняющихъ въ поле корову по утру и загоняющихъ ее ввечеру, развертывала передъ нами свои лохмотья и свою проказу. Внукъ пасѣчника обокралъ при насъ церковь. Староста и братъ старостики, заманивъ въ лѣсъ солдатку Приску, зарѣзали ее тамъ изъ ревности. Идиллія превращалась въ драму. И намъ съ Лизой было чѣмъ поволноваться, чему подивиться и надъ чѣмъ пораздумать. Соловьи давно смолкли, и теперь, гуляя вечеромъ по дорожкамъ, мы уже не мечтали, а разбирались въ томъ, что видѣли. Мы стали чуть-чуть серьезнѣе и участливѣе къ чужому горю. Многое, прежде ускользавшее отъ нашего вниманія, становилось намъ яснѣй и понятнѣе. И въ книгахъ открывались все новыя и новыя горизонты.

Помню, какъ, воротаясь со свадьбы садовницы Хведоськи, — со свадьбы, на которой мы съ Лизой пѣли свадебныя пѣсни вмѣстѣ съ другими дѣвками и пили водку изъ общаго круговаго шкалика, — мы были удивлены неожиданнымъ появленіемъ у насъ молодыхъ въ тотъ же вечеръ, тогда какъ они должны были придти къ намъ за подаркомъ только на слѣдующее утро. У молодого было растерянное и глупое лицо, у Хведоськи тоже странное выраженіе; они молча кланялись намъ въ ноги; а у калитки ждала ихъ шумная толпа пьяныхъ хохловъ и хохлушекъ, во все горло оравшихъ пѣсни, о которыхъ Алеша съ ужасомъ сказалъ намъ:

— Хоть и не поймете, а все-таки не слушайте...

Когда молодые удалились, мы съ удивленіемъ спросили Ермолая:

— Отчего это они пришли вечеромъ?

Ермолай только криво усмѣхнулся и, махнувъ рукой, вышелъ изъ комнаты, не отвѣтивъ на нашъ вопросъ; а баба-Ганна, набожно сложивъ руки и качая головой, прошептала:

— Нехорошо... Нехорошая свадьба.

Въ концѣ концовъ Катя объяснила намъ, что у нихъ такой обычай. Если невѣста чиста, какъ Маргарита перваго акта, то она ходитъ на слѣдующее утро съ мужемъ по домамъ бывшихъ у нея на свадьбѣ и благодаритъ ихъ; если же она грѣшна, какъ Маргарита четвертаго акта, то ей съ вечера надѣваютъ на голову *гончирку*, грязную тряпку и водятъ по селу со свистомъ, съ криками и со свернѣйшими пѣснями, заставляя ее кланяться всѣмъ гостямъ, бывшимъ на свадьбѣ. Объясненіе это произвело на насъ съ Лизой удручающее дѣй-

ствіе и, забравшись къ себѣ наверхъ, мы долго сидѣли у себя на кроватяхъ въ оцѣпененіи. Потомъ Лиза вскочила и горячо воскликнула:

— Нѣтъ, нѣтъ! Ни за что на свѣтѣ не выйду замужъ. Боже, до чего, однако, все это ужасно! ужасно!..

Незамѣтно подкралась и осень. Листья на деревьяхъ стали краснѣть, блѣднѣть, сохнуть, желтѣть и осыпаться. На виноградѣ, обвивавшемъ веранду и стѣны и окна дома, налились крупныя гроздья. На бахчахъ созрѣли толстыя арбузы, тыквы и дыни; гигантскіе подсолнечники поворачивали къ солнцу свои сѣбля, золотыя головы. Мы бѣгали на бахчи за арбузами, бѣгали на пасѣку за медомъ, и я ждала Николая Ѳедоровича сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, тѣмъ болѣе, что стояли такіе чудные, чудные, ясные дни, и притомъ послѣдніе ясные дни!.. Лѣсъ зацвѣлъ роскошнѣйшимъ разнообразіемъ красокъ. Что же онъ не ѣхалъ?

И, не дождавшись его, деревья стали обнажаться. Цѣлый день, какъ золотой дождь, крутились и летали въ воздухѣ желтыя листья, устилая дорожки мягкой, пестрой пеленой. И шурша въ нихъ ногами, я ходила по саду и ждала его, и звала его всей душой. Я поднималась и на скалу по пожелтѣвшей травѣ, которая подергивалась уже по утрамъ тонкой ледяной корочкой, хрустѣвшей подъ ногами. Мельница тихо скрипѣла, не узнавая знакомаго пейзажа. Лѣса обнажились; тополи почернѣли, трава стала бурой и грязной, а дороги еще болѣе унылыми. А онъ такъ и не пріѣхалъ.

Осень становилась все холоднѣй и холоднѣй, и когда вѣтеръ сорвалъ съ деревьевъ послѣдніе листочки, а первый снѣгъ легъ чистенькой свѣжей пеленой на крышахъ людскихъ и амбаровъ, мы съ Лизой и Петей простились съ гостепріимными хозяевами Божидаровки и полетѣли въ свой холодный сѣрый Петербургъ. Тутъ потянулась скучная прежняя жизнь съ вечерами и визитами, съ винтомъ и разговорами о назначеніяхъ и скандалахъ. Потомъ вспыхнула война. Ея ужасы и печали заслонили все остальное. И далекіе веселые дни въ Божидаровкѣ начинали уже казаться мнѣ свѣтлыми весенними зарницами, на мгновеніе блеснувшими на небосклонѣ моей юности. Съ тѣхъ поръ прошло два года. Я ничего не знала и не слышала о Николаѣ Ѳедоровичѣ и начинала уже забывать о немъ.

Но теперь я ѣхала къ его Марьянѣ, и всѣ далекія, прежнія воспоминанія просыпались и вставали въ душѣ. Мнѣ было весело и, одѣваясь въ это утро въ свѣтлой комнаткѣ женеваго отеля, я невольно машинально напѣвала, улыбаясь:

„О, жизнь, о, лѣсъ, о, солнца свѣтъ!

О юность! о надежды!..“

В. Микуличъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА АМІЕЛЯ.

Переводъ съ французскаго гр. М. Толстой, подъ редакціей гр. Льва Толстого.

25 ноября 1861 г. Искусство есть рельефное выдвиганіе мыслей природы. Упрощеніе линіи и высвобожденіе невидимыхъ фигуръ. Подъ огнемъ вдохновенія выступаютъ рисунки, начертанные симпатическими чернилами: таинственное становится очевиднымъ, смутное дѣлается яснымъ, сложное простымъ, случайное необходимымъ. Однимъ словомъ, искусство раскрываетъ природу, выражая ея намѣренія и формулируя ея желанія. Всякій идеаль есть разгадка длинной загадки. Великій художникъ всегда упрощаетъ.

Всякій человѣкъ подобенъ укротителю дикихъ звѣрей, а эти звѣри—его страсти. Вырвать имъ клыки и когти, зануздать ихъ, приручить, сдѣлать изъ нихъ домашнихъ животныхъ, слугъ, хотя-бы и рычащихъ, но все-таки покорныхъ,—въ этомъ личное воспитаніе.

18 май 1862 г. Вернувшись часъ тому назадъ, я пѣлъ въ своей уединенной комнатѣ всевозможныя пѣсни. Откуда взялась во мнѣ эта веселость? Отъ проведенныхъ здоровыхъ нѣсколькихъ часовъ послѣ обѣда въ благодушномъ обществѣ и отъ совокупности приятныхъ впечатлѣній. Я любилъ всѣхъ вокругъ себя, и моя симпатія возвращалась на меня-же въ видѣ любви. Я всѣхъ развеселилъ: и нашихъ друзей, и родителей, и дѣтей, и гостей. Я смѣялся, игралъ, шалилъ. Я вернулся къ дѣтской простотѣ, къ наивной и первобытной радости, которая такъ благодѣтельна. Я чувствовалъ непреодолимое и все побѣждающее вліяніе доброты. Она умножаетъ жизнь, какъ роса умножаетъ цвѣты. Я чувствую въ себѣ сокровища нѣжности и самоотверженія для времени, когда жизнь вдвоемъ и обязанности отца потребуютъ ихъ. У меня нѣтъ никакого мірскаго честолюбія; семейная жизнь и жизнь умственная только одні улыбаются мнѣ. Любить и мыслить — вотъ двѣ мои неразрушимыя потребности. При тонкомъ, поворотливомъ, сложномъ и хамелеонистомъ умѣ, у меня сердце ребенка; я люблю только совершенство или шутку, — двѣ

крайности. Истинные художники, истинные философы, истинно-религиозные люди уживаются только съ простотою маленькихъ дѣтей или величіемъ высшихъ произведеній духа, т. е. съ чистой природой или съ чистымъ идеаломъ. И я въ своей бѣдности чувствую тоже. Все среднее бажется мнѣ ничтожнымъ, надо прилаживаться и къ нему, но люблю я другое. Полу-наука, полу-талантъ, полу-деликатность, полу-изящество, полу-достоинство—таковъ свѣтъ. И воспользоваться этимъ свѣтомъ можно только тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ него себѣ школу терпѣнія и кротости. Но для доброты у меня нѣтъ ни критики, ни сопротивленія, ни сдержанности; я прощаю ей все, потому что она важнѣе всего. Я жажду и алчу простой доброты, потому что насмѣшка, подозрѣніе, недоброжелательство, зависть, горечь, дерзкія сужденія, ядовитая злоба начинаютъ занимать теперь все ббльшее и ббльшее мѣсто, и въ обществѣ воюютъ почти всѣ противъ всѣхъ, а въ частной жизни производятъ бесплодность пустыни.

9 августъ 1862 г. Жизнь, которая хочетъ утверждать самоё себя въ насъ, стремится возстановлять самоё себя независимо отъ насъ, она сама поправляетъ свои прорѣхи, чинитъ свои паутины, когда онѣ прорываются; возстановляетъ условія нашего благосостоянія; вновь ткеть повязку на наши глаза, возвращаетъ нашимъ сердцамъ надежду, вновь вливаетъ здоровье въ наши органы; вновь золотитъ химеру въ нашихъ воображеніяхъ. Безъ этого опытъ жизни износилъ, изнурилъ и засушилъ-бы насъ безвозвратно много раньше срока. и отрокъ былъ-бы старше столѣтняго старца. Самая мудрая часть нашего существа не есть-ли та, которая не знаетъ самоё себя? и разсудительнѣе всего въ человѣкѣ это то, что не разсуждаетъ; истиннѣе, природа, духовная и безличная дѣятельность излечиваютъ насъ отъ нашихъ личныхъ сумасшествій; невидимый геній нашей жизни неустанно поставляетъ матеріаль расточительности нашего я. Главную и материнскую основу нашей сознательной жизни составляетъ наша безсознательная жизнь, которую мы такъ-же мало видимъ, какъ наружное полушаріе луны видитъ земля, несмотря на то, что оно неразрывно и вѣчно связано съ ней, Это наше *αὐτὴ δυνάμις*, какъ говоритъ Пифагоръ.

7 ноября 1862 г. До какой степени вредны, заразительны и нездоровы: постоянная улыбка равнодушной критики, эта безчувственная насмѣшка, которая разѣдаетъ, пересмѣиваетъ и разрушаетъ все, которая разочаровывается во всякой личной обязанности, во всякой брэнной привязанности и которая дорожитъ только пониманіемъ, а не дѣйствіемъ!

Критицизмъ, ставшій привычкой, типомъ и системой—становится

уничтоженіемъ нравственной энергіи, вѣры и всякой силы. Одна изъ моихъ склонностей влечетъ меня къ этому, но я отступаю передъ послѣдствіями, когда встрѣчаю еще болѣе чистый типъ, чѣмъ я самъ. По крайней мѣрѣ я не могу упрекнуть себя въ томъ, что когда-либо пробовалъ уничтожить нравственную силу въ другихъ. Мое уваженіе къ жизни запрещало мнѣ это и мое недоувѣріе къ самому себѣ избавляло меня отъ этого соблазна.

Этотъ родъ ума очень опасенъ въ насъ, потому что онъ поощряетъ всѣ дурныя инстинкты: распущенность, неуваженіе, эгоистическій индивидуализмъ, и приводитъ къ соціальному атомизму.

Не презирай своего положенія: въ немъ ты долженъ дѣйствовать, страдать и побѣдить. На всякой точкѣ земли мы одинаково близки къ небу и къ безконечному.

Внѣ элемента, общаго всѣмъ людямъ, есть элементъ, раздѣляющій ихъ. Этотъ элементъ можетъ быть религіей, родиной, языкомъ, воспитаніемъ. Но если предположить, что и это все общее, то остается еще что-то, служащее разграниченіемъ, и это — идеалъ. Имѣть или не имѣть идеала, имѣть такой или иной идеалъ, вотъ что прорываетъ пропасть между людьми, даже между тѣми, которые живутъ въ одномъ кругу, подъ одной крышей или въ одной комнатѣ. Надо любить одной любовью, думать одной мыслью, чтобы избѣгнуть одиночества.

Обоюдное уваженіе включаетъ скромность и сдержанность въ самой нѣжности, заботу соблюсти наибольшую часть свободы тѣхъ людей, жизнь которыхъ раздѣляешь. Надо не довѣрять своему инстинкту внимательства, потому что желаніе преобладанія своей воли часто скрывается подъ видомъ заботливости.

13 января 1863 г. Обыкновенно слово служить для объясненія дѣйствія. Въ французской же трагедіи дѣйствіе есть только приличный предлогъ для того, чтобы говорить; это приемъ, употребляемый для того, чтобы извлечь самыя красивыя рѣчи изъ устъ людей, участвующихъ въ этомъ дѣйствіи и созерцающихъ его въ его различные моменты и фазы. Любовь и природа, долгъ и склонности, и десятки другихъ нравственныхъ антитезъ суть члены, движимые ниткой драматурга и рисующіе всѣ трагическія положенія. Что дѣйствительно любопытно и забавно, это то, что самый живой, веселый и умный народъ всегда понималъ благородное самымъ чопорнымъ и напыщеннымъ образомъ. Но это неизбежно.

8 апрѣля 1869 г. Вновь перелисталъ 3800 страницъ „*Misérables*“, отыскивая единство этого большого сочиненія. Основная

мысль слѣдующая. Общество порождаетъ печальныя и ужасныя бѣдствія (проституцію, бродяжничество, классъ людей безъ опредѣленнаго положенія, злодѣевъ, воровъ, каторжниковъ, войну, революціонныя собранія и баррикады). Оно должно сказать себѣ это и не относиться ко всѣмъ тѣмъ, кто нарушаетъ законъ, какъ къ простымъ уродамъ. Очеловѣчить законъ и общественное мнѣніе, поднять падшихъ также, какъ и побѣжденныхъ, образовать социальное искупленіе—вотъ задача. Но какъ? Уничтожить порокъ, разливая свѣтъ, превращать виновныхъ прощеніемъ—вотъ средство. Въ сущности распространеніе милосердія—отъ грѣшника до приговореннаго, примѣненіе уже въ этой жизни того, что церковь болѣе охотно примѣняетъ къ будущей—не есть ли это охристіаненіе общества. Возвратить къ порядку и добру неустанной любовью, вмѣсто того, чтобы задавить непреклонной карой и суровой справедливостью: таково направленіе книги.

Оно благородно и высоко. Но оно немного оптимистично и напоминаетъ Руссо. Представляется, что личность всегда невиновата, а виновато всегда общество. Въ сущности идеаль (для XX вѣка) есть демократическій, золотой вѣкъ, всемірная республика, въ которой война, смертная казнь и пауперизмъ исчезнутъ; это религія и царство прогресса; однимъ словомъ, это утопія XVIII вѣка, взятая въ большемъ видѣ. Много великодушія и не мало химеры. И химера состоитъ въ слишкомъ вѣшнемъ пониманіи зла. Авторъ хочетъ не знать и дѣлаетъ видъ, что забылъ инстинктъ извращенности, любовь къ злу для зла, которые содержитъ въ себѣ человѣческое сердце. Великая и спасительная идея этого произведенія въ томъ, что законная честность есть кровожадное лицемеріе, какъ только она собирается дѣлать общество на избранныхъ и отверженныхъ и смѣшиваетъ относительное съ абсолютнымъ. Капитальное мѣсто это то, гдѣ соскочившій съ рельсовъ Жаверъ опрокидываетъ всю нравственную систему строгаго, неподкупнаго Жавера, этого шпиона, священника, этого прямолинейнаго полицейскаго. Эта глава показываетъ намъ общественное милосердіе, просвѣчивающее сквозь точную и безчеловѣчную справедливость, уничтоженіе общественного ада, т. е. непоправимыхъ заклеменій, безсрочныхъ и неизлѣчимыхъ прегрѣшеній: эта идея истинно религіозная.

Викторъ Гюго рисуетъ сѣрной кислотой и освѣщаетъ электричествомъ; онъ скорѣе оглушаетъ, ослѣпляетъ и закруживаетъ своего читателя, чѣмъ очаровываетъ или убѣждаетъ его. Сила въ такой степени есть околдованіе; не покоряя,—она плѣняетъ; не очаровывая—она околдовываетъ. Его идеаль—необыкновенное, гигантское, опровергающее, несоизмѣримое; его характерныя выраженія это: „огромное, колоссальное, громадное, великанское, чудовищное“. Онъ ухит-

зается даже преувеличивать дѣтское и наивное; единственное, что кажется недоступнымъ ему—это естественное. Однимъ словомъ, его страсть—величіе; его ошибка—излишество; его отличительная черта, это титаническое съ страннымъ диссонансомъ ребячества въ великолѣпіи; его слабая сторона—это чувство мѣры, вкусъ, чувство смѣшного и умъ въ тонкомъ смыслѣ этого слова. Викторъ Гюго—офранцуженный испанецъ; или вѣрнѣе—въ немъ всё крайности юга и сѣвера, скандинава и африканца; но онъ менѣе всего имѣетъ свойства галла. И, по странной случайности, онъ одинъ изъ литературныхъ гениевъ Франціи XIX вѣка! Его средства неисчерпаемы и года, кажется, на него не вліяютъ.

Какое безконечное количество словъ, мыслей, формъ онъ волочить съ собой; и какія горы произведеній отмѣчающихъ его путь, онъ оставляетъ за собой. Это точно изверженіе вулкана, и этотъ баснословный работникъ продолжаетъ подымать, распатывать, мѣсить и строить свой особенный міръ, міръ индусскій скорѣе, чѣмъ эллинскій.

Онъ поражаетъ меня. Но все-таки я предпочитаю генія, который даетъ чувство правды и увеличиваетъ внутреннюю свободу. У Гюго чувствуется циклонъ и усиліе; но опять-таки я предпочитаю звучный лукъ Аполлона и спокойное чело Юпитера Олимпійскаго.

2 сентября 1863 г. Какъ назвать то неуловимое ощущеніе, которое преслѣдовало меня сегодня утромъ въ полумракѣ пробужденія? Это было прелестное, но смутное воспоминаніе, безъ имени, безъ очертаній, какъ образъ женщины, смутно представляющійся глазамъ больного въ темнотѣ его комнаты и въ неопредѣленности бреда. У меня было ясное чувство, что это было симпатичное лицо, которое я гдѣ-то встрѣчалъ и которое когда-то взволновало меня, а потомъ было забыто мной. Но все остальное было смутно—и мѣсто, и время и сама личность, потому что я не видѣлъ ни лица, ни выраженія. Все вмѣстѣ было какъ летающій вуаль, подъ которымъ скрывалась загадка счастья. И я былъ достаточно пробужденъ, чтобы быть увѣреннымъ, что это не былъ сонъ.

Такъ вотъ послѣдніе слѣды вещей, которыя утопаютъ въ насъ, послѣдніе слѣды умирающихъ воспоминаній. Неуловимый, блуждающій огонекъ, освѣщающій неопредѣленное впечатлѣніе, про которое мы не знаемъ; страданіе-ли это или радость; свѣтъ надъ могилой? Какъ это странно!.. Дѣло въ томъ, что я не могъ заставить это привидѣніе сказать мнѣ свое имя, не могъ заставить это воспоминаніе усвоить прежнюю ясность.

25 ноября 1863 г. Молитва есть существенное орудіе религіи. Тотъ, кто не можетъ молиться, потому что сомнѣвается въ бытіе Того, къ Кому восходятъ молитвы и отъ Кого нисходятъ благословенія—тотъ жестоко одинокъ и необычайно бѣденъ. Ну, а ты, что ты думаешь объ этомъ? Въ эту минуту мнѣ трудно-бы было сказать это. Всѣ твои положительныя вѣрованія направлены къ изученію и подлечь измѣненіямъ. Истина прежде всего, даже тогда, когда она разстраиваетъ. Вѣрю же я въ то, что самое высое понятие, которое мы можемъ себѣ составить въ началѣ вещей, будетъ и самое истинное, и что самая истинная истина будетъ та, которая сдѣлаетъ человѣка наиболѣе гармонически добрымъ, наиболѣе мудрымъ, великимъ и счастливымъ. Мой символъ вѣры въ передѣлкѣ. Но все же я вѣрю въ Бога и въ безсмертіе души. Я вѣрю въ святость, правду, въ красоту; я вѣрю въ искупленіе души черезъ вѣру въ прощеніе. Я вѣрю въ любовь, въ самоотверженіе, въ честь. Я вѣрю въ долгъ и въ нравственную совѣсть. Я вѣрю даже въ молитву. Я вѣрю въ основное духовное сознаніе человѣческаго рода, и вѣрю въ великія утвержденія вдохновенныхъ людей всѣхъ временъ. Я вѣрю, что наша высшая природа—есть и наша настоящая.

Можетъ-ли изъ этого выйти теологія и теодицея. Вѣроятно да, но въ настоящую минуту я не ясно вижу это. Такъ давно уже я не смотрѣлъ съ точки зрѣнія *своей* метафизики и живу чужой мыслью. Я начинаю даже спрашивать себя, необходима-ли кристаллизація моихъ догматовъ. Да, для того, чтобъ проповѣдывать и дѣйствовать, но мнѣ для того, чтобъ наблюдать, созерцать и учиться.

4 декабря 1863 г. Видѣть всѣ вещи въ Богѣ, сдѣлать изъ своей жизни движеніе къ идеалу, жить благодарностью, сосредоточеніемъ, кротостью и мужествомъ: въ этомъ удивительная точка зрѣнія Марка Аврелія. Прибавить къ этому колѣноприклоненное смиреніе и жертвующее собой милосердіе, и это будетъ мудрость дѣтей божьихъ. Въ этомъ безсмертная радость истинныхъ христіанъ. Какое плохое христіанство то, которое злословитъ мудрость и обходится безъ нея. Въ такомъ случаѣ я предпочитаю мудрость, которая оправдываетъ Бога, даже въ этой жизни. Признакъ фальшивой религіозной мысли, это откладывать жизнь и различать святого, человѣка отъ добродѣтельнаго. Эта ошибка отчасти была ошибкой среднихъ вѣковъ и, можетъ быть, католицизма въ его сущности. Но истинное христіанство должно быть освобождено отъ этой пагубной ошибки.

Вѣчная жизнь не есть будущая жизнь; это жизнь въ порядкѣ, жизнь въ Богѣ, и надо пріучаться смотрѣть на время, какъ на движеніе вѣчности, какъ на колебанія океана Бытія. Жить, поддерживая

совѣсть sub specie aeterni, это значить быть мудрымъ; жить, осуществляя вѣчное—это значить быть религіознымъ.

Если національность — соглашеніе, то государственность — это насиліе.

Свобода, равенство — нехорошій принципъ! Истинно человѣческій принципъ, — это справедливость, а справедливость относительно слабаго, — это покровительство и доброта.

2 апрѣля 1864 г. Снѣгъ, чичерь, апрѣльскіе капризы, и затѣмъ потоки солнца, и какъ-бы лучи дождя. Припадки слезъ и смѣха переменчиваго неба, порывы вѣтра, вихри. Погода похожа на капризную дѣвочку, которая двадцать разъ въ одинъ день перемѣняетъ выраженіе лица и желанія. Это — благодѣянія для растеній. Приливъ жизни въ жилахъ весны. Амфитеатръ горъ нашей долины затянутъ бѣлымъ до подошвы, но два часа солнца — и весь легкій снѣгъ этотъ исчезнетъ. Опять новый капризъ, простая декорация, готовая перемѣниться по свистку машиниста.

Какъ чувствуется неустановимая подвижность всѣхъ вещей. Проявится и исчезнетъ, въ этомъ вся комедія міра, въ этомъ біографія всякой личности, какая-бы ни была продолжительность того цикла существованія, который она описываетъ. Всякая жизнь есть только тѣнь отъ дыма, только движеніе въ пустотѣ, гіероглифъ, начертанный въ одно мгновеніе на песокъ и стираемый въ слѣдующее мгновеніе дуновеніемъ. Воздушный пузырекъ, который лопається на поверхности великаго потока существованія, видимость, нищета, ничтожество. Но ничтожество это все-таки символъ Всемирнаго Существа, и эфемерный пузырекъ этотъ содержитъ въ себѣ исторію міра. Человѣкъ, который незамѣтно содѣйствовалъ дѣлу міра—жилъ; человѣкъ, который хоть сколько-нибудь созналъ его, тоже жилъ. Простой человѣкъ служитъ своей дѣятельностью, какъ колесо машины. Мыслитель служитъ своей мыслью, какъ просвѣтитель думающій, утѣшающій, подымающій и поддерживающій своихъ спутниковъ; смертныхъ и переходящихъ, какъ онъ, дѣлаетъ еще лучше: онъ соединяетъ обѣ первыя пользы. Дѣло, мысль, слово—это одинакіе образы человѣческой жизни. Ремесленникъ, ученый и ораторъ — всѣ трое работники Божіи.

Дѣйствовать, находить, учить—эти три вещи представляютъ изъ себя трудъ, всѣ три хороши, всѣ три необходимы. Хотя и блуждающіе огни, мы все-же можемъ оставить слѣдъ. Хотя и метеоры, мы можемъ продлить нашу гибнущую слабость въ памяти людей или во всякомъ случаѣ въ сплетеніи послѣдующихъ событій. Все исчезаетъ,

но ничего не теряется; и цивилизація или гражданственность чело-
вѣка есть не что иное, какъ огромная духовная пирамида, созданная
изъ произведеній всего, что жило въ образѣ нравственнаго существа;
такъ-же какъ наши известковыя горы образованы изъ остатковъ
миriadъ миллиардовъ безъименныхъ существъ, которыя жили въ видѣ
микроскопическихъ животныхъ.

16 ноября 1864 г. Шарикъ воздуха въ крови, капля воды
въ мозгу, и челоуѣкъ разрушается, его машина ломается, его мысль
исчезаетъ и мiръ исчезаетъ, какъ сонъ при появленіи утра. На какой
тонкой паутинѣ виситъ наша личная жизнь. Хрупкость, видимость,
ничтожество. Если-бы не развлеченія и наша способность забывать,
все волшебство, которое увлекаетъ и окружаетъ насъ, казалось-бы намъ
солнечнымъ призракомъ во мракѣ, пустымъ видѣніемъ, преходящей
галлюцинаціей. Появился и исчезъ — вотъ вся исторія челоуѣка,
равно какъ и мiра и инфузорій.

Время есть величайшая иллюзія. Она есть только внутренняя
призма, черезъ которую мы разлагаемъ бытіе и жизнь, образъ, подъ
которымъ мы постепенно видимъ то, что внѣременно въ идеѣ. Глазъ
не видитъ сферу всю сразу, хотя сфера существуетъ вся сразу. Нужно
одно изъ двухъ: либо чтобы сфера вертѣлась передъ глазомъ, кото-
рый смотритъ на нее, либо чтобы глазъ обошелъ вокругъ наблюдае-
мой имъ сферы.

Въ первомъ случаѣ это мiръ, развертывающійся, или какъ будто
развертывающійся во времени; во-второмъ случаѣ это наша мысль,
анализирующая и постепенно восстанавливающая. Для высшаго разума
нѣтъ времени; что будетъ, то есть. Время и пространство—это рас-
крошеніе безконечнаго для пользованія имъ существами конечными.

Наша жизнь ничто, это правда, но наша жизнь божественна.
Дуновеніе природы уничтожаетъ насъ, но мы превосходимъ природу,
проникая далѣе ея удивительной фантазмоморіи до неизмѣннаго и
вѣчнаго. Посредствомъ внутренняго экстаза уйти отъ водоворота вре-
мени, увидать самого себя *sub specie aeterni*—это лозунгъ великихъ
религій высшихъ породъ; и эта психологическая возможность есть
основа всѣхъ великихъ надеждъ. Душа можетъ быть безсмертна, по-
тому что она способна подниматься до того, что не рождается и не
умираетъ, до того, что существуетъ субстанціально, необходимо, не-
измѣнно, т. е. до Бога.

Зародыши всего находятся въ каждомъ сердцѣ, и самые большіе
преступники и самые большіе герои суть только различные виды насъ
самихъ. Только зло дѣлается само собой, а добро требуетъ мужества.

Въ основаніи всего лежитъ печаль, какъ въ концѣ всѣхъ рѣкъ — океанъ. Развѣ можетъ быть иначе въ мірѣ, гдѣ ничто не длится, гдѣ все, что мы любили, любимъ и будемъ любить, должно умереть.

Смерть — такъ вотъ въ чемъ тайна жизни! Трауръ окутываетъ вблизи или издалека всякую сосредоточившуюся въ себѣ душу, какъ ночь окутываетъ вселенную.

Умѣть внушить, это — великая педагогическая тонкость. Для этого надо угадывать, что интересуется, и читать въ дѣтской душѣ, какъ по нотамъ. И тогда только, перемѣнивъ ключъ, поддерживаешь интересъ и измѣняешь пѣнію.

3 апрѣля 1865 г. Искра счастья и хоть одинъ лучъ надежды стоятъ всѣхъ докторовъ въ мірѣ. Главная пружина жизни въ сердцѣ. Радость есть живительный воздухъ нашей души. Печаль есть астма усложненной атоніи. Наша зависимость отъ окружающихъ обстоятельствъ возрастаетъ съ нашимъ ослабленіемъ, и наше сіяніе составляетъ нашу свободу. Здоровье есть первая свобода, а счастье даетъ силу, которая есть основа здоровья. Сдѣлать кого-нибудь счастливымъ значитъ, строго говоря, увеличить его бытіе, удвоить силу его жизни, открыть ему же его самого, увеличить его и иногда преобразить его. Счастье уничтожаетъ безобразіе и дѣлаетъ даже красоту красивѣе. Можно сомнѣваться въ этомъ только, если никогда не видѣлъ свѣта пробужденія первой нѣжности въ ясномъ взглядѣ. Даже заря ничто въ сравненіи съ этимъ чудомъ.

Для матеріалистической философіи красота есть только случайность и поэтому рѣдко встрѣчающаяся; для спиритуалистической же философіи красота есть правило, законъ, общее свойство, къ которому возвращается всякая форма, какъ скоро уничтожится то, что мѣшало ея проявленію.

Почему мы некрасивы? Потому что мы не въ ангельскомъ состояніи, потому что мы дурны, суровы, несчастны.

Героизмъ, восторгъ, молитва, любовь, энтузіазмъ — все это производитъ ореолъ вокругъ чела, потому что они освобождаютъ душу, душа же дѣлаетъ прозрачной свою оболочку и свѣтится вокругъ нея. Слѣдовательно красота есть явленіе одухотворенія матеріи; она есть мгновенное введеніе въ рай (*emparadisement*) избраннаго предмета или существа; она есть какъ-бы упавшій съ неба на землю даръ для напоминанія міру объ идеалѣ. Изучать ее слѣдовательно значитъ почти неизбѣжно платонизировать. Какъ сильный электрической токъ можетъ сдѣлать металлы блестящими и отрываетъ ихъ сущность по цвѣту ихъ пламени, также и усиленная жизнь и высшая радость украшаютъ до сіянія простого смертнаго. Итакъ, человѣкъ только тогда истинно человѣкъ, когда онъ въ божественномъ состояніи.

Идеаль въ сущности болѣе истиненъ, чѣмъ сама реальность, потому что идеаль есть вѣчный моментъ вещей гибнущихъ: онъ ихъ типъ, ихъ число, ихъ причина существованія, ихъ формула въ книгѣ Творца; слѣдовательно, онъ есть ихъ вѣрнѣйшее и въ то же время кратчайшее выраженіе.

13 августа 1865 г. Сколько разныхъ людей въ одномъ человѣкѣ, сколько разныхъ стилей въ одномъ великомъ писателѣ. Руссо, напримѣръ, сколько различныхъ родовъ писаній онъ создалъ! Воображеніе преобразуетъ его и онъ удовлетворяетъ самымъ разнообразнымъ ролямъ, даже роли чистаго логика. Но такъ какъ воображеніе есть та ось, на которой вертится его умственная дѣятельность, его главная способность, то во всѣхъ его произведеніяхъ есть полукривость и полу-споръ. Чувствуется, что его талантъ бьется самъ съ собою объ закладъ, какъ Карнеадъ, въ томъ, чтобы все доказать, хотя бы это было и неправда, какъ скоро это стало дѣломъ самолюбія. Впрочемъ, это есть искушеніе всякаго таланта: подчинять вещи себѣ, а не себя вещамъ; побѣждать для побѣды, подставлять самолюбіе вмѣсто совѣсти.

Талантъ всегда радъ побѣждать въ хорошемъ дѣлѣ, но онъ охотно бываетъ кондотьеромъ и довольствуется побѣдой тамъ, гдѣ его знамя. Мнѣ кажется даже, что успѣхъ тогда, когда защищаемое дѣло слабо и дурно, несравненно болѣе лестенъ для таланта, потому что тогда онъ не раздѣляетъ свой успѣхъ ни съ кѣмъ другимъ.

Парадоксъ есть лакомство умныхъ людей и радость людей съ талантомъ. Такъ пріятно быть правымъ въ противность всѣмъ людямъ и озадачивать банальный здравый смыслъ и вульгарную пошлость. Любовь къ истинѣ и талантъ не сходятся; ихъ склонности разныя, часто разнятся и ихъ пути. Для того, чтобы заставить талантъ служить, тогда какъ по своему инстинкту онъ хочетъ начальствовать, нуженъ нравственный смыслъ очень чуткій и сильный характеръ. Греки, артисты слова, были хитрецами со временъ Одиссея, софистами—во времена Периклеса, риторамъ, придворнымъ и лукавымъ до конца Византіи. Ихъ талантъ былъ причиной ихъ порока.

Выступить въ свѣтъ, какъ Руссо, полемикой — это значить приговорить себя къ постояннымъ преувеличеніямъ и войнѣ. Тогда искупаешь свою славу двойной горечью: той, что никогда уже не можешь быть вполне правдивымъ и не можешь уже свободно располагать собой. Сориться съ міромъ привлекательно, но опасно.

Руссо былъ предкомъ во всемъ: онъ создалъ странничество пѣшкомъ раньше Тѣйфера, мечтательность раньше Рене, литературную ботанику раньше Жоржъ Зандъ, культъ природы раньше Бернардина

де-Ст. Пьера, демократическую теорію раньше революціи 1789 года, политическія и богословскія разсужденія раньше Мирабо и Ренана, педагогику раньше Пестолоцци, живопись Альпъ раньше де-Сосюра; онъ едѣлалъ музыку модной и возбудилъ въ обществѣ вкусъ къ исповѣдямъ; онъ создалъ новый французскій стиль, сжатый, разработанный, плотный и страстный. Словомъ, можно сказать, что ничего не пропало изъ того, что далъ Руссо, и что никто больше него не повліялъ на французскую революцію, такъ какъ онъ былъ ея богомъ между Некаромъ и Бонапартомъ, также и то, что никто больше него не повліялъ на XIX вѣкъ, такъ какъ Байронъ, Шатобрианъ, де-Сталь, Жоржъ Зандъ — вытекаютъ изъ него.

7 января 1866 г. Наша жизнь есть только мыльный пузырь, висящій на соломинкѣ: она возникаетъ, расширяется, окрашивается самыми прекрасными цвѣтами радуги; она минутами не подчиняется даже законамъ тяготѣнія; но вскорѣ на немъ появляется черное пятнышко, и золотистый и изумрудный шаръ исчезаетъ въ пространствѣ и обращается въ простую капельку грязной жидкости. Всѣ поэты дѣлали это сравненіе, оно поразительно своей истинностью. Появиться, блестять, уничтожиться, возникнуть, страдать, умереть — не въ этомъ ли вся жизнь эфемера, народа, небеснаго тѣла?

Время есть только мѣра трудности пониманія; чистая мысль почти не нуждается во времени, потому что она почти одновременно видитъ оба конца идеи. Природа только трудомъ совершаетъ мысль планеты, но высшій разумъ совершаетъ ее въ одной точкѣ. Слѣдовательно, время есть послѣдовательное раздробленіе бытія, какъ слово есть послѣдовательный анализъ интуиціи или воли. Само по себѣ оно относительно и отрицательно и исчезаетъ въ абсолютномъ бытіи. Богъ внѣ времени, потому что Онъ мыслитъ одновременно всякую мысль; природа же во времени, потому что она только слово, дискурсивное развертываніе мысли, содержащейся въ безконечной мысли. Но природа истощается въ этой невозможной задачѣ, потому что анализъ безконечнаго есть противорѣчіе. При безконечной продолжительности, безграничномъ пространствѣ и безпредѣльномъ числѣ природа дѣлаетъ по крайней мѣрѣ то, что она можетъ для того, чтобы передать богатства творческой формулы. По тѣмъ безднамъ, которыя она открываетъ для того, чтобы охватить мысль, не достигая этого, можно судить о величинѣ божественнаго разума.

Въ сущности, современный человѣкъ чувствуетъ страшную потребность забыться. Онъ испытываетъ тайное отвращеніе передъ всѣмъ тѣмъ, что умаляетъ его; поэтому вѣчное, безконечное, совершенство — для него пугало. Ему нужно одобрять себя, восхищаться собой, привѣтствовать себя, восхвалять себя и потому онъ отворачивается отъ

всѣхъ безднѣ, напоминающихъ ему его ничтожество. Въ этомъ состоитъ истинная мелочность столькихъ могучихъ умовъ нашего времени. Недостатокъ личнаго достоинства нашихъ цивилизованныхъ вертопраховъ, въ сравненіи съ арабомъ пустыни, — все увеличивающееся легкомысліе нашихъ массъ, — правда, все болѣе и болѣе образованныхъ, но болѣе зато и поверхностныхъ въ ихъ пониманіи счастья.

Въ этомъ тоже для насъ заслуга христіанства — этого восточнаго элемента нашей культуры. Онъ дѣлаетъ противовѣсъ нашимъ стремленіямъ къ конечному, преходящему, измѣняющемуся, сосредоточивая умъ на созерцаніи вещей вѣчныхъ, платонизируя нѣсколько наши привязанности, всегда удаленныя отъ идеальнаго міра, возвращая насъ отъ разсѣянія къ концентраціи, отъ свѣтскости къ вдумчивости, владыкая въ наши души, возбужденныя тысячами пошлыхъ-желаній, спокойствіе, важность и благородство. И также, какъ сонъ служитъ молодой ванной для нашей дѣятельной жизни, также и религія составляетъ освѣжительную ванну для нашего безсмертнаго существа. Священное имѣетъ очистительное свойство. И потому я думаю, что противники религіи вообще ошибаются относительно требованій западнаго человѣка и что современный міръ потерялъ-бы свое равновѣсіе, какъ только онъ отдался-бы исключительно еще плохо созрѣвшему ученію прогресса. Мы всегда нуждаемся въ безконечномъ, вѣчномъ, абсолютномъ, и такъ какъ наука довольствуется относительнымъ, то она оставляетъ пустое мѣсто, которое хочется наполнить созерцаніемъ, культомъ и обожаніемъ.

„Религія есть ароматъ“, — сказала Бэконъ, „который долженъ мѣшать жизни портиться“, и это въ особенности въ наше время вѣрно относительно религіи въ платоническомъ и восточномъ смыслѣ. Глубокая сосредоточенность дѣйствительно есть условіе высокой дѣятельности.

29 января 1866 г. Что составляетъ прелесть этого существованія, такого голаго и пустого на видъ? Свобода. Что для меня отсутствіе комфорта и всего, чего недостаетъ въ моемъ жилищѣ? Эти вещи для меня безразличны. Я нахожу подъ этой крышей свѣтъ, спокойствіе, убѣжище. Я живу съ сестрой и ея дѣтьми, которыхъ я люблю. Моя матеріальная жизнь обезпечена. Этого достаточно для холостяка. При томъ я — человѣкъ привычки, даже болѣе привязанный къ извѣстнымъ мнѣ неприяностямъ, чѣмъ ищущій радостей мнѣ неизвѣстныхъ. Стало быть, я свободенъ, и мнѣ недурно. Значитъ мнѣ хорошо здѣсь и я былъ-бы неблагодарнымъ, если бы сталъ жаловаться. Я и не дѣлаю этого. Это скорѣе вздыхаетъ мое сердце, которое желаетъ лучшаго и бѣльшаго. Но вѣдь извѣстно, что сердце — ненасытный обжора, и кто же не вздыхаетъ? Это нашъ земной удѣлъ.

Только одни бесплодно мучаются, чтобы удовлетвориться, другіе, предвидя результатъ, поворяются, не дѣлая бесплодныхъ и ненужныхъ усилій. А такъ какъ нельзя быть счастливымъ, и не зачѣмъ трудиться, надо ограничиваться строго необходимымъ, жить умѣренно и воздержанно, довольствоваться малымъ и цѣнить только спокойствіе совѣсти и чувство исполненнаго долга.

Правда, что въ этомъ не мало честолюбія и что впадаешь въ другую невозможность. Нѣтъ, самое простое—прямо и просто подчинить себя Богу. Все остальное, какъ говоритъ Евлезіастъ, есть только суета и томленіе духа.

Уже давно я знаю и чувствую это и это религиозное отреченіе мнѣ пріятно и привычно. Вишнія волненія, примѣры міра, неизбежное увлеченіе теченіемъ вещей заставляютъ забывать пріобрѣтенную мудрость и усвоенныя правила. Вотъ отъ этого-то такъ утомительно жить. Это вѣчное начинаніе сначала несносно до отвращенія. Какъ хорошо-бы было заснуть, когда уже сорвалъ плодъ опыта, когда уже не сопротивляешься вышей воли, когда освободился отъ своего я, когда находишься въ мирѣ со всеми людьми.—Тогда какъ нужно вновь начинать кругъ искушеній, споровъ, непріятностей, забвеній, впаденія въ прозу, въ terre-à-terre, въ пошлость. Какъ это грустно и унижительно! Поэтому-то и торопятся поэты выводить своихъ героевъ изъ борьбы и не волочатъ ихъ послѣ побѣды по битымъ дорогамъ обыденной жизни. Любимцы боговъ умираютъ молодыми, говорило древнее изреченіе.

Да, но такая судьба льститъ нашему тайному чувству; это наше желаніе, а не воля Бога. Мы должны быть унижаемы, испытываемы, мучимы, искушаемы до конца. Наше терпѣніе есть оселокъ нашей добродѣтели. Переносить жизнь безъ очарованій, безъ надежды, покориться постоянной борьбѣ, любя миръ, не удаляться отъ свѣта, даже когда онъ претитъ, какъ дурное общество, какъ арена дурныхъ страстей, оставаться вѣрнымъ своему Богу, не порывая сношеній съ сектантами ложныхъ боговъ, не убѣгать изъ людской больницы, терпѣливо сидѣть, какъ Іовъ, на своемъ гноищѣ, — вотъ въ чемъ заключается обязанность человѣка. Когда жизнь перестаетъ быть общаніемъ, она не перестаетъ быть обязанностью, и даже настоящее имя жизни—испытаніе.

28 апрѣля 1866 г. Протестантство есть соединеніе двухъ факторовъ—авторитета писаній и свободнаго изслѣдованія; но какъ скоро одинъ изъ этихъ двухъ факторовъ находится въ опасности или исчезаетъ, протестантство исчезаетъ; его замѣняетъ другая форма христіанства, какъ, напримѣръ, братство св. Духа или христіанскій теизмъ. Что касается меня, я не имѣю ничего противъ такого ре-

зультата; но я считаю друзей протестантской церкви логичными, когда они отказываются отступать отъ символа апостоловъ, и напротивъ, считаю индивидуалистовъ нелогичными, когда они хотятъ сохранить протестанство безъ авторитета.

Вопросъ о методѣ раздѣляетъ два лагеря. Я отдѣляюсь по существу отъ обоихъ лагерей. По-моему, христіанство прежде всего религіозно, а религія не есть методъ; религія есть жизнь высшая, сверхъестественная, жизнь мистическая въ корнѣ своемъ и практическая по своимъ плодамъ; религія есть общеніе съ Богомъ, глубокая и тихая восторженность, лучистая любовь, дѣятельная сила, изливающаяся счастье: однимъ словомъ, религія есть состояніе души.

Споры о методахъ имѣютъ свое значеніе, но значеніе это второстепенно: они не утѣшаютъ сердца, не просвѣтляютъ совѣсти. Поэтому я вовсе не интересуюсь этой борьбой духовныхъ партій. Пусть остаются побѣдителями тѣ или другіе, сущность дѣла отъ этого ничего не выиграетъ, потому что догматика, критика, церковь не составляютъ религіи, а сущность — въ религіи, въ божественномъ чувствѣ жизни. „Ищите царствія Божія и правды его, а это все приложится вамъ“. Самое христіанское есть самое святое, — вотъ критерій, съ которымъ меньше всего ошибешься. „По этому узнаютъ, что вы мои ученики, если любовь имѣете между собой“. Какое челоуѣкъ, такова и религія. Народный инстинктъ и философскій разумъ сходятся въ этомъ критеріи. Будьте благочестивы, добры, горючны и терпѣливы, вѣрны и самоотвержены, смиренны и милосердны: и тотъ катехизисъ, въ которомъ вы научились этому, безошибоченъ. Черезъ религію вы живете въ Богѣ, всѣми же этими спорами живешь только съ людьми и съ черными фраками. Такъ что нѣтъ соотвѣтствія.

Совершенство какъ цѣль, примѣръ какъ поддержка, божественное, оказанное только его совершенствомъ: развѣ не въ этомъ все христіанство? Богъ все и во всѣхъ, развѣ не въ этомъ его совершеніе?

13 декабря 1866 г. Большинство нашихъ талантливыхъ молодыхъ людей смотритъ на чистый и простой скептицизмъ, какъ на охрану свободы мысли. Уничтоженіе суевѣрій представляется высшей славой челоуѣка. А я думаю, что это уничтоженіе суевѣрій выгодно тиранніи. Прислушиваясь нынче вечеромъ къ разговору нѣкоторыхъ образованныхъ людей, я думалъ о времени возрожденія, о Птоломеяхъ, о царствованіи Людовика XV, когда веселая анархія мысли соотвѣтствовала деспотизму власти, и обратно, думалъ объ Англіи, Голландіи, Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ политическая свобода покупается извѣстными предвзятыми мнѣніями и необходимыми предразсудками. Для того, чтобы общество не распалось, нуженъ соединяющій его принципъ, слѣдовательно — общее вѣрованіе, всѣми принятыя и неоспариваемыя истины.

ваемые принципы, рядъ практическихъ аксіомъ и учрежденій, которыя не могутъ быть разрушены всякимъ капризомъ общественнаго мнѣнія настоящаго дня.

Сомнѣніе—соучастникъ тиранніи. „Если народъ не хочетъ вѣрить, онъ долженъ служить“,—сказалъ Токвиль. Всякая свобода влечетъ извѣстную зависимость и налагаетъ свои условія. Вотъ что забываютъ отрицающіе, фрондирующіе умы. Они думаютъ, что можно задуть религію; они не знаютъ, что религіи уничтожить нельзя, и что вопросъ только въ томъ, какая она будетъ. Вольтеръ поддерживаетъ Лойолу, и обратно. Между ними не можетъ быть мира, точно также какъ и для общества, вступившаго въ такую дилемму. Разрѣшеніе вопроса—въ религіи, свободной, свободно выбранной, свободно принятой.

...Удивительно ли то, что недоразумѣніе играетъ такую важную роль въ мірѣ, когда мы видимъ трудность попытокъ написать вѣрный портретъ съ человѣка, котораго изучаешь въ теченіе 20-ти лѣтъ? Впрочемъ, такое усиліе не пропадаетъ даромъ; его награда заключается въ обостреніи виѣшней наблюдательности. Если я обладаю нѣсколько утонченнымъ пониманіемъ другихъ умовъ, я конечно обязанъ этой способности постоянному анализу самого себя и неудачамъ его. Собственно говоря, я всегда бралъ себя предметомъ изученія; самое пріятное въ этомъ было то, что у меня подъ руками, какъ самый вѣрный образчикъ человѣческой природы, былъ человѣкъ, на которомъ я могъ безъ навязчивости и нескромности слѣдить за всѣми видоизмѣненіями, за самыми сокровенными мыслями, за каждымъ біеніемъ сердца, за всѣми искушеніями его. Я относился къ себѣ совершенно безлично, съ философской точки зрѣнія. Пользуешься тѣмъ, что имѣешь.

11 января 1867 г. Я явственно слышу, какъ капли моей жизни падаютъ въ пожирающую бездну вѣчности. Я чувствую, какъ летятъ мои дни на встрѣчу смерти. Весь тотъ остатокъ недѣль мѣсяцевъ или лѣтъ, въ теченіе котораго я еще могу упиваться солнечнымъ свѣтомъ, мнѣ представляется не болѣе какъ одною ночью, лѣтнею ночью, которая и за ночь не считается, такъ какъ она вотъ-вотъ кончится.

Смерть! безмолвіе! бездна! — Страшныя тайны для существа, которое стремится къ безсмертію, къ благу, къ совершенству! Гдѣ буду я завтра, черезъ нѣсколько времени, когда я больше не буду дышать? Гдѣ будутъ тѣ, которыхъ я люблю? Куда мы идемъ? Что мы такое? Вѣчныя загадки постоянно стоятъ передъ нами въ ихъ неумолимой торжественности. Тайны со всѣхъ сторонъ! Вѣра — единственная звѣзда въ этомъ мракѣ неизвѣстности...

Ну, что же! лишь-бы міръ былъ произведеніемъ блага и лишь-бы

сознаніе долга не обмануло насъ. Доставлять счастье и дѣлать добро— вотъ нашъ законъ, нашъ якорь спасенія, нашъ маякъ, смыслъ нашей жизни. Пусть погибнутъ всѣ религіи, только-бы оставалась эта; у насъ будетъ идеаль и стоить жить.

15 апрѣля 1867 г. Нынче ночью буря съ дождемъ. Сыро и мрачно передъ окномъ и крыши глянцовиты отъ воды. Весна дѣлаетъ свое дѣло, да, и неумолимые года толкаютъ насъ къ могилѣ.

Да, каждому своя очередь!

Грусть, вялость, усталость! Предвкушеніе вѣчнаго сна охватываетъ меня изрѣдка перебиваемою потребностью жертвы героической, продолжительной. И въ самомъ дѣлѣ и то, и другое суть два различныя средства уйти отъ самого себя. Заснуть или отдаться, чтобы умереть своему я: въ этомъ стремленіе сердца. Бѣдное сердце!

17 апрѣля 1867 г. Проснись, возстань изъ мертвыхъ! Запасъ твоего мужества, вотъ что нужно тебѣ постоянно освѣжать въ самомъ себѣ. По естественному склону твоего характера ты доходишь до отвращенія къ жизни, до унынія, до пессимизма.

„Человѣкъ счастливый, счастливецъ вѣкъ“, по мнѣнію госпожи ***, есть *Weltmüde* ¹⁾, который представляется счастливымъ передъ людьми и который отвлекается, насколько онъ можетъ, отъ своей тайной мысли, мысли смертельно грустной, мысли о непоправимомъ. Его спокойствіе есть не что иное, какъ скрытое сокрушеніе; его веселость — не что иное, какъ беззаботность разочарованнаго сердца, не что иное, какъ откладываніе на неопредѣленное время надежды на счастье. Его мудрость есть только приспособленіе къ лишеніямъ, вся его кротость скорѣе терпѣливое, чѣмъ сознательное отреченіе. Словомъ, онъ переноситъ свое существованіе безъ радости и не можетъ скрыть отъ себя, что всѣ выгоды этого существованія не наполняютъ душу до дна. Жажда безконечнаго не утолена. Богъ отсутствуетъ.

Чтобы испытать истинное спокойствіе, нужно чувствовать себя руководимымъ, прощеннымъ, поддерживаемымъ высшей силой; нужно чувствовать себя на своемъ пути, на мѣстѣ, назначенномъ Богомъ, въ Его порядкѣ. Эта вѣра даетъ силу и спокойствіе. У тебя нѣтъ ея. То, что есть, кажется тебѣ произвольнымъ, случайнымъ, могущимъ быть или не быть. Ничего изъ того, что съ тобой случается, не кажется тебѣ предопредѣленнымъ, все кажется тебѣ предоставленнымъ на твою отвѣтственность, и эта-то мысль отвращаетъ тебя отъ управленія твоей жизнью.

Ты хотѣлъ отдаться какой-то высшей любви, какой-то благородной цѣли, ты хотѣлъ-бы жить и умереть за идеаль, т. е. за святое

¹⁾ Уставшій отъ міра.

дѣло. Разъ ты убѣдился въ невозможности этого, ты ни за что не взялся всѣмъ сердцемъ и только игралъ своей судьбой, обману которой ты уже не подчинялся. Nada! ¹⁾).

Ну, что-жь! Сибаритъ, мечтатель, будешь-ли ты до конца продолжать жить такъ, колеблясь между долгомъ и счастьемъ, ни на что не рѣшаясь? Развѣ жизнь не есть испытаніе нашей нравственной силы, и всѣ эти внутреннія колебанія развѣ не искушенія души?

25 января 1868 г. Когда внѣшній человѣкъ разрушается, тогда становится для него главнымъ дѣломъ—вѣрить въ безсмертіе своего существа и думать вмѣстѣ съ апостоломъ, что внутренній человѣкъ обновляется изо дня въ день. А что же дѣлать тѣмъ, которые сомнѣваются въ этомъ и не имѣютъ этой надежды? Весь остатокъ ихъ жизненнаго пути сводится къ вынужденному расчлененію ихъ маленькаго царства, къ постепенному разрушенію ихъ существа неумолимой судьбой. Тяжело присутствовать при этомъ продолжительномъ умраніи, привалы котораго мрачны и послѣдній предѣлъ котораго неизбѣженъ. Понятно, что стоицизмъ признавалъ право самоубійства. Въ чемъ твоя теперешняя вѣра? Не охватило-ли и тебя всеобщее сомнѣніе или, по крайней мѣрѣ, довольно обыкновенное сомнѣніе науки? Ты отставалъ безсмертіе души передъ скептиками, но, и заставивъ ихъ замолчать, ты тѣмъ не менѣе въ глубинѣ не увѣренъ въ томъ, что ты не согласишь съ ними. Ты хотѣлъ-бы обойтись безъ надежды, а между тѣмъ очень вѣроятно, что у тебя на это нѣтъ уже силы, и что тебѣ нужно, какъ и всякому другому, быть поддерживаемымъ, утѣшаемымъ вѣрованіемъ, — вѣрованіемъ въ прощеніе и безсмертіе, т. е. религіознымъ вѣрованіемъ христіанской формы. Разумъ и мысль устаютъ такъ же, какъ мускулы и нервы. Имъ нуженъ сонъ. И этотъ сонъ есть возвращеніе къ дѣтскимъ преданіямъ, къ обычной надеждѣ. Такъ утомительно держаться на исключительной точкѣ зрѣнія, что выпадаешь въ предразсудокъ только потому, что опускаешься, также какъ стоящій человѣкъ всегда кончитъ тѣмъ, что опустится на землю въ горизонтальное положеніе.

Что дѣлать, когда все насъ оставляетъ: здоровье, радость, привязанность, свѣжесть чувства, память, способность къ труду, когда намъ кажется, что солнце холодѣетъ, а жизнь какъ будто теряетъ всѣ свои прелести? Какъ быть, когда нѣтъ никакой надежды? Одурманиваться или каменѣть?

Отвѣтъ всегда одинъ: исполненіе долга. Будь что будетъ, если чувствуешь спокойствіе совѣсти, если чувствуешь себя примиреннымъ и на своемъ мѣстѣ. Будь тѣмъ, чѣмъ ты долженъ быть,—остальное

¹⁾ «Ничего» — по-испански.

дѣло Божье. И если-бы даже не было Бога, святого и добраго, а было-бы только всеобщее, великое существо, законъ всего, идеаль безъ упостаси и реальности, долгъ былъ-бы все-таки разгадкой тайны и полярной звѣздой для движущагося человѣчества.

Fais ce que dois, advienne que pourra ¹⁾).

26 января 1868 г. Благословенно дѣтство, которое среди жесткости земли даетъ хоть немного неба. Эти восемьдесятъ тысячъ ежедневныхъ рожденій, о которыхъ говоритъ статистика, составляютъ какъ-бы изліянія невинности и свѣжести, которая борется не только противъ уничтоженія рода, но и противъ человѣческой испорченности и всеобщаго зараженія грѣхомъ. Всѣ добрыя чувства, вызываемыя около колыбели и дѣтства, составляютъ одну изъ тайнъ великаго провидѣнія; уничтожьте вы эту освѣжающую росу, и вихрь эгоистическихъ страстей какъ огнемъ высушитъ человѣческое общество. Если предположить, что человѣчество состояло-бы изъ миллиарда безсмертныхъ существъ, число которыхъ не могло-бы ни увеличиваться, ни уменьшаться, гдѣ бы мы были и что бы мы были, великій Боже! Мы стали-бы, безъ сомнѣнія, въ тысячу разъ ученѣе, но и въ тысячу разъ хуже. Знаніе накопилось-бы, но всѣ добродѣтели, которыя зарождаются отъ страданій и преданности, т. е. семья и общество, были-бы мертвы. Не было-бы возмѣщенія.

Благословенно дѣтство за то благо, которое оно даетъ само и за то добро, которое оно производитъ, не зная и не желая этого, только заставляя, позволяя себя любить. Только благодаря ему, мы видимъ на землѣ частичку рая. Безъ родительскихъ чувствъ, я думаю, что самой любви недостаточно было-бы, чтобы препятствовать безсмертнымъ людямъ пожирать другъ друга, разумѣется такимъ людямъ, какими сдѣлали ихъ наши страсти. Ангелы не нуждаются ни въ рожденіи, ни въ смерти для того, чтобы жить, потому что ихъ жизнь небесна.

19 марта 1868 г. Такъ называемыя маленькія вещи составляютъ причину большихъ, потому что онѣ составляютъ ихъ начало, зародышъ; и исходная точка существованій рѣшаетъ обыкновенно все ихъ будущее. Черное пятнышко есть начало появленія гангрены, урагана, революціи, пятнышко и ничего больше. Изъ незамѣтнаго недоразумѣнія можетъ возникнуть ненависть и раздоръ. Огромная лавина начинается съ оторвавшагося атома, пожаръ города — отъ упавшей спички.

Достаточно заткнуть себѣ уши въ залѣ, гдѣ танцуютъ, чтобы вообразить себя въ домѣ сумасшедшихъ. На человѣка, уничтожив-

¹⁾ Дѣлай то, что долженъ, а будь, что будетъ.

шаго въ себѣ религиозное сознаніе, всё религиозные культы человечества должны производить такое-же впечатлѣніе. Но надо помнить, что можно быть внѣ закона человѣческаго рода, и что мы одни правѣе всёхъ остальныхъ людей.

Насмѣшники рѣдко жертвуютъ собой. Зачѣмъ они будутъ это дѣлать? Жертва серьезна, а имъ перестать смѣяться — это значить выйти изъ своей роли.

Чтобы жертвовать собою, нужно любить; чтобы любить, нужно вѣрить въ дѣйствительность того, что любишь; нужно уметь страдать, забывать себя, отдаваться, словомъ, быть серьезнымъ. Вѣчный смѣхъ есть полное уединеніе, это есть провозглашеніе совершеннаго эгоизма. Чтобы дѣлать людямъ добро, нужно жалѣть ихъ, а не презирать и не говорить о нихъ: дураки! но говорить: несчастные! Пессимистическій скептикъ и нигилистъ кажутся менѣе холодными, чѣмъ насмѣшливый атеистъ. Посмотримъ, что говоритъ мрачный Агасеера:

Вы, у которыхъ недостаетъ милосердія,
Трепещите при видѣ моего страннаго наказанія:
Богъ мститъ не за свою божественность,
Но за человѣчество!

Лучше погибнуть, чѣмъ спастись одному, и несправедливо по отношенію къ своему роду желать быть правымъ, не подѣлившись этою правотою съ другими. Притомъ это такая иллюзія — воображать возможность такой привилегіи, когда все доказываетъ солидарность людей между собой и когда никто не можетъ думать иначе, какъ только при помощи общей мысли, очищенной вѣками культуры и опыта. Абсолютный индивидуализмъ есть глупость. Можно быть одинокимъ въ своей частной и временной средѣ, но каждая изъ нашихъ мыслей и каждое изъ нашихъ чувствъ находитъ, находило и будетъ находить свой отголосокъ въ человѣчествѣ. Для нѣкоторыхъ людей — которыхъ большія части человѣчества признаютъ своими вождями, реформаторами и просвѣтителями, отголосокъ этого огромнаго и раздается съ особенною силой, но нѣтъ человѣка, мысли котораго не производили-бы на другихъ такого-же, хотя и въ много разъ меньшаго дѣйствія. Всякое искреннее проявленіе души, всякое заявленіе личнаго убѣжденія служить кому-нибудь или чему-нибудь, даже если не знаютъ объ этомъ и даже когда зажимаютъ вамъ ротъ или когда навидываютъ вамъ мертвую петлю на шею. Слово, сказанное кому-нибудь, сохраняетъ неразрушимое дѣйствіе, какъ всякое движеніе превращается въ инныя формы, не уничтожаясь. Вотъ почему не слѣдуетъ смѣяться, а слѣдуетъ молчать, утверждать себя, дѣйствовать. Нужно имѣть вѣру въ истину, нужно стремиться къ истинному и распространять его; нужно любить людей и служить имъ.

9 апрѣля 1868 г. Провелъ три часа за толстымъ томомъ Лотце (Geschichte der Aesthetik in Deutschland). Первое увлеченіе все убывало и кончилось скукой. Почему? Потому что шумъ мельницы усыпляетъ, потому что эти страницы безъ красной строки, эти нескончаемыя главы, это не прекращающееся діалектическое мурлыканіе производятъ на меня дѣйствіе словесной мельницы. Я кончаю тѣмъ, что начинаю зѣвать, какъ простой смертный передъ этими тяжело-вѣсными сочиненіями. Ученость и даже мысли — это еще не все. Немножко ума, остроумія, живости, воображенія, граціи не повредило бы ничему. Остается-ли у васъ въ памяти образъ, формула, поражающій или новый фактъ, когда вы владете на мѣсто эти педантическія книги? Нѣтъ, у васъ остается усталость и туманъ. О леность, точность, краткость! Дидро, Вольтеръ и даже Галіани! Маленькій отрывокъ Сентъ-Бѣва, Шерера, Ренана, Виктора Шербюлье даетъ болѣе наслажденія, заставляетъ больше размышлять, чѣмъ тысячи этихъ нѣмецкихъ страницъ, туго набитыхъ до краевъ, въ которыхъ видишь одинъ трудъ, не видя его результатовъ. Нѣмцы наваливаютъ вязанки дровъ, французы приносятъ искры. Избавьте меня отъ эдукбрацій; подавайте мнѣ фактовъ и мыслей. Оставьте себѣ ваши чаны, вашъ виноградный сокъ, ваши выжимки. Я хочу уже готоваго вина, которое пѣнится въ стаканѣ и возбуждаетъ способности, вмѣсто того, чтобы отягощать ихъ.

26 апрѣля 1868 г. Гулялъ ночью одинъ. То, что видѣлъ, дало мнѣ цѣлый рядъ уроковъ мудрости. Видѣлъ колючіе кусты, покрывшіеся цвѣтами, и какъ вся долина воскресла къ жизни подъ дуновеніемъ весны. Присутствовалъ при ошибкахъ поведенія стариковъ, которые не хотятъ стариться и возмущаются въ своемъ сердцѣ противъ естественнаго закона. Я видѣлъ на дѣлѣ легкомысленные браки и болтливыя проповѣди. Я видѣлъ пустыя печали и достойныя сожалѣнія одиночества. Я слышалъ шутливыя разговоры о сумасшествіи и радостныя пѣсни птицъ. И все это сказало мнѣ одно и то же. Приведи себя въ согласіе со всемірнымъ закономъ, прими волю Бога, религиозно трать данную тебѣ жизнь, трудись, покуда свѣтло, будь и серьезень и радостень. Умѣй повторять вмѣстѣ съ апостоломъ: „Я научился быть довольнымъ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ нахожусь“.

26 августа 1868 г. Разочарованія, разбитость, усталость, апатія: это та послѣдовательность, которую надо постоянно повторять, пока еще катаешь Сизифову скалу. Ни короче-ли и проще было-бы головой впередъ броситься въ пропасть?

Нѣтъ, всегда только одно рѣшеніе: вернуться къ порядку, при-

нять, подчиниться, отречься и сдѣлать все-таки все, что можешь. Пожертвовать нужно своей волею, своими желаніями, своей мечтой. Разъ навсегда откажись отъ счастья. Уничтоженіе своему „я“ — смерть своему „я“ — это единственное самоубійство, полезное и дозволенное. Въ твоёмъ теперешнемъ отреченіи есть скрытая досада, есть оскорбленная гордость, немного упрека, однимъ словомъ, эгоизмъ, потому что есть преждевременное исканіе покоя. Отреченіе совершенно только въ полномъ смиреніи, которое стираетъ свое „я“ для Бога.

У тебя нѣтъ болѣе силъ, ты ничего не желаешь; это не то, что нужно: нужно желать того, чего хочетъ Богъ, нужно переходить отъ отреченія къ жертвѣ и отъ жертвы къ самопожертвованію.

Чаша, которая ты желалъ-бы, чтобы миновала тебя, — это есть казнь твоей жизни: это стыдъ жить и страдать какъ ничтожный человѣкъ, который не нашелъ своего призванія, — это горькое и все увеличивающееся униженіе, чувствовать свое умаленіе, чувствовать, что старѣешься, не одобряя самого себя и огорчая своихъ друзей. „Хочешь ты быть исцѣленнымъ“ — это былъ текстъ воскресной рѣчи: „придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и я дамъ покой душамъ вашимъ“, „и если наше сердце осуждаетъ насъ, Богъ больше, чѣмъ наше сердце“.

16 декабря 1868 г. Я въ тревогѣ за моего бѣднаго милого друга Шарля Гейма. Съ 30 ноября, когда онъ со мной простился, я не видалъ уже почерка дорогого больного. Какъ длинны показались мнѣ эти двѣ недѣли! Какъ я понялъ теперь это горячее желаніе услышать послѣднія слова, увидеть послѣдніе взгляды тѣхъ, кого мы любили. Эти общенія подобны завѣщанію. Они носятъ на себѣ торжественный и священный характеръ. То, что умираетъ, отчасти причастно уже вѣчности. Кажется, что умирающій говоритъ съ нами изъ-за гроба. То, что онъ говоритъ намъ, кажется намъ изреченіемъ оракула, повелѣніемъ. Мы представляемъ его себѣ почти пророкомъ. Очевидно, что для того, который чувствуетъ уходящую жизнь и открывающійся гробъ, наступило время значительныхъ рѣчей. Сущность его природы должна проявиться. То божественное, которое находится въ немъ, не можетъ уже скрываться.

О, не будемъ медлить, чтобы быть справедливыми, сострадательными, внимательными къ тѣмъ, кого мы любимъ, не будемъ ждать, когда они или мы будемъ поражены болѣзью или угрожаемы смертью. Жизнь коротка, и не можетъ быть слишкомъ много времени, чтобы радовать сердце нашихъ спутниковъ въ этомъ мрачномъ переѣздѣ. Поспѣшимъ же быть добрыми.

26 декабря 1868 г. Если мужчина ошибается всегда болѣе

или менѣе относительно женщины, это значитъ, что онъ забываетъ, что онъ и она говорятъ не совсѣмъ однимъ и тѣмъ-же языкомъ и что слова не имѣютъ для нихъ одинъ и тотъ-же вѣсь и одно и то-же значеніе, въ особенности въ вопросахъ чувства. Происходитъ-ли это отъ стыдливости, отъ осторожности или отъ коварства; женщина не высказываетъ никогда всю свою мысль, и даже то, что она о ней знаетъ, есть только часть того, что заключается въ этой мысли. Полная искренность ей представляется невозможною и полное знаніе самой себя ей кажется запрещеннымъ. Если она сфинксъ, то только потому, что она загадка и потому еще, что она столь-же двусмысленна и для самой себя. Ей нѣтъ никакой нужды быть коварной, она тайна. Женщина — это то, что ускользаетъ, что не поддается разуму, неопредѣлимое, нелогичное, противорѣчивое. Съ ней нужно обращаться съ большою добротой и съ немалымъ благоразуміемъ, она, сама не зная того, можетъ причинить величайшія бѣдствія. Способная на всякія жертвы и на всякія измѣны, „непостижимое чудовище“, потому что она составляетъ отраду для мужчины, его отраду и его страхъ.

Чѣмъ больше любишь, тѣмъ больше страдаешь. Сумма страданій, возможныхъ для каждой души, пропорціональна степени ея совершенства.

Обращать горечь жизненнаго опыта въ благодуміе, неблагодарность въ благодареніе, оскорбленія въ прощеніе, вотъ въ чемъ святая алхимія высокихъ душъ. И это превращеніе должно сдѣлаться столь обычнымъ, столь легкимъ, чтобы оно представлялось людямъ естественнымъ и чтобы никто не одобрялъ насъ за это.

27 января 1869 г. Превращеніе церковнаго и исповѣднаго христіанства въ христіанство историческое есть дѣло библейской науки. Превращеніе историческаго христіанства въ философическое есть попытка почти невозможная потому что вѣра не можетъ совершенно раствориться въ наукѣ. Но выведеніе христіанства изъ области исторической въ область психологическую есть стремленіе нашего времени. Необходимо высвободить вѣчное Евангеліе. Для этого нужно, чтобы исторія и сравнительная философія религій опредѣлили истинное мѣсто христіанства и оцѣнили его. Затѣмъ надо выдѣлить вѣру, которую исповѣдовалъ Іисусъ, отъ той вѣры, которая сдѣлала Іисуса предметомъ своего поклоненія. И когда найдутъ то душевное состояніе, которое составляетъ основную клѣточку, начало вѣчнаго Евангелія, то нужно будетъ его держаться. Это есть *punctum saliens* чистой религіи.

Можетъ быть сверхъестественное будетъ замѣнено необыкновеннымъ, и великіе геніи будутъ рассматриваемы какъ посланники Бога исторіи, какъ предопредѣленные избранники, посредствомъ которыхъ духъ Божій движетъ человѣческими массами. Уничтожается не прекрасное, но произвольное, случайное, чудесное. И какъ жалкія плошки деревенскаго праздника, или ничтожныя восковыя свѣчи процессіи тухнуть передъ величіемъ солнца, потухнуть всѣ эти маленькія, мѣстныя, ничтожныя и сомнительныя чудеса передъ всемірнымъ закономъ дѣйствія великихъ умовъ, передъ несравненнымъ зрѣлищемъ исторіи человѣчества, руководимой тѣмъ всемогущимъ драматургомъ, котораго называютъ Богомъ. Utinam. (О! Если-бы!)

1 марта 1869 г. Безпристрастіе и объективность такъ же рѣдки какъ и справедливость. Личный интересъ есть неисчерпаемый источникъ потворствующихъ иллюзій. Число людей, желающихъ видѣть правду, чрезвычайно мало. Надъ людьми властвуетъ страхъ передъ истиной — если только эта истина имъ не полезна, что сводится къ тому, что выгода составляетъ основу житейской философіи или что истина создана для насъ, а не мы для истины. Фактъ этотъ на столько увизителенъ, что большинство не хочетъ ни допускать, ни признавать его. И вотъ, такимъ-то образомъ предразсудокъ самолюбія защищаетъ всѣ предразсудки мышленія, которые вытекаютъ изъ уловки эгоизма. Человѣчество постоянно убивало или преслѣдовало тѣхъ, которые нарушали его, основанное на выгодѣ, спокойствіе. Человѣчество совершенствуется только неволью. Единственный, желаемый имъ прогрессъ — это увеличеніе наслажденій. Ко всякому прогрессу справедливости, нравственности, святости, человѣчество было принуждаемо какимъ-нибудь благороднымъ насиліемъ. Самопожертвованіе — это наслажденіе великихъ душъ — никогда не было закономъ обществъ. Весьма часто великіе преобразователи для того, чтобы побороть рутину, употребляли одинъ порокъ, какъ орудіе противъ другого; напимѣръ, тщеславіе противъ скупости, жадность противъ лѣни. Однимъ словомъ, человѣческій міръ почти совершенно управляется законами природы, а законъ разума — дрожжи этого грубаго тѣста, только мѣстами приподнимаютъ его.

Европейское лицемѣріе закрываетъ собой лицо передъ добровольными жертвами фанатиковъ Индіи, которые бросаются подъ колесо торжественной колесницы своей великой богини. Но эти жертвы суть только символы того, что происходитъ въ Европѣ, также какъ и вездѣ, символы принесенія въ жертву своей жизни всѣми мучениками великихъ идей. Да, кровожадная и жестокая богиня, — это само человѣчество, которое движется впередъ только раскаяніемъ и раскаи-

вается, только доведя до послѣдней степени ужаса свои преступленія. Отдающіе себя на жертву фанатики представляютъ вѣчный протестъ противъ всемірнаго эгоизма. Мы разрушили только видимыхъ идоловъ, но постоянная жертва существуетъ вездѣ, и вездѣ избранники поклѣнній страдаютъ ради спасенія массъ. Въ этомъ строгій, горькій и таинственный законъ солидарности. Погибель и взаимное искупленіе— въ этомъ назначеніе нашего рода.

6 апрѣля 1869 г. Одно необходимо: отдаться Богу. Будь самъ въ порядкѣ и предоставь Богу распутывать мотокъ міра и его судьбы. Пусть будетъ уничтоженіе или безсмертіе! То, что должно быть,—будетъ. То, что будетъ,—будетъ благомъ. Чтобы совершить путь жизни, можетъ быть ничего болѣе не нужно для человѣка, кромѣ вѣры въ добро. Но нужно быть на сторонѣ Сократа, Платона, Аристотеля, Зенона въ борьбѣ противъ матеріализма, противъ религій случая и противъ пессимизма. Можетъ быть даже надо отвергнуть буддѣйскій нигилизмъ, потому что поведеніе будетъ діаметрально противоположно, смотря по тому что мы будемъ трудиться для увеличенія своей жизни, или для уничтоженія ея; будемъ-ли развивать свои способности или методически атрофировать ихъ. Прилагать свои индивидуальныя силы къ увеличенію добра въ мірѣ — этого скромнаго идеала достаточно. Участвовать въ торжествѣ добра это—общая цѣль святыхъ и мудрецовъ: „Socii Dei sumus“, повторялъ Сенека послѣ Клеанта.

30 апрѣля 1869 г. Въ религіозное настроеніе входимъ черезъ чувство добровольной зависимости и радостной покорности принципамъ порядка и добра. Въ религіозномъ возбужденіи человѣкъ сосредоточивается, онъ снова находитъ свое мѣсто въ безконечномъ единствѣ, и чувство это свято.

8 декабря 1869 г. Эпикурейство приводитъ къ отчаянію. Философія долга менѣе безотраднa. Но спасеніе заключается въ согласованіи долга и счастья, въ соединеніи личной воли съ волей божественной, въ вѣрѣ, что эта высшая воля управляема любовью.

Истинно счастливые добры, добрые, посѣщаемые испытаніемъ, становятся лучше. Не испытавшіе страданій — легкомысленны, но не имѣющій счастья не умѣетъ и дать его другому. Можно дать лишь то, что самъ имѣешь. Счастье, горе, радость, печаль—все это заразительно. Принесите свою силу и здоровье разслабленнымъ и больнымъ — вы этимъ имъ будете полезны; сообщите имъ не упадокъ воли, но энергію вашу,—вы ихъ поддержите. Только жизнь возбуж-

даеть въ жизни. И мы обязаны давать другимъ нашъ хлѣбъ и наше питье, а не нашу жажду и голодъ.

Благодѣтели рода человѣческаго тѣ, которые возвышенно думали о немъ. Но кумирами и господами являются тѣ, которые ему льстятъ и презираютъ его, тѣ, которые муздали, убивали, фанатизировали и эксплуатировали его. Благодѣтелями были: поэты, художники, изобрѣтатели, апостолы, всё чистые сердцемъ. Владыками: Кесари, Константинны, Григоріи VII, Иннокентіи III, Борджіи, Наполеоны.

23 февраля 1870 г. Испушеніе есть наше природное состояніе, но грѣхъ не есть необходимость. Грѣхъ состоитъ въ умышленномъ смѣшеніи хорошей независимости съ дурною; причина тому полу-нисходительность, съ которою мы принимаемъ первый оправдывающій насъ софизмъ. Мы закрываемъ глаза на начинающееся зло изъ-за его ничтожества, и въ этой-то слабости и лежитъ зародышъ нашего паденія. „Principiis obsta“, если-бы точно исполнять это правило, мы избѣгли-бы большинства нашихъ несчастій.

Мы хотимъ повиноваться только своему капризу; иначе сказать, наше дурное *я* не хочетъ Бога, или то, что основа нашей природы непокорна, безбожна, дерзка и осуждаетъ все то, что хочетъ преобладать надъ нею, потому противно порядку и неудобноуправляемо. Эту-то основу христіанство называетъ естественнымъ человѣкомъ. Но дикарь, который въ насъ живетъ и составляетъ нашу первобытную сущность, долженъ быть дисциплинированъ, цивилизованъ, чтобы изъ него вышелъ человѣкъ. Человѣкъ же долженъ быть терпѣливо вздѣланъ, чтобы изъ него вышелъ мудрецъ. Мудрецъ же долженъ быть испытанъ, чтобы стать праведнымъ; а праведный долженъ замѣнить свою личную волю волею Божіею, чтобы стать святымъ.

И этотъ-то новый, возрожденный человѣкъ и есть тотъ духовный, небесный человѣкъ, о которомъ упоминаютъ какъ Веда, такъ и Евангеліе, какъ маги, такъ и неоплатоники.

30 марта 1870 г. Конечно природа зла, безстыдна, безчестна и невѣрна; она только милуетъ задаромъ и безумно ненавидитъ и за справедливость возмѣщаетъ только несправедливостью. Счастье нѣкоторыхъ покупается несчастіемъ многихъ. Безполезно разсуждать съ слѣпою силою.

Человѣческое сознание возмущается противъ этого закона, и чтобы удовлетворить своему инстинкту справедливости, оно придумало двѣ гипотезы, изъ которыхъ составило себѣ религію: идею личнаго providѣнія и гипотезу другой жизни.

Въ этомъ протестъ противъ природы, признанной безнравственной и оскорбляющей. Человѣкъ вѣритъ въ добро и для того, чтобы подчиняться только справедливости, онъ утверждаетъ, что очевидная

несправедливость есть только видимость, тайна, иллюзія, и что справедливость восторжествуетъ. *Fiat justitia pereat mundus!* Въ этомъ великое проявленіе вѣры. А такъ какъ человѣчество не сдѣлало себя самоё, то есть вѣроятія того, что протестъ этотъ выражаетъ истину. Въ противорѣчій между истиннымъ міромъ и міромъ нравственнымъ, между реальностью и сознаніемъ — торжество должно принадлежать сознанію. Вовсе нѣтъ необходимости въ существованіи міра, но необходима справедливость, и атеизмъ обязанъ объяснить безусловное упрямство совѣсти въ этомъ отношеніи.

Природа несправедлива: мы — произведеніе природы, почему же мы недовольны и пророчествуемъ о справедливости? Почему слѣдствіе возстаётъ противъ причины? Происходить-ли это возмущеніе отъ пустого и дѣтскаго тщеславія? Нѣтъ, это крикъ, вырвавшійся изъ глубины нашего существа, и крикъ этотъ во славу Божію! Небо и земля могутъ уничтожиться; но добро должно существовать, а несправедливость быть уничтожена. Таково *credo* человѣчества. Духъ побѣдитъ природу, безсмертное восторжествуетъ надъ временемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЕМЕЙСТВО ПОЛАНЕЦКИХЪ.

Романъ Генрика Сенкевича.

(Переводъ съ польскаго М. Кривошеева).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Несмотря на всѣ нравственныя потрясенія, пережитыя Поланецкимъ за послѣднее время, дѣла торговаго дома шли довольно успѣшно, быстро развиваясь. Благодаря Бигелю, его здравому смыслу, умѣнью и заботливости, текущія дѣла всегда велись съ одинаковой аккуратностью, вполне оправдывая довѣріе кліентовъ дома, устраняя всякій поводъ къ недовольствію, нареканіямъ и жалобамъ. Репутація фирмы росла съ каждымъ днемъ, фирма расширялась и богатѣла. Впрочемъ, и Поланецкій работалъ, хотя не такъ спокойно, какъ прежде, но нисколько не меньше Бигеля. Каждый день онъ утренніе часы проводилъ въ конторѣ, и чѣмъ сильнѣе была его внутренняя тревога, чѣмъ глубже становились его недоразумѣнія по отношенію къ Маринѣ съ минуты ея пріѣзда въ Варшаву, тѣмъ сильнѣе и усерднѣе онъ работалъ. Работа эта, сама по себѣ довольно сложная и трудная, требовавшая иногда не малаго напряженія всѣхъ умственныхъ силъ, но нисколько не связанная съ тѣмъ, что у него такъ наболѣло, и менѣе всего способная причинить ему какую-либо внутреннюю заботу, являлась для него какъ-бы пристанью, гдѣ онъ искалъ утѣхи во время бури. Поланецкій начиналъ любить эту работу. „Тутъ, по крайней мѣрѣ, я знаю что я дѣлаю и въ чему стремлюсь,—говорилъ онъ Бигелю,—тутъ все такъ ясно, понятно! если я не найду счастья, то, по крайней мѣрѣ, найду ту широкую жизнь и ту свободу, которая пріобрѣтается деньгами, и тѣмъ лучше будетъ для меня, если мнѣ удастся на этомъ остановиться, забастовать“. — Обстоятельства послѣдняго времени еще болѣе утвердили въ немъ эти мысли. И дѣйствительно, все, что касалось только чувства, принесло ему одни лишь разочарованія и огорченія. Этотъ посѣвъ принесъ

горькіе плоды, въ то время какъ единственный успѣхъ, который его встрѣтилъ въ жизни, и который, какъ-бы тамъ ни было, такъ подкрѣпляетъ и поддерживаетъ въ несчастіи, — далъ ему только этотъ торговый домъ со своими коммерческими операціями. Самъ Поланецкій съ нѣкоторымъ удивленіемъ думалъ, что это такъ, но это далеко не было такъ. Онъ самъ чувствовалъ какъ тѣсно, какъ ограничено то самодовольствіе, которое доставитъ ему его домъ съ его торговыми операціями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думалъ, что если ужъ иначе нельзя, то вѣрнѣе будетъ на этомъ покончить, потому что лучше быть купцомъ, которому везетъ, чѣмъ романтикомъ, котораго на каждомъ шагу встрѣчаетъ одно лишь разочарованіе. И послѣ смерти Литки онъ твердо рѣшилъ заглушить въ себѣ всѣ тѣ порывы, которые шли въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, принося съ собою одну лишь горечь. Разумѣется, Вигель былъ очень радъ этому настроенію своего компаніона, которое могло привести дѣлу только пользу.

Поланецкій, однако, не могъ на столько переродиться въ продолженіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ недѣль, чтобы оказаться холодно-равнодушнымъ ко всему тому, съ чѣмъ еще такъ недавно было связано его сердце. Время отъ времени онъ отправлялся на могилу Литки, надъ камнемъ которой по утрамъ ужъ лежалъ бѣлый пушистый иней. Два раза онъ встрѣтилъ на кладбищѣ пани Эмилию съ Мариной. Разъ онъ отвезъ ихъ въ городъ, и тогда пани Эмилія начала его благодарить за его добрую память о ея дѣвочкѣ. Поланецкій замѣтилъ, что она говорила это съ видимымъ спокойствіемъ, но онъ только тогда понялъ это спокойствіе, когда она сказала ему при прощаніи; „Я теперь всегда думаю, что она, живя въ вѣчности, считаетъ нашу разлуку очень недолгой, — какъ мгновеніе — и вы не знаете, какъ я рада, что она по крайней мѣрѣ не скучаетъ“. — Поланецкій же подумалъ: „Ужъ чего не знаю, того не знаю!“ — Его поразило то глубокое убѣжденіе, съ которымъ пани Эмилія говорила это. „Если все это обманъ — подумалъ онъ, — то обманъ дѣйствительно жизненный, такъ какъ ему удастся даже изъ холодной могилы извлечь сови для жизни“.....

Наконецъ и Марина въ разговорѣ съ Поланецкимъ подтвердила, что пани Эмилія живетъ только этой мыслью. Это было единственное ея утѣшеніе въ постигшемъ ея горѣ. Она по цѣлымъ днямъ ни о чемъ другомъ съ Мариной не говорила и такъ настойчиво и безпрестанно повторяла, что смерть, ниспосланная Богомъ, является только разлукой на одно мгновеніе ока и никакъ не долше, что настойчивость эта не на шутку встревожила панну Марию.

— Она такъ говоритъ о Литкѣ, — продолжала панна Плавницкая, — точно послѣдняя не умерла и точно она ее завтра снова увидитъ.

— Это еще счастье — отвѣтилъ Поланецкій. — Васковскій ока-

залъ ей хорошую услугу, спасибо ему. Такой гвоздь, засѣвши въ голову, никогда не причиняетъ боли.

— Впрочемъ, она и права, такъ оно вѣдь и на самомъ дѣлѣ.

— Спорить съ вами не буду...

Мариню, правда, тревожила та настойчивость, съ какою пани Эмилія постоянно возвращалась къ одной и той-же мысли; но, съ другой стороны, и она смотрѣла на смерть тѣми-же глазами, поэтому тѣнь скептицизма, просквозившая въ словахъ Поланецкаго, задѣла ее за живое и ей вдругъ стало невыразимо больно.

Но, не желая выдавать себя, она посиѣшила переменить разговоръ.

— Я отдала увеличить фотографію Литки, — сказала она. — Вчера принесли мнѣ три экземпляра. Одинъ изъ нихъ я отдамъ Эмилькѣ. Сначала я боялась, что это ее сильно встревожитъ, но теперь вижу, что можно. Наоборотъ, ей даже будетъ очень пріятно.

Сказавъ это, она встала и подошла къ этажеркѣ съ книгами, на которой лежали принесенныя фотографіи, обернутыя въ бумагу, потомъ присѣла къ маленькому столику рядомъ съ Поланецкимъ и стала развертывать фотографіи.

— Эмилька передавала мнѣ одинъ вашъ разговоръ — сказала она, — незадолго предъ смертью Литки, когда дѣвочка выразила такое странное желаніе, — ей хотѣлось тогда, чтобы вы трое были березами и росли-бы всѣ вмѣстѣ. Вы помните этотъ разговоръ?

— Да, припоминаю. Она очень удивлялась, что деревья живутъ такъ долго, потомъ она задумалась, выбирая дерево, какимъ она-бы хотѣла быть, и ей больше всего понравилась тогда береза.

— Да. А вы сказали, что вы также хотѣли-бы расти недалеко отъ нихъ... И вотъ у меня явилось желаніе нарисовать кругомъ фотографіи, на *passé-partout*, березки... Видите, тутъ я ужъ начала, но у меня что-то не выходитъ. Во-первыхъ, я ужъ давно не держала кисти въ рукахъ, а во-вторыхъ, я не умѣю рисовать изъ памяти.

Говоря это, она вынула одну изъ фотографій и стала показывать Поланецкому написанныя акварелью березы, но, будучи отъ природы немного близорукой, она нагнулась надъ своей работой такъ, что високъ ея касался въ продолженіе минуты виска Поланецкаго.

Она теперь ужъ не была для него той давней Мариней, о которой онъ мечталъ, возвращаясь по вечерамъ отъ пани Эмиліи, и которая наполняла тогда всю его душу. То время уже прошло. Мысли его ушли въ другую сторону. Но зато Мариня не перестала быть для него тѣмъ женскимъ типомъ, который такъ сильно и какъ-то исключительно дѣйствовалъ на его мужскіе нервы; и теперь, когда високъ ея чуть не касался его виска, когда однимъ брошеннымъ взглядомъ онъ успѣлъ обнять и ея матовое лицо, и ея щечки, покрывшіяся легкимъ румянцемъ, и всю ея фигуру, склоненную надъ этой живописью,

онъ вдругъ почувствовалъ знакомое ему влеченіе съ давней силой, и горячая кровь заиграла въ немъ быстро, зажигая къ головѣ неожиданныя мысли.

— Если-бы я сталъ теперь цѣловать ея глаза, ея губки?—подумалъ онъ, — интересно, что бы она сдѣлала?

И былъ моментъ, когда ему страшно хотѣлось это сдѣлать, — хотя-бы даже ему пришлось нанести этимъ Маринѣ смертельную обиду. Ему захотѣлось вознаградить себя за все ея пренебреженіе, за всѣ муки и огорченія хотя-бы одной минутой такого удовлетворенія а, можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ и мести.

Между тѣмъ, Мариня, присматриваясь къ работѣ, продолжала:

— Сегодня я нахожу это еще хуже, чѣмъ вчера. Къ несчастью, деревья теперь голы и совершенно безъ листьевъ и я не съумѣю найти модели.

— Нисколько, — отвѣтилъ Поланецкій, — группа очень недурна. Но если эти деревья представляютъ собою пани Эмилию, Литку и меня, — то почему же вы нарисовали четыре березы?

— Четвертая, это я, — проговорила Мариня съ нѣкоторымъ смущеніемъ. — Я также когда-то хотѣла расти съ вами вмѣстѣ...

Поланецкій посмотрѣлъ на нее какъ-то особенно быстро, она же, закрывая снова фотографіи въ бумагу, заговорила, словно торопясь:

— Столько воспоминаній связано у меня съ этой дѣвочкой... Въ послѣднее время я почти неразлучно была вмѣстѣ съ ней и Эмилькой... Эмилька для меня теперь одно изъ самыхъ близкихъ и дорогихъ существъ въ мірѣ... Я также принадлежала имъ, какъ и вы... Я, право, хорошенько не знаю, какъ вамъ это выразить... Насъ было четверо, а теперь осталось только трое — связанныхъ Литкой. Вѣдь она насъ связала... Теперь, когда я думаю о ней, то одновременно думаю и объ Эмилькѣ, и о васъ. Вотъ почему я рѣшила нарисовать четыре березы, а фотографіи, — видите, — я заказала въ трехъ экземплярахъ — одинъ для Эмильки, одинъ для меня и одинъ для васъ.

— Благодарю васъ — отвѣтилъ Поланецкій, протягивая ей руку.

Мариня отвѣтила ему искреннимъ пожатіемъ руки и промолвила:

— И мы должны, дорожа памятью о ней, забыть всѣ наши недоразумѣнія и обиды.

— Это ужъ совершилось, — отвѣтилъ Поланецкій. Но что касается меня, то я бы отъ души хотѣлъ, чтобы это случилось еще задолго до ея смерти.

— Тутъ ужъ исключительно моя вина. Простите...

И она снова протянула ему руку. Поланецкій съ минуту колебался поцѣловать-ли ему протянутую руку или нѣтъ, но онъ, однако, не рѣшился, сказавъ только:

— Итакъ, миръ и согласіе?

— И дружба?—отвѣтила Мариня.

— И дружба...

Въ глазахъ ея свѣтилась глубокая, спокойная радость, озарявшая все ея лицо какимъ-то мягкимъ свѣтомъ. Въ ней теперь было столько доброты и довѣрія, что невольно Поланецкому вспомнилась та давняя Мариня, которую онъ видѣлъ въ Кремнѣ сидящей на балконѣ, выходящемъ въ садъ, залитой лучами заходящаго солнца.

Но послѣ смерти Литки онъ находился въ такомъ настроеніи, что подобныя воспоминанія считалъ недостойнымъ себя, а потому онъ всталъ и началъ прощаться.

— Вы у насъ не останетесь сегодня на цѣлый вечеръ?—спросила Мариня.

— Нѣтъ, я долженъ идти.

— Я скажу Эмилькѣ, что вы собираетесь уходить,—сказала она, направляясь къ боковымъ дверямъ.

— Она теперь или думаетъ о Литкѣ, или занята молитвой, иначе она-бы сама сюда пришла. Не мѣшайте ей, а я зайду завтра.

Тутъ Мариня приблизилась къ нему и, довѣрчиво глядя ему въ глаза, сказала:

— И завтра, и каждый день. Не правда-ли? Не забывайте-же, что вы теперь для насъ „панъ Стахъ“.

Мариня ужъ во второй разъ послѣ смерти Литки назвала его этимъ именемъ, и Поланецкій, возвращаясь домой, думалъ:

„Ея отношенія ко мнѣ совершенно измѣнились. Она просто считаетъ, что она моя и принадлежитъ мнѣ, потому что она обязалась обѣщаніемъ, даннымъ умирающей дѣвочкѣ. Она даже готова влюбиться въ меня и непременно заставить себя влюбиться... Такихъ у насъ много, цѣлыми дюжинами“.

И вдругъ онъ началъ злиться.

„Знаю я эти рыбы натуры съ холоднымъ сердцемъ, но съ горячею, экзальтированной головой, полной, такъ называемыхъ, принциповъ. Все для принципа, все для долга—а въ сердцѣ ни признака чего-нибудь живого, самобытнаго! Я могъ умирать у ея ногъ, и она-бы и вниманія не обратила на меня, а когда *долгъ* диктуетъ ей полюбить меня, тогда она полюбитъ“...

Поланецкій, долго скитаясь за границей, привыкъ, видно, къ другому рода женщинамъ. Женщины иного типа знакомы были ему, по всей вѣроятности, только по квижкамъ. Но такъ какъ онъ не былъ еще совершенно лишень здраваго смысла, то этотъ послѣдній заговорилъ въ немъ:

„Слушай, Поланецкій (говорилъ онъ), чего ты хочешь, вѣдь это натуры избранныя, замѣчательно вѣрныя и постоянныя, на которыхъ можно положиться, на которыхъ можно построить свою жизнь.“

Ты развѣ съ ума сошелъ? Вѣдь ты ищешь хорошей жены, а не мимолетнаго любовнаго приключенія“...

Но Поланецкій не переставалъ отбоаиваться, возражая разсудку:

„Если меня полюбить, то я хочу, чтобы меня полюбили ради меня самого“.

Разсудокъ пытался еще объяснить ему, что все равно какъ любовь начинается, потому что въ концѣ концовъ она непременно перейдетъ въ любовь *ради него самого*. Но Поланецкій не переставалъ дуться.

На помощь разсудку явилось и то влеченіе, которое Поланецкій съ особой страстью чувствовалъ къ Маринѣ, находя въ ней гораздо больше прелестей, чѣмъ у всѣхъ другихъ женщинъ. Влеченіе это говорило ему въ свою очередь:

„Не знаю, любишь-ли ты ее, или нѣтъ, но не въ этомъ суть. Только сегодня, когда она приблизилась къ тебѣ и слѣгка коснулась тебя плечомъ, ты чуть изъ кожи не вылѣзъ. Почему тебя не пробираетъ такая дрожь, когда ты сидишь около другой женщины? Подумай, какая разница“...

Но Поланецкій отвѣтилъ на все это:

„Рыба! Рыба съ принципами“!..

И ему пришла новая мысль: „Слови-же ее, если тебѣ эта порода болѣе нравится, чѣмъ какая-нибудь другая. Люди вѣдь женятся, и тебѣ ужъ пора. Чего больше выбирать и искать? Развѣ какой-нибудь любви, надъ которой ты послѣ самъ первый будешь смѣяться... Любовь твоя умерла — и отлично! но зато осталось влеченіе и то убѣжденіе, котораго ты вѣдь не отрицаешь; а именно, что она хорошая, честная женщина“...

„Положимъ, что это такъ — продолжалъ онъ думать — но любовь, глупая-ли, умная-ли, пробуждаетъ волю, а я развѣ теперь обладаю волей? Нѣтъ, потому что колеблюсь, въ то время какъ раньше я не колебался. Во-вторыхъ, надо еще хорошенько обсудить, что лучше: панна-ли Плавичкая, или „дебетъ“ и „кредитъ“ въ торговомъ домѣ подъ фирмой Вигель и Поланецкій. Деньги даютъ силу и свободу, а свободой можно лучше всего пользоваться тогда, когда никого не тащишь за собою ни на плечахъ, ни въ сердцѣ“...

Весь погруженный въ свои мысли, онъ наконецъ пришелъ домой и легъ спать. Ночью снились ему и березы, растущія на сыпучемъ пескѣ, и спокойные, голубые глаза, и личико, оттѣненное темными волосами, отъ котораго вѣяло тепломъ ¹⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ виду запозданія книжки польскаго журнала, изъ котораго романъ Сенкевича переводится по мѣрѣ выхода въ свѣтъ, слѣдующая вышедшая по-польски глава должна быть отложена до № 3 «Сѣв. В.».

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ВОЛГА И ВОЛГАРИ.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

VII.

Красное и кустарно-ювелирные издѣлія. — Городъ Плесъ. — Фабрики Нерехотскаго уѣзда. — Клепеша и пожаръ 1890 года. — Шуйско-Ивановская ж. д. и Вичугскій районъ. — Рѣшма. — Юрьевецъ и солнечное затменіе 7 августа 1887 г. — Унжа и Ветлуга. — Лыковой промыселъ. — Бабья сторона. — Отходъ мужиковъ. — Взглядъ ихъ на гражданскія права. — Вліяніе отхожихъ промысловъ. — Письма къ роднымъ. — Пучежъ и буланы. — Лѣсная полоса. — Бѣглый взглядъ на три верховыя губерніи.

За 40 верстъ отъ Костромы пароходъ останавливается у пристани села *Краснаго*, лежащаго отъ Волги за три версты. Село это извѣстно какъ главный въ Россіи центръ интересной кустарной промышленности, производящей мелкій галантерейный и игольный товаръ—разныя блестящія бездѣлушки, столь любимыя щеголихами простого званія. Здѣшніе кустари даютъ возможность за грошъ имѣть такія драгоценности, которыя богатымъ дамамъ обходятся въ тысячу рублей. Здѣсь можно имѣть золотыя браслеты за 10—15 коп., брилліантовыя ожерелья за 40—50 коп., перстни съ драгоценными камнями чистой воды за 5 коп. и даже дешевле. Кустари отлично золотятъ и эмальируютъ свои издѣлія и прежде артистически ставили даже фальшивыя клейма, во избѣжаніе поѣздки въ Кострому для «опробованія»; теперь пробирная палата переведена въ самое село Красное, и фальшивый штампъ почти не употребляется. Промыселъ существуетъ болѣе ста лѣтъ и занимаетъ до 3 тыс. человекъ; издѣлія идутъ по всей Россіи, въ Азію и даже за границу. Бронзовыя серьги можно купить за 1 коп. пара, а разрисованныя за 1½ к., съ камнями за 2 к.; серебряное кольцо со стразами, которыхъ не отличишь отъ брилліантовъ, за 25 коп.; бронзовый перстень съ такими-же брилліантами 10 коп., супирь-перстень съ бирюзой (супирчикъ) по 10 к., бронзовый перстень съ однимъ камнемъ по 1 коп., а сотня по 70 коп.—1 руб. Болѣе изящныя вещи дороже, но все-таки на рубль можно купить

столько, что у десяти деревенскихъ красавицъ глаза разбѣгутся. Серебряныя вещи расцѣниваются при продажѣ по 30—35 коп. за золотникъ. латунныя крестики на мѣстѣ по 80 к.—1 р. за тысячу, латунныя кольца по 1 р. за тысячу, а позолоченныя 10 р. за тысячу или по копѣйкѣ за штуку. Мастерамъ платится 2 р. 70 к. за изготовленіе сотни серебряныхъ колецъ, по 6 р. за сотню брошекъ, медальоновъ и серегъ. Заработки мизерныя, но на прожитіе хватаетъ. Фасоны издѣлій ежегодно доставляются новыя, за чѣмъ слѣдять скушники и торговцы. Работа вообще такая тонкая, какой нельзя и требовать за грошовую плату; съ особымъ искусствомъ обдѣлываются камни. Самоцвѣтные камни покупаются въ Нижнемъ, а прочіе льются на мѣстѣ изъ хрусталя и цвѣтнаго стекла. Цѣна первыхъ 15—30 р. за сотню, а вторыхъ 15—50 коп. сотня.

Отъ Краснаго Волга течетъ къ востоку и съ носа парохода можно наблюдать дневное свѣтило, vyplывающее изъ ея водъ и посылающее тысячи блестящихъ лучей на ея водную гладь. Мы проѣзжаемъ мимо имѣнія одного помѣщика, который ежедневно въ 12 час. дня, т. е. въ адмиральскій часъ, стрѣляетъ изъ пушки по примѣру Петербурга, и по выстрѣлу окрестные жители знаютъ, который часъ, хотя они и безъ часовъ хорошо ориентированы по солнцу. Постройки въ деревняхъ довольно исправны. Народъ все промысловый, а не сѣрый мужикъ-землепашецъ, носить картузы вмѣсто гречневиковъ; прежніе головные уборы — верховикъ, шпилекъ, кашникъ — встрѣчаются только въ глухихъ мѣстахъ губерніи.

За 57 верстъ отъ Костромы на гористомъ правомъ берегу пріютился одинъ изъ самыхъ живописныхъ уголковъ верхняго поволжья — заштатный городъ **Плесъ**, раскинувшійся амфитеатромъ среди зелени, изъ-за которой выглядываетъ много бѣлыхъ каменныхъ домовъ и семь церквей. Среди города къ Волгѣ спускается тѣнистый оврагъ — долина рѣчки Шохонки; къ ней примыкаютъ старинныя валы, на которыхъ устроенъ бульварчикъ, почти всегда пустынный. Лучшая, Нижне-Бережская, улица тянется близъ пристани. Городъ выстроенъ въ 1409 г., какъ и многіе другіе, для защиты противъ татаръ, которые все-таки его взяли и разорили. Съ осени 1812 г. до весны 1813 г. здѣсь проживала вся московская театральная труппа и дирекція, спасаясь отъ французовъ, такъ что городъ игралъ нѣкоторую роль въ исторіи русскаго театра. Теперь въ немъ до 4 тыс. жителей, въ томъ числѣ не мало поповщинской секты. Городской доходъ до 25 тыс. руб., т. е. не менѣе, чѣмъ въ хорошихъ уѣздныхъ городахъ. Мощныя улицы и спуски, относительное благоустройство, каменный гостинный дворъ, банкъ и пр. указываютъ на экономическое значеніе города, которое, впрочемъ, теперь сильно упало послѣ проведенія желѣзной дороги на Кинешму, куда стали переходить обороты Плесской пристани. Жизнь здѣсь тихая и сонная; главныя и почти единственныя развлечения — бани по субботамъ и посѣщеніе трактира въ свободное время; жить очень дешево; даже на лѣтній сезонъ можно нанять двѣ

чистыя комнаты съ мебелью, самоваромъ и прислугою за 7 руб. въ мѣсяцъ. Обыватели думаютъ, что городъ оживится, когда черезъ него пройдетъ желѣзная дорога отъ Костромы на Вятку и Пермь, но это еще пока одинъ мпразъ. Въ Плесѣ жилъ самоучка-механикъ *Д. А. Плуинъ*, который въ 50-хъ годахъ самъ дошелъ до выдѣлки пароходной машинны и тщательно сработалъ маленькій пароходикъ, который продалъ на выставкѣ за 33 руб. (!). Онъ же сдѣлалъ маленькій паровозъ, который хорошо бѣгалъ и самъ заворачивалъ въ стороны. Въ 16 верстахъ отъ Плеса и въ 10 верстахъ отъ Волги лежитъ село *Яковлевское* съ тремя большими льняными фабриками, гдѣ хорошо дѣлаютъ салфеточный товаръ, продаваемый бабами на Плесской пристани. Фабрики Нерехотскаго уѣзда съ вѣшной стороны устроены какъ будто на европейскій ладъ, даже съ электричествомъ, но въ техническомъ отношеніи очень отстали: не могутъ работать тонкихъ номеровъ пряжи, машины старыя; хозяева оправдываются тѣмъ, что иностранные фабриканты не продаютъ новѣйшихъ машинъ, чтобы не создать въ Россіи конкуренціи. Этимъ и объясняется, что до сихъ поръ уцѣлѣли еще по деревнямъ кустарныя льно-ткацкія. Сами хозяева фабрикъ, изъ мѣстныхъ крестьянъ, придерживаются старинки, не выносятъ табаку, не подаютъ никому руки, не любятъ образованныхъ техникувъ, страхование рабочихъ считаютъ грѣхомъ и въ случаѣ увѣчій отдѣлываются грошами, безжалостно истребляютъ лѣса на топливо, словомъ — ведутъ себя, какъ настоящіе русскіе фабриканты, не затронутые гнилою цивилизаціею.

Верстъ за 20 отъ Плеса, на правомъ же берегу — два села рядомъ, *Богородское* и *Стрѣлка*, съ очень красивымъ мѣстоположеніемъ.

Рано утромъ передъ нами выступилъ на крутыхъ холмахъ красивый городокъ *Кинешма*. Особенно хорошо выглядит его центральная часть, на ближайшемъ къ берегу холмѣ, у подножія котораго впадаетъ рѣка Кинешемка, образующая очень живописную долину. Здѣсь въ одной горети — Троицкій соборъ съ высокою пятиярусною колокольней и нѣсколько большихъ бѣлыхъ зданій, — гостинный дворъ и проч. По ту сторону Кинешемки въ котловинѣ и по кособогу разбросаны сотни домишекъ съ двумя бѣлыми церквами, а надъ ними нависли высокія горы съ песчаными обрывами, покрытыя лѣсомъ. Надъ Волгой разбитъ бульваръ, улицы вымощены, существуютъ даже извозчики; вообще, это не заурядный уѣздный городъ, а болѣе культурный ¹⁾, какъ и подобаеть центру промышленнаго раіона. Въ настоящее время въ городѣ много пустырей послѣ большого пожара, уничтожившаго два года назадъ, 15-го іюля 1890 года, лучшую его часть. Но можно думать, что при оживлен-

¹⁾ Одинъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, покойный *В. Г. Арханцкій* собралъ «Простонародныя слова кинешемскихъ жителей» (напечатаны въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности, ч. X, стр. 135—136). Мѣстная помѣщица *А. О. Кондратьева* собрала мѣстныя пѣсни. (Напечатаны въ Русской простонародной правдѣ. IV вып., 155—166, 1839 г.).

ныхъ оборотахъ и промышленной дѣятельности города пожаръ будетъ способствовать къ его украшенію. Начался онъ во время сильнаго вѣтра отъ накалившейся печной трубы, и пламя пошло писать во всѣ стороны. Центръ города быстро обратился въ ужасающій костеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣтеръ превратился въ ураганъ; огонь перенесло за полторы версты, на другой берегъ Волги, гдѣ сгорѣла вся деревня Чирково и много пострекъ въ деревнѣ Алексинѣ. Въ городѣ сгорѣло 330 домовъ и пять церквей; большая часть движимости, какую удалось вытащить на дворы и на улицы, также сгорѣла. Много было ушибленныхъ и обожженныхъ; одному раздробило черепъ упавшимъ съ колокольни крестомъ, другой забрался на колокольню звонить въ набатъ и тамъ сгорѣлъ. Застраховано было менѣе половины всѣхъ сгорѣвшихъ домовъ и хлѣбныхъ амбаровъ. Страховыя общества понесли убытку болѣе 500 тыс. рублей, да столько-же потерпѣли хлѣбные торговцы.

Въ настоящее время городъ имѣетъ до 7—8 тысячъ жителей. Въ XV вѣкѣ онъ также былъ рыбно-дворцовою слободою, а съ 1778 года возведенъ въ санъ уѣзднаго города. Въ 1861 году значительная часть города также сгорѣла. Городской доходъ въ 1891 году представлялъ значительную для уѣзднаго города цифру въ 36 тыс. рублей, то-есть около 5 рублей на душу, тогда какъ въ Петербургѣ приходится только 9 рублей.

Къ Кинешемской пристани приходитъ болѣе тысячи судовъ; въ 1891 году выгружено 8,6 милл. пудовъ, въ томъ числѣ 1,1 милл. пуд. хлѣба. Къ Кинешмѣ примыкаетъ, какъ извѣстно, Шуйско-Ивановская желѣзная дорога, идущая отъ станціи «Новки» Московско-Нижегородской желѣзной дороги мимо двухъ большихъ фабричныхъ городовъ Шуй и Иваново-Вознесенска на протяженіи 170 верстъ. На эту желѣзную дорогу передается съ Волги болѣе пяти милл. пудовъ груза.

Отъ Кинешмы до Москвы по желѣзной дорогѣ около 400 верстъ. Когда мы ѣзжали по ней, было два только поезда: пассажирскій и товаро-пассажирскій, причемъ къ послѣднему прицѣплялся только одинъ вагонъ перваго класса, такъ что даже люди подлаго званія вынуждены были ѣхать вмѣстѣ съ мѣстными аристократами, за тройную цѣну и на три часа медленнѣе. Этотъ оригинальный поездъ былъ сочиненъ какъ-бы въ угоду мѣстнымъ купцамъ, изъ которыхъ многіе, напримѣръ, изъ Петербурга до Москвы ѣдутъ въ III-мъ классѣ, отъ Москвы до Новковъ во II-мъ, а по своей дорогѣ непременно ужь въ I-мъ.

Около Кинешмы и въ ея окрестностяхъ нѣсколько большихъ фабрикъ, а за 30 верстъ по желѣзной дорогѣ, близъ станціи «Вичуга»—извѣстный Вичугскій районъ. Основанная въ 1810 году крестьяниномъ Коноваловымъ въ селѣ Бонячкахъ ручная ткацкая разрослась въ два десятка большихъ фабрикъ съ производствомъ болѣе 10 милл. рублей. Изъ нихъ самая крупная—Коновалова-же. Въ началѣ 80-хъ годовъ здѣшня я льняная фабрикація также постепенно переходила въ бумаго-прядильную, устраивались новыя фабрики ближе къ Волгѣ, которыя немилосердно

пострѣляли лѣса, оголяя прежде столь лѣсистые берега. Благодаря фабрикамъ, населеніе южной части Кинешемскаго уѣзда и прилегающихъ частей Юрьевецкаго совсѣмъ отбилось отъ земли; большая часть избъ не поправляется и разваливается, рабочаго скота очень мало, деревни производятъ унылое впечатлѣніе. Нѣкоторыя крестьянскія общины совсѣмъ обезземелились; нашлись добрые люди, которые внесли за нихъ оставшіеся выкупной долсъ, а потомъ, пользуясь пресловутою 165 статьей, купили у нихъ надѣлы, а всѣ домохозяева съ чадами и домочадцами окончательно перешли въ ряды фабричнаго пролетаріата. Такіе случаи обезземеленія практикуются и въ другихъ приволжскихъ промышленныхъ мѣстахъ.

Въ окрестностяхъ Кинешмы еще сохранилось нѣсколько дворянскихъ усадебъ, которыя спаслись отъ разоренія, благодаря живописному положенію. Нѣкоторые столичные жители покупаютъ здѣсь усадьбы, чтобы имѣть своего рода Монрепо на берегахъ Волги. За четыре версты отъ нея, недалеко отъ Кинешмы, расположена усадьба нашего извѣстнаго астронома *Θ. А. Бредихина*, директора пулковской обсерваторіи. Въ 20-ти верстахъ отъ города—бывшая усадьба *А. Н. Островскаго*, который здѣсь и похороненъ; надъ могилою его памятникъ въ видѣ мраморной скалы съ крестомъ.

По берегамъ Волги въ пластахъ южной системы много фосфорнокислой и углекислой извести, окрашенной органическими веществами въ темный цвѣтъ. Эти камни, богатые фосфористою кислотой — до 25% и болѣе, обжигаются, очищаются и перемалываются, недалеко отъ Кинешмы, въ имѣніи *А. Н. Куломзина*; куломзинская фосфоритная мука получила довольно большое распространеніе по сосѣднимъ губерніямъ для удобренія владѣльческихъ полей.

Отъ Кинешмы Волга сохраняетъ восточное направленіе; берега очень оживлены; народъ все самый русскій, и не вѣрится, что здѣсь когда-то жила какая-то «мерь», а между тѣмъ за семь верстъ отъ города, слѣва, впадаетъ рѣка Мера; при устьѣ ея село **Никольское**, извѣстное въ народѣ подъ именемъ **Никола-Мерскаго**.

Въ Кинешемскомъ уѣздѣ есть село **Семеновское**, когда-то снабжавшее лаптями всю Волгу; ихъ плелось здѣсь на 100 т. р.; теперь гораздо меньше вслѣдствіе, какъ говорится, развитія прогресса цивилизаціи.

За 20 верстъ отъ Кинешмы пароходъ останавливается у села **Рѣшмы**, съ двумя церквами, около котораго среди зелени расположена небольшая Макарьевская пустынь; здѣсь также служатъ въ пароходной конторкѣ молебень, какъ въ Толгѣ и Николо-Бабаевскомъ; затѣмъ ужъ на всей Волгѣ нѣтъ ни одной такой патріархальной пристани. Дальше уже болѣе новыя вѣянія.

Острова на Волгѣ становятся все обширнѣе, долина ея расширяется до десяти верстъ. Близъ впаденія рѣки Елнады, на правомъ берегу, виднѣется холмъ, называемый «жаренымъ бугромъ»; съ которымъ связаны воспоминанія о волжской разбойничьей эпохѣ; въ народѣ говорятъ, что

разбойники всякаго, кто имъ не нравился, гнали на бугоръ и «жарили» кнотомъ, пока не добѣжить до вершины. Верхняя Волга очистилась отъ разбойниковъ давно, а средняя и низовая—только въ концѣ XVIII и началѣ нынѣшняго столѣтія. Но вмѣсто прежнихъ разбойниковъ, удалыхъ и откровенныхъ, появился въ еще большемъ числѣ новые, но въ другой оболочкѣ и дѣйствующіе подъ легальнымъ прикрытіемъ. За 165 верстъ отъ Костромы впадаетъ слѣва большая рѣка *Унжа*, круто, подъ прямымъ угломъ, отклоняющая теченіе Волги къ югу, а за двѣ версты выше въ Волгу же впадаетъ довольно значительная рѣка Немда. Унжа вливается въ Волгу двумя рукавами, между которыми большой зеленый островъ. Какъ разъ напротивъ этого острова, по низменному правому берегу, у подошвы невысокаго хребта, растянулся на три версты въ длину городъ **Юрвецъ**, съ десяткомъ церквей; среди нихъ тянется къ небу пятиярусная соборная колокольня, которая видна далеко, даже когда самый городъ уже скрывается изъ глазъ. Колокольня эта настолько тонка, что нѣсколько даже покачнулася въ сторону. Пользуясь долгой остановкою, мы взяли единственнаго извозчика, стоящаго у пристани, и поѣхали въ городъ; на извозничьей долгушѣ свободно могли сидѣть четверо, по двое съ каждой стороны, спинами другъ къ другу. Главная улица, довольно широкая и пыльная, обстроена небольшими деревянными домами. За версту отъ пристани довольно густой общественный садъ, съ бесѣдкою, выходящею на Волгу; рядомъ—деревянное зданіе клуба съ довольно большою залой; еще полверсты—и мы вѣзжаемъ на центральную площадь, гдѣ нѣсколько каменныхъ домовъ, соборъ и вблизи еще двѣ церкви. На берегу красное зданіе мануфактуры Миндовскаго и Бакакина, на которой работаетъ много городскихъ жителей. Другихъ заработковъ очень мало, и городъ бѣднѣ нѣкоторыхъ приволжскихъ сель; хотя здѣсь и впадаетъ большая рѣка, но сплавлиющіеся по ней лѣсъ, лыко, смола, деготь проходятъ дальше внизъ по Волгѣ и расторжки у Юрвца не бываетъ. Городъ основанъ въ 1225 г. Юріемъ Всеволодовичемъ и названъ Юрвецемъ (Поволжскимъ) въ отличіе отъ сосѣдняго Юрвева (Польскаго), Владимірской губерніи. Жителей до 8 тысячъ ¹⁾; часть занималась прежде бурлачествомъ, а теперь должна изыскивать другой родъ жизни. У берега много плотовъ; многіе рабочіе обѣдали, сидя въ лодкахъ; обѣдъ ихъ не поражалъ изысканностью и количествомъ блюдъ, которыхъ было всего одно: каждый держалъ на колѣняхъ деревянную чашку съ настоящею волжскою водою, зачерпнутою тутъ же и не совсѣмъ свободно отъ нефтяныхъ и другихъ частицъ; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ густо-поселенный ломоть чернаго хлѣба, а въ правой—деревянную семеновскую ложку. Откусивъ хлѣба, они зачерпывали изъ чашки воды и хлебали ее, воображая, что это супъ; одной бабѣ недостало чашки и она прямо

¹⁾ Изъ мѣстныхъ уроженцевъ-писателей можно упомянуть о помѣщикѣ, князѣ А. Д. Козловскомъ, который напечаталъ о гор. Юрвецѣ въ «Лѣтописяхъ Сбщей Исторіи и Древней Россіи» (изд. II, стр. 171), собралъ свадебныя пѣсни и проч.

черпала изъ рѣки, что было гораздо проще и скорѣе. Холеры эти добрые люди не боялись, не то, что многіе развѣнченные интеллигенты, которые дрожатъ, когда эпидемія еще за двѣ тысячи верстъ; народъ же обращаетъ на нее вниманіе только тогда, когда она на него насѣдаетъ и онъ не знаетъ средствъ, какъ обороняться.

Лѣтъ пять тому назадъ этотъ безобидный и безмятежный городъ былъ сильно потрясенъ. Спокойствіе его обитателей было нарушено, и они цѣлый годъ не могли опомниться отъ волненія. Юрьевецъ, до котораго, кажется, никому не было дѣла, вдругъ сталъ извѣстенъ не только во всей Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта, причѣмъ эту извѣстность раздѣляла съ нимъ и сосѣдняя Кинешма. Въ этихъ городахъ, да и въ другихъ мѣстахъ Россіи, 7 августа 1887 г. было назначено полное солнечное затменіе. Сюда собрались астрономы не только свои, но и иностранные. Предвѣстниками ихъ прибытія въ тихій городъ были невиданные инструменты, которые и были сложены на берегу. Народъ былъ напуганъ и въ простотѣ сердца ожидалъ кончины міра, которая готовилась и прежде много разъ, но все почему-то откладывалась, а на этотъ разъ должна была состояться навѣрное. Кто не былъ окончательно подавленъ этимъ ожиданіемъ и былъ еще въ состояніи разсуждать, говорилъ: «нешто, къ примѣру, въ другихъ городахъ этой планиды не будетъ? Неужто на насъ однихъ Господь посылаетъ?! Вонъ на четырехъ пароходахъ настранные народы пріѣзжаютъ и, говорятъ, будутъ смотрѣть въ эти самыя трубы? Господь знаменіе посылаетъ, а они въ его трубами! А какъ Онъ, Батюшка, прогнѣвается да вдругъ сюда, въ это самое мѣсто полыхнетъ молоньей! Изъ-за этихъ «астроломовъ» и городу сгорѣть не долго, а тогда иди по міру съ малыми ребятами!» Подъ вліяніемъ этихъ основательныхъ разсужденій толпа собиралась разметать и перебить астрономическіе инструменты, но предусмотрительное и просвѣщенное начальство, зная изъ газетъ—въ чемъ дѣло, распорядилось поставить усиленный караулъ изъ двухъ слабосильныхъ городовыхъ, въ помощь къ которымъ «астроломы» заранѣе наняли нѣсколько мускулистыхъ обывателей; но и тѣмъ, несмотря на большую плату, было стыдно караулить такія губительныя вещи. Потомъ пріѣхали ученые, англичане, французы, бельгійцы, которые могли быть довольны своимъ выборомъ, ибо въ другихъ русскихъ городахъ наблюдателямъ мѣшала дурная погода, а здѣсь бельгійскій астрономъ Нистенъ ясно видѣлъ полное солнечное затменіе. Когда по отъѣздѣ ихъ не произошло ничего особеннаго, обыватели были разочарованы и съ досадою говорили: «ишь ты, заграничные остроумы больше Бога знаютъ; у насъ и безъ остроумовъ старухи знали, что будетъ затменіе, коли ежели мѣсяцъ по зарямъ ходитъ».

Съ Юрьевцомъ связано воспоминаніе о знаменитомъ фанатикѣ раскола—*Авакумѣ* ¹⁾; онъ былъ здѣсь протопопомъ и извѣстенъ, какъ одинъ

¹⁾ Онъ былъ родомъ изъ Нижегородской губ., а потому подробности о немъ—ниже.

изъ спланныхъ русскихъ характеровъ, какими была такъ богата старинная Русь и такъ бѣдна современная.

При отплытіи отъ Юрьевца путникъ невольно чаруется широкою картиною: Волга—въ полторы версты шириною, прямо лѣсистый островъ, на другомъ берегу, въ верстѣ отъ рѣки, около большой рощи и озера, старинный Кривоозерскій монастырь; горизонтъ разстилается на десятки верстъ, много воды и зелени, и изъ общаго фона вырисовываются городскіе храмы.

Изъ Юрьевца ходятъ небольшіе самолетскіе пароходы по Унжѣ мимо городовъ Макарьева и Унжи до села Угоры, на 148 верстъ. Унжа имѣетъ 550 верстъ длины и вмѣстѣ съ Ветлугою представляетъ главную артерію для всей сѣверной и восточной части, т. е. для большей половины Костромской губерніи; верхнія теченія обѣихъ рѣкъ сближаются на разстояніи 30 верстъ, а устья расходятся на 350 верстъ, такъ что Ветлуга впадаетъ въ Волгу уже въ Казанской губерніи. Выше Угорь на Унжѣ лежитъ городъ *Колоривъ*, а въ его уѣздѣ извѣстный грибной посадъ *Парфентьевъ*, гдѣ благосостояніе жителей тѣсно связано съ обиліемъ грибовъ въ окружающихъ его дремучихъ лѣсахъ. Изъ посада зимою тянутся длинные обозы съ грибами въ Москву и Нѣжнѣ. На рѣкѣ Ветлугѣ лежатъ, какъ извѣстно, два захолустныхъ города Костромской губерніи — *Ветлуга* и *Варнавинъ*; первый въ 1890 году выгорѣлъ до-чиста: сгорѣло 900 домовъ, убытковъ болѣе милліона рублей. Въ верховьяхъ этихъ рѣкъ еще носятъ лапти — благо лыка много. На каждую пару лаптей, стоящихъ 6—10 коп., нужно ободрать три молодыхъ липовыя деревца, причемъ не каждое лыко годится на лапотную строку. Здѣсь надо искать источника извѣстной поговорки: не всякое лыко въ строку. Самый процессъ обдиранія очень варварскій: мальчики, дѣти и молодыя дѣвушки обдираютъ липовую кору зубами, десны у нихъ постоянно ободраны и сочатся кровью; а между тѣмъ когда-то печатно выражалось сожалѣніе, что этотъ промыселъ упадетъ съ истребленіемъ лѣсовъ. Упадаетъ—и Богъ съ нимъ,— развѣ подобныя промыслы заслуживаютъ поддержки? Прежде лыка шло больше, потомъ въ центральныхъ и низовыхъ губерніяхъ лапти стали вытѣсняться сапогами, но въ настоящей голодной годъ опять замѣчается увеличеніе спроса на лапти; плетеніе ихъ даетъ крестьянамъ работу зимою, особенно старикамъ, которые высоко цѣнятъ свое искусство и говорятъ: «вотъ царь Петръ все умѣлъ дѣлать, до всего дошелъ самъ, а сталъ плести лапти, дошелъ до запяточка, да задумался надъ нимъ и бросилъ».

Говоря о сѣверныхъ частяхъ Костромской губерніи, нельзя не упомянуть, что ея сѣверозападный уголь представляетъ собою своеобразную «*бабью сторону*». Здѣсь, какъ и на сѣверѣ Ярославской губерніи, бабы работаютъ не только на дому, но и въ полѣ, отправляютъ общественныя обязанности и общественныя работы; напримѣръ, на починкѣ дорогъ работаютъ почти однѣ бабы, а мужчины, представляющіе изъ себя сельскихъ вла-

стей, только за ними наблюдаютъ, считая за особое проявленіе челоѣческаго достоинства ничего не дѣлать и покуривать «цыгарки», какъ бы слѣдуя вредному примѣру «господь»; на эти цыгарки употребляется болѣе текущая литература въ видѣ газетныхъ листовъ; другого, болѣе непосредственнаго, примѣненія въ крестьянскомъ быту газеты почти не имѣютъ. Вообще, здѣшнія женщины уравниваются въ правахъ съ мужчинами, за что, впрочемъ, онѣ едва-ли благодарны, ибо это только отягчаетъ ихъ и безъ того тяжкую долю; тутъ еле управиться по хозяйству, а онѣ должны иногда исполнять должность десятскихъ, ходить на сходы отбиваться отъ недомокъ, причитая, что «мужь замотался въ Питерѣ и отъ него, пьяницы, нѣтъ присылу». По словамъ мѣстнаго изслѣдователя ¹⁾, даже въ кабакахъ и трактирахъ въ праздничные дни слышатся болѣе всего визгливые пьяные женскіе голоса. Въ иныхъ мѣстахъ все мужское населеніе съ 12 лѣтъ уходитъ на сторону; если и попадаются мужчины въ деревняхъ и на базарахъ, то это сельскія власти, скупщики, возчики, а также «непутѣвые» мужики—главная опора государственнаго бюджета въ смыслѣ поддержанія акцизнаго дохода. Зато бабы здѣсь самостоятельны и тверды; въ общественныхъ дѣлахъ, при дѣлежкѣ земли, сѣнокоса и проч., онѣ часто при помощи звонкихъ голосовъ берутъ верхъ надъ сильной половиною. Вдовы управляются съ надѣломъ, и никто не подумалъ отобрать его, какъ въ другихъ мѣстахъ. Нигдѣ въ Россіи, за исключеніемъ донскихъ казачекъ, бабы не имѣютъ такого самостоятельнаго значенія и столько не работаютъ. Мужики уходятъ больше въ столицы, на фабрики и на другіе заработки; большею частью ѣдутъ по рѣкѣ Костромѣ до Волги, а оттуда въ разныя стороны: въ столицы — такъ называемые питерчики, а въ другія мѣста больше плотники — волгари. Многие идутъ до мѣста пѣшкомъ, иногда рядомъ съ желѣзною дорогою; иные, ничего не заработавъ или проболѣвъ, со стыдомъ возвращаются въ родную деревню въ лапоткахъ «по липовой машинѣ» или, какъ говорятъ люди съ классическимъ образованіемъ, «per pedem apostolorum»; нѣкоторыхъ же неудачниковъ присылаютъ по этапу, причемъ на родниѣ ихъ для большаго вразумленія приговариваютъ еще къ «березовой лапшѣ». Зато болѣе счастливые прикатываютъ на тройкѣ или на парѣ непременно съ колокольчикомъ, привозятъ роднымъ подарки, а деревенскимъ ребятамъ закусокъ, т. е. сластей; иные изъ нихъ высылаютъ изъ столицъ въ почтовыхъ посылкахъ хорошіе серпы и косы, многіе привозятъ разныхъ лекарствъ, больше бальзамовъ и другой дряни, а для себя покупаютъ франтовской одежды. Ихъ часто нарочно выбираютъ въ общественныя должности, чтобы заставить откупиться угощеніемъ или деньгами. Нѣкоторые стараются даже перечислиться изъ крестьянъ въ другія сословія, чтобы только избавиться отъ избирательныхъ правъ. По поводу

¹⁾ Эта «бабья сторона» описана въ VIII выпускѣ «Матеріаловъ для статистики Костромской губерніи», стр. 1—136, очеркъ Д. И. Жбанкова.

того, что наши крестьяне тяготеютъ тѣмъ гражданскими правами, за которыя такъ держится населеніе Западной Европы, существуетъ разсказъ, взятый изъ самой дѣйствительности. Одинъ мужикъ былъ лишень за что-то «всѣхъ особенныхъ и по состоянію присвоенныхъ правовъ»? причемъ ему объяснили значеніе этого наказанія: «тебя не могутъ выбрать въ старосты (*мужикъ кланяется*), ни въ свидѣтели (*кланяется*), ни въ присяжные засѣдатели (*кланяется и благодаритъ*), не могутъ взять въ солдаты». Тогда мужикъ въ ноги и проситъ: «нельзя-ли ужъ, ваше благородіе, и отъ подводъ освободить?» А по другому варианту спрашиваетъ: «А подати я должонъ буду платить?» Онъ въ простотѣ души полагалъ, что его освободятъ и отъ чести участвовать въ государственномъ бюджетѣ. Есть и еще версія: мужикъ кланяется и проситъ: «нельзя-ли ужъ и сына мово Миколку лишить евшихъ самыхъ правъ». Уходятъ мужики отъ плохой земли, отъ тѣсноты, отъ упадка лѣсного и кустарнаго промысловъ. Еще въ 1792 г., при описаніи Костромскаго намѣстничества, говорилось, «что пустоуетъ большое пространство земли, ибо многіе изъ крестьянъ, ища лучшаго пособія въ платежѣ податей своихъ отъ городскихъ работъ и рукодѣлій, нежели отъ бѣдной сохи, расходятся по столицамъ и другимъ городамъ; помѣщики же, наложивъ на крестьянина двойной оброкъ, о томъ не беспокоятся». Дѣйствительно, отходу много способствовало крѣпостное право, такъ какъ помѣщики, желая пзвлечь изъ крѣпостныхъ большій доходъ, посылали ихъ на оброкъ, причемъ на болѣе искусныхъ ремесленниковъ накладывали по 30 — 50 и даже по 100 руб. въ годъ; для сбора оброка многіе держали въ Петербургѣ и Москвѣ даже особыхъ старостъ. Многихъ увлекаютъ къ отходу примѣры, а также рѣдкіе случаи обогащенія односельчанъ. Вредныя стороны отхода, отмѣченныя для Костромской губерніи, — усиленная смертность мужчинъ на сторонѣ, обремененіе женщинъ полевыми работами, застой въ сельскомъ хозяйствѣ крестьянъ и землевладѣльцевъ. Напряженная работа женщинъ рано ихъ надрываетъ, вызываетъ среди нихъ разныя болѣзни, особенно при работѣ въ извѣстномъ положеніи. Съ другой стороны, отхожіе промыслы даютъ лишній заработокъ, и, напримѣръ, въ Солигаличскомъ и Чухломскомъ уѣздахъ почти нѣтъ недоимокъ, а въ другихъ, болѣе осѣдлыхъ уѣздахъ, недоимка довольно большая. Способствуютъ промыслы и грамотности, которая заносится въ деревни. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что всѣ эти интерщики женятся на своихъ деревенскихъ дѣвкахъ, обѣгая городскихъ, какъ болѣе балованныхъ и неспособныхъ къ деревенскому хозяйству. Молодыя жены безжалостно оставляются вести хозяйство и имъ остается одно утѣшеніе — получать письма отъ мужей. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ приходится по одному письму на душу въ годъ — пропорція очень высокая для деревни. Какъ пишутся эти письма, всѣмъ извѣстно: о дѣлахъ очень мало или между прочимъ, а главное содержаніе состоитъ въ поклонахъ, благословеніяхъ и пожеланіяхъ всѣмъ родственникамъ съ поименованіемъ каждаго полнымъ именемъ и отче-

ствомъ, приче́мъ за родственниковъ считаются также кумовья, сватья, свояки и т. п.. По поводу ухода въ столицы сочинено также немало пѣсень. Точная цифра уходящихъ въ другія губерніи неизвѣстна. по паспортовъ и билетовъ въ 1892 году выдано было 177135 ¹⁾).

Интересно также упомянуть, что въ сѣверныхъ частяхъ губерніи настолько еще сохранились старые земельные обычаи, что въ нѣкоторыхъ селахъ до сихъ поръ участки измѣряются по старинѣ на деньги, приче́мъ деньга ($\frac{1}{2}$ коп.) равняется 14 пахотнымъ полосамъ, полушка — семи, $\frac{1}{2}$ полушки— $3\frac{1}{2}$. Иногда полосы называются «колами»; у одного считается два кола, у другого три и т. д.; отсюда и поговорка — «ни кола, ни двора».

Въ прошломъ году въ этой части губерніи былъ лѣсной кризисъ — паденіе цѣнъ на лѣсные матеріалы, такъ что даже самые крупные лѣсовладѣльцы почти ничего не выручили и въ нынѣшнемъ году сократили разработку своихъ лѣсныхъ дачъ.

За Юрьевцемъ Волга окончательно становится величественной рѣкою. Ширина ея доходитъ иногда до 800 сажень, зато больше мелей и острововъ. На плесѣ отъ Юрьевца до Балахны перекаты встрѣчаются особенно часто, и рѣдко бываютъ такіе годы, когда здѣсь проходятъ съ полнымъ грузомъ. При этомъ правый берегъ все понижается, долина рѣки шире, да и лѣвый берегъ невысокъ. Мы плывемъ все къ югу; при закатѣ солнца правый бокъ парохода кажется позлащеннымъ, съ лѣваго борта уже виденъ блѣдный серпъ стыдливо восходящей луны, а сзади за кормою по наступленіи ночи можно наблюдать расположенныя въ формѣ каструли шесть звѣзд Большой Медвѣдцы.

За семь верстъ до границы Нижегородской губерніи, черезъ два съ половиною часа послѣ Юрьевца, пароходъ останавливается у довольно богатаго посада Пучежа, лежащаго на крутомъ правомъ берегу. Посадъ имѣетъ довольно внушительный видъ: шесть каменныхъ церквей, много каменныхъ домовъ, лавокъ, большіе трактиры, изъ которыхъ главный торгуетъ въ базарные дни на 300 рублей. Здѣсь большая торговля лѣсомъ, хлѣбомъ и льномъ; на базарѣ постоянно шныряютъ скупщики льна — ловкіе булыни, которые весной и лѣтомъ раздають крестьянамъ косы и серпы въ долгъ, а осенью и зимою берутъ отъ нихъ въ уплату ленъ, конечно, съ такими процентами, какіе и не снились столичнымъ шейлокамъ и содержателямъ ссудныхъ кассъ; народъ называетъ булыней «масляное рыло», «краснобайный языкъ». Въ сосѣднихъ волостяхъ сѣютъ много льна: посѣвы составляютъ отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ ярового поля и болѣе.

Около Пучежа Волга раздваивается, образуя большой островъ съ зелеными холмами, а за нимъ поперекъ рѣки протянулась знаменитая Ширмоксанская мель, на которой часто приходится паузиться. Мель эта

¹⁾ Въ томъ числѣ мужчинамъ 54416 паспортовъ и 101663 билета, всего 156079; женщинамъ 7831 паспортъ и 13225 билетовъ, всего 21056.

за время своего существованія навѣрное обошлась русской торговлѣ въ милліоны. На специальное учрежденіе, вѣдущее мели и перекаты, постоянно ронщутъ. Не входя въ разсмотрѣніе вопроса—насколько вѣдомство это виновно или право, можно только указать, что подобный ропотъ вообще подрываетъ довѣріе къ мѣстнымъ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ.

Волга уклоняется къ юго-востоку и покидаетъ Костромскую губернію ¹⁾ въ 217 верстахъ отъ Костромы и въ 1152 в. отъ своего истока, пройдя по губерніи 250 верстъ въ ея юго-западной части, причемъ на этомъ пространствѣ по берегамъ Волги и въблизи расположено 363 населенныхъ пункта или по 14 на каждыя десять верстъ; изъ этого числа 184 пункта лежатъ на правомъ берегу и 179 — на лѣвомъ.

Съ экономической стороны Костромская губернія имѣетъ ту особенность, что къ сѣверу за Волгой почти сплошь лѣса; какъ ни ревностно ихъ истребляютъ, но и теперь еще здѣсь болѣе 900 тыс. десятинъ лѣса или $\frac{2}{5}$ всего пространства губерніи. При этомъ по берегамъ Волги лѣсистость въ тридцать разъ слабѣе, чѣмъ, напр., въ Ветлужскомъ уѣздѣ. Въ этомъ уѣздѣ и сосѣднемъ Варнавинскомъ болѣе полутора тысячъ домохозяевъ занимаются изготовленіемъ мочала, рогожь, куля; всѣхъ этихъ прозапческихъ продуктовъ они успѣваютъ за годъ надѣлать до 100 тыс. пудовъ. По Ветлугѣ обращаетъ вниманіе производство долбленыхъ гробовъ изъ сосновыхъ колодъ, специально для раскольниковъ, которые считаютъ грѣховнымъ и неприличнымъ ложиться въ сыру землю въ иныхъ, досчатыхъ, гробахъ, а тѣмъ болѣе — металлическихъ, уготованныхъ для никоніанъ, новѣрцевъ и т. п. слугъ антихристовыхъ. Затѣмъ—особенность губерніи та, что больше половины земли принадлежитъ владѣльцамъ, значить—своего рода *latifundia*, но не такія опасныя, какъ въ древнемъ Римѣ. Въ этой же губерніи, въ 1865 г., по инициативѣ Лугинина возникло первое въ Россіи ссудосберегательное товарищество.

Всего нами сдѣлано по тремъ верховымъ приволжскимъ губерніямъ 750 верстъ. Эти губерніи составляютъ чисто великорусскій край со старинными богомольными городами, съ плохимъ земледѣліемъ и обширными отхожими промыслами, съ развитою промышленностью, съ довольно патриархальнымъ строемъ жизни и дѣятельными «бабами» въ сѣверныхъ частяхъ, съ замѣтнымъ вліяніемъ фабричной цивилизаціи — въ южныхъ. Населеніе въ нихъ болѣе развито, грамотнѣе и подвижнѣе, чѣмъ въ другихъ приволжскихъ губерніяхъ. Вообще верхняя Волга дала отечеству многихъ дѣятелей, главнымъ образомъ въ области духовной и литературной, а также много самоучекъ.

А. Субботинъ.

¹⁾ Для болѣе подробнаго знакомства съ ней см. «Матеріалы для статистики Костромской губерніи» подъ редакціею В. Широкова, 8 выпускковъ. «Костромская губернія» М. Раевскаго, С.-Петербургъ 1877.

КЪ ГОДОВЩИНѢ СМЕРТИ А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДА.

(Послѣдніе дни его жизни).

Въ виду годовщины смерти А. Н. Энгельгарда († 21 января 1893 г.) будетъ вполне уместно вспомнить послѣдніе дни его жизни.

Намъ удалось слышать разсказъ о послѣднихъ дняхъ его жизни отъ лица, которое было свидѣтелемъ его болѣзни и сопровождало его гробъ въ могилу.

Александръ Николаевичъ, говорил очевидецъ, началъ чувствовать себя плохо еще лѣтомъ 1892 г. Развилась усиленная одышка,— пройди 10 шаговъ, онъ долженъ былъ останавливаться, за что-нибудь держаться, чтобы отдохнуть, и т. д. Тяжело было видѣть нѣкогда могучаго профессора, теперь задыхающагося, когда онъ, пересиливая себя, ѣздилъ на опытныхъ поля, хотѣлъ все самъ видѣть и все провѣрить лично. Въмѣсто покойной жизни, на которую онъ имѣлъ полное право, онъ былъ весь поглощенъ разнообразными опытами, какъ бы стараясь доказать министерству государственныхъ имуществъ, что оно не ошиблось въ немъ поручивъ ему ихъ и что онъ не потратитъ ни одной казенной копѣйки безъ пользы на народную нивѣ. Болѣзненное состояніе заставляло его думать противъ воли о смерти и онъ весь какъ бы горѣлъ, торопясь съ отчетомъ о новыхъ опытахъ, печатая его въ «Земледѣльческой Газетѣ» по кусочкамъ, по мѣрѣ поступленія тѣхъ или другихъ частностей, не дожидаясь, какъ ранѣе, полученія конечныхъ итоговъ о всѣхъ опытахъ, и постоянно напоминая мнѣ, что если онъ умретъ и не успеетъ дописать отчетъ, то чтобы мнѣ его окончить.

— Я прошу васъ! Вѣдь жаль, если министерство не узнаетъ, куда я тратилъ деньги и какъ много сдѣлано на ничтожныя средства. Я болѣе всего безпокоюсь тѣмъ, что мнѣ не удастся все сдѣлать самому. А смерти я не боюсь... Я и думать не хочу о ней. Видите, у меня, кажется, водяночныя явленія въ ногахъ. Эти отеки, должно быть, водяная.

— Еслибъ была водяная, то при давленіи пальцемъ оставались бы ямки... Просто вамъ немного хуже. Поправитесь.

Вслѣдствіе своей полноты и вздутія живота, А. Н. не могъ достать свои ноги и провѣрить, остаются ли на нихъ ямки при надавливаніи пальцемъ. А между тѣмъ эта мысль его занимала, и однажды я засталъ его за тѣмъ, что онъ тыкалъ пальцемъ свой животъ и восклицалъ:

— А вѣдь у меня водяная! Теперь ужъ конецъ... Пять лѣтъ не проживу и опыты не кончу. Смотрите, ямки-то, ямки-то!

— Что же вы не лечитесь. Если даже это и не водяная, а простое ожирѣніе, то все же обратитесь къ доктору.

— И мозгъ отекаетъ! Самъ чувствую: попишу полчаса и устаю, является сонливость... Удвѣляетъ даже...

— Зовите доктора.

— Не вѣрю я имъ. Всю жизнь провель безъ нихъ.

— При вашемъ богатырскомъ сложеніи немудрено было не вѣрить, а подъ старость надо помогать природѣ.

— Еще болѣе разстроюсь медициной. Придется бросить старыя привычки и т. д. Потомъ — кого пригласить въ такую даль? Племянника изъ Смоленска — неделикатно звать, такъ какъ онъ не беретъ денегъ съ меня. Надо будетъ выписать самага ближайшаго ко мнѣ врача изъ Дорогобужа... А, впрочемъ, я такъ сдѣлаю: я заведу дневникъ о болѣзни и пошлю его племяннику въ Смоленскъ. Пусть самъ судить, стоитъ ли пріѣзжать ко мнѣ или можно заочно что-нибудь посовѣтовать и прописать. Такъ будетъ деликатнѣе и проще.

Планы А. Н. разстроила Авдотья, жена бывшаго старосты Ивана. Узнавши отъ меня, что у А. Н. водяная, она пошла къ нему въ домъ и, безъ всякихъ предосторожностей, съ неподдѣльнымъ сожалѣніемъ закричала:

— Что-жь это вы, А. Н., не лечитесь-то? Вѣдь у васъ водяная... Смотрите-ка, ноги-то какія... Долго-ли умереть! Опухли всѣ и животъ большой... Два аршина въ обхватъ. Подступитъ къ горлу и задушитъ!

Эти слова простой женщины произвели сильное впечатлѣніе на больного и онъ тотчасъ распорядился послать за докторомъ въ г. Дорогобужъ. Какъ только поѣхали за докторомъ, онъ сталъ усиленно продолжать дневникъ о болѣзни: тщательно слѣдилъ за выдѣленіемъ жидкостей, настроеніемъ духа, сна и т. д. Пріѣхавшаго доктора подробно разспрашивалъ о болѣзни, вліяніи лекарствъ и тщательно исполнялъ всѣ его предписанія. Если случалось доктору опоздать или пріѣхать не въ тотъ день, въ который было условлено, онъ раздражался и говорилъ:

— Что-же онъ не ѣдетъ? Или я не серьезно боленъ? Тогда—такъ и скажи. Я самъ не буду приглашать.

— Вѣдь вы не вѣрите въ медицину; что-же вы такъ беспокоитесь?

— Разъ ужъ я взялся лечиться, — сердито отвѣчалъ онъ:—то нужно это дѣлать толково и аккуратно. Все, что я дѣлаю, я люблю дѣлать аккуратно и до конца... Я и къ болѣзни отношусь, какъ къ своимъ опытамъ съ фосфоритомъ. Все надо дѣлать форменно и аккуратно; надо дорожить и формою, и содержаніемъ.

— Вы самого себя, кажется, хотите употребить на медицинскіе опыты?

— Ха! Ха! Вы остроумно замѣтили это... Но тутъ просто у меня привычка такая: если ужъ считаешь лечение дѣломъ, такъ оно и должно быть дѣломъ... Терпѣть не могу отношенія кое-какъ и когда вздумается.

— Но у доктора не одинъ вы... Онъ такъ добросовѣстенъ.

— Знаю! Знаю! Но ужъ такая привычка: если условлено, такъ и исполняй, какъ сказано. Аккуратность — привилегія королей. Вы знаете, какъ у меня въ хозяйствѣ: все по счету, всему назначенъ срокъ, всему имѣется учетъ, выведены остатки, форменно и аккуратно. Послушался я

Авдотьи и весь ушелъ въ леченіе. Все надо дѣлать въ совершенствѣ. Вы думаете, я боюсь смерти? Я не боюсь смерти, а боюсь не окончить работы... Умирать надо когда-нибудь, а страдать не хочется. Организмъ мой сильный и не скоро поддастся смерти. Калѣжкой страшно быть, лучше умереть.

Горестное желаніе профессора было близко къ осуществленію. Болѣзнь успѣнно развивалась, несмотря на энергичную борьбу съ ней. Появились отеки лица, бредъ и галлюцинаціи.

Въ виду того, что онъ нѣсколько разъ падалъ въ бреду съ кровати, я часто ночевалъ у него и слѣдилъ за больнымъ. Иногда онъ просыпался съ крикомъ:

— Спасайтесь! Спасайтесь! Видите, нападаютъ. Дѣти и жена сѣли въ коляску и уѣхали, а теперь намъ нужно защищаться.

— Кто нападаетъ на васъ, Александръ Николаевичъ? Никого нѣтъ.

— Какъ никого? Развѣ вы не видите, крѣпость осаждаютъ?

— Какая крѣпость, вы у себя въ имѣніи.

— Нижегородская крѣпость и мужики хотятъ ее взять. Я вѣдь назначенъ генераль-губернаторомъ для защиты.

— Вы у себя въ Батищевѣ.

— Что вы говорите! Сейчасъ-же здѣсь сражался. Не сумасшедшій-же я!

— Никого не было. Мы оба спали.

— Что-же я, по вашему, съ ума схожу? Вѣдь я же самъ видѣлъ бунтовщиковъ, и вонъ кто-то теперь еще лежитъ на полу.

Онъ нагибался, шарилъ рукой по полу и, не найдя никого, опускаясь на кровать въ раздумьи.

— Вѣдь это все моя болѣзнь,—говорилъ онъ успокоившись.— Плохо мнѣ. Неужели я сойду съ ума? Вотъ чего я боюсь: сойти съ ума и остаться жить... Если сойду съ ума или умру, намѣченные опыты останутся неоконченными. Вѣдь жаль, если все это пропадетъ. Надо каждый опытъ «долбить», какъ я долбилъ о фосфоритѣ, чтобы дѣло пошло. Боюсь я, что опыты съ каинитомъ подъ лень вызовутъ недоразумѣнія и дѣло затормозится, какъ было въ семидесятыхъ годахъ съ фосфоритомъ.

— Полноте, Александръ Николаевичъ, ложитесь спать. Поправитесь и примитесь опять за работу.

— Нѣтъ, не поправлюсь... Не проживу ужъ пяти лѣтъ и опыты не кончу. Боюсь съ ума сойти.

Днемъ, едва ему дѣлалось лучше, онъ принимался писать отчетъ министерству о дѣйствіи каинита на лень, но, проработавъ $\frac{1}{4}$ часа, онъ уставалъ и засыпалъ: проснувшись, онъ вновь долженъ былъ передѣлывать ту же самую работу, чтобы возстановить въ памяти все движеніе дѣла: тѣмъ не менѣе онъ удовлетворялся работой только тогда, когда его цифры сходились съ цифрами его помощника, А. Д. Страхова. Тогда онъ убѣждался, что работа вѣрна, и продолжалъ ее далѣе. Работа съ перерывами, повтореніями и исправленіями усиливала его безпокойство, сопро-

вождаемое часто галлюцинаціями. Вечеромъ однажды онъ вскочилъ съ кровати и пошелъ прямо на стѣну, не замѣчая ея.

— Куда вы? Куда вы?

— Какъ куда? Развѣ не видите, купцы пріѣхали и ссорятся у амбаровъ.

— Гдѣ ссора? Какіе купцы?

— Видите, обвѣшиваютъ на льнѣ... Тамъ вѣдь у амбаровъ продаютъ ленъ съ опытныхъ полей.

— Это вамъ кажется, Александръ Николаевичъ. Вы сегодня много занимались. Это вамъ вредно, а вы не слушаетесь.

— Да я же самъ вижу... Вонъ они.

— Это голая стѣна.

— Стѣна, а не амбаръ? Опять значить я... Что если я съ ума схожу?

— Пройдетъ, А. Н.

— А если... Если я съ ума схожу... Это ужасно.

Трудно было разсѣять въ немъ эту боязнь сумасшествія и онъ часто хитрилъ самъ съ собой, спрашивая окружающихъ для провѣрки себя:

— Зачѣмъ пріѣзжали купцы изъ города?

— Какіе купцы?

— Льномъ торгуютъ...

— Никто не пріѣзжалъ.

— А ссоры не было съ ними?

— Никакой не было ссоры...

Такими вопросами у прислуги онъ провѣрялъ свои галлюцинаціи, которыя все еще продолжали иногда казаться ему правдоподобными. Несмотря на это, онъ каждый вечеръ подробно заносилъ въ приходо-расходныя книги событія хозяйственнаго дня и не нарушалъ заведенный у себя порядокъ. Конечно, онъ бодрствовалъ тогда, когда ему было легче, а чаще онъ сидѣлъ и бредилъ все тѣмъ-же хозяйствомъ и своими опытами.

— Фосфоритъ! Капнитъ! Калійныя удобренія! Гипсъ! Метеорологическая станція! Химическая станція! Почвенныя изслѣдованія! и т. п. вопросы безпорядочно чередовались въ его головѣ и, дѣйствительно, можно было опасаться за его разсудокъ. Но — медицина помогла. Ему стало легче, отеки лица прошли, галлюцинаціи исчезли. Надо было видѣть его радость, когда онъ почувствовалъ облегченіе.

— Еще поработаемъ!—говорилъ онъ. Я еще гожусь на что-нибудь... Вотъ допишу отчетъ и примусь за новое. Немного жить остается... Торопиться надо съ работой... Хотя эти пять дѣтъ министерскихъ опытовъ прожить! Сколько пропало времени-то въ моей жизни...

Александръ Николаевичъ заботился о томъ, чтобы и умереть «форменно», и эти заботы напомнили мнѣ предыдущія его заболѣванія, когда онъ тоже беспокоился о похоронахъ и весьма негодовалъ на то, что староста подстригъ, безъ его распоряженія, хвосты лошадямъ.

— На чемъ-же меня повезутъ, если умру?—безпокойно спрашивалъ

онь.—Неужели на безхвостыхъ лошадахъ? Гдѣ-же это видано... Если я умру, то вы, пожалуйста, похороните меня на своихъ лошадахъ, а моихъ безхвостыхъ не трогайте. Чтобы похоронныя лошади были форменныя, какъ слѣдуетъ лошадямъ быть.

Эта забота, чтобы и внѣшность и содержаніе не были забыты во всякомъ дѣлѣ—сказывалась у Энгельгардта и ранѣе, въ его научныхъ занятіяхъ со студентами въ лабораторіи и на поляхъ собственнаго имѣнія.

— Дѣлайте, какъ люди дѣлаютъ! — замѣчалъ онь.— Формальности и обычаи тоже помогаютъ сути... Съ умомъ все хорошо! Кто постигъ заведенный уже порядокъ — тотъ подѣла сдѣлалъ. А то вы научитесь у меня сѣно косить, а опрокинутый возъ съ сѣномъ на дорогѣ не поднимете, если не приглядывались ранѣе, какъ ловко мужиченокъ одной рукой ставить его въ первоначальное положеніе. Потому что мужиченокъ все форменно дѣлаеть и знаетъ, какъ всѣ люди это дѣлаютъ: какіе у нихъ на все выработаны приемы. А вы начнете по первому абцугу вводить новости и засорите другимъ дорогу. Будете умѣть дрова рубить, а начнете коль тесать, промежность себѣ разсѣчете топоромъ... Не такъ нагибаются надъ коломъ, какъ всѣ мужики; не хотите дѣлать, какъ люди дѣлаютъ, умнѣе хотите быть... А это даромъ не дается. Богъ-то—старый хозяинъ: онъ знаетъ, что къ чему и какъ; прежде насъ научилъ мужика уму-разуму и намъ остается прежде всего приглядѣться къ его приемамъ, сноровкѣ и порядку... Кто будетъ умѣть взяться за всякое дѣло форменно, тотъ скорѣе пойметъ и содержаніе дѣла, чѣмъ тотъ, кто прежде отрицаетъ формальности, а потомъ начинаетъ понимать дѣло... А кто не понимаетъ дѣла, тотъ всегда хочетъ выиграть оригинальностью и новизной. Ему легко, по невѣжеству своему, быть оригинальнымъ: что ни скажетъ — все будетъ оригинально и вмѣстѣ бесполезно! Я даже не люблю такихъ людей. Это все великіе люди на малыя дѣла... Когда мнѣ пишутъ письма безъ еровъ, такъ я даже не отвѣчаю на такія письма. Пустой, значить, человекъ! Не уважающій мои привычки, вѣчно занятъ пустяками, а не дѣломъ! Если хочешь, чтобы тебѣ отвѣчали, пиши всегда з, и всякій разъ проставляй свой адресъ, такъ какъ я не обязанъ беречь или помнить старый. Вотъ это будетъ, какъ слѣдуетъ. Аккуратный, скажу, человекъ.

Быть аккуратнымъ — сдѣлалось страстью Энгельгардта, но эта аккуратность была преимущественно въ занятіяхъ и на работѣ. Онъ все любилъ дѣлать чисто, какъ интеллигентный человекъ долженъ былъ-бы дѣлать всякую работу. Между тѣмъ въ обыденной жизни онъ никогда не былъ мелочень, не давилъ постороннихъ лицъ требовательностью къ своимъ привычкамъ, и даже его большое самомнѣніе всегда сказывалось только въ какомъ-нибудь интересномъ дѣлѣ или разговорѣ, непременно идейномъ и поучительномъ. Поправившись нѣсколько отъ болѣзни, онъ тотчасъ-же приступилъ къ осуществленію дальнѣйшихъ плановъ. Но это счастливое состояніе духа не могло продолжаться долго: сердечная дѣ-

тельность его была крайне слаба. а онъ продолжалъ волноваться и мелочами хозяйства, и смертью В. Черняева, и слухами о новомъ назначеніи Плева или Ермолова, неопредѣленностью министерства государственныхъ имуществъ. въ зависимости отъ котораго онъ ставилъ и свои оныты. Такъ тянулось время до послѣднихъ двухъ дней его жизни, и онъ, вмѣстѣ съ окружающими, былъ все-таки далекъ мыслью отъ близкой кончины. Вдругъ 19 января 1893 г. онъ почувствовалъ онѣмѣніе правой руки и охлажденіе пальцевъ. Принимая это явленіе за параличъ, онъ прежде всего пожалѣлъ о потерѣ возможности работать перомъ. Сильно волнуясь, онъ нѣжно обращался къ рукѣ:

— Поработала, матушка! А безъ нея ужъ какая жизнь!..

Къ концу дня эта рука неожиданно поправилась и стала двигаться; Александръ Николаевичъ до того былъ радъ, что цѣловалъ свои пальцы и дѣлалъ нѣсколько разъ пробы письма. На слѣдующій день другая рука перестала работать, и онъ опять началъ увѣрять, что это параличъ. и ужасно разсердился, когда въ утѣшеніе ему сказали, что онъ просто отлежалъ руку.

— Сердце уже не даетъ питанія оконечностямъ, мурашки по тѣлу ходять, а вы говорите отлежалъ... Вотъ кто теперь будетъ вести записныя книги? Другой день вы за меня пишете.

На утро, 21 января, ему стало легче, хотя писать онъ все-таки не могъ. Утромъ рано къ нему пріѣхалъ прежній староста Иванъ. жившій въ сосѣдней деревнѣ и теперь не покидавшій больного. Значительнаго ухудшенія въ здоровьи А. Н.—ча не замѣчалось, и самъ онъ говорилъ Ивану о томъ, что намѣренъ весной въ «фосфоритной» колясочкѣ ѣздить на опытныхъ поля.

— Вотъ скоро прилетятъ пиздрики на болота, — мечталъ онъ: — жаворонки въ поля, соловьи — въ садъ...

Не вѣрилъ этимъ словамъ только Иванъ Павловичъ. Онъ былъ убѣжденъ, что Александръ Николаевичъ въ этотъ день непременно умретъ. «Я всю ночь не спалъ,—говорилъ онъ:—боялся, что А. Н. скончается до моего прихода. Торопился. Хочу, чтобъ онъ умеръ на моихъ рукахъ». Трогательно онъ ухаживалъ за своимъ больнымъ бариномъ и все время держалъ его за руку, когда А. Н., позвавъ къ себѣ дочь, говорилъ ей, гдѣ что у него лежитъ и что теперь ей надо будетъ записать въ книги... Онъ хотѣлъ ей диктовать, но вдругъ голова его опустилась на грудь, и онъ тотчасъ-же скончался. Ослабленная дѣятельность сердца окончилась параличемъ.

Покойный былъ перевезенъ изъ с. Батищева въ фамильный склепъ гг. Энгельгардтовъ, находящійся въ 2-хъ верстахъ отъ ихъ родового имѣнія «Климово», въ 30-ти верстахъ отъ станціи Ярцево, Московско-Брестской желѣзной дороги. Онъ лежалъ въ массивномъ гробѣ, поставленномъ на мѣшкахъ съ фосфоритною мукою. Лица присутствующихъ выражали глубокую скорбь, когда А. Н.—ча опустили въ могилу и однимъ крупнымъ человекомъ на свѣтѣ стало меньше...

А. Фаресовъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Западничество какъ умственная дисциплина. — Фантазіи самобытности. — Проектъ о штрафныхъ ротахъ. — Проектъ отмены сельскихъ выборовъ. — Вѣчное движеніе, на взглядъ «Виленскаго Вѣстника». — Мензелинскій проектъ прекращенія помощи крестьянамъ. — «Волжскій Вѣстникъ» о вялости губернскихъ земскихъ собраній. — Довля гласныхъ въ Уфѣ. — Инцидентъ въ саратовскомъ уѣздномъ собраніи. — «Орловскій Вѣстникъ» о церковно-приходскихъ школахъ въ губерніи. — Новая побѣда Елифановской партіи въ Саратовѣ. — Судебное производство по дѣламъ кременчугскаго и александровскаго дворянскаго банковъ. — 25-ти-лѣтній юбилей «Рижскаго Вѣстника» и «Новороссійскаго Телеграфа».

Скажу два слова въ пользу «западничества», разсуждая притомъ даже съ точки зрѣнія консервативной, а именно основываясь на столь любезной нашимъ газетнымъ консерваторамъ необходимости «дисциплины». Дисциплина, это—нѣкоторая узда, нѣкій предѣлъ, его же не перейдешь. Независимо отъ дисциплины внѣшней, той напр., которую налаживаютъ законъ и требованія властей, необходима еще и извѣстнаго рода дисциплина внутренняя, добровольная, и эта послѣдняя могла бы даже замѣнить первую, если-бы люди были ближе къ совершенству, чѣмъ они есть. Несовершенствомъ-то человѣческимъ консерваторы именно и объясняютъ необходимость дисциплины внѣшней, нѣкотораго принужденія. И вотъ, именно съ этой, чисто-консервативной точки зрѣнія, западничество представлялось бы полезнѣе, благотворнѣе для русской умственной жизни, чѣмъ та теорія и въ особенности та практика «самобытности», которую, между тѣмъ, наши консерваторы себѣ усвоили.

Сравненіе дѣлаю чисто практическое, совершенно независимо отъ сущности тѣхъ идей и условій, которыя составляютъ содержаніе западничества и тѣхъ, въ какихъ отчасти воплощается, отчасти можетъ еще выработаться наша самобытность. Не сравнивая сперва самого содержанія того и другого ученія, цѣлей того и другого направленія, говорю теперь съ чисто-практическимъ помышленіемъ, что западничество представляло собой опредѣленную умственную дисциплину, а «самобытность» представляетъ полное ея упраздненіе, разгулъ доморощенныхъ фантазій.

Хорошо было бы, конечно, если-бы каждый «публицистъ» самъ добровольно соблюдалъ, напр., законъ—ври да не завирайся, несмотря на то, что законъ этотъ не внесенъ ни въ одинъ изъ томовъ свода. Но что же дѣлать, когда, въ силу постоянно указываемаго намъ консерваторами человѣческаго несовершенства, консервативные публицисты нисколько не менѣе, чѣмъ либеральные бывають склонны къ несоблюденію и даже къ явному нарушенію этого неписаннаго, но общепризнаннаго закона. Вотъ тутъ-то для либеральныхъ писателей и является западничество, какъ предупредительный тормазъ и спасительный предѣлъ. Либераль также могъ бы неоглядно увлечься фантазією или темпераментомъ и брякнуть иной разъ

какую-нибудь чудовищную глупость. Но его сдерживает спасительная дисциплина западничества. Гдѣ же въ Европѣ есть нѣчто подобное придуманной наскоро глупости, кто въ Европѣ сталъ бы слушать совершенно ерундистское предложеніе, безъ смѣха и протеста? И вотъ — предѣлъ противъ распушенности фантазій въ смыслѣ либеральномъ.

Такого предѣла, такой предохранительной вѣншей дисциплины не имѣется для нашихъ консерваторовъ, которые усвоили себѣ теорію «самобытности». Самобытность ихъ, это — полный просторъ для самыхъ дикихъ причудъ, отмѣна всякаго «препятствія нраву». Въ силу этой самобытности, а на самомъ дѣлѣ — въ силу непризнанія никакихъ рациональныхъ основъ общественнаго быта, эти мнимые консерваторы взапуски придумываютъ мѣры одна чуднѣй другой. Наканунѣ 20-го столѣтія они совѣтуютъ какъ можно чаще примѣнять розгу, кричатъ «слово и дѣло» при каждомъ случаѣ заявленнаго въ печати несогласія съ ними, отрицаютъ осуществленные въ нашихъ же законахъ принципы самостоятельности суда и самоуправленія, основаннаго на избирательности. И при этомъ имъ нисколько не стыдно, такъ какъ передъ чѣмъ же имъ стыдиться? Передъ европейскою культурой — они ее отрипаютъ; передъ успѣхами самой русской жизни вслѣдствіе преобразованій — они преобразованія тѣ объявляютъ вредными. Передъ здравымъ смысломъ? Но они — самобытны, имъ ничто не указъ и противъ здраваго смысла они сейчасъ сошлются на грѣховность человѣческой природы, на поврежденіе нравовъ въ послѣднее время, на несовершенство человѣческаго разума, на измѣну дѣдовскимъ преданіямъ. И вотъ, по поводу этой-то разнузданности злобныхъ инстинктовъ, противъ этой безшабашности въ выдумкахъ и слѣдуетъ — съ истинно-консервативной точки зрѣнія — указать на пользу той умственной дисциплины, которую представляетъ такъ называемое у насъ западничество, то есть просто общеевропейскія культурныя начала.

Недавно въ верейскомъ земскомъ собраніи гласный Баранцевичъ предложилъ проектъ сформированія «сельскохозяйственныхъ ротъ». «Во всѣхъ губернскихъ городахъ или въ центральныхъ мѣстахъ нѣсколькихъ губерній учреждаются гражданскія рабочія дружины. Офицеры и урядники должны назначаться изъ запаса арміи... Штрафной журналъ обязателенъ. Дисциплина — доброжелательно-родительская. Самовольныя отлучки наказываются какъ отлучки изъ мѣстожителства безъ паспорта... Въ дружины зачисляются, не менѣе какъ на одинъ годъ, всѣ бродячіе элементы данной губерніи, всѣ лица, бросившія свои семьи, всѣ неплатящіе повинности по безпутной жизни — по требованію обществъ; всѣ разгульныя и непослушныя неотдѣленные дѣти, по требованію ихъ родителей; всѣ непомнящіе родства и скрывающіе мѣста ихъ жительства, всѣ нищіе, по надлежачемъ освидѣтельствованіи оказавшіеся здоровыми»... Итакъ, 30-ти-лѣтній крестьянинъ, не отдѣленный, могъ бы быть отдаваемъ отцомъ болѣе чѣмъ на годъ въ штрафную роту за непослушаніе, а нищій прямо зачислялся бы въ нее полиціею, потому только, что они — крестьяне;

между тѣмъ, какъ разные шелопаи въ котелкахъ пользовались бы полнотою гражданскихъ правъ, а фигура съ околышемъ, нахально протягивающая руку, была бы застрахована отъ штрафного труда потому именно, что она произноситъ «м. г., помогите бѣдному благородному человѣку».

Но приведу еще двѣ строки проекта. Въ ротахъ... «дисциплина должна строго поддерживаться. Гражданскія рабочія дружины употребляются на работы государственныхъ, общественныхъ и частныхъ, по нормальнымъ цѣнамъ рабочаго дня» и т. д. Читатель можетъ подумать, что эта—шутка, которую я себѣ позволяю въ видѣ полемическаго приѣма, что это—вариация на тему Щедринаго устава о благоповеденіи. Нѣтъ, я привелъ подлинныя строки «Московскихъ Вѣдомостей» изъ цитаты, которую нашелъ въ провинціальныхъ газетахъ. Итакъ, въ наше время, въ силу самобытности, не стыдно предлагать учрежденіе какихъ-то штрафныхъ ротъ, въ которыя зачисляли бы крестьянъ безъ суда! Если автору такого проекта вы возразите, что нигдѣ въ Европѣ и Америкѣ ничего подобнаго нѣтъ, то онъ этого не сочтетъ за возраженіе. Мало-ли чего нѣтъ въ Европѣ, а у насъ можетъ быть, мы должны быть самобытны.

Въ прошлый разъ я упоминалъ о самобытномъ проектѣ «Моск. Вѣдомостей» дать всей русской печати такое самобытное устройство, чтобы редакторы и сотрудники назначались правительствомъ. Вѣдь это также было похоже на иронію, какъ будто кто-нибудь нарочно сочинилъ нелѣпный проектъ, передразнивая вообще псевдо-консервативныя фантазіи. Теперь я нашелъ въ «Гражданинѣ» другой проектъ, который вполне заслуживаетъ быть поставленнымъ рядомъ съ штрафными ротами гласнаго Баранцевича. «Гражданинъ» сообщалъ, что «у нашего почтеннаго А. А. Т. была оживленная и интересная бесѣда объ упорядоченіи деревенской жизни вообще и сельской общины въ особенности», въ которой «докладчикъ доказывалъ необходимость упорядоченія сельской жизни путемъ законодательнымъ прежде всего». И вотъ, при преніяхъ по этому «докладу» и заявлено было то своеобразное столичное предложеніе, которое я поставлю рядомъ съ провинціальнымъ проектомъ о ротахъ, хотя бы для того, чтобы провинціалы не упрекали меня въ пристрастіи.

Проектъ состоитъ въ томъ, чтобы сельскіе старосты и волостные старшины не выбирались крестьянами, а назначались административной властью! Основнымъ мотивомъ къ такому преобразованію приводилось слѣдующее соображеніе (по отзыву кн. Мещерскаго — «мѣткое и основательное»): «почему избраніе судей и полиціи признано было нужнымъ отнять у образованнаго сословія, дворянскаго, а крестьянамъ считается нужнымъ, при ихъ низкомъ уровнѣ образованія, предоставлять право выбора сельскихъ судей и (имѣть) свою административно-полицейскую власть, въ лицѣ старшинъ и старостъ?»

Этотъ примѣръ прекрасно характеризуетъ, какъ наши консерваторы разумѣютъ «самобытность». Тридцать три года существуетъ выборное сельское управленіе у крестьянъ бывшихъ владѣльческихъ, а около пяти-

десяти лѣтъ у крестьянъ бывшихъ государственныхъ. Кажется, такихъ сроковъ достаточно, и можно уже признать, что избирательность крестьянскаго управленія является однимъ изъ условій русскаго народнаго быта. Стало быть, истинное начало самобытности требовало бы не только, чтобы преклониться передъ этимъ фактомъ, но именно на основаніи его и весь вопросъ, изложенный выше, переставить въ такомъ порядкѣ: «почему, если крестьянамъ, при низкомъ уровнѣ образованія, предоставлено право выбора сельскихъ судей и т. д., то же право не могло сохраниться и за земствомъ, въ которомъ преобладаетъ элементъ образованный, тѣмъ болѣе, что еще со временъ Екатерины II дворянство избирало предсѣдателей судебныхъ палатъ, засѣдателей уѣздныхъ судовъ и исправниковъ?»

Но нѣтъ, для автора проекта дѣйствительный русскій бытовой фактъ ничего не значить, нисколько не обязателенъ. Начало самобытности онъ, какъ и другіе наши псевдо-консерваторы, понимаетъ совсѣмъ иначе, а именно въ такомъ смыслѣ, что онъ самъ можетъ быть совершенно независимъ отъ какихъ-либо условій, существующихъ какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи, отъ какихъ-либо привычекъ, наконецъ, и отъ требованій здраваго смысла. Вотъ это—та «самобытность», которая одушевляетъ иныхъ нашихъ консерваторовъ. Авторъ проекта не только не преклоняется передъ существующимъ бытовымъ русскимъ фактомъ, но безцеремонно требуетъ его замѣны чисто-чиновническимъ учрежденіемъ. И вотъ, пригоняя свое разсужденіе къ такой цѣли, онъ и ставитъ вопросъ: «почему, если избраніе судей и полиціи (т. е. исправниковъ) признано было нужнымъ отнять у образованнаго сословія, дворянскаго, крестьянамъ однако считается нужнымъ *предоставлять* право выбора сельскихъ судей» и проч. Предоставлять! Да вѣдь предоставлено это 30 и 50 лѣтъ тому назадъ, а «предоставлялось» и гораздо еще раньше. Если авторъ упомянутаго проекта проходилъ когда-нибудь учебники, то я посоветую ему взять учебникъ Соловьева и провѣрить по страницѣ 33-й вѣрность слѣдующей моей цитаты: «еще до XIII вѣка у насъ въ селахъ жили или свободные земледѣльцы, или *челядь*, рабы, принадлежащіе владѣльцамъ земель; свободные сельскіе жители управлялись *своими* старостами». Вотъ и нынѣ, слава Богу, русскіе крестьяне — свободные сельскіе жители и управляются *своими* старостами.

Да, не русская народная самобытность внушаетъ нѣкоторые проекты, а совсѣмъ особая, личная, самобытность въ такомъ скорѣе смыслѣ, что «у всякаго барона своя фантазія», а фантазіи эти клонятся именно къ тому, чтобы въ селахъ жили не «свободные земледѣльцы», но «челядь». Въ эту-то сторону и направлены проекты какъ верейскаго гласнаго о «сельско-хозяйственныхъ ротахъ», такъ и «Гражданина» объ отмѣнѣ выборныхъ старшинъ и старость.

Та особая «самобытность», о которой я говорю, есть не что иное, какъ совершенное своеволие усердствующей мысли, отрицающее какое-либо значеніе науки, системы въ учрежденіяхъ, логики въ сужденіи, а

даже и положительное значеніе словъ русскаго языка, которымъ придается, смотря по нуждѣ, смыслъ прямо противоположный тому, какой они имѣютъ въ дѣйствительности. Придуманъ цѣлый рядъ какихъ-то каламбуровъ, посредствомъ которыхъ можно доказывать что угодно.

Въ примѣрѣ приведу разсужденіе «Виленскаго Вѣстника» на Новый годъ. «Надъ всѣмъ сущимъ — говоритъ газета — тяготѣтъ одинъ общій неумолимый законъ — *вѣчное движеніе* (курсивъ подлинника). Въ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть *покоя* (также)... Въ вѣчномъ движеніи заключается сущность жизни, ибо покой есть смерть, небытіе, нирванна». Пожалѣвъ мимоходомъ, что газета въ послѣднемъ словѣ поставила одну букву лишнюю, соглашусь съ этимъ разсужденіемъ. Да, покой есть смерть, это всѣми признано, такъ какъ покойниками и называютъ умершихъ. Но какое же примѣненіе къ нашей жизни дѣлаетъ газета изъ обязательности вѣчнаго движенія впередъ? «Исторія — говоритъ она, — по отношенію къ отшедшимъ временамъ, учитъ насъ, что движеніе впередъ всегда было господствующимъ; что тѣ эпохи, которыя отличались особымъ затишьемъ и давали поводъ думать, что наступилъ застой, въ сущности были наиболѣе прогрессивными. И *наоборотъ*, эпохи съ окраской прогресса и расцвѣта жизни были въ дѣйствительности и сущности періодами пустоцвѣта». Хорошо, нечего сказать. Итакъ, эпохи застоя это — эпохи усиленнаго движенія, а періоды расцвѣта въ дѣйствительности — періоды пустоцвѣта. Эта болтовня — весьма характерная. «Моск. Вѣд.» и «Гражданинъ» разсуждаютъ точно также. Нынѣшняя теорія застоя не довольствуется достиженіемъ своихъ цѣлей, но еще хочетъ называться теоріею движенія, истиннаго прогресса.

Земскій гласный Мензелинскаго уѣзда (Уфимской губ.) г. Пыхтѣевъ, по всей вѣроятности, называетъ себя «истиннымъ» другомъ крестьянъ, такъ какъ онъ предложилъ прекратить всякую помощь крестьянамъ. Въ земскомъ собраніи — привожу отзывъ «Смоленскаго Вѣстника» — «дебютировалъ только что вступающій на поприще общественной дѣятельности дворянинъ Пыхтѣевъ. По его словамъ, мужикъ нашъ лѣнивъ и мошенникъ; его избаловали земскія подачки. Въ подтвержденіе этой замѣчательной мысли г. Пыхтѣевъ привелъ такое доказательство: извѣстный винный заводчикъ и самый крупный мѣстный землевладѣлецъ Стахѣевъ теперь не даетъ крестьянамъ денегъ впередъ подъ работы, потому что они обманываютъ и на работы не выходятъ. Въ виду всего этого г. Пыхтѣевъ предложилъ: «всякую помощь крестьянамъ прекратить». Затѣмъ, приведены возраженія, которыя были сдѣланы пылкому оратору другими гласными: что земство не можетъ не помогать пострадавшимъ отъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, что принятіе предложеннаго постановленія было-бы противозаконно, что «противъ Стахѣевского кредита необходима земская борьба, такъ какъ гг. Стахѣевы, пользуясь крайней нуждою мужика, доводятъ плату за трудъ до невообразимо ничтожнаго размѣра», чему и были приведены примѣры. Нельзя не согласиться съ цитируе-

мою газетой, что «одно появленіе подобныхъ юныхъ дебютантовъ уже само по себѣ характерно».

О другомъ такомъ «современномъ» юнцѣ сообщаетъ «Волгарь», къ сожалѣнію не называя его. Въ одномъ изъ уѣздовъ Саратовской губерніи, предводитель дворянства, очень молодой еще человекъ, «вель себя чрезвычайно заносчиво не только съ земцами, но даже и съ земскими начальникамъ, сплошь въ томъ уѣздѣ избранными дворянствомъ». Въ прошломъ году газетные корреспонденты, являвшіеся на земскія собранія, «чуть-чуть не оставались, по распоряженію предсѣдателя, безъ стула»... На сѣздѣ земскихъ начальниковъ тотъ же юный предводитель потребовалъ, чтобы они при входѣ его вставали. Наконецъ, дворяне поднесли предводителю «адресъ», приглашавшій его не баллотироваться на новый срокъ, такъ какъ въ уѣздѣ онъ избранъ не будетъ, если же онъ пройдетъ «за губернскимъ столомъ (т. е. при общемъ голосованіи)», то всѣ земскіе начальники уѣзда немедленно выйдутъ въ отставку. Въ результатѣ, предводитель, по словамъ газеты, «потерпѣлъ крушеніе за то, что держалъ знамя черезчуръ высоко, оказался, такъ сказать, болѣе дворяниномъ, чѣмъ это позволительно для дворянина».

У того же саратовскаго корреспондента «Волгаря» заимствую фактъ, который имѣетъ прямое отношеніе къ вопросу о неисполненіи крестьянами обязательствъ по найму. Сообщая о такихъ жалобахъ, высказанныхъ на губернской сессіи дворянства, корреспондентъ прибавляетъ, что слышались однако изъ среды дворянства голоса, «рѣзко осуждавшіе узкохозяйскую и карательную точку зрѣнія въ вопросѣ о сельскихъ рабочихъ; одинъ ораторъ указалъ на простое средство для основательнаго рѣшенія этого вопроса, а именно — «отказаться отъ кабальной зимней наемки». Изъ этого во всякомъ случаѣ видно, что не одни мензелинскіе и иноуѣздные винные заводчики Стахѣвы практикуютъ такую наемку.

Просматривая газетные отчеты о преніяхъ въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, происходившихъ въ декабрѣ, нельзя было не замѣтить въ нихъ довольно общей черты — нѣкоторой вялости. Не то, чтобы земства устали работать. Этого нѣтъ; но замѣчается меньше инициативы, а пренія со-всѣмъ уже специфировались, ушли въ подробности и сдѣлались сухими. Въ этомъ замѣчаніи нѣтъ противорѣчія моимъ же жалобамъ на водянистость нѣкоторыхъ «публицистовъ» и даже цѣлыхъ газетъ. Дѣловитость обсуждения вовсе не связана безусловно съ сухостью; подробности подробностями, но при живомъ интересѣ къ дѣлу, все-таки не разъ блеснетъ новая мысль или освѣтится ярче та или другая нужда.

Имѣетъ-ли упомянутая вялость какую-либо связь съ новымъ положеніемъ земства — это оставлю открытымъ вопросомъ, тѣмъ болѣе, что работа исполнительныхъ земскихъ органовъ не ослабѣваетъ. «Строго нынче стало — говорить о земскихъ собраніяхъ фельетонистъ «Волжскаго Вѣстника» — хочешь не хочешь, а обсуждай; многимъ земцамъ эта строгость очень не по сердцу пришлась... Интересъ къ земскому дѣлу отъ года

до года все болѣе падаетъ въ самихъ земляхъ; томящая скука и апатія земскихъ собраній съ каждымъ годомъ вырисовываются все рельефнѣе и рельефнѣе, на сѣромъ и безъ того фонѣ наше общественности. Куда, куда вы улетѣли, златые дни земскаго дѣла, тѣ златые дни, когда живое дѣло, живыя мысль и слово кипѣли въ залахъ земскихъ собраній, когда хоры этихъ залъ ломились подъ наплывомъ массы публики?» и т. д. Положимъ, замѣчу я, публику не всегда привлекаютъ дѣла наиболѣе важныя, а ораторскіе успѣхи часто достигаются вовсе не самостоятельностью и глубиной мысли. Главное все-таки въ работѣ земскихъ органовъ; но нельзя не согласиться, что губернскія собранія нынѣ утратили то оживленіе и тотъ блескъ, какой они имѣли прежде, а это нисколько не требовалось для пользы дѣла, такъ какъ интересъ публики къ земскимъ собраніямъ вовсе не вредилъ успѣшности труда, а между тѣмъ воспитательно вліялъ на самое общество.

Впрочемъ, фельетонистъ казанской газеты, быть можетъ, впалъ въ нѣкоторое преувеличеніе, говоря, что «гласные, если имъ нельзя ужъ вовсе отлынуть отъ земскаго дѣла, стараются по крайней мѣрѣ попозже прійти, да пораньше уйти изъ собранія, только-бы очередь отвести и не попасть въ списокъ «нѣтчиковъ». Но забавенъ разсказъ о томъ, какъ въ Уфѣ губернское собраніе состоялось, на другой день послѣ назначеннаго числа, при помощи такого приема: мобилизованъ былъ весь комплектъ управскихъ служащихъ, сторожей и посыльныхъ и разосланъ по городу для почтительной поимки гласныхъ и привода ихъ убѣжденіями въ залу засѣданій. Мобилизація эта въ первый день не удалась, но на другой день облава была выслана съ ранняго утра, причемъ кто рыскалъ пѣшкомъ, кто на извозчикѣ, а одинъ объѣздчикъ былъ даже верхомъ. Такимъ способомъ удалось пригласить 13 гласныхъ, но это число было не только несчастное, а еще недостаточное. Тогда уже всю облаву пустили за 14-мъ гласнымъ. По появленіи его, «дали знать исправляющему должность начальника губерніи и собраніе открылось». Это было 2 декабря. 3-го дѣло чуть опять не разстроилось, а 4-го прочли только протоколъ предшествующаго засѣданія и отсрочили сессію до 7 декабря, по слѣдующимъ причинамъ: 4-го числа засѣдать было некогда, потому что простыли-бы именнинные пироги, такъ какъ это былъ Варваринъ день. 5-го же не стоило собираться потому, что 6-го — Николинъ день, когда собираться было нельзя.

Даже такъ называемый «инцидентъ», по нынѣшнимъ временамъ, не всегда способствуетъ оживленію земскаго засѣданія. Въ послѣднемъ экстренномъ саратовскомъ уѣздномъ собраніи инцидентъ представился разногласіемъ по народно-училищному дѣлу между инспекторомъ земскихъ школъ и депутатомъ духовенства. Случай этотъ передаю со словъ корреспондента «Волгаря». При обсужденіи смѣты, представился вопросъ о субсидіи церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамоты, которыя, какъ извѣстно, находятся также подъ руководствомъ причтовъ. Инспекторъ

г. Краснодубровскій просилъ собраніе выслушать его объясненіе по тѣмъ обвиненіямъ, которыя были высказаны депутатомъ отъ духовенства священникомъ Владыкинымъ въ поданной имъ запискѣ. Этотъ депутатъ обвинялъ учителей въ несоблюденіи постовъ, въ пренебрежительномъ отношеніи къ духовенству, безнравственномъ поведеніи и проч., а самого инспектора — въ тенденціозномъ умаленіи учебной дѣятельности духовенства и даже «почти въ безбожїи». По этому поводу, инспекторъ объяснилъ, что онъ только объективно передалъ содержаніе отчетовъ и докладовъ за прежніе годы, причемъ ораторъ сослался на крайне неблагопріятный отзывъ о мѣстныхъ церковно-приходскихъ школахъ священника Дроздова. Относительно земскихъ учителей, инспекторъ отрицалъ справедливость предъявленныхъ упрековъ: «онъ ручается за своихъ учителей если-бы замѣтилъ въ комъ-либо изъ нихъ что-нибудь подобное, то уволилъ-бы такого учителя въ 20 минутъ».

Затѣмъ, по отношенію къ самому себѣ, инспекторъ указывалъ на свой прошлогодній циркуляръ учителямъ, «гдѣ послѣднимъ вмѣняется въ обязанность строго соблюдать церковные обряды, непременно посѣщать церковь, внимательно изучать св. писаніе»... «Наконецъ—говорилъ г. Краснодубровскій — я самъ сынъ священника и помню христіанскіе завѣты старика-отца... Я учился сначала въ духовномъ училищѣ, потомъ въ духовной семинаріи и, наконецъ, въ духовной академіи и свято храню христіанскіе идеалы и обряды православной церкви». Инспекторъ опровергалъ и то обвиненіе, будто онъ противодействуетъ открытію въ селахъ церковно-приходскихъ школъ, въ интересахъ школъ земско-общественныхъ. Въ запискѣ священника Владыкина это обвиненіе подтверждалось ссылкой на дознаніе мѣстнаго земскаго начальника по дѣлу объ открытіи земской школы въ с. Красной-Рѣчкѣ. Но главная суть инцидента и заключалась въ томъ, что этотъ земскій начальникъ, самъ присутствовавшій въ земскомъ собраніи, тутъ-же прочелъ протоколъ своего дознанія, которымъ неожиданно и окончательно опровергъ обвиненіе. Сельское общество, получивъ 400 р. за согласіе на открытіе винной торговли, составило приговоръ объ обращеніи этой суммы на устройство земской школы, а староста нанялъ домъ подъ эту школу. Но приходскій священникъ Космолинскій, «несмотря на предупрежденіе, занялъ этотъ домъ подъ школу грамоты и вселилъ крестьянамъ настолько сильное недовѣріе къ земской школѣ, что общество отступило отъ устройства ея». Земскій начальникъ г. Воскресенскій убѣдился на мѣстѣ, что «крестьяне чѣмъ-то сильно запуганы въ этомъ дѣлѣ».

Въ заключеніе, земскій начальникъ объяснилъ, что состоявшійся приговоръ объ устройствѣ въ с. Красной-Рѣчкѣ земской школы вполне законенъ, что она тамъ необходима и нисколько не помѣшаетъ существованію тамъ школы грамоты, особенно если эта послѣдняя займется обученіемъ дѣвочекъ, и призналъ, что временное отступленіе крестьянъ отъ первоначальнаго намѣренія «произошло отъ посторонняго на нихъ вліянія

и побочныхъ причинъ». Корреспондентъ пишетъ далѣе: «послѣднія слова г. Воскресенскій произносилъ среди гробовой тишины, которая ненарушаемо воцарилась въ собраніи и послѣ окончанія этого доклада. Всѣ ждали болѣе или менѣе горячихъ возраженій со стороны г. Владыкина, но онъ не проронилъ ни звука. Молчаніе дѣлалось тягостнымъ; наконецъ, предсѣдатель предложилъ передать этотъ вопросъ на обсужденіе комиссіи». Такъ-то въ провинціальной жизни иногда и мелочи получаютъ большое значеніе, и намъ слѣдуетъ присматриваться къ нимъ — не изъ пустого, анекдотическаго любопытства, но чтобы яснѣе понимать, какъ идутъ дѣла, каковы реальныя условія русской жизни.

Интересныя свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ, въ сравненіи съ земскими, нахожу въ «Орловскомъ Вѣстникѣ». Всего въ Орловской губерніи состоитъ церковно-приходскихъ школъ 147. Особенно усердно заводилъ ихъ доселѣ Ливенскій уѣздъ, но за послѣднее время ливенское земство «круто повернуло свои симпатіи въ пользу земскихъ школъ». Въ общемъ по губерніи, въ теченіе 1892—1893 учебнаго года, духовное вѣдомство пріобрѣло вновь 8 церковно-приходскихъ школъ и потеряло 10, которыя или закрылись по недостатку средствъ, или были перечислены въ школы грамоты. Между тѣмъ, для увеличенія числа церковно-приходскихъ школъ прятчи употребляютъ слѣдующую мѣру, о которой было заявлено въ ливенскомъ и елецкомъ земскихъ собраніяхъ: такъ какъ нѣкоторыя сельскія школы, состоящія въ вѣдѣніи земства, съ самаго начала были устроены сельскими обществами на церковной землѣ, то отъ этихъ школъ теперь требуютъ, чтобы онѣ обратились въ церковно-приходскія или нашли себѣ иное помѣщеніе. Послѣднее обыкновенно представляется невозможнымъ, а стало быть, не остается выбора. Упомянувъ о массѣ труда, лежащей на сельскомъ священникѣ, который, кромѣ исправленія требъ, занять земледѣліемъ, даже самъ работаетъ въ полѣ, орловская газета высказываетъ сомнѣніе, чтобы у него было время для правильнаго веденія обученія, и приводитъ жалобы елецкаго училищнаго совѣта, что даже законоучители въ земскихъ школахъ слишкомъ неточно исполняютъ свои обязанности. «Поэтому, осторожное отношеніе земства къ новому типу школы, красной нитью прошедшее по послѣднимъ земскимъ собраніямъ—говоритъ газета—еще разъ подтвердило спокойное и серьезное отношеніе земствъ къ дѣлу народнаго образованія».

Если въ общественныхъ собраніяхъ въ большихъ городахъ и нынѣ проявляется нѣкоторая кипучесть, повидимому испарившаяся изъ земства, то это обуславливается инымъ характеромъ жизни въ крупныхъ центрахъ. Такъ, хотя самые городскіе выборы, по новому положенію, въ Москвѣ и Петербургѣ были неудачны, такъ что въ Москвѣ едва выбрали г. Рукавишниковъ, а въ Петербургѣ г. Ратьковъ-Рожновъ былъ назначенъ, но тѣмъ не менѣе, интересъ къ думскимъ преніямъ проявляется постоянно.

Саратовъ—также большой городъ и имѣетъ весьма энергичнаго голову г. Епифанова, который прежде совсѣмъ не допускалъ никакого преко-

словія, но прошелъ чрезъ нѣкій кризисъ, заставившій его временно удалиться на авентинскій холмъ. Граждане призвали его обратно, что и уже въ свое время описывалъ. Замѣчу, что въ числѣ 55 гласныхъ, побудившихъ г. Епифанова возвратиться изъ добровольнаго изгнанія, находились и нѣкоторые члены оппозиціи, что даетъ «Саратовскому Дневнику» право говорить, что и они, эти члены оппозиціи, «считали г. Епифанова наиболѣе подходящимъ головой для Саратова». «Толпѣ» изъ 55 лицъ, приглашавшихъ его возвратиться княжить и владѣть, г. Епифановъ не разсказалъ ничего подобнаго притчѣ о желудкѣ, рукахъ и ногахъ. Онъ безмолвно вновь вступилъ въ управленіе и хотя теперь уже понимаетъ, что мыслимъ такой фактъ, какъ оппозиція, но нисколько не утратилъ своей энергіи. Каждого оратора въ нежелательномъ для него направленіи онъ обрываетъ вопросомъ: «по какой статьѣ закона» и лишаетъ слова. «Саратовскій Дневникъ» тянетъ сторону энергическаго головы, но все-таки счелъ себя вынужденнымъ заявить, по поводу преній объ избраніи предсѣдателя городского собранія, что «публику положительно шокировали безпрестанныя прерыванія, которыя дѣлалъ городской голова, требуя, во что-бы то ни стало, указанія статьи закона».

Въ данномъ случаѣ, вопросъ заключался въ избраніи такого предсѣдателя городского собранія, который предсѣдательствовать будетъ, вмѣсто городского головы, только при обсужденіи жалобъ на самого-же голову или на городскую управу. Кандидатомъ на эту должность выступалъ г. Немировскій, членъ «Епифановскаго» большинства. При баллотировкѣ 9-го декабря, онъ оказался неизбраннымъ, и одинъ изъ виднѣйшихъ членовъ оппозиціи, гласный Масленниковъ объясняетъ это, въ письмѣ въ «Саратовскій Листокъ», тѣмъ, что изъ жожаковъ господствующей партіи гг. Епифанова, Селиванова, Лебедева и Немировскаго, первый состоитъ городскимъ головой, второй предсѣдателемъ ревизіонной коммисіи, третій купеческимъ старостой, стало-быть представлялось весьма естественнымъ, не избирать еще и четвертаго, для предсѣдательства въ думѣ, при разсмотрѣніи отчетовъ городской управы и жалобъ на нее. Но несмотря на это соображеніе, г. Немировскій черезъ нѣсколько дней вновь поставилъ свою кандидатуру и 15-го декабря былъ избранъ въ предсѣдателя, такъ что теперь «епифановцы» плотно прибрали къ рукамъ и управленіе городскими дѣлами, и ревизію ихъ, и руководство преніями въ думѣ по всѣмъ щекотливымъ вопросамъ. Излагая *desiderata* своей партіи (меньшинства), г. Масленниковъ пишетъ: «мы хотимъ, чтобы саратовская дума стояла на высотѣ своего значенія, а не третировалась-бы какъ торговое заведеніе, въ которомъ «хозяинъ» воленъ дѣлать, что онъ хочетъ... Благоустройство Саратова чуть-ли не десять лѣтъ стоитъ на точкѣ замерзанія и, при бюджетѣ въ 700000 рублей, Саратовъ расходуетъ на свое благоустройство: 1) 2500 рублей—на поливку излюбленной площади; 2) 17000 рублей—на скудное освѣщеніе и 3) 10000 рублей на мостовыя». Итого,

неполныхъ 30 тысячъ. А школы? спрошу я; сколько расходуетъ Саратовъ на городскія школы?

Недавно закончилась въ судѣ эпопея кременчугскаго городского банка, «скромная», впрочемъ, по выраженію прокурора. Пусть она и скромная, но благодаря тому, что мѣстный городской голова далъ показаніе обстоятельное, она поучительна. Больше десяти лѣтъ служащими въ банкѣ совершались злоупотребленія и никто объ этомъ не зналъ. Директоромъ, въ теченіе 15 лѣтъ, былъ Киктенко, который совсѣмъ не понималъ операций банка, не зналъ даже, напр., что есть текущіе счета. Бухгалтеръ Моисеенко и кассиръ Чернышъ дѣлали, что хотѣли; по недѣлямъ не записывали приходо-выхъ суммъ, получали «авансики», выдавали «авансики», выписывали фиктивно суммы на покупку бумагъ, на ремонты и т. п. Только въ прошломъ маѣ городской голова узналъ «отъ частныхъ лицъ», что дѣло въ городскомъ банкѣ не совсѣмъ ладно.

Онъ не заявилъ тотчасъ объ этихъ свѣдѣніяхъ не только прокурорской власти, но даже ни городской управѣ, ни официально правленію банка, а поступилъ по-отечески. Господь Киктенко, Моисеенко и Черныша онъ пригласилъ въ училище на экзамень и тамъ «учинилъ экзамень банковскимъ воротникамъ», т. е. прямо предложилъ имъ сознаться во всемъ. Виновные во всемъ сознались и обѣщали пополнить растраченное. «Они плакали — говорилъ городской голова Дыздыревъ — и я былъ тронутъ». Плакать-то они плакали, но на какихъ условіяхъ они обѣщались пополнить? Бухгалтеръ Моисеенко (заимствую изъ отчета «Одесскихъ Новостей») «соглашался уплатить слѣдующія съ него 12 тысячъ рублей». Это было хорошо, что онъ соглашался, такъ какъ, пожалуй, могъ и не согласиться. Да и самъ Моисеенко, очевидно, видѣлъ въ такомъ согласіи возратить похищенное прямою уступку съ своей стороны, такъ какъ для исполненія этого поставилъ условія: пусть банкъ оставитъ его въ должности бухгалтера и платить ему 2.400 рублей, тогда онъ согласенъ изъ нихъ ежегодно уплачивать 500 рублей на погашеніе своего долга. Такимъ образомъ, растрату свою бухгалтеръ пополнилъ бы въ теченіе 24 лѣтъ. Кассиръ же банка Чернышъ, въ результатѣ этого экзамена и плаканья, получилъ «авансикъ» въ 3½ т. р.

Но до 24 лѣтъ далеко. Къ зпмѣ, о положеніи дѣлъ въ банкѣ уже узнала публика и нельзя было долѣе скрывать. Но городскіе эдилы понимаютъ, что люди, у которыхъ деньги въ рукахъ — люди серьезные, что съ ними нельзя поступать такъ, какъ съ какими-нибудь мастеровыми, газетными корреспондентами, бродягами и т. п., у которыхъ денегъ нѣтъ. Положеніе дѣлъ въ банкѣ было уже раскрыто, но городская дума сочла необходимымъ избрать особую комиссію для вступленія въ переговоры съ Моисеенко — какъ онъ можетъ уплатить банку присвоенныя имъ деньги? Вотъ, что значитъ, по городскимъ понятіямъ, «имѣть деньги». Деньги эти похищены, но онѣ все-таки создаютъ для хищника несомнѣнную солидность, серьезный цевзъ, съ которымъ надо считаться.

Избранная комиссія состояла изъ кумовой и родственниковъ Моисеенки. Все равно, задача ея была облегчить солидному человѣку пополненіе долга, а самая деликатность требовала, чтобы поручить это дѣло людямъ близкимъ. Однако эта комиссія представила докладъ, который только восхвалялъ дѣятельность и заслуги Моисеенко. Тогда въ думѣ встрѣтились противорѣчія. Ревизіи въ банкѣ производились благополучно, причемъ недостававшія деньги занимались на сторонѣ. Въ этомъ дѣлѣ съ трагической ясностью обнаруживается, что «кредитъ» («crédit» значитъ «вѣрить») означаетъ «довѣріе». Г-жа Палѣй не одинъ разъ давала свои бумаги передъ ревизіями. Но видя, что бумаги не возвращаются, ей стало жаль ихъ и такимъ образомъ явилось обвиненіе въ залогѣ бумагъ безъ ея вѣдома. До 1883 года все шло исправно, Моисеенко былъ глава всему, «онъ орудовалъ съ сознаниемъ своего достоинства». Еще бы. Современные условія таковы, что деньги — все. А законныя онѣ тамъ или краденныя, это вопросъ суетный, пока нѣтъ краха, судебного осужденія и арестантскаго халата. Но въ данномъ дѣлѣ явился именно этотъ несчастный результатъ: гг. Киктенко, Моисеенко и Чернышь, по приговору судебной палаты, лишены нѣкоторыхъ «особыхъ правъ и преимуществъ» и сосланы на житье въ Олонецкую губернію.

А вотъ, нижегородское дворянство не пожелало предавать суду лицъ, обвиненныхъ въ злоупотребленіяхъ по александровскому дворянскому банку. Банкъ этотъ однажды благополучно перенесъ кризисъ, происшедшій вслѣдствіе распространенныхъ слуховъ, что въ банкѣ неладно. Въ двѣ недѣли банкъ выдалъ вкладовъ на около миллионъ рублей; тогда вклады потекли въ банкъ обратно; ихъ поступило еще на бѣольшую сумму, чѣмъ было вытребовано, а дѣльцы имѣли ловкость даже отказать въ пріемѣ нѣсколькихъ мелкихъ вкладовъ. Но впоследствии, случайное обстоятельство, при производствѣ слѣдствія о поджогѣ винокуреннаго завода въ Мерлиновкѣ, имѣни одного изъ директоровъ банка, Панютинна, раскрыло злоупотребленія въ банкѣ. Тогда произошелъ новый кризисъ: банкъ былъ взятъ подъ казенное управленіе, прежній уставъ былъ отмѣненъ, а дѣло о злоупотребленіяхъ директоровъ Панютинна, Аверкіева, Демидова и бухгалтера Покровскаго было доставлено въ концѣ прошлаго іюня прокуроромъ къ нижегородскому губернскому предводителю, на заключеніе дворянства, относительно преданія ихъ суду.

Злоупотребленія заключались въ выдачѣ чрезмѣрно высокой ссуды подъ залогъ имѣнія директора Панютинна, въ залогѣ банковыхъ билетовъ княгини Баратовой безъ ея вѣдома, въ выдачѣ ссуды подъ имѣніе директора Аверкіева, которое уже было заложено, и проч. На сессіи губернскаго дворянства, въ декабрѣ, предстояло рѣшить вопросъ о преданіи суду только директора Аверкіева и бухгалтера Покровскаго, такъ какъ два другіе обвиняемые умерли. Аргументы, заявленные противъ преданія суду, какъ они изложены въ «Волгарѣ», были довольно слабы. Они заключались въ томъ, что въ дѣйствіяхъ Аверкіева не было корыстной

пѣли, а бухгалтеръ Покровскій — маленькій человѣкъ, отъ котораго невозможно было требовать «подвига». Аргументы эти однако оказались убѣдительными: при закрытой баллотировкѣ, собраніе постановило не предавать суду какъ г. Аверкіева большинствомъ 85 голосовъ противъ 18, такъ и г. Покровскаго — большинствомъ 55 голосовъ противъ 47. Прокуроръ предупредилъ собраніе, что въ случаѣ, если дворянство выскажется противъ преданія обвиняемыхъ суду, то дѣло это будетъ имъ, прокуроромъ, перенесено въ сенатъ. Что касается самого александровскаго банка, который продолжаетъ дѣйствовать, но производить уже только одну операцію по ссудѣ подъ имѣнія, то дворянское собраніе нынѣ же назначило комиссію для ознакомленія съ положеніемъ банка и разработки вопроса — не слѣдуетъ ли ходатайствовать о возвращеніи банка въ распоряженіе дворянства и о разрѣшеніи вновь банку еще и другихъ операцій.

Въ Новый годъ «Рижскій Вѣстникъ» праздновалъ 25-ти-лѣтіе своего существованія. Въ юбилейномъ номерѣ рассказана исторія газеты. Приведу нѣсколько фактовъ. Несмотря на всѣ усилія издателей, газета не дожила бы до нынѣшняго юбилея, если бы ей не была дана, съ 1881 г., при графѣ Лорисъ-Меликовѣ, ежегодная субсидія въ 5 т. р. изъ государственнаго казначейства. Доходъ газеты отъ подписки, нумерной продажи и объявленій составлялъ въ 1891 г. 23 т. р. Конечно, на 28 т. р. нелегко издавать ежедневную газету, которая отличалась бы самостоятельностью и богатствомъ матеріала. Но самая скромность дохода несомнѣнно зависитъ отъ того, какъ редація понимаетъ свою задачу — служеніе русскому дѣлу. Если бы, по содержанію своему, русская газета, издаваемая въ Ригѣ, была предназначена не только для служащихъ въ балтійскихъ губерніяхъ русскихъ, но вообще для русскаго общества, то она могла бы быть распространена и въ ближайшихъ губерніяхъ, скажемъ, напр., отъ Острова до Смоленска.

Для этого ей приходилось бы, конечно, не только стоять на стражѣ, но и сообщать возможно полныя и самостоятельныя извѣстія о русской жизни, о дѣятельности земствъ, о литературѣ, объ общихъ экономическихъ вопросахъ и т. д. Полагаю, что отъ этого русскіе интересы въ балтійскомъ краѣ нисколько бы не пострадали, а задача «оживленія» мѣстныхъ русскихъ кружковъ исполнялась бы болѣе успѣшно. Отмѣчу мимоходомъ, что «Рижскій Вѣстникъ», какъ и «Виленскій Вѣстникъ», въ статьѣ на Новый годъ характеризуетъ нынѣшній моментъ такимъ образомъ, что «во всѣхъ областяхъ замѣчается движеніе впередъ». Имъ тамъ, издали, можетъ быть, и виднѣе общее направленіе нашей жизни. Но напрасно рижская газета употребила такую метафору, что «нельзя остановить солнце въ его теченіи, свершающемся въ силу міровыхъ законовъ». Во-первыхъ, все совершается въ силу міровыхъ законовъ, даже печатаніе «Рижскаго Вѣстника», такъ какъ при этомъ дѣйствуютъ силы тяготѣнія и химическаго сродства. Во-вторыхъ, хотя наше солнце и стремится къ созвѣздію Геркулеса, но едва ли это неисчисленное стремленіе

его правильно было бы назвать «теченіемъ». А другое какое же теченіе солнца? Неужели самобытность дошла уже до отрицанія системы Коперника?

Нѣсколько больше я долженъ сказать о 25-ти-лѣтнемъ юбилеѣ «Новороссійскаго Телеграфа», отпразднованномъ въ тотъ же день. Изъ всѣхъ привѣтствій, восхваленій, изліяній и заявленій сочувствія по этому случаю, какія пришлось прочесть, мнѣ, признаюсь, понравилось только одно, а именно отзывъ одного оратора, что редакторъ-издатель «Новоросс. Телеграфа» г. Озмидовъ—«сердечный и добрый человекъ». Отчего же бы и мнѣ не отнестись съ сочувствіемъ къ празднованію сердечнымъ и добрымъ человекомъ, его близкими и друзьями юбилея долговременной газетной работы? Поздравлялъ же самъ г. Озмидовъ «Русскія Вѣдомости» съ ихъ юбилеемъ, несмотря на полное разногласіе, о чемъ и теперь припоминалось съ добавкой, что консерваторы лучше понимаютъ вѣжливость. Вѣжливость я пѣню, но тѣмъ не менѣе удивляюсь, что редакторъ «Новоросс. Телеграфа» привѣтствовалъ «Русскія Вѣдомости». Свойство газетнаго и журнальнаго дѣла таково, что каждое слово, съ которымъ мы обращаемся къ обществу, есть не только слово убѣжденія за нашу мысль, но вмѣстѣ и слово порицанія ея противникамъ. Вслѣдствіе того, даже такое, пожалуй, домашнее и мелкое событіе, какъ газетный юбилей, непременно принимаетъ характеръ воинствующей манифестаціи. Выразить сочувствіе значитъ присоединиться къ ней. А какъ же я присоединился бы къ манифестаціи противъ самого себя, то есть противъ лучшей части моей личности—противъ моихъ убѣжденій?

Въ рѣчахъ и адресахъ на этомъ, хотя и тѣсно-кружковомъ праздникѣ, провозглашались принципы, которыхъ нельзя признать принципами, хвалились заслуги, которыя представляются сомнительными. Такъ, г. Озмидову торжественно приписывали чуть-ли не изобрѣтеніе «принципа» «Россія для русскихъ». Но можетъ ли это быть названо принципомъ? Общественный принципъ непременно требуетъ обоснованія въ дѣйствительной потребности, а сверхъ того, долженъ представлять мѣсто точное, вполне опредѣленное. Но гдѣ же та реальная потребность, которая требовала бы такого новаго откровенія—Россія для русскихъ? А для кого же она? Для панславистовъ, для византійцевъ, для консерваторовъ въ духѣ Ксавье де Местра? Для священнаго союза, который налагалъ на насъ содержаніе огромной арміи, съ цѣлью поддержанія легитимизма и реакціи во всей Европѣ? Для освобожденія разныхъ славянъ, для міровой релігіозной пропаганды, для поддержанія разныхъ чужихъ династій? А вѣдь было время, когда все это входило въ программу той же консервативной партіи. Очевидно, она ошибалась, какъ ошибается и теперь. Очевидно, Россія—для насъ, для живущихъ въ ней, для русскихъ гражданъ, какъ и Франція для гражданъ французскихъ и т. д. Но это—«триумфъ», то есть общее мѣсто, а вовсе не принципъ. Совсѣмъ иначе представится дѣло, если «принципъ» поставитъ такимъ образомъ, что Россія должна при-

надлежать только тѣмъ русскимъ гражданамъ, которые на то получаютъ свидѣтельство отъ редакціи «Моск. Вѣдомостей», «Гражданина», а отчасти—съ провѣркою въ столичномъ «столѣ»—отъ «Новороссійскаго Телеграфа». Это уже были бы русскіе граждане, процѣженные сквозь тенденціозное сито. Прежде всего, прошли бы только одни великоруссы, какъ правовитые обладатели земли русской. Но вѣдь и изъ великоруссовъ далеко не всѣ одобряются упомянутыми ситами и рѣшетами. Штундисты, напримѣръ, и вообще раскольники? А вѣдь они составляютъ значительную часть великорусскаго народа. Либералы, съ ихъ поклоненіемъ тлетворному западу? Вообще, «дряблая» наша, «оторвавшаяся» отъ «китовъ» интеллигенція? Вѣдь противъ штундистовъ наши газетные консерваторы совѣтуютъ принятіе крайнихъ мѣръ, а либералы, въ самомъ юбилейномъ адресѣ сотрудниковъ «Новоросс. Телеграфа» его издателю, названы «праздными говорунами съ разнузданнымъ свободомысліемъ», «врагами Россіи и ея цѣлости». Очевидно, Россія, по мысли этихъ господъ, не можетъ «быть» для тѣхъ русскихъ, которыхъ они хотятъ строжайше карать, и для тѣхъ русскихъ, которыхъ они называютъ врагами Россіи. Россія и не для какихъ бы то ни было раскольниковъ, конечно. Но затѣмъ, переходя и къ православному великорусскому крестьянству, можно ли признать за нашими газетными консерваторами желаніе такъ устроить Россію, чтобы крестьянамъ жилось въ ней лучше, чтобы Россія, то есть государство сдѣлало для нихъ нѣсколько болѣе, чѣмъ доселѣ? Нѣтъ, «Гражданинъ» совѣтуетъ почаще пороть крестьянъ, «Моск. Вѣд.» заботились доселѣ только о «болѣе твердой власти на мѣстахъ», г. Пыхтѣевъ, о которомъ упомянуто выше, требуетъ прекращенія всякой помощи крестьянамъ, потому что они будто-бы мошенники. Но развѣ Россія можетъ быть для «мошенниковъ?» Есть и такіе консерваторы, которые прямо высказываютъ сожалѣніе объ отмѣнѣ крѣпостного права.

Я надѣюсь, газетные консерваторы не рѣшатся, по крайней мѣрѣ, сказать, что въ дореформенную эпоху, которая имъ такъ люба, въ эпоху безусловнаго процвѣтанія консерватизма, Россія, то есть государство было «для русскихъ», большинство которыхъ находилось тогда въ рабствѣ. Надѣюсь, никто не осмѣлится утверждать, будто эпоха освобожденія русскаго крѣпостного народа не сдѣлала болѣе, чтобы Россія была для русскихъ, то есть чтобы государство было для большинства народа, чѣмъ предшествовавшій періодъ—крѣпостного права внутри, священнаго союза, венгерской и крымской войнъ?

«Новоросс. Телеграфъ» можетъ возразить, что онъ не солидаренъ съ цѣлымъ направленіемъ другихъ нашихъ консерваторовъ, положимъ, хотя-бы «Гражданина». Но въ такомъ случаѣ, у одесской газеты не окажется никакой программы, и ея принципъ «Россія для русскихъ» не будетъ означать ровно ничего, кромѣ одной травли евреевъ. А это для цѣлой политической программы—основаніе узковатое. Да если «Новоросс. Телеграфъ» и не заботился вмѣстѣ съ «Гражданиномъ» о томъ, чтобы Рос-

сія прилежнѣе стегала русскихъ крестьянъ, то одесская газета все-таки высказывала, что когда предводитель бьетъ рабочаго, то при этомъ нѣтъ оскорбленія личности рабочаго, а есть только «взысканіе старшимъ съ младшаго». Очень хорошо, но въ такомъ случаѣ необходимо уже существенно измѣнить формулировку «принципа» и говорить не — «Россія для русскихъ», но — «Россія для нѣкоторыхъ русскихъ», имѣющихъ положеніе, пользующихся почетомъ. Да къ такому результату нельзя и не прийти, путемъ постепеннаго элиминированія изъ состава самого великорусскаго населенія—всѣхъ тѣхъ элементовъ, за которыми наши газетные консерваторы не хотятъ признавать равноправности: либераловъ, «дряблой» интеллигенціи, раскольниковъ, крестьянъ и рабочихъ, которыхъ будто-бы слѣдуетъ держать въ условіяхъ особой и строгой опеки. Выходитъ, по этому взгляду, что Россія—не для нихъ, не для большинства, хотя-бы и одного великорусскаго населенія, а только для тѣхъ категорій гражданъ и для тѣхъ единичныхъ выскочекъ изъ неравноправной массы, которые получаютъ отъ «Гражданина» и «Моск. Вѣд.» — непосредственно или по рекомендаціи «Новоросс. Телеграфа» въ столицы — удостовѣреніе, что главнымъ образомъ для этихъ-то кружковъ и лицъ Россія и существуетъ.

Въ юбилейныхъ рѣчахъ нѣсколько разъ повторялось, что издатель «Новор. Тел.» г. Озмидовъ — ни либераль, ни консерваторъ, а просто русскій человѣкъ. Но въ такомъ случаѣ этотъ русскій человѣкъ самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ. Или онъ полагаетъ, что быть русскимъ, французомъ, нѣмцомъ, значитъ имѣть политическую программу? Но напр. В. С. Соловьевъ — истинно русскій человѣкъ, быть можетъ, болѣе несомнѣнно, чѣмъ самъ г. Озмидовъ, котораго фамилія все-таки звучитъ какъ-бы инородчески!

Мнѣ кажется, сотрудники одесской газеты на юбилей слишкомъ ужъ «низенько кланялись» своему издателю и черезчуръ захвалили его: и и энергиченъ-то онъ, и труженикъ, и строгъ, и горячъ, но въ то же время справедливъ, добръ, и легко прощаетъ провинности. А наконецъ, въ одномъ изъ послѣдующихъ нумеровъ, въ заключительной замѣткѣ о бывшемъ юбилей, нѣкій сотрудникъ Метеоръ совсѣмъ уже зарапортовался: «Сегодняшній номеръ газеты — пишетъ онъ — да послужитъ однимъ изъ звеньевъ, связывающихъ темное прошлое нашей планеты съ свѣтлымъ ея будущимъ. Каждый номеръ есть шагъ впередъ, есть видимый актъ движенія, есть стремленіе къ свѣту, къ лучшей жизни, къ совершенству, къ безсмертію!» Ну, конечно, «движеніе впередъ», совершенно какъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» и въ «Рижскомъ Вѣстникѣ». Но о нашей планетѣ и «безсмертіи», это ужъ того... Неужели и 9 числа, т. е. на 10-й день, все еще такъ говорили?

Одинъ изъ сотрудниковъ объяснялъ издателю въ день юбилея поднесеніе г. Озмидову его конторою иконы: «по ученію Церкви, архистратигъ небесныхъ силъ, имя котораго вы носите, низвергъ зло—дѣвола; и вы боретесь противъ зла всѣми силами вашими». Сказано также довольно

сильно. Редакція «Новоросс. Телеграфа» получила не мало поздравленій: отъ «Всемирной иллюстраціи», «Южнаго Края», «Сына Отечества» и «Живописнаго Обозрѣнія», отъ «Вѣстника Опытной физики и Элементарной Математики» и отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ отъ М. Г. Савиной и отъ цензора. Прислали выраженія сочувствія нѣсколько подписчиковъ и нѣкоторые, вѣроятно, личные знакомые. Вотъ, что писалъ одинъ изъ нихъ: «культъ истины и мужественно неприятная проповѣдь— это два краеугольныхъ камня, на которыхъ зиждется значеніе той части печати, которую называютъ силой...» Подписано: «ветерин. врачъ И. Хаджоуло». Въ этомъ, конечно, можно видѣть лишь привѣтствіе, такъ какъ распознаваніе камней, на которыхъ зиждется значеніе печати, не входитъ въ специальность поздравлявшаго.

Да вотъ, я согласенъ напр. съ тѣмъ, что «Южный Край» говоритъ о критикѣ. Какая причина, спрашиваетъ консервативная газета, что масса читателей восхищается разными бездарностями и посредственностями, а нѣкоторыхъ, даже наиболѣе выдающихся поэтовъ, знаетъ мало? Далѣе привожу текстъ: «причинъ есть много; одна изъ главныхъ заключается въ нашей критикѣ, которая за послѣднія 30 лѣтъ или замалчивала крупнѣйшія явленія нашей словесности, или относилась къ нимъ съ поразительнымъ легкомысліемъ и верхоглядствомъ». Не могу не быть согласенъ съ этимъ, потому что я самъ, съ нѣкоторой подробностью, высказывалъ тотъ же взглядъ. «Южный Край» заключаетъ такъ: «при такой критикѣ, нечего удивляться литературному безвкусію и литературному невѣжеству, составляющему одну изъ особыхъ примѣтъ нашей интеллигенціи. Каковъ попь, таковъ и приходъ: это дѣло извѣстное». Я привелъ и конецъ статьи. но тѣмъ не менѣе телеграммы съ выраженіемъ сочувствія на юбилей «Южнаго Края» я не пошлю.

Что, впрочемъ, не мѣшаетъ мнѣ, просто по человѣчеству, пожелать издателю «Южнаго Края» г. Іозефовичу, дождаться юбилея и приобрести такой-же домъ, къ которому благополучно дошелъ г. Озмидовъ, шествуя по «тернистому пути», о чемъ онъ дважды упомянулъ въ своей благодарственной рѣчи. Замѣчательно, что объ этомъ домѣ не было ни слова на юбилей, хотя домъ составляетъ весьма солидный издательскій результатъ. Восполню этотъ пробѣлъ, пожелавъ и г. Озмидову достигнуть на тернистомъ пути до второго, еще болѣе красиваго дома.

Л. Прозоровъ.

ПИСЬМА ИЗЪ АМЕРИКИ

XLV. Тяжкія времена въ Соединенныхъ Штатахъ.

Кризисъ «богатыхъ» людей какъ предисловіе къ голодовкѣ рабочихъ массъ.— Первое проявленіе голодовки—въ Чикаго.— Сцены въ городской ратушѣ.— Распространеніе экономического кризиса по всему Союзу.— Быстрая отзывчивость населенія на нужды голоднаго люда.— Дешевыя и бесплатныя столовыя.— Геніальный полководецъ въ кампаніи противъ голодовки.— Образцовая организація дѣла вспомошествованія въ Филадельфій.— Борьба противъ голода въ Чикаго и сенсаціи, вызываемыя Уильямомъ Стэдомъ.— Непрошенный критикъ.— Церкви и призоръ бездомниковъ.

Мрачную лѣтотпись приходится вести въ Америкѣ въ настоящую рождественную пору. Соединеннымъ Штатамъ, этой странѣ, неизмѣнное слѣпое счастье которой давно вошло въ западной Европѣ въ поговорку, приходится въ настоящее время бороться съ такимъ промышленнымъ кризисомъ, который по гигантскимъ размѣрамъ своимъ подходитъ близко къ народному бѣдствію, отъ котораго теперь лишь начала оправляться наша родина. Еще свѣжи у насъ въ памяти тѣ толки, которые держались въ здѣшнемъ обществѣ и въ печати за время сбора и отправки отсюда въ Россію пособій зерномъ и деньгами: какъ часто въ ту пору высказывались мнѣнія насчетъ того, что въ странѣ обширной, богатой разнообразными естественными ресурсами, какова Россія, не могъ бы появиться голодъ среди огромныхъ народныхъ массъ, будь эта страна опутана такою сложною цѣпью желѣзныхъ дорогъ по всѣмъ направленіямъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Указывалось, правда, нѣкоторыми людьми на то, что и здѣсь не въ рѣдкость мѣстныя голодовки, какъ въ штатѣ Канзасѣ, напримѣръ. Но въ глазахъ многихъ эти ссылки на Канзасъ являлись скорѣе подтвержденіемъ вышеприведенной теоріи, такъ какъ фермеры Канзаса, страдавшіе порою отъ голода, проживали вдали отъ желѣзнодорожныхъ сообщеній, и доступъ къ нимъ извнѣ былъ временами крайне затруднителенъ. Однако, при всемъ разнообразіи сужденій по этому предмету, можно поручиться, что никому тогда и на умъ не приходило, что въ такомъ близкомъ будущемъ богатымъ, отменно счастливымъ Соединеннымъ Штатамъ придется на себѣ производить провѣрку этихъ теорій и бороться съ настоящимъ голодомъ.

Не далѣе какъ прошлой осенью, когда въ вашингтонскомъ конгрессѣ велись ожесточенные дебаты въ связи съ финансовымъ законодательствомъ, англійскіе банкиры и ихъ здѣшніе агенты продолжали, пожимая плечами, говорить, что финансовые эксперименты, въ которые то и дѣло вдаются американцы, давно бы въ конецъ подорвали кредитъ и благосостояніе всякой другой страны, но что про Соединенные Штаты, какъ видно, законы не писаны, и что они, при своей здоровой молодой конституціи, изъ всякихъ сумасбродствъ и излишествъ вѣроятно выйдутъ, по прежнему, цѣлыми и невредимыми. Оптимистическое предсказаніе это на этотъ разъ не сбылось, обычное чудо не совершилось. Лѣтомъ, въ самый разгаръ всемірной выставки страну постигъ финансовый кризисъ, нанесшій сильный уронъ Колумбійской выставкѣ, отъ котораго она оправилась лишь за два мѣсяца до ея закрытія. Но то былъ, какъ говорилось тогда, кризисъ «богатыхъ» людей, объ которыхъ жалѣть особенно не приходилось. Между тѣмъ, эти богатые и просто зажиточные люди являлись нанимателями рабочихъ рукъ и ихъ денежные затрудненія неминуемо должны были отозваться на заработкахъ рабочаго люда. Фактъ этотъ еще лѣтомъ сознавался привычными дѣятелями въ сферахъ благотворительности: многіе изъ нихъ еще въ августѣ мѣсяцѣ, на выставкѣ, говорили мнѣ, что готовятся къ необычайно тяжелой борьбѣ съ городской бѣдностью въ теченіе предстоящей зимы. Но дѣйствительность превзошла все наиболѣе пессимистическія ожиданія. Зима только-что началась, самые крутые холода и снѣжные заносы обыкновенно случаются здѣсь въ январѣ, февралѣ, отчасти въ мартѣ мѣсяцѣ, а между тѣмъ по всемъ сколько-нибудь крупнымъ городамъ обычное число нищихъ удвоилось, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже учетверилось, и притомъ нужда сразу стала такъ настоятельна, что повсемѣстно грозитъ прямо голодною смертью многимъ сотнямъ пострадавшихъ, лишь только ослабѣетъ неустанный доселѣ надзоръ за ними многочисленныхъ благотворительныхъ ассоціацій.

Судя по той интенсивности, съ которой проявилась теперь безысходная нужда среди людей, никогда до сего времени не прибѣгавшихъ къ ресурсамъ общественной благотворительности,—сразу стало понятно, что бѣдствіе назрѣвало цѣлыми мѣсяцами, въ теченіе которыхъ многіе рабочіе, не находившіе заработка, успѣли затратить все сбереженія, накопленные ими за прежнія времена.

Раньше всего появился кризисъ въ Чикаго, куда натуральнымъ образомъ направлялись массы рабочихъ въ надеждѣ найти заработокъ при закрытіи выставки, тѣмъ болѣе, что сначала предполагалось сносить все зданія, въ которыхъ этимъ лѣтомъ помѣщались экспонаты. Надежды эти оправдались въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, такъ какъ вывозъ экспонатовъ чрезвычайно затормозился, и теперь дальнѣйшая участь главныхъ зданій выставки обрѣтается въ полнѣйшей неизвѣстности: корпорація Колумбійской выставки, спѣша какъ можно скорѣе ликвидировать свои дѣла во избѣжаніе продленія непрекращающихся до сей поры

громальныхъ расходовъ по содержанію выставки, вошла на этихъ дняхъ въ соглашеніе съ директорами Джаксонъ-Парка, въ силу котораго всѣ главные корпуса Колумбійской выставки, которые по первоначальному контракту должны были быть снесены съ мѣста до наступленія 1-го мая 1895 года, переходятъ въ теперешнемъ ихъ видѣ въ распоряженіе дирекціи парка.

Какъ бы то ни было, но въ настоящее время выставка не доставила работы чающимъ ея — и въ результатъ этого въ Чикаго оказались огромныя толпы люда, преимущественно приплаго, которому рѣшительно негдѣ голову преклонить. По послѣднему исчисленію, сдѣланному совѣтомъ департамента общественнаго призрѣнія штата Иллинойса, въ Чикаго насчитывалось круглымъ числомъ 117000 человекъ, тщетно искавшихъ заработка, изъ нихъ слишкомъ 15000 — безъ всякихъ наличныхъ средствъ къ существованію.

Раннею осенью въ рядахъ празднаго люда, наводнявшаго Чикаго, насчитывалось не малое число воровъ и болѣе крупныхъ преступниковъ, и одно время здѣсь водворилась настоящая эра преступности: обыватели подвергались открытому дневному грабежу на улицахъ, по ночамъ происходили дерзкіе грабежи частныхъ домовъ, такъ что наконецъ люди стали опасаться выходить вечеромъ изъ домовъ безъ крайней на то надобности. Тутъ однако же энергично вступилась въ дѣло полиція и прибѣгла къ крайнему, но весьма дѣйствительному средству возстановленія порядка. Чикаго былъ на время поставленъ въ осадное положеніе; полиціеменамъ были предоставлены исключительно широкія полномочія касательно опроса всѣхъ, кого имъ пожелается изъ попадающихся по заходѣ солнца на улицахъ, и ареста всѣхъ подозрительныхъ лицъ, не прибѣгая къ обычной при такихъ случаяхъ судебной процедурѣ; въ теченіе нѣсколькихъ недѣль палаты для предварительнаго заключенія при полицейскихъ домахъ бывали до того переполнены заключенными, что имъ едва доставало мѣста на то, чтобъ усаживаться на полу, причемъ среди воровъ и профессиональныхъ преступниковъ попадалось, конечно, множество и такихъ людей, которые арестовывались по излишнему усердію полиціи, а не то и по недоразумѣнію. Средство было куда какое неудобное для мѣрныхъ обывателей Чикаго, но они рѣшились перенести всякія неудобства, лишь бы избавиться отъ налетѣвшей на ихъ городъ саранчи преступниковъ — и они достигли этого.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ городскія улицы Чикаго явились сценою для иныхъ драмъ: по нимъ безо всякой видимой цѣли слонялись толпы голоднаго люда, нигдѣ не находящаго себѣ ни заработка, ни прістанища. При наступленіи первыхъ жестокихъ морозовъ положеніе бѣдствующихъ до того обострилось, что не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что, будучи предоставленными самимъ себѣ, эти несчастные, лишенные недостаточностью питанія послѣдней энергіи, будутъ просто гибнуть какъ мухи на морозныхъ улицахъ, если не открыть имъ какого ни на есть пріста-

нища. Тогда рѣшено было оставлять по ночамъ открытою отапливаемую паромъ городскую ратушу. Слухи объ этой благостынѣ быстро распространились среди бездомнаго люда. По наступленіи ночи посѣтителі прибывали въ зданіе ратуши съ каждымъ днемъ все въ большемъ и большемъ числѣ, такъ что во всемъ ея нижнемъ этажѣ и въ корридорахъ и пріемныхъ второго этажа, предоставлявшихся къ услугамъ посѣтителі, люди спали въ повалку, а въ послѣдствіи толпа ночами возростала до такой степени, что людямъ негдѣ уже было и растянуться на полу и приходилось всю ночь проводить сидя, тѣсясь елико возможно. Бывали ночи, когда въ зданіе ратуши набивалось до шести тысячъ человѣкъ,—но тутъ уже вступилась полиція, не пропускавшая въ ратушу болѣе людей, чѣмъ могло въ ней спать, растянувшись на полу.

Ночлежники эти вели себя вполне прилично, тихо, и пьяныхъ между ними совсѣмъ почти не попадалось; при каждомъ, притомъ, неизмѣнно, оказывалась газета, которую онъ разстилалъ подъ собою на полу, укладываясь спать, стараясь сколько-нибудь уберечь свое платье. Всего лишь разъ дошло между ночлежниками ратуши до серьезной свалки: между ними одною ночью оказалось около двадцати человѣкъ, имѣвшихъ при себѣ кое-какіе гроши, на которые въ складчину послали за сандвичами и, въ ожиданіи лакомаго ужина, расчистили мѣсто на полу, покрывъ его вмѣсто скатерти газетами; лишь только показались затѣмъ принесенные сандвичи и счастливыцы стали дѣлить ихъ между собой, какъ на нихъ, точно заранѣе стоворясь, ринулось нѣсколько сотъ человѣкъ, и произошла такая безобразная свалка, что въ ней затоптаны были всѣ принесенные сандвичи. Когда же буйновъ уняли и выпроводили на улицу, на мѣсто дѣйствія подоспѣли зрители свалки и принялись отколупывать отъ грязнаго пола затоптанный хлѣбъ и мясо и съ жадностью набивать ими рты...

Между тѣмъ ночлежники ратуши далеко не принадлежали къ разряду заурядныхъ бездомныхъ бродягъ. Преподаватель статистики социологическаго отдѣла университета Чикаго, профессоръ Исаакъ Хурвичъ рѣшилъ воспользоваться настоящимъ временемъ для собиранія возможно всестороннихъ статистическихъ свѣдѣній среди массы шатающагося, незанятаго люда, въ видахъ наиболѣе точнаго опредѣленія того, на комъ тяжелѣе всего отозвался этотъ кризисъ, вызванный реакціей, послѣдовавшей за выставкой въ самомъ Чикаго, общенациональными промышленными и финансовыми кризисами и опрометчивымъ финансовымъ законодательствомъ. Производя эти изслѣдованія путемъ опроса празднаго люда въ разныхъ частяхъ Чикаго, проф. Хурвичъ обходилъ ночлежные дома въ сопровожденіи цѣлой партіи студентовъ университета, помогавшихъ ему въ сборѣ данныхъ, и, между прочимъ, посѣтилъ и ратушу въ ночную пору, когда въ ней насчитывалось свыше 4000 чел. ночлежниковъ. Въ результатѣ опроса 125 человѣкъ оказалось, что изъ нихъ всего одна треть чернорабочіе или лица, не имѣющія никакого спеціальнаго промысла; двѣ же трети опрошенныхъ были изъ класса ремесленниковъ,

зарабатывающихъ въ обычныя времена отъ трехъ до четырехъ долларовъ, на своихъ харчахъ. Особенно много было поваровъ и лакеевъ, машинистовъ и рабочихъ съ сигарныхъ фабрикъ, которые уже, конечно, не были привлечены въ Чикаго выставкой, а лишились заработка вслѣдствіе закрытія заводовъ и фабрикъ и всеобщаго сокращенія расходовъ хозяевами и потребителями. Большинство опрошенныхъ были люди холостые, весьма много было клерковъ средняго образованія. Несмотря на то, что цѣна на рабочія руки по всѣмъ отраслямъ должна была по мѣрѣ приближенія тяжелыхъ временъ сильно пасть, какъ тутъ было дознано профессоромъ Хурвичемъ, только двое изъ опрошенныхъ имъ лицъ зарабатывали за послѣднее время менѣе доллара въ день; 64 чел. получали отъ доллара до двухъ долларовъ въ день, 20 чел. отъ двухъ до трехъ дол., а четверо зарабатывали свыше трехъ долларовъ въ день. Среди опрошенныхъ оказался всего одинъ членъ рабочихъ союзовъ, тогда какъ многіе заявляли, что вышли изъ союзовъ лишь за послѣднее время. Профессоръ Хурвичъ и сотрудники его предполагаютъ, что по меньшей мѣрѣ сто чел. (изъ опрошенныхъ въ ратушѣ 125 или 130 чел.) дали отвѣты вполне правдивые — даже и по части своихъ долговъ: по мнѣнію этого профессора, долги у человѣка въ такомъ положеніи служатъ скорѣе къ чести его, нежели ко вреду его репутаціи, такъ какъ свидѣлствуютъ о довѣріи къ нему людей, лучше всего его знавшихъ.

Мы приводимъ въ такой подробности данныя, выясненныя при этомъ случаѣ въ Чикаго потому, что онѣ являются повтореніемъ того, что дознано тѣмъ же дѣятелемъ и его пособниками въ теченіе двухъ недѣль тщательной работы въ различныхъ частяхъ этого города, и являются подтвержденіемъ менѣе систематичныхъ и не столь научныхъ методовъ наблюденій, практикуемыхъ въ данное время и у насъ, въ Нью-Йоркѣ. Народъ доведенъ безработицей до такой крайности, что газеты изо-дня въ день приводятъ все болѣе и болѣе длинныя перечни лицъ, прибѣгающихъ отъ голода къ самоубійству въ цвѣтъ лѣтъ и силы. Въ настоящее время не подлежитъ уже ни малѣйшему сомнѣнію, что настоящій кризисъ всюю силою своею обрушился на тотъ классъ людей, которымъ держится богатство и благосостояніе страны—на здоровое, работающее, молодое населеніе, отнюдь не привычное рассчитывать на общественную благотворительность и оскорбляющееся малѣйшимъ намекомъ на предложеніе подаянія въ какой бы то ни было формѣ. Понятное дѣло, что слабые и немощные первые пали въ теперешней обострившейся здѣсь борьбѣ за существованіе, но они быстро были распределены на попеченіе обычныхъ пріютовъ и ассоціацій, организованныхъ спеціально для вѣднія подобныхъ случаевъ. Но вслѣдствіе необычайнаго множества лицъ, вынужденныхъ по старости или слабости здоровья прибѣгать въ настоящую зиму къ пособію благотворительности, учрежденія эти быстро переполнились. Помимо обычныхъ благотворителей, теперешняя тяжкая година бѣдствій пробудила тлѣющую во всѣхъ почти природныхъ американцахъ искру со-

страдательности. Читая изо-дня въ день газетныя телеграммы, приходится постоянно отмѣчать тотъ фактъ, что экономическая болѣзнь съ каждымъ днемъ захватываетъ все большій и большій районъ, какъ холера или какая-нибудь иная злостная эпидемія, причемъ, соотвѣтственно возрастанію бѣдствія, растетъ повсемѣстно какъ общественная, такъ и частная благотворительность. Бѣдствіе такъ велико и широко въ сферѣ своего захвата, такъ очевидно, что побуждаетъ къ дѣйствію энергичныхъ людей рѣшительно всѣхъ общественныхъ сферъ: всегда занятые и далеко не славящіеся своею щедростью негоціанты, дѣльцы и политическіе дѣятели не только жертвуютъ теперь деньги на организацію пособія рабочимъ массамъ и нуждающимся вообще, но поступаются своимъ драгоценнымъ временемъ на то, чтобы лично работать въ интересахъ какой-нибудь данной организаціи, успѣшность и дѣйствительность которой становится такимъ образомъ дѣломъ личнаго для нихъ интереса, можно-бы сказать даже чѣмъ-то въ родѣ спорта, если бы дѣло не шло о сохраненіи человѣческихъ жизней и не менѣе драгоценнаго чувства самоуваженія въ рабочихъ массахъ, заставляющихъ столь многихъ чураться до послѣдней крайности всего, что сколько-нибудь отзывается благотворительностью.

Ниже будутъ поименованы наиболѣе интересныя организаціи, возникшія за послѣднія недѣли по большимъ городамъ страны; теперь же мы ограничимся простымъ заявленіемъ того, что комитеты общественной помощи организованы въ данное время гражданами, коммерческими палатами и разными иными чисто коммерческими и дѣловыми ассоціями людей. Методы организаціи помощи различны, но въ общемъ весьма разумны и по мѣрѣ возможности рассчитаны на предотвращеніе пауперизаціи населенія. Такъ, въ городѣ Толидо созданъ былъ въ мѣстномъ большомъ оперномъ домѣ большой митингъ, на которомъ ораторы выяснили публикѣ положеніе и объявили тутъ-же подписку. Рѣшено было собрать среди зажиточныхъ гражданъ 25000 долларовъ. Письменные обязательства пожертвованій тотчасъ-же посыпались въ организованный комитетъ помощи, и тотъ немедленно приступилъ къ дѣлу, имѣя, какъ уже сказано, письменное удостовѣреніе множества гражданъ въ томъ, что каждый изъ нихъ готовъ будетъ уплачивать обѣщанныя имъ пожертвованія лишь только придетъ на то его очередь. Комитетъ нанялъ большое помѣщеніе въ томъ-же оперномъ домѣ, въ которомъ состоялся митингъ, и открылъ въ немъ складъ продажи хлѣба, чая, кофе, сахара и необходимѣйшихъ жизненныхъ припасовъ по оптовымъ цѣнамъ въ маломъ количествѣ; тутъ-же продавался по оптовымъ цѣнамъ и уголь; 50 человѣкъ клерковъ было нанято для продажи припасовъ нуждающимся и веденія счетной части предпріятія, а добровольный отрядъ дѣятелей безвозмездно дежурилъ при помѣщеніи, подавая желающимъ совѣты насчетъ мѣсть, гдѣ можно находить работу.

Въ Милуоукѣ дѣло поставлено иначе: тамъ вмѣсто раздачи провизіи устроены столовыя, гдѣ поставляютъ ѣду за самую дешевую цѣну; въ трехъ такихъ столовыхъ, за первыя двѣ недѣли ихъ открытія, доставлена

ѣда 25000 человекъ, считая и то, что уносилось желающими на домъ. Однако же во всѣхъ городахъ на такого рода вспомошествованія смотрятъ не иначе какъ на временный, вспомогательный методъ дѣйствія, и всѣ успія склоняются къ тому, чтобы какъ можно скорѣе доставить всѣмъ здоровымъ людямъ работу и выживать съ мѣста всѣхъ бродягъ и лѣнтяевъ, которые всегда сбѣгаются массами на даровые хлѣба. Въ виду этого, при большинствѣ даровыхъ столовыхъ, здоровымъ мужчинамъ даютъ ѣду не иначе, какъ въ видѣ платы за часъ работы, заставляя ихъ пилить и рубить дрова, мести улицы или исправлять какую-нибудь иную работу; притомъ при столовыхъ никому не дозволяется и работать больше трехъ часовъ времени, въ обмѣнъ за которые рабочему дается завтракъ, обѣдъ и ночлегъ; ограничено время работы ради того, чтобы, даже при ограниченности средствъ, доставить хотя-бы необходимое пропитаніе всѣмъ голодающимъ.

Щедро жертвуя деньги на разнородные методы вспомошествованія, просвѣщенные граждане городовъ озабочиваются главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы учредить какія-нибудь муниципальныя работы въ большихъ размѣрахъ; въ тѣхъ городахъ, гдѣ наличныхъ денегъ не имѣется, предполагаютъ испросить въ январѣ у мѣстнаго законодательства разрѣшеніе данному городу заключить заемъ для сбора денегъ на разбитіе новыхъ парковъ, на мощеніе улицъ, на проведеніе каналовъ и проч.

По городамъ средней величины дѣло спорится, въ особенности тамъ, гдѣ установлено самоуправленіе и муниципальные финансы не поставлены въ зависимость отъ законодательнаго собранія всего штата, какъ въ Нью-Йоркѣ, напримѣръ. Гораздо сложнѣе и труднѣе дѣло помощи праздному люду по большимъ городамъ, гдѣ благотворителямъ приходится остерегаться того, чтобы, доставляя работу однимъ, не подрывать источниковъ заработка другихъ, которые сами умудряются доставать себѣ средства къ существованію, не приходитъ въ столкновенія съ распоряженіями разныхъ рабочихъ союзовъ, а главное, соразмѣрять средства и размѣры вспомошествованій съ численностью тѣхъ, кого придется обезпечить заработкомъ на нѣсколько мѣсяцевъ зимняго времени. По послѣднимъ опубликованнымъ здѣсь статистическимъ даннымъ, доставляемымъ во многихъ городахъ мѣстною полиціею и прочно организованными благотворительными ассоціаціями, общее число празднаго люда во всѣхъ штатахъ доходитъ до громадной цифры пятнадцати милліоновъ человекъ обоого пола, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одна треть успѣла уже проѣсть всѣ свои сбереженія.

Съ другой стороны, интеллигентно примѣняемые методы помощи нуждающимся являются столь плодотворными, что, судя по тому, что въ этомъ отношеніи сдѣлано, можно ожидать блестящихъ результатовъ въ самомъ недалекомъ будущемъ. Взять для примѣра хотя-бы Бостонъ: не далѣе какъ двѣ недѣли тому назадъ, въ городѣ были собраны вполне достоверныя статистическія свѣдѣнія по 37-ми различнымъ отраслямъ труда

и дозвано, что въ ту пору въ одномъ Бостонѣ насчитывалось 33390 человекъ мужинъ, не имѣющихъ никакого заработка. Мэръ города Mr. Matthews оказался тутъ на высотѣ своего призванія. Какъ и повсюду въ другихъ мѣстахъ, былъ созванъ митингъ, на которомъ наиболѣе именитые и богатые граждане города сошлись съ представителями рабочихъ союзовъ, пасторами всякихъ исповѣданій и постоянными дѣятелями среди немущаго люда и, столковавшись насчетъ того какъ вести дѣло, открыли подписку, образовали комитетъ, и первымъ дѣломъ направили всѣ старанія на то, чтобъ побудить какъ можно большее число зажиточныхъ людей предпринимать постройки и инныя работы для доставленія необходимаго заработка нуждающимся, тогда какъ пасторы и католическіе священники озаботились открытіемъ временно по ночамъ отопляемыхъ церковей своихъ для пріюта бездомниковъ, приравнивая настоящее бѣдствіе къ военному времени, когда церкви служили пріютомъ для раненыхъ на полѣ битвъ. Мѣстные же полицмены обходили, въ сопровожденіи спеціально на то дѣло отряженныхъ людей, всѣ дома достаточныхъ гражданъ, побуждая всѣхъ жертвовать, что могутъ, изъ остатковъ своего стола и изъ стараго платья на неотложное удовлетвореніе нуждъ голоднаго и холоднаго люда, пока тотъ не будетъ обезпеченъ заработкомъ по муниципальнымъ работамъ, со всевозможною поспѣшностью налаживаемымъ мѣромъ. Однимъ словомъ, лучшіе энергичные граждане города дружно принялись за дѣло помощи—и въ какихъ-нибудь двѣ недѣли достигли поразительныхъ результатовъ: послѣднія телеграммы изъ Бостона сообщаютъ о томъ, что тамъ произведенъ былъ тщательный обходъ всѣхъ домовъ въ рабочихъ кварталахъ города, и опытными ревизорами дозвано, что число мужинъ, не добившихся заработка, въ настоящее время ограничивается числомъ 10000 человекъ, которыхъ сравнительно нетрудно будетъ пристроить, тѣмъ болѣе, что въ наличности оказывается вдоволь работы и для всѣхъ женщинъ, желающихъ таковой...

Тяжкая нужда и настоятельная необходимость посторонней помощи проявились во всей ихъ яркости, и организація этой помощи ведется съ такою поспѣшностью, что не удивительно, если въ дѣлѣ принимаютъ участіе многія лица, вмѣшательство которыхъ можетъ, въ сущности, принести много вреда, такъ какъ они упорно держатся старинныхъ методовъ благотворительности: даютъ подаваніе безъ разбора, кормятъ всѣхъ, кто ни обратится къ нимъ, и слѣдовательно, по ученію адептовъ научной благотворительности, плодятъ пауперизмъ. Впрочемъ, даже такой серьезный служитель чистой науки, какъ вышеупомянутый профессоръ Хурвичъ, открыто высказывается въ томъ смыслѣ, что хотя подаваніе милостыни положительно вредно, но на ѣду имѣетъ право каждый голодный человекъ, будь онъ хотя-бы отъявленнѣйшій воръ или лѣнтяй.

При неотложности требованій истощенныхъ голодомъ людей слѣдуетъ еще удивляться тому, какъ зрѣло обдумываются многія подробности методовъ вспомошествованія въ видахъ наибольшей производительности тако-

выхъ и распредѣленія самыхъ даже ограниченныхъ суммъ среди наибольшаго числа нуждающихся. Такъ, напримѣръ, въ Бостонѣ при организаціи работъ отъ города по закладкѣ мостовыхъ и постройкѣ водосточныхъ трубъ, съ самаго начала принялись платить рабочимъ обычныя цѣны за такого рода трудъ, дабы не возбуждать протестовъ со стороны рабочихъ союзовъ, ревниво охраняющихъ установленную въ Америкѣ высокую заработную плату. Но плата черноработчимъ и въ настоящее время по полутора доллара за рабочій день, каждому нанятому человѣку предоставляли работать лишь черезъ день, а другимъ—черезъ недѣлю; этимъ притомъ достигалось и то, что человѣку, недовольному размѣрами заработка, оставалось время наводить справки о иной работѣ на сторонѣ, при нахожденіи которой онъ уходилъ съ городскихъ работъ и тѣмъ очищалъ мѣсто другому.

Въ Нью-Йоркѣ же, гдѣ первыя работы для пособія нуждающимся были установлены ассоціаціей регулированія благотворительности, такъ называемую *Charity Organization Society*, и по сию пору платятъ по полудоллару за рабочій день, заканчивающійся пятью часами вечера, причѣмъ работа здѣсь дается всякому желающему безъ отказа, а рабочіе союзы до сей поры не протестуютъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ нашемъ городѣ за извѣстный срокъ работы человѣку улачиваютъ обѣдомъ и постелью для ночлега.

Первыми спохватились насчетъ размѣровъ надвигающейся на рабочій людъ тучи интеллигентные дѣятели въ бѣднѣйшихъ кварталахъ города. Я говорю объ ассоціаціи молодыхъ университетскихъ ученыхъ, которые, устроивъ въ Нью-Йоркѣ подобіе лондонскаго *Toynbee Hall*, учрежденнаго молодымъ энтузіастомъ, нынѣ умершимъ, *Arnold Toynbee*, живутъ въ близкомъ общеніи съ рабочею молодежью въ самыхъ бѣднѣйшихъ кварталахъ восточной части города, на самомъ рубежѣ нью-йоркскихъ трущобъ. Женское учрежденіе этого рода называется *College Settlement*, а мужское—*University Settlement*, разросшееся изъ прежней организаціи *Neighborhood Guild*. Члены и того и другого еще съ мѣсяць тому назадъ принялись собирать среди своихъ зажиточныхъ друзей деньги и ранѣе всѣхъ другихъ обществъ организовали своеобразную помощь нуждающимся. Мужское поселеніе *University Settlement* ежедневно нанимаетъ 100 человѣкъ праздныхъ людей и, вручая имъ щетки и лопаты, заставляетъ ихъ мести улицы въ трущобной части города, которыя иначе не дождались-бы этой чести долгое время, и платятъ каждому по доллару въ день. При женскомъ домѣ *College Settlement* благотворительность проявляется въ различныхъ формахъ, но самая существенная помощь подается черезъ посредство этой ассоціаціи женщинъ высшаго образованія извѣстной дѣятельницей въ бѣднѣйшихъ слояхъ городского населенія, Mrs. Chas. Shaw Lovell. Неограниченное довѣріе, которымъ она пользуется среди состоятельныхъ нью-йоркцевъ, доставило ей средства на то, чтобъ собрать большую сумму денегъ, обращенную ею на покушку

большой партіи всякаго рода матерій, и на наемъ помѣщенія въ наиболѣе заселенной трущобной части города, гдѣ она открыла большую мастерскую, въ которой дается работа, на мѣстѣ или ба домъ, множеству нуждающихся въ работѣ женщинъ; выдѣлываемое въ этой мастерской платѣ отправляется на далекій Югъ для раздачи бѣднымъ неграмъ, потерявшимъ все свое имущество за время осеннихъ морскихъ бурь, снесшихъ ихъ дома съ острововъ, на которыхъ они жили.

Такого-же рода мастерская открыта ассоціаціей Christian Alliance Society, но уже для мужчинъ-портныхъ, не находящихъ себѣ заработка обыкновенными путями; мѣсто помѣщенія обихъ этихъ мастерскихъ содержится въ строжайшей тайнѣ, такъ какъ иначе онѣ привлекли-бы такую массу желающихъ работы, что съ этой толпой не въ силахъ были-бы и справиться. Самой мнѣ посѣтить эти мастерскія еще не удалось, но организаторы ихъ мнѣ говорили: «Въ мужской нашей мастерской все, какъ на подборъ, ваши соотечественники, все съ фамиліями на «скій» и на «ичъ...» Такимъ образомъ оказывается, что американцамъ, столь щедро жертвовавшимъ на помощь голодающимъ въ Россіи годъ или два тому назадъ, приходится теперь отнимать послѣдніе куски изо рта своихъ бѣдняковъ, чтобъ отдавать ихъ русскимъ-же, такъ какъ эти русскіе евреи такъ жалки и безпомощны, что, будучи предоставлены самимъ себѣ, не найдутъ себѣ никакого исхода кромѣ голодной смерти.

Подобная-же женская мастерская открыта въ трущобныхъ кварталахъ обществомъ «Этической культуры»—и въ ней почти всѣ швеи изъ русскихъ евреекъ. Общество это не располагаетъ особенно большими денежными ресурсами, но зато богато энергическими, интеллигентными членами, которые часто зачисляются въ ряды добровольцевъ пособниковъ, дѣятелей мужского «Университетскаго поселенія»—благо эта организація старательно избѣгаетъ, въ сношеніяхъ своихъ съ рабочею молодежью, затрогивать какіе-бы то ни было религіозные вопросы, дабы не пробудить оппозиціи своей дѣятельности со стороны протестантскаго или католическаго духовенства: общество «Этической культуры» сплошь состоитъ изъ агностиковъ. Полезное воздѣйствіе университетской молодежи, зачислившейся волонтерами «Университетскаго поселенія», сильно за послѣднее время возросло, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ сюда вернулся изъ Англіи извѣстный по своей энергіи въ этой сферѣ дѣятельности д-ръ Стантонъ Койтъ, воздѣйствіе котораго велико здѣсь даже и въ средѣ капиталистовъ, признающихъ практичность совѣтовъ Койта и часто жертвующихъ деньгами согласно его указаніямъ—въ особенности за послѣднее время.

Стараніями этого практическаго дѣятеля и преисполненныхъ энергіи и самоотверженности молодыхъ сотрудниковъ его «Университетское поселеніе» сумѣло завязать самыя тѣсныя дружескія сношенія съ руководителями здѣшнихъ рабочихъ союзовъ. Помимо раздачи большихъ работъ подъ контракты и увеличеннаго размѣра работъ по всѣмъ отдѣламъ муниципальнаго хозяйства, въ Нью-Йоркѣ готовятся приступить къ постройкѣ

новой ратуши, огромнаго зданія, имѣющаго доставить заработокъ многимъ сотнямъ людей въ теченіе долгаго времени. Въ Балтиморѣ строится съ той-же цѣлью новое зданіе суда; и во всѣхъ городахъ, гдѣ только есть какая-нибудь надобность въ новыхъ муниципальныхъ зданіяхъ, направляють все усилія къ тому, чтобъ немедля приступить къ постройкѣ такихъ и, гдѣ нѣтъ на то требуемыхъ суммъ, таковыя собираются путемъ выпуска городскихъ облигацій. Хотя все это дѣлается, въ сущности, для вспомошествованія рабочаго населенія страны, тяжесть же займовъ падеть на всѣхъ городскихъ обывателей, но никто противъ этого не протестуетъ: не столько по состраданію къ положенію рабочихъ, сколько по сознанію того, что деньги эти, облегчивъ положеніе рабочихъ, немедленно-же послужатъ къ оживленію торговли вообще и помогутъ странѣ скорѣе выйти изъ настоящаго кризиса, который, даже по заявленію такого интеллигентнаго и оптимистическаго изслѣдователя, каковъ Чаунсеу Дереву, знаменитый президентъ вандербильтскихъ желѣзныхъ дорогъ, является несравненно болѣе тяжелымъ и общераспространеннымъ, чѣмъ все кризисы, настигавшіе Соединенные Штаты за послѣднія тридцать лѣтъ.

Мэръ Нью-Йорка, м-ръ Гилрой, принадлежитъ ко всемогущей въ Нью-Йоркѣ политической организаціи Таммани-Халль; каковы-бы ни были злоупотребленія властью членами этой организаціи, захватившими въ свои руки все доходныя мѣста въ муниципальномъ управленіи, приходится все же сказать, что все старанія ея въ настоящее время направлены на сборъ и распредѣленіе пособій среди нуждающихся, а сила Таммани-Халль главнымъ образомъ и основывается на ея знаніи нуждъ рабочаго класса и близости къ народнымъ массамъ, изъ которыхъ вышли все лидеры этой мощной организаціи. Городъ оцѣпленъ цѣлою сѣтью крупныхъ и мелкихъ клубовъ Таммани, каждый изъ нихъ пользуется большимъ вліяніемъ въ томъ кварталѣ, гдѣ помѣщается; теперь же эти клубы организовали цѣлую систему обложеній членовъ своихъ въ пользу празднаго поневолѣ люда, а такъ какъ клубы эти пополняются почти исключительно обывателями данной мѣстности, знающими въ ней всѣхъ и cadaго, и притомъ, съ помощью мѣстнаго духовенства, преимущественно католическаго, ближе всѣхъ другихъ стоящаго къ простому народу, клубамъ этимъ удается почти безошибочно распредѣлять свои вспомошествованія среди дѣйствительно нуждающихся и достойныхъ временной поддержки людей. Можно себя представить, какъ эта система благотворительности должна усилить въ глазахъ рабочихъ классовъ города престижъ Таммани-Халль, тѣмъ болѣе, что и все муниципальныя работы распределяются тою-же организаціей. Увѣряють притомъ, что Тамманп-Халль отдало инструкціи всемъ своимъ членамъ въ конгрессѣ елико возможно ускорять проведеніе тарифнаго билля Уильсона—въ видахъ возвращенія спокойствія фабрикантамъ и побужденія ихъ къ открытію работъ для праздныхъ фабричныхъ.

Несмотря на сравнительно короткій срокъ, протекшій со времени

пробужденія въ американскомъ обществѣ сознанія величины народнаго бѣдствія, съ которымъ приходится бороться, со всѣхъ сторонъ успѣла проявиться такая энергія въ дѣлѣ организаціи вспомошествованій, что трудно было-бы перечестъ всѣ организаціи старыя и новыя, отдавшіяся этому дѣлу въ данное время. Размѣры журнальной статьи не позволяютъ намъ въ настоящее время останавливаться съ какой-бы то ни было подробностью надъ описаніемъ интересныхъ методовъ дѣйствія, принятыхъ нѣкоторыми здѣшними организаціями. Предоставляя себѣ однако вернуться къ описанію таковыхъ въ теченіе предстоящей зимы, когда дѣло, притомъ, выйдетъ изъ теперешняго своего начальнаго фазиса сравнительной хаотичности, мы ограничимся теперь краткимъ перечнемъ наиболѣе популярныхъ и успѣшныхъ изъ таковыхъ, помимо тѣхъ, что уже были нами упомянуты выше.

Во главѣ комитета 100 человекъ вліятельныхъ гражданъ Нью-Йорка. набравшагося преимущественно изъ банкировъ и адвокатовъ и организованнаго съ цѣлью изысканія средствъ и ускоренія популярной подписки—стоитъ милліонеръ Сноу Ло, бывшій мэръ Бруклина, а въ настоящее время состоящій предсѣдателемъ главнаго университета Нью-Йорка, Columbia College. Сноу Ло пользуется въ равной степени симпатіями и довѣріемъ какъ капиталистовъ, такъ и практичныхъ, интеллигентныхъ дѣятелей въ рабочихъ кварталахъ города, каковы, напримѣръ, устроители и члены университетскихъ поселеній въ трущобныхъ кварталахъ города, и это обстоятельство придаетъ огромную дѣйствительность всему, что предпринимается теперь популярнымъ президентомъ здѣшняго университета. Наибольшая часть денегъ, собранныхъ и распределенныхъ этимъ лицомъ, пошла на учрежденіе дешевыхъ столовыхъ подъ завѣдываніемъ организаціи, получившей названіе *Industrial Christian Alliance*, въ которыхъ за пять центовъ всякій желающій получаетъ кусокъ мяса, ломоть хлѣба и тарелку супа или же чашку чая или кофе. Дешевыя столовыя, гдѣ за плату пяти центовъ можно получить обѣдъ или ужинъ или гдѣ то и другое выдается въ обмѣнъ за работу,—а не то и совсѣмъ бесплатно, открываются во всѣхъ частяхъ города: какъ пасторами, такъ и миссіями и различными полурелигіозными клубами и ассоціаціями, не говоря уже о квартирахъ Арміи Спасенія, въ которыхъ отказа въ пищѣ не бываетъ никому изъ голодныхъ.

Другая организація, преслѣдующая цѣли насажденія нравственности и трезвости и называющаяся *The Vigilance League*, учреждаетъ въ разныхъ частяхъ города трактиры трезвости, которые имѣютъ оказать конкуренцію кабакамъ, такъ какъ здѣсь мало-по-малу приходятъ къ тому заключенію, что кабакъ, собственно говоря,—клубъ бѣдняка, куда его неотразимо тянетъ не столько для выпивки, сколько для того, чтобъ разсѣяться въ кругу себѣ подобныхъ. Въ этихъ трактирахъ Лиги Бдительности будутъ билліарды, карты, разныя игры, всякіе напитки—кромѣ хмѣльныхъ—и закуски; обстановка въ нихъ заводится самая привлека-

тельная, а по вечерамъ они ярко освѣщаются газомъ, для вящаго привлеченія публики. Заправскіе кабаки впрочемъ этихъ новыхъ конкурентовъ не очень опасаются и, съ своей стороны, оказываютъ большую помощь голодному люду, отдавая приходящимъ дѣтямъ даромъ всю провизію, которая остается у кабатчика по окончаніи дня. Не даромъ вѣдь м-ръ Уильямъ Стэдъ заявилъ недавно въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей, что «кабаки болѣе сдѣлали для голоднаго люда, нежели церкви Чикаго».

Все это впрочемъ признается каплею воды въ Сахаръ всеобщей нужды, водворившейся среди рабочаго люда, и теперь по многимъ центрамъ населенія изыскиваются средства къ тому, чтобы обложить всѣхъ обывателей легкимъ налогомъ въ пользу неимущихъ. Для этого вырабатываются разные проекты. Инициатива этого дѣла принадлежитъ главѣ Нью-Йоркской полиціи *Superintendent Byrnes*, который предложилъ всему персоналу столичной полиціи обложить себя налогомъ, въ размѣрѣ половины одного процента съ мѣсячнаго жалованья каждаго, на пользу голодающихъ; это предложеніе принято съ нѣкоторыми поправками и, какъ говорятъ, изъ этого одного источника будетъ получаться по 2000 долларовъ ежемѣсячно.

Далѣе, стараются устроить такъ называемые *Клубы 6—15—99*, которые должны содѣйствовать тому, чтобы всѣ рабочіе, состоящіе при дѣлѣ, уплачивали по сенту за каждый рабочій день или по 6 сентамъ въ недѣлю на пользу лишеннаго заработка люда; чтобы клерки уплачивали по 15 сентовъ, а хозяева и партнеры торговыхъ предпріятій—по 99 сентовъ въ недѣлю на тотъ-же предметъ. Вычисляется, что такимъ образомъ, безъ тяготы для кого-бы то ни было путемъ простаго вычитанія данныхъ суммъ хозяевами изъ жалованья ихъ клерковъ и платы рабочимъ можно было-бы получать по 13750 долларовъ на день, которые предполагается тогда обратить на покрытіе дефицита фабрикъ, соглашающихся снова начать работы и дать заработокъ праздному люду, несмотря на то, что хозяева ихъ не могутъ вести работъ иначе, какъ съ потерей 10% на дѣлѣ, изъ-за недостатка спроса на ихъ произведенія въ настоящее время.

Проектъ этотъ пока еще не вполне созрѣлъ.

Много жертвуется денегъ анонимнымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, неизвѣстная женщина пожертвовала на-дняхъ 71000 долларовъ на устройство епископальной миссіи для призрѣнія голодныхъ и заброшенныхъ дѣтей. Извѣстный богачъ и просвѣщенный филантропъ *Nathan Strass*, нью-іорскій купецъ еврейскаго происхожденія, вотъ уже вторую зиму ведетъ здѣсь обширное благотворительное предпріятіе, покупая уголь большими партіями, прямо съ баржъ, и продавая его, по той-же оптовой цѣнѣ, мелкими мѣрами бѣднѣйшему люду нижней части города. Расходы по помѣщенію склада и жалованье служащимъ при немъ мистеръ Страуссъ уплачиваетъ изъ своего кармана.

Это предпріятіе является такимъ благодѣяніемъ для бѣднѣйшаго класса городского люда, что возбуждаетъ всеобщее одобреніе, а теперь выискался

ему и подражатель. Кто онъ—неизвѣстно, такъ какъ благодѣтель этотъ, желая остаться анонимнымъ, довѣрился лишь мистеру Натану Страуссу, который согласился на деньги этого новаго благодѣтеля открыть въ *Grand Street* складъ чая, сахара и кофе, продавая ихъ мелкими порціями по оптовой цѣнѣ: продажа сразу пошла такъ шибко, что въ складѣ рѣдкій день не бываетъ до 10,000 покупателей и теперь поговариваютъ о томъ, чтобы тамъ-же продавать по оптовой цѣнѣ муку и иные припасы.

Какъ на войнѣ, такъ и въ годину народныхъ бѣдствій являются самостоятельные герои и великіе полководцы и организаторы, порою изъ людей, которые до той поры признавались совершенно незначительными. Въ гражданскую войну 1861 года великимъ полководцемъ оказался, напр., Грантъ, бывший при открытіи войны поручикомъ въ какомъ-то заолудномъ фортѣ и чуть не спившійся тамъ съ круга изъ-за вынужденнаго бездѣлья. Теперь же выдвинулся у насъ на первый планъ въ ряду организаторовъ нѣкто *Oliver Teall*, человекъ богатый, свѣтскій, ведшій доселѣ разсыянную, вполнѣ безцѣльную жизнь. Онъ бросился въ самый пылъ завязавшейся борьбы противъ голода и всецѣло посвятилъ ей себя. Онъ является учредителемъ и душою огромной и сложной организаціи, называемой *Provisional Committee for the Aid of the Hungry*, главная контора которой находится въ *Imperial Hotel*, одномъ изъ первокласныхъ отелей Нью-Йорка. Состоя председателемъ этого *Комитета помощи голодающимъ*, Оливеръ Тяль набралъ себѣ цѣлый отрядъ молодыхъ, интеллигентныхъ помощниковъ, вошелъ въ сношеніе съ мѣстными политическими дѣятелями, полицейскими властями и открылъ весьма успѣшную атаку противъ Полодо.

Энергія мистера Оливера Тяля и его выдающіеся организаторскіе таланты, сознаюсь въ томъ, возбуждаютъ во мнѣ больше симпатіи и удивленія, чѣмъ поразительная щедрость извѣстнаго Питтсбургскаго милліонера *Андрю Карнеги*, стачки рабочихъ на желѣзоплавильныхъ заводахъ котораго, въ Хомстэдѣ, лѣтомъ 1892 г., повели къ кровавымъ стычкамъ съ отрядомъ сыщиковъ Пинкертона, нанятыхъ компаніей Карнеги.

Каково же было изумленіе, когда, послѣдними днями, распространилось здѣсь и затѣмъ вполнѣ подтвердилось извѣстіе объ томъ, что этотъ самый Карнеги вызвался пожертвовать на голодающихъ города Питтсбурга, подъ которымъ находятся его прибыльные заводы, сумму, которая можетъ дойти до громадной цифры четверти милліона долларовъ! Карнеги предлагаетъ, между прочимъ, въ теченіе послѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ жертвовать ежедневно сумму, равную той, которая будетъ жертвуема всѣми другими благотворителями, если она не будетъ превышать количества 5000 долларовъ за каждый будничныи день... Но судя по тому, что на этихъ дняхъ въ самомъ городѣ, при открытіи муниципальных работъ, 2000 человекъ вступили въ рукопашную свалку изъ-за того кому попасть на работу, за которую предлагалась немовѣрно низкая по

здѣшнимъ понятіямъ плата по десяти сентовъ въ часъ—слѣдуетъ думать, что нужда тамъ чрезвычайно обострилась и не излишнимъ окажется и полмилліона долларовъ, если таковой собранъ будетъ тамошнимъ Комитетомъ, съ легкой руки Карнэги.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ центровъ безработицы и лишениій является Филадельфія; но русскіе читатели, которые, конечно, помнятъ съ какою практичностью и систематичностью Филадельфія два года назадъ справилась съ дѣломъ сбора и распредѣленія пожертвованій въ пользу голодающихъ въ Россіи, легко сообразятъ, что и дѣло облегченія нужды поставлено въ этомъ городѣ лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ на этомъ континентѣ. Еще въ 1879 году въ Филадельфій былъ организованъ «Постоянный комитетъ вспомошествованій»: тогда дѣятельность Комитета была обращена на облегченіе голода въ Ирландіи, но затѣмъ эта организація была удержана на всѣ времена, оказывая быструю помощь при всякаго рода народныхъ бѣдствіяхъ, какъ здѣсь, такъ и въ Европѣ; щедрымъ обывателямъ Филадельфій приходится лишь жертвовать деньги въ полной увѣренности, что таковыя будутъ быстро и мудро распредѣлены Комитетомъ помощи, столь опытнымъ въ дѣлахъ этого рода. Въ настоящее время въ Филадельфій насчитывается свыше 50,000 праздныхъ рабочихъ, главнымъ образомъ ткачей и рабочихъ съ мѣстныхъ желѣзныхъ заводовъ: численность празднаго люда выяснена путемъ старательнаго обхода всѣхъ домовъ рабочаго люда и опроса ихъ жильцовъ полицменами и волонтерами «посѣтителями» отъ комитета, предсѣдателемъ котораго по прежнему состоитъ мэръ Стюартъ, а предсѣдателемъ комитета ассигновокъ—Рудольфъ Бланкенбургъ, ѣздившій въ 1892 г. въ Россію для раздачи тамъ пособій, собранныхъ въ пользу голодающихъ.

Филадельфія — самый крупный мануфактурный центръ въ Америкѣ: въ ней насчитывается 400,000 рабочихъ всякаго рода. Не менѣе восьмой части этой массы рабочихъ находится теперь безо всякихъ средствъ къ пріисканію заработка, въ особенности по отрасли желѣзныхъ издѣлій, и дѣло облегченія ихъ положенія является гигантскимъ предпріятіемъ, тѣмъ болѣе, что кореннымъ правиломъ комитета является стараніе какъ можно болѣе щадить самоуваженіе нуждающихся, не привыкшихъ принимать подаянія. Денегъ на руки почти никогда никому изъ нуждающихся не дается, а все вспомошествованіе производится посредствомъ «письменныхъ ордеровъ» на выдачу предьявителю его извѣстнаго количества провизіи, одежды или какихъ иныхъ предметовъ потребленія изъ мѣстныхъ лавокъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда деньги требуются на уплату за квартиру, сотрудники и члены комитета лично входятъ въ сношеніе съ домохозяиномъ и предлагаютъ ему отсрочить свое требованіе платы, выдавая ему письменное поручительство комитета въ томъ, что деньги ему будутъ уплачены. Говорятъ, что домохозяева почти всегда идутъ на такого рода соглашенія. Раздача «ордеровъ» нуждающимся производится черезъ посредство добровольныхъ посѣтителей отъ комитета: нуждающіеся въ

пособіи не бѣвають, слѣдовательно, вынуждены стоять вереницей, выжидая своей очереди на виду у всѣхъ; никто изъ постороннихъ даже и не знаетъ, кто получаетъ пособія и кто пробивается своими средствами, а это является неоцѣнимою выгодною въ дѣлѣ сохраненія самоуваженія рабочихъ, готовыхъ подчасъ лучше умереть съ голоду, чѣмъ заявить себя пауперами.

Сколько въ Филадельфій собрано и потрачено денегъ на облегченіе мѣстной нужды — неизвѣстно, такъ какъ деньги тамъ жертвуются большею частью анонимно, по мѣрѣ того какъ комитетъ помощи заявляетъ о размѣрѣ дальнѣйшихъ требованій своихъ. Можетъ быть, такимъ путемъ въ скромной Филадельфій будетъ собрано на дѣло вспомошествованія нуждающимся не менѣе даже, чѣмъ въ Чикаго — но звонить объ этомъ въ колокола тамъ отнюдь не стануть.

Чикаго же, всегда дѣлающій все *en grand*, и теперь задался мыслью собрать со своихъ горожанъ цѣлый милліонъ долларовъ на облегченіе мѣстной нужды и на организацію общественныхъ работъ въ широкихъ размѣрахъ. Собственно говоря, Чикаго только теперь выходитъ изъ поры экспериментовъ по части вспомошествованія нуждающимся, которое началось, какъ сказано выше, открытіемъ части городской ратуши для пріюта бездомовниковъ по ночамъ. Когда оказалось, что ночлежники эти чуть не гибнуть съ голода, добросердечные люди стали по утрамъ подвозить къ ратушѣ, для раздачи выходящимъ изъ нея ночлежникамъ, цѣлыя корзины и даже возы съ сандвичами и ведрами кофе. Затѣмъ, другіе добрые люди стали нанимать пустующіе дома и сараи, отоплять таковыя и пускать въ нихъ на бесплатный ночлегъ тѣхъ, что не помѣщались въ городской ратушѣ: и тутъ имъ давался даровой завтракъ поутру. Тѣмъ временемъ нужда тамъ такъ обострилась, что закрывать глазъ на дѣйствительность оказалось уже невозможнымъ — приходилось какъ можно скорѣе кормить голодныхъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенствовать систему наиболѣе цѣлесообразной выдачи пособій.

Первымъ, если не ошибаюсь, забилъ тревогу Уильямъ Стэдъ, знаменитый англичанинъ-журналистъ и реформаторъ, издатель *Review of Reviews* («Обозрѣніе Журналовъ»), посѣтившій не такъ давно и Петербургъ. Въ Чикаго Стэдъ прибылъ подъ самый конецъ выставки, заявляя, что пріѣхалъ изучать социальныя проблемы Новаго Свѣта. Материалу по этой части Стэду съ той поры предъявилась масса, жаловаться ему будетъ не на что. Но такой безпокойный человекъ, какъ Стэдъ, не могъ удержаться въ занятой имъ позиціи безпристрастнаго наблюдателя; реформаторъ и филантропъ скоро прорвался наружу, и Стэдъ очутился въ самомъ пылу дѣятельности и агитаціи въ связи съ организаціею помощи голодающимъ: онъ сталъ созывать въ Чикаго большіе митинги, проносить списки на собраніяхъ мѣстныхъ клерджименовъ, посѣщать всевозможные клубы и собранія, такъ или иначе соприкасающіеся со злобами дня, и вездѣ говорилъ зажигательныя рѣчи, призывая добрыхъ

людей къ дѣйствию и нещадно громя индифферентныхъ. Этимъ послѣднимъ Стэдъ приобрѣлъ себѣ много враговъ и значительно подорвалъ полезность своей дѣятельности: американцы терпѣть не могутъ непрощенныхъ критиковъ. Трудно и винить чрезвычайно щедрыхъ и добродушныхъ по природѣ американцевъ за эту нетерпимость къ мнѣніямъ иностранцевъ, прожившихъ здѣсь «безъ году недѣлю»: слишкомъ уже тѣ зазнаются въ своей роли непогрѣшимыхъ судей здѣшней жизни и слишкомъ склонны къ высказыванію горькихъ истинъ по части недостатковъ ближняго. Особенно, къ слову сказать, примѣнимо это къ русскимъ именитымъ посѣтителямъ Соединенныхъ Штатовъ, столь охотно провозглашающимъ здѣсь свои сужденія объ американцахъ съ публичныхъ платформъ.

Когда Стэдъ зарвался наконецъ до того, что заявилъ въ публичной рѣчи въ женскомъ клубѣ Чикаго, что «все богатя женщины Чикаго, не полагающія своихъ денегъ и своего времени на облегченіе всеобщей нужды — «презрѣніе и позориѣ послѣдней блудницы», мѣра долготерпѣнія здѣшняго общества переполнилась, и газеты единогласно стали заявлять, что слѣдовало-бы этому «грязному реформатору» (*this dirty mouthed reformer*) завязать ротъ на все время, которое потребуется на то, чтобъ препроводить его къ ближайшему порту, а оттуда въ Европу.

Жаль, что такую необузданностью рѣчи м-ръ Стэдъ подрываетъ плоды своей собственной полезной дѣятельности. Искренность его въ стремленіи помочь здѣшнимъ несчастнымъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, равно какъ таланты его по организаціи помощи и личная эксцентричность, толкающая его къ совершенію разныхъ кричащихъ поступковъ. На этихъ дняхъ, напр., онъ, нарядившись бродягой, битыхъ три часа, при спящей стужѣ и вѣтрѣ мель, въ ряду прочихъ бездомниковъ, улицы Чикаго и получилъ за то билетъ на ѣду въ дешевыхъ столовыхъ.

Какъ мы сказали уже выше, принимали участіе въ облегченіи крайней нужды «голоднаго и холоднаго» люда и церкви Чикаго, — быть можетъ въ значительной степени подъ вліяніемъ возбудительныхъ рѣчей Уильяма Стэда.

Въ самомъ началѣ возбужденія, охватившаго Чикаго, по поводу огромныхъ размѣровъ вопіющей нужды, пасторы девяти протестантскихъ церквей сѣверной части Чикаго заявили, что отнынѣ они станутъ всякую ночь держать свои церкви открытыми, — дабы всякій безпріютный человѣкъ могъ въ нихъ входить и согрѣваться. Но впоследствии эти девять увлекавшихся энтузіастовъ почему-то измѣнили свои планы и рѣшили открывать ночью, поочередно, лишь одну церковь изъ девяти, — но зато раздавать за ту ночь и ѣду всѣмъ приходившимъ, — ѣду, поставляемую добросердечными прихожанами, изъ которыхъ набирался и комитетъ молодыхъ людей, дежурившихъ въ открытой церкви и раздававшихъ ѣду голоднымъ. Католическія церкви во многихъ городахъ Союза остаются теперь по распоряженію католическаго духовенства открытыми по ночамъ.

Но прихожане богатыхъ протестантскихъ приходо́въ не расположены поступаться своимъ комфортомъ, и въ этомъ дѣлѣ не признають авторитета своего духовенства. Они заявили, что не желаютъ грязнить своихъ церквей, дѣлая ихъ приютомъ всѣхъ бездомныхъ, которые способны заносить туда всякія прилипчивыя болѣзни; но такъ какъ они вполне признають свою обязанность чѣмъ-нибудь откупиться за отказъ давать всякому доступъ въ свои элегантныя церкви—то и составляютъ между собою подписку и затѣмъ нанимають какое-нибудь пустующее зданіе на сторонѣ, отопляютъ, снабжаютъ его лавками и предоставляютъ таковое въ распоряженіе бездомнаго люда для ночлега...

Въ данной статьѣ мы постарались представить болѣе или менѣе полную картину того, что дѣлается въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ въ видахъ облегченія вопіющей нужды огромныхъ рабочихъ массъ. Скоро всѣ методы помощи систематизируются, и тогда откроется фаза обсужденія того, какими мѣрами предупредить повтореніе при-
скорбныхъ сценъ настоящаго года.

В. Макъ-Гаханъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. К р и т и к а .

Народничество и либерализм. Юзовъ, В. В. и Протопоповъ. («Основы народничества», т. I—II, 1888—1893. «Наши направленія», 1893. «Русская Мысль», октябрь, декабрь).

Въ теченіе прошедшаго года нѣкоторые наши журналы удѣлили довольно много мѣста критическимъ замѣткамъ по поводу двухъ сочиненій, появившихся въ 1893 г.: сочиненія покойнаго Юзова объ «Основахъ народничества» и книжки довольно извѣстнаго публициста В. В. о «Нашихъ направленіяхъ». Оба автора нѣкогда служили въ рядахъ правовѣрнаго либерализма, но въ послѣдніе годы обнаружили нѣкоторый расколъ во взглядахъ на задачи русской интеллигенціи по отношенію къ русскому обществу и въ вопросѣ о томъ, какой характеръ имѣеть и должна имѣть русская прогрессивная печать. Нельзя сказать, чтобы книги названныхъ авторовъ представляли собою особенно замѣчательное явленіе въ смыслѣ литературномъ — по силѣ и крѣпости выраженныхъ въ нихъ общефилософскихъ понятій, по глубинѣ и смѣлости анализа поставленной задачи, наконецъ, по простотѣ и ясности политической программы. Покойный Юзовъ, вооруженный скромною эрудиціей въ вопросахъ философскаго и соціологическаго знанія, писатель съ сбивчивой начитанностью въ убогой сферѣ переводныхъ книгъ и русскихъ журнальныхъ статей, не обладая выдающимся публицистическимъ талантомъ, не могъ, конечно, дать намъ настоящаго критическаго разбора тѣхъ непрочныхъ основаній, на которыхъ воздвиглась дѣятельность русской партіи, считающей себя прогрессивною. Въ книгахъ его попадаются мѣткія замѣчанія, врѣзывающіяся случайно въ большое мѣсто русскаго шаблоннаго либерализма. Его нападки на бюрократическую тенденцію «передовой» печати, несмотря на нѣкоторую грубоватость выраженій, на отсутствие смягчающаго оттѣнка, который кладется на самые рѣзкіе полемическіе приемы возвышеннымъ настроеніемъ и внутренней убѣжденностью автора — имѣютъ подъ собою однако реальную почву. Отгадывая чужьемъ коренные недостатки русской исторіи и взывая съ простодушной искренностью несложной

натуры къ болѣе гуманному и болѣе внимательному отношенію къ потребностямъ и нуждамъ народныхъ массъ, Юзовъ всѣми силами стремился поднять свои практическія требованія на высоту теоретическаго идеала, который мелькалъ передъ его глазами — то вырисовываясь съ большою отчетливостью, то совершенно потухая въ туманѣ соціологическихъ понятій, нахватанныхъ изъ популярныя книжекъ, въ хаосѣ непримиренныхъ между собою публицистическихъ воззрѣній, которыя въ разное время господствовали въ русской печати. Книги г. Юзова интересны не сами по себѣ, а только какъ симптомъ паденія и разложенія партіи, которая не сумѣла до сихъ поръ выдвинуть изъ своей среды человѣка съ такимъ міровоззрѣніемъ, въ которомъ получили бы прочную опору всѣ лучшія и высшія стремленія нашего духа. Враждуя съ философіею, отрицая свободное творчество въ искусствѣ, забывая всѣ стремленія людей въ тѣсную рамку утилитарныхъ запросовъ, разрушивъ и доведя до полного ничтожества литературную критику, либерализмъ нашихъ журналовъ естественно долженъ былъ выродиться — съ теченіемъ времени, съ накопленіемъ неразрѣшенныхъ задачъ во всѣхъ областяхъ стѣсненнаго теоретическаго мышленія — во что-то казенное, формальное, лишненное духовныхъ силъ, безсильное бороться за интересы человѣческой личности, безсильное освѣтить дорогу новымъ поколѣніямъ. Младенческій-несостоятельный во всемъ, что болѣе или менѣе отдалено отъ интересовъ даннаго момента, не насыщенный широкими знаніями, вѣчно раздраженный и постоянно сбивающійся на путь какой-то деспотической нетерпимости, русскій либерализмъ или, вѣрнѣе сказать, то направленіе, которое притязаетъ на монополію либерализма, будучи по существу однимъ изъ самыхъ узкихъ выраженій таящихся въ русскомъ обществѣ гуманныхъ силъ и требованій, переживаетъ въ настоящее время кризисъ, которымъ опредѣлится ближайшая исторія нашей культуры. Не борьба между этимъ либерализмомъ и такъ называемымъ русскимъ консерватизмомъ со всѣми его грубыми и слишкомъ очевидными пристрастіями къ юридическому произволу и тѣмъ формамъ жизни, которыя осуждены цѣлымъ рядомъ преобразованій прошедшаго царствованія, создать въ Россіи новые прогрессивные элементы для возрожденія русскаго общества, но именно та борьба, которая возникла въ послѣдніе годы въ самой либеральной средѣ между правовѣрными блюстителями отжившей, мертвой буквы утилитарно-либеральнаго устава и протестантами, сражающимися за эмансипацію свободнаго духовнаго начала, признаніе котораго неизбѣжно влечетъ за собою, какъ логическій выводъ, требованіе широкой соціальной справедливости и юридической свободы. Въ этой борьбѣ вся суть переживаемаго момента. Здѣсь исторія должна сказать свое рѣшающее слово. Правовѣрный либерализмъ падаетъ со скандаломъ при почти всеобщемъ *пониманіи* его духовной несостоятельности, и только люди трусливые, не приученные къ борьбѣ, не глядящіе смѣло впередъ, обезличенные шаблономъ и безжизненными фразами,

не ищутъ исходовъ изъ нестерпимо давящаго положенія вещей. Только рабская вѣрность именамъ и кличкамъ держитъ этихъ слабыхъ людей въ неподвижномъ состояннн. Только малодушіе, связанное съ непривычною критиковать, собственнымъ умомъ разбираться въ важнѣйшихъ теоретическихъ вопросахъ, хватается за старые авторитеты, чтобы имъ защититься отъ протестантовъ новаго поколѣнія. Только люди, ослѣпленные эгоистическими интересами, съ кружковскимъ упорствомъ отстаивающіе свои излюбленные приемы въ литературной и практической борьбѣ за опредѣленные гражданскія начала, могутъ не видѣть, что ихъ паденіе неотвратимо. Оскандалившій себя либерализмъ не можетъ и не долженъ возродиться. Онъ можетъ и долженъ *переродиться* на почвѣ свободного мышленія, въ широкомъ обсужденіи высшихъ цѣлей жизни, онъ можетъ и долженъ обновиться въ источникѣ вѣчныхъ идеаловъ, указывающихъ вѣрные пути къ свободѣ и благу. Не въ книгахъ Юзова нужно искать однако разрѣшенія назрѣвшей исторической задачи. Не въ его народничествѣ, которое опирается на чрезвычайно узкое философское ученіе, слѣдуетъ искать опоры въ борьбѣ за новые пути общественнаго развитія. Повторяемъ, его разсужденія только моментами открываютъ предъ нами роковыя ошибки нашего либерализма, его критика, не проникнутая идеальнымъ взглядомъ на человѣческую жизнь и на стремленія всякой общественной культуры, только случайно напала на буржуазную и бюрократическую тенденцію русской передовой журналистики. Его книги важны только какъ симптомъ того несогласія, которое заключаетъ въ себѣ указаніе на прогрессивныя стремленія бодрыхъ силъ вырваться изъ угнетающей атмосферы жалкихъ фразъ на широкое поле живой исторической работы.

Мы не можемъ съ особенной похвалою отозваться и о книгѣ г. В. В. Глубже заглядывая въ исторію нашего пореформеннаго прогресса, владея болѣе устойчивой научной эрудиціей въ вопросахъ русскаго экономическаго быта, но не связавъ своихъ гуманныхъ практическихъ стремленій съ опредѣленнымъ и строго выдержаннымъ философскимъ принципомъ, авторъ съ нѣкоторою робостью подкапывается подъ шаткіе устои журнальнаго либерализма. Въ разсужденіяхъ г. В. В. чувствуется неувѣренность, боязливое отношеніе къ ходячимъ, освященнымъ авторитетомъ популярнымъ именъ мнѣніямъ и взглядамъ. Авторъ видитъ, что корни русскаго либерализма скривились, но онъ не на столько рѣшителенъ, чтобы заявить объ этомъ съ полною силою, съ надлежащими критическими доказательствами, обращенными къ причинамъ этого явленія. Эта книжка г. В. В. могла бы быть переработана, снабжена неопровержимыми историческими иллюстраціями и тогда, при умѣньи автора мыслить на политическія темы смѣло, широко и со страстью, она освѣтилась бы огнемъ настоящаго убѣжденія, готоваго ради истины на ломку чужихъ и собственныхъ кумировъ. Но г. В. В. сдѣлалъ только шагъ по тому пути, который можетъ привести къ правдѣ. Это только откликъ—

глухой, неясный, почти случайный, во всякомъ случаѣ неожиданный—на потребности, которыя назрѣваютъ съ каждымъ днемъ. Для тѣхъ, которые слѣдятъ съ любовью за ходомъ нашего духовнаго развитія, не можетъ при этомъ не быть яснымъ, что г. В. В., также какъ и покойный Юзовъ, самой жизнью вытолкнуты на путь протеста противъ казенныхъ фразъ мертвѣющаго и мертвящаго либерально-буржуазнаго устава.

Какъ и слѣдовало ожидать, оба названныя сочиненія подверглись жестокимъ нападкамъ со стороны нашихъ либеральныхъ рутинеровъ. По исконному обычаю русской «передовой» печати два извѣстныхъ автора были подвергнуты безшабашному осмѣянію, въ томъ разнузданно-самовѣренномъ тонѣ, безъ котораго не обходится въ нашихъ журналахъ ни одна полемика, ни одинъ литературный споръ. Не защищенное ничѣмъ, кромѣ собственной безразсудной и временами просто наглою дерзости, журнальное невѣжество готово хвататься за все, что можетъ такъ или иначе на время уронить противника въ глазахъ толпы. Нѣтъ ничего позорнѣе русской журнальной полемики съ ея циническимъ лганьемъ, съ ея неуваженіемъ къ человѣческой личности, съ ея лакейскимъ угодничествомъ предъ умственной чернью, съ ея безкультурнымъ разгуломъ въ самыхъ низменныхъ словахъ и выраженіяхъ. Истина, правда не впадаетъ надъ этими вакханаліями, въ которыхъ литературная распущенность и безпринципность откровенно смѣется надъ всякимъ искреннимъ порывомъ, надъ всякимъ смѣлымъ словомъ, идущимъ въ разрѣзъ съ общепризнанными мнѣніями. Такими средствами защищается только ложь, а не правда. Такими путями общество ведется только къ растлѣнію, а не къ свѣту. Кто станетъ правду оскорблять подлымъ языкомъ завѣдомою лжи и обмана? Кто, отстаивая высокій принципъ, станетъ прибѣгать къ надругательству надъ человѣческой личностью литературнаго оппонента? Вотъ гдѣ декадансъ: въ этомъ беззастѣнчивомъ и ничѣмъ не сдерживаемомъ лганьѣ направо и налево по адресу людей, желающихъ идти куда влекутъ ихъ разуміе и совѣсть. Вотъ гдѣ ничтожество общественнаго мнѣнія, которое поддерживаетъ своимъ равнодушіемъ презрѣнныя выходки журнальнаго шарлатанства въ его различныхъ видахъ и формахъ. Стоитъ остановиться на минуту. Стоитъ взглянуть въ это явленіе. Если бы прогрессивность заключалась въ деспотическомъ насиліи надъ всякимъ свободнымъ обсужденіемъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ, тогда общество никогда не шло бы впередъ. Если люди, несущіе либеральное знамя, имѣютъ привилегію морочить общественное мнѣніе жалкими аргументами и сплетнической болтовней на тему о своихъ литературныхъ противникахъ, тогда гдѣ же пріютъ справедливости? Нѣтъ, это не либерализмъ. Это—выдыхающееся резонерство людей, безсильныхъ остановить истинно-прогрессивный потокъ времени, и въ ослѣпленіи узкоэгоистическими интересами готовыхъ съ яростью клеймить всякое проявленіе откровенной мысли... Такъ со скандаломъ падаетъ бездушный либерализмъ, чтобы возродиться въ новой, болѣе содержательной и болѣе свѣтлой формѣ.

Вотъ вамъ одинъ изъ типическихъ образчиковъ того, какъ и на какихъ основанiяхъ спорять со своими оппонентами господа либералы. Извлечемъ нѣсколько аргументовъ, направленныхъ противъ книгъ Юзова и В. В., изъ статьи такого своеобразнаго журнальнаго борзописца, каковъ г. Протопоповъ («Русская Мысль», октябрь). Въ этой статьѣ любопытно рѣшительно все: и бурсацки-самонадѣянныи тонъ, и стиль, и откровенная казенщина пошловатыхъ фразъ безъ содержанiя. Г. Протопоповъ начинаетъ свои разсужденiя съ опредѣленiя того, что такое русскiй народъ. Народъ — это Россiя, говоритъ онъ, это вскормившее и воспитавшее насъ отечество наше. «Мы не паразиты, а дѣти своего народа, и дѣти не безчувственные, не неблагодарныя, и потому не можемъ, не отрицая самихъ себя, класть въ край угла своей жизни и своей дѣятельности что-нибудь иное, кромѣ служенiя духовнымъ и материальнымъ интересамъ своей страны». Положивъ служенiе русскому народу въ край угла своей жизни, г. Протопоповъ болѣе откровенно объясняется насчетъ другихъ пунктовъ народничества. Юзовъ требуетъ, чтобы народъ не только любилъ, но и уважалъ. Г. Протопоповъ находитъ, что достаточно одной любви. Юзовъ порицаетъ всякое *насильственное* вторженiе въ народную жизнь, всякое *насильственное* навязыванiе тѣхъ или другихъ формъ социальнаго быта, доказывая, что, во имя уваженiя къ человѣческой личности, интеллигенцiя должна ограничиваться духовнымъ воздѣйствiемъ на мнѣнiя народа. Мысль ясная и простая: нельзя никого насиловать ради его собственнаго блага, нельзя деспотически требовать ни отъ кого ничего. Если вы любите людей, если вы ихъ другъ искреннiй и надежный, убѣждайте ихъ словомъ, просвѣщайте ихъ, вызывайте къ ихъ совѣсти, къ ихъ разуму. Духовное воздѣйствiе — единственно достойное орудiе борьбы за справедливость. Насилiе само себя разрушаетъ, вызывая протестъ, разжигая дурныя чувства. Кажется ясно. Какiе здѣсь возможны споры во имя «либеральныхъ» началъ? Кто когда-либо сумѣлъ логически оправдать грубое *насильственное* воздѣйствiе на людскiе привычки и нравы? Г. Протопоповъ, извиваясь и ползая предъ правилами задолбленнаго имъ устава, такъ возражаетъ на простыя слова покойнаго Юзова: «Что-жь? Мысль, если хотите, недурная — восклицаетъ онъ. Только къ ней надо подойти поближе, чѣмъ это дѣлаетъ г. Каблицъ, нужно разобраться во всѣхъ ея логическихъ послѣдствiяхъ и развѣтвленiяхъ». Подойти поближе—это значитъ спросить себя, всякое-ли мнѣнiе заслуживаетъ уваженiя? Г. Протопоповъ согласенъ уважать мнѣнiе народа лишь при томъ условiи, чтобы это уваженiе не противорѣчило «нашему уваженiю къ истинѣ». Вотъ логика, удивительная для журнала, который хотѣлъ-бы прослыть либеральнымъ. Для г. Протопопова неясно, что можно отстаивать свое пониманiе истины и безъ помощи насилiя, хотя-бы и юридически-утонченнаго. Въдѣ Юзовъ отрицаетъ правомѣрность насилiя даже по отношенiю къ несправедливому мнѣнiю, и въ этомъ безусловномъ протестѣ противъ всякаго насилiя—его правота, не подлежащая сомнѣнiю. Пусть сужденiя народа по

вопросамъ его собственнаго блага несостоятельны, но, уважая достоинство людей, нельзя склонять ихъ къ своимъ убѣжденіямъ ничѣмъ другимъ, кромѣ слова. Если идти послѣдовательно по пути, предлагаемому г. Протопоповымъ, этимъ типичнымъ представителемъ шаблоннаго либерализма, придется допустить и оправдать всякія насильственные мѣры государствъ по отношенію къ отдѣльнымъ группамъ и народностямъ ради обращенія ихъ на вѣрную дорогу ихъ собственнаго благополучія: вспомните инквизицію и ея методу дѣйствій ради спасенія несчастныхъ, заблудшихъ душъ. Но г. Протопоповъ разсуждаетъ просто, очень просто. Если нельзя употребить насильственныхъ мѣръ во имя народнаго блага, то значить нельзя принудительными средствами заставлять обывателей «вычищать клоаки». Какая разница? И тамъ и здѣсь вѣдь мѣры клонятся къ добру... Такъ агитировать въ пользу либерализма изъ всѣхъ русскихъ журналовъ можетъ только такой сбивчивый и суетно-хлопотливый журналъ, какъ «Русская Мысль». Фразы безъ смысла, ни слѣда серьезнаго, вдумчиваго отношенія къ вопросу, нравственная вялость, бравирующая своею услужливостью и уступчивостью и тѣмъ и другимъ, и нашимъ и вашимъ, и старымъ и новымъ поколѣніямъ—таково «направленіе» журнала, сотрудники котораго, не стѣсняясь приличіями, готовы съ усердіемъ щедро награждаемыхъ наймитовъ расхваливать и низшую, и высшую іерархію его руководителей и пастырей.

Укажемъ еще на одно мѣсто въ статьѣ г. Протопопова. Нанеда въ своей книгѣ на русскую интеллигенцію за ея бюрократическое отношеніе къ народу, Юзовъ сравниваетъ нѣкоторыхъ представителей изъ русской консервативной партіи съ представителями изъ партіи либеральной, и по типу не находитъ между ними никакой разницы: и тѣ и другіе признавали насиліе посредствомъ учреждений, какъ законное средство пропаганды. Приведа одно изъ такихъ мѣстъ, г. Протопоповъ говоритъ: «итакъ, бюрократизмъ нашей интеллигенціи состоитъ въ томъ, что она стремится къ принудительному воздѣйствію на народъ посредствомъ учреждений... Какое же организованное общежитіе возможно безъ учреждений? И на комъ же, какъ не на интеллигенціи, лежитъ обязанность заботиться о томъ, чтобы эти *учрежденія* функционировали правильно». Функционировать правильно это, повидимому, значить функционировать насильственно, не иначе. Сила въ насиліи, и иные виды силы—выдумка метафизиковъ, которымъ не удастся провести здравый смыслъ русскаго народа! Власть и авторитетъ закона, глубокомысленно замѣчаетъ г. Протопоповъ, всегда имѣютъ нѣкоторый принудительный характеръ—по существу!.. Это называется мыслить либерально...

Еще нѣсколько словъ по поводу этой пошлой статейки. Г. Протопоповъ снабдилъ свои разсужденія двумя эпиграфами. Одинъ изъ нихъ гласить:

Такъ въ ненастные дни
Занимались они—
Дѣломъ.

Кн. Вяземскій.

Другой эпитафъ начертанъ такъ:

Русскій мужикъ гениальная, можно сказать, натура! Безъ науки всё науки прошесть!

Щедринъ: «Губернскіе очерки».

Г-нъ Протопоповъ, какъ извѣстно, любитъ стихи. Въ каждой статейкѣ его всегда найдется нѣсколько стишковъ, замѣняющихъ ему подчасъ недостающіе логическіе аргументы. Стишками, какъ ни какъ, можно запорошить глаза невинному читателю, особенно—если взять во вниманіе широкій репертуаръ г. Протопопова: громко, звонко, легко, весело, куплетъ изъ оперетки, острота изъ водевиля, изреченіе изъ простонародной сказки, а то и крѣпкое выраженіе, имѣющее ходъ въ средѣ ловкихъ карточныхъ игроковъ. Но остроуміе остроуміемъ, а правда правдой. Поспѣшно черная мудрость изъ столь различныхъ источниковъ, г. Протопоповъ считаетъ возможнымъ приписывать г. Боборыкину слова Гегеля и кн. Вяземскому—стихи, принадлежащіе К. Рылѣву. Или, можетъ быть, г. Протопоповъ будетъ настаивать, что приведенные имъ два стиха въ самомъ дѣлѣ принадлежатъ кн. Вяземскому? Почему же тогда ихъ можно найти на 104 стр. сочиненій Рылѣва, изд. 1893 г.? Съ эпитафомъ изъ Щедрина дѣло обстоитъ также не совсѣмъ благополучно. Слова изъ Щедрина приведены г. Протопоповымъ для подкрѣпленія своихъ собственныхъ доводовъ и, представленныя имъ, какъ пропія самого Щедрина по отношенію къ русскому мужику, которому г. Протопоповъ отказываетъ въ уваженіи, въ дѣйствительности вовсе не выражаютъ мнѣнія автора «Губернскихъ очерковъ». Начать съ того, что и самая цитата сдѣлана авторомъ невѣрно: выписанная фраза относится не къ мужику только, а къ русскому человѣку вообще, который ни надъ чѣмъ не задумывается, ни надъ чѣмъ не останавливается. Затѣмъ — произносится эта фраза безъ всякой пропіи, а напротивъ въ пылу хвастливаго патріотизма. Всякій можетъ убѣдиться въ этомъ, заглянувъ на 234 стр. I т. сочиненій Салтыкова (изд. 1889 г.). Наконецъ—фраза эта, подкрѣпляющая доводы г. Протопопова, вложена Щедринымъ въ уста пьянаго, разовравшагося карточного шулера и альфонса Горехвастова. И такъ г. Протопоповъ, желая фигурировать въ компаніи съ Щедринымъ, настигнуть въ тайной дружеской пирушкѣ съ патріотствующимъ Горехвастовымъ. Сознывая, что дѣло не чисто, г. Протопоповъ замечаетъ слѣдъ своего сообщничества съ этимъ героемъ грязныхъ кабаковъ. Извольте найти, откуда и какъ взята цитата: «Губернскіе очерки» Щедрина—и только! Общитесь нѣсколько сотъ страницъ, припомните по извращенной редакціи типическую фразу, соскочившую съ талантливаго пера большого художника! Нуженъ какой-нибудь случай, чтобы напасть на дверь, ведущую въ веселую комнату, гдѣ взвнчанный попойкой Горехвастовъ нагло жметъ и хвастается циническими подвигами. .

Горехвастовъ и г. Протопоповъ—быть можетъ, между этими двумя типами нѣтъ особенной разницы. Горехвастовъ восторгается качествами русскаго человѣка: «Въ этомъ сердцѣ, восклицаетъ онъ, жаръ обитаетъ! Все

оттого хочу я сказать, что въ этой вотъ головѣ свѣтъ присутствуетъ, что всякую вещь понимаешь такъ, какъ она есть»... Г. Протопоповъ тоже распинается за высокія качества русской натуры не въ примѣръ иноземцамъ и инородцамъ, которые не понимаютъ ни духа русскаго народа, ни характера того общества, предъ лицомъ котораго они дѣйствуютъ. «Русскіе люди, говоритъ онъ, люди простые, искренніе и чуткіе. Имъ противна всякая поза, ихъ отталкиваетъ фразерство, и они какъ будто инстинктивно, но быстро и почти непогрѣшимо (!) угадываютъ всякую ложь и фальшь»... ¹⁾.

Горехвостовщина, Протопоповщина.

А. Волинскій.

А. И. Скворцовъ. Экономическіе этюды. I. Экономическія причины голодовокъ въ Россіи и мѣра къ ихъ устраненію. Спб. 1894 г.

Г. Скворцовъ рѣшилъ пересмотрѣть мѣры, предложенныя для поднятія экономическаго благосостоянія среди массъ населенія, и съ своей стороны выработать новый списокъ этихъ мѣръ. Всѣ предложенныя мѣры г. Скворцовъ признаетъ плохими рецептами. По общему убѣжденію, обнищаніе крестьянъ вызвано тяжестью налоговъ. Быть можетъ, это такъ и есть на самомъ дѣлѣ, но, вѣдь, о сокращеніи государственныхъ, земскихъ и мірскихъ расходовъ не можетъ быть и рѣчи, а слѣдовательно не можетъ быть рѣчи и объ уменьшеніи суммъ разныхъ налоговъ и сборовъ. Положимъ, эту сумму можно оставить и все-таки найдется путь къ уменьшенію податнаго бремени, лежащаго на крестьянахъ. Предлагается съ разныхъ сторонъ передвинуть центръ податныхъ тягостей съ крестьянъ на болѣе состоятельные классы населенія. По мнѣнію г. Скворцова, это передвиженіе въ самомъ скоромъ времени будетъ парализовано общимъ ростомъ государственныхъ расходовъ. Затѣмъ, остается искать разныхъ путей и средствъ къ увеличенію крестьянскаго благополучія и крестьянскихъ доходовъ.

Тутъ на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія разными путями. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія путемъ «покупки земли на мѣстѣ» — пустая мечта. Земель свободныхъ въ Европейской Россіи не хватило-бы для достаточнаго надѣленія крестьянъ. Цѣны на землю слишкомъ высоки и никогда не оправдаются въ доходахъ отъ земли, купленной при помощи ссуды. Говорятъ о переселеніяхъ въ Сибирь, гдѣ лежатъ нетронутыми необъятныя пространства земель. Прежде всего, необъятныя земельныя богатства Сибири — чистая сказка. Однако допустимъ, что они дѣйствительно имѣются. Тогда ихъ заселеніе и культивированіе подорветъ благосостояніе сибирскихъ крестьянъ и ухудшитъ положеніе крестьянъ въ Россіи. Переселенцы начнутъ доставлять на рынокъ такую массу продуктовъ земледѣлія, что цѣны на нихъ понизятся до небывалыхъ размѣровъ, и это пониженіе цѣнъ ухудшитъ положеніе крестьянъ, живущихъ исключительно отъ земледѣлія.

¹⁾ «Русская Мысль», декабрь, стр. 227.

Покончивъ ст критикой наиболѣе ходячихъ рецептовъ, составленныхъ для поднятія крестьянскаго благополучія, г. Скворцовъ переходитъ къ составленію своихъ собственныхъ рецептовъ и всецѣло поддается обаянію «агрикультурныхъ разговоровъ». «Въ культуру должно быть введено разнообразіе; и, кромѣ того, обработка и удобреніе должны сдѣлаться болѣе тщательными» (стр. 51). Все это, конечно, было-бы очень пріятно, но жаль, что нѣтъ средствъ вести даже однообразную культуру и какъ-нибудь удобрять и обрабатывать землю. Значить нужно измѣнить положеніе дѣла, такъ сказать, въ самомъ корнѣ. Приступая къ этому измѣненію, г. Скворцовъ довольно щедро разсыпаетъ улчненія въ легкомысліи и невѣжествѣ. Кавелинъ—легкомысленный человекъ, г. В. В.—плохой изслѣдователь, а г. Щербина — чистое недоразумѣніе. И все это по той простой причинѣ, что Кавелинъ, В. В. и другіе не знали, что нужно сдѣлать съ общиной, чтобы ее сохранить и земледѣліе не погубить. А на самомъ дѣлѣ все рѣшается очень просто: «нужно сдѣлать возможнымъ для каждаго общинника пользоваться безъ всякихъ помѣхъ со стороны другихъ членовъ общины соответствующимъ участкомъ земли; говоря проще, это значить: *дать право каждому общиннику требовать себѣ выдѣла въ вѣчное потомственное пользованіе известнаго размѣра участка изъ общинной земли*» (стр. 152). Верховное юридическое право собственности остается все-таки за общиной. Такимъ образомъ, будущность русскаго земледѣлія зависить отъ превращенія общиннаго землевладѣнія въ юридическую фикцію. Такое рѣшеніе вопроса, очевидно, увлекло г. Скворцова на путь геростратовскихъ лавровъ, но онъ все-таки пытается оправдаться, утверждая, что уничтоженіе общиннаго землепользованія не есть уничтоженіе общиннаго землевладѣнія. Конечно, такъ, но повторяемъ, что первое уничтоженіе превращаетъ общинное землевладѣніе въ такую-же юридическую фикцію, согласно которой, напр., въ Англіи вся земля считается собственностью короны. Очень жаль, что проф. Скворцовъ не ограничился критикой готовыхъ рецептовъ, а и самъ сталъ ихъ сочинять.

Б. Библиографія.

І. ЛИТЕРАТУРА.

Пьеръ Лоти. Матросъ.—Москва. 1894 г. Журналъ «Вокругъ Свѣта» выпустилъ въ видѣ приложенія небольшой романъ Пьеръ Лоти «Матросъ» въ очень красивомъ и даже роскошномъ изданіи съ прекрасными рисунками Мирбаха, въ русскомъ переводѣ г. К.—ва. Это изданіе есть точный снимокъ съ французскаго изданія «Petite Collection Guillaume», хотя шрифтъ нѣсколько крупнѣе въ русскомъ изданіи. Необходимо также прибавить, что рисунки Мирбаха отпечатаны въ русскомъ изданіи гораздо небрежнѣе, чѣмъ во французскомъ. Какъ бы то ни было, но это показываетъ, что и въ Россіи,

если приняться за дѣло энергично, типографское дѣло можетъ быть поставлено, — конечно, при нѣкоторыхъ условіяхъ, — на ту высоту, на которой оно находится за границей.

Романъ Лоти «Матросъ» — красивая вещица, написанная съ несомнѣннымъ талантомъ, которая прочтается съ удовольствіемъ подписчикамъ журнала «Вокругъ Свѣта». Переводъ сдѣланъ хорошо.

Иллюстрированныя сказки Андерсона. Переводъ *Б. Д. Порозовской.*—Изданіе Павленкова. 1894 г.

Сборникъ сочиненій Андерсена въ четырехъ томахъ. Переводъ съ датскаго подлинника *А. и П. Ганзель.* Томъ 1-й, выпускъ 1-й. Спб. 1894 г.

Нѣтъ никакого сомнѣвiя, что оба эти изда- нiя будутъ встрѣчены публикой весьма сочув- ственно. Имя Андерсена у насъ очень попу- лярно, и онъ, по праву, считается однимъ изъ самыхъ талантливыхъ писателей для дѣтей. До сихъ поръ изъ произведенiй Андерсена у насъ были переведены только его сказки не съ датскаго подлинника, а съ нѣмецкаго подлинника. Другiя произведенiя знамени- таго датскаго писателя были неизвѣстны въ Россiи. Этотъ пробѣлъ взялся пополнить г. Ганзенъ, извѣстный переводчикъ съ дат- скаго языка. Собранiе сочиненiй Андерсена онъ предполагаетъ издавать выпусками: оно составитъ четыре тома (цѣна по подпискѣ безъ пересылки 6 р., съ доставкой—8 р.). Въ первомъ и второмъ томахъ будетъ по- мѣщено полное собранiе сказокъ, разска- зовъ и повѣстей въ хронологическомъ по- рядкѣ и съ примѣчанiями автора относи- тельно ихъ происхожденiя. Въ третьемъ — романъ «Импровизаторъ», путевые очерки, драматическiя произведенiя и стихотворе- нiя (въ переводахъ русскихъ поэтовъ). Въ четвертый томъ войдутъ: «Сказки моей жизни» (автобiографiя Андерсена), извле- ченiя изъ его переписки съ друзьями и выдающимися современниками и воспомина- нiя о немъ его ближайшаго друга Кол- лина. Къ этому тому будутъ, кромѣ того, приложены два портрета Андерсена. Въ настоящую минуту вышелъ первый выпускъ содержащiй въ себѣ тринадцатъ сказокъ. Въ предисловіи переводчикъ г. Ганзенъ объясняетъ причины, заставившия его при- ступить къ этому изданiю. У насъ извѣсны только сказки Андерсена, но европейскою славою Андерсенъ первоначально былъ обя- занъ не сказкамъ и разсказамъ, а своимъ романамъ, путевымъ очеркамъ и другимъ произведенiямъ. Достоинства этихъ произ- веденiй тѣ же, что и въ самыхъ извѣстныхъ сказокъ и разсказовъ датскаго писателя; всѣ они дышатъ необычайной жизненностью, непоколебимой вѣрой въ торжество идеа- ловъ истины, добра и красоты и неува- жаемымъ юморомъ, возвышающимъ чело- вѣка надъ мелочами и дрязгами житейскими; въ нихъ ярко отразилась въ высшей сте- пени оригинальная и богато одаренная на- тура ихъ творца, душевныхъ силъ и жизне- дѣятельности которыхъ не могли сломить никакія жизненные и литературныя неудачи. Въ этомъ отношенiи особенный инте- ресъ представляеть автобiографiя Андер- сена въ связи съ его перепиской и воспо- минанiями о немъ его друга Коллина.

Одновременно съ первымъ выпускомъ со- браиія сочиненiй Андерсена въ переводѣ гг. Ганзенъ, вышло иллюстрированное изда- нiе его сказокъ въ переводѣ г-жи Поро- зовской (изданiе г. Павленкова), въ шести томахъ. Въ это изданiе не попали только четыре сказки, на томъ основанiи, — какъ объясняетъ переводчица, — что одна изъ

нихъ «Дѣдушкинъ альбомъ» имѣеть чисто мѣстный характеръ, такъ какъ представ- ляеть исторiю Копенгагена (почему, однако, исторiя Копенгагена можетъ имѣть только мѣстный интересъ?), а соль остальныхъ трехъ коротенькихъ сказокъ основана на непереводаемой на русскiй языкъ игрѣ дат- скихъ словъ. Къ своему переводу г-жи Порозовская присоединила довольно обшир- ное предисловіе, заключающее въ себѣ бiографiю Андерсена. Мы сравнили оба перевода (г. Ганзена и г-жи Порозовской) и можемъ сказать, что оба перевода сдѣ- ланы прекрасно, хотя переводу г. Ганзена слѣдуетъ отдать преимущество, потому что у него сохранился въ гораздо большей степени мѣстный колоритъ и, кромѣ того, удивительная образность, свѣжесть и нап- вная простота языка Андерсена.

Сочиненiя Н. Л. Костицкаго. Первое изданiе Н. Л. Гребенщикова. Томъ первый. Воронежъ. 1893 г.

У насъ существуютъ писатели, о кото- рыхъ ничего не знаетъ читающая русская публика, но которые, тѣмъ не мѣвѣ, очень усердно печатаютъ свои произведенiя. По- видимому, къ такимъ писателямъ принадле- житъ и г. Костицкiй, который недавно вы- пустилъ въ Воронежѣ первый томъ своихъ сочиненiй. Въ этомъ томѣ есть все, — и романы, и повѣсти, и разсказы, и очерки, и драмы, — нѣтъ только, какъ сожалѣнiю, таланта, а мѣстами и смысла. Г. Костиц- кiй — удивительнѣйшiй писатель, который несомнѣнно прiобрѣтеть обширную попу- лярность среди лицъ интересующихся вся- каго рода курьезами. Въ его сочиненiяхъ встрѣчаются по этой частн истинные перлы, съ нѣкоторыми изъ которыхъ мы не можемъ не подѣлиться съ нашими читателями. Такъ напр., въ одной изъ своихъ повѣ- стей г. Костицкiй, упомянувъ о страстномъ пошлѣцѣ, который, по его мнѣнiю, носитъ названiе «гордiевъ узла», онъ прибавляетъ въ примѣчанiи: «Гордiевъ узелъ есть то обстоятельство, которое не легко разрѣ- шается, а, слѣдовательно, всегда должно стараться избѣгать его во всемъ положи- тельно (?), а главное не допускать себя до него ни при какихъ обстоятельствахъ. Ска- жу, кстати, что Гордiевъ узелъ и мнѣ памя- тель: мнѣ была задана для сочиненiя тема, не помню что именно, но изъ крес- товыхъ походовъ. Я разработалъ эту тему по существу (?), но, дабы не распростра- няться этимъ (?) далеко, а закончить оную кратко и яснѣе, я въ концѣ написалъ: «по- этому между стремящимся въ исторiи ве- ликаго завоеванiя того, что равноправно принадлежитъ всему миру — и образовался гордiевъ узелъ (?)». Повидному, экзамену- ющiй г. Костицкаго понялъ «по существу» эту фразу и поставилъ ему пять съ плю- сомъ. Увы! За его сочиненiя въ настоящую минуту много было бы поставить даже и

единицу. Въ другомъ мѣстѣ г. Костицкій дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Замужнія малоросски нравственно вѣрочны, какъ равно и холмы женатые большинствомъ няницы». Въ третьемъ примѣчаніи значится: «Сюжетъ заимствованъ — на (?) малороссійскій языкъ съ дополненіями и измѣненіями». Въ драмѣ «Сколько волка ни корми» одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ о героинѣ: «А тѣлость», — и г. Костицкій въ примѣчаніи объясняетъ: «въ смыслѣ полноты тѣлесной!» Въ другой драмѣ «Курьезное Rendez-vous», дѣйствующія лица (которыхъ авторъ почему-то называетъ актерами и актрисами) носятъ такія фамиліи: Громкокрикий, Выкрикалкий, Горлодралова, Визжалкава, Писчалкина, Близоруковъ (помощникъ редактора), Длиннохвостовъ (рецензентъ) и проч. Очень занятный писатель г. Костицкій!

Драматическія сочиненія М. М. Скорбилина. Бердянскъ, 1893 г.

Г. Скорбилинъ, повидимому, принадлежитъ къ числу тѣхъ непринятыхъ русскимъ читателями гениевъ, къ которымъ принадлежитъ и г. Костицкій. Конечно, г. Скорбилинъ грамотный и не такъ наивно эксцентриченъ, какъ г. Костицкій, но писательскихъ талантовъ въ немъ столько-же, сколько и у г. Костицаго. Его литературная дѣятельность столь же неутомима, если судить, по крайней мѣрѣ, по книгѣ его драматическихъ сочиненій, въ которой помѣщено двѣ драмы и цѣлыхъ шесть комедій. Г. Костицкій эксцентриченъ и игривъ, г. Скорбилинъ задается неразрѣшимыми задачами, заставляетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ разсуждать на философскія и политическія темы и вообще имѣетъ склонность къ мрачному міросозерцанію. — Впрочемъ, и фамиліи этихъ двухъ авторовъ какъ нельзя болѣе подходятъ къ ихъ литературной физиономіи: г. Костицкій — отъ слова caustique — вѣдкій, насмѣшливый, г. Скорбилинъ — отъ слова скорбь. Должно быть не только книги имѣютъ свою судьбу, но также и фамиліи авторовъ.

Симъ побѣдиши (Noc signo vinces!), романъ *В. И. Крыжановской* (Рочестеръ). Спб., 1893 г.

Торжище брака, романъ *В. И. Крыжановской* (Рочестеръ). Спб., 1893 г.

Г-жа Крыжановская уже давно пишетъ на французскомъ языкѣ подъ псевдонимомъ Рочестеръ. Свои многочисленныя романы г-жа Крыжановская, — какъ это всѣмъ извѣстно, — выдаетъ за произведенія духа графа Рочестера (извѣстнаго англійскаго поэта при дворѣ Карла II Стюарта), который является ей на спиритическихъ сеансахъ. Но до сихъ поръ эти произведенія, какъ кажется, еще не появлялись на русскомъ языкѣ, потому и русская публика до сихъ поръ была мало съ ними знакома. Въ настоящую минуту она можетъ познаком-

иться съ г-жей Крыжановской или съ графомъ Рочестеромъ въ двухъ романахъ: «Симъ побѣдиши» и «Торжище брака», русскій переводъ которыхъ повидимому сдѣланъ самимъ авторомъ. Дѣйствие перваго романа происходитъ въ Римѣ въ IV столѣтіи по Р. Х. и героемъ романа является нѣкій магъ Орионъ; вообще это — очень таинственная исторія, въ которой разсказывается окончательное торжество христіанства. Второю романъ — изъ современной жизни; дѣйствие происходитъ то въ Петербургѣ, то въ Эмсѣ, то въ Финляндіи, то въ Стокгольмѣ и проч. Дѣйствующими лицами являются русскіе графы и князья, графини и княгини, затѣмъ пиведы, французы, поляки и еще какія-то другія національности. Героиней является нѣкая Тамара, а героемъ — спиритическій медіумъ Магнусъ. Въ романѣ то и дѣло разсказывается о спиритическихъ чудесахъ — о всякихъ таинственныхъ исторіяхъ, въ которыхъ принимаютъ самое дѣятельное участіе герой и героиня. Повидимому, авторъ желаетъ показать ужасное, тлетворное вліяніе матеріализма нашего времени. Г-жа Крыжановская разсказываетъ недурно, но она злоупотребляетъ мистицизмомъ и совсѣмъ не обращаетъ вниманія на характеристику своихъ дѣйствующихъ лицъ. Не думаемъ, чтобы ея романъ имѣлъ успѣхъ среди русскаго общества.

Воспоминанія актера А. А. Алексѣева. Москва, 1894.

Эти «Воспоминанія» первоначально, если не ошибаемся, печатались въ журналѣ «Артистъ», а нынѣ изданы отдѣльной книгой тѣмъ-же журналомъ. Г. Алексѣевъ — довольно известный актеръ, артистическое поприще котораго тянулось болѣе пятидесяти лѣтъ. Совершенно понятно, что за такое продолжительное время въ его памяти накопилось множество фактовъ, встрѣчъ, событій, имѣющихъ отношеніе къ театру и сценической дѣятельности и, поэтому, представляющихъ общій интересъ. Г. Алексѣевъ, дѣйствительно, недурно разсказываетъ и въ его «воспоминаніяхъ», найдется много интереснаго, но его характеристики не отличаются талантомъ и глубомысліемъ. Идаль также, что г. Алексѣевъ, такой опытный артистъ, разсказывая исторію своей жизни съ большими подробностями, хотя и анекдотически, совершенно не высказываетъ своихъ взглядовъ на сценическую дѣятельность; изъ его «воспоминаній» мы только узнаемъ, что онъ большой приверженецъ сценической «традиціи» и очень не одобряетъ современныя сценическія «натуралізмъ».

Ранніе годы моей жизни. А. Фета. Москва, 1893.

Эти «воспоминанія» покойнаго поэта имѣютъ несомнѣнно большой литературный интересъ. Среди воспоминаній и записокъ, которыми уже довольно богата рус-

ская литература, воспоминания Фета-Шеншина, несомненно, займут одно из первых мест, по своему интересному и важному фактическому материалу. В начале своего предисловия, Фетъ между прочимъ говоритъ: «Когда-то, желая выйти къ читателю со своими воспоминаніями черезъ двери журналовъ, я началъ рассказъ со времени поступленія въ гвардію, когда по обстоятельству я вошелъ въ тѣсный кругъ писателей, представлявшій полный расцвѣтъ литературы конца 50-хъ годовъ. Мнѣ и самому было пріятно пересмотрѣть подкладку той блестящей одежды, которая, выразивъ наше своеобразное нравственное богатство, привлекла на насъ вниманіе всего образованнаго міра. Близость съ этой подкладкой я засвидѣтельствовалъ приложенными письмами знаменитыхъ писателей. Я не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Не взирая на то, что судьба, бросившая меня, какъ нарочно, изъ блестящей умственной среды прямо въ сельскую, пережившую пзумившую вселенную реформу, изъ которой приходилось съ величайшимъ усиліемъ, выплывать на взбаломученномъ морѣ, литература сосредоточила свое вниманіе только на приведенныхъ мною письмахъ». Фетъ никогда не былъ блестящимъ прозаикомъ (какъ это между прочимъ видно и изъ только-что приведеннаго отрывка), но онъ хорошо рассказываетъ, живо и интересно. Настоящія воспоминанія посвящены исключительно равнымъ годамъ его жизни,—дѣтству, отрочеству и затѣмъ военной службѣ. Но въ этихъ раннихъ годахъ много интереснаго и любопытнаго и можно согласиться съ Л. Н. Толстымъ, который, узнавъ, что Фетъ собирается писать свои воспоминанія съ дѣтства, сказалъ: «это будетъ гораздо интереснѣе позднѣйшихъ воспоминаній, такъ какъ поведетъ въ среду мало известную и невозвратно-исчезнувшую». Въ юности и въ особенности въ студенческіе годы Фетъ, начавшій уже писать стихи, встрѣчался и дружилъ со множествомъ впоследствии сдѣлавшихся извѣстными лицъ на различныхъ поприщахъ дѣятельности, — Принарокомъ Введенскимъ, Коршемъ, Мочаловымъ, Живокини. Бѣткнымъ, Шевыревымъ, Граповскимъ, Герценомъ, Щепкнымъ, Ленскимъ, Аполл. Григорьевымъ, Подолинскимъ и пр. Силуэты этихъ лицъ, набросанные въ «Раннихъ годахъ», выступаютъ очень рельефно въ воспоминаніяхъ Фета и дѣлаютъ чтеніе ихъ весьма интереснымъ. Очень жаль, что Фетъ-Шеншинъ не оставилъ цѣльной и полной своей автобіографіи.

Разсвѣтъ, литературно-научный сборникъ рассказовъ и статей по славяновѣдѣнію, составилъ А. Степовичъ. Кіевъ, 1893.

Г. Степовичъ—одинъ изъ хорошихъ знатоковъ славянскихъ литературъ. Онъ много писалъ по славяновѣдѣнію и даже издалъ

двѣ книги «Славянскихъ бестъ», гдѣ найдется много цѣннаго матеріала для лицъ, интересующихся этимъ предметомъ. Въ настоящій сборникъ вошли: отчасти переводы различныхъ славянскихъ писателей и поэтовъ, отчасти рецензіи и критическія статьи Г. Степовича, отчасти-же біографіи его-же нѣкоторыхъ славянскихъ писателей, сдѣланныя очень обстоятельно и добросовѣстно. Въ этомъ сборникѣ помѣщены: «Лученскій батанпкъ» рассказъ Вячеслава Трѣбизскаго (съ чешскаго), «Иванъ Антоновичъ Кукульевичъ - Сакцинскій», «Убъжала» рассказъ Веселюновича (съ сербскаго), «Духъ и свѣтъ», поэтическій сборникъ Ярослава Верхлицкаго. Изъ стихотворнаго сборника «Пазалія» Вазова, переводъ съ болгарскаго, «Сатиръ» Рельковича, «Изъ стихотвореній Сама Холупка» (съ словацкаго), «Выбранныя мѣста изъ путевыхъ замѣтокъ по славянскимъ землямъ», «Лѣтніе вечера» Миллечевича (съ сербскаго), «Пѣванія Знаи — Ювана Ювановича» (съ сербскаго). — Нельзя не встрѣтить сочувственно этого сборника, который въ цѣлой и привлекательной формѣ знакомитъ русскихъ читателей съ образцами болгарской, сербской и чешской поэзіи.

Римскіе писатели въ біографіяхъ и образахъ для чтенія и перевода. Часть 1-я, Прозаики. Примѣнительно къ требованіямъ новыхъ учебныхъ плановъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, составилъ: С. Радеикій и В. Соколовъ. — Москва, 1893.

Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ Министерство Народнаго Просвѣщенія указало на важность и образовательное значеніе письменныхъ переводовъ съ древнихъ языковъ на русскій и сдѣлало веденіе ихъ въ нашихъ гимназіяхъ обязательнымъ. Въ связи съ этимъ оно затронуло одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ въ познаніяхъ учениковъ по древнимъ языкамъ, указавъ на ихъ неумѣніе разобрать и перевести новый, не читанный ранѣе текстъ—неумѣніе, объясняющееся, главнымъ образомъ, отсутствіемъ практикы въ чтеніи à livre ouvert, безъ всякихъ пособій. Новые учебные планы пошли по этому пути еще дальше и произвели коренной переворотъ въ преподаваніи древнихъ языковъ: не умаляя значенія грамматики, какъ необходимаго вспомогательнаго средства для истиннаго усвоенія языка, эти планы въ то-же время ставятъ конечную цѣль для преподаванія этихъ языковъ въ томъ, чтобы приучить учениковъ къ осмысленному чтенію древнихъ авторовъ и точному переводу ихъ на вполне правильный литературный языкъ. Авторы разбираемой книги пришли къ убѣжденію, что для правительнаго и вполне плодотворнаго веденія предписываемыхъ министерствомъ упражненій въ переводахъ съ древнихъ языковъ на русскій является необходимою такая книга, которая дала-бы

ущающимъ выборъ отдѣльных, цѣльныхъ и, по возможности, характерныхъ отрывковъ изъ лучшихъ произведеній классической литературы, доступныхъ пониманію учащихся. Съ этою цѣлю и составленъ авторами разбираемый сборникъ. Матеріалъ, собранный ими изъ сочиненій лучшихъ римскихъ писателей (Корнелія Непота, Цезаря, Саллюстія, Цицерона, Ливія, Вергилія, Овидія, Горация и нѣкоторыхъ другихъ), состоитъ изъ множества отрывковъ различной трудности, разнаго размѣра, формы и содержанія, хотя, конечно, не всегда одинаковаго достоинства. Въ видѣхъ практической удобства, отрывки сгруппированы составителями по писателямъ, а мѣстамъ— и по отдѣльнымъ ихъ произведеніямъ. Учащіе найдутъ въ этой хрестоматіи, пререкрасно составленные, съ большимъ умнѣніемъ, образцы описаній—географическихъ, этнографическихъ, бытовыхъ, характеристичныя отдѣльныхъ эпохъ и замѣчательныхъ людей древности, изображенія картинъ военной и гражданской жизни древняго Рима, явленій государственнаго ея строя, роста, вложенныя историками въ уста дѣйствующихъ лицъ слова, пѣсма, характеризующія или ихъ авторовъ, или настроеніе современнаго общества, цѣлый рядъ образцовъ разсужденій и различныхъ видовъ краснорѣчія. Книга, составленная такимъ образомъ при тщательномъ выборѣ отрывковъ, представляетъ очень полезное пособіе при изученіи римской литературы.

Гринмутъ. Враги живописи. Москва. 1893.

Эта брошюра состоитъ изъ двухъ статей: «Импрессионизмъ» и «Фотографія», напечатанныхъ авторомъ въ 1893 году, — первый въ сборникъ «На память» и второй въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Авторъ недоволенъ направлениемъ, преобладающимъ въ современномъ искусствѣ и называемымъ имъ «упадкомъ». По его мнѣнію, какъ въ литературѣ, такъ и въ музыкѣ, и въ живописи, появились, такъ-называемыя, «новыя школы», «новыя теоріи», и все онѣ отличаются однимъ и тѣмъ же характеромъ, однимъ и тѣмъ же признакомъ извращенія, отрицанія и уничтоженія искусства. Для автора очевидно, что во второй половинѣ XIX вѣка надъ европейскимъ искусствомъ пропелася пагубная антихудожественная эпидемія, поразившая все виды искусства, но обрушившаяся съ особенной силой на тѣ именно три вида его, которые въ наше время выдвинулись впередъ съ особенной выразительностью: на литературу, музыку и живопись. Эпидемія эти въ литературѣ, живописи и музыкѣ г. Гринмутъ называетъ общимъ названіемъ импрессионизма, замѣщая это названіе изъ новейшей школы живописи и неправомерно распространяя и на литературу (г. е. вѣрнее, на поэзію) и музыку. Авторъ очень озабоченъ тѣмъ вредомъ, ко-

торый можетъ сдѣлать этотъ страшный «импрессионизмъ» русскому искусству. Однако онъ не унываетъ; онъ думаетъ, что намъ нечего опускать руки и предаваться одному только мрачному пессимизму: напротивъ, пока еще есть время, необходимо организовать борьбу съ непрошеной гостьей, дабы ея предстоящее губительное дѣйствіе было, насколько возможно, парализовано. Nous aurons un mauvais quart de siècle à passer, а затѣмъ, Богъ дастъ, въ XX столѣтіи у насъ снова возродится: и музыка, и литература, и живопись. «Можно-ли питать такія надежды Западу, я не знаю; тамъ не только на искусство, но на все общество и государство надвигается грозная туча, несравненно болѣе страшная и въ концѣ разрушительная,—гроза социализма, отъ которой у насъ, русскихъ, есть все средства избавиться». Какимъ образомъ затесался социализмъ въ искусство и какое онъ можетъ оказывать на него вліяніе, — мы не знаемъ, но не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюетъ г. Гринмутъ. Если бы онъ не такъ сильно былъ озабоченъ всяческаго рода обличеніямъ, а посмотрѣлъ бы на дѣло хоть нѣсколько объективно и припомнилъ бы хотя бы петрію искусства, то онъ бы убѣдился, что даже этотъ страшный «импрессионизмъ», который его такъ пугаетъ, особеннаго вреда не принесетъ ни русскому, ни европейскому искусству. Въ искусствѣ всегда возникали новыя школы и новыя вѣянія, иногда отрадныя, иногда печальныя, но отъ этого иногда искусство не погибало; даже напротивъ, въ этихъ-то новыхъ вѣяніяхъ оно находило силу и энергію развиваться дальнѣе, приближаясь все болѣе и болѣе къ петинному художественному идеалу. Слѣдуетъ полагать, что и на нынѣшній разъ будетъ также.

Въ статьѣ о фотографіи въ приложеніи къ искусству г. Гринмутъ дѣлаетъ много вѣрныхъ замѣчаній.

II. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ, МЕДИЦИНА И ПРИКЛАДНЫЯ НАУКИ.

Основы ботаники. Систематика растений. Д-ра *Варминга*, профессора ботаники въ копенгагенскомъ университетѣ. Переводъ съ 3-го датскаго изданія С. Ростовцева и М. Голенина. Съ предисловіемъ профессора К. А. Тимряева. М. 1893.

Переведенный теперь на русский языкъ курсъ Варминга долженъ удовлетворить настоятельную потребность, которая испытывалась всеми учащимися ботаникѣ студентами русскихъ университетовъ. Десять лѣтъ тому назадъ на русскомъ языкѣ не существовало ни одного порядочнаго руководства по ботаникѣ, и не владѣющіе иностранными языками повелозъ ограничивались своими записками или литографированными лекціями, переходившими по на-

сдѣлать отъ одного выпуска къ другому. Единственный переводный учебникъ Сакса по своей устарѣлости и краткости многихъ отдѣловъ мало помогала учащимся, желавшимъ озаколотися съ основами ботаники. Апатіи растений повезло прежде всего: переведенъ былъ превосходный учебникъ Страсбургера. Въ наилучшемъ положеніи была систематика растений, и этотъ пробѣлъ заполненъ теперь не менѣе превосходнымъ руководствомъ Барминга. Главное удобство его въ томъ, что въ одной книгѣ учащійся найдетъ все необходимое ему свѣдѣнія по частной морфологіи и систематикѣ какъ безцвѣтковыхъ, такъ и цвѣтковыхъ растений. Отдѣлъ споровыхъ растений получилъ въ книгѣ Вариннга чрезвычайно удачную обработку. Не увлекая учащагося въ область спорныхъ вопросовъ и неустановленныхъ фактовъ, Вариннгъ сообщаетъ лишь то, что уже точно provedено и выдержало строгую критику многихъ псевдоавторовъ. Особенно цѣны указаны на генетическія отношенія разныхъ группъ сдоевцовыхъ растений. Описанію и классификаціи цвѣтковыхъ растений удѣлена вторая, нѣсколько большая, половина руководства, что надо считать большимъ достоинствомъ его, такъ какъ въ другихъ иностранныхъ учебникахъ нѣтъ должаво равновѣсія въ распредѣленіи материала.

Книга Вариннга имѣетъ не одинъ только теоретическій интересъ для изучающаго специально ботанику. Она можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ полезнаю справочною книгою для сельскихъ хозяевъ, садоводовъ, фармацевтовъ и врачей, которые найдутъ въ ней массу необходимыхъ имъ практическихъ свѣдѣній о свойствахъ (лечебныхъ и ядовитыхъ) тѣхъ или иныхъ растений, о примѣненіи ихъ къ промысловымъ и техническимъ цѣлямъ и пр.

Птицы Россіи. Проф. *М. А. Мензбира*. Вып. I. М. 1893.

«Птицы Россіи» представляютъ результаты 20-лѣтнихъ занятій проф. Мензбира орнитологію Россіи. Изданные давно труды Кесслера и Эверманна устарѣли и притомъ въ продажѣ теперь не существуютъ. Поэтому предпринятое проф. Мензбиромъ изданіе полнаго и подробнаго руководства къ изученію всѣхъ птицъ Россіи является какъ нельзя болѣе кстати. Въ книгѣ г. Мензбира читатель найдетъ массу интересныхъ свѣдѣній объ образѣ жизни и привычкахъ нашихъ птицъ, о ихъ распространеніи, и пр. Описанію каждаго рода предшествуетъ ссылка на литературу и перечисленіе различныхъ названій, подъ которыми данная птица извѣстна въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ концѣ книги будетъ приложена краткая инструкция для приготовленія шкурочекъ. Не только специалисты-орнитологи, но и простые любители птицъ, наконецъ, дѣтвѣ и сельскіе хозяева най-

дутъ въ книгѣ проф. Мензбира много полезныхъ свѣдѣній.

Кефиръ, лечебный напитокъ изъ коровьяго молока, д-ра *В. Н. Дмитріева*. Изданіе 6-ое К. Д. Раккера. Спб. 1894.

Уже одна необходимость выпустить шестое изданіе достаточно рекомендуетъ книгу почтеннаго автора. Дѣйствительно, ясное изложеніе какъ вопроса о кефирномъ броженіи и приготовленіи этого напитка, такъ и описаніе его цѣлебнаго дѣйствія позволяетъ поставить книгу д-ра Дмитріева на ряду съ тѣми немногими специальными медицинскими сочиненіями, которыя вполне доступны для пониманія публики. Въ виду того, что на пользованіе кефиромъ слѣдуетъ смотрѣть не какъ на лекарственное леченіе, а какъ на одинъ изъ способовъ подъема питанія организма, распространенію книги д-ра Дмитріева среди специалистовъ можно искренно порадоваться. Необходимо также пожелать, чтобы общество поняло важную роль усиленнаго питанія при многихъ болѣзняхъ и скорѣе отказалось отъ опровергнутаго наукою мнѣнія, будто бы каждая болѣзнь обязательно требуетъ діеты и ограниченія пищи.

Книга издана аккуратно и изящно.

Что такое мнемоника? Искусство укрѣпленія памяти. Профессора мнемоники *С. Файнштейна*. Изданіе 2-е. Одесса. 1893.

Вопросъ о способахъ укрѣпленія памяти естественно возбуждаетъ вниманіе общества, и потому вполне понятно, что первое изданіе названной брошюры разошлось въ весьма непродолжительное время. Но для того, чтобы она дѣйствительно удовлетворяла запросы читателей, ее слѣдовало бы нѣсколько переделать.

Первыя двѣ главы брошюры г. Файнштейна посвящены исторіи мнемоники, т. е. собственно рассказамъ о лицахъ, обладавшихъ замѣчательной памятью. Нѣкоторые эпизоды могли бы быть сокращены на девять десятыхъ безъ ущерба для дѣла: таковыя рассказы о поэтѣ Симонидѣ, который самъ авторъ находитъ совершенно невѣроятнымъ (стр. 9). Но въ общемъ эти главы представляютъ интересъ. Третья глава носитъ названіе: «теорія укрѣпленія памяти» и содержитъ краткіи разборъ десяти главныхъ теорій (гипотезъ?) о способахъ укрѣпленія памяти, причѣмъ на первомъ мѣстѣ поставлена «медицинская теорія», въ которой медицинъ приписывается утвержденіе, будто бы память можно улучшить посредствомъ лекарствъ!

Конечъ брошюры, къ сожалѣнію, далеко не соответствуетъ ея интересному содержанию. Послѣ мало остроумной сказки о мнемоникѣ, помѣщенной въ IV главѣ, идетъ широкообъявленное «о заочномъ укрѣпленіи памяти» и «улучшеніи всѣхъ умственныхъ способностей» и обширный

списокъ соответствующихъ «благодарностей» изъ мѣстныхъ газетъ. Автору слѣдовало бы подумать о томъ предубѣжденіи противъ подобныхъ рекламъ, которое все крѣпнѣетъ въ нашемъ образованномъ обществѣ, не колеблясь, выбросятъ изъ брошюры ненужный балластъ, безъ котораго бы она ничего не потеряла. Взамѣнъ этого ему слѣдовало бы дать читателямъ отвѣтъ (хотя бы въ самыхъ общихъ выраженіяхъ) на вопросъ, представляющій заглавіе брошюры. При такомъ способѣ дѣйствій г. Файнштейнъ навѣрно бы болѣе заинтересовалъ образованныхъ читателей, которые бы конечно обратились къ нему съ цѣлью подробнаго ознакомленія съ его системой, не имѣя никакого основанія заподозривать ея солидность, тогда какъ теперь нельзя не призадуматься о рекламмахъ... Цѣна брошюры весьма умеренная.

И. Евсева. Обучение искусству письма съ гигиенической точки зрѣнія. М. 1893.

Составитель брошюры, учитель чистописанія, пожелалъ ознакомить своихъ товарищей съ современнымъ положеніемъ вопроса о гигиеническомъ письмѣ въ Западѣ и у насъ. Вопросъ этотъ, дѣйствительно, заслуживаетъ вниманія преподавателей. Результатомъ неправильнаго въ гигиеническомъ отношеніи обученія письму являются серьезныя школьныя болѣзни, какъ-то: искривленіе позвоночника, близорукость и пр. Въ виду того, что то или иное устройство школьной мебели имѣетъ также не малое вліяніе на развитіе указанныхъ болѣзней, въ брошюрѣ г. Евсевы удѣлено мѣсто также и этому вопросу. Авторъ основательно ознакомился съ литературою вопроса, какъ русскою, такъ и нѣмецкою, и брошюра его представляетъ довольно полный сводъ мнѣній о лучшемъ, т. е. наиболѣе гигиеническомъ способѣ письма. Читатель найдетъ здѣсь указанія относительно положенія туловища и рукъ при письмѣ, рациональнаго наклона почерка, о положеніи тетради, способѣ держанія пера, о значеніи различныхъ тетрадей, о пользѣ тѣхъ или иныхъ матеріаловъ для письма, о выборѣ освѣщенія и направленія его.

Русскіе путешественники - изслѣдователи. Путешествія *Н. М. Пржевальскаго* въ восточной и центральной Азій. Спб. 1893.

Книга эта составлена М. А. Лялиной по подлиннымъ сочиненіямъ Пржевальскаго и снабжена краткой біографіей великаго русскаго путешественника и предисловіемъ проф. Э. Ю. Петри о значеніи Пржевальскаго въ исторіи географическихъ открытій. Параллельно съ последовательнымъ изложеніемъ дневника путешественниковъ, ведется разсказъ о характерѣ посѣщенныхъ ими мѣстностей, о встрѣчающихся тамъ животныхъ, о бытѣ тамошнихъ жи-

телей. Разсказъ читается легко и съ интересомъ. Книга издана изящно; рисунокъ на обложкѣ сдѣланъ художникомъ Каразнымъ.

Справочная книга для электротехниковъ. Составилъ *К. Гравинкель* и *К. Штреккеръ*. Перевелъ съ 3-го нѣмецкаго изданія инж.-мех. *Д. Голова*. Вып. I. Спб. 1893. Изд. К. Л. Риккера.

Электротехника получила въ послѣднее время такое широкое развитіе, а кругъ лицъ, занимающихся различными спеціальными отраслями этой новой области техническаго знанія, увеличился у насъ уже въ такой степени, что появленіе справочной книги, въ которой собраны были бы все необходимые этимъ лицамъ свѣдѣнія, представляется вполне своевременнымъ. Въ первой части выпуска сообщаются общія свѣдѣнія по механикѣ, оптикѣ, теплотѣ, магнитизму и электричеству, гдѣ электротехникъ найдетъ все нужные ему таблицы, формулы и законы, а во второй изложены способы электрическихъ измѣреній, употребляемые въ электротехникѣ измѣрительныя приборы. Содержаніе второго выпуска составить телеграфія, телефонія, сигнализация и пр. Для занимающихся этими спеціальностями переведенная г. Головымъ книга сдѣлается настольнымъ руководствомъ, какимъ она уже сдѣлалась въ Германіи. Большой недостатокъ русскаго перевода—слишкомъ мелкій прифтъ, затрудняющій чтеніе.

Холерные годы въ Россіи. Историческій очеркъ *Л. Павловской*. Спб. 1893. Изд. К. Л. Риккера.

Г-жа Павловская собрала интересный историческій матеріалъ о ходѣ первыхъ холерныхъ эпидемій въ Россіи, о произведенныхъ ими опустошеніяхъ, объ отношеніи общества и народа къ холерѣ и о примѣнявшихся прежде способахъ леченія и preservиранія отъ болѣзни.

Особо разсмотрѣны нѣкоторыя губерніи, лежащія по пути распространенія эпидеміи. На основаніи собраннаго матеріала авторъ приходитъ къ двумъ заключеніямъ:

1) что холерныя эпидеміи двигались въ Россіи или съ юга на сѣверъ (по Волгѣ) и затѣмъ съ сѣвера на юго-западъ, или съ востока на западъ и затѣмъ въ обратномъ направленіи и 2) что губительное дѣйствіе холеры слабѣло съ каждой новой эпидеміей и въ продолженіе одной и той же эпидеміи шла ея изъ года въ годъ уменьшается. Авторъ совершенно правильно объясняетъ это явленіе постепенной прививкой холернаго яда къ населенію и приобретаемой вслѣдствіе этого невосприимчивостью къ зараженію. Особенно интересны въ книгѣ г-жи Павловской подлинныя выписки изъ старыхъ газетъ, журналовъ и брошюръ, въ которыхъ врачи высказывали въ 1830—31 гг. свои взгляды на холеру и способы ея леченія. Изъ приведенныхъ извлеченій

видно, что многія изъ употребляемыхъ вынѣ средствъ примѣнялись уже 60 лѣтъ тому назадъ съ тѣмъ же успѣхомъ. Книжку г-жи Павловской прочтеть всякій съ интересомъ.

Аналитическій методъ воспитанія голоса. Проф. П. Московской консерваторіи, кавалера *Л. Джиральдопи*. Изд. П. Юргенсова. М. 1893.

Въ книгѣ этой г. Джиральдопи излагаетъ главныя основы своей системы обученія, которой онъ пользовался для развитія собственного голоса и которой онъ держался въ теченіе своей сорокалѣтней практики. Методъ его, дѣйствительно, можно назвать аналитическимъ, такъ какъ онъ основанъ на изученіи механизма всего голосового аппарата и примѣненіи тѣхъ указаній, которыя можно извлечь изъ этого изученія. Совершенно правильно замѣчаетъ авторъ, что «никакая другая профессія не даетъ столько простора для шарлатанства, какъ обученіе пѣнію», и что зачастую хорошіе голоса гибнутъ въ рукахъ невѣжественныхъ учителей, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о томъ сложномъ механизмѣ, управленію которымъ они должны научить своихъ воспитанниковъ.

Анатомическая и физиологическая основа, на которой построено изслѣдованіе г. Джиральдопи, дѣлаетъ его труды серьезнымъ пріобрѣтеніемъ не только для пѣвцовъ, пѣвицъ и учителей пѣнія, но и для всякаго, кто интересуется устройствомъ удивительнаго голосового аппарата человѣка и условіями образованія и воспитанія голоса такъ восхищающихъ насъ маэстро пѣвца.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

П. Соколовъ. Церковная реформа императора Юсіфа II. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія изъ исторіи западныхъ исповѣданій. Саратовъ. 1892.

Юсіфъ II, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей прошлаго столѣтія, въ своихъ реформаторскихъ попыткахъ коснулся и церковныхъ учрежденій австрійской монархіи. Цель его была создать самостоятельную національную церковь, подчиненную государственной власти, но выполненіе этой реформы, какъ и многихъ другихъ, не удалось ему въ цѣломъ: онъ успѣлъ только сократить число монастырей, измѣнить нѣкоторые церковные порядки, систему образованія духовенства и улучшить положеніе своихъ подданныхъ не-католиковъ.

Весь ходъ законодательной работы Юсіфа II въ этой области подробно разбирается въ книгѣ г. Соколова, который очень старательно разработалъ весь бывшій въ его распоряженіи матеріалъ.

Кассационная практика. Сборникъ сенатскихъ разъясненій по вопросамъ изъ мѣстныхъ законовъ Бессарабіи. Составилъ *М. В. Раввичъ*. Кишиневъ. 1893.

Въ небольшой брошюркѣ г. Раввича собраны разъясненія сената по дѣйствующимъ мѣстнымъ законамъ въ Бессарабіи, сгруппированныя составителемъ по отдѣльнымъ важнѣйшимъ вопросамъ: о несовершеннотлѣтіи, о наслѣдованіи по закону, о правѣ пользованія, о приданомъ, о давности, о рещегахъ и, наконецъ, о примѣненіи законовъ Бессарабіи. Брошюрка представляетъ большой интересъ для мѣстныхъ юристовъ-практиковъ; издана она, къ сожалѣнію, довольно небрежно, цѣна же назначена довольно высокая.

Тардъ, Г. Преступленія толпы. Переводъ д-ра П. О. Гурданскаго, подъ ред. проф. А. П. Смирнова. Казань. 1893.

Въ своей брошюрѣ Тардъ разсматриваетъ вліяніе массы на индивидуума и значеніе этого вліянія въ человѣческой преступности. Вообще авторъ приходитъ къ убѣжденію, что вліяніе массы дѣйствуетъ въ высокой степени возбуждающимъ образомъ, и что преступленія толпы въ силу этого массоваго вліянія превосходятъ жестокостью и дерзостью самую смѣлую преступленія отдѣльныхъ личностей.

Въ доказательство своего положенія авторъ приводитъ много интересныхъ примѣровъ изъ эпохъ революцій и народныхъ движеній въ разныхъ государствахъ и въ разные вѣка.

Послѣднія страницы статьи посвящены выясненію вопроса объ отвѣтственности участниковъ преступленій толпы, для суда надъ которыми, по мнѣнію Тарда, необходима магистратура изъ лицъ, спеціально подготовленныхъ къ этому дѣлу, чтобы избѣгнуть двухъ крайностей настоящаго времени, когда дѣла этого рода передаются или суду присяжныхъ или военному суду.

Кауфманъ. Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Сибири. Томскъ. 1894 г.

Брошюра г. Кауфмана представляетъ изъ себя перепечатку главы: «О крестьянскомъ хозяйствѣ», составленной авторомъ для извѣстнаго оффиціального изданія: «Сибирь и великая сибирская желѣзная дорога». Перепечатывать эту главу слѣдовало лишь въ томъ случаѣ, если бы въ ней сдѣланы были существенныя добавленія. На самомъ же дѣлѣ и въ особой брошюрѣ г. Кауфманъ ничего не говоритъ о переселеніи, ссылкѣ, присковыхъ работахъ, податяхъ и т. д. Не смотря на все такіе пробѣлы, брошюра претенціозно украшена заглавіемъ: «Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Сибирѣ».

Самойловичъ. О правахъ ремесленниковъ-евреевъ. Спб. 1894 г.

Въ настоящее время, какъ известно, «черта еврейской осѣдлости» снова пріобрѣла большое значеніе въ нашей внутренней государственной жизни. Г. Самойловичъ исполнилъ своевременно рѣшительный шагъ съ исторіей, которая объективно характеризуетъ смыслъ и значеніе «черты осѣдлости».

Извѣстной частью нашей печати распространяется убѣжденіе, будто евреи порывались за черту осѣдлости не для какаго либо производительнаго труда, а для разныхъ неблаговидныхъ занятій. Въ слѣдъ этого распространіе евреевъ — русскихъ подданныхъ — по всей русской территоріи ради слитія ихъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ не могло достигнуть и никогда не достигнетъ своей цѣли, такъ какъ евреи, благодаря характеру своей дѣятельности, не могли и не могутъ вызвать къ себѣ чувства «добраго сосѣдства», а вызывали и вызываютъ только злобу и ненависть.

Въ общемъ нѣтъ ничего удивительнаго, что при плохомъ знакомствѣ съ исторіей подобныхъ газетныхъ слетни въ годъ принимаются за чистую правду. На самомъ же дѣлѣ евреи еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія вызывались чинами высшей администраціи въ разные отдаленныя отъ «черты» губерніи для занятія ремеслами и для распространенія среди кореннаго населенія ремесленныхъ знаній. Начальники разныхъ губерній свидѣтельствовали, что дозволеніе евреямъ пребывать въ вѣрренныхъ имъ губерніяхъ весьма полезно какъ для снабженія края хорошими ремесленниками, такъ и для распространенія и развитія ремеслъ. Въ этомъ отношеніи евреи, проскользнувшіе за «черту», въ первую половину текущаго столѣтія оказали важную историческую услугу. Признаніе этихъ заслугъ за евреями мѣстной и центральной администраціей, наконецъ, вызвало извѣстный законъ 28 іюня 1865 г., дозволившій евреямъ-ремесленникамъ жить повсемѣстно, внѣ черты еврейской осѣдлости. Интересно, что въ то время даже «Москов. Вѣд.» приветствовали этотъ законъ съ большимъ восторгомъ. Катковъ писалъ: «Еврейскій вопросъ этой мѣрою поставленъ на правильный путь... Многочисленный и наиболѣе полезный классъ русскихъ подданныхъ изъ евреевъ такимъ образомъ освобожденъ на будущее время отъ стѣсненій относительно выбора мѣсть жительства, безъ всякихъ изысканій и ограниченій, къ которымъ въ прежнюю пору такъ любилъ прибѣгать въ этомъ отношеніи наше законодательство». Въ данное время именно «Моск. Вѣд.» любятъ въ своихъ разсужденіяхъ прибѣгать къ стѣсненіямъ и ограниченіямъ противъ евреевъ и въ этомъ отношеніи административная практика идетъ быстрыми шагами къ «прежней порѣ». Г. Самойловичъ съ большимъ успѣхомъ разбиваетъ разные толкованія не отмененныхъ законовъ, на которые теперь опираются, загоняя евреевъ въ «черту осѣдлости». Весьма желательно, чтобы работа г. Самойловича получила широкое распространеніе въ интересахъ популяризаціи въ обществѣ надлежащихъ свѣдѣній по такъ называемому «еврейскому вопросу».

Д. Львовъ. Налогъ съ наслѣдства. Часть первая. Казань. 1893 г.

Обширное изслѣдованіе проф. Львова въ вышедшей первой части посвящено историческому обзору разныхъ теорій объ основаніяхъ для взиманія налога съ наслѣдствъ, за которымъ слѣдуетъ краткое догматическое изложеніе ученія о налогѣ съ наслѣдствъ и, наконецъ, послѣдняя обширная часть главы посвящена римскому налогу съ наслѣдствъ — *vicesima hereditarium*.

Наиболѣе слабой частью книги проф. Львова является очеркъ теорій объ основаніяхъ для взиманія налога съ наслѣдствъ. Теорія «государственнаго соснаслѣдованія» хотя и изложена подробно, но пристрастно, а потому и критика ея оказалась довольно легкой. Проф. Львовъ слишкомъ напугаетъ на то, что эта теорія проповѣдывалась сессимионистами и съ тѣхъ поръ и до даннаго времени стоитъ въ тѣнѣйшей связи съ разными неблаговидными ученіями. Само собою повято, что подобныя намекы и упреки мало говорятъ о научныхъ пріемахъ проф. Львова. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Шеель и Вагнеръ, какъ лучшіе представители теорій «государственнаго соснаслѣдованія», разбиты и оказываются, что, по мнѣнію проф. Львова, налогъ съ наслѣдствъ нужно взимать потому, что нужно. Коротко и ясно.

Всѣ промахи въ главѣ о *vicesima hereditarium* (404—430 стр.) пожалуй могли бы быть прощены, такъ какъ эта глава представляетъ первый дебютъ проф. Львова въ области римскихъ финансовъ, но незнакомство съ Родбертусомъ и его пріемами критики источниковъ вызываетъ полное недоумѣніе.

IV. КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Листья изъ дѣтскихъ воспоминаній. Десять автобиографическихъ (!) разсказовъ *В. Авенаріуса*. Съ рисунками Н. П. Загорскаго и Т. И. Никитина. Спб. 1894. Ц. 2 руб.

При первомъ взглядѣ на эту роскошно изданную книгу можно испугаться и пожалѣть объ ея почтенномъ авторѣ — можно предположить, что онъ покоячилъ свое существованіе: автобиографія, да еще съ портретомъ автора, — ну, точно посмертное изданіе! Но все благополучно: г. Авенаріусъ живъ и здравствуетъ, а книжка его, сама по себѣ, очень недурна. Напрасно только онъ придаетъ ей и себѣ самому такое значеніе, какъ будто онъ очень знаменитъ, а она очень замѣчательна: знаменитъ онъ не очень, а книга его не лишена и недостатковъ. Авторъ не можетъ подняться до творчества, и его разсказы, хоть и правдивы, но слишкомъ ужъ протокольны. Такъ и видно, что все въ нихъ списано съ натуры съ точностью, достойною лучшаго

примѣненія. Все рассказано откровенно, искренно, но тонъ книги сухъ; нѣкоторыя признанія даже наивны (напр., о томъ, какъ авторъ сбѣлася «усидчивымъ человекомъ», — какъ будто услачивость какое-то достоинство писателя). Въ общемъ однако книга хороша: вполне литературная, она положительнѣе выдается среди немнѣвѣрной безцвѣтности и безграмотности, отличающей вообще наши дѣтскія книги. Авторъ жилъ у родителей, у родственниковъ, въ гимназш, и передаетъ наиболѣе выдающіеся моменты своего дѣтства довольно интересно; есть и хорошія картины и характеристики: напр., характеристика пастора, родственника автора. Въ общемъ недостатки книги искупаются ея достоинствами, и она значительно выдѣляется надъ общимъ сѣренькимъ уровнемъ нашихъ дѣтскихъ книгъ. Рекомендовать ее можно безъ опасенія. По вѣщности изданіе прекрасное; рисунки г. Никитина и недавно скончавшагося художника Загорскаго превосходны.

Волшебница-весна. Рассказъ *И. Ф. Млахово*. Съ рисунками К. В. Пзенберга. Спб. 1893. Ц. 50 к.

Птичница Агаея. Рассказъ *Клавдіи Лукашевичъ*. Съ рисунками Н. Н. Каразина. Спб. 1893. Ц. 50 к.

Лучшимъ доказательствомъ того, что уровень нашей дѣтской литературы дѣйствительно сѣренькій, могутъ служить эти два слабѣнкіе рассказа, удостоенные на послѣднемъ конкурсѣ преміи Фребелевскаго общества. Неужели не было ничего болѣе осмысленнаго и художественнаго, какъ только эти жиденькіе, неколоритные, еле-еле грамотные рассказы? Игла была иная Агаея; хорошо ходила за птицей; такъ весь свой вѣкъ и проходила за ней; лишили-было ее этого удовольствія, устроили съ птичьего двора, а потомъ увидѣли, что лучше ея никто этого не можетъ, и опять водворили ее на томъ-же дворѣ... И прекрасно! Мало-ли на бѣломъ свѣтѣ хорошихъ птичницъ? Не каждую же увѣковѣчивать въ печати. Другой рассказъ не гуще этого: ребенокъ все ждалъ весны, которую представлялъ себѣ въ образѣ волшебницы, и наконецъ увидѣлъ ее во снѣ со всѣми аллюрами; а когда проснулся, ему сообщили, что весна пришла и принесла ему фялокъ... Все—какъ по щучьему велѣнью.

Дѣло не въ томъ, что рассказы эти мало-содержательны: вѣдь для самыхъ маленькихъ дѣтей, каковыми они предназначаются, и не могутъ быть предлагаемы рассказы съ сложнымъ содержаниемъ; а въ томъ дѣло, что эти маленькіе сюжеты совсемъ не оживлены ни искрой дарованія, вследствие чего сонъ Маши такъ и отдается сочиненіемъ г. Плахово, а личность птичницы Агаеи представляется не живымъ образомъ, а какою-то сентиментальною размазней. Словомъ, тутъ и премію не выдадутъ тоже, кажется, по щучьему велѣнью.

Изданы обѣ книжки прелестно. Это — также явленіе характерное: что ни дай нѣкоторымъ нашимъ художникамъ, какую размазню ни проси ихъ украсить гарниромъ, они себѣ сидятъ и разрисовываютъ, и расписываютъ, и... размазываютъ.

Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо. Сочиненіе *Даниэля Дефоэ*. Переводъ съ англійскаго О. Петерсонъ. Съ портретомъ Дефоэ и 4 отдѣльными рисунками. (Дѣтская библіотека. Изданіе А. А.) Спб. 1894. Ц. 1 р.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ передѣлокъ романа Дефоэ это, несомнѣнно, лучшая — лучшая потому, что г-жа Петерсонъ дозволила себѣ лишь самыя незначительныя отступленія отъ подлинника, съ цѣлью сокращенія излишнихъ повтореній или описаній, не относящихся до сущности произведенія. Во всемъ же остальномъ ея книга представляетъ хорошій, точный переводъ подлиннаго «Робинзона». Педагогическое значеніе этого замѣчательнаго сочиненія признано уже болѣе вѣка: Жанъ-Жакъ Руссо, отвергавшій вообще дѣтскія книги, сбѣлалъ однако исключеніе для «Робинзона», сказавъ: «Мой Эмиль долженъ прежде всего читать *одну книгу*, и пока онъ будетъ оставаться простымъ и добросердечнымъ, до тѣхъ поръ, я увѣренъ, чтеніе этой книги будетъ доставлять ему всегда новое наслажденіе. Что-же это за удивительная книга? Аристотель, Плиній, Бюффонъ? — О, нѣтъ, это «Робинзонъ Крузо». Такая честь, оказанная «Робинзону» даже самымъ отрицателемъ дѣтскаго чтенія, а послѣдствіемъ только зываемая каждымъ, кто только способенъ понимать значеніе дѣтской книги для воспитанія и оберегать своихъ питомцевъ отъ недоброкачественнаго чтенія, — такой неизмѣнный, неувядающій успѣхъ этой любимѣйшей, вѣчно-юной и свѣжей дѣтской книги объясняется и вполне оправдывается ея сущностью и смысломъ. Вкратцѣ (такъ какъ не мѣсто давать здѣсь цѣлый трактатъ о «Робинзонѣ») идея книги—доказать силу человѣка, который можетъ преодолѣть все въ жизни, можетъ даже справиться съ природой, съ подавляющими, казалось бы, силами стихій, если только найдеть въ самомъ себѣ достаточно силъ, энергій, стойкости, вѣры для борьбы съ окружающими невзгодами. Все это Крузо имѣлъ въ себѣ, онъ постоялъ за себя, онъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ. Вотъ эта-то бодрая идея, въ связи съ этимъ бодрымъ-же содержаниемъ, даровала книгѣ Дефоэ вѣчный успѣхъ и сбѣлала ее высоко-воспитательнымъ сочиненіемъ.

Столѣтіе открытій. Составилъ *Э. Гранстремъ*. Спб. 1893. Ц. 2 р.

Два героя. *Э. Гранстрема*. Спб. 1893. Ц. 2 р.

Открытие Америки. *Эд. Циммерманна*. М. 1893. Ц. 50 к.

Всѣ три книжки знакомятъ юнаго читателя съ важнѣйшими открытіями и прочтываются съ живымъ интересомъ. Первая, сравнительно, довольно бѣгло очерчиваетъ цѣлый рядъ путешествій, начиная съ Генриха-Мореплавателя; вторая содержитъ въ себѣ двѣ повѣсти, изъ которыхъ въ одной героемъ является Колумбъ, а въ другой — Кортесъ. Обѣ книги г. Гранстрема компилятивныя, составлены по Фалькенгорсту и др., и надо признать, что г. Гранстрему такой родъ литературнаго изложенія вполне удается. Третья книга (Эд. Циммерманна) представляетъ обстоятельный и живой очеркъ изъ временъ открытія Америки. Жаль, что издана она далеко не такъ приглядно, какъ книги г. Гранстрема; зато дешева.

Фритіофъ. Древне-скандинавское преданіе. Изложилъ для русскаго юношества *Н. А. Борисовъ*. Спб. (Изданіе М. М. Ледерле и К^о). 1893. Ц. 60 к.

«Фритіофъ», извѣстный только по стихотворному переводу умершаго академика Грота, является у насъ въ изложеніи для юношества впервые. Знаменитой поэмъ Тегнера сразу посчастливилось: русскому излагателю передача ея удалась вполне. Хотя и сжатая, повѣсть однако получилась у него яркая и увлекательная. Картины скандинавской природы и жизни производятъ даже въ компіляціи г. Борисова впечатлѣніе списанныхъ съ природы. Образъ витязя Фритіофа, страдавшаго всю свою жизнь изъ любви къ Ингеборгъ, доставшейся другому, и всѣ свои помыслы положившаго для нея, пока она наконецъ не досталась ему, — исполненъ мужества и благородства и при всемъ томъ трогательной иъжности. Вотъ поистинѣ воспитательное чтеніе, и мы отнюдь не ошибемся, если поставимъ эту книжку наравнѣ съ пересказами міровыхъ

героическихъ поэмъ—«Наля и Дамаянті», «Одиссея» и др.

Три дара. Сказка *Софійи Д.* Изданіе В. Мъстинкъ и К^о. Спб. 1894. Ц. 50 к.

Типографія В. Мъстинкъ и К^о не только не умѣетъ издавать книжки, но и печатать ихъ хотя-бы только опрятно не умѣетъ. Все это какъ нельзя лучше видно на лежащей предъ нами сказкѣ. Выборъ для изданія не оправдывается ни мыслью, ни формой этой глупой и аляповатой сказки; съ другой стороны, внѣшній видъ книжки — плохая бумага и обложка, плохіе и плохо-отпечатанные рисунки, да еще цѣна 50 к. за 50 страницъ (по копѣйкѣ за страницу!); — словомъ, все показываетъ, что никакого понятія объ изданіи дѣтской книги предприниматели не имѣютъ. Тема сказки (о томъ, какъ кроткій братъ побѣдилъ другихъ братьевъ—богатаго и сильнаго)—тема избитая; стихи дубовые—ни рѣмъ, ни размѣра, ни складу, ни ладу...

По роднымъ краямъ. I. Валаамская обитель. (Поѣздка на Валаамъ). *А. Вахтіарова*. Спб. 1893

Подъ общимъ заглавіемъ «По роднымъ краямъ» предположено издать нѣсколько книжекъ для народнаго и школьнаго чтенія, знакомящихъ читателей съ замѣчательными Россіи. «Валаамская обитель» — первый выпускъ этой серіи рассказовъ. Для жителей Петербурга, дѣйствительно, интересно узнать кое-что о живописной группѣ островковъ, лежащихъ среди водъ Ладожскаго озера въ очень небольшомъ разстояніи отъ столицы. Собщеніе съ островомъ Валаамомъ, на которомъ находится древній монастырь, поддерживается парохомъ, и поѣздка туда, судя по живому и занимательному разсказу г. Вахтіарова, можетъ доставить пріятную и поучительную прогулку.

ТЕАТРЪ.

(ТЕКУЩІЙ РЕПЕРТУАРЪ).

«Рай Земной», комед. г. Карпова.—«Спорный Вопросъ», драма г. Вл. Александрова.—
Бенефисъ г. Сазонова: «Первая Муха»—В. Крылова и В. Величко, «Онъ въ от-
ставкѣ»—А. Суворина.

Большая часть моего прошлаго обозрѣнія была посвящена пьесамъ драматурговъ, покинувшихъ уже сей лучшей изъ міровъ: Шиллера, Мольера и Щедрина; за то теперь мнѣ придется говорить о произведеніяхъ авторовъ, благополучно здравствующихъ и по мѣрѣ силъ и разумѣнія служащихъ отечественной Талин и сестрѣ ея Мельпоменѣ: гг. Карпова, Вл. Александрова, Крылова съ Величко и Суворина.

Г. Карповъ аккуратно каждый годъ поставляетъ по одной пьесѣ на императорскіе театры и нѣкоторыя изъ нихъ въ свое время пользовались значительнымъ успѣхомъ. Впрочемъ, успѣхъ этотъ не всегда происекалъ изъ художественныхъ достоинствъ самой пьесы; были случаи, что на долю декораторовъ и машинистовъ приходилась значительная его доля. Такъ, въ *Рабочей Слободкѣ* г. Карповъ долженъ былъ удѣлить не малую часть своихъ лавровъ машинистамъ, скопировавшимъ весьма похоже литье расплавленнаго чугуна изъ вагранки, и декораторамъ, изготовившимъ удивительную декорацію зимней улицы съ сугробами и падающимъ снѣгомъ. *Жрица Искусства*, *Ранняя Осень*—пьесы не безынтересныя по содержанію и изобличающія въ авторѣ, хоть и не особенно высокое наречіе таланта, но свидѣтельствующія о его способности удачно выбирать и обрабатывать сюжеты въ той узкой сферѣ житейскихъ изображеній и нравственныхъ интересовъ, которая составляетъ источникъ вдохновенія нашихъ современныхъ драматурговъ.

Должно сознаться, что въ новой пьесѣ своей г. Карповъ дѣлаетъ нѣкоторый шагъ впередъ. Хотя онъ и не отрѣшился отъ нѣкоторыхъ, прочно установившихся пріемовъ въ обрисовкѣ лицъ и положеній по правиламъ какой-то особой кулисно Александринской эстетики, но все же кое-гдѣ замѣтно стремленіе, если не быть вполне оригинальнымъ, то хоть слѣдовать хорошимъ чужимъ примѣрамъ.

Бичуемый нынѣ г. Карповымъ (наши авторы обязательно кого-нибудь или что-нибудь бичуютъ) міръ желѣзнодорожниковъ представленъ въ пьесѣ въ лицѣ героя Антона Ивановича Званцова, инженера и управляющаго московско-энской желѣзной дороги (г. Ленскій), Ивана Семеновича Шашкина, секретаря управленія дороги (г. Черновъ), какого-то Петра Петровича Рябниина (г. Никольскій), вербующаго подставныхъ акціонеровъ для общаго собранія и въ силу этого выпрашивающаго себѣ денежные подачки въ видѣ займа безъ отдачи, да еще нѣсколькихъ появляющихся въ развязкѣ пьесы «выходныхъ» акціонеровъ безъ рѣчей. Въ этомъ мірѣ порядки обычные: директора и инженеры грабятъ дорогу, наживаясь разными мошенническими продѣлками, стригутъ акціонерное стадо, соблазненное дутыми дивидендами, и устраняютъ себѣ большинство голосовъ, расписывая акціи на подставныхъ акціонеровъ изъ числа правленскихъ артельщиковъ и разныхъ темныхъ добровольцевъ. Таковъ и Званцовъ, стремящійся изъ управляющихъ попасть въ директора правленія, т. е. въ тотъ земной рай, въ которомъ столько благъ вкушаютъ избранные.

Въ этомъ состоитъ бытоописательная сторона пьесы, нужная для общественно-обличительныхъ намѣреній автора. Въ сущности этотъ общественный мотивъ производитъ впечатлѣніе чего-то взятаго по дорогѣ и пристегнутаго къ главному содержанію потому только, что надо же, чтобы дѣйствіе происходило въ какой-нибудь общественной средѣ; при выборѣ же этой среды авторы стараются взять что-нибудь поновѣе изъ явленій, близкихъ къ интересамъ данной минуты. Въ этомъ отношеніи выборъ у нихъ не великъ: банковскіе хищники, акціонерные волки, адвокатскіе коршуны и кулаки-землевладѣльцы—вотъ обычная атмосфера, въ которой вращаются дѣйствующія лица большинства современныхъ русскихъ пьесъ.

Если бы г. Карповъ въ своей новой пьесѣ замѣнилъ желѣзнодорожный міръ адвокатскимъ, земскимъ или фабрично-промышленнымъ, суть пьесы нисколько не измѣнилась-бы, потому что центръ драматическаго интереса лежитъ не въ аксессуарной обстановкѣ, а во внутреннемъ характерѣ и человѣчвухъ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Для пьесы не важно инженеръ-ли Званцовъ или земець, или присяжный повѣренный, но важно то, что при умѣ, ловкости и блестящей наружности онъ необыкновенно обольстителенъ и сразу является покорителемъ трехъ женскихъ сердець: жены, честной и чистой Татьяны Борисовны (г-жа Савина), къ которой онъ, впрочемъ, давно охладѣлъ; распутной бабенки Людмилы Валерьяновны (г-жа Красовская)—жены одного изъ директоровъ желѣзной дороги—Никифора Степановича Крохина (г. Сазоновъ), съ которой онъ въ связи; и молоденькой учительницы музыки Ольги Юрасовой (г-жа Потоцкая), обольщенной имъ отъ нечего дѣлать. Драматическое содержаніе пьесы исчерпывается тѣмъ, что Юрасова, замѣтивъ шашии Званцова съ Крохиной, въ порывѣ ревности, стыда и раскаянія, сама признается Татьянѣ Борисовнѣ въ своемъ паденіи и выдаетъ ви-

новнаго мужа. Оскорбленная Званцова окончательно убѣждается въ полной нравственной дрянности своего супруга и покидаетъ его, несмотря на притворное раскаяніе и даже запугиваніе, на которое тотъ пускается, чтобы предотвратить скандалъ, могущій повредить его карьерѣ. Сама Юрасова, истерзавшись въ продолженіе трехъ актовъ между любовью и ненавистью къ Званцову и презрѣніемъ къ самой себѣ, кончаетъ тѣмъ, что въ минуту торжества вновь избраннаго директора бросается на него съ револьверомъ и хочетъ застрѣлить его, но револьверъ у нея отымають, и Званцовъ остается въ апопоеозѣ своего новаго могущества въ образѣ торжествующаго порока.

Истинная героиня пьесы—Ольга Юрасова очерчена болѣе патологическими, чѣмъ психологическими чертами. Въ началѣ пьесы мы слышимъ ея пикантные разговоры о привольной жизни, и ея паденіе не особенно удивляетъ зрителя. Тѣмъ менѣе понятны ея муки совѣсти и раскаяніе, что главнымъ мотивомъ всѣхъ ея послѣдующихъ поступковъ, до револьвера включительно, является не ненависть къ обманувшему ее обольстителю, а чисто истерическіе припадки ревности и болѣзненной страсти къ нему. Благодаря такому освѣщенію главнаго драматическаго мотива пьесы тѣ сцены, въ которыхъ таятся зачатки истинной драмы, какъ напримѣръ сцена призванія Ольги Званцовой и объясненій ея съ Званцовымъ, обращаются не то въ мелкую домашнюю исторію на почвѣ сплетни, не то въ клиническія картины болѣзненныхъ припадковъ. Этотъ истерическій надрывъ вышелъ еще болѣе рѣзкимъ въ исполненіи г-жи Потоцкой, склонной показывать всѣ душевныя движенія какъ-бы подь увеличительнымъ стекломъ своей чрезмѣрно нервной порывистой игры.

Кто былъ истинно прекрасенъ и тонко-художественъ, такъ это г-жа Савина въ небольшой, но удивительно сыгранной сценѣ объясненія съ мужемъ. Очень хорошъ и г. Варламовъ, нашедшій въ своей талантливой натурѣ неотразимо комичные и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-трогательные оттѣнки, придавшіе роли Гаврила Степаныча Крохина (наивный и сердечный купчикъ, влюбленный въ Ольгу со всею сплюю нетронутой натуры), необыкновенную жизненность и симпатичность. Нельзя не отмѣтить также вполне цѣльной, блестящей игры г. Ленскаго и невозможной по вульгарности самаго дурнаго тона игры г-жи Красовской, испортившей богатую матеріаломъ роль Людмилы. Г. Сазоновъ въ небольшой роли своей сдѣлалъ себѣ прекрасный гримъ и хорошо сыгралъ бѣшеную сцену, когда Никифоръ Крохинъ, задыхаясь отъ ревности, чуть не душилъ свою жену.

Изъ всего этого видно, насколько внутренняя драма пьесы г. Карпова мало и внѣшне связана съ ея тенденціозно-описательною стороною. Тѣмъ не менѣе мы видимъ нѣкоторый шагъ впередъ уже въ томъ, что не всѣ перипетіи дѣйствія идутъ рутиннымъ путемъ театральной (а не жизненной) логики, что авторъ избѣжалъ шаблонныхъ романтическихъ вѣнчавій добродѣтели и мелодраматической кары порока, и что сама раз-

вязка комедіи могла счестся вполне оригинальною, если-бы... если-бы этому не мѣшало воспоминаніе о «Столпахъ Общества» Ибсена.

Г. Вл. Александровъ не просто драматургъ, а драматургъ - юристъ; поэтому во всѣхъ своихъ пьесахъ онъ обнаруживаетъ намѣреніе разрѣшить какой-нибудь вопросъ, который онъ самъ себѣ и ставитъ, точно для испытанія своей авторской находчивости. Вопросы эти не ахти какіе глубокіе, да и самъ авторъ едва-ли настолько слѣпъ, чтобы вѣрять въ ихъ глубину: онъ просто раскладываетъ пасьянсъ, интересуясь узнать, что изъ этого выйдетъ. Какъ ни странно такое занятіе, но г. Вл. Александровъ, какъ и всѣ подобные ему любители пасьянсовъ, раскладываетъ на разные лады, не замѣчая, что колоды, уже не первой годъ служащія ему для пасьянсовъ, засалились и пообтрепались, причемъ многія изъ недостающихъ картъ прихвачены изъ чужихъ, тоже старыхъ и затасканныхъ колодъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Вл. Александровъ получилъ «отъ почитателей его таланта» золотое перо за пасьянсъ, называемый «Въ неравной борьбѣ». На этотъ разъ авторъ ставилъ чрезвычайно глубокій вопросъ: кто больше заслуживаетъ счастья: хорошая незаконная дочь, или нехорошая законная? Въ нынѣшнемъ году онъ задался вопросомъ настолько глубокомъ, что даже самъ усумнился въ возможности его разрѣшенія и призналъ его *спорнымъ*. Я думалъ, что ужъ за этотъ вопросъ «почитатели таланта» поднесутъ по крайней мѣрѣ брилліантовое перо; но никакого пера въ спектакль 16-го декабря г-ну Вл. Александрову не поднесли, вѣроятно, изъ боязни, что онъ приметъ это за намекъ на легковѣрность его «*Спорнаго вопроса*».

Нѣтъ сомнѣнія, что жизнь и общественный строй выдвигаютъ многіе вопросы, заслуживающіе лечь въ основу драматическихъ произведеній. Но для этого нужно, чтобы вопросъ былъ по возможности вопросомъ общимъ, допускающимъ общее же его разрѣшеніе. Совершенно также, какъ всякое жизненное явленіе тогда только можетъ служить предметомъ драматической обработки, когда въ немъ есть признаки явленія *типичнаго*. Всякій единичный, болѣе или менѣе исключительный фактъ или единичное явленіе, хотя-бы оно было выхвачено цѣликомъ изъ жизни, не можетъ служить сюжетомъ истинной драмы именно въ силу своей анекдотической исключительности. Въ жизни зачастую случаются удивительныя вещи: въ полицейскомъ дневникѣ происшествій попадаются необыкновенно интересные случаи, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такіе житейскіе анекдоты или происшествія были типичны и могли-бы служить сюжетомъ для драмы.

Въ своей новой драмѣ г. Вл. Александровъ усматриваетъ слѣдующій спорный вопросъ: кому изъ разставшихся супруговъ принадлежитъ право сохранить при себѣ и воспитывать ребенка, явившагося плодомъ прерваннаго союза? Развѣтїемъ своей драмы авторъ самъ доказываетъ, что никакого общаго спорнаго вопроса тутъ и нѣтъ, и, тѣмъ не менѣе, онъ дѣ-

лаетъ видѣ, что тутъ есть вопросъ, и даже вопросъ спорный. Судите сами: Ольга Васильевна Агафонова, убѣдившись въ нравственной неприглядности мужа своего. Степана Никаноровича Агафонова, и не питая болѣе къ нему ни любви, ни уваженія, высказываетъ ему это въ лицо и уѣзжаетъ отъ него на отдѣльную квартиру вмѣстѣ съ единственной дочерью ихъ, малолѣтней Катей.

Если-бы супруги Агафоновы разстались по формальному разводу,—то виновность одной изъ сторонъ, или выяснившаяся при разборѣ дѣла нравственная оцѣнка той и другой стороны могли-бы служить основаніемъ къ признанію права сохранить и воспитывать общихъ дѣтей за тою или другою стороною, т. е. вопросъ получилъ-бы *частное* разрѣшеніе въ данномъ случаѣ. Другими словами, и здѣсь общаго спорнаго вопроса не можетъ быть.

Агафоновъ, добиваясь возвращенія жены (что ему нужно по разнымъ карьернымъ расчетамъ), и зная, что добровольно она не вернется, прибѣгаетъ къ принужденію: Ольга Васильевна обожаетъ дочь и жить безъ нея не можетъ; если ему удастся вернуть къ себѣ дочь—то и жена вернется тоже. Законъ не можетъ оказать ему содѣйствія къ полученію дочери: остается одно—выкрасть дочь хитростію или силою. Онъ является къ женѣ, какъ-бы для объясненій, заранѣе подговоренная нянька, вмѣсто того, чтобы по приказанію Ольги Васильевны спрятать дѣвочку, выводитъ ее къ отцу совсѣмъ одѣтою въ дорогу, тотъ схватываетъ ее на руки и уносить, а мать падаетъ въ обморокъ. Послѣ этого Ольгѣ Васильевнѣ остается одно—покориться и вернуться къ мужу, что она и дѣлаетъ.

Авторъ усматриваетъ спорный вопросъ: кому должна принадлежать Катя — нравственно-чистой, обожающей ее матери, или дрянному отцу, дѣлающему изъ дочери орудіе своихъ расчетовъ? Отвѣтъ ясенъ: всѣ права на дочь принадлежать добродѣтельной матери, а не порочному отцу. Но въѣдъ г. Вл. Александровъ можетъ написать другую пьесу подъ тѣмъ-же заглавіемъ, въ которой добродѣтельный отецъ выкрадетъ свою нѣжно-любимую дочь у развратной матери, завладѣвшей ребенкомъ изъ корыстныхъ видовъ выманить у мужа денегъ на содержаніе. Тогда правъ будетъ отецъ, и *Спорный вопросъ № 2* получить такое-же частное разрѣшеніе, какъ и № 1-й. Но сколько-бы такихъ насъясновъ ни раскладывалъ авторъ, каждый разъ получится результатъ по его произволу, смотря по тому, какія карты и какъ онъ разложитъ. Гдѣ же тутъ общій вопросъ и въ чемъ же его спорность?

Сочиняя свой «вопросъ», г. Вл. Александровъ ни на іоту не отступилъ отъ приемовъ своихъ талантливыхъ собратій по текущему репертуару. Онъ нашелъ сюжетъ, какъ будто и ставящій зрителю какой-то *большой* вопросъ жизни. Затѣмъ онъ озаботился о лицахъ, собралъ обычныя масти и сталъ раскладывать *характеры* и *типы*. *Король червей* — мужъ; сухой, расчетливый карьеристъ, скопидомъ, при случаѣ даже ростовщикъ; угождаетъ богатой дурѣ, толкуетъ все о будущности семьи,

о любви своей къ женѣ и дочери; ревнуетъ жену къ молодому купчику Полянову, но грубитъ ему не смѣть; шипитъ и точитъ жену, и когда та заявляетъ, что поняла его и больше не уважаетъ—поднимаетъ на нее руку. Послѣ ухода жены тоскуетъ и плачетъ непонятно о чемъ больше: о женѣ или о разразившемся скандалѣ. При всей своей жадности отвергаетъ милліоны вдовы купчихи Опенковой, а по возвращеніи жены вдругъ преобразается: раскаивается, плачетъ и добровольно отпускаетъ отъ себя жену и дочь, прося позволенія навѣщать ихъ изрѣдка. Г. Далматовъ дѣлаетъ все, чтобы придать живой обликъ этому мозаичному лицу, но не можетъ ни придать ему цѣльности, ни сгладить фальши.

Дама бубень — Ольга Васильевна (изъ старыхъ колоды) — чистая, честная, развитая, вѣрная, любила мужа лѣтъ 12 и только на роковомъ 13-мъ замѣтила, что онъ — дрянь. Уйдя отъ мужа, тоскуетъ пустою жизнью; подумываетъ, не полюбитъ-ли Полянова, но остается чиста и жертвуетъ собой для дочери. Очень удивлена, что дѣло приняло неожиданно хорошій оборотъ въ концѣ пьесы и благодарна автору за выпавшее на ея долю торжество добродѣтели. Г-жа Савина ведетъ свою роль такъ правдиво, особенно сцену объясненія съ мужемъ, что только ея игра спасаетъ пьесу отъ достойной ея участи.

Петръ Николаевичъ Поляновъ — *валетъ бубень* (изъ чужой колоды); долженъ изображать новый типъ купеческихъ сынковъ, выпущенныхъ на сцену съ легкой руки г. Вл. Непровича-Данченко. Онъ тоже не просто купчикъ, а талантливый художникъ-любитель, постоянно сомнѣвающийся въ своемъ талантѣ; говорить съ желчью о купеческой средѣ; любить Ольгу Васильевну «беззавѣтно»; все время плачетъ, отчаивается и упрашиваетъ уѣхать съ нимъ. Въ концѣ пьесы собирается уѣхать куда-то очень далеко. Г. Аполлонскій очень мило играетъ эту размазню.

Затѣмъ слѣдуютъ *туты*. *Дама трефъ*—старуха Болгарова (г-жа Жулева) — крестная мать Ольги и покровительница Агафонова. Говоритъ совершенно неинтересныя глупости. Если-бы эта карта выпала изъ игры Александрова, пасьянсъ все равно вышелъ-бы.

Дама червей—вдова Опенкова (собственного разлива): членъ разныхъ благотворительныхъ обществъ (!), влюблена въ Агафонова, жаждетъ развести его съ Ольгой, чтобы женить на себѣ. Выказываетъ такое мѣдлолюбіе, что за Москву страшно: неужели авторъ списывалъ съ натуры? Говоритъ глупости еще болѣе глупыя, чѣмъ Болгарова; путается по сценѣ безъ всякой надобности. Роль, очевидно, шита по мѣркѣ г-жи Никулиной, и г-жѣ Абариновой приходится щеголять въ подробностяхъ съ чужого плеча.

Г. Семеновъ—*валетъ червей* и очень умный присяжный повѣренный. Исполненіе г. Панчина не сдѣлало его, однако, умнѣй, чѣмъ какъ онъ вышелъ изъ-подъ «золотого» пера автора.

Валетъ пикъ или чертежникъ Шутовъ (г. Дальскій), забытый, робкій, потомъ, конечно, выпившій, но «хорошій человекъ»: изъ очень старой затрешанной колоды.

Если прибавить къ этому: *даму никъ* — злодѣйку-няньку (г-жа Карпова) и *десятку бубенъ* — дѣвочку Катю (в-ца Нестеровская), очень умнаго, не по лѣтамъ умнаго ребенка, то вотъ и всѣ карты авторскаго пасьянса, который на этотъ разъ совсѣмъ не *вышелъ*. Надо надѣяться, что въ будущемъ сезонѣ г. Вл. Александровъ будетъ счастливейше.

12-го января состоялся бенефисъ г. Сазонова. Бенефисъ вышелъ очень парадный: полный залъ, нарядная публика, масса вѣнковъ и подарковъ, многочисленныя вызовы и двѣ новыхъ пьесы, въ которыхъ бенефициантъ появлялся въ одной — графомъ, въ другой — княземъ.

Капитальной пьесой спектакля предстала комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Первая муха» гг. В. Крылова и В. Величко. Собственно говоря, для г. Величко это уже не *первая муха*, а *вторая*, потому что «Первая муха» была сочинена имъ *однимъ* и ставится съ *одобренія московскаго театральнаго комитета* на сценѣ Московскаго Малаго театра. Но когда г. Величко вознамѣрился пустить свою «муху» на сцену Александринскаго театра, то оказалось, что, несмотря на одобреніе московскихъ судей, здѣсь ей летать невозможно, не пройдя школы хорошихъ манеръ у г. В. Крылова. Г. Крыловъ знаетъ до тонкости Александринскую сцену, заспеленную цѣлымъ роємъ мухъ его собственной разводки и потому нѣсколькими почерками опытнаго пера приспособилъ московское насѣкомое къ условіямъ петербургскаго театра, вписалъ свое имя впереди своего сотрудника (?) тою же твердой рукой, которая приспособливала и Шплера и такимъ образомъ на бенефисной афишѣ явилась комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ «В. Крылова и В. Величко».

Я не читалъ этой пьесы и потому не знаю, что въ ней принадлежитъ г. Величко и что г. Крылову, какъ не знаю и того, насколько нашъ Первый Россійскій Драматургъ улучшилъ первое произведеніе г. Величко, дебютирующаго въ театрѣ этою своею пьесой. Я знаю только, что «Первая муха» всецѣло принадлежитъ къ тому разряду легкихъ комедій, съ которыми серьезной критикѣ дѣлать нечего, и потому мы не пойдемъ на эту муху «съ обухомъ», а сдѣлаемъ только нѣсколько замѣчаній относительно той манеры композиціи, которая практикуется въ легкихъ комедіяхъ нашими современными театральными постановщиками.

Въ «Первой мухѣ» — центральное лицо — князь Борисъ Глѣбовичъ Чембарскій, блестящій петербургскій генералъ изъ разряда *молодыхъ генераловъ* (ему 46 лѣтъ). Г. Сазоновъ очень мѣтко придалъ ему сдержанный тонъ свѣтскаго челоуѣка, нѣсколько теряющагося среди чуждой ему провинціальной сферы и выражающаго свое удивленіе на каждомъ шагѣ словомъ «замѣчательно», которымъ онъ прикрываетъ и неловкость своего положенія, и затрудненіе какъ отвѣтить на неожиданности, ежеминутно на него сваливающіяся.

Содержаніе — самое ординарное. Такихъ фарсовъ, въ которыхъ проstackъ остается одураченнымъ кокетливою дѣвицею, дамою или вдовою, написано хотя бы однимъ г. Крыловымъ такая киня, что въ охлпкѣ не

унесешь. Оригинальнаго въ комедіи гг. Крылова и Величко развѣ одно, что одураченнымъ лицомъ является блестящій военный генераль. Во всемъ остальномъ новый фарсъ не хуже и не лучше множества старыхъ: все въ немъ такъ же неправдоподобно, каррикатурно и, я долженъ сознаться, пошло, какъ и въ другихъ созданіяхъ этого рода, предназначенныхъ единственно къ тому, чтобы вызывать смѣхъ неразборчивой публики.

Но посмотримъ, къ какимъ приемамъ прибѣгаютъ наши веселые драматурги чтобы смѣшить публику, и какія сценическія прелести вызываютъ смѣхъ современнаго зрителя. Я увѣренъ, что смѣхотворная «заправка» этой новой стряпни принадлежитъ всецѣло г. Крылову: я вижу его опытную руку, его остроуміе во всѣхъ блестящихъ «Первой мухи»: г. Величко одинъ никогда бы до нихъ не додумался; для этого нужно хорошо «знать свою публику» и отбросить всякое представленіе о художественности театра. Г. Крыловъ знаетъ, что если заставить какое-либо дѣйствующее лицо пьесы постоянно повторять въ видѣ поговорки одно и то же слово, то это будетъ смѣшно, и заставилъ князя повторять безъ усталости кстати и не кстати свое «замѣчательно»: публика смѣется, тѣмъ болѣе, что г. Сазоновъ очень ловко пользуется этимъ комическимъ приемомъ. Было время, въ 40 и 50 годахъ, когда ни одинъ водевиль не обходился безъ какой-нибудь поговорки; теперь этотъ приемъ перенесли въ комедію (?) и только. Гг. Крыловы и К^о. унаслѣдовали этотъ приемъ у гг. Каратыгина, Коровкина, Ленскаго и друг. минусъ ихъ остроуміе.

Въ комедіи (?) *Баловень* г. Крыловъ сочинилъ мамашу, богатую помѣщицу, *аристократку* (по александринскому свѣтскому кодексу), которая наказываетъ молодыхъ людей, плохо ухаживающихъ за ея дочкою тѣмъ, что оставляетъ ихъ безъ утренняго кофе, запрещаетъ своимъ людямъ чистить ихъ сапоги и платье и т. п. репрессаліями. Теперь въ «Первой мухѣ» г-жа Охрименко (г-жа Абарина) являетъ собою мамашу, угнетающую предполагаемыхъ жениховъ дочери всякаго рода любезностями и подарками; *каждому жениху in—spe она обязательно посылаетъ вязанное одѣяло, туфли и икру*. Но женихъ, по выраженію папа Охрименко (г. Варламовъ), «икру сожретъ, въ одѣяло закутается», а жениться не женится. Публикѣ это сквернословіе очень нравится, и г. Крыловъ не жалѣя сдобриваетъ имъ всѣ «выпрышныя» мѣста пьесы.

Въ «Баловнѣ» дамы и дѣвицы издѣваются *надъ мозолями* какого-то аккуратнаго нѣмца, въ «Первой мухѣ» онѣ разговариваютъ о *фланелевыхъ набрюшникахъ* генерала.

Дѣвица Липкина (г-жа Дюжикова 1-я) бѣгаетъ ко всѣмъ съ просьбою *отдать ей ея штабсъ-капитана*, принявшагося, глядя на другихъ, ухаживать за Анночкой Охрименко.

Какой-то идіотъ Агапинъ (г. Корвинъ-Круковской) возвѣщаетъ въ салонѣ, что онъ увлеченъ мѣстной актрисой, потому что ему нравятся только *женщины на пьедесталѣ*.

Другой идіотъ, Иванъ Ивановичъ Ивановъ (г. Черновъ), открыто за-

являетъ, что онъ цѣнитъ женщину только по степени ея связей и вліятельности для его карьеры.

Но довольно. Не перечестъ всѣхъ перловъ тупоумія и пошлости, которыми уснащается наша веселая комедія нашимъ театральнымъ забавниками.

25 лѣтъ гг. Крыловы воспитываютъ вкусъ театральной публики на плодахъ своего остроумія и довели ее наконецъ до того, что всякое понятіе о художественности театра испарилось. Ихъ пошлости не только не возбуждаютъ гадливаго чувства, но принимаются благодушно, находятъ милымъ, безпритязательнымъ бездѣлками, приводящими зрителя въ веселое настроеніе; о нихъ говорятъ какъ о *пьесахъ*, какъ о чемъ-то, имѣющемъ мѣсто въ театральномъ *искусствѣ*. По нашему мнѣнію, затрешины и вымазанныя рожи клоуновъ въ циркѣ возбуждаютъ смѣхъ совершенно того же сорта, и зритель не слышитъ, по крайней мѣрѣ, такихъ глупостей, какія онъ слышитъ со сцены русскаго драматическаго театра.

Наши современные драматурги весь запасъ своихъ талантовъ растрачиваютъ на придумываніе сюжета и *положеній*: на рѣчи же не остается ужъ ни изобрѣтательности, ни ума, ни техническаго умѣнья вести діалоги. Разговоры сводятся, или къ совершенно безсодержательной банальщинѣ, или къ затасканнымъ тирадамъ изъ старыхъ повѣстей, или къ плоскому остроумію распивочныхъ фельетоновъ. Это балластъ пьесы: онъ нуженъ только, чтобы пополнить промежутки между входами и выходами дѣствующихъ лицъ, между фактами сценическаго дѣйствія, составляющаго *ходъ сюжета*, и вы чувствуете, какъ тяжела для автора эта задача — «сочинять разговоры», какъ онъ старается дотянуть до наступленія какого-нибудь эффектнаго *момента дѣйствія*. Мы не понимаемъ, какъ наша публика не поражается этою пустотою и глупостью разговоровъ въ теперешнихъ пьесахъ. Вѣдь ни въ *Рань земномъ*, ни въ *Спорномъ вопросѣ*, ни въ *Первой мужѣ* нѣтъ слова живого, нѣтъ ни одной не только блестящей, но просто умной мысли. Все, что говорится въ этихъ пьесахъ, можетъ быть смѣло выпущено и замѣнено пантомимой: содержаніе пьесъ, текущаго репертуара съ успѣхомъ могло-бы быть исполнено въ балетѣ, а плохіе драматическіе писатели наши могли-бы обратиться въ очень хорошихъ составителей программъ для драматическихъ и комическихъ балетовъ и пантомимъ. Вѣдь пробовали же въ Парижѣ замѣнить нѣмой и выразительной пантомимой глупую драму. Отчего-бы гг. Крылову, Вл. Александрову и др. не попытать свои силы въ этомъ новомъ жанрѣ?

Впрочемъ, нѣтъ правилъ безъ исключеній; и у насъ, нѣтъ-нѣтъ, да и появляются пьесы, или чаще пьески съ покушеніями на содержательныя или остроумныя разсужденія въ драматической формѣ. Къ такимъ пьескамъ принадлежитъ и сцена въ одномъ дѣйствіи г. А. Суворина «Онъ въ отставкѣ», данная въ тотъ-же бенефисъ г. Сазонова 12 января.

Дѣло здѣсь не въ сюжетѣ, который можно передать въ двухъ словахъ.

Государственный сановникъ, графъ Чоглоковъ, жестоко уязвленъ своей отставкой, и сидя въ бездѣйствіи и деревенской скукѣ, изливаетъ досаду и желчь на всѣхъ и все. Это хорошій предлогъ для сценическаго мастера нарисовать образъ государственнаго дѣятеля *не* удѣлъ и прекрасный поводъ ко всякаго рода разсужденіямъ въ сценической формѣ. Но, по моему крайнему разумѣнію, г. Суворинъ не справился ни съ той, ни съ другой стороною задачи.

Его графъ Чоглоковъ—и не графъ, и не сановникъ. Не графъ онъ потому, что ни въ рѣчахъ, ни въ поступкахъ его нѣтъ и слѣда аристократизма, хорошаго воспитанія и свѣтской выдержки, которыми отличаются люди его круга. Не сановникъ онъ потому, что условія высокаго поста накладываютъ неизгладимую печать на манеру держать себя не только съ посторонними людьми, но даже наединѣ съ самимъ собою; этой-то печати и невидна на героѣ г. Суворина. Если-бы его отставной сановникъ драпировался въ плащъ мученика за убѣжденія, будируя все какъ несправедливо обиженный, былъ сдержанъ и язвительнъ въ своихъ нападкахъ—изображеніе было-бы типичнѣе, и комизмъ образа тоньше. Но г. Суворинъ рисуеъ своего сановника сумасброднымъ старикашкой, доходящимъ до ребяческихъ выходокъ; грубымъ и мелочнымъ психопатомъ, не старающимся даже скрыть отъ окружающихъ свою мелочность и ограниченность; какимъ-то генераломъ изъ разночинцевъ, бѣснующимся изъ-за разбитой карьеры и утратившимъ всякое чувство собственнаго достоинства въ постигшемъ его служебномъ несчастіи. Всѣ эти интимныя бесѣды съ камердинеромъ, придирки къ ни въ чемъ неповинной дочери и враждебныя выходки по отношенію къ сосѣду—князю Голынскому—возможны въ положеніи графа Чоглокова, но не въ тѣхъ формахъ, не въ тѣхъ карикатурно-грубыхъ водевильныхъ чертахъ, какъ въ пьесѣ г. Суворина. Очевидно, автору не приходилось наблюдать типы этого сорта, и онъ создалъ его по догадкамъ, на этотъ разъ совершенно неудачнымъ.

Точно также неудачна и діалогическая сторона пьесы. Рѣчи и не типичны, и далеко не вездѣ содержательны, умѣстны и остроумны. Замѣтно, что г. Суворинъ, какъ журналистъ, съ одной стороны, и какъ мало опытный театральнй писатель—съ другой, хотѣлъ слишкомъ о многомъ за-разъ повести рѣчь устами своихъ дѣйствующихъ лицъ. Въ пьесѣ затрогиваются вопросы и объ отношеніяхъ нашего землевладѣнія къ кредиту, и о дворянскихъ интересахъ, и о газетахъ, и о переутомленіи, и о земскихъ начальникахъ, и о фантастичности статистическихъ свѣдѣній, и о глупомъ словѣ «обязательно», вошедшемъ въ употребленіе даже между лакеями, и о многомъ другомъ, что притянуто за волосы съ явнымъ умысломъ оживить пьеску мѣткостью замѣчанія, или остроуміемъ выраженія. Но, увы, въ этомъ пестромъ калейдоскопѣ рѣчей постоянно чувствуется искусственность того цемента, которымъ связаны отдѣльныя мысли и изреченія, послужившія автору матеріаломъ для его игрушечной постройки изъ дѣтскихъ чурочекъ. Настоящей мѣткости, легкаго насмѣш-

ливаго остроумія, или ѣдкаго, злого сарказма нѣтъ въ графѣ Чоголковѣ. Интересныя, живыя, острыя и мѣткія сценическія рѣчи даются несравненно труднѣе газетныхъ фельетоновъ и для сочиненія подобныхъ театральныхъ шутокъ нужно обладать нешуточнымъ талантомъ, или же находчивостью и виртуозностью, съ которою французскіе писатели умѣютъ жонглировать театральными пустячками...

Д. Д. К.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Съездъ русскихъ врачей въ память Н. П. Пирогова и рѣчь А. Э. Копп о судебной экспертизѣ. — Юбилей В. В. Стасова. — Библиотека Тихонравова. — Столѣтіе русскихъ работъ по физикѣ. — Университетъ въ Болгаріи. — Иванъ Франко. — Последнія пьесы Ипполита. — Шальмель-Дакуръ академикъ. — Новая книга о Ламартинахъ. — Мунвэ-Сюлли и его характеристика.

V Съездъ Общества Русскихъ врачей въ память Н. П. Пирогова. 27-го декабря 1893 г. въ С.-Петербургѣ открылся V Съездъ Общества Русскихъ врачей. На этотъ разъ собралось 1100 врачей, изъ которыхъ 400 принадлежали къ столичнымъ врачамъ, а 700 человекъ съѣхались со всѣхъ концовъ Россіи и даже съ самыхъ восточныхъ окраинъ Сибири. Преобладали земскіе врачи, что сказалось и на выборахъ почетныхъ предѣлателей, товарища предѣлателя и секретарей съезда: все это были извѣстные земскіе дѣятели. Съездъ по обыкновенію продолжался семь дней — съ 27-го декабря по 3-е января 1894 г., начавшись и закончившись общими Собраніями всѣхъ членовъ, на которыхъ прочитаны были рѣчи общенаучнаго содержанія, говорились привѣтствія въ началѣ и подводились итоги въ концѣ. Съездъ подраздѣлился для занятій по спеціальностямъ на 28 секцій, въ которыхъ прочитано было 156 докладовъ. Изъ рѣчей, произнесенныхъ на общихъ собраніяхъ, особенное вниманіе обратили на себя рѣчи московскаго профессора гигиены Э. Э. Эрисмана. — «Вегетаріанизмъ предъ лицомъ современной науки»; рѣчь предѣлателя съезда, проф. варшавскаго университета, М. С. Лукьянова — «О межклеточныхъ веществахъ»; рѣчь проф. кіевского университета В. В. Подвысоцкаго: — «О запасныхъ силахъ организма и о значеніи ихъ въ борьбѣ съ болѣзнями» и др. Г. Подвысоцкій указалъ на способность организма не только обнаруживать уже готовые запасныя силы въ случаѣ необходимости преодолѣть какія-либо припятствія, но и быстро создавать, подъ вліяніемъ сильныхъ раздраженій, новыя массы живой матеріи и новыя силы, съ помощью которыхъ организмъ справляется иногда съ невѣроятной въ нормальныхъ условіяхъ работой или тяжкимъ болѣзненнымъ процессомъ. Въ борьбѣ съ болѣзнями погибаютъ, слѣдовательно, лишь организмы, которые по вялости тканей и слабости жизненной энергіи не способны выставить новыя запасныя силы, остальные же должны побѣдить. Но природѣ, которая, по мудрому выраженію Гиппократова, есть лучшей цѣлитель организма, надо помогать справляться съ припятствіями, надо умѣлою рукою направить просыпающіяся запасныя силы въ надлежащую сторону, надо устранивъ, по возможности, постороннія вредныя вліянія, словомъ, надо поставить заболѣвшій организмъ въ наиболѣе благоприятныя условія для борьбы съ болѣзнетворными началами, — и эта великая отвѣтственная роль кормчаго на кораблѣ жизни принадлежитъ врачу, и въ этомъ его священная миссія.

Рѣчь профессора В. Ф. Чижова «Медицинское изученіе преступника» представляла въ сущности апологію ученія Ломброзо о преступномъ человекѣ, причѣмъ повторены

были всѣ обычные доводы въ защиту этой теоріи. Ораторъ указалъ на побѣду, которую одержала недавно теорія Ломброзо въ Бельгіи, гдѣ организованъ теперь самостоятельный и независимый отъ тюремной администраціи психіатрической надзоръ за преступниками, съ цѣлью изученію патологическихъ уклоненій въ психической сферѣ невольныхъ обитателей тюремъ.

Изъ докладовъ, прочитанныхъ въ засѣданіяхъ секцій, особенное вниманіе какъ членовъ съѣзда, такъ и общества привлекли къ себѣ доклады по судебной медицинѣ. Въ трехъ засѣданіяхъ этой секціи сдѣлано было десять докладовъ; изъ нихъ нѣкоторые имѣли выдающійся интересъ. Наиболѣе замѣчательнымъ по содержанию долженъ быть безспорно признанъ докладъ сенатора и оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента сената А. Ф. Кови: «Положеніе врача-эксперта на судѣ, его дѣятельность и отношеніе къ суду». Мы приводимъ здѣсь *in extenso* рѣчь нашего талантливаго криминалиста:

«Недостатки въ положеніи и въ дѣятельности судебного врача одинаково чувствуются какъ въ области устава судебной медицины, такъ и въ области уголовного судопроизводства». Вопросъ главнымъ образомъ и прежде всего сводится къ тому, что такое судебный врачъ-экспертъ въ подлежащемъ разсмотрѣнію суда дѣлѣ. Взгляды на этотъ вопросъ различны. Первый взглядъ состоитъ въ томъ, что судебный врачъ-экспертъ есть не что иное, какъ орудіе судьи, и, стало-быть, уподобляется другимъ орудіямъ судьи—органамъ чувствъ: онъ передаетъ ему внѣшнія впечатлѣнія. Такой взглядъ не можетъ быть признанъ правильнымъ, потому что въ дѣйствительности врачъ-экспертъ передаетъ свои впечатлѣнія, комбинируя ихъ и дѣлая выводы независимо отъ судьи: про медицину нельзя сказать, что она *ancilla justitiae*, подобно тому какъ считалось, что *philosophia ancilla theologiae*. Одни внѣшнія впечатлѣнія еще многого не говорятъ. Такой взглядъ исключаетъ психологическую діагностику цѣлаго ряда преступленій и ту художественную задачу эксперта, безъ которой невозможно обойтись. Врачу-эксперту приходится дѣйствовать на судѣ не только аналитически, но перѣдко, и особенно часто въ вопросахъ психіатрическихъ, синтетически, возсоздавая картину прошлаго. Въ этой реконструкціи прошлаго состоитъ важнѣйшая задача судебного врача-эксперта на судѣ. Достаточво указать на вопросъ о духовныхъ завѣщаніяхъ самоубійцы. По нашему законодательству, завѣщаніе считается недѣйствительнымъ, если субъектъ совершилъ самоубійство, будучи въ полной памяти; если же самоубійство совершено въ припадкѣ помраченія сознанія, то завѣщаніе дѣйствительно. Вотъ тутъ-то приходится врачу-эксперту возсоздавать образъ и душевное настроеніе самоубійцы по мелочамъ, по отрывочнымъ даннымъ, шагъ за шагомъ. Но гдѣ есть самостоятельная творческая работа, тамъ не можетъ быть и рѣчи о простомъ орудіи. Второй взглядъ выражается въ томъ, что экспертъ есть свидѣтель, — взглядъ очень соблазнительный по своей простотѣ, но лишь съ внѣшней стороны. Дѣйствительно, по способу вызова, допроса, но присягѣ, по взысканіямъ — экспертъ и свидѣтель одно и то-же — и къ сожалѣнію... взглядъ на эксперта, какъ на свидѣтеля, до сихъ поръ еще господствуетъ. Онъ встрѣчаетъ себѣ защитниковъ даже во многихъ судебно-медицинскихъ авторитетахъ. Даже Бруардель сводитъ эксперта, въ недавнемъ предисловіи къ сочиненію Вибера, къ положенію простаго свидѣтеля. Этотъ взглядъ особенно укоренился въ англійскомъ законодательствѣ. Еще недавно, въ одномъ процессѣ судья опредѣлилъ эксперта какъ «*un homme qui intr. duit des drogues qu'il connait peu, dans un corps, qu'il connait encore moins*». Но все это не можетъ быть признано правильнымъ. Свидѣтель говоритъ о фактѣ, экспертъ — о выводахъ; свидѣтель говоритъ только о прошломъ, экспертъ говоритъ также о процессахъ послѣ совершенія факта; свидѣтель обязанъ не высказывать своихъ заключеній, впечатлѣній, мнѣній о фактѣ; показаніе же эксперта все состоитъ изъ совокупности выводовъ, заключеній и мнѣній. Экспертъ-судебный врачъ не есть простой

свидѣтель даже и по закону; 693 ст. угол. судопр. запрещаетъ сливать въ одномъ лицѣ свидѣтеля и эксперта. Если-бы законъ ставилъ эксперта на одну доску съ свидѣтелемъ, то отчего-бы не позволить врачу явиться по одному и тому-же дѣлу сначала свидѣтелемъ, а затѣмъ экспертомъ. Свидѣтельскія показанія рѣдко измѣняютъ вопросъ о направленіи даннаго дѣла; показаніе же эксперта относительно какого-либо существеннаго элемента состава преступленія по большей части влечетъ примѣненіе 549 ст. угол. уст. судопр. и измѣняетъ направленіе, уже данное дѣлу.

И правительствующій сенатъ, первое время стоявшій на безусловномъ отождествленіи эксперта со свидѣтелемъ, началъ затѣмъ отъ этого отказываться. Онъ признаетъ, что сила и значеніе экспертизы могутъ быть поколеблены лишь въ исключительныхъ случаяхъ; опроверженіе ея не можетъ быть совершено такъ легко, какъ опроверженіе свидѣтельскаго показанія; оно можетъ основываться въ сущности на кассационныхъ поводахъ, т. е., когда мнѣніе было высказано не при надлежащихъ условіяхъ или не надлежащимъ лицомъ.

Третій взглядъ считаетъ судебного врача-эксперта самостоятельнымъ судьей научныхъ фактовъ, добытыхъ специальными приемами. Поэтому мнѣніе эксперта есть своего рода предрѣшеніе извѣстныхъ вопросовъ по дѣлу. Возраженіе, что, такимъ образомъ, вводится предустановленное доказательство, не имѣетъ силы. Признаніе эксперта судьей научныхъ фактовъ не умаляетъ роли внутренняго убѣжденія въ процессѣ. Старый судъ разбиралъ дѣла довольно просто. Не видя личности подсудимаго, а только № дѣла, старый судъ составлялъ приговоръ на основаніи заранее опредѣленныхъ доказательствъ и показаній, причѣмъ отдавалось преимущество показанію знатнаго лица передъ незнатнымъ, мужчине предпочитался женщинѣ, духовное лицо свѣтскому и т. д. Существовалъ, можно сказать, рецептъ, по которому составлялся приговоръ: возьми двухъ свидѣтелей не вполне достовѣрныхъ, прибавь къ нимъ одного достовѣрнаго свидѣтеля, предпочти мужчину женщинѣ и т. д. М. D. S.—или, вѣрнѣе, по отношенію къ судебному рѣшенію M. S., а потомъ уже D.—и приговоръ готовъ.

Новый судъ противопоставилъ такому отношенію къ дѣлу внутреннее убѣжденіе судьи, для котораго всѣ факты различаются лишь по внутреннему вѣсу и только свободное состязаніе сторонъ устанавливаетъ, гдѣ правда. Если здѣсь есть предустановленность, то она опредѣляется простымъ логическимъ процессомъ. Въ вопросѣ: виновенъ-ли? а не просто—совершилъ-ли?—цѣлый комплексъ выводовъ, соображеній и впечатлѣній. При разсмотрѣніи вліяющихъ на этотъ выводъ обстоятельствъ несомнѣнно весьма существенны способы оцѣнки cadaго изъ нихъ. Если, вообще, доказательства имѣютъ внутренній вѣсъ, то это особенно относится къ судебно-медицинской экспертизѣ, являющейся какъ результатъ наблюденій надъ фактами съ извѣстной научной точки зрѣнія. Такое доказательство имѣетъ исключительный вѣсъ, покуда оно не поколеблено. Присяжные засѣдатели могутъ руководиться особыми соображеніями, когда признаютъ подсудимаго невиновнымъ, несмотря на научное заключеніе, но это вовсе не значить, что они отрицаютъ послѣднее: оправданіе является лишь уступкою другимъ обстоятельствамъ, вліяющимъ на совѣсть.

Изъ взгляда на судью-врача, какъ на научнаго судью, вытекаютъ и требованія необходимыхъ преобразованій.

Прежде всего долженъ быть расширенъ объемъ участія судебного врача-эксперта, на судѣ. Ему должно быть открыто все слѣдственное производство; теперь онъ узнаетъ обстоятельства дѣла только изъ обвинительнаго акта, а при такомъ условіи требуются особая усилія ума и памяти. На основаніи 570 и 571 ст. уголовного судопроизводства, все производство суда по данному дѣлу открыто для сторонъ, а врачъ-экспертъ не пользуется этимъ правомъ, въ то время, какъ онъ обязанъ, преимущественно, стремиться только къ истинѣ, не склоняясь ни въ одну, ни въ другую сторону.

Судебный врач-экспертъ долженъ находиться все время засѣданія въ залѣ суда; это не должно ставиться въ зависимость отъ согласія или несогласія сторонъ. Такое положеніе недостойно эксперта и нецѣлесообразно. При дальнѣйшемъ ходѣ процесса врач-экспертъ можетъ усмотрѣть обстоятельства, совершенно или отчасти измѣняющія данное имъ заключеніе и имѣющія огромное значеніе для правосудія. Поэтому онъ можетъ удалиться изъ засѣданія не только когда судъ и стороны разрѣшатъ, но когда и онъ признаетъ это возможнымъ.

Эксперту должно быть предоставлено право разсматривать представленные къ судебному производству документы и во время судебного засѣданія.

Эксперты должны имѣть право предлагать вопросы какъ подсудимому, такъ и свидѣтелямъ. Теперь они безусловно лишены этого права; но такой взглядъ не вѣренъ, потому что тутъ не свидѣтель предлагаетъ вопросы, а научный судья. Экспертъ долженъ имѣть неизбѣжное право живого участія въ судебномъ засѣданіи.

Экспертъ долженъ имѣть право требовать приобщенія къ дѣлу новыхъ свидѣній, требовать вызова новыхъ свидѣтелей, отсрочки разбирательства дѣла. Конечно, окончательное разрѣшеніе этихъ вопросовъ будетъ зависѣть отъ суда».

Особая коммисія московскаго юридическаго общества представила на обсужденіе съѣзда цѣлый проектъ улучшенія условій судебно-медицинской экспертизы и соответственныхъ измѣненій уложенія о наказаніяхъ. Всѣ положенія этого доклада, въ томъ числѣ и о желательности установленія обязательнаго психіатрическаго надзора въ тюрьмахъ приняты секціею.

Не меньшее вниманіе выпало на долю вопроса о врачебной тайнѣ, который дебатировался одновременно въ нѣсколькихъ секціяхъ (судебной медицины, венерическихъ болѣзней и дѣтскихъ болѣзней). Результатомъ докладовъ лейбъ-медика I. В. Бертенсона и д-ра А. А. Шепилевскаго было принятіе съѣздомъ слѣдующаго важнаго постановленія: «Врачъ и лица низшаго медицинскаго персонала (фельдшера, зубные врачи, дантисты, фельдшерницы, повивальныя бабки и сестры милосердія) должны быть, наравнѣ съ священниками, повѣренными и защитниками, освобождены отъ обязанности давать въ качествѣ свидѣтеля на судѣ показанія, нарушающія врачебную тайну».

Въ секціи, посвященной вопросамъ врачебнаго быта, согласно докладу секретаря съѣзда, заведующаго медико-статистическимъ отдѣленіемъ при смоленской губернской управѣ, д-ра Д. Н. Жбанкова и предложенію проф. В. А. Манассена, сдѣлано было очень важное постановленіе, принятое и общимъ собраніемъ съѣзда при всеобщемъ одобреніи и сочувствіи, а именно: рѣшено: 1) «ходатайствовать о скорѣйшемъ возобновленіи женскихъ врачебныхъ курсовъ съ тѣмъ, чтобы преподаваніе на нихъ было организовано такъ же, какъ и на мужскихъ медицинскихъ факультетахъ; 2) возбудить черезъ постоянное правленіе съѣзда ходатайство объ открытіи подпiski въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ, и 3) ходатайствовать о разрѣшеніи женщинамъ, окончившимъ медицинскій курсъ заграничныхъ университетовъ и имѣющимъ аттестаты зрѣлости, держать экзамены на врача, дающіе право практики въ Россіи».

Въ той же секціи положено начало симпатичному дѣлу устройства эмеритальной кассы для врачей составленіемъ особой коммисіи для разработки этого вопроса.

По вопросамъ, возбужденнымъ на секціи общественной медицины, состоялись слѣдующія, принятая съѣздомъ, постановленія: 1) ходатайствовать о разрѣшеніи на сборъ пожертвованій для образованія капитала (въ память врачей, погибшихъ въ борьбѣ съ тифомъ и холерой въ 1891—92 гг.), на средства котораго будутъ распространяемы въ народѣ гигиеническія знанія; 2) ходатайствовать о разрѣшеніи земскимъ, сельскимъ и друг. врачамъ читать народу о вопросахъ народнаго здравія и вмѣстѣ съ тѣмъ озаботиться улучшеніемъ качества и увеличеніемъ числа популярныя медицинскія книжскъ, которыми можно было бы пользоваться для народныхъ

чтвей; 3) возбудить ходатайство о введеніи преподаванія гигиены во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, подготовляющихъ учителей и учительницъ, и объ измѣненіи положенія школьнаго врача въ смыслѣ усиленія его вліянія въ дѣлѣ улучшенія гигиеническихъ условій школьной жизни; 4) ходатайствовать о пересмотрѣ закона 1866 г. о заводской и промышленной медицинѣ и изданіи постановленій, обезпечивающихъ окружающее фабрики и заводы населеніе отъ зараженія уволенными по случаю болѣзни рабочими.

Въ секціи глазныхъ болѣзней проф. Л. Г. Беллярминовъ сдѣлалъ докладъ о результатахъ дѣятельности летучихъ окулистическихъ отрядовъ, которые, по его предложенію, были организованы попечительствомъ Императрицы Маріи и посланы въ числѣ семи въ разныя мѣста Россіи для подачи помощи крестьянскому населенію, страдающему болѣзнями глазъ, и для выясненія степени распространенія слѣпоты среди крестьянъ. Отряды эти приобрѣли безпредѣльное довѣріе населенія, и ежедневно десятки и сотни больныхъ являлись за помощью. Въ теченіе 1½—2 мѣсяцевъ произведено было 1466 разнообразныхъ глазныхъ операцій и выяснилось окончательно, что населеніе отдаленныхъ отъ большихъ городовъ мѣстностей Россіи крайне нуждается въ окулистической помощи, которую ему не въ силахъ оказать наличный земскій и правительственный врачебный персоналъ.

Въ секціи гигиены принято предложеніе симбирскаго общества врачей ходатайствовать о привлеченіи земскихъ врачей къ обязательному участию въ составленіи новыхъ плановъ селеній, такъ какъ въ настоящее время, вслѣдствіе отсутствія указаній компетентныхъ лицъ, при возведеніи крестьянскихъ построекъ требованія гигиены жилищъ совсѣмъ не принимаются во вниманіе.

Въ секціи медицинскаго статистики прочитанъ былъ докладъ доктора Гиршова, къ которому присоединилось общество курскихъ врачей, о необходимости выяснитъ общее количество душевно-больныхъ въ Россіи, особенно для крестьянскаго населенія. Рѣшено просить центральный статистическій комитетъ при предстоящей всеародной переписи ввести въ число вопросовъ также требованіе о регистраціи душевно-больныхъ и сумасшедшихъ.

Секція кожныхъ болѣзней обсуждала очень важный докладъ проф. А. Г. Полотбнова о необходимости призрѣнія больныхъ проказою и въ заключеніи постановила ходатайствовать о правительственной помощи въ дѣлѣ учрежденія особыхъ заведеній для прокаженныхъ, куда могли бы поступать желающіе и гдѣ можно было бы производить необходимыя научныя изслѣдованія для выясненія этой до сихъ поръ еще не вполне изученной болѣзни.

Въ секціи нервныхъ и душевныхъ больныхъ обратилъ на себя вниманіе докладъ д-ра Давилло: «Объ обученіи уходу за душевно-больными»; докладчику выражена благодарность за то, что онъ первый въ Россіи организовалъ обученіе уходу за душевно-больными.

Въ секціи дѣтскихъ болѣзней д-ръ В. П. Жуковскій сообщилъ свои замѣчательныя наблюденія надъ громаднымъ распространеніемъ англійской болѣзни (рахита) среди дѣтей рабочаго населенія Петербурга. Изъ 3225 дѣтей оказалось 3055 рахитиковъ, что составляетъ 95% всего числа дѣтей, причѣмъ въ возрастѣ отъ 1 до 3-хъ лѣтъ процентъ этотъ повышается до 98%. Причиной этого ужаснаго явленія служатъ, конечно, сырость и грязь помѣщеній, отсутствіе свѣжаго воздуха и прогулокъ, недостаточное питаніе, а также дурныя климатическія условія столицы. Д-ръ Жуковскій совѣтуетъ обратить серьезное вниманіе на этотъ ненормально-огромный % рахитиковъ и припятъ мѣры для борьбы съ этимъ бичемъ столичнаго рабочаго населенія.

Изъ этого краткаго перечня наиболее интересныхъ и замѣчательныхъ докладовъ обнаруживается съ достаточной опредѣленностью, что послѣдній съѣздъ врачей имѣлъ вполне земскій характеръ: обпаружилось, что земскіе врачи—въ громадномъ

большинствѣ искренніе и дѣятельные друзья народа, пекущіеся не только объ его физическомъ здоровьѣ, но и объ улучшеніи условій его матеріальной жизни и объ его просвѣщеніи. Преобладаніе земскихъ врачей на сѣздѣ выразилось прежде всего въ громадномъ количествѣ докладовъ и постановленій, посвященныхъ вопросамъ народнаго здравоохраненія и интересамъ крестьянской массы. Это было собраніе живыхъ общественныхъ дѣятелей, дружно и не покладая рукъ, самоотверженно и скромно работающих въ глухихъ углахъ Россіи для блага народнаго. Поэтому-то отъ вышшняго сѣзда вѣяло чѣмъ-то живымъ, симпатичнымъ, гуманнымъ; чувствовалось что люди съѣхались изъ-за тридцати земель не для пустого времяпрепровожденія, а чтобы научиться чему-либо новому, послушать своихъ товарищей, работающихъ на томъ же поприщѣ, подѣлиться своими наблюденіями и опытомъ, чтобы затѣмъ съ новой энергіей взяться за прежнее, одушевляющее ихъ, дѣло помощи народу.

Юбилей В. В. Стасова. 2-го января былъ отпразднованъ въ тѣсномъ кругу друзей и почитателей день 50-лѣтія литературно-художественной дѣятельности В. В. Стасова. Въ 10 часовъ утра въ Императорскую с.-петербургскую публичную бібліотеку, гдѣ служить В. В. Стасовъ, прибыли кромѣ многочисленныхъ друзей юбиляра: министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь графъ И. Д. Деляновъ, государственный контролеръ Т. И. Филипповъ, директоръ публичной бібліотеки, А. О. Вычковъ, Д. В. Григоровичъ, вице-президентъ Императорской академіи художествъ графъ Толстой, баронъ Г. О. Гинцбургъ, Л. И. Шестакова, г. Римскій Корсаковъ, Л. В. Бертенсовъ и много др. Юбиляру было прочтено множество адресовъ отъ различныхъ кружковъ и обществъ и рядъ привѣтственныхъ телеграммъ, пришедшихъ изъ разныхъ концовъ Россіи, а молодой художникъ Гинцбургъ прочелъ письмо извѣстнаго скульптора М. Антокольскаго слѣдующаго содержания; «Издали протягиваю вамъ руки, дорогой, сто разъ дорогой мой Владиміръ Васильевичъ, чтобы хоть мысленно обнять васъ крѣпко, какъ вѣрный воинъ—свое знамя, знамя, которое служило намъ примѣромъ, символомъ любви къ правдѣ, къ искусству, къ родинѣ и къ человечеству! Ваша дѣятельность славна, ваше прошлое полно борьбы; вы всегда шли впереди насъ, на встрѣчу новой эры въ родномъ искусствѣ, очищая путь тѣмъ, которые шли за вами. Но вы не любили ни слабыхъ, ни слѣпыхъ, вы хотѣли, чтобы каждый изъ насъ былъ равнымъ вамъ. Однажды—это было въ Римѣ—я получилъ отъ васъ письмо, полное упрековъ, и—какъ всегда—полное откровенности. Рѣчь шла объ искусствѣ... Я отвѣчалъ вамъ рѣзко, отстаивалъ свои убѣжденія, какъ могъ и думалъ: «разсердится на меня мой другъ навсегда!..». Не тутъ-то было: вашъ отвѣтъ былъ восторженный—вы писали: «такіхъ-то я и люблю!» И съ тѣхъ поръ я еще болѣе понял васъ, сильнѣе, горячѣе полюбилъ васъ. Да, вы любите говорить правду, любите и слушать ее и, напротивъ, вы всей вашей сильной душой ненавидите фальшь и притворство—все равно, гдѣ бы оно ни проявлялось, кѣмъ бы оно ни было высказано, во имя чего оно ни было высказано. Вы встрѣчали противъ себя много злобы, потому что у васъ самого много доброты. Но, слава Богу, время васъ не утомило, борьба васъ не осилила, мы ждемъ отъ васъ еще многого... Теперь наша маленькая дружина собрала ваши слова въ нѣсколькихъ объемистыхъ томахъ. Это лучшее, что мы могли сдѣлать: что написано перомъ, того не вырубишь и топоромъ. Эти-то слова и есть лучшей свидѣтель вашего *честнаго*, неутомимаго труда, лучшей памятникъ вашей дѣятельности. Честныя искреннія слова, свѣтлая мысль, какъ сѣмя, не умираютъ никогда. Иной разъ они долго лежать подъ снудомъ наноснаго снѣга, иной разъ вѣтеръ переноситъ ихъ на другую почву; но все равно, не сегодня, то завтра, послѣ завтра, черезъ годы когда-нибудь... ихъ поймутъ, а тогда всѣ, кто только любитъ родное искусство, всѣ скажутъ вамъ единодушное спасибо! А пока мы, ваши друзья, счастливы и гордимся тѣмъ, что можемъ сказать то-же самое теперь-же. Ваша честная прямолинейная дѣятельность всю вашу жизнь служила намъ примѣромъ силы, стойкой какъ дубъ, способной скорѣе сломиться, чѣмъ согнуться».

По поводу поднесеннаго юбиляру перваго экземпляра отпечатаннаго ко дню юбилея полнаго собранія его сочиненій, В. В. Стасовъ произнесъ слѣдующій экзпрольтъ, дышавшій вдохновеніемъ и выраженный съ обычною литературною силою: «Господа! Восемь лѣтъ тому назадъ, я узналъ изъ поднесеннаго мнѣ тогда изумительнаго, великолѣннаго адреса, что собраніе всѣхъ лучшихъ нашихъ художниковъ сложилось и собрало значительную сумму денегъ на то, чтобы издать полное собраніе моихъ сочиненій. Радости и счастья моему не было предѣловъ. Осуществлялось то, чего я всею душою давно желалъ и на что никогда не смѣлъ надѣяться. Кому нужны мои сочиненія?—думалъ я.—И, однако-же, оказывалось, что они кому-то нужны—п я былъ счастливъ и радостенъ. Но прошли годы, наступили новыя времена, совершились новыя событія, такія событія, отъ которыхъ я вдругъ сдѣлался все равно что больной. Меня словно кто-то ударилъ нѣсколько разъ злымъ ножомъ, въ сердце. Рухнулись лучшія мои упованія, иные лучшіе люди оказывались слабыми или не понимающими, иные ковыляли, другіе хромали, третьи и совсѣмъ падали. Какъ это было ужасно! Я несчастнымъ взоромъ обращался къ своимъ сочиненіямъ за всѣ 40 или 45 лѣтъ ихъ существованія на свѣтѣ, и—простите мнѣ, господа, жалкое и, можетъ быть, совершенно излишнее для васъ, но ужасное для меня, призваніе, что я... я проклиналъ всѣ свои писанія, я глубоко раскаивался въ томъ, что они когда-нибудь появлялись на свѣтѣ, я отъ всей души жалѣлъ, зачѣмъ они есть. На что они? Кому они нужны? Вѣдь, они, ясное дѣло, не поворотили и одной песчинки съ мѣста, они даже и у лучшихъ людей и художниковъ не провели не единой черточки на душѣ. На что они! Ахъ, съ какимъ восхищеніемъ я бы ихъ всѣ сжегъ и уничтожилъ. Но сегодняшній день, все то, что я вижу и слышу здѣсь, вливаетъ въ меня лучъ надежды, я опять осмѣливаюсь думать, что не понапрасну я жилъ и дѣлалъ то, что считалъ важнымъ, и хорошимъ, и нужнымъ. Благодарю васъ, всѣхъ васъ, кто сегодня пришелъ сюда и выказалъ мнѣ свои симпатіи. Это нѣчто самое драгоценное въ мірѣ для меня».

Редакція «Сѣвернаго Вѣстника», имѣвшая своихъ представителей на этомъ, въ высшей степени симпатичномъ праздествѣ въ лицѣ издательницы Л. Я. Гуревичъ и сотрудника А. Л. Волинскаго, выразила В. В. Стасову самыя лучшія пожеланія. Г. Стасовъ не однажды помѣщалъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» свои критическія статьи, и читатели нашего журнала знаютъ настоящую цѣну этому мощному таланту, этому превосходно и разнообразно образованному литературному дѣятелю. Такіе люди, какъ В. В. Стасовъ, сдѣлали бы честь каждому обществу, а нашему русскому обществу, столь бѣдному истинно культурными силами, они дороги и полезны въ особенности. Въ нихъ залогъ того, что искусство можетъ и будетъ имѣть въ Россіи своихъ подвижниковъ, своихъ смѣлыхъ и убѣжденныхъ ратоборцевъ...

Приведемъ еще интересное письмо къ В. В. Стасову художника Рѣпина, присланное изъ-за границы и появившееся въ «Новомъ Времени»:

«Самое трудное въ искусствѣ — это *современность*, говоритъ В. В. Стасовъ. Легко наслѣдовать установившуюся рутину, но чтобы создать что нибудь новое, еще небывалое, сдѣлать поступательное движеніе впередъ — надо стоять не только на высотѣ задачъ своего времени, но даже быть выше среды. Вотъ почему такъ рѣдки новыя явленія въ искусствѣ. Къ нимъ стремятся только большія силы и въ лучшую пору своей дѣятельности. Явленія новыя обыкновенно не понятны большинству, оно любитъ наслаждаться уже усвоенными мотивами, поддѣваетъ съ удовольствіемъ любимыя напѣвы знакомыхъ мелодій; но появленіе чего нибудь новаго неприятно озадачиваетъ публику и располагаетъ ее къ враждебному настроенію, къ сухому приему всякой новизны. Тутъ уже нужны толкователи. Съ высокимъ развитіемъ философа, объяснитель новыхъ явленій долженъ соединять въ себѣ и вкусъ къ новымъ прогрессивнымъ произведеніямъ, а это встрѣчается еще рѣже, чѣмъ оригинальныя произведенія въ самомъ искусствѣ. Легко порицать, тутъ часто даже пишущая посред-

ственность смѣла, изобрѣтательна до игривости и легко увлекаетъ толпу. Новая оригинальнѣяя явленія скорѣй всего дѣлаются добычей борзописцевъ. Глумленіе, шумъ, дешевое остроуміе — и сильная вещь топчется въ грязь подъ аплодисменты толпы, а шаблонная посредственность подымается на ея щитахъ. Я еще хорошо помню развязное гаерство надъ «Войной и миромъ» гр. Л. Н. Толстаго и ярые восторги отъ «Петербургскихъ трущобъ» Вс. Крестовскаго. Самое трудное въ критикѣ это судить *положительно* и безъ ошибки новыя выдающіяся произведенія искусства. Тутъ нужны: исключительная чуткость — талантъ рѣдкій (и, какъ чувство почти инстинктивное, обыкновенно сильно парализуемое рефлексій), большое знаніе предмета — трудъ ученаго и независимый глубокой умъ. Положительная оцѣнка предмета — это пробный камень для всякаго критика, на этомъ, опасномъ мосту они проваливаются сотнями. Стоя близко къ искусству пластическому уже около 30 лѣтъ, я и по волѣ, и по неволѣ слѣдилъ за всею текущею критикою въ этой сферѣ. И здѣсь одинъ человекъ особенно возбуждалъ мое удивленіе своей чуткостью и смѣлостью своихъ положительныхъ приговоровъ. Двадцать пять лѣтъ назадъ я познакомился съ нимъ и чѣмъ больше узнавалъ его, тѣмъ большимъ уваженіемъ проникался къ этому необыкновенно одаренному критику-публицисту. Кромѣ частнаго общенія я сдѣлалъ съ нимъ нѣсколько совмѣстныхъ путешествій по европейскимъ художественнымъ центрамъ и былъ много разъ удивленъ его тонкимъ артистическимъ пониманіемъ искусства всѣхъ родовъ. Не только новыя явленія онъ разгадываетъ съ перваго взгляда безъ ошибки, онъ любитъ горячо и досконально знаетъ искусство прошлое всѣхъ эпохъ и наслаждается имъ, какъ истинный любитель. Безъ всякой указки гйда, онъ не пропуститъ ни одного chef-d'œuvre'a, гдѣ-нибудь, по невѣдѣвію распорядителей, поставленнаго въ закоулкѣ и не помѣченнаго въ шаблонномъ комментаріи каталоговъ. Кромѣ этихъ специальныхъ достоинствъ въ этомъ замѣчательномъ человекѣ, въ долгіе годы знакомства, я убѣдился въ необыкновенномъ благородствѣ его души, его сердечной отзывчивости на все истинно доброе, въ его свѣтломъ умѣ и необыкновенно широкомъ и разностороннемъ образованіи. Этотъ человекъ — Владиміръ Васильевичъ Стасовъ. Сегодня ему минуло 70 лѣтъ. Въ послѣдніе годы онъ сталъ прихварывать физически, но душою и умомъ онъ бодръ и могучъ по прежнему; работаетъ какъ всегда, много, часто до изнеможенія... Сегодня, вдали отъ него, когда наши общіе друзья празднуютъ 50-лѣтній юбилей его энергичной дѣятельности, я посылаю ему свою горячую благодарность за многое, многое, что мнѣ посчастливилось пріобрѣсти отъ общенія съ нимъ. Всей душой желаю ему еще многихъ лѣтъ счастливой плодотворной жизни для одушевленія по прежнему обширной среды. Пусть она бьетъ тѣмъ-же здоровымъ ключемъ и въ немъ и кругомъ него далекими лучами.

И. Рипинг.

Неаполь, 2-го января 1894 г.

Библіотека Тихонравова. Послѣ покойнаго Н. С. Тихонравова осталась цѣнная и обширная библіотека, которая по духовному завѣщанію должна перейти, какъ передають «Моск. Вѣд.», къ его женѣ. Библіотека представляетъ рѣдкое собраніе книгъ до 10000 экземпляровъ; независимо отъ этого, въ ней имѣется свыше 900 рукописей разныхъ сочиненій и статей, изъ которыхъ каждая представляетъ историко-литературный интересъ. Въ настоящее время душеприказчиками покойнаго ведется разборка этихъ рукописей и провѣрка съ имѣющимся каталогомъ. Оказалось много рукописей, не обозначенныхъ въ каталогѣ и неизвѣстно кому принадлежащихъ. Рукописи и книги будутъ отправлены на сохраненіе въ Румяндовскій музей.

Столѣтіе самостоятельныхъ русскихъ работъ по физикѣ. 30-го декабря 1893 г. русское физико-химическое общество въ С.-Петербургѣ торжественнымъ засѣданіемъ почтило память замѣчательнаго русскаго физика, академика В. В. Петрова, который сто лѣтъ тому назадъ выступилъ съ серьезными самостоятель-

ными изслѣдованіями, которыя по своему значенію могли быть поставлены наравнѣ съ работами лучшихъ западно-европейскихъ ученыхъ. Изслѣдованія его касались явленій электричества, вообще, и электролиза, въ частности, горѣнія, флуоресценціи и фосфоресценціи. Петровъ оставилъ послѣ себя слѣдующія сочиненія: «Извѣстіе о гальвано-вольтовскихъ опытахъ», «Новые электрическіе опыты» и «Собраніе химико-физическихъ опытовъ» (1804 г.).

Университетъ въ Болгаріи. Возникновеніе народнаго образованія въ Болгаріи въ настоящемъ значеніи этого слова можно отнести лишь къ эпохѣ освобожденія этого княжества, т. е. къ 1879 г. Сначала были учреждены только начальныя школы, которыя, естественно, возникли по инициативѣ государства. Быстрый успѣхъ этихъ школъ привелъ послѣдовательно къ открытію школъ высшаго типа, а затѣмъ и гимназій. Разъ возникло среднее образованіе, явилась необходимость въ подготовленіи для нихъ учительскаго персонала. Была сдѣлана попытка формированія такого персонала посылкою молодыхъ болгаръ въ заграничныя университеты. Но разнобразіе въ методахъ подготовки этихъ молодыхъ людей, дороговизна подобной системы и, наконецъ, вопліи естественное стремленіе имѣть въ самой Болгаріи серьезный центръ высшаго образованія, побудили правительство княжества сдѣлать опытъ самостоятельнаго высшаго образованія болгарской молодежи учрежденіемъ высшей школы въ Софіи. Въ 1888 году былъ открытъ первоначально только историко-филологическій факультетъ, къ которому, въ слѣдующемъ году, прибавленъ еще факультетъ физико-математическій. Когда дѣятельность этихъ двухъ факультетовъ была поставлена на прочныхъ основахъ, въ школѣ былъ учрежденъ въ 1892 году третій факультетъ — юридическій. Эти три факультета раздѣляются на 5 отдѣленій: историческое, филологическое, математическое, естественныхъ наукъ и юридическое. При школѣ имѣются: бібліотека, которая въ 1888—1889 году заключала 4243 тома и, постепенно возростая, доведена, въ настоящее время, до 9500 томовъ; лабораторіи ботаническая, зоологическая, минералогическая, химическая; кабинеты — физическій и учебныхъ пособій по математикѣ; сверхъ того, имѣются: метеорологическая обсерваторія, оранжереи, коллекція моделей, помѣщающаяся въ бібліотекѣ, и археологическій музей, открытый въ послѣднее время.

Программа пяти отдѣленій на 1893 годъ въ самыхъ общихъ чертахъ была слѣдующая:

1) *Отдѣленіе историческое.* Всеобщая исторія, исторія философіи, исторія педагогикѣ; языки греческій и латинскій; исторія всеобщей литературы; исторія болгарскаго языка и литературы; психологія.

2) *Отдѣленіе филологическое.* Лингвистика, сравнительная грамматика, этнографія, синтаксисъ древняго болгарскаго языка, логика и мораль. (Исторія древніе языки, исторія литературы и психологія преподаются въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и на историческомъ отдѣленіи).

3) *Отдѣленіе математическое.* Алгебра, аналитическая геометрія, дифференціальное и интегральное исчисленіе, астрономія. Практическія работы и упражненія въ математической семинаріи.

4) *Отдѣленіе наукъ физическихъ, химическихъ и естественныхъ.* Работы въ лабораторіяхъ; теоретическая физика, химія неорганическая и органическая, токсикологія, ботаника, зоологія, геологія.

5) *Отдѣленіе юридическое.* Римское право, византійское право, исторія болгарскаго права. Право гражданское, право уголовное; практико-юридическія занятія; латинскій языкъ.

Для всѣхъ студентовъ всѣхъ пяти отдѣленій обязательно изученіе одного изъ двухъ языковъ — бѣжскаго или французскаго, для чего при школѣ состоятъ особые преподаватели. Изученіе новыхъ языковъ преслѣдуетъ преимущественно прак-

тическую цѣль: чтобы студенты съ окончаніемъ курса, доведены были до умѣнья свободно понимать научныя сочиненія на этихъ языкахъ¹⁾.

Не подлежитъ сомнѣнію, что основывая и совершенствуя свой университетъ, этотъ источникъ уметвенной жизни для каждой страны, Болгарія выходитъ, вопреки своимъ злымъ политическимъ обстоятельствамъ, на путь европейской культуры и дальнѣйшаго прогресса.

Иванъ Франко. Иванъ Франко, авторъ помѣщаемого въ I отд. журнала разсказа, докторъ филологіи вѣнскаго университета, галицко-русскій писатель, беллетристъ и публицистъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ дѣйствительно талантливыхъ галицко-русскихъ писателей, которые выдвинулись въ малорусской литературѣ за послѣднее время и, къ сожалѣнію, совершенно у насъ неизвѣстны. Сынъ простаго крестьянина, русина, Ив. Франко родился въ 1856 году въ селѣ Нагуевичахъ, Дрогобицкаго уѣзда (въ восточной Галиціи). Несмотря на много испытаній и лишеній, выпесенныхъ въ низшей и средней школѣ вслѣдствіе бѣдности и своего мужицкаго происхожденія и описанныхъ Франкомъ въ цѣломъ циклѣ разсказовъ изъ школьной жизни («Маленькій Миронъ», «Schön-Schreiben» и проч.), Франко блестяще окончилъ курсъ гимназіи и поступилъ въ Львовскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, гдѣ однако пробылъ всего три года, вслѣдствіе несправедливыхъ преслѣдованій политическаго свойства, неожиданно привѣдшихъ Франка въ тюрьму, въ которой ему пришлось прожить въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ девять мѣсяцевъ. Съ этого времени начинаются для И. Франка длинные и тяжелые годы безпросвѣтныхъ страданій, преслѣдованія и всевозможныхъ лишеній. Въ университетѣ Франку пришлось попасть какъ разъ въ разгаръ горячихъ споровъ между двумя главными-галицко-русскими партіями: москалефильской и украинфильской, т. е., съ одной стороны—поклонниками полнаго формальнаго и духовнаго объединенія съ русскимъ народомъ и, съ другой—сторонниками полной національной особыности малороссовъ. (По исторіи галицко-русскихъ отношеній см. статьи въ «Энцикл. Слов.» Брокгауза, т. VII). Обѣ русскія партіи, однако, несмотря на кажущуюся національную самостоятельность, были подчинены польскому культурному вліянію, и иногда равнодушны къ интересамъ русскаго крестьянства. Какъ видно изъ біографіи Франка, онъ нѣкоторое время плохо понималъ смыслъ всѣхъ этихъ споровъ и часто мѣнялъ свои симпатіи. Наконецъ, знакомство съ русской литературой и нѣкоторыя русскія вліянія выяснили ему сущность вопроса, и онъ понялъ, что въ Галиціи защищать русскую народность значило—посвятить себя служенію простому народу, какъ единственному русскому элементу въ Галиціи: Франко бросаетъ искусственный языкъ, которымъ написаны нѣкоторыя его первыя произведенія, и переходитъ къ языку понятному массѣ—народному.

Для самоотверженной и трудной дѣятельности на пользу простаго люда, интересамъ котораго нѣтъ пока мѣста въ современной феодально-буржуазной Австріи, И. Франко и многіе другіе дѣятели почерпнули силы и энергію въ томъ прекрасномъ и благородномъ настроеніи, которое сообщилось имъ изъ русской литературы съ ея идеально-гуманнымъ содержаніемъ.

Отсюда—рядъ обвиненій въ панславизмѣ, «нигилизмѣ» и пр., отсюда жестокія матеріальныя лишенія, о которыхъ и не сазлось русскимъ писателямъ, и упорныя преслѣдованія, нравственныя и полицейскія, со стороны всѣхъ круговъ галицкаго общества. Потянулись годы въ буквальной смыслѣ голодной жизни: тюремныя заключенія, многочисленные процессы, конфискации сыпались на молодыхъ дѣятелей, не успѣвшихъ, конечно, сразу же найти должной поддержки въ невѣжественной крестьянской массѣ. Только въ послѣднее время Франку удалось занять болѣе прочное положеніе, что отчасти объясняется возникновеніемъ въ 1888—89 г. крестьянской партіи (такъ называемой «русско-украинской радикальной партіи»), а отчасти

¹⁾ Изъ журнала «Образованіе», 1893 г. № 12.

тѣмъ, что г. Франко, и вслѣдствіе условій воспитаній и по другимъ причинамъ, не вполне ушелъ изъ сферы польскихъ и украиннофильскихъ симпатій. (Онъ сотрудничаетъ въ газетахъ «Głos.», «Kraj», «Kurjer Lwowski», «Prawda» и др.). Въ настоящее время Франко, получивъ степень доктора филологій въ вѣнскомъ университетѣ, занялъ редактированіемъ журнала по Фолькльору: «Живое слово». Произведенія Франка весьма многочисленны; ихъ списокъ занять-бы много страницъ. Его художественному таланту недостаетъ обработки, языку — пластичности, красоты, но эти недостатки, оправдываемые суровыми условіями труженнической жизни галицко-русскихъ писателей, вполне выкупаются глубокимъ знаніемъ жизни бѣдныхъ людей и той теплой струей сердечнаго сочувствія къ долѣ несчастныхъ, которое, благодаря весьма широкому, европейскому образованію автора, позволяетъ ему безъ различія національности глубоко заглядывать въ душу русина, поляка, еврея и изображать ихъ бытъ и тяжелыя условія жизни съ суровою правдою, сквозь которую проглядываетъ то горечь негодованія, то чисто малорусскій юморъ. Поэтому-то одна изъ первыхъ повѣстей Франка «Надпі» (изображеніе ужасовъ австрійской тюрьмы) издана на деньги, собранныя русскими, польскими и еврейскими работниками. Эта повѣсть переведена на польскій языкъ по инициативѣ и подъ редакціей Эм. Оржешко.

Изь другихъ произведеній Франка, кромѣ сборника въ «Номіона», откуда заимствованъ печатаемый въ этомъ № «Сѣв. Вѣстн.» переводъ, слѣдуетъ отмѣтить романъ «Воя Constrictor», «Бориславъ», «З вершинъ і низинъ» и проч. Кромѣ того Франко перевелъ съ русскаго много произведеній Щедрина, Гоголя и др., а съ иностраннаго — «Фауста» Гете, «Deutschland» Гейне, «Кайна» Байрона, «Queen Mab» Шелли, романы Золя и пр. Публицистическія статьи Франко помѣщаетъ въ «Kur. Lw.» и въ «Народѣ». На русскомъ языкѣ два-три разсказа напечатаны въ «Кіев. Старинѣ».

Исьма Ницше. Въ Германіи появилась любопытная книга: Георгъ Брандесъ соединилъ въ одномъ томѣ свои статьи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ, разбросанныя въ различныхъ журналахъ подъ названіемъ «Люди и произведенія». Это заглавіе подъ однимъ общимъ опредѣленіемъ соединяетъ авторовъ и произведенія, рѣко противорѣчащихъ другъ другу. Русскіе нѣмцы и французы стоятъ здѣсь рядомъ съ скандинавцами; Гёте, Гольбергеръ, Эленшлегеръ, классики встрѣчаются съ самыми новѣйшими писателями: Якобсономъ, Стриндбергомъ, Гауптманномъ. Но главное изслѣдованіе книги, которое составляетъ какъ-бы центръ ея, посвящено произведенію Фридриха Ницше. Тутъ же приведено двѣнадцать писемъ, написанныхъ философомъ въ послѣдній годъ его литературной дѣятельности. Эта переписка гениальнаго и тогда еще непризнаннаго человѣка съ первымъ критикомъ, оцѣнившимъ его по достоинству, знакомятъ насъ съ Ницше болѣе близко, дѣлаютъ его болѣе понятнымъ намъ и представляютъ въ интересномъ свѣтѣ его психическую жизнь. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этихъ писемъ. Онѣ, быть можетъ, послужатъ къ тому, чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ загадочную натуру обезумѣвшаго философа.

Въ концѣ 1887 года мы находимъ Ницше въ Ницѣ. Онъ только что окончилъ свою «Генеалогію нравственности» и вступалъ въ тотъ періодъ лихорадочной дѣятельности, отъ которой, увы! суждено было остаться почти исключительно неоконченными произведеніямъ. Его здоровье окрѣпло и никто не могъ подозрѣвать о приближеніи ужасной катастрофы. Философъ отослалъ свои послѣднія книги датскому критику, — и между ними установилась послѣдовательная переписка. Вотъ первое письмо Ницше.

Ница, 2-е декабря 1887 г.

«Нѣсколько читателей, которыхъ уважаешь въ глубинѣ души, и больше викарихъ читателей — вотъ одно изъ моихъ дѣйствительныхъ желаній. Что касается второй

половины этого желанія, то я убѣждаюсь все болѣе, что оно остается неисполненнымъ. Я тѣмъ болѣе счастливъ, что — *satis sunt pauci* — я никогда не чувствовалъ недостатка въ немногихъ. Изъ тѣхъ, которые живы между ними (говорю только о тѣхъ, которыхъ вы знаете), назову моего прекраснаго друга Биркхарта, Ганса фонъ-Бюлова, Тэва, швейцарскаго поэта Келлера; изъ тѣхъ, которые уже умерли: — стараго гегелиста Бруно Вауэра и Рихарда Вагнера. Мнѣ доставляетъ истинное удовольствіе, что такой настоящій европеецъ и проповѣдникъ культуры, какъ вы, пожелалъ въ будущемъ присоединиться къ нимъ. Благодарю васъ отъ всего сердца за это доброе намѣреніе.

Разумѣется, это не обойдется безъ усилій съ вашей стороны: я не сомнѣваюсь въ томъ, что написанное мною, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, все еще «характерно вѣнецкое», а вы почувствуете это еще сильнѣе: вы такъ избалованы самимъ сѣбою, я хочу сказать, — той пріятной французской манерой, которой вы обладаете (манерой болѣе легкой въ сравненіи съ моею)... Однимъ словомъ, — и, вѣроятно, это-то и дѣлаетъ мои сочиненія темными, — во мнѣ есть какая-то небрежность по отношенію къ манерѣ выражаться... Мнѣ кажется, что смѣлость, степень ея вѣнечности — рѣшается, что человѣкъ считаетъ вѣрнымъ, и что отрицается... (Я только изрѣдка обладаю смѣlostью призвать то, что я считаю вѣрнымъ)...

Куда завела и куда заведетъ еще меня эта манера думать? Мнѣ почти страшно представить себѣ это! Но есть дороги, которыя не позволяютъ вернуться назадъ. Итакъ, я иду впередъ, если ужъ это нужно.

Въ настоящее время печатаютъ мою партитуру съ хоромъ и оркестромъ «Гимнъ жизни». Кажется, ему суждено пережить все мое музыкальныя произведенія, чтобы быть исполненнымъ однажды «при моемъ погребеніи»; хотя можно предположить, что отъ меня останется довольно много и другихъ произведеній. Вы видите, съ какими надеждами на посмертную память я живу. Но философія такая, какъ моя — похожа на могилу — съ ней нельзя жить. *Bene vixit qui bene latuit* — такова надпись на могилѣ Декарта. Это эпитафія, конечно!..»

Приведемъ еще нѣсколько отрывковъ. Эти отрывки помогаютъ возстановить внутреннюю жизнь автора «Заратустры».

Ницца, 19 февраля 1888 г.

«Двѣ статьи о Шопенгауэрѣ и Рихардѣ Вагнерѣ представляютъ изъ себя, какъ мнѣ теперь кажется, скорѣе признаніе или обѣтъ, сдѣланный мною самому себѣ, чѣмъ дѣйствительную психологію этихъ двухъ людей, столько же близкихъ мнѣ, сколько антагоничныхъ. (Я первый открылъ между ними какъ бы союзъ; теперь это мнѣніе занимаетъ очень важное мѣсто въ вѣнецкой культурѣ: все вагнеристы — поклонники также и Шопенгауэра. Во времена моей молодости было совсѣтъ иное. Тогда послѣдніе гегелисты стояли за Вагнера. «Вагнеръ и Гегель» было еще призывнымъ возгласомъ 1850-хъ годовъ)...

27-го марта. Вы внушаете мнѣ жалость на вашемъ сѣверѣ, — такомъ мрачномъ, такомъ холодномъ на этотъ разъ. Какъ это тамъ достигаютъ того, чтобы поддержать себя? Я почти удивляюсь тому, кто, живя подъ сумрачнымъ небомъ, не теряетъ вѣры въ себя, не говоря уже о вѣрѣ въ «человѣчество», въ «собственность», въ «государство»... На сѣверѣ я былъ бы пигмистомъ; здѣсь я вѣрующій, какъ растеніе, которое вѣрится въ солнце. Солнце въ Ницѣ! — это, право, не предразсудокъ. Мы обладаемъ имъ въ ущербъ всей остальной Европѣ. Со свойственнымъ ему тепломъ, Богъ допустилъ, чтобы на насъ — лѣнивцевъ, философовъ и грековъ солнце свѣтило гораздо ярче, чѣмъ на героически воинственное «отечество», которое было бы гораздо достойнѣе этого»...

Далѣе нѣсколько строкъ относительно зарожденія «Заратустры»:

Тюрингъ, 10 апрѣля 1888 г.

...«Каждая часть — приблизительно въ десять дней. Состояніе дѣйствительно

«вдохновеннаго». Общее задумано въ дорогѣ, во время усиленной ходьбы; увѣренность полная, какъ если бы каждая фраза была подсказана мнѣ какимъ-то голосомъ. Во время этой работы, — удивительная эластичность и полнота физическихъ ощущеній».

По мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ критическому моменту, впечатлѣвнѣе отъ его страницъ становится все болѣе острымъ.

Предпоследнее его письмо, помѣченное 20-мъ числомъ ноября 1888 г., изъ Тюрэнна: .. «Я совершенно вѣрю въ то, что вы мнѣ говорите о Достоевскомъ. Я цѣню его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ самый драгоценный психологическій матеріалъ, какой мнѣ приходилось встрѣчать, — я ему благодаренъ какимъ-то страннымъ образомъ, хотя онъ совершенно противорѣчитъ моимъ высшимъ инстинктамъ. Это приблизительно то же, что привязываетъ меня къ Паскалю, котораго я почти люблю, за то, что онъ безопечно образуетъ меня.

Третьяго дня читалъ «Les mariés» М. Огюста, и былъ восхищенъ, какъ если бы находился въ своемъ собственномъ домѣ. Ничто не мѣшаетъ моему искреннему наслажденію, кромѣ любованія немного собою, въ то же время Тюрэнъ остается моею резиденціей». Письмо подписано: «Вашъ Ницше, въ настоящее время — чудовище».

Последнее посланіе Ницше обличаетъ уже полное безуміе. Оно нефранкировано, адресъ неточенъ, самое письмо написано крупными, какъ у дѣтей, буквами на разливованной карандашомъ бумагѣ. Число не выставлено, нѣсколько фразъ, составляющихъ содержаніе, звучать дико, подпись сдѣлана рукой умалишеннаго:

«Другу Георгу.

Послѣ того, какъ ты открылъ меня, найти меня было не трудно. Теперь предстоитъ потерять меня...
Распятый».

Шальмель-Лакуръ — академикъ. Литературнымъ событіемъ дня въ Парижѣ является состоявшійся 14 (26) января приемъ въ академію президента Сената Шальмель-Лакура.

Шальмель-Лакуръ имѣетъ за собою слишкомъ крупное имя, чтобы причисленіе его къ сорока безсмертнымъ осталось не замѣченнымъ. Онъ первый познакомилъ Францію съ грандіозной философійю нѣмецкаго гения. Онъ не ждалъ появленія трудовъ Каро, Рибо и Бурдо и началъ самостоятельно черпать изъ германскаго источника. Его работа о Шопенгауерѣ «Un Bouddhiste contemporain» появилась болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ въ «Revue des Deux Mondes» и написана съ суровою силою, съ громаднымъ диалектическимъ даромъ. Въ ней резюмированы всѣ существенныя стороны ученія франкфуртскаго отшельника.

Въ французской философской литературѣ трудъ Шальмеля-Лакура считается образцовымъ. Можно только пожалѣть, что его мало читаютъ. Онъ бы спасъ легкомысленные умы отъ многихъ вредныхъ увлеченій.

Признавая и восхищаясь гениемъ Шопенгауера, онъ говорилъ съ уваженіемъ, и, если угодно, съ серьезною симпатіей, объ его системѣ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ вступилъ въ адепты школы, или усвоилъ себѣ ея тенденціи. Глубина и оригинальность мировоззрѣнія Шопенгауера, возвышенность взглядовъ, энергія его ума, блескъ провіи и желѣзная логика, все это поражало его, и онъ преклонился передъ гениемъ. Но восхищаясь, онъ борется и въ заключеніе приходитъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Но своимъ философскимъ тенденціямъ, онъ стоитъ гораздо ближе къ гению Канта. Какъ человѣкъ же, онъ никогда не удалялся отъ жизни; онъ всегда поступалъ и дѣйствовалъ, какъ гражданинъ, убѣжденный, что если на свѣтѣ нѣтъ абсолютнаго совершенства, то необходимо употребить благородныя усилія къ его достиженію: Ut desint vires tamen laudanda voluntas. Онъ не матеріалистъ, не позитивистъ и не вольтеріанецъ. Онъ вѣрилъ и вѣритъ въ будущее человѣчества.

Шальмель-Лакуръ прежде всего гражданинъ. Онъ не знаетъ радостей эгоисти-

ческих натуръ, добровольно и сознательно удаляющихся отъ тревогъ дна въ свою рекламу. Съ самой ранней юности онъ боролся и страдалъ за идеи правды и справедливости. Его выдающіяся дарованія давали ему право на кафедру. Ему было двадцать лѣтъ, и онъ могъ быть увѣреннымъ, что его ждетъ славная и безоблачная карьера. Но онъ считалъ государственный переворотъ 2 декабря преступленіемъ и рѣшилъ дѣйствовать такъ, какъ ему подсказывалъ долгъ гражданина. Тюрьма и изгнаніе только закаляли его мужество. Изгнанникомъ онъ покинулъ Францію, и вернувшись рѣшилъ продолжать борьбу съ наполеонизмомъ. Онъ ненавидѣлъ его и ему платили такую же ненавистью. Въ одно прекрасное утро, послѣ амнистіи 1859 г., онъ захотѣлъ прочесть лекцію о задачахъ искусства и лекція была запрещена.

Небезызвѣстно, съ какимъ тактомъ, ловкостью и иногда героизмомъ, проявлялъ онъ свои дарованія на различныхъ поприщахъ, вачная съ префектуры въ департаментѣ Роны и кончая высокимъ званіемъ президента Люксембургскаго дворца. Вмѣстѣ съ Гамбеттой, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кого больше всего излюбила клевета; но онъ никогда не падалъ духомъ, не измѣнялъ своимъ принципамъ уваженія къ закону и стовцизму. Такимъ же, какимъ онъ былъ въ двадцать лѣтъ, онъ оставался и теперь; какъ ораторъ, онъ не имѣетъ себѣ соперниковъ, и его классическія рѣчи, безупречныя по формѣ, давно прославили французскую трибуну. Онъ сдержанны, развѣрены и воодушевлены внутреннимъ огнемъ; враги, попавшіеся ему на дорогѣ, падаютъ мертвыми подъ его ударами. Какъ ораторъ онъ совершенная противоположность Гамбетты, но величина почти такая же крупная, какъ и кагорскій орелъ.

Зала академіи въ день пріема Шальмель-Лакура представляла особенно нарядный и праздничный видъ. Официальный міръ, міръ литературный и артистическій собрался подъ куполами дома Ришелье. Воспріемниками его были Жюль Симонъ и Альфредъ Мезіеръ. Отвѣчалъ на его рѣчь Гастонъ Буасе.

Когда онъ поднялся съ мѣста, легкое волненіе пронеслось въ собраніи. По традиціи, онъ началъ съ благодарственнаго куплета за избраніе, чтобы перейти къ опѣнкѣ предшественника, или скорѣе къ критикѣ великаго Ренана. Онъ оправдался при этомъ его же словами. «Если-бы я былъ рожденъ создать школу, говорилъ великій ученый, я бы любилъ больше всего тѣхъ учениковъ, которые отступились отъ меня». «Эта исключительная склонность къ расколу, прибавилъ Шальмель-Лакуръ, успокоиваетъ меня. Если я не согласенъ съ нимъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, то я заранѣе читаю въ его добромъ взорѣ чувство удовлетворенія за такое свободное отношеніе, достойное его генія». Ораторъ коснулся личности Ренана, характера его произведеній и метода, чтобы перейти къ его политическимъ взглядамъ. Въ заключеніе онъ заявилъ, что «Ренанъ не былъ учителемъ, что онъ не оставилъ учениковъ и никогда не будетъ ихъ имѣть». Въ этомъ отношеніи онъ держится взгляда совершенно противоположнаго взгляду извѣстнаго профессора Рода, считающаго миссію Ренана, какъ моралиста, очень высокой. По его мнѣнію, имя покойнаго академика переживетъ вѣка. Еще долго будутъ читать его и много любить; но только немногіе поймутъ его...

Новая книга о Ламартинѣ. Феликсъ Рейссіе издалъ интересную книгу «La jeunesse de Lamartine» (Félix Reyssie. Paris, Hachette).

Сравнительно недавній юбилей Ламартина, отпразднованный въ 1890 году, вызвалъ цѣлый потокъ рѣчей, брошюръ, изслѣдованій и работъ; но изъ всей этой массы только одна книга Рейссіе заслуживаетъ вниманія, какъ открывающая совершенно новыя данныя о Ламартинѣ въ молодости.

Рейссіе горячій почитатель великаго поэта. Онъ описываетъ, какъ родился выросъ и окрѣпъ его геній. Онъ поставилъ себѣ задачей, на основаніи данныхъ и личныхъ воспоминаній познакомить насъ съ Ламартиномъ въ дѣтствѣ и молодости, съ настоящимъ, живымъ Ламартиномъ изъ плоти и крови, а не съ героемъ «Confé-

dences», гдѣ онъ изображаетъ себя Рафаэлемъ, къ большому неудовольствію де-Вогюэ, не простившему Ламартину дѣятельности его въ дни 1848 года. Рейссіе срываетъ завѣсу съ Ламартина и разрушаетъ нѣкоторыя легенды. Онъ рассказываетъ намъ также исторію патриархальнаго дѣтства великаго поэта. Отецъ послѣдняго былъ бургундскій землевладѣлецъ, человѣкъ стараго закала, озабоченный гораздо больше своими виноградниками, чѣмъ судьбою единственнаго сына и шести дочерей. Молодой помѣщикъ, въ простой крестьянской одеждѣ, бѣгалъ по двору и полямъ вѣстѣ съ ребятишками фермеровъ и говорилъ такимъ же патѣ, какъ и его сверстники. Романтическій рассказъ о самоуглубленіи и самообразованіи «Confidences» очень мало подходитъ къ такой дѣйствительности. Всѣ даты исповѣди также фантастичны. Между прочимъ, Ламартинъ, какъ и Шатобрианъ, любилъ казаться гораздо моложе своихъ лѣтъ. Читатели могутъ найти въ книгѣ Рейссіе очень много другихъ подробностей о великомъ, и къ сожалѣнію забытомъ поэтѣ, болѣвшемъ болѣзною вѣка и переходившемъ отъ увлеченія къ увлеченію, отъ восторговъ, по прибіру Гёте, передъ Италіей къ роману съ дочерью народа въ Неаполѣ.

Можно только радоваться, что во Франціи снова воскресли любовь и интересъ къ Ламартину. Въ его книгахъ отразился вѣдъ нашъ вѣкъ; онъ говорятъ намъ о безсмертіи, говорятъ намъ о томъ, что волновало насъ и заставляло страдать, и что заставитъ чувствовать и въ будущемъ. Эти книги переживутъ поэтому и открытый нѣсколько лѣтъ тому назадъ памятникъ Ламартину, гдѣ-то въ заброшенной части Парижа рядомъ съ домомъ, гдѣ поэтъ доживалъ въ забвеніи послѣдніе годы, испытавъ опыненіе небывалой популярностію, славою и властью.

Мунэ-Сюлли и его характеристика. Мунэ-Сюлли, выступающій теперь въ цѣломъ рядѣ трагическихъ ролей на сценѣ с.-петербургскаго Малаго театра, появился въ первый разъ на подмосткахъ «Comédie-Française» въ 1872 году. Вліятельный и очень осторожный въ своихъ выводахъ театральнй критикъ, Огюстъ Витю писалъ тогда: «Дебютанту много дано отъ природы: у него краснвый, звучный голосъ и подвижное лицо съ большими черными арабскими глазами и съ широкимъ ртомъ, открывающимъ рядъ бѣлыхъ зубовъ. Въ его игрѣ чувствуется духъ изобрѣтательности и виденъ умъ. Я люблю оригинальность. Тѣмъ не менѣе артисту не слѣдуетъ забывать, что *tristis Orestes* не былъ курчавымъ арабскимъ мароде-ромъ; кромѣ того ему можно посоветовать воздержаться отъ конвульсивной страстности; къ сожалѣнію онъ слишкомъ ею злоупотребляетъ».

Мы беремъ этотъ отрывокъ изъ «Mille et une nuit de théâtre» умершаго года два тому назадъ критика. У Сарсе, въ его «Comédie и Comédiennes» рассказывается также любопытная исторія о томъ, какъ Мунэ-Сюлли сдѣлался знаменитостію. Это случилось вскорѣ послѣ страшнаго разгрома 1870 г., когда побѣжденная и оскорбленная Франція искала забвенія отъ позора въ подвигахъ прошлаго. Классическій репертуаръ нашелъ тогда горячихъ послѣдователей. Но чувствовался крайній недостатокъ въ исполнителяхъ на роли героическихъ любовниковъ. Перрентъ, бывший тогда директоромъ «Comédie-Française» тщетно разыскивалъ подходящее дарованіе. когда къ нему явился знаменитый Брессанъ. Онъ рассказалъ, что въ консерваторіи есть удивительный ученикъ, натура, исключительно одаренная, хотя и съ странностями, граничащими съ безуміемъ. Но предоставимъ рассказъ Сарсе. «Эти объясненія только раздражили директора; онъ поручилъ привести къ себѣ дитя музъ. Задача гораздо болѣе трудная, чѣмъ осуществимая. Любимецъ Мельпомены исчезъ. Сначала всѣ поиски были тщетны; наконецъ его нашли умирающаго съ голоду, въ отчаяніи чуть было не отказавшагося отъ своего призванія. Ему шель уже 32 годъ, когда онъ явился въ іюль 1872 года, въ первый разъ на подмосткахъ «Comédie Française» со всеми своими достоинствами и недостатками. Играть онъ можетъ только роли, какія подходятъ къ природнымъ его дарованіямъ, какъ въ «Запрѣ» Вольтера. Въ другихъ, особенно же въ пьесахъ современнаго репертуара, онъ слабъ».

Эмиль Ожье отдалъ-было Мунэ-Сюлли главную роль въ пьесѣ «Jean de Thommeau», и нужно было видѣть его отчаяніе на репетиціяхъ. «Во имя неба, мой дорогой, умоляя онъ его каждый разъ, нельзя-ли быть менѣе гениальнымъ и болѣе талантливымъ». Но тщетны были моленія. Пробившись около двухъ мѣсяцевъ на репетиціяхъ, онъ слегъ буквально въ постель. «Никогда, божился послѣ того Ожье, этотъ чловѣкъ не получитъ ни одной роли ни въ одной моей пьесѣ. «J'en mourrais!» И поэтъ французской буржуазіи сдержалъ свое слово. Зато въ пьесахъ, гениальные творцы которыхъ спятъ непробуднымъ сномъ въ теченіе долгихъ столѣтій и даже тысячулѣтій, въ пьесахъ Софокла, Корнеля и Расина, онъ имѣетъ право выступать смѣло на судъ публики съ самостоятельнымъ, собственнымъ толкованіемъ ролей, часто вопреки установившимся традиціямъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новыя министерскія назначенія.—Рѣчь Н. В. Муравьева.—Государственная роспись на 1894 годъ.—Вопросъ объ измѣненіи пріемовъ при взысканіи податей.—Крестьянскія недоимки.—«Московскія Вѣдомости» о «не-государственной» дѣятельности земства.—Письмо орловскаго помѣщика о «безлюдьѣ».—Проектъ преобразованія женскихъ гимназій и прогимназій.—Вопросъ о заработкѣ учительницъ.—† П. А. Гайдебуровъ.

Въ день Нового Года напечатаны были указы о назначеніи Н. А. Манасеина членомъ государственнаго совѣта, Н. В. Муравьева управляющимъ министерствомъ юстиціи и В. К. фонъ-Плеве государственнымъ секретаремъ. Въ ряду министерскихъ должностей постъ министра юстиціи принадлежитъ къ тѣмъ, которые имѣютъ значеніе политическое. Поэтому, печать, которая при назначеніи главныхъ начальниковъ управленій хозяйственныхъ, каковы министерства: финансовое, путей сообщенія или государственныхъ имуществъ, обращаетъ особое вниманіе на личныя способности и знанія новыхъ высшихъ государственныхъ дѣятелей, не ограничивается этимъ при вступленіи въ должность высшихъ сановниковъ, которымъ ввѣряется управленіе такими вѣдомствами, какъ, на примѣръ, министерство юстиціи или народнаго просвѣщенія. Естественно, что при этомъ печать интересуется еще и характеромъ новаго главы вѣдомства и старается угадать общій принципъ будущей дѣятельности по той или другой части.

Судебныя уставы, какъ извѣстно, не распространены еще на всѣ части имперіи. При бывшемъ министрѣ они были введены въ балтійскихъ губерніяхъ, а также состоялось въ 1892 г. положеніе о введеніи ихъ въ губерніяхъ Оренбургской и Уфимской, а сверхъ того введены были мировыя установленія въ губерніи Архангельской. Новому министру предлежала-бы задача дальнѣйшаго распространенія судебной реформы, но съ большею энергіею, согласно тому, какъ онъ сказалъ въ своей вступительной рѣчи: «будемъ работать усердно и энергично».

Рѣчь эту, текстъ которой занялъ бы у насъ болѣе страницы, мы передадимъ въ краткомъ обзорѣ, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приведемъ собственныя слова Н. В. Муравьева. Для точнаго уразумѣнія рѣчи слѣдуетъ имѣть въ виду, что она, какъ сообщено въ «Правит. Вѣстникѣ», была обращена къ «чинамъ центрального управленія министерства». И самъ новый глава его началъ съ того, что желаетъ, «при первомъ же знакомствѣ съ ближайшими сослуживцами», высказать имъ свой «взглядъ на характеръ и значеніе трудовъ, предстоящихъ намъ собственно въ центральномъ учрежденіи»

Упомянувъ о задачѣ этого управленія по генераль-прокурорской части и перейдя къ задачѣ министерства по части судебной, Н. В. Муравьевъ сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Часть эта, какъ живое дѣло, непрестанно идущее впередъ и въ своей теперешней постановкѣ далеко еще не завершенное, нуждается въ значительныхъ усовершенствованіяхъ и упрощеніи, въ развитіи началъ, положенныхъ въ его основу... *Судебная часть* есть отрасль правительственной дѣятельности на благо общее, и судебное вѣдомство есть одинъ изъ органовъ правительства. Очевидно, — какъ значится впрочемъ и въ законахъ объ общемъ образованіи министерствъ — наша дѣятельность всегда должна быть строго согласована съ намѣреніями и видами правительства, а выполнять ее необходимо въ дружномъ единеніи съ другими правительственными органами, изъ которыхъ многіе съ нами сопредѣльны и вправдѣ разсчитывать на наше искреннее содѣйствіе для пользы службы Его Императорскаго Величества. Не рознь или *обособленіе властей*, а лишь разумная между ними солидарность, при полной самостоятельности каждой въ ея сферѣ, составляетъ несокрушимый оплотъ и благодѣтельную крѣпость гражданскаго порядка».

Далѣе, новый начальникъ вѣдомства говорилъ объ обязанности судебной администраціи — относиться «не съ безучастной холодностью», но «съ привѣтливимъ вниманіемъ, благожелательнымъ руководствомъ и дѣйствительной, въ чемъ слѣдуетъ, поддержкой къ представителямъ суда, обращающимся къ министерству по своимъ надобностямъ или съ заявленіями» изъ ихъ практики. Въ рѣчи упоминалось еще о безпристрастіи, уваженіи къ заслугамъ, осуждалось «искательство, фаворитизмъ и безпринципность»; въ заключеніе сказано о стараніи «работать усердно и энергично, но не самоувѣренно или съ предвзятыми мыслями».

Такое было содержаніе рѣчи, которое мы старались передать вкратцѣ съ возможной точностью.

Несомнѣнно, что *министерство юстиціи*, на основаніи самаго учрежденія о министерствахъ, должно всегда дѣйствовать въ дружномъ единеніи съ другими министерствами или управленіями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно, что сенатъ, нашъ высшій судъ, иногда признаетъ неправильными тѣ или другіе взгляды или распоряженія какойлибо административной части въ отдѣльныхъ случаяхъ и что судебнымъ установленіямъ приходится совершенно безпристрастно рѣшать дѣла по искамъ казны и по частнымъ искамъ къ ней и полная самостоятельность суда въ подобныхъ случаяхъ нисколько не подвергается ограниченію.

У насъ принято разсуждать за новый судъ или противъ новаго суда такъ, что кто за новый судъ, тотъ признаетъ за нимъ право вмѣшиваться хотя-бы въ равновѣсіе бюджета или въ направленіе внѣшней политики, а кто противъ этого суда, тотъ утверждаетъ, что если городской судья рѣшилъ дѣло не по указанію полицеймейстера, и окружный судъ оправдалъ обвинявшагося прокуроромъ, который является представителемъ министерства юстиціи, то это уже означаетъ «автономное госу-

дарство юстиціи». А между тѣмъ, въ области права вся гарантія безпристрастія и заключается въ такой постановкѣ вопроса. При точномъ разумѣніи самого нашего закона, нельзя не убѣдиться, что имъ установлены вмѣстѣ и совершенная солидарность министерства юстиціи съ другими министерствами, и полная самостоятельность судебныхъ мѣстъ въ ихъ приговорахъ и рѣшеніяхъ.

Наканунѣ Новаго Года была опубликована государственная роспись на 1894 годъ. Невозможно говорить о росписи, не приводя цифръ; мы постараемся однако не слишкомъ утомлять ими читателей. Итогъ расходовъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, опредѣляется въ 1.083²/₃ милл. р.; а такъ какъ доходовъ обѣихъ категорій предвидится 1.024¹/₂ милл. р., то недостающую сумму въ 59 милл. р. предполагается покрыть изъ свободныхъ остатковъ отъ реализаціи трехпроцентнаго золотого займа 1891 г. Итакъ, хотя въ докладѣ, сопровождающемъ роспись, мы находимъ утѣшительное заявленіе, что въ теченіе года не будетъ надобности въ какомъ-либо новомъ внутреннемъ, а тѣмъ болѣе вѣншнемъ займѣ, но все-таки равновѣсіе въ бюджетѣ 1894 года достигнуто кредитнымъ путемъ—при помощи остатка отъ прежняго займа.

Нельзя однако всю сумму, недоставшую для покрытія расходовъ доходами, назвать «дефицитомъ» наступившаго года—въ смыслѣ хозяйственномъ, такъ какъ, съ этой точки зрѣнія, слѣдуетъ различить между такими затратами, которыя обѣщаютъ увеличеніе финансоваго дохода или хотя-бы экономическое приобрѣтеніе для страны, и тѣми расходами, которые вынуждаются необходимостью, но производительнаго значенія не имѣютъ. Бюджетъ былъ-бы уравновѣшенъ и безъ обращенія къ остатку отъ прежняго займа, если бы не были ассигнованы 35 милл. руб. на постройку сибирской дороги и почти столько-же—на перевооруженіе. Въ такомъ случаѣ въ балансъ получился-бы даже остатокъ поступленій передъ выдачами въ около 11 милл. руб. Но въ смыслѣ хозяйственномъ, надо признать, что затрата на постройку великаго сибирскаго пути уравнивается равнымъ приращеніемъ въ экономическихъ силахъ страны. На эти работы, вмѣстѣ съ перевооруженіемъ, требуется около 70 милл. р., а такъ какъ изъ займа взяты только 59 милл. р., то можно сказать, примѣрно, такъ, что часть производительнаго расхода на постройку сибирской дороги, а именно 11 милл. р., покрывается изъ текущихъ бюджетныхъ поступленій, а только остальная часть, именно 24 милл. р.—изъ остатка займа, которымъ оплачивается и вся сумма около 35 милл. рублей—на перевооруженіе.

Въ докладѣ о росписи указывается, что съ 1888 г., послѣ ряда «дефицитныхъ лѣтъ» обыкновенные доходы наши вообще значительно превышаютъ обыкновенные расходы. Дѣйствительно, и въ настоящемъ бюджетѣ предвидится такое превышеніе на 23²/₃ милл. р. Здѣсь, также съ экономической точки зрѣнія, надо различать возрастаніе силъ—съ одной стороны, и возрастаніе дохода вслѣдствіе возвышенія налоговъ—съ дру-

гой. По этому поводу въ докладѣ сказано: «однако, для усиленія средствъ государственнаго казначейства приходилось прибѣгать къ изысканію новыхъ источниковъ доходовъ и къ нѣкоторому возвышенію размѣровъ обложенія». Изъ опубликованнаго въ концѣ минувшаго года отчета государственнаго контроля мы узнаемъ, что это увеличеніе налогового бремени составило за 10 послѣднихъ лѣтъ 225 милл. р., такъ что, въ среднемъ, ежегодно обложеніе увеличивалось на $22\frac{1}{2}$ милл. руб.

Въ этомъ отношеніи замѣчается то различіе между нашимъ бюджетомъ и иностранными, что за границу, введеніе новаго налога или возвышеніе прежняго всегда прямо мотивируется дефицитомъ, чего у насъ не дѣлается. Въ нашихъ росписяхъ дефицитъ показывается только въ такомъ случаѣ, если и несмотря на установленіе новаго налога, предвидится недостатокъ, который уже всегда покрывается исключительно кредитными средствами, т. е. изъ суммъ, добытыхъ займами.

Бросимъ бѣглый взглядъ на отдѣльные, самые крупныя доходы. Питейный доходъ — 268 милл. р., составляетъ гораздо болѣе четверти всего итога обыкновенныхъ доходовъ. Если же въ этомъ итогѣ мы оставимъ только разницу между доходомъ и расходомъ отъ эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, составляющую чистый доходъ въ 39 милл. р. (не считая издержекъ управленія), то получимъ, что весь итогъ обыкновенныхъ доходовъ всего въ $3\frac{1}{2}$ раза больше одной суммы, выручаемой казною отъ потребленія питей. «Русскія Вѣдомости» замѣчаютъ, что питейный доходъ «составляетъ, можно сказать, основу нашего бюджета, что безусловно неправильно и ненормально». Это фактъ, обусловленный относительно-бѣдной производительностью страны и высотой необходимыхъ расходовъ государства. Канкринъ говорилъ: «что кабакъ — то батальонъ». Но есть изслѣдователи, которые утверждаютъ, что народный расходъ на вино составляетъ, по меньшей мѣрѣ, двойную сумму казеннаго съ него дохода. А такъ какъ обложеніе въ данномъ случаѣ составляетъ 900% стоимости продукта, то если оно тѣмъ не менѣе приноситъ казнѣ только половину суммы народнаго расхода, — очевидно, что, прежде уменьшенія этого сбора, требуется его преобразование, такое преобразование, которое значительно возвысило-бы доходъ казны, не обременяя вновь потребителей. По росписи на 1894 г. предвидится возвышеніе питейнаго дохода на $10\frac{3}{4}$ милл. р., что объясняется «значительнымъ улучшеніемъ экономическихъ условій Россіи».

Зато другой важный доходъ — таможенный сокращенъ на $5\frac{1}{4}$ м. руб. Это отчасти зависитъ отъ счетной разницы въ курсѣ металлическаго рубля, но отчасти и отъ соображенія о «не вполне нормальныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится въ настоящее время наша ви́шняя торговля». Къ этимъ условіямъ мы теперь и перейдемъ. Обороты ви́шней торговли въ 1893 году усилились противъ предшествовавшаго года, хотя и не достигли размѣровъ 1891 года, который отличался чрезвычайнымъ оживленіемъ экспорта хлѣбовъ, за періодъ, непосредственно предшествовавшій

запрещенію вывоза. Любопытно, что въ прошломъ году общій вывозъ нашъ уменьшился въ сравненіи съ средней цифрой за пятилѣтіе, а привозъ къ намъ иностранныхъ товаровъ возросъ. По даннымъ доклада, за 11 мѣсяцевъ 1893 года вывезено на 537 м. руб., противъ почти 632 м. р. среднихъ за пятилѣтіе, а привезено почти на 388 м. р. противъ 338½ м. р. въ среднемъ за пятилѣтіе. Итакъ, хотя балансъ нашихъ привоза и вывоза и въ прошломъ году выразился суммой до 150 м. р. — въ нашу пользу, но этотъ перевѣсъ цѣнности вывоза надъ цѣнностью привоза оказался почти вдвое меньшимъ, чѣмъ былъ въ среднемъ за пятилѣтіе.

Зависѣло это отъ того, что отпускъ хлѣбовъ продолжалъ уменьшаться вслѣдствіе конкуренціи производительности за-океанской. Но на сокращеніе его оказывали вліяніе и «боевыя» пошлины на хлѣбъ, установленныя въ Германіи. Въ этомъ фактѣ рельефно выдается слабая сторона протекціонизма, на которую указываетъ поговорка, что «палка—о двухъ концахъ»; отъ усиленія протекціонизма, которое можетъ быть осуществлено въ каждомъ государствѣ, всё они выиграть не могутъ, такъ какъ не съ кого будетъ взять этого выигрыша.

Здѣсь мы должны отмѣтить отношеніе доклада г-на министра финансовъ къ таможеннымъ переговорамъ, происходящимъ съ Германіею, которые, по послѣднимъ извѣстіямъ, обѣщаютъ удовлетворительный для всѣхъ сторонъ — кромѣ протекціонистовъ — результатъ. Отношеніе доклада къ этимъ переговорамъ — весьма сдержанное. Въ немъ констатируется, что система заключенія сепаратныхъ торговыхъ договоровъ между государствами нарушила начало равноправности между ними. Докладъ свидѣтельствуетъ, что, «не домогаясь какихъ-либо исключительныхъ въ свою пользу льготъ, а оберегая единственно равноправность съ другими странами», Россія не могла оставить безъ соотвѣтственнаго уравниванія того нарушенія ея интересовъ, которое выразилось въ высокомъ обложеніи русскаго зерна, по сравненію съ зерномъ другихъ странъ.

Но хотя въ докладѣ и выражена надежда на «возстановленіе нарушенной равноправности и справедливости» или, иными словами, на успѣхъ таможенныхъ переговоровъ съ Германіею, однако признается: что «сбытъ хлѣбовъ на иностранные рынки можетъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе затрудняться, какъ вслѣдствіе усиливающагося производства хлѣбовъ въ соперничающихъ странахъ, такъ и вслѣдствіе развивающейся системы огражденія и поощренія земледѣлія въ странахъ, ввозящихъ хлѣбъ». Поэтому, «для обезпеченія русскому земледѣлію обширнаго сбыта—сказано далѣе—необходимо созданіе внутреннихъ рынковъ, т. е. развитіе не-земледѣльческихъ отраслей труда». Россія при ея естественныхъ богатствахъ, по словамъ доклада, «заключаетъ въ себѣ всё данное для полной національно-экономической независимости въ будущемъ, при достиженіи которой не встрѣчалось-бы особенной надобности въ поискахъ для русскаго хлѣба иностранныхъ потребительныхъ рынковъ... Но для достиженія этой высокой задачи, по глубокому убѣжденію министра фи-

наповъ, недостаточно одного таможенного покровительства. Необходимо, между прочимъ, и развитіе всѣхъ видовъ промышленнаго кредита, при посредствѣ коего правительство имѣло-бы возможность широко воздѣйствовать на народную промышленность, направляя ее въ ту или другую сторону, соответственно общегосударственнымъ экономическимъ потребностямъ. При достаточномъ развитіи такого общедоступнаго кредита, таможенное покровительство можетъ болѣе успѣшно исполнять свое назначеніе».

Мы привели цѣликомъ это въ высшей степени важное мѣсто доклада, излагающее общій взглядъ на задачи экономической политики. Каждую программу можно разсматривать въ примѣненіи къ данному моменту и ближайшему времени, а затѣмъ, — по отношенію къ болѣе отдаленному будущему. Въ первомъ смыслѣ, виды на вознагражденіе упадка нашего хлѣбнаго вывоза — усиленіемъ внутренняго спроса на хлѣбъ, въ силу имѣющаго послѣдовать развитія промышленности, конечно, не могутъ имѣть примѣненія, а усиленное таможенное покровительство стало-бы еще тягостнѣе для земледѣлія при сокращеніи спроса за границу и при упадкѣ цѣнъ на хлѣбъ. Да мы и видимъ, что тѣ самые переговоры съ Германіей, по поводу которыхъ изложена приведенная программа, не только направлены къ поддержанію вывоза нашего хлѣба, преимущественно ржи, но и неизбежно соединены съ обоюдными таможенными уступками, то есть съ нѣкоторыми уменьшеніями покровительства, какъ съ германской, такъ и съ нашей стороны.

Что касается видовъ на будущее, то такая программа, какъ поощреніе земледѣлія посредствомъ покровительства не-земледѣльческимъ промысламъ, взятая отдѣльно отъ какихъ-либо другихъ попеченій, оказывалась-бы несомнѣнно построенной на принципѣ протекціонистскомъ. Но необходимо сопоставить съ этимъ конецъ доклада, въ которомъ говорится, что нынѣшня предначертанія «направляются въ особенности къ заботамъ объ усовершенствованіи сельско-хозяйственнаго промысла и къ поднятію благосостоянія сельскаго населенія». А эта заботливость, безъ сомнѣнія, должна будетъ отвращать такое усиленіе протекціонизма, которое вело-бы къ вздорожанію продуктовъ промышленности, одновременно съ обезцѣненіемъ продуктовъ земледѣлія, вслѣдствіе сокращенія хлѣбнаго вывоза.

Быстрое возростаніе народонаселенія должно будетъ, само по себѣ, повести къ развитію промышленнаго труда, а при недостаткѣ въ Россіи частныхъ капиталовъ, для возникновенія новыхъ его отраслей весьма важно будетъ именно указываемое г. министромъ финансовъ воспособленіе промышленности государственнымъ кредитомъ. Но на первомъ планѣ немалое еще время должны будутъ представляться именно заботы о земледѣліи, т. е. какъ объ облегченіи крестьянамъ перехода къ лучшимъ приемамъ обработки, съ лучшимъ инвентаремъ, такъ и о переселеніи избытка населенія на земли, еще не разработанныя. Здѣсь приведемъ указаніе самого доклада, что «русское государство, помимо обширнѣйшихъ земельныхъ имуществъ въ Сибіри, обладаетъ въ однѣхъ европейскихъ губер-

ніяхъ и на Кавказѣ площадью земель свыше $7\frac{1}{2}$ милліоновъ десятинъ и лѣсовъ около 120 милл. десятинъ». И вотъ, независимо отъ того финансоваго значенія этихъ имуществъ со временемъ, которое указывается въ докладѣ, обширныя государственныя земли и лѣса, какъ по сю, такъ и по ту сторону Урала, представляютъ достаточное пространство для надѣленія землею огромнаго прироста населенія. Но и для улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ существующемъ и для заведенія его на земляхъ, вновь заселенныхъ, общедоступный государственный кредитъ необходимъ никакъ не менѣе, чѣмъ для развитія промышленности. И хотя въ докладѣ упомянуто только о развитіи всѣхъ видовъ общедоступнаго кредита промышленнаго, но изъ самаго того факта, что первыя заботы, по словамъ того-же доклада, направляются къ улучшенію сельскохозяйственнаго промысла и поднятію благосостоянія сельскаго населенія, очевидно истекаетъ необходимость созданія доступнаго крестьянамъ кредита на улучшенія въ хозяйствѣ и на обзаведеніе переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ.

Затѣмъ, останавливаясь собственно на весьма важномъ мѣстѣ доклада, гдѣ говорится о развитіи промышленнаго кредита, отмѣтимъ, что при этомъ указано на широкое воздѣйствіе государства на народную промышленность, съ цѣлью направлять ее «въ ту или другую сторону», соотвѣтственно государственнымъ взглядамъ на экономическія потребности, причемъ такое воздѣйствіе происходило-бы при помощи развитаго общедоступнаго кредита, съ одной стороны, и таможеннаго покровительства, съ другой, — двухъ орудій, въ самомъ дѣлѣ, весьма могущественныхъ.

Теорія государственнаго экономическаго починъ весьма заманчива въ пзвѣстномъ смыслѣ. Государственный починъ въ промышленности, какъ и въ земледѣліи, можетъ оказаться въ высшей степени плодотворнымъ, если бы въ дѣлѣ промышленномъ починъ этотъ дѣйствовалъ въ томъ-же направленіи, какое онъ принялъ въ дѣлѣ земельномъ, гдѣ онъ уже поставилъ себѣ цѣлю—у насъ—обеспеченіе землею возможно большаго числа людей въ государствѣ и регулированіе условій самой земельной ассоціаціи, т. е. общины. Совсѣмъ иную перспективу представлялъ-бы такой починъ государства въ промышленномъ дѣлѣ, который былъ-бы направленъ лишь къ умноженію числа тѣхъ фабрикъ и заводовъ, при помощи кредита и тарифа, которые государство признавало-бы наиболѣе нужными, для осуществленія «національно-экономической независимости». Это была-бы Кольберовская система, которая въ свое время хотя и привела во Франціи къ развитію нѣкоторыхъ видовъ промышленности, но все-таки теоретической своей цѣли не достигла, потому что и тогда, а тѣмъ болѣе при нынѣшнихъ сообщеніяхъ, при связи между рынками всего міра и при мобилизаціи, если можно такъ сказать, всемірнаго обмѣна, полная самостоятельность, то есть экономическая отчужденность, замкнутость одной страны едва-ли осуществима.

Возвращаясь къ разсмотрѣнію самыхъ смѣтныхъ назначеній, мы перейдемъ теперь къ расходамъ, причемъ опять должны будемъ привести

нѣсколько цифръ. Отмѣтимъ, прежде всего, что на непредвидѣнные экстренные расходы въ теченіе года въ росписи назначены только 10 милл. р., хотя непредвидѣнные расходы обыкновенно далеко превышаютъ эту сумму. Во всякомъ случаѣ, непредвидѣнные расходы, которые отнесутся на этотъ, хотя и смѣтный источникъ, необходимо будетъ, при сведеніи счетовъ года, включить въ рубрику сверхсмѣтныхъ ассигнованій, такъ какъ иначе упомянутая смѣтная цифра только условно уменьшила-бы счетную высоту расходовъ, произведенныхъ разными вѣдомствами сверхъ ихъ смѣтъ.

Общій итогъ расходовъ 1894 г., обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, какъ нами уже сказано, принять въ 1,083²/₃ милл. р. Въ докладѣ мы находимъ замѣчаніе, что «нынѣ государственный бюджетъ вступаетъ во второй миллиардъ обыкновенныхъ доходовъ». Такая высота нашего бюджета обусловлена однако главнымъ образомъ необходимостью большихъ расходовъ на вооруженныя силы страны, такъ какъ эти расходы, вмѣстѣ съ платежами по займамъ, которые въ свое время являлись, въ значительной долѣ, послѣдствіями войны, побуждали къ возвышенію налоговъ. И несмотря на постепенное возвышеніе налоговъ, положеніе остается то же самое, потому что одновременно возрастаютъ и расходы.

Такъ, въ нынѣшней росписи по смѣтамъ военнаго и морского министерствъ ассигновано 291¹/₂ милл. руб., что представляетъ увеличеніе противъ прошлаго года на 8³/₄ милл. р., а сверхъ того, назначено еще 34³/₄ милл. р. на перевооруженіе. Если къ общей суммѣ военныхъ расходовъ, т. е. къ 326¹/₄ милл. р., мы присоединимъ самую крупную статью расходной смѣты, а именно 257³/₄ милл. р. на проценты и погашеніе по займамъ, то получимъ, что изъ общаго бюджетнаго итога въ 1,083²/₃ м. р., только 499¹/₂ милл. р. могутъ быть обращены на цѣли производительныя, включая гражданское управленіе и издержки взиманія, а 584 м. р. приходится на платежи по займамъ и военныя силы.

Нынѣшній докладъ о росписи выдается той особенностью, что въ немъ помѣщено много интересныхъ данныхъ объ урожаѣ, торговлѣ, промышленности, казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, п т. д.—въ связи съ расчетами и предположеніями финансовыми. Такъ, мы узнаемъ изъ доклада, что въ ближайшемъ времени предстоитъ выкупъ всѣхъ трехъ линій, соединяющихъ Орель съ Ригю, послѣ чего въ казенномъ управленіи будетъ уже состоять сѣтъ въ 17 тыс. слишкомъ верстъ. Значительное мѣсто отведено изложенію мѣръ министерства финансовъ противъ спекуляціи на курсѣ рубля, которымъ приписывается сравнительная устойчивость курса въ теченіе прошлаго года. Квартирный налогъ занесенъ въ роспись въ количествѣ всего 4¹/₂ милл. р., и въ докладѣ сказано по этому поводу, что налогъ этотъ «представляетъ значеніе не столько по суммѣ ожидаемаго отъ него дохода, сколько въ качествѣ перваго опыта обложенія соразмѣреннаго, въ предѣлахъ возможнаго, съ совокупностью средствъ плательщиковъ». Въ расходной смѣтѣ отмѣтимъ фактъ, о которомъ можно

пожалѣть: несмотря на увеличеніе общей суммы обыкновенныхъ доходовъ на 52 милл. р., въ сравненіи съ прошлымъ годомъ, смѣта министерства народнаго просвѣщенія не только не увеличена, подобно всѣмъ прочимъ, но даже сокращена на 193¹/₂ тысячъ рублей. А между тѣмъ, и все-то назначеніе по этой смѣтѣ 22 милл. 218 тыс. руб. составляетъ немного болѣе двухъ процентовъ отъ общаго итога нашихъ расходовъ.

Отъ росписи естественно перейти къ взиманію податей, относительно котораго въ прошломъ мѣсяцѣ проявилось въ печати нѣкоторое недоразумѣніе. Въ послѣднихъ числахъ декабря «Биржевыя Вѣдомости» сообщили о такомъ распоряженіи, которое, предполагая достовѣрность извѣстія, представлялось бы весьма важнымъ. Газета слышала, что министръ финансовъ «обратился конфиденціально чрезъ управляющихъ казенными палатами къ податной инспекціи, а чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ — къ губернаторамъ и административнымъ сельскимъ властямъ, съ предложеніемъ обратить самое серьезное вниманіе на ту печальную сторону нашей сельской жизни, которая извѣстна подъ характернымъ названіемъ «выколачиванія податей», въ извѣстныя времена года, съ крестьянскаго населенія. Министръ нашелъ своевременнымъ положить конецъ различнымъ экзекуціоннымъ мѣрамъ, употреблявшимся доселѣ сельскимъ начальствомъ для взиманія податей съ особенною энергіею и настойчивостію, и сдѣлать наше сельское податное дѣло — дѣломъ до извѣстной степени добровольнымъ для самихъ плательщиковъ». Довѣріе къ этому извѣстію нѣсколько подрываетъ самая неряшливость его изложенія. Такъ, министръ финансовъ не могъ обращаться къ сельскимъ властямъ, которыя еще, почему-то, названы «административными», не могъ, конечно, и предоставить на волю плательщиковъ — уплачивать или не уплачивать подати.

Но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что хотя смыслъ распоряженія переданъ неточно, но министерство въ самомъ дѣлѣ высказалось противъ строгихъ мѣръ по взысканію податей. «Бирж. Вѣдомости» указывали даже на обстоятельство, которое, по мнѣнію газеты, «несомнѣнно послужило главнымъ основаніемъ изданнаго министромъ финансовъ распоряженія»: въ 1893 г. выкупныхъ платежей поступило на 25 милл. руб. выше смѣтнаго предположенія, а такъ какъ это случилось послѣ неурожая двухъ предшествовавшихъ лѣтъ, то усиленное взысканіе выкупныхъ платежей помѣшало крестьянамъ оправиться, благодаря послѣднему урожаю, а при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ въ прошлую осень, они принуждены были продавать по нимъ хлѣбъ для удовлетворенія взысканія.

«Новое Время» повторило сущность этого извѣстія, отъ себя, говоря въ категорической формѣ, что министромъ финансовъ сдѣлано распоряженіе въ отміну существовавшаго доселѣ порядка, чтобы подати не выколачивались съ населенія, по образному и характерному выраженію. Остальное въ статьѣ «Н. Вр.» состояло только въ похвалахъ. «Гражданинъ» рѣшительно опровергъ это извѣстіе, ссылаясь на то, что самое взысканіе

податей производится министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, а не министерствомъ финансовъ. Изъ такого аргумента было ясно, что «Гражданину» было неизвѣстно сообщеніе «Бирж. Вѣд.», гдѣ прямо говорилось, что было сдѣлано сношеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. «Новое Время» же, вслѣдствіе статьи «Гражданина», уже сослалось на «Биржев. Вѣд.», хотя само сперва передало то же извѣстіе безъ указанія источника; остальное въ отвѣтѣ «Н. Вр.» имѣло только полемическое значеніе. Съ своей стороны «Гражд.» въ новомъ своемъ возраженіи, сверхъ полемическихъ приемовъ, выступилъ только съ двумя замѣчаніями, а именно: что упомянутое извѣстіе можетъ причинить немалыя затрудненія мѣстнымъ органамъ, завѣдующимъ сборомъ податей, и что вниманіе податей въ деревнѣ называется «выколачиваніемъ» только потому, что староста или сборщикъ податей «обыкновенно подходитъ къ окну и ударяетъ нѣсколько разъ палкой, напоминая о времени взноса податей». Но кому же неизвѣстно, что, взыскивая подати, сельская власть иногда подходитъ не только къ окну.

Такъ дѣло и осталось невыясненнымъ, а если вѣрно, какъ говорили «Бирж. Вѣдом.», что распоряженіе и сношеніе финансоваго вѣдомства по данному предмету было конфиденціальное, то и естественно, что разъясненія не послѣдовало. Между тѣмъ, вполнѣ возможно, что министерство финансовъ въ самомъ дѣлѣ признало нужнымъ допустить нѣкоторый просторъ относительно времени взысканія податей, въ виду какихъ-либо уважительныхъ причинъ. Трудно ожидать, конечно, чтобы оно сдѣлало «сельское податное дѣло отчасти добровольнымъ», какъ довольно путанно выражались «Бирж. Вѣдом.». Выкупные платежи составляютъ 82 милл. руб., что, вмѣстѣ съ поземельнымъ государственнымъ сборомъ съ крестьянъ, даетъ сумму около 100 милл. руб., и понятно, что финансовое вѣдомство не можетъ относиться равнодушно къ тому, вся-ли эта сумма поступитъ въ теченіе финансоваго года или только, напр., половина ея. Вообще, на добровольное внесеніе платежей не только крестьянами, но и частными землевладѣльцами и торговцами, и промышленниками, какъ въ казну, такъ и въ банки, и въ земскія кассы, и на удовлетвореніе кредиторовъ, едва-ли можно положиться. Стимуломъ къ платежу всегда служитъ опасеніе, что взысканіе обратится на имущество. Но здѣсь представляется различіе между классами имущественными и классомъ рабочимъ, какимъ остаются крестьяне, несмотря на надѣлъ. Когда взысканіе падаетъ на частное имущество, представляющее нѣкоторый, хотя-бы и малый капиталъ, то имущество отвѣтитъ за себя, хотя-бы оно перешло въ другія руки. Но когда взысканіе падаетъ на инвентарь земледѣльца, то въ результатѣ получается только неспособность его къ работѣ, а земля все-таки остается при немъ.

Такимъ образомъ, усиленное взысканіе податей въ осенній срокъ можетъ иногда подрывать дальнѣйшую платежную силу населенія и тѣмъ самымъ представляться невыгоднымъ для самой-же казны. Что мини-

стерство финансовъ вполне сознаетъ это, доказывается самымъ размѣромъ смѣтнаго назначенія по выкупнымъ платежамъ. Въ виду двухъ бывшихъ неурожаевъ и значительной задолженности крестьянъ по судѣ продовольственной, поступленіе выкупныхъ платежей въ росписи на 1894 годъ, хотя и поднято, благодаря послѣднему урожаю, на 5 милл. руб., однако составляетъ и теперь лишь 83⁰/₁₀₀ отъ полного годового оклада этихъ платежей. Стало быть, финансовое вѣдомство вполне мирится съ мыслью, что въ поступленіи податей можетъ быть, даже и теперь, недохватъ процентовъ на 17.

Между тѣмъ, для взысканія податей у насъ фактически существуетъ такой порядокъ, что исправникъ, получивъ отъ мѣстнаго финансоваго органа увѣдомленіе о недоимкахъ, числящихся за обществами, принимаетъ мѣры къ пополненію ихъ тотчасъ послѣ жатвы и уборки хлѣба. Старшинъ и старостъ неисправныхъ волостей и селеній онъ подвергаетъ аресту, требуя, чтобы недоимки были пополнены немедленно. За распрядательность въ этомъ отношеніи, какъ мѣстные чины вѣдомства внутреннихъ дѣлъ, такъ и чины департамента окладныхъ сборовъ въ министерствѣ финансовъ получаютъ денежныя награды. При этомъ, вполне возможны случаи, когда усердіе заходитъ слишкомъ далеко. Правда, есть законъ, ограждающій отъ взысканія нѣкоторый минимумъ инвентаря недоимщика. Но при такомъ минимумѣ способность его къ дальнѣйшей производительной работѣ представляется уже сомнительною.

Затѣмъ, въ силу круговой поруки въ платежахъ, взысканіе обращается на болѣе состоятельныхъ членовъ общества. Понятно, что они, прежде чѣмъ допустить взысканіе съ себя за бѣднѣйшихъ, употребятъ всѣ предоставленныя законами мѣры, чтобы повудить этихъ бѣдныхъ къ внесенію недоимки, хотя-бы тѣмъ пришлось для этого продать и послѣднюю лошадь, и соху, на которыя, по закону, взысканіе обращено быть не можетъ. Круговая порука въ податяхъ дѣлаетъ то, что во время усиленнаго ихъ взысканія, когда сельскіе старосты и волостные старшины подвергаются арестамъ, а болѣе достаточнымъ хозяевамъ грозитъ опасность поплатиться за несостоятельныхъ, волостной судъ подвергаетъ этихъ послѣднихъ наказанію, какъ нерадивыхъ, хотя-бы они вовсе и не были нерадивыми.

Вотъ когда происходятъ продажа зерна по всякой цѣнѣ, продажа запаса, нужнаго для самой семьи, разстройство инвентаря, закабаленіе себя ростовщику. При этомъ весьма нерѣдко употребляется и тѣлесное наказаніе, и усиленный сборъ податей обыкновенно сопровождается успешной дѣятельностью розогъ, такъ что выколачиваніе податей означаетъ не только то, что говорить «Гражданинъ». Оно производится, конечно, съ формою суда и по распоряженію крестьянской-же власти, но такъ какъ оно идетъ полосой въ томъ направленіи, какъ наѣзжаетъ становой или исправникъ, то ихъ усиленное требованіе о взысканіи съ недоимщиковъ является все-таки поводомъ для употребляемыхъ крестьянскими вла-

стями мѣръ строгости. И не подлежит сомнѣнiю, что при этомъ иногда наносится сильный ущербъ платежной силѣ крестьянина, а стало быть и казенному интересу, и что, сверхъ того, подобная практика не совсѣмъ согласна съ достоинствомъ хотя-бы полицейскихъ чиновъ.

Но какъ ее искоренить? Быть можетъ, самымъ вѣрнымъ средствомъ была-бы отмѣна круговой поруки въ податяхъ, отмѣна, которая могла-бы быть произведена, нисколько не нарушая общиннаго строя. Внѣ этого остается только путь распоряженiй и инструкцiй. На сколько можно судить по извѣстiю «Биржевыхъ Вѣдомостей», распоряженiе состоялось именно въ видѣ инструкцiи податнымъ инспекторамъ и сношенiя съ вѣдомствомъ, въ которомъ состоитъ уѣздная полиция—въ смыслѣ воздержанiя отъ усиленнаго, срочнаго взысканiя недоплатъ и съ допущенiемъ отсрочекъ въ уважительныхъ случаяхъ. Но распоряженiе могло заключаться и только въ сношенiя объ отмѣнѣ особыхъ наградъ за такъ называемое «успѣшное, бездомочное взысканiе податей». Уже и самая отмѣна такихъ наградъ уѣздной полициі могла-бы устранить стимулъ къ излишней строгости. Въ самомъ министерствѣ финансовъ, въ департаментѣ окладныхъ сборовъ существуетъ съ давнихъ поръ обычай назначенiя денежныхъ наградъ за успѣшное поступленiе податей, и понятно, что отмѣна должна начаться съ этого.

Неурожай 1891 г. произвелъ то, что въ дѣлѣ счисленiя вообще недоимокъ за крестьянами необходимо сдѣлать нѣкоторую ликвидацію. Недоимка по окладнымъ сборамъ доходитъ до 117 милл. рублей, а поступленiе ея цѣликомъ тѣмъ менѣе надежно, что за крестьянами накопился еще огромный долгъ по продовольственнымъ ссудамъ. Итакъ, для самой серьезности счисления недоимокъ слѣдовало-бы сообразить, какая сумма ихъ представляетъ вѣроятность поступленiя, и остальную часть просто снять со счета.

Иначе рассуждаютъ «Московскiя Вѣдомости». Въ накопленiи податныхъ недоимокъ и въ задолженности крестьянъ по продовольственнымъ ссудамъ московская газета видитъ прежде всего поводъ для сокращенiя необязательныхъ земскихъ расходовъ. Газету возмущаетъ то обстоятельство, что, при существованiи недоимокъ, земства принимаютъ мѣры къ подъему производительности крестьянскаго труда, производятъ статистическiя изслѣдованiя, безъ которыхъ невозможна никакая правильная хозяйственная дѣятельность, не сокращаютъ числа школъ, не выгоняютъ на улицу тѣхъ безумныхъ, которыхъ они помѣстили въ своихъ больницахъ. Сдѣлаемъ нѣсколько вышисокъ. «Нижгородская губернская управа докладываетъ собранiю, что за крестьянскимъ населенiемъ губерниі въ настоящее время накопилось 12.860,242 руб. разнаго рода недоимокъ, что составляетъ свыше сорока рублей на дворъ; на крестьянахъ самарской губерниі скопилось 34 милл. недоимокъ. На Казанской губерниі свыше восьми милл. руб. продовольственнаго долга, да и это потому, что въ силу извѣстнаго правительственнаго распоряженiя о взысканiи продоволь-

ственныхъ долговъ за 1891 и 1892 годы не по заготовительнымъ, а по нормальнымъ цѣнамъ на хлѣбъ, около семи милл. р. сложено со счетовъ... Орловская губернская управа въ текущемъ году должна была получить 215.159 руб. оклада; съ 1 января по 1 сентября въ уплату этой суммы она *ничего* не получила, да кромѣ того, имѣла на своемъ счету 129.030 рублей недоимокъ прежнихъ лѣтъ. Уѣзды Тверской губерніи должны губернскому сбору около полумилліона рублей и т. д.»

«А между тѣмъ.—продолжаетъ газета—земская хроника за послѣдніе годы не только не даетъ намъ примѣровъ упорядоченія финансовъ мѣстныхъ учреждений, ни уменьшенія окладныхъ сборовъ... но какъ-бы, наперекоръ всему, ясно обнаруживаетъ совершенно обратное стремленіе... размѣръ земскихъ сборовъ только увеличивается... необязательныя смѣты только растутъ... Разстройство финансовъ орловскаго земства не мѣшаетъ ему ассигновать 17 тыс. р. на производство вполнѣ бесполезныхъ (!) для земства статистическихъ работъ. Неоплатная недоимочность населенія не мѣшаетъ уфимскому земству сразу ассигновать 50 тыс. р. на устройство библиотекъ для народа. Тамбовское земство только что принимаетъ какой-то сложный проектъ о введеніи земскихъ агрономовъ-экспертовъ, съ устройствомъ опытныхъ полей и т. д... Московское земство только что увеличило обложеніе земель и недвижимыхъ имуществъ на 10%... содержаніе крестьянскаго сироты въ земскомъ пріютѣ обходится въ 200 рубъ въ годъ, а психическаго больнаго—болѣе 700 руб... Сами земства никогда не перемѣняютъ направленія... Есть только одна рука, которая можетъ направить безпорядочно мятущіяся земскія силы, это — рука правительства».

Очень хорошо. Но допустимъ, что правительство приняло мѣры къ «направленію» земскаго хозяйства, въ соотвѣтствіи съ хозяйствомъ государственнымъ. Какія-же указанія даетъ для этого самый государственный бюджетъ, который мы разсматривали выше? Несмотря на то, что нѣтъ размѣна на кредитные билеты, на то, что состоитъ недоимка податей въ 117 милл. р. и что новая роспись сводится съ позанмствованіемъ 59 милл. р. изъ займа, государство не только предпринимаетъ перевооруженіе, но строитъ сибирскую дорогу для усиленія производительности, продолжаетъ содержать академіи наукъ и художествъ, университеты и гимназіи, оплачиваетъ ученые экспедиціи, посылаетъ молодыхъ ученыхъ и художниковъ за границу, содержитъ «бесполезные» ботаническіе сады и тѣмъ болѣе бесполезные, съ точки зрѣнія «Моск. Вѣд.», казенные театры въ Петербургѣ и Москвѣ: драматическій, оперный и балетный. И еслибы призвать къ содѣйствію для «упорядоченія» этихъ расходовъ—тѣхъ крайнихъ націоналовъ, которые сидятъ въ московской газетѣ, то неужели они-бы уничтожили всѣ эти «бесполезные» расходы? Замѣтимъ, что мнимо-бесполезныя работы земской статистики легли однако въ основаніе записки г. министра финансовъ по первостепенно-важному государственному вопросу—о неотчуждаемости крестьянской надѣльной земли.

«Широкія земскія смѣты — говорится въ другой статьѣ — и дальнѣйшее ихъ увеличеніе не могутъ быть терпимы въ губерніяхъ съ десятками милліоновъ недоимокъ... Мѣстное управленіе не можетъ имѣть иныхъ задачъ и иныхъ цѣлей, чѣмъ задачи и цѣли государственныя». Вотъ именно поэтому-то, скажемъ мы, вполне оправдываются заботы и издержки земствъ, совмѣстно съ издержками государственной казны, для обезпеченія народнаго здоровья, народнаго образованія, поднятія производительности народнаго труда. То устраниеніе суммою накопившихся недоимокъ въ податяхъ, съ которымъ выступаютъ «Моск. Вѣд.», какъ мы видимъ, нисколько не побуждаетъ и государство къ упраздненію расходовъ на образованіе, на врачебную часть и т. д. Тѣмъ менѣе это примѣнно, стало быть, къ земству, съ его скромнымъ бюджетомъ въ около 50 милл. р., сравнительно съ 1.083 милл. р. бюджета государственнаго. Если изъ 50 милл. р. даже 30 милл. р. представляются расходами «необязательными», идущими на народное здоровье и образованіе и т. д., то даже сокращеніе на половину этой издержки не равнялось-бы одной изъ меньшихъ статей расходовъ государственныхъ.

Жалобы московской газеты сводятся на то, что новое «положеніе» о земскихъ учрежденіяхъ не убило въ нихъ охоту для труда на народную пользу. Но допустимъ на минуту невѣроятное предположеніе, что земство совсѣмъ перестало дѣйствовать и существовать. Тогда мы остались-бы безъ всякой надежды на полезный, производительный трудъ мѣстныхъ органовъ, въ виду того факта, что изъ $1.083\frac{2}{3}$ милл. р. общаго расхода, 7584 милл. р. приходится на платежи по займамъ и на военныя силы.

Не расхолаживать, не ограничивать слѣдуетъ тѣхъ земцевъ, которые занимаются мѣстной производительно-общественной работой, но облегчать имъ ее и оказывать ей поддержку. Въ «Нов. Времени» недавно была помѣщена статья г. О. Ромера — «Деревенское безлюдье», заслуживавшая вниманія во многихъ отношеніяхъ. «Значительное большинство нашихъ немногихъ друзей общественнаго интереса (авторъ — землевладѣлецъ Орловской губ.) настолько поглощено борьбою со своими личными имущественными затрудненіями, что оно уже не въ силахъ приносить новыя жертвы трудомъ и временемъ. Не отступая отъ истины, я могъ-бы указать и на недовѣріе нѣкоторыхъ лицъ либо къ своимъ собственнымъ силамъ, либо къ устойчивости настоящаго теченія, либо, наконецъ, къ тому, какъ будутъ приняты ихъ услуги и не повлекутъ-ли онѣ за собой личныя для нихъ неприятели и затрудненія... Бездѣйствіе нашихъ лучшихъ людей прежде всего объясняется тѣмъ, что мы пока не видимъ, чему должны содѣйствовать». Старикки, по словамъ автора, задаютъ вопросъ: «да кто насъ спрашиваетъ?» А молодыхъ людей, которые были-бы свободны и способны заняться общественнымъ дѣломъ, въ уѣздѣ, гдѣ живетъ г. Ромеръ — «нѣтъ».

Это фактъ любопытный. За 8 лѣтъ къ числу крупныхъ землевладѣльцевъ въ томъ уѣздѣ прибавилось 17 молодыхъ людей, окончившихъ курсъ

въ высшихъ заведеніяхъ; изъ этихъ лицъ—9 состоятъ на государственной службѣ въ должностяхъ, не имѣющихъ отношенія къ мѣстнымъ интересамъ; 5 живутъ въ своихъ помѣстьяхъ, не связывая себя никакими служебными обязанностями, а остальные 3 состоятъ земскими начальниками. Старые устали и обезкуражены, молодые не живутъ на мѣстахъ или не хотятъ принимать участія въ общественной работѣ, или состоятъ на государственной службѣ.

Поучительно и то объясненіе, какое даетъ авторъ такому недостатку образованныхъ и охочихъ общественныхъ дѣятелей въ уѣздахъ. Онъ указываетъ на три причины этого явленія: 1) введеніе интенсивнаго хозяйства пока дѣло рискованное, «а стало быть и личное пребываніе хозяина въ своемъ имѣніи не необходимо, а часто и невыгодно»; 2) «земская служба обставлена у насъ такъ непривлекательно, что можетъ рекрутировать свой личный составъ только между людьми, которымъ всякое другое служебное поприще почему-либо малодоступно», и 3) «наше среднее и университетское образованіе даетъ значительный процентъ лицъ, вовсе непригодныхъ къ какому бы то ни было живому дѣлу».

Сравнивая нынѣшнихъ студентовъ съ прежними, г. Ромеръ безусловно отдаетъ предпочтеніе прежнимъ, которые «выносили съ собою изъ университета энергію, бодрость, вѣру, завѣтные идеалы и твердо установленные нравственные принципы». Нынѣшнихъ же студентовъ авторъ упрекаетъ въ нравственномъ индифферентизмѣ, даже неряшествѣ, въ полномъ отсутствіи высшаго интереса, въ бездушномъ скептицизмѣ и расчетливомъ себялюбіи... «Нѣтъ, покуда живое общественное дѣло творится живыми сердечными людьми, а не улучшенными специальными машинами — писать авторъ — я не перестану думать, что прежній типъ нашего высшаго образованія былъ для государства и народа полезенѣе, чѣмъ настоящій». Выписываемъ этотъ отзывъ, какъ дополнительную справку къ помѣщаемой нами талантливой статьѣ проф. Модестова по исторіи петербургскаго университета.

Мы должны обратиться теперь къ самому учебному дѣлу, а именно: къ вопросу о постановкѣ средняго женскаго образованія. Въ то время, когда мы пишемъ эти строки, въ государственномъ совѣтѣ, по сообщенію газетъ, обсуждается проектъ преобразованія женскихъ гимназій и замѣны женскихъ прогимназій — профессиональными училищами. Главное измѣненіе въ постановкѣ курса гимназій предполагается въ исключеніи изъ него педагогическихъ свѣдѣній и занятій, съ усиленіемъ, вмѣсто того, изученія иностранныхъ языковъ и съ обязательностью двухъ изъ нихъ для всѣхъ ученицъ. Затѣмъ, обитуріентки женскихъ гимназій будутъ уже лишены правъ домашнихъ и начальныхъ учительницъ, а право преподаванія будетъ сохранено только за воспитанницами институтовъ и енархіальныхъ училищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, гимназій, по мысли проекта, предназначаются только для дѣвушекъ высшихъ сословій; для дѣвушекъ же низ-

шихъ классовъ будутъ служить тѣ профессиональныя школы, въ которыя имѣютъ быть превращены нынѣшнія прогимназіи.

Прежде всего приведемъ по этому поводу нѣсколько практическихъ указаній, которыя находимъ въ «Екатериноб. Недѣль». Она замѣчаетъ, что введеніе сословнаго начала въ женское образованіе отразится сокращеніемъ числа учащихся въ среднеобразовательной женской школѣ, такъ какъ сословія въ ней, по отчету за 1887 г., представлены слѣдующими цифрами: городское 26.462, дворянское 24.831, сельское 4889, духовное 4044, затѣмъ числятся 1078 иностранокъ. Для ученицъ изъ духовнаго сословія существуютъ епархіальныя училища, изъ городского же сословія только незначительный процентъ могъ бы быть отнесенъ къ «высшимъ классамъ», по богатству, если и будетъ допущено отступленіе отъ принципа происхождения. Итакъ, среднеобразовательная школа станетъ недоступною для большей части ученицъ, сравнительно съ нынѣшнимъ ихъ числомъ. Сверхъ того, какъ справедливо говоритъ газета, «въ наше время для подавляющаго большинства ищущихъ просвѣщенія вопросъ образованія есть вопросъ о «правахъ», дающихъ хлѣбъ насущный». Къ 1 января 1890 г. состояло всего женскихъ гимназій 142 и прогимназій 180; «такимъ образомъ, если проектъ осуществится, то закроется большая часть общеобразовательныхъ заведеній съ правами, гдѣ теперь воспитываются дѣти тѣхъ недостаточныхъ родителей, которые, хотя и принадлежатъ къ высшимъ сословіямъ, но не имѣютъ возможности отправлять своихъ дѣтей изъ уѣздной глуши въ дальніе губернскіе центры, въ которыхъ, большею частью, и существуютъ женскія гимназіи».

Таковъ взглядъ провинціальныя, практичныя, съ которымъ необходимо считаться прежде всего, такъ какъ столичныя женскія училища составляютъ лишь незначительное число, сравнительно съ провинціальными. Столичные же взгляды, конечно, обращаются прежде всего къ вопросу о принципѣ: сословности или всесословности. «Русскія Вѣдомости» замѣчаютъ, что школа наша основана на принципѣ безсословности, какъ и всѣ новыя наши учрежденія и вся современная жизнь. Мы замѣтимъ, что въ самомъ проектѣ практическія соображенія отодвинуты на второй планъ, а на первомъ представляется именно принципъ сословности. Непонятно однако, почему его слѣдовало бы осуществлять исключительно въ постановкѣ школы женской.* Университеты и высшіе спеціальныя институты, какъ извѣстно, открыты для лицъ всѣхъ сословій. Извѣстный циркуляръ по министерству финансовъ объ опредѣленіи въ должности, по преимуществу — лицъ съ высшимъ образованіемъ повелѣлъ къ тому, что теперь даже и желѣзнодорожныя управления принимаютъ то же правило, что создаетъ огромное значеніе диплома. «правъ», которые, посредствомъ высшаго образованія, могутъ быть приобрѣтаемы лицами всѣхъ сословій. Да и раньше этого циркуляра, очень многія, весьма видныя должности, у насъ, какъ и во всей Европѣ, были заняты энергическими и талантливими выходцами изъ массы. Недаромъ же «Новое Время»

писало «разночинецъ идетъ». Почему же дѣвушекъ строго сортировать по сословіямъ и большинство ихъ, учащихъ въ средней школѣ, лишать «правъ», дающихъ какой-нибудь, хотя и бѣдный заработокъ? Все это слѣдовало бы нѣсколько согласовать.

Настоящій проектъ, очевидно, истекаетъ изъ той-же мысли, какъ извѣстный циркуляръ 1887 года о не приѣмѣ въ мужскія гимназіи учениковъ изъ низшихъ сословій. Предполагается, что дѣти, грубо воспитанныя дома, могутъ приносить вредъ въ школѣ своимъ хорошо-воспитаннымъ товарищамъ. Но наиболѣе вредное вліяніе можетъ производиться не грубостью, а нравственной испорченностью, отъ которой не застрахованы никакія сословія, такъ что семья все-таки должна слѣдить за выборомъ мальчикомъ или дѣвочкой тѣхъ товарищей, съ которыми они сближаются. И въ высшихъ сословіяхъ не мало такихъ семей, въ которыхъ къ воспитанію дѣтей относятся небрежно или въ которыхъ дѣти видятъ самыя дурныя примѣры.

Во всякомъ случаѣ, циркуляръ 1887 года указывалъ только на нѣкоторыя категоріи занятій родителей (кабатчики, слуги и т. д.), объясняя, что приѣмъ ихъ дѣтей въ гимназіи нежелателенъ, но не закрывалъ прямо гимназіи для всѣхъ сословій, кромѣ высшихъ. Предоставленіе же правъ на преподаваніе только воспитанникамъ институтовъ и епархіальныхъ училищъ создавало-бы вполнѣ несправедливую монополію, установленіе которой тѣмъ нежелательнѣе, что намъ слѣдуетъ подумать о неотложныхъ мѣрахъ къ значительному умноженію начальныхъ училищъ, а стало быть, совсѣмъ не время уменьшать число лицъ, имѣвшихъ право на преподаваніе въ нихъ. Да и какимъ образомъ примирить два такіе факта: съ одной стороны, за послѣднія десять лѣтъ, признаны законными существовавшія прежде лишь негласно «школы грамоты», въ которыхъ крестьянскихъ дѣтей обучаютъ лица, не имѣющія никакого диплома: отставные писаря, солдаты и т. п.; а съ другой — цѣлымъ тысячамъ дѣвушекъ, получившихъ дипломы гимназіи или прогимназіи, воспрещалось-бы даже начальное преподаваніе? Въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» (1893 г. № 142) было помѣшено такое объявленіе: «молодая дѣвушка, окончившая курсъ въ Духовщинской прогимназіи, ищетъ должности *горничной* въ хорошемъ семействѣ. Спасская ул., д. Вершилова». Подписано: «Кононова». Въ «Екатеринбургской Недѣлѣ» (1893 г. № 49) находимъ цитату другого объявленія: «Благородная молодая дѣвица прогимназическаго образованія, имѣющая дипломъ на сестру милосердія, желаетъ получить приличное мѣсто (не иначе, какъ въ надежно-благородномъ семействѣ) *бонны* къ одной или двумъ дѣвочкамъ»... Не можетъ быть сомнѣнія, что если бы всѣ дѣвушки, прошедшія прогимназическій и даже гимназическій курсъ, лишены были заработка учительницъ, то объявленій, подобныхъ приведеннымъ, должны будутъ появляться сотни...

† **Навель Александровичъ Гайдебуровъ.** Въ послѣдній день минувшаго года скончался редакторъ-издатель газеты «Недѣля» П. А. Гайдебуровъ,

давній и честный литературный дѣятель. Онъ написалъ нѣсколько повѣстей, работалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» при редакціи покойнаго В. О. Корша, а съ 1875 года сдѣлался единственнымъ издателемъ «Недѣли», въ которой прежде имѣлъ соиздателями покойнаго Ю. А. Россея и г-жу Е. И. Конради. «Недѣля» имъ всегда прекрасно редактировалась, но не имѣла большого распространенія, до тѣхъ поръ, пока къ ней не было присоединено особаго изданія повѣстей и романовъ, подъ названіемъ «Книжекъ Недѣли». Это приложеніе упрочило матеріальное положеніе самой «Недѣли». П. А. Гайдебуровъ много потрудился и для литературнаго фонда, въ которомъ много разъ бывалъ секретаремъ и казначеемъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. Новѣйшая траги-комедія.

Безсмертный Шекспиръ! Нравы такъ медленно измѣняются, что до сихъ поръ приходится вспоминать тебя, какъ сердцеви́дца. Жизнь и теперь представляетъ траги-комедію, по крайней мѣрѣ въ минуты испытанія. Въ этомъ убѣждаетъ насъ исторія анархизма, которая, увы! становится одною изъ неизбѣжныхъ главъ нашей лѣтописи.

Послѣ покушенія Вальяна, было еще нѣсколько трагическихъ явленій. Въ самой Франціи—мелочь, но которая держитъ всю жизнь въ напряженіи, какъ вѣчное тешенто тоги! Тамъ изобрѣли уже новое слово—*anarchiser*, анархичничать. Парижане даже на Новый Годъ получили кучу угрозъ въ видѣ поздравительныхъ карточекъ. Угрожаютъ смертію и такимъ архи-соціалистамъ, какъ мэръ въ С. Дени: передъ его квартирой нашли бомбу съ зажженнымъ фитилемъ. Подъ Новый Годъ открыли такой же подарокъ на террасѣ Бурбонскаго дворца, несмотря на образцовую охрану этого зданія послѣ 9-го декабря. А на одномъ вокзалѣ Парижа захватили массу анархистскихъ брошюръ. Въ Испаніи, также подъ Новый Годъ, арестовали сразу около полутора ста анархистовъ, снабженныхъ и деньгами, и снарядами; по ихъ указанію, открыта адская пещера, гдѣ хранилось до 40 бомбъ. Двѣ недѣли спустя, телеграфъ возвѣстилъ объ открытіи въ Испаніи «новаго заговора» анархистовъ, а 29 января подъ Кадиксомъ появились «новыя вооруженныя банды» и прокламаціи анархистовъ среди крестьянъ. Вслѣдъ затѣмъ какой-то выстрѣлилъ въ упоръ въ барселонскаго губернатора и раздробилъ ему челюсть. Лондонъ переполненъ листками анархистовъ, которые не хотятъ тамъ «дѣйствовать», чтобъ не лишиться послѣдняго пристанища въ Европѣ. Важнѣе всего, что установлена связь между анархистами всего свѣта. И гдѣ только не замѣчается она! Во Львовѣ были расклеены объявленія о томъ, что придетъ Вальянъ и для галицкаго сейма, если онъ не озаботится участіемъ угнетенныхъ. На улицахъ Нью-Йорка обыватели ходили дняхъ по пороховымъ нитямъ, которыми былъ соединенъ рядъ бомбъ.

А рядомъ комизмъ. Въ Парижѣ шутники начали тоже *anarchiser*. Они осыпали обывателей, въ особенности же полицію, градомъ подмет-

ныхъ писемъ и снарядовъ, которые оказывались коробками отъ сардинокъ съ тряпьемъ и зажженными фитилями. Жильцы отдѣлывались этимъ способомъ отъ постылыхъ консержей (дворниковъ), которые стали превращаться въ сыщиковъ. Газетные клоуны доходили до смѣхотворства въ изысканіи «корней» и уподоблялись самому анархизму неразборчивостью въ жертвахъ. Французскіе Фигаро требовали возстановленія яacobинскихъ «lois des suspects» — законовъ о подозрительныхъ. Органъ «сокровища» Германіи, *Hamb. Nachrichten* бросались на *Vorwärts* за то, что онъ «мало негодовалъ» по поводу Вальяна, и получили въ отвѣтъ: «Вальянъ далеко не столь виновенъ, какъ Бисмаркъ, поддѣлавшій эмскую депешу». Совѣтъ брусельскаго университета воспретилъ лекціи знаменитому географу, Элизэ Реклю, за то, что у Вальяна нашлось письмо его брата. И вышелъ цѣлый скандалъ. Студенты, многіе профессора, самъ ректоръ стали за Реклю, повторяя его слова: «подобныя дѣйствія наносятъ ударъ свободѣ слова и мысли». Лекціи пріостановлены. Нашлись и такіе борзописцы, что указывали перстами на Спенсера, какъ на «корень», подражая моднымъ романистамъ à la Бурже, которые сочиняютъ небывалое преступленіе и приписуютъ его «ученіямъ» вождей науки. Бѣдному великому старцу англійской науки пришлось доказывать выписками изъ своего новѣйшаго сочиненія «Принципы Этики», что его принципы «вполнѣ противоположны теоріи анархизма», которая проповѣдуетъ «такую борьбу за существованіе, какъ между звѣрями».

II. Клоуны «мѣропріятій».

Траги-комизмъ очевиденъ и въ «мѣропріятіяхъ». Правительства, въ ихъ совокупности, ограничились разговорами о «монополизациі» изготовленія взрывчатыхъ веществъ, да и то тотчасъ замолчали. Испанія же и Франція взялись за дѣло, не долго думая. А въ Мадридѣ не пошли дальше отрицательныхъ мѣръ. Двѣсти первоначально изловленныхъ анархистовъ отплыли куда-то изъ Барселоны: полагаютъ, что постарому — къ людоѣдамъ Маріанскихъ острововъ. Ихъ преемниковъ приговариваютъ къ многолѣтнимъ каторгамъ. Ужъ и не придумаешь, какой приговоръ постигнетъ Сальвадора, кинувшаго бомбу въ барселонскомъ театрѣ. Покуда этотъ полудумный выскочка испанскаго анархизма лежитъ въ больницѣ, прикованный цѣпями къ койкѣ. Онъ сильно ранилъ себя при арестѣ, восклицая: «Я исполнилъ свой долгъ — истребить человѣчество!»

Во Франціи произведено много арестовъ, а подъ Новый Годъ—2000 обысковъ, ничего не давшихъ. А главное — рѣшено дѣло Вальяна и готовится судъ надъ Леотье, убійцей Георгевича. Французы и здѣсь не обошлись безъ шика. Леотье сознался, а его дѣло тянутъ, поджидая выздоровленія жертвы, чтобы вышелъ процессъ позабористѣе, «посенсаціоннѣе». Вальянъ тоже сознался; а судъ тянулся съ мельчайшими подробностями: даже устроили модель ложи, изъ которой была брошена бомба.

Правда, это нужно было и для воздѣйствія на трусливыхъ присяжныхъ, которыхъ подтягивала въ то же время печать. А въ результатѣ вышла новая «пропаганда». Вальянъ все время проповѣдовалъ свое «ученіе»: прочиталъ даже цѣлую горячую докладную записку народу. Онъ доказывалъ, что рядъ кражъ, совершенныхъ имъ раньше, есть «плодъ не-правильности общественнаго строя». Онъ увѣрялъ, что мѣтилъ только въ депутатовъ, этихъ «первыхъ виновниковъ общественныхъ злополучій»,—этихъ «паразитовъ, ничего не производящихъ для общества»,—этихъ оскорбителей челоуѣчности, надъ которыми и послѣ него будетъ «висѣть Дамокловъ мечъ». Защитникъ Вальяна, молодой адвокатъ Лабори, также разъяснялъ его «идеи». Онъ громилъ «истинныхъ виновниковъ»—«тѣхъ, которые пользуются челоуѣческой нуждой»,—тѣхъ, что выставляютъ политическія программы, «эти маски, подъ которыми скрываются всевозможные честолюбивые замыслы». Но присяжные изрекли смерть, посовѣщавшись всего 20 минутъ. Вальянъ воскликнулъ: «Благодарю! Да здравствуетъ анархія!»

Это было 10-го января. Съ тѣхъ поръ прошло около мѣсяца. Вальянъ долго отказывался просить президента о помилваніи; этотъ долгъ исполнили за него депутаты-соціалисты и та самая печать, которая ободряла присяжныхъ. Дочь Вальяна, его любимица, не по лѣтамъ развитая дѣвочка, обратилась къ заступничеству г-жи Карно. Ее хотѣли взять на воспитаніе соціалисты и рабочіе, а богатая герцогиня д'Юзъ, патронша Буланже, давала средства; но анархисты похитили будущую вторую Луизу Мишель.

А что базальтовые лбы? Они попрежнему воображаютъ, что управляютъ исторіей, тѣмъ болѣе, что январскіе выборы сенаторовъ дали полную побѣду оппортунизму, а Дююи снова избранъ въ президенты палаты огромнымъ большинствомъ. Они продолжаютъ разводить рутину, плоды которой во флотѣ сейчасъ безошадно разоблачаетъ Клемансо. Въ палатѣ допотопный ходъ дѣлъ. Депутаты проводятъ время въ болтовнѣ по корридорамъ. Они взялись за модную магію конверсій, причѣмъ кстаті опредѣлили около 5 милл. на перестройку Бурбонскаго дворца. Назначили таможеную комиссію, гдѣ всего 5 фритредеровъ и 28 протекціонистовъ. Усиливаютъ провинціальную полицію, мечтая о воскресеніи наполеоновской централизаціи. Все-бы хорошо, но 27-го января новое memo! Депутатъ Гюгъ сдѣлалъ запросъ насчетъ массы арестовъ и обысковъ, не давшихъ результата. Тьерье, «homme à la blouse», крикнулъ: «ура, коммуна!» Къ нему присоединилось 30 товарищей. Остальные депутаты разбѣжались—и святыня парламента была осквернена: комендантъ Бурбонскаго дворца выгналъ крикуновъ. Затѣмъ палата, большинствомъ 408 противъ 64, выразила свое довѣріе правительству за его энергію въ дѣлѣ обезпеченія порядка.

III. Бѣдствія Италіи и ея великаго демократа.

Мы давно уже видѣли, что только чудо можетъ спасти злополучную «красавицу», которая давно бьется, въ предсмертныхъ судорогахъ, въ объятіяхъ тройственницы. Мы проникались взглядомъ самихъ итальянцевъ. Этотъ любопытный народъ, когда-то гениальный учитель человечества, до того отупѣлъ подъ гнетомъ австрійскаго и туземнаго деспотизма, что руководится суевѣріями, унаслѣдованными еще отъ временъ классическаго язычества. Итальянецъ—фаталистъ, какъ заурядный невѣжда. У него есть роковыя числа и лица. Онъ прибѣгаетъ къ smorfia (сонникамъ) и, какъ огня, боится «дурного глаза», который, по его мнѣнію, несомнѣнно былъ у синьора Джіолитти. Даже «высшіе, лучшіе» слои, буржуа, устремляются, по воскресеньямъ, къ фортункамъ государственныхъ лотерей, къ этимъ позорнымъ гнѣздамъ нравственныхъ бациллъ—любостязанія, легкомыслія и лѣни. Итальянецъ сваливаетъ все на рокъ, который воплощается для него, прежде всего, въ образѣ Квиринала: «Piove! Governo ladro!» (Опять дождь! Мерзкое правительство!) восклицаетъ онъ. Smorfia доказываютъ, что цифра 93 значитъ—«должникъ». Отсюда всѣ бѣды—и rapanino, и pellagra, и brigantaggio, и... быстрый полетъ министровъ одного за другимъ. Но есть «фатальный» человекъ, который можетъ совершить чудо, спасти спящую красавицу. Это—74-лѣтній, но свѣжій, какъ юноша, магъ, синьоръ Криспи. Указъ объ его министерствѣ былъ готовъ 13-го декабря, но его обнародовали позже, во избѣжаніе дурного числа...

Но какимъ-же образомъ Италія дошла до такого чуда? Между паденіемъ одного синьора и назначеніемъ другого не протекло и трехъ недѣль; но сколько пережила несчастная красавица за это время!

Мы знаемъ, какой стонъ носился надъ Италіей въ послѣдніе мѣсяцы. Немудрено, что Джіолитти палъ тотчасъ при открытіи негодующаго парламента, 24 ноября. Въ раззолоченной залѣ дворца Монтечитторіо царствовалъ небывалый шумъ и смятеніе: пришлось очистить галлерей отъ публлки. Только одинъ министръ осмѣлился явиться на этотъ судъ націи, гдѣ читалось парламентское слѣдствіе о «панамочкѣ». Изъ этого слѣдствія оказалось, что 25 депутатовъ, сенаторовъ и офиціозовъ журналистики попользовались на 7 милліоновъ лиръ въ Римскомъ Банкѣ. Въ этой милой компаніи «вспѣльнниковъ», какъ назывались во Франціи подобные же пріятели «регента», значатся лица всякихъ партій—и министры Криспи, Никотера и др., и Менотти Гарибальди съ своимъ братомъ, и герцоги. Есть и пріятели Джіолитти, который помогъ главарию банка, Танлонгѣ, скрыть самыя любопытныя бумаги.

Печать завопшла пуще прежняго. «Страна приблизилась къ насильственной развязкѣ! Нужно очистить домъ, выбросить изъ него старыхъ негодяевъ, враговъ общественной совѣсти! Нужны коренныя реформы!» *Riforma*, органъ Криспи, восклицала: «Самыя государственныя учрежде-

нія находятся въ опасности! И соединенныя усилія всѣхъ лучшихъ людей врядь-ли устранять надвигающуюся бурю». Правительственная *Italie* потребовала сокращенія военныхъ расходовъ, на что военные отвѣчали, что, напротивъ, имъ нужна прибавка въ 14 милліоновъ. Разъяренная лѣвая, съ обличителемъ панамочки, Коляйани, во главѣ, хотѣла притянуть Джіолитти къ суду, но издала только отчаянный манифестъ къ народу. Здѣсь требовалось возстановить общественную нравственность, изгнать кровопійцу, ввести децентрализацію власти, сократить военный бюджетъ на 100 милліоновъ и *liste civil* короны, завести вышнюю политику, «соотвѣтствующую чувствамъ и финансовымъ силамъ націи, которая давно переступила предѣлы выносимыхъ жертвъ». Раны націи были растравлены внезапнымъ открытіемъ потаенныхъ бумагъ Танлонга: оказалось, что погибшій банкъ былъ лишь орудіемъ правительства, которое «заставляло» его дѣлать выпуски не въ свою голову и задолжало ему 25 милліоновъ.

Въ то-же время явилось ликантное добавленіе къ этимъ бумагамъ — книжка Коляйани, гдѣ разсказывается великая борьба съ Джіолитти, которую выдержалъ авторъ, чтобы добиться парламентскаго слѣдствія. Жизнь, съ своей стороны, представила дополненіе панамочки: лопнулъ *Credite Mobiliare*—главное, послѣ національнаго банка, кредитное учрежденіе въ Италіи, 500-франковыя акціи котораго ходили прежде по 1200: онъ зарвался на 600 милл. при капиталѣ въ 60 милл. А вслѣдъ затѣмъ лопнулъ и его товарищъ, *Вансо Generale*. Вкладчики бросились вынимать свои деньги и изъ другихъ, менѣе именитыхъ, банковъ. А тутъ грозныя извѣстія изъ Сициліи. Въ Монреальѣ, у Палермо, фасчин бросаются на казармы и ратуши, все истребляя на своемъ пути. И мѣстная власть, мэръ, поощряетъ ихъ, поноситъ правительство, требуетъ упраздненія арміи, этого «палача страны», и предлагаетъ тотчасъ размежевать земли и отмѣнить налоги. Берсальеры отстрѣливаются: десятки убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ... И телеграфъ началъ опровергать «слухи объ отреченіи короля Гумберта...»

Вотъ условія, при которыхъ корона склонилась къ народу: 29 ноября былъ назначенъ премьеромъ великій демократъ, по мнѣнію патріотовъ Италіи, даже анархистъ, а въ глазахъ духовенства — самъ Антихристъ. Это—Цанарделли, сотрудникъ Гарибальди, потомъ вожакъ крайней лѣвой и, наконецъ, президентъ палаты. Онъ не скрывалъ своего республиканства, боролся съ Ватиканомъ, перевернулъ допотопный уголовный сводъ Италіи такими новшествами, какъ отмѣна смертной казни. Но въ послѣднее время это — уже «подмоченная репутація», какъ говорятъ французы про своихъ панамистовъ: Цанарделли, оказалось, тоже зналъ продѣлки банковъ и даже дружилъ съ Танлонго. Лѣвая вдругъ отшатнулась отъ своего вожака и даже стала злобно подставлять ему ножку. Тогда великій демократъ, которому, должно быть, очень понравилось министерское кресло, бросился къ правой. Но тутъ произошла поучительная исторія, рисующая нравы Квиринала. Цанарделли пони-

малъ, что теперь все дѣло въ финансахъ, которые даже хуже, чѣмъ думали: 150 милл. дефицита на одинъ нынѣшній годъ, 1 миллиардъ текущаго долга да недоимки, недоимки безъ конца. Нуженъ особенный героизмъ, чтобы мечтать теперь о мѣстѣ министра финансовъ въ Италіи, съ новыми налогами и народными жертвами въ виду. Цанарделли потребовалъ серьезныхъ сбереженій; но король Гумбертъ отказалъ въ нихъ, а посовѣтовалъ найти финансиста «съ авторитетомъ». Вѣдный экс-демократъ обѣгалъ всѣ углы, но получилъ отказъ отъ мало-мальски порядочныхъ лицъ. Тогда онъ взялся за угодныхъ Квириналу ничтожества, и именно за генераловъ. Одинъ слухъ о нихъ вызвалъ негодованіе въ странѣ, но Цанарделли шелъ и на это. Онъ желалъ только распустить парламентъ, чтобы заставить короля выступить затѣмъ съ тронною рѣчью. Но Гумберту хотѣлось свалить на министровъ всю горечь заявленія о бѣдствіяхъ страны. Цанарделли пошелъ и на это. Но Гумбертъ велѣлъ генераламъ отказаться: по конституціи, онъ — глава арміи и флота. У короля уже была въ виду замѣчательная *combinazione*: 13 декабря былъ подписанъ указъ о министерствѣ Криспи.

IV. Фатальный человѣкъ.

Криспи? Какой? Братъ, однофамилецъ? Нѣтъ, это *онъ*, — тотъ самый злой геній Италіи, который, ставши министромъ въ 1887 г., поступилъ въ главные караульщики савойской династіи,—тотъ, который сотворилъ «мегаломанію» и французоѣдство,—тотъ, который усерднѣе всѣхъ обосновывалъ тройственницу и воскликнулъ, облизываясь отъ удовольствія: «мы стали жандармами новаго Священнаго Союза!» Это тотъ самый Криспи, который, въ 1849 г., восклицалъ: «19-й вѣкъ видѣлъ только трехъ великихъ заговорщиковъ—Мадзини, Наполеона III и меня!» Это тотъ Криспи, который вводилъ въ употребленіе разрывныя бомбы, былъ правою рукой Мадзини и Гарибальди, а въ первомъ-же итальянскомъ парламентѣ горячо отрекся отъ своего прошлаго, ибо «монархія соединяетъ, республика же раздѣлила-бы насъ». Это тотъ Криспи, въ старческомъ сердцѣ котораго «зашевелился былой республиканизмъ», когда монархія выкинула его, какъ выжатый лимонъ. Его *Riforma* проповѣдовала, въ послѣднее время, прелести ресублики во Франціи, необходимость союза съ нею, а также сбереженій и разоруженій для тщательной разработки соціального вопроса. Словомъ, это — самъ апеннинскій Бисмаркъ.

Положимъ, не быть «рабомъ своего прошлаго»—это и есть одно изъ правъ на званіе «генія» въ политикѣ, какъ доказываютъ намъ, по крайней мѣрѣ, гг. Дюпюа, Бисмарки и Микели. Но что-же значить, что и Квириналъ и Коляяни одинаково возложили теперь на *него* свои послѣднія надежды, признали *его* «великимъ старцемъ» Италіи? Положимъ, «штабъ-квартира монархіи оскудѣла людьми», какъ свидѣтельствуется знатоку Рима, корреспонденту *Indép. Belge*. Но штабъ-квартира «будущ-

ности» страны? Наша мысль невольно возвращается къ характеристикѣ современнаго итальянца, съ которой мы начали. Требуется богатырскій подвигъ со стороны націи: нужно измѣненіе основъ ея жизни. Такое чудо, по ея мнѣнію, можетъ совершить только «фатальный» человѣкъ. Такимъ всегда считалъ самъ себя синьоръ Криспи,—человѣкъ съ пылкой фантазіей юноши, съ рѣшимостью и энергіей фанатика. Онъ способенъ на все, когда угодно: онъ и теперь, въ 74 года, жаждетъ кипучей дѣятельности. Отсюда его обаяніе на суетвѣрную націю...

Ядовитая газетка *Fanfulla* замѣтила: «Криспи привлечетъ къ себѣ общественное мнѣніе, если ему удастся вполне переродиться». Итальянецъ чуетъ въ своемъ старцѣ чудесную силу копы Ахиллеса—исцѣлять имъ самимъ нанесенныя раны. Уже переходить изъ устъ въ уста «пророчество» Мадзини, что быть ему «последнимъ министромъ монархіи...»

А въ Квириналѣ мечтаютъ, что это будетъ послѣдній министръ конституціонной монархіи. Кто кого обманетъ? И не обманется-ли нація въ обоихъ случаяхъ?..

V. «Бѣлые рабы» и «союзы труженниковъ».

Передъ нами покуда слѣдующія событія.

Фатальный человѣкъ объявилъ, что «отъ страны потребуются жертвы», и распустилъ палату на праздники, при свисткахъ оппозиціи, которая кричала: «налоговъ не выбить изъ народа и штыками!» И хотя «фатальный» отвѣчалъ, стуча кулакомъ: «нѣтъ, заплатятъ!» итальянская рента повалилась пуще прежняго. А объ Рождествѣ въ Сициліи вспыхнула давно жданная революція. Поднялся до того забытый, скромный народъ, что онъ кричитъ ура войскамъ, когда въ него стрѣляютъ. Это взбунтовался не сицилійскій мужикъ, «Честь» котораго обходитъ міръ въ оперѣ Масканья, а его пустой желудокъ. Житница міра въ древности прямо таки мретъ съ голоду. Самъ прокуроръ, посланный туда, потребовалъ «соціальныхъ реформъ», ибо положеніе крестьянъ невыносимо. Даже мѣстные чиновники и батюшки объяснили ему, что народъ—рабъ праздныхъ, сладострастныхъ и невѣжественныхъ помѣщиковъ, которые проѣдаютъ его труды за границей, передавъ земли кулакамъ-арендаторамъ и подарендаторамъ (*gabellotti*). Рабъ въ вѣчномъ долгу у кулака, который даетъ ему на сѣмена гадость, а требуетъ хорошаго хлѣба съ лихвой Шейлока, уступая ему $\frac{1}{3}$ сбора и даже меньше. Рабъ страшно трудится въ полѣ, еще хуже—въ каменоломняхъ; а въ сѣрныхъ рудникахъ онъ такъ и называется «бѣлымъ рабомъ». У него нѣтъ даже собственнаго хлѣвушка для ночевки: онъ живетъ въ городѣ, гдѣ платитъ кучу налоговъ. Обложено сборомъ даже все сѣѣтное: каждую бабу, идущую съ поля домой, осматриваютъ — нѣтъ-ли булки или пучка соломы? Въ Сициліи и Венеціи одинаковое количество населенія ($3\frac{1}{2}$ милл.), а первая платитъ 20 милл. налоговъ, вторая-же — только 7 милл. И налоги въ

Сициліи все растутъ, тогда какъ именитые почти ничего не платятъ. А ремесленныхъ заработковъ нѣтъ никакихъ. Чтобы справиться съ долгами и податями, бѣлый рабъ отдаетъ въ кабалу своихъ 8-ми-лѣтнихъ малютокъ. И все-таки на праздникахъ въ Сициліи продавали съ молотка послѣдніе клочки земли рабовъ за недопмки по налогу въ 5 фр. въ годъ!

И такія явленія ежедневны даже въ Сардиніи, ю. Италіи, а отчасти и по всему королевству, несмотря на воловье трудолюбіе и почти аскетическую воздержность народа. Словомъ, происходитъ возрожденіе крупновладѣнія (*latifundia*), погубившаго древній Римъ; совершается великая «экспроприація» или фабрикація пролетаріата, этого отца анархизма. Удивляться-ли успѣху «фасцій (союзовъ) тружениковъ» (*Fasci dei Lavoratori: fascio* — связываю), къ которымъ принадлежатъ мелкіе торговцы, чиновники и попы,—фасцій, которые похристіански цѣлуются съ людьми при встрѣчѣ,—фасцій, которые дѣйствуютъ открыто, не имѣя и понятія объ анархизмѣ, расхаживаютъ съ иконами и портретами короля, вмѣсто знаменъ, и молятся о долгодѣтнн династіи передъ ликами многострадальца-Спасителя? Удивляться-ли и горячей любви къ народу такихъ главарей фасцій, какъ депутаты Гарибальди, Коляіани, Феличе и др.? Удивительно-ли, наконецъ, что самъ «фатальный» вельѣл, на первыхъ порахъ, префектамъ быть помягче съ налогами? Даже онъ понялъ, что возстали не противъ правительства, а противъ мѣстныхъ сборщиковъ, этихъ приказчиковъ знати, сваливающихъ налоги на бѣдноту. По всему острову фасціи жгли таможи съ ихъ бумагами, избивали ихъ жильцовъ топорами и камнями.

«Фатальный» сгоряча почти призналъ фасци, нообѣщавъ исполнить ихъ законныя требованія и намекнувъ даже на надѣлы изъ государственныхъ земель... А 3 января въ Сициліи было объявлено осадное положеніе. По всей Италіи затрещали барабаны: собирали 50000 отпусковыхъ, и... кстати отправляли военные запасы въ крѣпости, пограничныя съ Франціей. Вездѣ поднялся плачь — и появились красные листки.

VI. Революція или brigantaggio?

Усмиритель сентябрьскихъ «волненій» въ Неаполѣ, храбрый генералъ Морра, тотчасъ явился съ войсками въ Сицилію. Онъ издалъ свирѣное воззваніе и устроилъ три полевыхъ суда. Онъ воспретилъ даже мирныя сборища и потребовалъ выдачи оружія, которое сициліецъ носить споконъ вѣка съ пеленокъ, какъ свою гордость. И пошла перепалка, которая длилась недѣли три во множествѣ общинъ и городковъ.

Но въ фатальной странѣ все чудесно. Бунтуютъ, а все ходятъ съ иконами, портретами и батюшками. И въ отвѣтъ на залпы все кричатъ ура! солдатамъ: бунтари даже радовались войску, такъ какъ оно принесло съ собой немножко денегенокъ. Народъ, даже тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ фасцій, дрался преимущественно съ таможенниками, которые первые и

стрѣляли въ него, пока войска колебались. Онъ скоро повѣрилъ генералу, который подъ рукою давалъ разныя обѣщанія именемъ короля и Криспи, хотя тутъ-же производилъ аресты массама. Къ концу января мятежники сдали почти все свое оружіе, которое было заготовлено всюду въ огромномъ количествѣ; и фашы сами закрывались безъ сопротивленія.

Фатальный человѣкъ самодовольно улыбался. Не правъ-ли онъ былъ, увѣряя Европу, что «волненіе» всего въ двухъ городкахъ и что причины его — нерадивость мѣстныхъ властей да подстрекательство «враговъ отечества», въ особенности, конечно, французовъ и всесвѣтныхъ анархистовъ? Криспи имѣлъ наглость даже просить иностранные кабинеты не пускать въ Сицилію шифрованныхъ телеграммъ. А самъ лгалъ на весь міръ посредствомъ офиціозныхъ телеграммъ агентства Стефани. Мы и теперь знаемъ лишь частіцу бѣдствій Италіи, благодаря иностраннымъ корреспондентамъ да вышеупомянутымъ депутатамъ. Напрасно Криспи не пускалъ на злополучный островъ этихъ депутатовъ, которые бросились туда, чтобы «провѣрить дѣйствія правительства и прекратить его умышленную жестокость». Напрасно Феличе и Гарибальди были арестованы. Представителямъ народа удалось доказать, что въ Сициліи уже нѣтъ и хлѣба: народъ «питается травами». А потому, какъ только уйдутъ войска, опять вспыхнетъ пожаръ, который тѣмъ труднѣе будетъ потушить, что въ Сициліи первобытные пути сообщенія, а состояніе арміи оказалось плачевно: у Морра батальоны вмѣсто полковъ.

Но Сицилія уже оказывается только первымъ вскрывшимся нарывомъ гнѣющаго государственнаго тѣла. Въ теченіе января волненіе охватило почти всю Италію. Въ Неаполѣ и Римѣ сыпались, съ галлерей въ театрахъ, красные листки съ надписями: «Долой грабителей! Долой налоги! Да здравствуютъ мученики Сициліи!» Въ Римѣ рабочіе ходили съ красными знаменами, прибавляя: «Ура, социализмъ!» Они встрѣчали полицію выстрѣлами изъ револьверовъ; а она произвела массу арестовъ, захватила кучу прокламацій, списковъ, бомбъ и проч. То же самое, какъ по данному знаку, совершилось въ Павіи и Флоренціи, въ Моденѣ и Эмилии, и такъ до Апуліи, гдѣ прокисаютъ сотни гектолитровъ вина, такъ какъ глупая таможенная война, кажется, навсегда лишила Италію французскихъ рынковъ. Въ Павіи и Неаполѣ закрыты университеты. Въ Бари солдатамъ пришлось давать залпы. Въ С.-Ремо толпы кричали: «Долой буржуазію! Ура, международный пролетаріатъ!» Въ Пизѣ кавалерія разогнала «стачку пекарей и извозчиковъ».

Впрочемъ, все это вызываетъ только улыбку у «фатальныхъ»: дѣло привычное — анархизмъ, социализмъ, всякіе общественные «измы», въ истребленіи которыхъ поможетъ само «общество». Эти господа морщатся только когда дѣло коснется *политики*, т. е. ихъ собственной шкуры, которая прироста къ Квириналамъ. А она-то и всплыла, наконецъ, какъ достойный финалъ январскихъ событій. Это страшилище возникло на прибрежьи той Тосканы, которая всегда была очагомъ просвѣщенія въ

Италіи и ключомъ къ судьбамъ страны. Въ Ливорно вдругъ закрылись магазины—и пошла стрѣльба даже въ желѣзно-дорожные поѣзда: цѣлые отряды «республиканцевъ» подъ черными знаменами! И они чуть не взорвали на воздухъ мѣстнаго отдѣленія «монархической ассоціаціи». Затѣмъ «банды» взяли Каррару и обезоружили гвардію. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось-бы дѣло, если бы побѣдители не забыли перерѣзать запасную линію телеграфа, которая привела войска въ-время. Но произошло цѣлое сраженіе, и долго потомъ солдаты преслѣдовали разбитый отрядъ «въ горахъ». 17 января Каррара и Масса были объявлены въ осадномъ положеніи. Здѣсь вскрылась строгая организація республиканцевъ. Измѣнники подвергались смертной казни. Члены тайнаго общества клялись: «хотя-бы мнѣ пришлось пожертвовать своею свободой или жизнью, или-же разбить свои лучшія привязанности». Здѣсь много и «стачниковъ». А эта мѣстность—богатѣйшая во всей Италіи: здѣсь мраморщики вырабатываютъ до 15 франк. въ день. Знатокъ дѣлъ увѣряютъ, что если бы удалось въ Каррарѣ, пожаръ охватилъ-бы Романью и Ломбардію, эти наиболѣе зажиточныя и просвѣщенныя провинціи Италіи, гдѣ сильно развито республиканство, гдѣ работаетъ и могущественная «ватиканская» партія.

Въ то же время по всей Италіи распространяется ненависть къ тройственницѣ и сочувствіе къ Франціи. Извѣстный ученый Ламброзо выразилъ мысль своихъ соотечественниковъ въ горячей брошюрѣ. Онъ говоритъ, что итальянцы питаютъ къ французамъ «естественную, почти наследственную» любовь. У нихъ французскія моды, машины, даже недостатки французскихъ писателей; почти всѣ они говорятъ по-французски. И французамъ не нужно войнъ для господства надъ міромъ: они покоряютъ всѣхъ своими Тэнами, Ренанами. Пастёрами...

Можно повѣрить газетчикамъ, что Гумбертъ уже отослалъ лондонскому Ротшильду свое добро—не болѣе ста милліоновъ лиръ; а папа присматриваетъ себѣ мѣстечко въ Испаніи...

Патріоты Италіи начинаютъ писать слезами и метать громы проклятіи въ виновниковъ гибели отечества. Они видятъ, чего стоитъ обвиняемой странѣ эта внутренняя война, эта мобилизація, которая показала, что и арміи-то настоящей нѣтъ, несмотря на поглощенные ею сотни милліоновъ. Они знаютъ, что волненіе затихло лишь на минуту: вѣдь, желудокъ у народа остается тощимъ, даже хуже прежняго. Они съ ужасомъ спрашиваютъ, что сдѣлали съ Италіей, которую недавно великіе труды и крупныя личности вознесли изъ рабства на степень шестой державы,— съ Италіей, гдѣ красуется маститый Римъ, глава двухсотъ милліоновъ католиковъ?

Одинъ фатальный человекъ не унываетъ. Онъ все еще думаетъ, что нѣтъ никакой революціи: одно brigantaggio, разбойничество! 25-го января Криспи объявилъ парламенту, что онъ можетъ поприрадовать еще до 20-го февраля. Затѣмъ послѣдовало первое дѣяніе новоявленнаго диктатора: онъ сотворилъ деньги изъ ничего. Такъ какъ ни въ странѣ, ни

въ казнѣ нѣтъ ни гроша, то Крипси разрѣшилъ банкамъ увеличить выпускъ бумагъ. Можно позавидовать, какъ просто теперь рѣшаются почти невозможные вопросы. Въ былое время, при кризисѣ, палаты объявляли себя безсмѣнными и засѣдали даже въ необычное время: теперь онѣ устраняются, чтобы не мѣшать расправамъ базальтовыхъ лбовъ. На материкѣ депутаты и заслужили это. Въ Англіи ихъ товарищи и сейчасъ ведутъ себя совсѣмъ иначе. Но мы поговоримъ о нихъ въ слѣдующій разъ. Теперь же намъ не хватаетъ мѣста даже для разсказа объ анархіи въ другихъ частяхъ тройственницы. Впрочемъ, въ этихъ политическихъ палестинахъ совершаются не столько трагическія, сколько комическія событія, хотя и характерныя: чего стоитъ одна историческая «бутылка вина», которую Гогенцоллернъ послалъ своему бывшему мажоръ-дому, «сокровищу» Германіи, чтобы тотъ не умеръ безъ примиренія! Наше вниманіе привлекаетъ одно внезапное событіе, возникшее опять ни съ грома, ни съ тучи...

УІІ. Нѣтъ болѣе дѣтей!

Il n'y a plus d'enfants! восклицали мы, десять мѣсяцевъ тому назадъ, изображая новаго Кіаксара въ Сербіи. Государственный переворотъ, совершенный 16-лѣтнимъ королемъ Александромъ, съ помощью юнкеровъ и адъютантовъ, казался намъ лишь «первымъ актомъ» драмы. Второй послѣдовалъ теперь. Тогда царственный мальчикъ, по его же словамъ, «нарушилъ одну статью конституціи, чтобы охранять остальные». Теперь онъ нарушилъ другую статью, и съ такою же восточною хитростью и наглостью. Тогда онъ разогналъ регентовъ, подстроенный радикалами, теперь разогналъ самихъ радикаловъ.

Сербія—замѣчательная игра природы въ исторіи. Все у нея есть, и парламентъ, и династія, и всевозможныя партіи, и великіе мужи: только толку нѣтъ. Скупщина обыкновенно составляетъ почти единогласное большинство той партіи, которая стоитъ у «кормила»; а такъ какъ кабинеты мѣняются въ Сербіи чаще сапоговъ, то, волею судебъ, всегда можно ожидать какому-нибудь большинству. Великіе мужи тамъ велики только пока управляютъ; а когда ихъ отгонять отъ «кормила», они оказываются или нулями, или великими пройдохами. Династія, которой всего 25 лѣтъ, возникла изъ бунта, низвергнушаго Карагеоргиевича, внука котораго, Арсеній, служить теперь въ Россіи. И она уже успѣла скандальными распрями въ собственной средѣ довести дѣло до того, что «чета» была изгнана, и Милапъ проживалъ въ одной, а Наталья «въ другой части» Парижа.

Сколько ни мѣнялись партіи у кормила, всѣ онѣ оказались вполнѣ похожими другъ на друга, національными: всѣ грызлись между собой, выказывали непониманіе дѣла, совершали злоупотребленія и дырявили казенный сундукъ. Въ апрѣлѣ все это доказалъ юный Кіаксаръ относительно либераловъ великаго Аввакумовича,—доказалъ, какъ дважды два

четыре, такъ что этихъ либераловъ отдали подъ судъ. Но вскорѣ то же самое оказалось у радикаловъ. Сначала еще кое-какъ жили: король слушался скромнаго и умнаго профессора Докича, котораго все уважали. Но Докичъ умеръ—и при его ничтожномъ преемникѣ, Груничѣ, все пошло постарому. По единодушному свидѣтельству иностранныхъ корреспондентовъ, дѣло дошло до «полнаго разстройства», въ особенности по финансовой части. Нельзя собрать даже огромныя недоимки, а требуются новые налоги. На Новый Годъ поздравили чиновниковъ и офицеровъ: по турецкому обычаю, вовсе не дали имъ жалованья, такъ какъ нечѣмъ было оплачивать «январскій купонъ» по государственному займу. Мало того. Оказалось, что радикалы еще обуреваемы нелѣпою страстью «пансербизма»: имъ хотѣлось бы прихватить, ну, пока хоть Боснію. Они настолько глубокомысленны, что, по заключеніи торговаго договора съ Россіей (27 октября), вообразили, будто эта Церера обратится ради нихъ въ Палладу и станетъ проливать свою кровь въ ихъ борьбѣ съ Австріей. Радикалы стали дѣлать всякія неприятели Вѣнѣ и судили министерство Аввакумовича именно за продленіе договора съ Австріей.

Но лѣтомъ Александръ былъ очень обласканъ Францомъ-Иосифомъ въ Ишлѣ. Затѣмъ офицеры жаловались ему на недостатокъ жалованья. Наконецъ, радикалы черезчуръ строго стали надзирать за конакомъ (турецкое названіе дворца): имъ хотѣлось, чтобы туда не пролѣзалъ никто, кромѣ нихъ. Храбрый Кіаксаръ рѣшился-было повторить опытъ 13 апрѣля, внезапно составивъ военное министерство. Но ни либералы, ни напредняки не соглашались, такъ какъ въ скупщинѣ сидятъ почти одни радикалы. Тогда полетѣли телеграммы. Радикалы звали на помощь, съ береговъ Невы, своего Мардохая, Пашпича, а Александръ послалъ 19 января 6000 словъ своему родителю въ Парижъ. Про мать онъ забылъ: напрасно она недавно долго проживала гдѣ-то недалеко отъ Бѣлграда. Теперь она уже въ Біаррицѣ и говоритъ, что «не намѣрена продѣлывать опыты обліженія съ народомъ».

21-го января Миланъ явился въ Бѣлградъ, котораго клялся никогда не посѣщать, за что и получилъ въ свое время отступного червонцами. Отъ вокзала до конака онъ ѣхалъ сквозь строй жандармовъ. Если въ басняхъ Федра есть *Ex sutore medicus* (Изъ сапожника въ медики), то отчего-же не возникнуть диктатору изъ экс-короля? Доблестный Миланъ тотчасъ распеку радикаловъ и прекратилъ судъ надъ либералами, хотя миловать можетъ только скупщина. Затѣмъ онъ назначилъ либеральное министерство Симича, въ которомъ, впрочемъ, есть и пара «напредняковъ»: нѣтъ только ни одного «назадника». Новый кабинетъ далекъ отъ партійныхъ связей; его члены—все народъ умѣренный и новый, больше военные да нѣсколько профессоровъ. Префекты въ округахъ также замѣняются военными. Миланъ расправляется тоже по-военному, безъ церемоній. Онъ и побывалъ у митрополита Михаила, и полюбезничалъ съ своимъ личнымъ врагомъ, Гараганиномъ, и былъ на балу студентовъ,

которые накануне кричали перед конакомъ: «живіо уставъ (конституція)»!

Но сынокъ не выходитъ изъ конака: у него инфлуенца, какъ онъ телеграфировалъ матери. Злодѣи радикалы объявили, въ своемъ манифестѣ народу, что «пробываніе Милана въ Сербіи колеблетъ вѣру въ прочность престола Александра» и что они пойдутъ на все «для поддержанія конституціи», т. е. хотя-бы на призваніе Арсенія съ береговъ Невы. Ихъ газеты называютъ Милана прямо «измѣнникомъ» и угрожаютъ «серьезною опасностью престолу». А когда Симпчъ явился, 25-го января, въ скупщину, радикалы не дали ему говорить, кричали «какъ бѣшеные». Скупщина распущена до 1-го мая. И ужъ не знаемъ, — сговорились фатальные человѣки Сербіи и Италіи, или дѣйствовали независимо? Но ихъ конституціонные «удары» произошли въ одинъ день.

Въ такой безшабашной странѣ, какъ Сербія, нельзя предсказывать и завтрашняго дня. Рѣшаемся указать только на одно. Сербіи придется впервые продѣлать опытъ самостоятельнаго расклеиванія каши. Всѣ относятся съ презрѣніемъ къ кувырканьямъ этого Тирсита въ станѣ государствъ Европы, къ потугамъ этого мальчика разыгрывать роли. Это чувство прекрасно выразилось въ словахъ маститаго *Times*: «Вся энергія маленькаго королевства должна быть направлена на внутреннія преобразованія. Въ послѣднія два десятилѣтія оно вело активную иностранную политику, позволяло себѣ такую роскошь, какъ войны, государственные перевороты и иностранныя интриги: послѣдствія оказались плачевными... Было-бы хорошо, если бы Сербія распустила свою армию и занялась разведеніемъ свиней». Та же мысль въ *Journal de St. Pétersb.* По его мнѣнію, «новый путь, на который вступило сербское правительство, представляется намъ исполненнымъ неудобствъ и опасностей для него». Этотъ путь — «нарушеніе конституціи, которую выработала страна».

А. Трачевскій.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Н. А. Добролюбовъ (Статья вторая).

Первые шаги Добролюбова на литературномъ поприщѣ.—Полемика съ Галаховымъ.— «Вопросы жизни» Н. П. Пирогова и «Всероссійскія плюзии, разрушаемыя розгамп» Добролюбова. — Прощаніе Кіевскаго Общества съ Пироговымъ. — Журнальныя нападки на Добролюбова. — Письма Судовщикова и Драгоманова. — Самозащита «Современника». — Печатныя объясненія Пирогова. — Кто правъ и кто виноватъ?—Мелкія библиографическія замѣтки Добролюбова и его политическія статьи. — Монталамберъ и Кавуръ.

I.

Мы приступаемъ къ изученію произведеній Добролюбова. Распредѣливъ ихъ по характеру ихъ литературной обработки и по той важности, какую они представляютъ для пониманія всей журнальной дѣятельности Добролюбова на четыре отдѣльныя группы, мы въ каждой изъ нихъ отмѣтимъ главную тенденцію автора, высоту его литературныхъ и публицистическихъ требованій, чтобы въ окончательномъ результатѣ, соединивъ отдѣльныя мысли въ опредѣленную систему, дать полную и всестороннюю обрисовку его журнальной карьеры. Намъ придется войти въ подробное разсмотрѣніе нѣкоторыхъ нынѣ забытыхъ вопросовъ, волновавшихъ въ свое время общественное мнѣніе Россіи, вызвать живые образы людей, представляющихъ лучшую сторону русской культуры, и на фактахъ прошлаго провѣрить достоинства тѣхъ литературныхъ приемовъ, которые практиковались талантливыми людьми на страницахъ либеральнаго журнала той эпохи. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что публицисты «Современника» добивались того, что считали правдою, шли по пути журнальной агитаціи съ убѣжденіемъ призванныхъ адвокатовъ общественной справедливости. Но воздавая должное намѣреніямъ и стремленіямъ лучшихъ работниковъ «Современника», нужно съ полнымъ безпристрастіемъ взглянуть въ методу этого журнала, разобраться въ тѣхъ средствахъ, которыя считались передовыми людьми того времени наиболее пригодными для достиженія поставленной цѣли. Тѣ общія идеи, которыя руководили дѣятелями «Современника» въ вопросахъ научно-философскихъ и эстетиче-

скихъ, должны были положить свою печать и на публицистическіе приемы журнала. придавъ имъ тотъ характеръ холодной, оскорбительной рѣзкости и безопадной нетерпимости, который по природѣ своей противорѣчитъ принципу свободы и гуманности. Публицистическія статьи, написанныя сотрудниками «Современника», лишены широкихъ настроеній, создаваемыхъ глубокимъ, всестороннимъ пониманіемъ историческихъ событій, умѣнемъ связывать факты жизни съ общими міровыми теченіями, ясно-сознаннымъ идеаломъ гражданственности, который каждую легучую политическую програму обращаетъ во временное орудіе для вѣчныхъ цѣлей духовнаго прогресса. Мы не видимъ въ этихъ статьяхъ свободного движенія политическихъ идей и могли бы, сославшись на документы, сохранившіеся въ исторіи русскаго либеральнаго движенія, показать, что именно люди, имѣвшие возможность близко присмотрѣться къ событіямъ европейской исторіи, собственнымъ мужествомъ и, можно сказать, героизмомъ участвовавшіе въ борьбѣ новой Европы со старою, именно эти люди, обладавшіе высокимъ гражданскимъ тактомъ, сознавали возможность другихъ методовъ для прогрессивнаго воздѣйствія на тотъ строй, въ которомъ трудились либеральные публицисты «Современника». Усвоивъ тонъ диктаторской самоувѣренности и замашки деспотическихъ опекуновъ, охраняющихъ незрѣлое общество отъ вредныхъ увлеченій въ сторону философской мечтательности и отъ опасныхъ ошибокъ въ области его умственныхъ стремленій, журнальные мыслители того времени сразу встали на почву, невозможную для людей твердаго и глубокаго политическаго мышленія, которое не терпитъ никакихъ произвольныхъ скачковъ, никакихъ искаженій и, никогда не упуская изъ виду эмпирическихъ обстоятельствъ, диктуетъ вѣрныя средства для вѣрныхъ и нужныхъ реформъ. Вотъ почему мы постоянно встрѣчаемся и въ публицистическихъ разсужденіяхъ писателей «Современника», въ разсужденіяхъ, отправляющихся отъ чисто-литературныхъ явленій, съ искусственнымъ и тенденціознымъ подчеркиваніемъ отдѣльныхъ, иногда ничтожныхъ фактовъ вмѣсто увѣреннаго и принципиальнаго обсужденія тѣхъ матеріаловъ, которые выступали на судъ историка. При всей талантливости въ подборѣ нужныхъ доказательствъ, тонкихъ штриховъ, передающихъ то пронію, то порывистое и сильное чувство человѣческаго протеста, при всей своей настойчивости въ преслѣдованіи опредѣленной цѣли, разсужденія эти не могутъ производить надлежащаго впечатлѣнія на людей, воспитанныхъ на болѣе совершенныхъ образцахъ правовой агитаціи. Это разсужденія—узкія не по своимъ практическимъ стремленіямъ, а по своему философскому кругозору, въ который не входили высшіе интересы духовнаго творчества, высшія задачи человѣческаго существованія. Это публицистическая политика, оторванная отъ своего духовнаго корня и потому обнимающая только немногіе вопросы ближайшаго общественнаго блага при данныхъ житейскихъ и историческихъ условіяхъ. Это смѣлая, иногда самоотверженная защита человѣческихъ правъ безъ широкой фи-

лософiи права. Это героизмъ, но «героизмъ съ выколотыми глазами», по счастливому выраженiю Карлейля. Они живутъ, эти старые журналы, но живутъ въ какой-то духовной тѣмѣ. Мощные голоса до сихъ поръ слышатся изъ отдаленiя времени, объятаго туманомъ. Силы, напряженныя борьбою и смутными ожиданiями лучшаго, рвутся на просторъ свободной общественной дѣятельности. Доносится шумъ горячаго спора. Но солнце не сiяетъ надъ этими смѣлыми журнальными схватками. Идея внутренней свободы, влекущая къ борьбѣ за высшiя челоуѣческiя нужды, не согрѣваетъ этихъ пламенныхъ защитниковъ народнаго блага. Литературная пропаганда этихъ людей, поражая энергiею и прямою, не обнаруживаетъ однако духовной глубины и содержательности.

II.

Добролюбовъ выступилъ въ журналистикѣ съ довольно пространною статьею, имѣющею болѣе компилятивный, чѣмъ самостоятельный историческiй характеръ, — о «Собесѣдникѣ любителей руссiйскаго слова», напечатанною въ VIII и IX книгахъ «Современника» за 1856 г. Авторъ начинаетъ съ общихъ разсужденiй, отънесенныхъ проницательнымъ отношенiемъ къ установившейся въ его время журнальной критикѣ. Послѣ отвлеченныхъ философскихъ прiемовъ, которыми пользовалась критика 40-хъ годовъ, пишетъ Добролюбовъ, наступило время обращенiя къ фактамъ исторiи литературы. Еще недавно ко всему хотѣли прилагать эстетическiя и философскiя начала, во всемъ искали внутренняго смысла, всякiй предметъ оцѣнивали по тому значенiю, какое онъ имѣетъ въ общей системѣ знанiй. Нынѣ намъ прежде всего показываютъ отдѣльные, отрывочные факты, каждый кирпичъ, каждое бревно, каждый гвоздикъ, употребленный при постройкѣ зданiя, рассказывая при этомъ подробно, гдѣ что куплено, гдѣ что лежало до того времени, пока заняло свое настоящее мѣсто. Въ былое время господствовали высшiе взгляды, при которыхъ требовалось уловить духъ, характеръ, направленiе литературнаго явленiя. Въ настоящее время занимаются изслѣдованiемъ того, насколько, кѣмъ и какъ обрубленъ и обсѣченъ сырой материалъ, приготовленный для постройки. Нынѣ представляютъ смѣту, сколько этотъ материалъ стоилъ во время постройки и сколько стоитъ теперь. Нынѣ дорожатъ каждымъ фактомъ биографiи и библиографiи. Наполняя литературу указателями, помѣщая въ журналахъ указатели, основывая свою ученую славу на составленiи указателей, критики современности пренебрегаютъ всякими иными разсужденiями и литературными цѣлями. Оговорившись такимъ образомъ относительно библиографическаго направленiя современной критики, обливъ тонкимъ юморомъ разныхъ книжныхъ крохоборовъ и въ нѣсколькихъ энергичныхъ словахъ подчеркнувъ свое сочувствiе критикѣ идейной, имѣющей дѣло съ полными, всесторонними оцѣнками, стремящейся высказать «новое слово въ наукѣ или въ искусствѣ», распростра-

нящей въ обществѣ свѣтлыя взгляды, истинныя, благородныя убѣжденія, Добролюбовъ скромно выясняетъ характеръ предпринятаго имъ труда. Это не будетъ библиографическій указатель или сводный списокъ разныхъ статей, помѣщенныхъ въ «Собесѣдникъ», это не будетъ «мозольное изслѣдованіе» безжизненныхъ фактовъ, это будетъ работа, представляющая общій характеръ извѣстнаго явленія, объясненіе его значенія въ русской литературѣ—съ необходимыми выводами и итогами. Читатель долженъ найти въ статьѣ его главныя соображенія «касательно важнѣйшихъ вещей», тѣ соображенія, которыя, давъ полную свободу въ изложеніи, позволять автору подробно и вѣрно прослѣдить духъ и стремленіе журнала время Екатерины. Обращаясь къ «Собесѣднику», Добролюбовъ сначала отмѣчаетъ его общій характеръ и затѣмъ болѣе подробно останавливается на главныхъ произведеніяхъ этого журнала: на произведеніяхъ Екатерины II. Это былъ журналъ съ большимъ вліяніемъ на русское просвѣщеніе, имѣвшій въ составѣ своихъ сотрудниковъ, кромѣ императрицы и кн. Дашковой, всѣхъ знаменитѣйшихъ людей этой великой эпохи въ русской исторіи: Державина, Богдановича, Княжнина, Капниста, Фонъ-Визина и др. Вся литературная дѣятельность Екатерины II, говоритъ Добролюбовъ, имѣетъ видъ высокой правды и безкорыстія, которое не могло не вліять на другихъ писателей, участвовавшихъ въ «Собесѣдникѣ», стремившемся всѣми силами возвысить значеніе отечественной литературы. Сама Екатерина являлась главной вкладчицей этого журнала, и два ея произведенія: «Записки касательно русской исторіи» и «Были и небылицы» должны быть признаны очень важнымъ документомъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Императрица видѣла добрыя и дурныя стороны европейскихъ общественныхъ движеній и, желая собственнымъ талантомъ воздѣйствовать на духовную культуру страны, она предприняла научную работу съ цѣлью дать русскому обществу вѣрное представленіе о ходѣ историческихъ событій въ Россіи. Искуснымъ и подробнымъ изображеніемъ древнихъ доблестей русскаго народа она старается уронить тѣ клеветы, которыя взводили на Россію нѣкоторые иностранные писатели. Она призываетъ къ безпристрастному читателю, требуя отъ него, чтобы онъ призналъ, что родъ человѣческой вездѣ страдаетъ одинаковыми страстями и стремился къ благополучію по одинаковымъ путямъ. Она проводитъ паралели между одновременными эпохами въ исторіи русской и исторіи другихъ народовъ, стараясь при этомъ набросить на темныя явленія русской жизни какой-то свѣтлый, даже отрадный колоритъ. Придерживаясь по возможности лѣтописныхъ сказаній, обрисовывая попутно съ политическими событіями и различныя явленія природы, событія внутренней жизни государства, Екатерина иногда прерываетъ простодушное повѣствованіе личными соображеніями, уклоняется въ сторону, бросаетъ намеки, не лишеныя серьезнаго значенія. Во всѣхъ фактахъ русской исторіи она видитъ подтвержденіе своей основной мысли, повсюду она находитъ матеріалъ, съ помощью котораго, не прибѣгая къ явнымъ натяжкамъ и не

искажая достовѣрныхъ событій, она доказываетъ свою главную, руководящую мысль. И мы знаемъ, замѣчаетъ Добролюбовъ, что императрица высоко цѣнила свое искусство и записки о русской исторіи считала одною изъ заслугъ своихъ передъ русскимъ просвѣщеніемъ. вмѣстѣ съ «Записками касательно русской исторіи» въ первыхъ книжкахъ «Собесѣдника» печатался и другой трудъ Екатерины: «Были и небылицы», который, по словамъ Добролюбова, не имѣлъ столь важнаго значенія. Въ этомъ трудѣ своемъ императрица легко, шутливо, неглубоко, въ остроумныхъ импровизаціяхъ, безъ особеннаго плана говорила обо всемъ, что ей приходило въ голову. Нерѣдко она отвѣчала въ этихъ «Быляхъ и небылицахъ» на разные толки, которые возбуждались въ обществѣ, отвѣчала на письма, мнимо или дѣйствительно адресованныя къ ней посредствомъ редакціи «Собесѣдника». Въ этомъ произведеніи выразился блестящій вѣкъ Екатерины, вѣкъ веселый, вѣкъ празднествъ и шпровъ, безъ заботъ объ отдаленномъ будущемъ, «съ мыслью, что все на часъ и что нужно скорѣе пользоваться жизнью». Добролюбовъ подчеркиваетъ несерьезный характеръ этого литературнаго произведенія Екатерины и подборомъ нѣсколькихъ фактовъ старается поколебать ея репутацію высокой терпимости. Особенно сильно возстала она, говоритъ онъ, противъ свободозачія по поводу извѣстныхъ вопросовъ Фонъ-Визина, а отвѣты на эти вопросы, напечатанные въ 3-й части «Собесѣдника», свидѣтельствуютъ, что они не были пріятны императрицѣ. Она напечатала вопросы, отвѣчала на нихъ, но отвѣты ея такого рода, что большая часть изъ нихъ уничтожаетъ вопросы, не разбирая ихъ. Такой пріемъ не могъ ободрить Фонъ-Визина и, выходя въ обстоятельства того времени, надо признать, что этотъ талантливый русскій писатель не сумѣлъ понять великой Екатерины. Его горячія, безкорыстныя стремленія пришли не по душѣ императрицѣ и она сочла за лучшее не обращать на него вниманія, показавъ ему предварительно, что путь, которымъ онъ идетъ, не приведетъ его ни къ чему хорошему. Обозрѣвъ на немногихъ страницахъ интереснѣйшія произведенія «Собесѣдника», принадлежація другимъ авторамъ, Добролюбовъ съ большою силою обозначаетъ важный характеръ этой дѣятельности Екатерины въ сотрудничествѣ съ лучшими людьми ея эпохи. Его восторгаетъ эта настойчивая борьба, которую вели люди ума и таланта съ господствующими пороками времени и съ сожалѣніемъ указываетъ на литературу послѣдняго времени, которая сражается съ призраками, бросаетъ слова на воздухъ, которая нападаетъ только на то, что давно уже осмѣяно и оставлено обществомъ. Нужно отдать справедливость «Собесѣднику» за то, что онъ смѣло выводилъ на общее посмѣяніе какъ упорное старинное невѣжество, такъ и пустоцвѣтъ цивилизаціи, усвоенной поверхностно и дурно, что онъ первый заговорилъ съ энергіею о челоѣколюбіи, объ уваженіи къ челоѣческому достоинству, что, не обольщаясь вѣшнымъ лоскомъ, онъ хлесталъ насмѣшкою жестокость, грубость, семейный развратъ и безумную расточительность. Стремленія издателей «Собесѣдника» были честны и

благородны, и во всемъ, что напечатано въ этомъ журналѣ, нельзя не видѣть просвѣщеннаго вкуса и безкорыстнаго желанія добра людямъ. Но, отмѣтивъ свѣтлыя стороны «Собесѣдника», Добролюбовъ старается въ сконцентрированномъ видѣ показать и его темныя стороны. Недостатки «Собесѣдника», говоритъ онъ, происходили отъ неустановившихся убѣжденій въ самихъ его сотрудникахъ, объяснялись низменнымъ состояніемъ самого общества, которое не было приготовлено еще понимать его чистыя стремленія. Въ характерѣ тогдашней литературы замѣчается какая-то двойственность. Изобразивъ глупца, каждый авторъ считаетъ своею обязанностью рядомъ съ нимъ поставить и умнаго человѣка. Осмѣявъ ябеду, писатель не забываетъ упомянуть, что собственно судьи полезны и даже необходимы. Видно, что публика требуетъ назиданій и что авторъ не надѣется на свои силы. Въ «Собесѣдникѣ» имѣются длиннѣйшія статьи, проникнутыя скучной дидактикой. Повсюду—восполняющія разсужденія, оговорки, восклицанія. Повсюду — неизмѣнныя выраженія чувства глубокаго благоговѣнія къ російской Минервѣ ¹⁾..

Таковъ первый литературный трудъ, съ которымъ Добролюбовъ дебютировалъ въ «Современникѣ». Написанный просто, изящнымъ языкомъ, обличая въ молодомъ авторѣ знакомство съ важнѣйшими источниками русской журнальной культуры, проникнутой не яркимъ, но бодрымъ настроеніемъ, онъ не могъ не обратить на себя вниманія людей, слѣдившихъ за современною печатью. Можно сказать, что для молодого студента, еще не окончившаго педагогическаго института, трудъ этотъ представляется чѣмъ-то даже выдающимся, такимъ явленіемъ, которое давало право ждать отъ автора чрезвычайно толковой и выдержанной компиляціи много новыхъ успѣховъ на журнальномъ пути. Съвозъ многочисленныхъ цитаты, обременяющія эту статью Добролюбова, повсюду проглядываетъ такое ясное, — не глубокое, но простое пониманіе историческихъ документовъ, умѣніе видѣть факты жизни въ ихъ конкретныхъ, почти грубыхъ очертаніяхъ, выдающийся даръ плавнаго разсказчика событій, приближающаго, можно сказать, къ глазамъ явленія прошлаго, хотя и въ широкой соціальной и духовной перспективѣ времени. Въ этой юношеской работѣ Добролюбова можно уже видѣть выдающіяся качества его несомнѣнно крупнаго литературнаго таланта. Не будучи художникомъ по натурѣ, не владея никакими поэтическими красками, не рисуя рѣзкими и яркими чертами тѣхъ картинъ, которыя носятъ передъ критикомъ при изученіи книгъ и документовъ, не обвиняая взглядомъ мыслителя цѣлыхъ широкихъ полосъ въ жизни общества, Добролюбовъ легко и непринужденно схватываетъ всегда одну какую-нибудь струю въ разнородныхъ фактахъ, подвергающихся его разсмотрѣнію, прослѣживаетъ ее отъ начала до конца на всемъ пути ея историческаго движенія, съ тонкимъ, скрытымъ ядомъ, въ сухихъ и почти блѣдныхъ выраженіяхъ обличаетъ всѣ

¹⁾ Сочиненія Н. А. Добролюбова, т. I, изд. 1885 г. стр. 3—74.

ея случайныя и неслучайныя паденія, ея стремительное теченіе, задерживаемое постоянными препятствіями, неожиданнымъ сопротивленіемъ вѣчно косныхъ, бездѣятельныхъ массъ. Публицистъ, не склонный ни къ какой аффектаціи, лишенный страстей, но вооруженный тѣмъ, что иногда не хуже страсти — самообладаніемъ и красотою безшумнаго и спокойно доказательнаго убѣжденія, Добролюбовъ выигрываетъ въ глазахъ читателя не отдѣльными частями своихъ статей, не вдохновенными и внезапными вспышками литературной оригинальности, а общимъ строемъ послѣдовательной и чрезвычайно популярной аргументаціи, направляющейся отъ совершенно очевидныхъ положеній и стремящейся къ столь же очевиднымъ, незамысловатымъ выводамъ. Фантазія не участвуетъ въ разсужденіяхъ писателя. Подъ этими ровными доказательствами, освѣщенными какою-то невинною улыбкою житейскаго скептицизма, нѣтъ тѣхъ таинственныхъ глубинъ, которыя въ произведеніяхъ Бѣлинскаго увлекаютъ, иногда очаровываютъ, иногда пугаютъ тѣми высокими запросами, которые шевелятся въ нихъ. Тутъ все спокойно, просто. Здравый смыслъ, облеченный холодными словами, анализъ, направляемый на общедоступные предметы, точный, ничѣмъ не раздражающій и не волнующій стиль, выдержанный тонъ рѣчи, не выходящій изъ средняго регистра, побуждаютъ читателя почти безъ сопротивленія. Это талантъ именно популярный. Въ каждой эпохѣ найдется человѣкъ, знающій ея желанія, не стоящій особенно высоко надъ нею по духовному содержанію, но умѣющій съ удивительной ясностью передавать ея надежды, ея политическія убѣжденія, ея воззрѣнія на задачи жизни. Онъ не пророкъ среди людей этой эпохи, онъ не обогатитъ своего времени ни одною оригинальною мыслью, выходящей изъ круга общепризнанныхъ понятій, онъ не превосходитъ своихъ современниковъ тонкостью чутья, смѣлостью и высотой философскихъ стремленій. Онъ самъ въ толпѣ интеллигентныхъ представителей своего общества и, живя впечатлѣніями и интересами дня, задачами окружающаго строя, онъ только лучше, проще, свѣтлѣе формулируетъ назрѣвшія цѣли. Въ этомъ его талантъ. Въ этомъ его отличіе отъ равныхъ ему по уму, по преобладающему принципу жизни, по отвлеченнымъ понятіямъ, ближайшихъ и отдаленныхъ соотаварищей. Таковъ именно Добролюбовъ. Въ разсмотрѣнной статьѣ, какъ и въ другихъ статьяхъ, онъ не открываетъ никакихъ новыхъ направленій мысли, не даетъ никакихъ широкихъ обобщеній, но держится на уровнѣ ходячихъ идей, которыя подъ его рукою получаютъ въ высшей степени правильную внѣшнюю обработку и формулировку. Всѣ его тонкія замѣчанія, отмѣчающія переходныя ступени отъ одной категоріи фактовъ къ другой, его критическій методъ, его общія положенія—ничто не выходитъ изъ рамки популярной публицистики. Начавъ еле замѣтными, но ядовитыми нападками на библиографическую критику, утратившую высшую направляющую идею, Добролюбовъ самъ не выставляетъ никакого опредѣленнаго теоретическаго принципа. Ясное дѣло, что авторъ, по существу своихъ убѣжденій, находится

въ полномъ разладѣ съ міросозерцаніемъ сороковыхъ годовъ, но ни изъ чего нельзя видѣть, какія новыя идеи должны придти на смѣну отжившимъ въ его глазахъ традиціямъ. Соберите вмѣстѣ эти отдѣльные юмористическіе штрихи, разсыпанные въ обзорѣннѣ различныхъ статей «Собесѣдника», уловите почти неслышное неудовольствіе автора по поводу того, что Екатерина представляла нѣкоторые факты русской исторіи въ оптимистическомъ свѣтѣ, что она не давала хода яростнымъ обличеніямъ Фонъ-Визина, возьмите въ расчетъ презрительный тонъ его въ отношеніи къ пшатамъ, не знающимъ удержу въ похвалахъ російской Минервы—и вы поймете, что руководитъ авторомъ въ его изслѣдованіи. Ясныхъ, открыто поставленныхъ принциповъ въ какомъ-бы то ни было направленіи вы не встрѣтите въ этой статьѣ. Политическая тенденція больше угадывается по намекамъ, чѣмъ непосредственно ощущается. Историческая критика съ ея строго научнымъ методомъ почти совершенно отсутствуетъ. Сила статьи, ея характерность—въ какой-то упругости доводовъ, направленныхъ къ конкретной цѣли, въ безыскусной формѣ изложенія, чуждой всякихъ риторическихъ притязаній. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что люди настоящихъ знаній, почувствовавъ сразу талантъ въ Добролюбовѣ, не могли однако признать въ статьѣ его вѣрными употребленные авторомъ приемы. «Отечественныя Записки» въ очень коротенькой замѣткѣ твердо возразили молодому писателю по вопросу о библиографическомъ элементѣ въ критикѣ, который не только не можетъ вредить ея общимъ идеямъ, но, лежа въ основаніе солиднаго разбора, даетъ опору для настоящихъ научныхъ оцѣнокъ и приговоровъ. Библиографія вошла въ русскую журналистику, читаемъ мы въ «Отеческихъ Запискахъ», вълѣдствіе серьезнаго возрѣнія на тотъ предметъ, которому она обязана служить — на исторію литературы. Тщательное собраніе и всесторонняя разработка данныхъ только содѣйствуютъ возвышенной задачѣ исторической критики. Историко-литературные труды нѣмцевъ, англичанъ и французовъ показали все богатство и разумность ихъ работъ и всю бѣдность и безразсудность работъ русскихъ. Безъ фактовъ можетъ обойтись только празднословное невѣжество или невѣжественное празднословіе. Библиографія по отношенію къ исторіи литературы то же, что анатомія по отношенію къ наукѣ о жизни цѣлаго организма ¹⁾. Другая сторона разсужденій Добролюбова также подверглась критикѣ со стороны такого компетентнаго человѣка, какъ А. Галаховъ. Онъ подробно разсмотрѣлъ мнѣніе Добролюбова о «Былахъ и небылицахъ» и въ довольно большой статьѣ, изобилующей превосходными эпизодами, широкимъ и терпимымъ отношеніемъ къ вѣку Екатерины, представилъ все литературное дѣло императрицы въ совершенно иномъ освѣщеніи. По мнѣнію автора, задача упомянутаго произведенія Екатерины въ высшей степени серьезна и

¹⁾ «Отеч. Записки», 1856 г., т. 108. Октябрь. «Литературныя и журнальныя замѣтки», стр. 82.

вѣрна. «Были и небылицы» — живая и мѣткая сатира, болѣе или менѣе полная характеристика современнаго Екатеринѣ общества. У сатиры, говоритъ онъ, есть два оружія: одно энергическое и грозное—обличеніе, позоръ, другое болѣе легкое, хотя иногда и не менѣе страшное—насмѣшка, шутка. Екатерина II избрала послѣднее оружіе, какъ болѣе соответствовавшее ея природнымъ наклонностямъ, ея сану и принципу дѣйствій. Характеръ императрицы былъ чуждъ всякаго мрачнаго расположенія, унылости духа, раздражительнаго недовольства, а отсюда — спокойное, свѣтлое описаніе людскихъ слабостей и общественныхъ недостатковъ. Раздражительная, тревожная борьба съ недостатками общества обнаружила-бы не только желчное настроеніе сатирика, но и слабость правительственную. Галаховъ увѣренно защищаетъ Екатерину II въ ея отношеніи къ «вопросамъ» фонъ-Визина. Безъ сомнѣнія, говоритъ онъ, перомъ фонъ-Визина водило гражданское мужество, которое оцѣнила исторія русскаго просвѣщенія. Онъ умѣлъ говорить бодрымъ голосомъ во всеуслышаніе и умѣлъ молчать, когда молчаніе являлось единственнымъ способомъ сохранить честь своего знамени. Но въ своихъ «вопросахъ» онъ далъ Екатеринѣ острое полемическое орудіе противъ себя. Екатерина вошла въ состязаніе съ мужественнымъ литераторомъ, исполненнымъ патріотизма. Изъ отвѣтовъ ея видно, что она осталась недовольна вопросами фонъ-Визина, но причина этого недовольства очень понятна, замѣчаетъ Галаховъ. Образованнѣйшій литераторъ ея вѣка какъ-бы примкнулъ къ числу недовольныхъ, забывъ что человѣческіе недостатки исправляются только во времени. Рѣзкость, нетерпѣливость и нетерпимость запросовъ показали императрицѣ, что фонъ-Визинъ не довѣрялъ ни силамъ молодого народа, ни ея собственной твердой волѣ. Ей почудилось, что талантливый писатель сомнѣвается въ дѣйствіи просвѣщенія на массы и, увлекшись духомъ сатиры, не хочетъ видѣть ни въ чемъ улучшенія и прогресса ¹⁾).

Вотъ къ чему сводились возраженія Добролюбову со стороны «Отечественныхъ Записокъ» — какъ относительно значенія библиографіи, такъ и относительно недостатка исторической перспективы въ оцѣнкѣ произведеній Екатерины. Замѣтимъ, впрочемъ, что «Современникъ», отвѣтившій Галахову неподписанной замѣткой Добролюбова, повидимому, подправленной для журнала редакціей ²⁾, считалъ себя побѣдителемъ въ этомъ спорѣ, да и самъ Добролюбовъ, спустя два года по напечатаніи его возраженія, вспоминалъ объ этой полемикѣ съ игривымъ оттѣнкомъ, какъ журналистъ, успѣшно выдержавшій турниръ съ ученымъ противникомъ ³⁾.

¹⁾ «Отеч. Зап.» Критика: «Были и небылицы» А. Галахова, стр. 43—85.

²⁾ Сличить сочиненія Н. А. Добролюбова, т. I, изд. 1885 г. стр. 89—95, и «Современникъ» 1856 г. № 11 «Замѣтки о журналахъ», стр. 170—176.

³⁾ «Современникъ» 1858 г. № 2. Библиографія: «Русскій иллюстрированный альманахъ», стр. 178. «Матеріалы для библиографіи Н. А. Добролюбова», изд. Солдатенкова, 1890 г., стр. 439.

III.

Съ каждой новой статьёй публицистическая тенденція выступаетъ у Добролюбова все ярче и рѣзче. Онъ уже не ограничивается намеками, молчаливымъ подборомъ историческихъ фактовъ, говорящихъ за себя безъ лишннхъ объясненій, а гдѣ можно высказываетъ съ полной отчетливостью свое твердое убѣжденіе въ очень смѣлой формѣ. Такъ, въ другой большой статьѣ, посвященной русской сатирѣ екатерининскаго времени, Добролюбовъ на много ладовъ объясняетъ причину безсилія русской обличительной литературы по отношенію къ русскому обществу. Повсюду онъ громко протестуетъ противъ всякаго личнаго произвола въ распоряженіи общественными дѣлами, повсюду онъ требуетъ, чтобы русская сатира не слѣдовала по случайнымъ путямъ положительнаго законодательства, чтобы она обращала свои бичи не на прошедшее, а на настоящее. Пусть литература проникнетъ до корней общественныхъ неурядицъ, иначе ея вліяніе на общество не можетъ быть глубокимъ. Нужно, чтобы печатное слово обличало безъ оговорокъ, — иначе оно можетъ произвести только двойственное, смутное впечатлѣніе. Посмотрите на итогъ того, что сдѣлала сатира екатерининской эпохи и какъ ея дѣло отразилось на русскомъ обществѣ. Она кричала о свободѣ слова и мысли, а подъ конецъ царствованія Екатерины II была восстановлена тайная канцелярія подъ именемъ тайной экспедиціи. Она заботилась о распространеніи гуманныхъ идей, о смягченіи нравовъ, сказала свое слово противъ пытокъ, а при восшествіи на престолъ императора Александра I пытка, формально уничтоженная потомъ его указомъ, продолжала существовать. Сатира обличала дурныхъ помѣщиковъ, защищала человѣческія права крестьянъ, а въ 1783 г. въ Малороссіи утверждается крѣпостное право. «Пусть историки литературы восхищаются бойкостью, остроуміемъ и благородствомъ сатирическихъ журналовъ и вообще сатиры екатерининскаго времени, восклицаетъ Добролюбовъ, но пусть не оставляютъ они безъ вниманія и жизненныхъ явленій, указанныхъ нами. Пусть они скажутъ намъ, отчего этотъ разладъ, отчего у насъ это безсиліе, эта бесплодность литературы?»¹⁾ Время и наблюденія надъ ходомъ русской жизни привели Добролюбова къ убѣжденію, что бороться съ несправедливостью можно только общою силою закона. На этой точкѣ зрѣнія онъ оставался до послѣднихъ дней своей литературной дѣятельности. Не полагаясь на живое воздѣйствіе смѣлыхъ людей, которое часто можетъ опередить законъ, онъ возлагаетъ всѣ надежды исключительно на спасающую силу непререкаемыхъ юридическихъ правилъ, получившихъ широкое всеобщее примѣненіе. На этомъ пунктѣ Добролюбовъ столкнулся съ человѣкомъ иного склада понятій, болѣе глубокаго ума и болѣе высокаго философ-

¹⁾ Соч. Томъ. I «Русская сатира Екатерининскаго времени», стр. 177.

скаго принципа. Два человѣка съ различнымъ міровоззрѣніемъ, различными путями пришедшіе къ извѣстнымъ практическимъ выводамъ, два человѣка, различно понимавшіе цѣли человѣческой жизни — Добролюбовъ и Пироговъ — встали другъ противъ друга съ чувствомъ оппозиціи и недовольства. Пироговъ — одинъ изъ немногихъ великихъ дѣятелей русскаго просвѣщенія. Мягкая, гуманная натура, широкій умъ, проникнутый религіознымъ настроеніемъ, онъ былъ убѣжденнымъ врагомъ матеріализма и утилитаризма. На прочномъ фундаментѣ разнообразныхъ экспериментальныхъ знаній, свѣтлой мыслью соединяя требованія точной науки съ интересами отвлеченныхъ философскихъ исканій, онъ построилъ для себя цѣлую систему религіозно-нравственныхъ понятій, которымъ оставался вѣренъ до конца своей жизни. Въ статьяхъ Пирогова иногда проносятся идеи, отъ которыхъ вѣетъ истинной геніальностью. Въ ихъ стилѣ, отличающемся какою-то старосвѣтскою величавостью, мѣстами чувствуется скрытый религіозный пафосъ, смягчаемый простодушіемъ вѣры. Міръ, подвергающійся его наблюденію, выступаетъ предъ нимъ, какъ одинъ безконечный путь, ведущій въ вѣчность. Живое, смѣлое воображеніе, привыкшее высоко носиться надъ конкретными фактами, превращаетъ этотъ мятущійся предъ глазами людской хаосъ въ рядъ образовъ, знаменующихъ возвышенное призваніе человѣка. Тутъ неумѣстно говорить объ обыкновенномъ литературномъ талантѣ. Въ исторіи русскаго общества Пироговъ — явленіе исключительное, которое сдѣлало бы честь и болѣе высокой культурѣ. Но, принадлежа своимъ отвлеченнымъ философскими убѣжденіями болѣе западной Европѣ, чѣмъ Россіи, этотъ замѣчательный хирургъ, общественный дѣятель и литераторъ не могъ привлечь къ себѣ всѣхъ симпатій либеральныхъ русскихъ журналистовъ. Добролюбовъ былъ слишкомъ молодъ, слишкомъ мало научно подготовленъ для правильной оцѣнки этого человѣка. Онъ обсудилъ его дѣятельность съ той казенно-либеральной точки зрѣнія, которая могла дать только рядъ фальшивыхъ и несправедливыхъ выводовъ. Какъ это ни странно кажется теперь, послѣ того, какъ обнародованы всѣ матеріалы, рисующіе и личность и практическіе труды Пирогова, — Добролюбовъ, незадолго передъ тѣмъ расхвалившій нѣкоторыя статьи его, не только усомнился въ твердости его убѣжденій, но и выпустилъ противъ него цѣлый колчанъ стрѣлъ въ своей полемической замѣткѣ «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами», написанной съ тѣми грубоватыми и оскорбительными приѣмами, которые въ «Современникѣ» считались необходимыми признаками настоящаго прогрессивнаго тона. Добролюбовъ, повидимому, чувствовалъ себя на высотѣ своей задачи въ спорѣ противъ Пирогова и, осыпая его педагогическую дѣятельность въ качествѣ попечителя кіевскаго учебнаго округа упреками въ недостатокъ радикализма, онъ все время какъ-бы дразнилъ общественное мнѣніе тирадами, въ которыхъ бумага, писанное правило, юридическія гарантіи играли такую выдающуюся роль. Былъ моментъ, когда казалось, что

Добролюбовъ развѣнчалъ и почти опозорилъ имя Пирогова. Талантливый журнальный полемистъ въ прозѣ и въ стихахъ, которые подъ рукою его свистали въ воздухъ, какъ казацкая нагайка, увѣренно и лихо хлесталъ ученаго педагога за недостатокъ гражданской рѣшимости. Общественное мнѣніе, почти сбитоое съ толку авторитетнымъ голосомъ «Современника», какъ объ этомъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя заявленія, напечатанныя въ старыхъ жѹрналахъ, почти поколебалось въ своемъ симпатичномъ, даже восторженномъ отношеніи къ славіи этого человѣка. «Современникъ» считался единственнымъ органомъ русскаго прогресса, и его полемика противъ Пирогова разсматривалась, какъ инструкция, спорить съ которою могутъ только ретрограды. Если «Современникъ» усомнился въ чемъ-нибудь, за нимъ послушно должны пойти все либеральные люди въ Россіи. Если «Современникъ» рѣшился на что-нибудь напасть, поднять свой мечъ, общество должно понять свою обязанность въ этомъ случаѣ и, не мудрствуя лукаво, послѣдовать по его пути. Но репутація Пирогова шаталась, пока онъ самъ не возразилъ «Современнику» фактами и соображеніями, въ которыхъ изобличена была вся несостоятельность знаменитыхъ нападокъ Добролюбова. Пироговъ съ достоинствомъ большого человѣка, знающаго цѣну задору журнальнаго либерализма, разсѣялъ все сомнѣнія, возникшія на его счетъ.

Мы рассмотримъ этотъ характерный литературный эпизодъ и дадимъ читателю все доказательства правоты Пирогова. Въ 1858 году въ Одессѣ появилась маленькая книжка литературныхъ статей Пирогова ¹⁾ съ портретомъ автора, посвященныхъ одесскому учебному округу. Въ книжку эту вошли слѣдующія статьи: «Вопросы жизни», отрывокъ изъ забытыхъ бумагъ, «Новоселье лицея», рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Ришельевского лицея, «Одесская Талмудъ-тора», «Быть и казаться» и «Нужно-ли съѣчь дѣтей и съѣчь въ присутствіи другихъ дѣтей?» Если-бы Пироговъ не оставилъ ничего, кромѣ этого своего произведенія, то и тогда не могло-бы подлежать никакому сомнѣнію, что авторъ его—великій умъ, человѣкъ огромныхъ духовныхъ силъ, направленныхъ въ лучшую сторону. «Вопросы жизни»—настоящій перлъ философскаго мышленія. Это нѣсколько страницъ, точно вырванныхъ изъ старинной, давно забытой книги, надъ которой пронеслись вѣка, но которую время безсильно засушить. Какой-то великій мудрецъ въ кельѣ уединеннаго монастыря предавался размышленію о судьбахъ человѣчества и, съ любовью помышляя о молодыхъ поколѣніяхъ, дрожащею рукою быстро набрасывалъ на бумагу свои отрывочныя мысли, полныя необычайной внутренней красоты, безъ всякаго плана и безъ суетнаго желанія кого-нибудь унижить и показать свое превосходство надъ другими людьми. И все, что написано въ часы, исполненные молитвеннаго вдохновенія, живетъ и дышетъ до сихъ поръ, несмотря на то, что исторія ушла далеко впередъ, что жизнь

¹⁾ Собраніе литературныхъ статей Н. П. Пирогова. Одесса, 1858 г.

развернулась шире и свободнѣе. Такое впечатлѣніе производитъ этотъ отрывокъ педагогическихъ размышленій Пирогова. Авторъ обращаетъ свой взоръ ко временамъ давно минувшимъ. Язычество древнихъ народовъ, говоритъ онъ, не озаренное свѣтомъ истинной вѣры, заблуждалось, но заблуждалось, слѣдуя принятымъ и послѣдовательно проведеннымъ убѣжденіемъ. Въ самыхъ странныхъ, грубыхъ заблужденіяхъ языческой древности всегда проявляется существенный атрибутъ духовной природы человѣка — стремленіе разрѣшить вопросъ жизни о цѣли бытія. Нравственно-религіозное начало присутствуетъ повсюду. Но вотъ язычество пало, и въ мірѣ блеснулъ свѣтъ, который не померкнетъ. Все на минуту стало ясно, понятно, цѣли жизни выступили изъ тумана. Но гдѣ же люди, идущіе по пути этого свѣта? Гдѣ то воспитаніе, которое съ дѣтства направляло бы людей къ тому, что озарено было разъ навсегда двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Гдѣ то воспитаніе, которое принаравливалось бы къ нашимъ внутреннимъ религіознымъ склонностямъ? Развѣ мы напрасно съ раннихъ лѣтъ знакомимся съ мыслью, что жизнь вѣчна, что настоящее только приготовленіе къ будущему? Вникните въ направленіе, по которому идетъ наше общество. Въ его дѣйствіяхъ нѣтъ ни слѣда завѣщанной правды. Въ его практической и умственной жизни мы находимъ рѣзко-выраженное матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служитъ идея о счастьѣ и наслажденіяхъ жизни здѣшней ¹⁾. Общество раздѣлено на толпы подобно обществу языческому съ тѣмъ отличіемъ отъ послѣдняго, что язычники увлекались разнородными нравственно-религіозными убѣжденіями различныхъ школъ, а люди настоящаго времени дѣйствуютъ по взглядамъ, совершенно несогласнымъ съ ихъ религіей. Язычество ставило открыто на площадяхъ вопросы о Богѣ и правдѣ, нынѣшнее общество требуетъ, чтобы люди не размышляли о томъ, что необъяснимо. Религія исчезаетъ изъ жизненнаго оборота. Толпы даютъ своею пнерціею всякую личную инициативу въ этомъ направленіи. Люди съ умственнымъ талантомъ, не склонные мириться съ рутинною общества, не удовлетворенные его стремленіями, съ энтузіазмомъ и самоотверженіемъ ищутъ рѣшенія «столбовыхъ вопросовъ жизни», стараются проложить новые пути. Люди, слабые волею, не выдерживая противорѣчій жизни, не будучи въ силахъ направить борьбу внутреннихъ влеченій, быстро устаютъ, отдаются на произволъ обстоятельствъ и бродятъ на распутіи разныхъ дорогъ... Пироговъ требуетъ такого воспитанія, которое давало бы силы для будущей борьбы съ обществомъ за высшую правду. Не спѣшите, говоритъ онъ, съ вашей прикладною реальностью: дайте созрѣть и окрѣпнуть внутреннему человѣку. Развивайте въ ребенкѣ общечеловѣческія понятія. Создавайте въ немъ сильныя убѣжденія, приучайте его съ раннихъ лѣтъ проникательно смотрѣть въ себя, искренно любить правду, стоять за нее горю, быть непринужденно откровеннымъ,

¹⁾ Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова стр. 8.

какъ съ наставниками, такъ и съ сверстниками. Вѣра, вдохновеніе, нравственная свобода мыслн, широкія отвлеченія, упражненіе въ самопознаніи — вотъ орудія, которыми вырабатываются внутреннія силы. Безъ этихъ средствъ человѣкъ не можетъ бороться за истину. «Свѣтло и торжественно вдохновеніе, восклицаетъ Пироговъ. Оно, какъ праздничная одежда, облакаетъ духъ, устремляя его на небо. Томно и тихо сочувствіе. Оно, какъ заунывная пѣснь, напоминаетъ отдаленную родину. Какая борьба можетъ совершиться безъ вдохновенія и безъ сочувствія? Какая борьба покажется вамъ нестерпимой, когда вдохновеніе осѣнить, когда сочувствіе согрѣетъ васъ?» Если бы самопознаніе было хоть сколько нибудь развито въ толпахъ, бѣгущихъ отвлеченія, земное бытіе исполнилось бы дѣлами, предъ которыми потомство преклонилось бы съ благоговѣніемъ... ¹⁾). Таковъ глубоко-гуманный взглядъ Пирогова на цѣли воспитанія, выраженный имъ въ статьѣ «Вопросы жизни». Въ другихъ изъ названныхъ статей онъ продолжаетъ бороться съ реалистическимъ, *торговымъ* направленіемъ вѣка, защищаетъ необходимость положительныхъ принциповъ ²⁾, требуетъ идеальнаго взгляда на жизнь и горячо протестуетъ противъ «ненасытной утилитарности» ³⁾, которая стремится отвоевать для себя всѣ сферы человѣческой дѣятельности. Въ статейкѣ, посвященной вопросу о сѣченіи дѣтей, онъ съ необычайной силою, какъ великій психологъ и врачъ, разрушаетъ всѣ аргументы русскихъ педагоговъ въ пользу розги во имя просвѣщенія и гуманности. Вся книжка запечатлѣна однимъ духомъ, однимъ высокимъ настроеніемъ. Всѣ практическія требованія автора идутъ изъ опредѣленнаго философскаго источника. Мыслитель, указывающій пути для достиженія опредѣленныхъ теоретическихъ цѣлей, Пироговъ не былъ обычнымъ педагогомъ. Отвлеченныя идеи ему дороже всего. Для него самый человѣкъ — по его глубоко-мысленному замѣчанію — есть одно только отвлеченіе. Онъ смѣется надъ людьми, которые утверждаютъ, что это «отвлеченіе» — человѣкъ — есть нѣчто вовсе ненужное для нашего общества, что существуютъ и должны существовать только негоціанты, солдаты, врачи, юристы. Его мысль направлена на идеальные интересы жизни, безъ которыхъ не нужна ни гражданственность, ни какая бы то ни была практическая польза. Проникнутый религиознымъ духомъ, Пироговъ всѣмъ своимъ убѣжденіямъ придаетъ высшій разумный характеръ, и его практическія требованія по различнымъ вопросамъ педагогики являются только прямымъ и неизбежнымъ выводомъ изъ общихъ принциповъ его міровоззрѣнія.

Добролюбовъ посмотрѣлъ на статьи Пирогова съ болѣе простой, элементарной точки зрѣнія и отмѣтилъ въ нихъ словами полнаго сочувствія только нѣкоторыя разсужденія, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ педагогическому вопросу. Аргументація Пирогова, его религиозный прин-

¹⁾ «Собраніе литературныхъ статей», стр. 30—32.

²⁾ Ibidem, Новоселье іюня, стр. 44.

³⁾ Ibidem, Одесская Талмудъ-тора, стр. 54.

цпль, вся сумма его коренныхъ философскихъ доводовъ—оставлены безъ всякаго вниманія. Въ общихъ выраженіяхъ одобряя педагогическія стремленія Пирогова, признавая благородство въ направленіи его мыслей, пламенность и живость его діалектики, Добролюбовъ не входитъ, однако, въ разборъ его взглядовъ по существу. Двѣ страницы, посвященныя «Вопросамъ жизни», не заключаютъ въ себѣ ни одного замѣчанія, которое выражало бы опредѣленное отношеніе къ главной, релігиозно-философской темѣ этой статьи. Сотрудникъ «Современника» не придалъ значенія тому, что въ книгѣ Пирогова занимаетъ самое выдающееся мѣсто—впередѣ всѣхъ прочихъ, частныхъ или случайныхъ требованій времени, вторгавшихся неизбѣжно въ его разсужденія: его борьбѣ съ торговымъ, утилитарнымъ принципомъ жизни ради принципа идеальнаго, отвлеченнаго, философскаго. Самая содержательная часть статьи Добролюбова, представляетъ собою изложеніе его собственныхъ взглядовъ по затронутому вопросу, взглядовъ, обставленныхъ иными, чѣмъ у Пирогова, доказательствами, окруженныхъ иными горизонтами. Въ другихъ замѣткахъ Добролюбова, имѣющихъ отношеніе къ педагогикѣ и появившихся до знаменитой статьи о всероссійскихъ иллюзіяхъ, разрушаемыхъ розгами, имя Пирогова встрѣчается постоянно, окруженное похвалами, но опять-таки безъ какого бы то ни было разбора его философскихъ и педагогическихъ понятій—болѣе, какъ, вышнее авторитетное орудіе для борьбы съ разными встрѣчными общественными теченіями... Но вотъ въ одиннадцатой книгѣ «Журнала для воспитанія» 1859 г. обнародованъ былъ циркуляръ Пирогова, заключающій въ себѣ «Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа». Отношеніе Добролюбова къ Пирогову сразу и круто измѣнилось къ худшему. Не основанное на общихъ научныхъ симпатіяхъ, сочувствіе оказанное «Современникомъ» этому превосходному общественному дѣятелю, никогда не могло быть ни особенно глубокимъ, ни даже достаточно искреннимъ. Весь умственный строй Пирогова радикально противорѣчилъ міросозерцанію Добролюбова и Чернышевскаго, и поверхностное сходство въ нѣкоторыхъ практическихъ желаніяхъ, случайное созвучіе въ отношеніяхъ къ старому, отживавшему порядку русской жизни, не могло создать между Пироговымъ и дѣятелями «Современника» никакого настоящаго, полнаго согласія. Это чувствовалось уже въ 1858 г., когда «Современникъ» помѣстилъ на своихъ страницахъ коротенькій отчетъ о прощальномъ обѣдѣ, данномъ ученымъ обществомъ Одессы бывшему попечителю Одесскаго учебнаго округа, получившему другое назначеніе ¹⁾. Это съ особенною силою выразилось въ статьѣ Добролюбова о «Всероссійскихъ иллюзіяхъ», написанной съ тѣмъ отѣнкомъ необузданнаго озлобленія и раздраженія, который легко выдаетъ глубокую, затаенную антипатію Добролюбова къ этому странному, невпданному еще въ Россіи борцу за гуманность, умѣющему примирять интересы релігій съ зада-

¹⁾ «Современникъ», 1858 г. № 10 «Обѣдъ Н. П. Пирогову», стр. 265.

чами либерализма. Въ этой статьѣ не чувствуется даже скрытаго смущенія челоуѣка, внезапно столкнушагося лицомъ къ лицу съ измѣнившимся единомышленникомъ—гнѣва любви, обличительнаго протеста, карающаго возмущенною силою поправнаго товарищескаго союза. Въ полемическихъ разсужденіяхъ автора не видно желанія принять въ расчетъ ту тяжелую, реальную обстановку, въ которой приходилось дѣйствовать Пирогову. Бичуя отдѣльныя мѣста въ циркулярѣ, онъ пропускаетъ безъ вниманія то, что рисуетъ печальное положеніе истинно просвѣщеннаго челоуѣка въ обществѣ, которое не доросло до его запросовъ и требованій. Оставляя безъ оцѣнки очень важныя разсужденія Пирогова, онъ издѣвается надъ отдѣльными его мыслями съ мелкимъ ехидствомъ челоуѣка, замѣчающаго именно ничтожныя оплошности своего противника, издѣвается съ какою то нервическою судорогою въ подборѣ отрывистыхъ, рѣзкихъ фразъ, донимая при этомъ своего ученаго противника самыми убійственными доказательствами того, что либерально составленная бумага, получившая силу закона, безконечно надежнѣ всякаго воззванія къ разуму и совѣсти людей. Пренія свѣтлыя плюзии разсѣялись, и въ новомъ произведеніи Пирогова Добролюбовъ, съ безопадною критика. не склоняющагося ни предъ какими авторитетами, не открываетъ ничего, кромѣ «безтолковѣйшаго разлада» противорѣчащихъ мыслей, ничего, кромѣ «барскаго блаженства обломовщины», тысячи логическихъ ошибокъ, составляющихъ «одну изумительнѣйшую несообразность съ здравымъ смысломъ». Намъ стало какъ-то скверно, восклицаетъ онъ, когда мы погрузились въ этотъ «грязный и темный омутъ, названный правилами о проступкахъ и наказаніяхъ»... «Мы обнаружили, крайнее тупоуміе и совершенное непониманіе жизни русской, когда осмѣлились выразить что-то въ родѣ надеждъ на практическую дѣятельность восхваляемаго писателя. Намъ до сихъ поръ совѣстно за этотъ удивительный столбнякъ, нашедшій на насъ въ то время»... Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Добролюбовъ изливаетъ свое возмущенное чувство по поводу злосчастнаго документа, напечатаннаго въ «Журналѣ для воспитанія». Читая эти аффектированныя строки, можно подумать, въ самомъ дѣлѣ, что Пироговъ измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, что обнародованныя имъ правила расходились, по своей тенденціи, съ наиболѣе гуманнѣми стремленіями и потребностями современнаго ему русскаго общества.

Рѣчь идетъ о розгѣ,—о томъ, какъ пересоздать систему наказаній, господствовавшую въ гимназіяхъ кievскаго учебнаго округа до попечительства Пирогова. Мы уже знаемъ, что Пироговъ въ статьѣ своей о томъ, нужно-ли бить дѣтей, высказался категорически и смѣло противъ этого дикаго наказанія, оставивъ свои разсужденія неопровержимыми логическими и психологическими доказательствами. Онъ писалъ, что розга, какъ наказаніе, не выдерживаетъ никакой критики. Въ чемъ состоитъ основная мысль тѣлеснаго наказанія? спрашивалъ Пироговъ въ 1858 г. Въ мести? Но месть не должна находить себѣ защитниковъ въ христіанскомъ обществѣ. Въ

желаніи пристыдить мальчика, погрѣшившаго противъ установленныхъ правилъ? Но тотъ, кто хочетъ тѣлеснымъ наказаніемъ пристыдить виновнаго, хочетъ дѣйствовать стыдомъ на человѣка, уже потерявшаго стыдъ. «Чувство стыда—это нѣжный, оранжерейный цвѣтокъ, который разомъ завянетъ, когда побываетъ въ грубыхъ рукахъ». Въ страхѣ физической боли и тѣлесныхъ истязаній? Но хорошо-ли приучать совѣсть человѣка къ такой позорной зависимости отъ болевыхъ ощущеній? Неужели можно въ комъ-нибудь воспитать сознаніе долга грубой угрозой причинить физическое страданіе ¹⁾. Таковы разсужденія Пирогова. Что-же случилось въ 1859 г.?

Обращаясь къ документу, обсужденному Добролюбовымъ, мы, при самомъ добросовѣстномъ чтеніи, не находимъ въ немъ матеріаловъ, оправдывающихъ негодованіе критика. Этотъ циркуляръ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ практической дѣятельности Пирогова, проникнутой такимъ свѣтлымъ пониманіемъ культурныхъ условій русской жизни, запечатлѣнной рѣшимостью энергичнаго реформатора, воюющаго съ предрасудками, какъ высшихъ, такъ и низшихъ слоевъ окружающаго его общества. Это документъ, свидѣтельствующій, кромѣ того, о такомъ самообладаніи, о такой воздержности въ употребленіи власти, которыя доступны только высшимъ интеллигентнымъ натурамъ.

Задумавъ уничтожить произволъ въ гимназіяхъ округа, подвѣдомственнаго его попечительству, Пироговъ обратился къ существующей системѣ наказаній и не нашелъ въ ней никакого принципа. Деморализація охватила всѣ отношенія между воспитателями и учениками. Наставники обращаются съ гимназистами грубо и дико, ученики потеряли довѣріе къ добросовѣстности своихъ руководителей. Чувство законности совершенно отсутствуетъ въ жизни заведеній и воспитаніе молодыхъ поколѣній предоставлено произволу людей, потерявшихъ опредѣленную руководящую цѣль. Обозрѣвая дѣйствительное состояніе педагогическаго дѣла въ Россіи, Пироговъ видитъ въ средѣ русскихъ педагоговъ однихъ только администраторовъ и спекулянтовъ. Въ учебныхъ казенныхъ заведеніяхъ, говоритъ онъ, господствуетъ административное начало, а въ большей части частныхъ школъ и пансіоновъ—спекуляція. «Это такъ и есть, и не можетъ быть иначе при современномъ состояніи нашего общества, хотя одно только призваніе должно быть господствующимъ началомъ воспитанія» ²⁾. И вотъ, оставивъ въ покоѣ недостижимое, не будучи въ силахъ сразу создать въ Россіи людей педагогическаго призванія, Пироговъ берется за усовершенствованіе существующей системы общественнаго воспитанія. Если административное начало въ казенныхъ заведеніяхъ должно быть признано несомнѣннымъ фактомъ, то, при такомъ состояніи дѣла, нужно по крайней мѣрѣ извлечь все хорошее изъ этого начала. Надо сдѣлать

¹⁾ Собраніе литературныхъ статей, стр. 74—81.

²⁾ «Журналъ для воспитанія», 1859 г., № 11. «Циркуляръ по управленію кievскимъ учебнымъ округомъ», стр. 109.

такъ, чтобы это начало, уравновѣшенное новыми постановленіями, могло служить къ развитію въ дѣтяхъ чувствъ законности, взаимнаго довѣрія—этихъ жизненныхъ условій гражданственности ¹⁾). Всѣ начальники и наставники заведеній должны слѣдовать однимъ извѣстнымъ, точно опредѣленнымъ правиламъ и постановленіямъ. Учащіеся должны быть ознакомлены съ этими правилами и постановленіями. Ученикамъ должно быть вѣдомо, какія послѣдствія повлекутъ за собою ихъ проступки. О произволѣ и капризѣ воспитателей не можетъ быть никакой рѣчи. Съ цѣлью выработать цѣлый кодексъ такихъ общеобязательныхъ для гимназій кievскаго учебнаго округа правилъ, Пироговъ и составилъ особенный комитетъ изъ помощника попечителя, директоровъ, инспекторовъ казенныхъ училищъ, нѣкоторыхъ профессоровъ исторіи и нѣкоторыхъ учителей, и опредѣленія этого комитета были обнародованы въ лежащей передъ нами книжкѣ «Журнала для воспитанія». Въ основу циркуляра были положены два принципа: широкая дѣятельность педагогическихъ совѣтовъ и точное знаніе правилъ учениками, какъ гарантія и условіе ихъ довѣрчиваго отношенія къ наставникамъ. Но Пироговъ не счелъ возможнымъ ограничиться въ этомъ дѣлѣ одними теоретическими положеніями и, желая съ корнемъ вырвать изъ господствующаго строя русской жизни одно изъ самыхъ злокачественныхъ порожденій отечественной безкультурности, онъ возбудилъ вопросъ объ отмианіи розги. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сама обнародованная инструкція. Розгу изъ русскаго воспитанія, говорится здѣсь, нужно было-бы изгнать совершенно. Унижая нравственное чувство, возбуждая въ виновномъ робкій страхъ съ его обыкновенными спутниками — ложью, хитростью и притворствомъ, розга, пишетъ Пироговъ, окончательно разрываетъ нравственную связь между воспитателемъ и воспитанникомъ. Если грубое тѣлесное наказаніе и отъ рукъ родного отца дѣлается иногда невыносимымъ, то въ воспитаніи, основанномъ на административномъ началѣ, оно становится возмутительнымъ и возмущающимъ ²⁾). Таково категорическое убѣжденіе Пирогова, выраженное съ такою рельефностью въ томъ самомъ документѣ, который лежалъ и передъ глазами Добролюбова. Сомнѣній не было никакихъ. Пироговъ ратовалъ въ упомянутомъ комитетѣ, дѣйствовавшемъ подъ его председательствомъ, противъ розги, но педагоги не согласились съ доводами Пирогова, а училищный уставъ не давалъ ему права произвести реформу по собственной власти. Розгу пришлось оставить въ таблицѣ наказаній, обнародованныхъ комитетомъ, но Пироговъ не могъ помприться съ этой тяжелой необходимостью. Онъ рѣшился обставить примѣненіе розги такими стѣсняющими правилами, которыя de facto, можно сказать, совершенно искоренили ее изъ обихода гимназій, и Добролюбовъ былъ на столько проникателенъ, что отмѣтилъ противорѣчіе между различными пунктами обнародованнаго

¹⁾ «Журн. для воспит.» стр. 110.

²⁾ Ibidem, стр. 115.

циркуляра, хотя и не обнаружили при этомъ пониманія истиннаго смысла этого противорѣчія. Въ одномъ мѣстѣ циркуляра говорится, что употребленіе розги должно быть «безотлагательнымъ», должно слѣдовать непосредственно за поступкомъ, очевидность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію, а въ другомъ — дѣлается строгое постановленіе, что розга допускается только по опредѣленію педагогическаго совѣта и съ увѣдомленіемъ попечителя округа о винѣ, приговорѣ и исполненіи. Намъ указали нѣкоторые, говорить Пироговъ въ своемъ «Отчетѣ», на противорѣчіе въ правилахъ, относящееся до тѣлеснаго наказанія. «Это дѣйствительно противорѣчіе, но такое, которое говоритъ само за себя. Мнѣ оно казалось необходимымъ. Когда большинство въ комитетѣ сочло невозможнымъ совсѣмъ уничтожить тѣлесное наказаніе, то это противорѣчіе выразило мой личный протестъ, который долженъ былъ напомнить педагогическимъ совѣтамъ, каковаго я мнѣнія о розгѣ. Вотъ и все» ¹⁾. Нельзя яснѣе выразить свое возмущеніе журнальной придиркой. Нельзя точнѣе объяснить свое положеніе въ дѣлѣ, которое было обязано Пирогову своимъ несомнѣннымъ прогрессомъ. Добролюбовъ долженъ былъ раньше, чѣмъ обрушиваться на педагогическую дѣятельность Пирогова, принять во вниманіе всѣ тѣ обстоятельства, которыя стояли выше его и которыя душили, хотя и не задушили въ немъ смѣлую реформаторскую инициативу. Дѣло не въ рѣзкостяхъ, совершенно бессмысленныхъ, когда рѣчь идетъ о такомъ крупномъ лицѣ, какъ Пироговъ, дѣло въ самой задачѣ публицистики, обязанной оказывать помощь всякому смѣлому почину, всякой свѣтлой энергіи, а не искажать, не извращать той живой правды, которая рвется наружу сквозь давящую тьму невѣжества и казенщины. Циркуляръ лежалъ на столѣ Добролюбова, когда онъ металъ въ Пирогова журнальными громами и унился даже до того, что рѣшился поднять противъ него тотъ бичъ, которымъ хотѣли захлестать своихъ противниковъ рыцари свистопляски. Нельзя допустить, что Добролюбовъ не былъ-бы способенъ разобраться въ этомъ дѣлѣ, если-бы онъ сумѣлъ учуять суть этой выдающейся натуры. Вся Россія знала, что Пироговъ не сдавался, а личнымъ нравственнымъ вліяніемъ боролся противъ существующей системы воспитанія съ ея грубыми формами наказанія, и журналистъ, стоявшій въ первыхъ рядахъ тогдашняго общества, долженъ былъ отнестись къ этому дѣлу съ настоящимъ гражданскимъ тактомъ, котораго, къ сожалѣнію, у Добролюбова не оказалось. Нельзя чрезъ много лѣтъ безъ изумленія читать эти безцвѣтныя вирши, помѣщенные въ № 11 «Свистка» — съ вымученнымъ остроуміемъ, съ нищенскою римой въ ученическомъ подражаніи знаменитымъ стихамъ Лермонтова. Пироговъ оказался мишенью для стрѣлъ, отравленныхъ ядомъ чистокровнаго російскаго радикализма. Пироговъ изображается какою-то мелкою натурою, самодовольно

¹⁾ «Воспитаніе», 1861 г., № 4. «Отчетъ о слѣдствіяхъ введенія по кievскому учебному округу правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій». стр. 215.

успокаивающеюся на какихъ-то пустыхъ правилахъ, требующихъ коллегіальнаго начала въ примѣненіи позорныхъ наказаній. О Пироговѣ поется въ слѣдующемъ шутовскомъ романсѣ ¹⁾:

Выхожу задумчиво изъ класса.
 Вкругъ меня товарищи бѣгутъ.
 Жарко спорить ихъ живая масса:
 Былъ-ли Лютеръ геній или плутъ?

Говорилъ я нынче очень вольно,
 Горячо отстаивалъ его...
 Что же мнѣ такъ грустно и такъ больно?
 Жду-ли я, боюсь-ли я чего?

Нѣтъ, не жду я кары гувернера,
 И не жаль мнѣ пынѣшняго дня...
 Но хочу я брани и укора,
 Я-бъ хотѣлъ, чтобъ высѣли меня!..

Но не тѣмъ сѣченіемъ обычнымъ,
 Какъ сѣкутъ повсюду дураковъ,
 А другимъ, какое счель приличнымъ
 Н*** И*** П***...

Я-бъ хотѣлъ, чтобъ для меня собрался
 Весь педагогическій совѣтъ,
 И о томъ, чтобъ долго препрался,
 Сѣчь меня за Лютера или нѣтъ?

Чтобъ потомъ, табличку наказаній
 Показавши молча на стѣнѣ,
 Дали мнѣ понять безъ толкованій,
 Что достоинъ норки я вполне,

Чтобъ узналъ объ этомъ попечитель
 И, лежа подъ свѣжею лозой,
 Чтобъ я зналъ, что нашъ руководитель
 Въ этотъ мигъ болитъ о мнѣ душой.

Последнее слово — и затѣмъ сатирической псевдонимъ Добролюбова: Конрадъ Лиліеншвагеръ. «Грустная дума гимназиста лютеранскаго исповѣданія п не кievскаго округа» — вотъ названіе приведеннаго стихотворенія, которое должно было уязвить Пирогова!

4-го апрѣля 1861 г. состоялось прощаніе кievскаго общества съ этимъ всѣми любимымъ общественнымъ дѣятелемъ, уже оставлявшимъ постъ попечителя. На обѣдѣ, устроенномъ его многочисленными сослуживцами и почитателями, присутствовало болѣе 120 человекъ, но собраніе не носило никакого торжественнаго, оффиціальнаго характера. Это былъ, какъ сообщается въ книжкѣ, носящей названіе «Прощаніе кievскаго учебнаго округа съ Н. П. Пироговымъ», домашній обѣдъ, на которомъ огромная семья людей, родныхъ по убѣжденіямъ, просталась съ главою дома. На Пирогова устремлены были всѣ взоры. къ нему обращались всѣ привѣт-

¹⁾ «Современникъ», 1861 г., № 3. «Свистокъ», стр. 27—28.

ствія и пожеланія. Каждый ораторъ, оцѣнивая его заслуги, объяснялъ себя и другимъ всю тяжесть испытываемой утраты. Многочисленные ученики говорили восторженно, одушевленно, а самъ Пироговъ задумчиво и спокойно, тихимъ голосомъ мудреца, говорилъ о вѣчномъ, непреходящемъ царствѣ идей, утѣшая при этомъ своихъ друзей тѣмъ, что въ мѣрѣ духовномъ нѣтъ разлуки. Время обсудить и оцѣнить наши убѣжденія и наши дѣйствія и, разставаясь, мы не должны забывать, что и здѣсь, на землѣ, гдѣ все проходитъ, есть нѣчто верушное, твердое, вѣчное — это общіе интересы духа, царство мысли. «Если мы вѣрно служили идеѣ, которая, по нашему твердому убѣженію, вела насъ къ истинѣ путемъ жизни, науки и школы, говорилъ Пироговъ, то будемъ надѣяться, что и потокъ времени не унесетъ ее вмѣстѣ съ нами». Ораторы очерчивали его нравственную и умственную личность, значеніе того, что имъ сдѣлано для воспитанія края. Одинъ изъ педагоговъ, упомянувъ объ изданныхъ имъ «Правилахъ», сказалъ при этомъ слѣдующее: «Вы остались вѣрны своимъ убѣжденіямъ, несмотря на раздражительные крики въ журналахъ людей, не могшихъ понять, какъ попечитель округа могъ подчинить свое мнѣніе большинству голосовъ комитета». Были рѣчи и отъ лица молодого поколѣнія, и отъ еврейскаго общества, были безчисленныя телеграммы отъ разныхъ учрежденій — съ тѣмъ же горячимъ выраженіемъ любви и сочувствія.

8-го апрѣля въ большой актовѣ залѣ кievскаго университета собралась огромная толпа студентовъ въ ожиданіи бывшаго своего начальника. Въ 10 час. утра Пироговъ показался въ сопровожденіи ректора. Все замолкло, воцарилась та особая, торжественная тишина, которая краснорѣчивѣе всякихъ аплодисментовъ. «Я зналъ, сказалъ Пироговъ собравшимся студентамъ, что истина моихъ убѣжденій разъяснится не разомъ для всѣхъ, что встрѣтится много такого, что будетъ говорить противъ меня, и заслужитъ порицаніе тѣхъ, которые думаютъ перейти отъ одного порядка вещей къ другому, противоположному, измѣнивъ только внѣшнюю обстановку. Я зналъ, что немногіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь. Но все это не могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденій, не могло остановить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодежи, на довѣрїи къ благородству ея мыслей. Я не приказывалъ, я убѣждалъ, потому что заботился не о внѣшности, а о чувствѣ долга, которое признавалъ въ молодежи также, какъ и въ всѣ другія высокія стремленія духа» ¹⁾...

Такъ прощался Пироговъ съ кievскимъ обществомъ, съ друзьями, съ университетомъ. Затѣмъ, прошло нѣсколько дней, и онъ выѣхалъ изъ Кіева, гдѣ провелъ послѣдніе два года въ неунынныхъ заботахъ о поднятіи духовнаго уровня въ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ. Съ

¹⁾ Прощаніе кievскаго учебнаго округа съ Н. П. Пироговымъ, Кіевъ, 1861 г. стран. XXX—XXXI.

трехъ часовъ пополудни большая толпа студентовъ, гимназистовъ, лицъ педагогическаго міра, пѣшкомъ и въ экипажахъ, окружила зданіе первой кievской гимназіи. Еще ббльшая толпа, въ 700—800 человекъ, заранѣе отправилась на дачу «Санъ-Суси». Въ восемь часовъ вечера Пироговъ вышелъ съ своимъ семействомъ, и отовсюду послышались крики сожалѣнія о разлукѣ. Онъ сѣлъ въ тарантасъ, и за нимъ потянулся длинный кортежъ всякаго рода экипажей. Когда пріѣхали на дачу, глазамъ представилась, въ сумеркахъ весенняго дня, громадная масса народа, растянувшаяся на цѣлую четверть версты. Воздухъ снова огласился криками. Тарантасъ остановился, и Пироговъ еще разъ, въ послѣдній разъ заговорилъ къ толпѣ о непреходящемъ царствѣ идей, о вѣчныхъ цѣляхъ жизни, о служеніи добру и правдѣ... Только послѣ этихъ торжественныхъ проводовъ въ петербургскихъ журналахъ появился рядъ замѣтокъ, направленныхъ противъ странной статьи Добролюбова о «Всероссійскихъ плюзіяхъ». Въ апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» было впервые подчеркнута съ надлежащей отчетливостью грубая безтактность «Современника» по отношенію къ человѣку, заслужившему полное и безусловное уваженіе. Грустно вспомнить, писалъ журналъ, что этотъ самый человекъ, который покидаетъ теперь постъ свой, сопровождаемый всеобщимъ сожалѣніемъ и признательностью, что этотъ самый человекъ не далѣе, чѣмъ годъ тому назадъ, былъ предметомъ оскорбительной статьи «Современника», по поводу дѣйствій его на поприщѣ воспитанія. «Возмущаясь обнародованными «Правилами», Добролюбовъ, говорятъ «Отечественныя Записки», не обратилъ вниманія на то, что вопросъ о наказаніяхъ обсуживался въ комитетѣ коллегіально и что, разъ предавъ это дѣло на разсмотрѣніе педагоговъ, Пироговъ не вправѣ былъ рѣшить его собственной властью, противъ мнѣнія значительнаго большинства, отстаивавшаго, всею силою рутинны и закоренѣлыхъ убѣжденій, старый порядокъ вещей. Съ болью въ сердцѣ приходится иногда вырывать у самихъ себя уступки, чтобы спасти дорогое дѣло, чтобы совершить хоть что-нибудь, если нѣтъ физической возможности сдѣлать все *вдругъ*, сразу, меланхолически замѣчаетъ въ заключеніе фельетонистъ журнала ¹⁾. Затѣмъ, въ юньской книжкѣ этого же изданія, одинъ изъ кievскихъ ораторовъ на прощальномъ обѣдѣ Пирогову, Е. Судовщиковъ, напечаталъ небольшое письмо, въ которомъ правдиво говорится о томъ же самомъ предметѣ, а въ 54 номерѣ «Русской рѣчи» 1861 г. Михаилъ Драгомановъ въ хорошо и бойко написанной статейкѣ вѣрно оцѣнилъ весь этотъ литературный эпизодъ, въ которомъ «Современникъ» сыгралъ по-истинѣ печальную роль. Побольше дѣйствительнаго уваженія къ человѣческой личности, гнѣвно восклицаетъ молодой писатель, а то мы все какъ-то много фразерствуемъ о гуманности и при этомъ слишкомъ торопимся негуманно обращаться съ людьми—

¹⁾ «Отечественныя Записки», апрѣль 1861 г. «Замѣтки праздношатающагося», стран. 61—62.

во имя гуманной идеи! «Отечественныя Записки» оправдываютъ Пирогова въ томъ, что онъ подчинился рѣшенію большинства членовъ комитета, пишетъ Драгомановъ, но этого мало: подчиненіе коллегіи не отрицательно только хорошій фактъ, а нѣчто положительное. Пироговъ сознательно не хотѣлъ дѣйствовать иначе, какъ посредствомъ коллегіи. «Отечественныя Записки» говорятъ: грустно подумать, что Пироговъ былъ предметомъ оскорбительной статьи въ «Современникѣ». Собственно въ этомъ еще мало грустнаго, замѣчаетъ Драгомановъ. Грустно то, что теорія либеральнаго деспотизма нашла себѣ поборника въ такомъ умномъ человѣкѣ, какъ Добролюбовъ. Грустно, что статья его произвела впечатлѣніе на всю литературу. Грустно, что ни одинъ журналъ не запротестовалъ противъ нея, что ни одна газета не захотѣла напечатать возраженій по столь серьезному вопросу. Грустно то, наконецъ, что даже гаерство «Свистка» не встрѣтило отпора ни откуда. Вотъ что грустно въ самомъ дѣлѣ¹⁾.

Драгомановъ былъ правъ. Въ полемикѣ «Современника» противъ Пирогова не было и не могло быть ничего принципиальнаго, что давало бы право журналу на тотъ рѣзкій, гнѣвный, почти неприличный тонъ, которымъ написана статья Добролюбова. Вымышленное преступленіе противъ либерализма подверглось бичеванію, которое произвело настоящую скандальную сенсацію на всю Россію. Пироговъ ничѣмъ не заслужилъ этихъ раздраженныхъ упрековъ Добролюбова и, отвѣчая въ немногихъ строкахъ своему оппоненту, имѣлъ полное право сказать, что мысли его были непоняты, искажены и представлены въ превратномъ видѣ²⁾. Созданіе упомянутыхъ выше «Правилъ» было дѣломъ настоящей педагогической мудрости, и если бы публицисты «Современника» пожелали отнестись къ этому документу съ полною справедливостію, если бы, вмѣсто громкихъ радикальныхъ фразъ, они дали надлежащій разборъ обнародованнаго циркуляра, Пироговъ выступилъ бы передъ читающей журналь публикой въ совершенно иномъ освѣщеніи. Онъ былъ героемъ въ борьбѣ съ педагогической рутиню и общественной косностью, и настоящіе либеральные журналы на европейскій манеръ знали бы, какъ надо говорить о человѣкѣ, который, при уваженіи къ чужимъ мнѣніямъ, при необычайной терпимости, умѣетъ повсюду сохранять свою индивидуальность, смѣло идти впередъ, увлекая за собою даже педантическихъ сторонниковъ старины и, въ крайнихъ случаяхъ, связывать темныя силы изысканными практическими мѣропріятіями.

«Современникъ» захотѣлъ оправдать свою рѣзкость относительно Пирогова, но оправданія его, надо сказать правду, нигуда не годятся. Журналъ поднимаетъ на смѣхъ «анаематствовавшихъ и анаематствующихъ» публицистовъ другихъ изданій и приводитъ объяснительные до-

¹⁾ «Русская рѣчь», 1861 г. № 54. стр. 29—31, «По поводу замѣтки о Н. П. Пироговѣ».

²⁾ «Воспитаніе», 1861 г., № 2, стр. 55.

воды своего поведенія въ этомъ вопросѣ. Когда Пироговъ написалъ свои «Вопросы жизни», «Современникъ» отозвался объ этомъ трудѣ «съ горячимъ сочувствіемъ и со всѣмъ уваженіемъ, какого онъ заслуживалъ». Когда же Пироговъ, сдѣлавшись воспитателемъ, публично заявилъ, что въ дѣлѣ воспитанія безъ розогъ обойтись невозможно, журналъ вооружился противъ него со всею энергіею. Такъ объясняетъ дѣло «Современникъ». Но это не такъ. Вся суть именно въ томъ, что «Современникъ» не имѣлъ права приписывать Пирогову такихъ мыслей и заявленій, какихъ онъ не высказывалъ. Въ томъ же литературномъ документѣ, который подлежалъ разбору Добролюбова, на 115 стр. прямо и категорически сказано: «Розгу изъ нашего русскаго воспитанія нужно было бы изгнать совершенно», и этой фразы достаточно, чтобы не заподозрѣвать такого человѣка, какъ Пироговъ, послѣ всего, что имъ было написано и сдѣлано, ни въ какихъ ретроградныхъ тенденціяхъ въ области воспитанія. Какой же смыслъ имѣеть рѣзкость Добролюбова? Можно быть рѣзкимъ при изобличеніи чужихъ ошибокъ. Можно и должно быть рѣзкимъ въ борьбѣ съ низменными теоріями, когда каждое, ярко протестующее слово является воплощеніемъ противоположной силы, жаждущей простора и жизни. Нечего стѣсняться словами, когда рисуешь зло, вставшее на пути общественнаго развитія громаднымъ препятствіемъ. Въ рѣзкости, если она обусловлена принципиальными соображеніями, вдохновеніе страстнаго чувства и смѣлаго убѣжденія выкупаютъ нѣкоторыя невольныя, второстепенныя преувелченія, относящіяся къ отдѣльнымъ частностямъ. Слово человѣческое, дѣйствительно, свободно, но свобода слова нужна только для правды, а не для лжи. Добролюбовъ извратилъ истинное положеніе вещей въ дѣлѣ Пирогова, и вотъ почему вся смѣлость его выраженій, бросаемыхъ въ лицо этому замѣчательному человѣку, производитъ впечатлѣніе необузданнаго литературнаго произвола. Правда была на сторонѣ Пирогова. Впрочемъ, самъ «Современникъ» признается, что рѣзкій тонъ его статей не всегда имѣетъ принципиальный характеръ. Рѣзкостью часто обуславливается вниманіе къ статьѣ, то или другое ея дѣйствіе, говоритъ журналъ ¹⁾. Но *такая* рѣзкость болѣе смахиваетъ на военный расчетъ, чѣмъ на рѣзкость древнихъ пророковъ и ораторовъ, съ которыми публицисты «Современника» имѣли очень мало общаго и о которыхъ довольно некстати заговорилъ журналъ по этому поводу. Не менѣе слаба самозащита Добролюбова противъ Судовщикова, Драгоманова и Пирогова ²⁾. Онъ сознается, что кое-что преувеличилъ въ своей статьѣ, что не уразумѣлъ тѣхъ условій, среди которыхъ приходилось дѣйствовать Пирогову, но онъ все-таки оставляетъ за собою послѣднее слово обвиненія. Пироговъ слишкомъ мало значенія придаетъ законодательнымъ актамъ и слишкомъ много надѣется на свободное, нрав-

¹⁾ «Современникъ», 1861 г., № 6. Внутр. обзор., стр. 372.

²⁾ См. «Современникъ», 1861 г., № 8. «Отъ дождя да въ воду», стр. 263—292.

ственное воздѣйствіе отдѣльныхъ людей на общество. Нужны обезпеченія для гуманнѣхъ стремленій начальствующихъ лицъ. Нужно, чтобы общество въ своемъ прогрессивномъ движеніи опиралось на либеральную силу положительнаго закона. Вотъ въ чемъ аттическая соль отвѣтной статьи Добролюбова. Безъ либерально написанной бумаги, оформленной точными официальными выраженіями, общество ни при какихъ условіяхъ и вліяніяхъ преуспѣвать не можетъ ни въ какомъ отношеніи. Если вы вышли къ людямъ, не дожидаясь велѣній закона, со словами любви и просвѣщенія, вы поступили ошибочно, не по прогрессивному шаблону: вы забыли о важности писанныхъ хартій, вы повадѣлись на нравственную силу, которая безъ казенной санкціи слаба и ничтожна. Если вы, не взирая на фактическое положеніе вещей, не имѣя возможности личной волей разбить то, что считаете вреднымъ для жизни, захотите обратиться къ воспитанію общественнаго мнѣнія, т. е. другимъ путемъ подойти къ той же цѣли, вы все-таки заслуживаете порицанія — за несоблюденіе устава государственнаго либерализма. Законодательные органы бездѣйствуютъ, чиновные радѣтели отечественнаго прогресса, закрѣпляющіе своими подписями проекты либеральныхъ преобразованій, обойдены въ своихъ законныхъ прерогативахъ и опережены вольнодумцами съ метафизическимъ и нравственнымъ міровоззрѣніемъ, не укладывающимся въ рамки современнаго законодательства! Либеральный журналистъ упустилъ изъ виду, что передовыя стремленія исторіи всегда пробиваются въ жизнь именно благодаря такимъ людямъ, какъ Пироговъ, съ ихъ непримиримымъ нравственнымъ чувствомъ, съ ихъ внутренней гуманной энергіей, съ ихъ готовностью неустанно расчищать своей свѣтлой мыслью, своимъ свободнымъ убѣждающимъ словомъ пути для жизненнаго прогресса.

IV.

Коротенькія библиографическія замѣтки Добролюбова являются настоящими образцовыми произведеніями этого рода — по тонкости юмора, по сжатости характернаго изложенія. Такія именно замѣтки имѣютъ огромное значеніе въ журналѣ, желающемъ главенствовать надъ различными литературными и общественными теченіями. Постоянно выражая летучія настроенія редакціи по различнымъ вопросамъ жизни, въ сгущенной формѣ передавая общую тенденцію журнала, то бойко задирая однихъ, то смѣло и громко вознося другихъ, онѣ составляютъ неизбѣжный элементъ въ періодической печати, не отстающей отъ важнѣйшихъ событій текущаго времени. Прежде, чѣмъ будутъ выдвинуты главныя батареи, прежде, чѣмъ журнальное поле огласится шумомъ настоящей полемической борьбы, легкая, случайная перестрѣлка съ врагами должна держать всѣ воюющія силы на-готовѣ, въ напряженномъ ожиданіи первыхъ роковыхъ схватокъ. Эти быстрыя, неожиданныя побѣды, одерживаемыя почти безъ всякаго труда то надъ однимъ, то надъ другимъ соперникомъ, эти

удалая жертвоприношенія авторитетными именами и широкими литературными репутациями во славу определенной тенденціи, когда двумя, тремя ударами рѣшается участь цѣлой человѣческой карьеры, производятъ на публику головокружительное впечатлѣніе. За длинными статьями, съ тяжелымъ аппаратомъ ученыхъ доказательствъ, съ утомительными цитатами изъ малораспространенныхъ книгъ, съ подробнымъ изложеніемъ разныхъ философскихъ и научныхъ теорій, умѣетъ слѣдить не всякій. Тутъ приходится сосредоточивать вниманіе на отвлеченныхъ предметахъ. Тутъ приходится соединять между собою различные доводы автора, осмысливать ихъ собственнымъ пониманіемъ, продѣлывая при этомъ весь сложный логическій процессъ, изъ котораго вышли его главныя положенія. Тутъ нужна серьезная умственная подготовка, которая одна только даетъ возможность критически относиться къ чужимъ словамъ и мнѣніямъ. Иное дѣло — бездоказательная, но бойкая журнальная рецензія: въ нѣсколькихъ строкахъ она можетъ осмѣять, опозорить, вырвавъ изъ цѣлаго произведенія два-три комическихъ эпизода, ехидно придравшись къ неудачному обороту рѣчи, отмѣтивъ одну скандальную оплошность въ разсужденіяхъ писателя. Не обязанная снабжать свои приговоры никакими длинными поясненіями, она внезапно ударяетъ въ большое мѣсто автора, не справляясь ни съ чѣмъ, не задаваясь ни историческими, ни чисто критическими задачами...

Отдѣлъ бібліографическихъ замѣтокъ — одинъ изъ самыхъ лучшихъ отдѣловъ въ «Современникѣ», и Добролюбовъ не мало содѣйствовалъ тому, чтобъ придать этой части журнала блескъ настоящаго литературнаго таланта, какую-то своеобразную красоту мимолетныхъ характеристикъ и оцѣнокъ, написанныхъ сдержаннымъ стилемъ, съ тѣмъ безобиднымъ по формѣ, но ѣдкимъ по содержанію юморомъ, который очень часто вѣрнѣе попадаетъ въ цѣль, чѣмъ рѣзко выраженное мнѣніе, обставленное многочисленными доказательствами. Въ этихъ замѣткахъ чувствуется скрытая сила критическаго пониманія, умѣющаго сосредоточиваться на определенномъ предметѣ, не распыляясь въ побочныхъ, второстепенныхъ разсужденіяхъ. Склонный къ сатирѣ, владѣя даромъ комической перемѣшки, Добролюбовъ тонко подмѣчаетъ важнѣйшіе недостатки разбираемыхъ авторовъ, зло и безошибочно комментируетъ ихъ литературныя стремленія, беспощадно раскрываетъ всю пошловатость ихъ теоретическихъ и практическихъ убѣжденій. Предъ вами мастеръ слова, который не скажетъ ничего лишняго, но всякой своей мысли придастъ надлежащій оттѣнокъ, именно ту форму, въ которой всего проще и понятнѣе обрисуется его критерій, его литературныя симпатіи, его философскія и гражданскія вѣрованія. Не будучи поэтомъ по душевному складу, не владѣя рѣшительно никакими художественными красками, тихій и скромный по натурѣ, Добролюбовъ не былъ созданъ для широкой агитаціи на литературной почвѣ и всеми качествами своего человѣческаго и писательскаго темперамента какъ нельзя болѣе подходилъ для роли журнальнаго ре-

цензента, разбирающагося въ повседневныхъ явленіяхъ, въ отдѣльныхъ конкретныхъ фактахъ духовной жизни, не обнимающаго взоромъ цѣлыхъ литературныхъ періодовъ съ сложнымъ умственнымъ содержаніемъ, съ многоразличными видоизмѣненіями въ творческой дѣятельности общества. Его маленькія статейки всегда закончены по содержанію и выдержаны по темѣ. Проникнутыя одной мыслью, онѣ никогда не уклоняются въ сторону, но вѣрнымъ и быстрымъ шагомъ направляются къ твердо намѣченной цѣли. Не изрѣзанныя противорѣчіями и не проникая глубже журнальнаго устава, онѣ, подобно мѣткимъ пистолетнымъ выстрѣламъ, постоянно попадаютъ въ предметъ, стоящій передъ глазами со всею яркостью своихъ конкретныхъ очертаній. Къ этимъ краткимъ бібліографическимъ рецензіямъ нельзя придаться рѣшительно ни съ какой стороны: въ нихъ все разбѣрено, стиль щеголяетъ изящною простотою, каждая фраза связана съ другою неразрывнымъ логическимъ смысломъ, каждое слово, какъ стрѣла въ колчанѣ, драгоценное средство борьбы и успѣха. Эти бібліографическія статейки Добролюбова лучше такихъ же статейекъ Бѣлинскаго: въ нихъ больше сжатости, густоты и силы въ оцѣнкѣ, больше увѣренныхъ возраженій, бьющихъ въ цѣль своими убійственными насмѣшками, обезоруживающихъ своимъ холоднымъ, ровнымъ тономъ, своимъ невозмутимо спокойнымъ подборомъ неопровержимыхъ доказательствъ. Идеиная натура, съ широкими стремленіями, съ неистощимымъ запасомъ вдохновенія, съ самыми разнообразными публицистическими и философскими интересами, Бѣлинскій превосходитъ именно тамъ, гдѣ слабъ Добролюбовъ: въ пространныхъ литературныхъ разсужденіяхъ, въ изслѣдованіи цѣлыхъ областей духовнаго творчества съ ихъ многочисленными видоизмѣненіями въ различныя историческія эпохи. Бѣлинскій писалъ свои маленькія бібліографическія замѣтки слишкомъ пылкимъ слогомъ, съ тѣмъ напряженіемъ критическаго таланта, котораго было бы достаточно для цѣлыхъ статей на отвѣтственныя литературныя темы. Размашистый по натурѣ, онъ не умѣлъ концентрировать своихъ настроеній, и его коротенькія рецензіи представляются какими-то безформенными осколками большихъ по содержанію произведеній: въ нихъ тотъ же талантъ, тотъ же лихорадочный темпъ борьбы, та же патетическая манера обрушиваться на человѣка со всею страстью, со всѣмъ увлеченіемъ или ненавистью. Замѣтки Добролюбова — законченное цѣлое. Въ каждой изъ нихъ столько именно силы, сколько нужно для дѣла. Въ каждой изъ нихъ предметъ разрабатывается безъ всякаго аффекта — твердо, увѣренно, съ лукавой усмѣшкой, которая свѣтится изъ всѣхъ фразъ, съ тѣмъ логическимъ вооруженіемъ, которое требуется здравымъ смысломъ.

Извѣстно, что уже одна изъ первыхъ критическихъ замѣтокъ Добролюбова обратила на себя вниманіе всей читающей публики. Это — замѣтка по поводу описанія главнаго педагогическаго института и акта 9-го выпуска его студентовъ ¹⁾. Вы не найдете здѣсь ни единого рѣзкаго

¹⁾ Сочин., т. I, стр. 179—183.

слова, ни одной крикливой публицистической ноты. Написанная ровнымъ языкомъ, почти безразличнымъ, мало говорящимъ въ отдѣльности словами, она въ общемъ производитъ именно то впечатлѣніе, котораго добивался авторъ. Жизнь студентовъ въ педагогическомъ институтѣ подъ перомъ Добролюбова встаетъ въ такомъ комическомъ освѣщеніи, съ такими забавными деталями, во всей рельефности удручительнаго казеннаго режима. Авторъ слѣдуетъ за обнародованнымъ описаніемъ, ничего къ нему не прибавляя, а между тѣмъ на немногихъ страницахъ этой провсходной статьи бытъ педагогическаго института подвергся настоящей критикѣ и осужденію. Два-три слова о директорѣ института П. И. Давыдовѣ, съ которымъ Добролюбовъ былъ, при выходѣ изъ института, въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ, скрываютъ въ себѣ ядъ тонкаго юмора, доступнаго немногимъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Чернышевскій, пустивъ въ печать первыя замѣтки Добролюбова, отнесся съ большимъ довѣріемъ къ его будущимъ литературнымъ работамъ: въ первыхъ проблескахъ иногда чувствуется совершенно сложившаяся душевная организація, которая неспособна на подвиги, но которая никогда не измѣнитъ себѣ, никогда не падетъ ниже своихъ природныхъ дарованій, приуроченныхъ къ постоянной работѣ на совершенно опредѣленномъ и рѣзко очерченномъ общественномъ поприщѣ. Другія публицистическія замѣтки, напечатанныя Добролюбовымъ въ «Современникѣ», отличаются тѣми-же достоинствами: краткость, густота содержанія, насмѣшка, которая змѣится между строками, простота аргументаціи, вызывающей къ житейскому разуму. Рядомъ съ прочими статьями въ журналѣ, который отличался большою выдержанностью направленія и тона, эти замѣтки не могли не служить общему литературному дѣлу. О нихъ говорили, онѣ вызывали журнальный шумъ, онѣ производили сенсацію въ публикѣ и, создавая успѣхъ «Современнику», оказывали несомнѣнное давленіе на различныя стороны общественной жизни. Таковы замѣтки: «Новый кодексъ русской практической мудрости», «Объ основныхъ законахъ воспитанія, Миллера-Красовскаго», «Описаніе болѣзни г-жи Артамоновой», «О русскомъ государственномъ цвѣтѣ, А. Языкова», «О русскомъ духовенствѣ» и друг. Каждая изъ этихъ замѣтокъ проникнута совершенно опредѣленной мыслью, часто невыраженной съ полной откровенностью, но всегда понятною по всей постройкѣ рецензій. Но иногда Добролюбовъ, увлеченный публицистической темою, оставляетъ общій ровный тонъ своихъ писаній, и тогда рѣчь его становится нѣсколько приподнятою, даже ходульною. Патетическіе обороты прямо не давались ему, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Вѣлискій побѣждалъ бы силою вдохновеннаго краснорѣчія, Добролюбовъ не умѣлъ извлекать изъ своей души ни одного искренняго крика, ни одной потрясающей тирады. Отсутствіе глубокаго психологическаго содержанія, внутреннихъ порывовъ и движеній даетъ себя чувствовать въ статьяхъ Добролюбова постоянно и повсюду. Его публицистика ясна, убѣдительна, общедоступна, но ни въ какомъ отношеніи не увлекательна. Его призывы, обращенные къ чело-

вѣческой совѣсти, звучать слишкомъ холодно, и какъ-бы перебиваются резонерскими отступленіями, врѣзывающимися извиѣ. Его немногочисленные лирическія изліянія, лишеныя поэтической непосредственности, не имѣютъ никакой литературной цѣны. Возьмемъ для доказательства одинъ примѣръ. Въ библиографической статьѣ, напечатанной почти рядомъ съ превосходной замѣткой о Миллерѣ-Крассовскомъ, въ одной и той-же книжкѣ журнала, и трактующей о новомъ кодексѣ русской практической мудрости, предложенномъ Ефимомъ Дымманомъ, Добролюбовъ, послѣ многихъ, превосходно подобранныхъ цитатъ, вдругъ раздражается длиннымъ обращеніемъ къ читателю. «Да, читатель, восклицаетъ онъ, кто-бы вы ни были, ежели только вы живете и дѣйствуете среди современнаго русскаго общества, то я смѣло говорю, что вы не можете стоять слишкомъ высоко надъ наукою жизни г. Дыммана. Скажите, что васъ возмущаетъ въ ней? То, что человѣкъ, повидимому, понимающій и уважающій правду и добро, сознательно приноситъ ихъ въ жертву житейскимъ выгодамъ? Да кто же изъ насъ этого не дѣлаетъ? Кто же изъ насъ беззавѣтно и всецѣло отдается своимъ чистымъ стремленіямъ, не оглядываясь назадъ, не увлекаясь соблазнами міра, не боясь ни гоненій, ни пытки, ни смерти? Гдѣ этотъ рыцарь безъ страха и упрека, гдѣ этотъ человѣкъ не отъ міра сего?»¹⁾ И вслѣдъ за этими фразами, прозвучавшая которыхъ не скрашивается упоминаніемъ о пыткѣ и смерти, еще цѣлыхъ четыре страницы чистѣйшей прозы, которая, однако, по замыслу автора, должна была будить заснувшее общество, какъ тревожные удары набата. Бѣлинскій блисталъ-бы здѣсь краснорѣчіемъ, увлекатель-бы поэтическими образами, разжигатель-бы своею страстью. Бѣлинскій былъ-бы здѣсь на высотѣ своего призванія. Добролюбовъ, не обладавъ пафосомъ пророческой природы, влачитъ здѣсь по землѣ, безсильно, въ блѣдныхъ выраженіяхъ уговаривая читателя, не вдохновляясь и никого не вдохновляя. На широкомъ пути восторженной духовной агитаціи Добролюбовъ не долженъ былъ чувствовать въ себѣ настоящихъ силъ для борьбы, соответствующаго литературнаго дара. Таковъ его талантъ: ясный, ровный, не идущій вглубь предмета, не парящій высоко надъ жизненными фактами. Таковъ его человѣческій темпераментъ: Добролюбовъ не горячится, не кипитъ страстями, не стремится ни къ чему неопредѣленному, не увлекается и не увлекаетъ мечтою...

Чтобы закончить эту первую группу статей Добролюбова, написанныхъ въ публицистическомъ стилѣ и по вопросамъ общественной жизни, намъ остается еще отмѣтить нѣсколько чисто-политическихъ его разсужденій. Петербургскій журналистъ, не прошедшій никакой серьезной гражданской школы, съ значительнымъ литературнымъ дарованіемъ, но безъ широкой юридической подготовки для сужденія о сложныхъ вопросахъ права, Добролюбовъ тѣмъ не менѣе съ большою смѣлостью давалъ характеристики различнымъ общественнымъ дѣятелямъ Европы, ехидно уязвляя

¹⁾ Сочиненія, т. II, стр. 518.

ихъ за недостатокъ настоящаго радикализма, разбирая ихъ публичную дѣятельность съ точки зрѣнія гражданскихъ понятій и идеаловъ, установившихся въ редакціи «Современника». Эпоха, въ которую жилъ Добролюбовъ, была полна оптимистическихъ надеждъ и очарованій. Казалось, что заря крестьянскаго освобожденія принесетъ съ собою полное разрѣшеніе всѣхъ историческихъ задачъ, казалось, что русская жизнь вдругъ поравнялась въ социальномъ строѣ и бытѣ съ жизнью западно-европейской. Общество, живя съ напряженными нервами, ожидало везапныхъ и рѣшительныхъ перемѣнъ во всѣхъ сферахъ государственной культуры. Никто не видѣлъ себя въ настоящемъ свѣтѣ. Старый порядокъ вещей, съ язвой крѣпостничества, съ грубымъ произволомъ на всѣхъ ступеняхъ административной лѣстницы, съ его темною неправдою въ канцеляріяхъ судовъ, еще жилъ всѣми своими устоями, а пылкіе фантазеры уже видѣли себя на вершинѣ гражданского благополучія. Лишенная опыта, неподготовленная всѣмъ своимъ прошлымъ къ серьезнымъ политическимъ сужденіямъ и дебатамъ, русская журналистика того времени, сильная своимъ простыми, здравыми требованіями, третировала вопросы европейской политики съ тою-же свободой, съ какою она разбиралась въ вопросахъ внутренней русской жизни. Нельзя сказать, чтобы политическія статьи, которыя печатались въ «Современникѣ», производили впечатлѣніе болѣе или менѣе основательныхъ и мѣткихъ изображеній западно-европейскихъ событій. Предназначенныя служить косвеннымъ средствомъ для проведенія въ русскую жизнь извѣстныхъ гражданскихъ началъ, онѣ отличаются скорѣе рѣзкостью и рѣшительностью своихъ сужденій, безапелляціонностью своихъ историческихъ доводовъ, чѣмъ ясностью и цѣльностью собственной программы. Осуждая со всею полемическою яркостью то или другое выдающееся явленіе въ западно-европейской исторіи, писатели «Современника» имѣли при этомъ въ виду преимущественно русскую публику. Яркіе контрасты съ русской жизнью, представленные въ смѣломъ критическомъ освѣщеніи, должны были возбудить въ русскомъ обществѣ самыя рѣшительныя требованія, такъ сказать, поднять волю русскаго человѣка, создать изъ него непримиримаго борца за самыя высшія права. Не заботясь о полнотѣ исторической картины, либеральные публицисты «Современника» гнули всѣ факты именно въ эту сторону. Мѣстная тенденція, съ явнымъ расчетомъ воздѣйствовать на опредѣленный кругъ людей, слишкомъ ярко выступаетъ въ этихъ политическихъ разсужденіяхъ людей съ талантомъ, но безъ исторической культуры, безъ соответствующихъ орудій для защиты своихъ идеаловъ. По истеченіи долгаго времени читаешь эти статьи съ удивленіемъ: какъ далеко проступались конкретныя надежды молодыхъ дѣятелей, какъ мало глубины въ пониманіи тѣхъ судебъ, которыя должно будетъ пережить русское общество, какіе самоувѣренные приговоры надъ людьми, которые не только мечтали о свободѣ, но и сражались подъ знаменами свободы! Мы не осуждаемъ этихъ статей, мы видимъ въ нихъ молодой порывъ вдохновенія и таланта. Мы не скажемъ, какъ это ска-

зано однимъ извѣстнымъ русскимъ писателемъ, что, осуждая Кавура, Добролюбовъ дѣлалъ политическую безтактность по отношенію къ гражданскимъ интересамъ Россіи. Напротивъ того, мы думаемъ, что при всей своей исторической несостоятельности, при всей своей произвольности и юношеской наивности, политическія разсужденія Добролюбова имѣютъ извѣстную литературную цѣнность, хотя въ политическомъ отношеніи должны быть признаны лишь совершенно невинными проявленіями нѣкотораго гражданского оптимизма. Не имѣя чисто-историческаго значенія и не передавая событій европейской жизни въ соотвѣствующихъ краскахъ, онѣ лучше многихъ другихъ статей отражаютъ въ себѣ состояніе умовъ въ русскомъ обществѣ и, написанныя живымъ и увлекательнымъ языкомъ, хорошо рисуютъ прямую и честную натуру Добролюбова.

Посмотрите, съ какою увѣренностью написана статейка Добролюбова «По поводу одной очень обыкновенной исторіи». Можно подумать, что авторъ ея французъ, прекрасно изучившій отношенія партій въ странѣ, знающій въ лицо всѣ дѣйствующія силы общества. Изъ Петербурга Добролюбовъ оказываетъ радикальную оппозицію нѣкоторымъ политическимъ дѣятелямъ Франціи и, разобравши съ необычайною простотою цѣлый рядъ вопросовъ, возникшихъ въ Парижѣ по одному очень громкому судебному процессу, посылаетъ свои упреки прогрессивной французской партіи за то, что она не счумѣла своевременно обезпечить себя надлежащими гарантіями въ борьбѣ съ реакціонною силою. Замятка Добролюбова напечатана рядомъ съ письмомъ изъ Парижа М. Михайлова, значительная часть котораго посвящена тому-же предмету и, вмѣстѣ взятая, эти двѣ статейки производятъ довольно странное впечатлѣніе. Михайловъ рассказываетъ о судебномъ преслѣдованіи, возбужденномъ противъ графа Монталамбера по поводу статьи его «Un débat sur l'Inde au Parlement Anglais», напечатанной въ одной изъ книжекъ католическаго обозрѣнія «Le Correspondant». На Монталамбера взведено было обвиненіе въ томъ, что онъ возбуждаетъ ненависть и презрѣніе къ императорскому правительству, неуваженіе къ законамъ, что онъ желаетъ нарушить общественный порядокъ, твердо установленный всеобщей подачей голосовъ. При тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась тогда Франція, такого рода обвиненіе было равносильно строгому юридическому осужденію, и никто, по вѣрному замѣчанію Михайлова, не ожидалъ въ то время, чтобы судебное дѣло Монталамбера могло окончиться благополучно. Судя по выпискамъ, которыя приводитъ парижскій корреспондентъ «Современника», статья, возбудившая неудовольствіе французскаго правительства, представляетъ собою въ высшей степени талантливый памфлетъ, направленный противъ французскихъ государственныхъ порядковъ.

Авторъ восторгается учрежденіями англійской конституціи и въ выраженіяхъ, дышащихъ увлеченіемъ, передаетъ настроеніе, вызванное въ немъ послѣдними наблюденіями надъ жизнью англійскаго общества. Онъ чувствуетъ себя обезоруженнымъ атлетомъ, который, присутствуя зрителемъ

у арены, рукоплещеть подвигамъ своихъ болѣе счастливыхъ соперниковъ, подаетъ имъ голосъ сочувствія, теряющійся, но не замирающій окончательно среди криковъ взволнованной толпы. Задыхаясь въ атмосферѣ, наполненной «міазмами рабства и нравственной порчи», Монталамберъ бросился въ Англію, чтобы тамъ дохнуть чистымъ воздухомъ гражданской свободы. Случай благоприятствовалъ ему, и онъ попалъ въ Лондонъ въ самый разгаръ одной изъ тѣхъ парламентскихъ битвъ, въ которыхъ на гласное разрѣшеніе народа предлагаются великія задачи, въ которыхъ ораторы и писатели, представители власти и органы общественнаго мнѣнія, обсуживаютъ дѣла страны съ полною свободою во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Въ этой громадной и неограниченной гласности, замѣчаетъ Монталамберъ, заключается главная сила британскаго общества. Англійская печать не знаетъ никакихъ стѣсненій. Нѣтъ ни одного генерала, ни одного дипломата, ни одного государственнаго человѣка, который имѣлъ-бы какія-нибудь преимущества передъ открытымъ судомъ печатнаго слова. Печать можетъ ошибаться, можетъ иногда, ради партійныхъ цѣлей, прибѣгать къ манифестаціямъ, но она должна быть все-таки свободна. Подъ впечатлѣніемъ минуты, въ порывѣ досады, юмора или тщеславія, англичанинъ, кто-бы онъ ни былъ, имѣеть право говорить во всеуслышаніе все, что онъ думаетъ, и печатать то, что ему придется въ голову. Если это торжественный голосъ справедливости, онъ скоро будетъ признанъ всѣми и, повторенный въ тысячахъ отголосковъ неограниченной публичности, онъ въ короткое время разнесется по всей странѣ. Если это голосъ, несправедливой вражды и пристрастія, общество, обладающее тонкимъ чутьемъ къ истиннымъ причинамъ нѣкоторыхъ явленій, не замедлитъ обнаружить свою антипатію къ извѣстнымъ дѣламъ и лицамъ... Разказавъ о преніяхъ, происходившихъ въ англійскомъ парламентѣ, Монталамберъ открываетъ свою душу въ слѣдующихъ меланхолическихъ словахъ: «Я вышелъ изъ этого великаго зрѣлища, пишетъ онъ, тронутый и удовлетворенный, какъ былъ-бы тронуть и удовлетворенъ всякій, видя въ правительствѣ нѣчто иное, чѣмъ переднюю, и въ цивилизованномъ народѣ нѣчто иное, чѣмъ безгласное стадо, которое можно стричь и пасти подъ молчаливою тѣнью расслабляющей безопасности». Больше чѣмъ когда-либо онъ почувствовалъ уваженіе къ свободнымъ убѣжденіямъ и надеждамъ людей, которые въ былыя времена умѣли бороться за счастье Франціи. Больше чѣмъ когда-либо онъ почувствовалъ влеченіе къ этимъ героямъ минувшей исторіи. Въ дали изгнанія, на доскахъ эшафота, они не теряли своихъ надеждъ, не переставали вѣрить, что нѣкогда страна ихъ, какъ Англія, будетъ царствомъ права, свѣта и свободы. «Благородное вѣрованіе, достойное самыхъ горькихъ жертвъ, восклицаетъ Монталамберъ. Пусть измѣнило ему счастье, пусть отшатнулась отъ него толпа, пусть оскорбляютъ его низкія души — тѣмъ не менѣе власть его непоколебима надъ гордыми сердцами и твердыми умами»¹⁾.

¹⁾ «Современникъ», 1858 г., № 12. «Парижскія письма», стр. 621—627.

Добролюбовъ недоволенъ Монталамберомъ. Люди, которые «во-время» не сумѣли составить «сильную оппозицію», не заслуживаютъ его сочувствія. Они сами виноваты въ томъ, что ихъ забываетъ современная Франція, императорская Франція: въ ихъ власти было сплотиться въ крѣпкій союзъ, и тогда «Франція могла бы принадлежать имъ столько же, какъ и всякой другой партіи». Дѣятели, подобные Монталамберу, съ ихъ «жиденькими убѣжденіями, въ которыхъ аристократизмъ и католичество перемѣшаны съ нѣсколькими либеральными фразами», возбуждаютъ въ немъ «невольное чувство сожалѣнія». Для него ясно, что они ни до чего не могутъ дойти «по той тропинкѣ, по которой пробираются». «Г. Монталамберъ и ему подобные» не понимаютъ *всего* теперешняго хода дѣлъ во Франціи. «Аристократическія галантерейности» мѣшаютъ имъ взглянуть на вещи съ настоящей радикальной точки зрѣнія. Добролюбовъ недоволенъ рѣчами блестящихъ французскихъ адвокатовъ, защищавшихъ знаменитаго академика. На ихъ мѣстѣ онъ *поговорилъ бы* съ генеральнымъ прокуроромъ, обвинявшимъ Монталамбера, съ такимъ радикализмомъ, котораго не сокрушили бы никакія лояльныя хитрости. Адвокатъ Беррье поднимался выше облаковъ, осуждая людей, пресмыкающихся у подножія французской власти, вымаливающихъ позволеніе дѣлать подлости. Самъ Монталамберъ въ пышныхъ фразахъ говоритъ о свободѣ англійской печати. Добролюбовъ отбросилъ бы всякія ходули и, презрѣвъ «аристократическія галантерейности», такъ возразилъ бы своему противнику: «Безспорно, сказалъ бы онъ, вы заслуживаете уваженія, какъ представитель народа, но я знаю навѣрное, что къ этому представительству нисколько не относится ваша лысина, ваше гнусливое произношеніе, ваша хромота или близорукость, картежная игра или объяденіе» ¹⁾. Онъ, какъ на ладони, обнаружилъ бы всю незаконность дѣйствій прокуратуры въ дѣлѣ Монталамбера безъ единого риторическаго слова: Господи, Боже мой, какія здѣсь возможны затрудненія!.. Конечно, такая рѣчь была бы гораздо проще защиты Беррье, и возможно, что французскіе либералы заслуживаютъ обличительной сатиры Добролюбова, но позволительно задаться вопросомъ, знала ли редакція «Современника», пренебрежительно осуждавшая «жиденькія убѣжденія» закаленныхъ борцовъ европейскаго прогресса, тѣ настоящіе, широкіе пути, которые можно было-бы предпочесть «узенькой тропинкѣ» Монталамбера?

Еще характернѣе отношеніе Добролюбова къ извѣстному итальянскому патріоту Кавуру. Добролюбовъ, повидимому, раздражался всѣмъ, что относилось къ этому человѣку. Раньше, чѣмъ написать о немъ нѣчто цѣльное и законченное въ своемъ родѣ, онъ злобно преслѣдуетъ его въ статьѣ своей «Непостижимая странность», разсуждающей о различныхъ сторонахъ неаполитанской жизни, и въ письмѣ изъ Турина, напечатан-

¹⁾ «Современникъ», 1858 г., № 12. «По поводу одной очень обыкновенной исторіи», стр. 647.

номъ въ мартовской книгѣ «Современника» за 1861 г. Критикуя его на различные лады, то издѣваясь надъ нимъ, то упрекая его въ политическомъ шарлатанствѣ, Добролюбовъ не можетъ даже говорить о его наружности иначе, какъ съ выраженіемъ самаго строгаго недовѣрія, съ видомъ человѣка, котораго не проведешь и не обманешь никакими политическими вывертами. Кто-то замѣтилъ, что Кавуръ имѣеть обыкновеніе безпрестанно потирать себѣ руки. Добролюбовъ несогласенъ: Кавуръ держитъ руки въ карманахъ, заявляетъ онъ, но у него фигура такая, что каждому, «кто только взглянетъ на него, сейчасъ же и представляется потираніе рукъ въ знакъ удовольствія» ¹⁾. Изображая Кавура въ парламентѣ, Добролюбовъ щедро разливаетъ комическія краски по всему своему описанію. Кавуръ представляется ему гостепріимнымъ знатнымъ баринномъ, назвавшимъ къ себѣ въ деревню мелкопомѣстныхъ гостей. Рукоплесканія награждаютъ каждое слово Кавура, хотя непонятно почему: «Кавуръ говорятъ, какъ школьникъ, плохо знающій урокъ» — плохо, очень плохо и, по увѣренію какихъ-то итальянцевъ, даже не совсѣмъ чисто по итальянски! Желая окончательно добить ненавистнаго вертопраха, Добролюбовъ ехидно замѣчаетъ, что слушаютъ его всегда очень внимательно и что «во время его рѣчи уши большинства депутатовъ дѣлаются замѣтно длиннѣе!» ²⁾.

Такъ писатель изъ Петербурга, попавъ въ среду европейскихъ политическихъ борцовъ, рисуеть человѣка большого ума и превосходнаго политическаго таланта. Ему представляется, что Кавуръ просто весельчакъ, обласканный фортуною, имѣющій противное обыкновеніе хохотать надъ соперниками и, садясь, обхватывать руками одну изъ собственныхъ (?) ногъ ³⁾. Занявшись подробно его политической карьерой, онъ весь преисполняется пропіи, пишетъ комическій этюдъ въ «Свѣткѣ» подъ названіемъ «Два графа», затѣмъ дѣлуетъ статью о жизни и смерти графа Камилло Бензо Кавура, въ тонѣ презрительной насмѣшки. Во всей дѣятельности этого человѣка онъ не находитъ ни едиаго свѣтлаго поступка, заслуживающаго полной похвалы, не ограниченной никакими водевильными шутками. Все написанное въ сочувственномъ по отношенію къ Кавуру тонѣ онъ называетъ «самымъ безсовѣстнымъ панегирикомъ». Его приверженность къ либеральнымъ идеямъ онъ объясняетъ тѣмъ, что Кавуръ былъ человѣкъ «неглухой и честолюбивый» и что онъ потерпѣлъ нѣкоторыя карьерныя неудачи. «Еще бы Кавуръ былъ реакціонеромъ, да его бы хотѣли возвести въ великіе люди, замѣчаетъ Добролюбовъ. Довольно, кажется, и Меттерниха на этотъ случай!» Присоединяясь къ мнѣнію людей, враждовавшихъ съ Кавуромъ, Добролюбовъ упрекаетъ его за политическую близорукость, утверждая при этомъ, что онъ «отлично

¹⁾ «Современникъ», 1861 г., № 3. «Письмо изъ Турина», стр. 200.

²⁾ Ibidem, стр. 207.

³⁾ Ibidem стр. 200 и 207.

видѣлъ у себя подъ носомъ, но вовсе не умѣлъ съ орлиной смѣлостью смотрѣть на солнце»...

Въ такомъ же тонѣ написана и замѣтка «Свистка» за подписью Кондратія Шелухина, напечатанная въ «Современникѣ» съ нѣкоторыми купюрами и затѣмъ восстановленная въ своемъ первоначальномъ видѣ въ отдѣльномъ изданіи полного собранія сочиненій Добролюбова.

Гораздо ближе къ исторической истинѣ стоялъ не подписавшійся авторъ небольшой статейки «Графъ Кавуръ», напечатанной въ 6-й книгѣ «Современника» 1861 г.—судя по стилю, по манерѣ вдаваться въ побочныя разсужденія, по изобилію бравурныхъ выраженій, Н. Г. Чернышевскій. Къ сожалѣнію, статейка эта заключаетъ въ себѣ одно коренное противорѣчіе, умаляющее достоинство общей постановки вопроса. Въ самомъ началѣ авторъ находитъ нужнымъ признать, что система, которой держался Кавуръ, служила «необходимымъ условіемъ національныхъ дѣлъ», но уже черезъ нѣсколько страницъ онъ заявляетъ, что если система, представителемъ которой былъ Кавуръ, не могла быть иною, то съ исторической точки зрѣнія нельзя все-таки не видѣть, что она была «не соответственна цѣли, къ которой шло итальянское дѣло, и потому замедляла его успѣхи на каждомъ шагѣ»¹⁾. Вотъ это противорѣчіе, обнаруживающее шаткость редакціоннаго мнѣнія о политической дѣятельности людей, подобныхъ Кавуру. Всѣ прочія разсужденія этой статейки, за вычетомъ никуда негодныхъ, болтливыхъ отступленій, отличаются правильностью. Дѣйствительно, Кавуръ принадлежалъ къ той партіи, которая является обыкновенно руководительницею народныхъ массъ на пути историческаго прогресса. Въ Италіи, какъ и повсюду, боролись два противоположныхъ направленія — консервативное и революціонное, но общество, то громадное большинство, которое не можетъ жить никакими крайностями, которое стремится къ спокойному благу путями умѣренности и постепенныхъ законодательныхъ улучшеній, должно было найти себѣ вожда въ чловѣкѣ съ темпераментомъ Кавура. Своимъ холоднымъ умомъ, который, по удачному выраженію одного современнаго итальянскаго историка, «не обольщаясь идеальной тайной революціи, хорошо видѣлъ всѣ ея дурныя стороны», Кавуръ признавалъ вѣрно одну только дорогу къ свободѣ—дорогу парламентской борьбы, умѣряемой правильно вотируемыми законами, руководимой стройно организованными партіями и систематически поддерживаемой страной во имя ея матеріальнаго и моральнаго благополучія. Въ характерѣ политической агитаціи Кавура встрѣчаются черты, напоминающія политическую дисциплину древности. Никто, кромѣ Наполеона I, не равнялся ему по таланту политической организаціи. Если для Мадзини политика есть борьба идей, то для Кавура она — война фактовъ. Если Мадзини—прежде всего реформаторъ, то Кавуръ—прежде всего государственный чловѣкъ, озабоченный мыслью о возвеличеніи своей страны.

¹⁾ «Современникъ» 1861 г. № 6, «Современное обозрѣніе», стр. 246—250.

Если Мадзини воплотилъ въ себѣ идеальную сторону итальянскаго характера, то Кавуръ является наиболѣе типичнымъ представителемъ практическаго смысла народа. Пламенный умъ Мадзини видитъ далеко, спокойный взглядъ Кавура тонко разбирается въ окружающемъ положеніи вещей. Не будучи по призванію ни философомъ, ни историкомъ, ни писателемъ, Кавуръ постоянно выжидаетъ, выбираетъ пути, пользуется обстоятельствами, терпѣливо добиваясь во всемъ и повсюду осуществленія разъ намѣченной цѣли ¹⁾. Такова истинная физиономія этого въ своемъ родѣ замѣчательнаго человѣка, и «Современникъ» былъ правъ не тогда, когда глумился надъ нимъ въ легковѣсныхъ историко-публицистическихъ статьяхъ Добролюбова, называя его обласканнымъ фортуною «весельчакомъ», а тогда, когда писалъ о немъ слѣдующія строки: «Считаться великимъ правителемъ, необходимымъ министромъ въ теченіе многихъ лѣтъ, въ періодъ, когда кипитъ національная жизнь, происходятъ перевороты, грозятъ великія опасности, пріобрѣтаются блистательные успѣхи, напряжены всѣ силы народа и дѣйствуютъ гениальные люди, добиться перваго мѣста въ такое время и пріобрѣсти такую репутацію, чтобы миллионы основывали всѣ свои надежды на твоёмъ умѣ, готовы были слѣдовать за тобою на все, готовы были жертвовать твоему превосходству многими дорогими своими убѣжденіями — разумѣется, такого положенія, такой репутаціи, въ такое время нельзя достигъ человѣку иначе, какъ при способностяхъ очень замѣчательныхъ... Кавуръ былъ человѣкъ очень замѣчательныхъ дарованій» ²⁾.

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ трехъ отдѣловъ, на которые мы раздѣлили статьи Добролюбова.

А. Волинскій.

¹⁾ Alfredo Oriani, «La lotta politica in Italia», 1892, Torino-Roma, стр. 535 — 542, «Il conte di Cavour».

²⁾ «Современникъ» 1861 г. № 6 «Графъ Кавуръ», стр. 245.